ОВИДИЙ

ЭЛЕГИИ
И
МАЛЫЕ
ПОЭМЫ

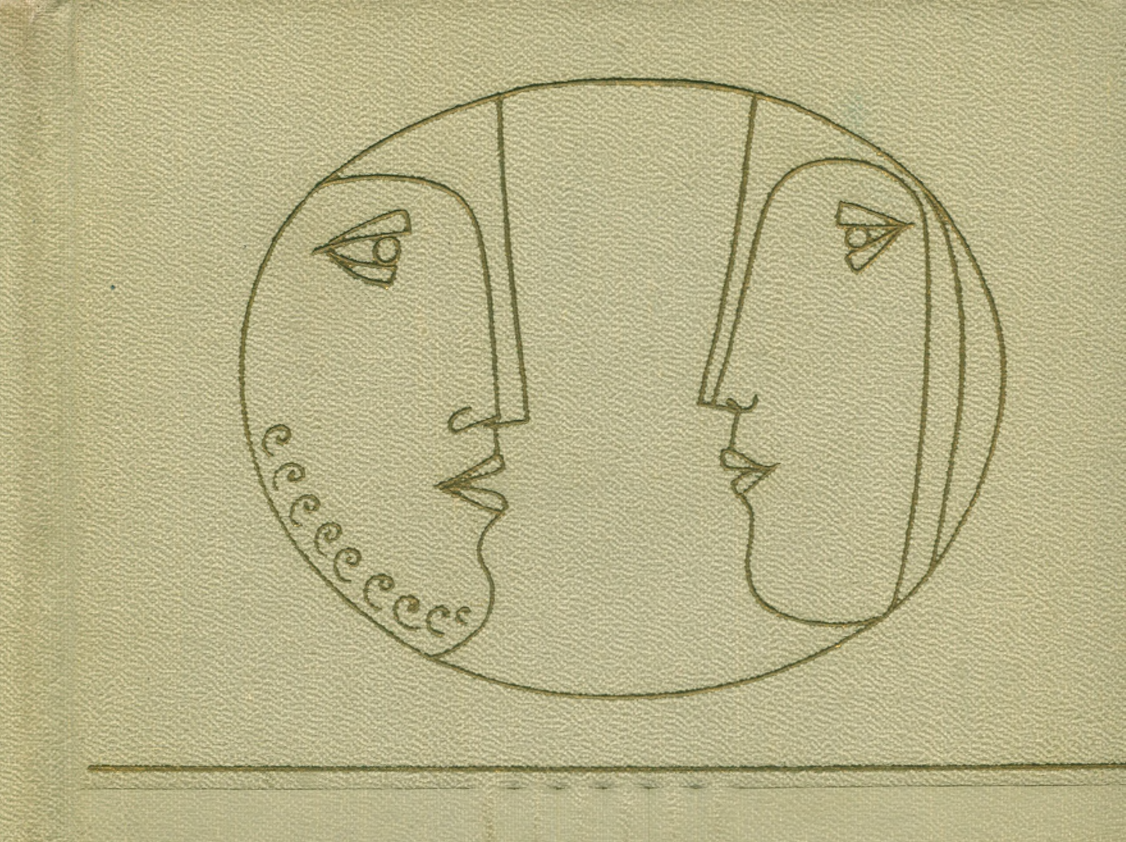
ОВИДИЙ · ЭЛЕГИИ И МАЛЫЕ ПОЭМЫ

«Имел он песен дивный дар и голос, шуму вод подобный»,— эти пушкинские строки невольно приходят на память русскому читателю, едва он слышит имя Овидия. Но знакомство с римским поэтом оставалось как бы заочным: этому препятствовало малое количество переводов, к тому же значительно устаревших. Эта книга призвана заполнить пробел: она должна показать все грани «дивного дара» Овидия. В ней читатель найдет стихи молодого поэта: «Любовные элегии», «Героиды» — страстные письма мифологических героинь покинувшим их возлюбленным — и озорные поучения «Науки любви» и «Лекарства от любви». Более крупные произведения представлены «Фастами» — поэтическим календарем римских праздненств. Наконец, в книге собраны лучшие из прославленных элегий, написанных стареющим поэтом в причерноморской ссылке.

ОВИДИЙ · ЭЛЕГИИ И МАЛЫЕ ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1973

БИБЛИОТЕКА
АНТИЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Р И М

ОВИДИЙ

ЭЛЕГИИ И МАЛЫЕ ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией
*С. Апта, М. Гаспарова, М. Грабарь-Пассек, С. Ошерова,
Ф. Петровского, А. Тахо-Годи и С. Шервинского*

Составление и предисловие
М. ГАСПАРОВА

Комментарии и редакция переводов
М. ГАСПАРОВА и С. ОШЕРОВА

Художник
Б. МАРКЕВИЧ

$О \frac{0744—176}{028 (01) — 73}$ 174-73

ТРИ ПОДСТУПА К ПОЭЗИИ ОВИДИЯ

Публий Овидий Назон — поэт очень легкий и очень трудный. Он легкий потому, что речь его изящна и ясна, фразы и стихи текут естественно и непринужденно, а предметы его просты и доступны. Есть поэты, читая которых читатель чувствует: «Как это великолепно, я никогда не смог бы так сказать»; таков Вергилий. И есть поэты, над которыми читателю кажется: «Как это просто, я и сам бы сказал только так, а не иначе»; таков Овидий. Но в этой легкости кроется и его трудность. Рассказ Овидия льется так прозрачно и естественно, что мы перестаем видеть поэта и видим только предмет его рассказа. Овидий писал о легкой любви и о занимательной мифологии; и три эпохи европейской культуры принимали или отвергали его в зависимости от того, считали ли они, что любовь должна быть легкой, а мифология занимательной, или нет. Каково было отношение и к любви и к мифологии у самого Овидия — это казалось очевидным, и об этом не задумывались.

Средневековье чтило Овидия как наставника: рыцари и клирики учились светской обходительности по «Науке любви», отрешались от земных соблазнов с помощью «Лекарства от любви», размышляли о гармонии мироздания над «Метаморфозами». Возрождение, барокко, классицизм любили Овидия как развлекателя: их он тешил неистощимым запасом галантных любовных историй на эффектном фоне блистательного века героев и богов. Романтизм и за ним весь XIX век осудили Овидия как «риторического поэта»: в его любовных стихах они не нашли непосредственности истинного чувства, в его мифах — глубины

эллинской веры, а без этого все творчество Овидия стало представляться лишь легкомысленным пустословием. Двадцатый век вновь реабилитировал многое в латинской литературе, он почувствовал, что в нашей современности больше точек сходства с римским миром, чем с эллинским, он по-новому увидел и полюбил и Вергилия, и Цицерона, и Тацита, но перед Овидием остановился. Его стали лучше понимать, но не стали больше любить: что-то в нем еще остается чужим для современного европейца.

Поэтому так неожиданно нелегко оказывается нащупать путь к пониманию поэзии Овидия — такой, казалось бы, несложной и доступной. Оно не дается сразу — по крайней мере, три подступа нужно, чтобы сквозь блестящую поверхность стихов Овидия проникнуть в их глубину.

1

Первое, что естественно хочется современному человеку увидеть в стихах поэта,— это его душевный облик и жизненный путь. Мы давно привыкли относиться к поэзии — по крайней мере, к лирической — как к «исповеди сердца»: видеть в ней вернейший ключ к внутренней жизни поэта. А у Овидия в жизни были и безмятежная молодость, и загадочная катастрофа, и томительная казнь — долгие годы в ссылке.

Сам поэт, казалось бы, идет навстречу нашему интересу: он даже прямо сообщает нам свою автобиографию в стихах, связную и подробную («Скорбные элегии», IV, 10). Читатель найдет эту элегию в нашем сборнике; мы же постараемся вписать сведения, сообщаемые Овидием, в общую картину его эпохи — эпохи становления Римской империи.

День рождения Овидия — 20 марта 43 г. до н. э. Поэт недаром обозначает кровавыми метафорами и день и год. Рим уже около столетия терзали гражданские войны. Против сената, олигархически управлявшего римской республикой, выступали популярные полководцы, опираясь на войско и на толпу. В год рождения Овидия в союз против сената вступили Марк Антоний и молодой приемный сын только что убитого Юлия Цезаря — Гай Октавиан. Небывалой резней богачей и знати они отметили свой приход к власти; в следующем году разгромили последних защитников сената — Брута и Кассия; потом, через десять лет, сошлись друг с другом в последней борьбе за единовластие;

Антоний погиб, Октавиан вернулся в Рим, был восторженно встречен и сенатом и народом, истосковавшимися по гражданскому миру, отпраздновал триумф, объявил республику восстановленной, а для своей власти сохранил авторитетное звание «первого человека в государстве» и почетное имя «Августа».

Овидию было четырнадцать лет в год триумфа Августа и шестнадцать в год «восстановления республики». Как раз в это время он справлял свое совершеннолетие — «надевал взрослую тогу». События минувших тревожных лет, по-видимому, прошли мимо него. Гражданский мир для него сразу стал чем-то само собой разумеющимся — естественной обстановкой, позволяющей человеку жить в свое удовольствие, оставляя государственные заботы другим. Иначе смотрел на это отец Овидия. Он был из сословия всадников — людей богатых, но до самых последних лет не имевших доступа к политической карьере; теперь он мечтал о такой карьере хотя бы для сына. Овидию пришлось стать мелким полицейским чиновником, «триумвиром по уголовным делам» («Скорбные элегии», IV, 10, 33), потом он занял место в судебной коллегии децемвиров («Фасты», IV, 383). Теперь он мог надеяться получить звание квестора и войти в сенат; но тут его отвращение к политике наконец одержало верх над настойчивостью отца. Он отказался от дальнейшей карьеры — «сузил полосу», предпочел узкую красную полосу на всаднической тунике широкой сенатской полосе. С этих пор он жил в Риме частным человеком, занимаясь лишь тем, что доставляло ему удовольствие: словесностью и любовью.

Словесность была главным предметом образования молодых римлян из хорошего общества. Мальчиками они учились у «грамматика» — читали классических греческих писателей с комментариями по истории, географии, астрономии, по главным образом — по мифологии. Юношами они поступали в обучение к «ритору» для овладения красноречием: сперва упражнялись в пересказах, примерах, описаниях, сравнениях, потом переходили к декламациям — речам на вымышленные темы. Отец Овидия позаботился, чтобы сын его учился у лучших наставников в Риме, а затем даже совершил для пополнения образования поездку в Афины и Малую Азию («Письма с Понта», II, 10). Декламации в школе были двух видов — состязательные и увещательные; первые требовали доказательности, обращенной к разуму, вторые — убедительности, обращенной к чувству. Овидий решительно пред-

почитал вторые. Его старший товарищ, ритор Сенека (отец знаменитого философа), свидетельствует в своих воспоминаниях, что среди декламаторов Овидий был на отличном счету, и приводит по памяти отрывок из одной его декламации — о муже и жене, которые поклялись, что если один из них погибнет, то другой покончит с собой. От лица мужа Овидий произносил здесь патетическую речь с прославлением любви: «Легче добьешься в любви конца, чем умеренности! Любящим ли соблюдать границы, обдумывать поступки, взвешивать слова? Так любят только старики!..»

Любовь была главным предметом внимания молодых людей овидиевского возраста. В Греции, а потом и в Риме давно сложился обычай, что лет до тридцати молодым людям давали «перебеситься», а потом они женились и остепенялись. Именно таков мир комедий Менандра и Плавта, где комическим героем был юноша, устраивавший кутежи и гонявшийся за гетерами. Но ко времени Овидия этот юношеский период дозволенного беспутства стал постепенно затягиваться. Столетие гражданских войн поселило в молодежи страх и недоверие перед «взрослым» миром интриг и усобиц; куда приятнее было уйти в частную жизнь, в мир любви и дружбы. Этот мир со времен Плавта стал изящнее и культурнее: женщины в нем не были бессловесными рабынями мерзких сводников, а сами свободно располагали собой и своими желаниями, мужчины в нем из кабацких забулдыг превратились в салонных любезников, вместо буйных вспышек похоти мы видим здесь настоящие гражданские браки по любви, ничуть не менее долговечные, чем законные браки в высшем обществе. Для Овидия и его сверстников такой быт был бесконечно привлекателен. Старшее поколение, конечно, негодовало и говорило об упадке нравов. Отец Овидия нарочно поторопился женить сына, чтобы уберечь его от соблазнов, но из этого ничего не вышло: и первый и второй брак Овидия был недолог, один раз по вине жены, другой раз — явно по вине самого Овидия. Он остался жить в этом полусвете, радостно повинуясь его законам: «Сердце мое вспыхивало от малейшей искры, но дурной молвы обо мне не ходило никогда».

Такова была жизнь многих сверстников Овидия; но только у Овидия она стала поэзией. Для этого нужна была еще одна составляющая величина, наименее поддающаяся научному определению,— поэтическое дарование. И оно оказалось у Овидия исключительно сильным. Именно как поэт «дарования», поэт

«божьей милостью», прославился он на всю античность. Еще ребенком он заметил в себе дар к стихам («...что ни хотел я сказать прозою, стих выходил»), а юношей научился его использовать и больше доверял тем стихам, которые складывались у него сами, нежели тем, которые сочинялись по правилам. Не все были этим довольны: «Овидий не умел вовремя остановиться в удаче», «Он знал свои недостатки, но любил их»,— вспоминает Сенека; «Не он владел своим дарованием, а дарование владело им»,— вторит Квинтилиан. Сенека рассказывает, как однажды друзья приступили к Овидию с просьбой вычеркнуть из своих стихов три не в меру изысканные строки, которые они укажут; Овидий согласился, но выговорил право не вычеркивать три свои самые любимые строки, которые он укажет. Сравнили оба списка — в них оказались одни и те же три стиха: один из «Любовных элегий» (II, 11, 10): «Страшен озлобленный Норд, страшен незлобивый Нот», другой из «Науки любви» (II, 24): «Бык-получеловек и человек-полубык», третий нам неизвестен.

Впервые с чтением своих стихов Овидий выступил лет в восемнадцать — «раз или два лишь побрившись». Стихи его сразу были замечены, и он легко вошел в круг поэтов — тех самых, на которых, по его наивным словам, он смотрел, как на богов. Его ободрял ученый оратор Мессала, один из первых людей в государстве («Письма с Понта», II, 3); его задушевным другом стал Проперций, сам только что с шумным успехом вошедший в литературу; и хоть он не успел сблизиться с Тибуллом, но на смерть его в 19 г. до н. э. откликнулся трогательным стихотворением («Любовные элегии», III, 9).

Свое место в ряду римских поэтов Овидий называет точно: «Первым был Галл, вторым Тибулл, третьим Проперций, четвертым — я» («Скорбные элегии», IV, 10, 53—54). Это преемственность мастеров одного жанра: любовной элегии. Жанр этот был новым, даже новомодным; он сложился не в Греции, а в Риме, в том самом светском кругу, к которому так стремился Овидий, и был лучшим выразителем любовного этикета в этом кругу. Элегиями назывались стихотворения средней величины, объединявшиеся в циклы, посвященные возлюбленной поэта, скрытой под условным именем: Корнелий Галл воспевал свою Кифериду под именем Ликориды, Тибулл — Планию под именем Делии, Проперций — Гостию под именем Кинфии. Овидий вслед за ними воспевал свою героиню под именем Коринны; подлинного ее

имени любознательные античные биографы установить не могли, и еще при жизни Овидия находились женщины, из тщеславия выдававшие себя за Коринну («Любовные элегии», II, 17, 29; ср. «Наука любви», III, 538); можно думать, что живого прототипа у Коринны и не было, и этот образ, вокруг которого любвеобильный поэт собрал весь свой опыт любовных чувств, вполне условен. Но все мотивы, которым полагалось быть в любовных элегиях, у Овидия налицо: и служение Амуру, и восторг при милости возлюбленной, и страдания от ее измен, и жалобы на всесилие золота, и гордая вера в вечность своих стихов. Первое издание «Любовных элегий» в пяти книгах (впоследствии сокращенное до трех) вышло в свет около 15 г. до н. э. и сразу принесло автору громкую славу. «Певец любви» стало нарицательным именем нашего поэта.

«Любовные элегии» были, так сказать, «практикой любви»; для полноты охвата нужно было еще написать «теорию любви» и «историю любви». «Историей любви» стала книга «Героиды», над которой Овидий начал работать, еще не кончив «Любовных элегий». Это цикл стихотворных посланий от лица мифологических героинь к покинувшим их возлюбленным: от Пенелопы к Одиссею, от Ариадны к Тесею и т. д. «Теорией любви» стала дидактическая поэма «Наука любви» в трех книгах: в первых двух — советы мужчинам, где найти, как завоевать, как удержать при себе возлюбленную; в третьей (может быть, добавленной немного позднее) — советы женщинам, как привлекать и обманывать мужчин. Приступая к «Науке любви», поэт попытал силы на дидактической поэме более традиционного типа — это «Средства для лица», стихотворное переложение прозаичнейших косметических рецептов (сохранился лишь отрывок); а после завершения «Науки любви» он написал добавление к ней — «Лекарство от любви», книгу советов, как избавиться от несчастной страсти. И в «Героидах», и в дидактических поэмах риторический опыт Овидия используется еще откровеннее, чем в «Любовных элегиях»: послания героинь близко напоминают те речи-увещания, которыми Овидий так увлекался в риторской школе, а план «Науки любви» представляет собой почти издевательскую копию обычной структуры риторического пособия: как отыскать доводы, как распределить и изложить их, как удержать их в памяти.

Когда Овидий начинал свои элегии, ему не было и двадцати лет; когда около 2 г. н. э. он заканчивал свою любовную трило-

гию, ему было уже сорок пять. «Наука любви» написана с подлинно юношеским изяществом, задором и блеском; однако на самом деле Овидий давно уже не был таким легкомысленным повесой, к каким он обращает свою поэму. Он женился в третий раз, на вдове из хорошего рода, и на этот раз был счастлив; у него росла дочь, которую он любил; дом его стоял в центре Рима, близ Капитолия, а загородный сад, где он писал стихи,— к северу от Рима, на берегу Тибра. Жил он хлебосольно, не зная счета друзьям, и пользовался любовью. По общему признанию, он был первым поэтом Рима: Вергилий, Гораций, Проперций были уже в могиле, а из остальных римских поэтов никто не мог и подумать равняться с Овидием. Кто критиковал Овидия за его легкомысленные темы, тот смолк после того, как он написал и поставил трагедию «Медея»: до нас она не дошла, но в течение нескольких веков считалась гордостью римской драматургии. Овидий находился в расцвете лет и в зените славы; пора было подумать и о том, чтобы достойными трудами заполнить остаток своей жизни.

Овидий задумал два таких труда: ученую поэму «Фасты» в двенадцати книгах и мифологическую поэму «Метаморфозы» в пятнадцати книгах. Слово «фасты» означает «календарь», «месяцеслов»: Овидий хотел написать по элегии на каждый из многочисленных римских календарных праздников, помянув таким образом всех национальных богов, героев, римские храмы, древние обряды — двенадцать книг для двенадцати месяцев календаря. Возрождение римской религиозной древности было одной из главных забот императора Августа; поэтому славословия ему и его предкам занимают в «Фастах» немало места. Слово «метаморфозы» означает «превращения»: под таким заглавием Овидий задумал написать целую мифологическую энциклопедию в стихах, в непрерывной связной последовательности пересказав более двухсот мифов, в каждом из которых кто-нибудь превращался в растение, животное, реку или звезду; цепь этих превращений начиналась становлением космоса из хаоса и заканчивалась вознесением в сонм богов души Юлия Цезаря, а за нею, в недалеком будущем, и самого Августа — за их благодеяния римскому государству. Так пестрое содержание римских преданий в «Фастах» и греческих в «Метаморфозах» укладывалось в широкую раму ученого эпоса о причинах и началах всего, что есть в природе (в «Метаморфозах») и что есть в людских обычаях (в «Фастах»),— величественный замысел, исполнив который

Овидий мог по праву притязать на бессмертную славу. Работа шла быстро: через семь лет у Овидия были уже готовы и ожидали лишь последней отделки первые шесть книг «Фастов» и все пятнадцать «Метаморфоз».

При Овидиевом отвращении к политике его восторженные славословия Августу могут показаться неожиданными и неискренними. Но это не так. Отстраняясь от общественных дел, Овидий нимало не думал «уходить в оппозицию» современности. Напротив, он принимал ее всецело и радостно: «Пусть другие радуются древности, а я поздравляю себя с тем, что рожден лишь теперь: наше время по душе мне...» — писал он в «Науке любви» (III, 121—122) и тут же пояснял причины этого: «...потому что прежняя грубость нравов сменилась теперь изящной обходительностью». Овидий представляет себе путь человечества как все большее вытеснение вещественных ценностей духовными: раньше ценились сила и богатство, а теперь красивый вид и любезный разговор. Вершина этого одухотворения жизни — поэзия, и Овидий гордится, что рожден поэтом. Но, конечно, все эти духовные блага становятся возможны и доступны лишь тогда, когда кто-то питает и ограждает пользующийся ими мир, заботится и о силе и о богатстве Рима. Заботу эту принимает на себя Август — и поэтому нет таких похвал, каких бы он не заслуживал. Август дает возможность поэту творить, поэт увековечивает имя Августа в своих стихах, и все это делается во славу дорогой обоим римской современности.

Так смотрел на вещи Овидий, но иначе смотрел на них сам Август. Тот любовный быт римского света и полусвета, которым так наслаждался Овидий, казался Августу нездоровым и тревожным явлением. Август рассчитывал оздоровить и укрепить римское правящее сословие притоком «новых людей» из средних сословий, а получалось наоборот: в меньшей своей части средние сословия усваивали образ жизни столичного света (как сам Овидий), в большей своей части — завистливо роптали против упадка нравов и растущего разврата в столице. Август уже не раз издавал законы о нравственности, крепившие брак, семью и древнюю строгость нравов; но законы эти оставались безрезультатны. Для Августа это было особенно деликатной заботой, потому что собственная его семейная жизнь была открыта многим нареканиям: в молодости он слыл развратником, сменил трех жен, детей не имел, кроме одной дочери, родственников

и родственниц по многу раз женил и разводил из политических соображений, и о поведении их ходили самые дурные слухи. Слухи эти были политическим оружием: император был стар, и в глухой придворной борьбе решался вопрос, из какого рода будет его преемник: из Юлиев, родственников его дочери, или из Клавдиев, родственников его жены. В этой борьбе одолели Клавдии — одолели потому, что им удалось громкими скандалами скомпрометировать дочь императора Юлию Старшую (сверстницу Овидия) и внучку императора Юлию Младшую (годившуюся Овидию в дочери). Во 2 г. до н. э., когда Овидий приступал к «Науке любви», Август был вынужден отправить в ссылку Юлию Старшую; в 8 г. н. э., когда Овидий кончал «Метаморфозы», Август отправил в ссылку Юлию Младшую. И в том же году неожиданно для всего Рима и в первую очередь для самого поэта в еще более далекую и суровую ссылку был отправлен Овидий.

Общую логику этих событий нетрудно восстановить. Юлия Младшая была обличена в разврате и прелюбодеянии; чтобы выдержать свою роль блюстителя строгих нравов, императору пришлось примерно наказать ее в назидание обществу. Но этот скандал ложился пятном (и уже не первым) на императорскую семью; чтобы смягчить такое впечатление, императору удобнее всего было сделать вид, что дело идет не о конкретном случае, а о всеобщем нравственном упадке, все более открыто погубляющем римское общество. Овидий, автор «Науки любви», был самым выразительным воплощением этой пагубы; он и оказался козлом отпущения, призванным отвлечь внимание от происшествия в императорском доме. Зато гораздо труднее восстановить, какова была официальная мотивировка ссылки Овидия: в своих стихотворных жалобах поэт выражался очень осторожно и старался не бередить Августовых ран. Овидию вменялись «две вины: стихи и проступок» («Скорбные элегии», II, 207). «Стихи» — это, конечно, «Наука любви»; «проступок» остается для нас таинственным. Это был именно «проступок», а не преступление (I, 3, 37 и др.), Овидий не извлекал из него никакой корысти (III, 6, 34), совершил его ненамеренно (IV, 4, 37—44), просто он случайно увидел нечто предосудительное (II, 103—104; III, 5, 49) и после этого вел себя неразумно и робко («Письма с Понта», II, 2, 17—18). Очевидно, поэт был обвинен в недонесении о каком-то случайно ему известном дурном деле, близко касавшемся императора,— может быть, о прелюбодеянии Юлии Младшей. Но

и «стихи» и «проступок» были не причиной, а только поводом для репрессии, рассчитанной на широкий резонанс,— это видно из непомерно тяжелого наказания, которому подвергся Овидий.

Собственно, это была еще смягченная форма наказания: не «изгнание», а «высылка»; Овидий не лишался гражданских и имущественных прав, ему лишь было предписано место жительства на дальней окраине империи — в городе Томы на берегу Черного моря (нынешняя Констанца в Румынии). Но и это было катастрофой для столичного поэта. Он считал себя погибшим; в отчаянии он бросил в огонь почти законченные «Метаморфозы», и поэму удалось потом восстановить лишь по спискам, оставшимся у друзей. Книги его были изъяты из библиотек, друзья отшатнулись, денежные дела запутались, рабы были неверны; свой отъезд из Рима он изображает в самых трагических красках. Был декабрь 8 г. н. э., зимнее плавание по Средиземному морю было опасно, корабль чуть не погиб в буре; Овидий переждал зиму в Греции, по суше пересек Фракию, с трудом перебрался через снежные Балканы и весной 9 г. добрался до места своей ссылки.

Томы были маленьким греческим городком, лишь номинально подчиненным далекому римскому наместнику. По-латыни в городе не говорил никто; большинство горожан составляли варвары — геты и сарматы, буйные и драчливые, меньшинство — греки, давно перенявшие и варварский выговор, и варварскую одежду. Климат был суров — суровее, чем сейчас: каждую зиму Дунай покрывался твердым льдом. За Дунаем жили кочевые и полукочевые скифы и дакийцы; при каждом удобном случае они нападали, опустошали окрестность, подступали к самым стенам Томов, и стрелы их падали на городские улицы. Связь с остальным миром едва поддерживалась: только летом греческие корабли приносили слухи о том, что происходило в Риме и в провинциях. Словом, трудно было найти большую противоположность тому миру светского изящества и обходительности, в котором Овидий прожил всю жизнь.

Еще по дороге в ссылку Овидию случилось пережить неожиданное: во время бури в Ионийском море, когда кораблю грозила гибель, он поймал себя на том, что в голове его опять складываются стихи («Скорбные элегии», I, 11). Он был так уверен, что в разлуке с Римом никакая поэзия для него невозможна, что это ощущение поразило его, как чудо. С этих пор поэзия стала для него единственной душевной опорой. Еще не

доехав до места, из Фракии он посылает в Рим 11 стихотворений, написанных в пути,— первую книгу «Скорбных элегий». Едва устроившись в Томах, он принимается писать длинное, до мелочей продуманное стихотворное послание к Августу с покаянием, самооправданием и мольбой о снисхождении,— оно составило вторую книгу «Скорбных элегий». После этого он пишет по книге ежегодно, стараясь закончить работу к весне, чтобы с летней навигацией отправить сочинение в Рим: так в 10-м, 11-м и 12 гг. н. э. были закончены III, IV и V книги «Скорбных элегий». Содержание их однообразно: жалобы на судьбу, патетические описания ужасов изгнания, покаянное раболепие перед Августом, просьбы к друзьям и к жене о заступничестве, воспоминания о прошлом. Настроение в них близко к отчаянию: поэт с отвращением сторонится окружающего его варварского мира, хворает в непривычном климате, боится смерти и скифского плена. Язык и стих в них гораздо небрежнее, чем раньше: видно, что писались они наспех, чтобы дать выход душевному смятению.

«Скорбные элегии» охватывают не все написанное Овидием в эти годы. Они часто написаны в форме посланий, но адресаты в них не названы: поэт боялся навлечь на друзей неприятности. Послания с именными обращениями он не включал в книги и отправлял адресатам с отдельными оказиями. Лишь по окончании пяти книг «Скорбных элегий», уверясь в том, что друзья в безопасности, в 13 г. н. э. Овидий собрал эти послания в трех книгах и опубликовал их как бы в виде приложения под заглавием «Письма с Понта» (IV книга «Писем» была собрана и издана уже посмертно). Эти стихи, таким образом, мыслились как менее «литературные», более «домашние». Поэтому в них еще однообразней темы и небрежней стих; но поэтому же в них неожиданно слабее пафос отчаяния — Овидий словно позволяет себе примириться со своей участью, признать, что и в дурном крае есть хорошие люди, пересказать будто бы услышанный от скифов рассказ об Оресте и Пиладе («истинная дружба трогает даже дикие сердца!») и, забыв свои же слова об отвращении к местному варварскому языку, похвастаться тем, что он сочинил на гетском языке стихи в честь Августа и изумленные горожане за это увенчали его лавровым венком («Письма с Понта», IV, 13, ср. IV, 9; III, 2; III, 7; IV, 14). Природное жизнелюбие взяло верх над отчаянием: старый поэт вновь почувствовал вкус к литературным экспериментам. Он пи-

шет темную и ученую инвективу «Ибис», полную замысловатых проклятий; он начинает новую поэму «Рыбная ловля» с описанием черноморских рыб; наконец, он снова берется за давно оставленный труд — незаконченные «Фасты».

Переработка «Фастов» связывалась для поэта с последней надеждой на возвращение из ссылки. Дряхлый Август умер в 14 г. н. э.; были слухи, что в последнее время он смягчился к Овидию, но теперь это было все равно: преемник Августа Тиберий, мрачный и строгий политик, был неумолим. Однако у Тиберия был приемный сын Германик, молодой полководец, славившийся благородством и вкусом, самый популярный человек во всем правящем доме; он сам писал стихи и не мог не чтить Овидия. В 18 г. н. э. Германик должен был ехать в восточные области Римской империи (к которым относилась и Овидиева Фракия), и Овидий хотел поднести ему «Фасты» с посвящением. Посвящение было уже написано и вставлено в начало поэмы, но закончить работу Овидий не успел. Ему было уже шестьдесят лет, ссылка изнурила его; в конце 17-го или начале 18 г. н. э. он умер. Его похоронили в Томах; так и последнее его желание, «чтобы на юг перенесли его тоскующие кости» (см. «Скорбные элегии», III, 3), не сбылось.

2

Мы проследили жизнь Овидия по его стихам, и мы видим: стихи эти дают нам внешнюю биографию поэта и почти не дают внутренней биографии, «истории его души». Мы узнаем, что молодой Овидий был влюблен, но не находим неповторимых примет его любви: его «Любовные элегии» описывают только те подробности чувства, которые были знакомы каждому (см. II, 1, 7—10). Мы узнаем, что старый Овидий был сослан, но с трудом выискиваем в его описаниях ссылки такие подробности, которые приложимы только к Томам и ни к какому другому северному месту. Нет, Овидий не искал в своих стихах индивидуального: он искал условного, и для того, чтобы изобразить это условное, использовал все свое словесное мастерство. Исследование этого словесного мастерства — второй наш подступ к поэзии Овидия.

Не надо забывать, что условного в поэзии всегда больше, чем индивидуального: что кажется современникам живым

и личным, то через сто или тысячу лет видится лишь новой условностью взамен старой — будь то образ поэта-трибуна, разочарованного страдальца или пылкого влюбленного. Так, образ влюбленного юноши, для которого любовь — все, а остальное — ничто, как раз и был при Овидии такой новой условностью, утверждавшейся в римской литературе. Зародился этот образ в эллинистической поэзии, а в Рим его впервые перенесли поэты поколения, предшествовавшего Овидию,— Катулл и его современники. Переплавить опыт своих личных чувств в объективный лирический образ — такова была задача, с которой Катулл справлялся еще с трудом (именно непереплавленными кусками его переживаний и восхищаются читатели наших дней), а Корнелий Галл и Тибулл с Проперцием — все более и более полно и успешно. Овидий был завершителем этого процесса превращения римской любовной элегии из субъективного жанра в объективный: ощущение личного опыта настолько исчезает из его стихов, что, как мы видели, уже современники не были уверены, существовала на самом деле его Коринна или нет.

Чтобы оценить особенности этой объективной манеры Овидия, посмотрим на две его элегии из числа самых знаменитых. Вот самая любовная из «Любовных элегий» — I, 5, свидание с Коринной. Поэт нового времени непременно сосредоточился бы здесь на двух сменяющих друг друга душевных состояниях — томительном ожидании и радостном обладании. У Овидия нет ни того, ни другого, о своих чувствах он вообще ничего не говорит; появление Коринны кажется неожиданным, любовная борьба — тоже. Вместо ожидания здесь — описание комнаты, полдня и полумрака, заканчивающееся словами о «девушках скромного нрава»: не о Коринне здесь речь, а о девушках вообще. Вместо вожделения здесь — описание обнаженной Коринны (в строгой последовательности «сверху вниз», от головы к ногам, которая станет канонической у подражателей Овидия): не влечение здесь говорит, а любующееся созерцание. Поэт все время смотрит на происходящее со стороны — сперва на себя, потом на Коринну; он сам для себя лишь один из персонажей созерцаемой сцены. Только в концовке, в заключительном восклицании, описанная сцена приобретает эмоциональную окраску («чаще бы мне такие полдни!»): «я» рассказчика и «я» действователя совмещаются.

Вот другой пример: самая скорбная из «Скорбных элегий», описание последней ночи перед отъездом в ссылку (I, 3).

Первое, что здесь бросается в глаза,— это что в элегии говорится не столько о чувствах, которые испытывал поэт, сколько о словах, которые он говорил и слышал; в ста строках элегии вместились целых три монолога: речь поэта к капитолийским богам, речь поэта к самому себе («Зачем я спешу?..»), речь жены к поэту. То, что слышал поэт, подкрепляется тем, что он видел: дважды описывается, как плачет жена, обнимая мужа, дважды описывается, как простирается она перед пенатами, и даже когда нужно найти слова для решающего момента — поэт выходит из дому в свой последний путь,— то это показано не как-нибудь иначе, а именно через описание внешности: «Я выхожу... неопрятный, спустив космы на мрачное лицо...» — даже здесь он как бы смотрит на себя со стороны. Самую середину стихотворения занимает описание душевных колебаний поэта: здесь ему приходится говорить и о чувствах своих, но недаром он дважды повторяет: «лгал я себе», «обманывал я себя» — он знает истинную цену своим словам и чувствам, он не переживает их заново, сочиняя элегию, а смотрит на них со стороны. Но вот дважды, в начале и в конце прощания, страданье поэта достигает предела. Что делает Овидий? Он пишет: «Грудь моя цепенела долгою медленностью...» — и сразу добавляет: «Так цепенеет человек, пораженный молнией Юпитера»; он пишет: «Я разрываюсь, словно лишаюсь членов собственного тела...» — и тотчас продолжает: «Так страдал когда-то изменник Метт Фуфетий, когда его казнили, разрывая меж двух колесниц». Даже здесь, где сильнее всего прорывается у Овидия личное чувство, он спешит как можно скорее превратить его в общедоступное сравнение и общеизвестное предание. И все эти частицы воспоминаний, из которых складывается последняя ночь в Риме, располагаются в элегии не в эмоциональном беспорядке, а в хорошо продуманной последовательности, расчленены почти по часам: «...по небу уже двигалась луна», «...с неба уже стала клониться Медведица», «...на небе уже явилась утренняя звезда». Опять мы видим: там, где поэт нового времени поспешил бы лирически раскрыться нашему сердцу, античный поэт предлагает драматическое зрелище для наших глаз.

Если Овидий умеет так отстраниться от самого себя, что его влюбленное и страдающее «я» видится ему лишь одной из многих действующих в его поэтическом мире фигур, то нет ничего удивительного, что взгляд его то и дело покидает этого

лирического героя, чтобы остановиться на какой-нибудь другой фигуре или детали обстановки. У Тибулла и Проперция этого не было: влюбленный герой и там оказывается в разных ситуациях, но разнообразие ситуаций лишь оттеняет единство и неизменность его чувства. У Овидия, напротив, единство чувства служит лишь оттеняющим фоном, а разнообразие ситуаций — главным предметом изображения. Он перебирает всех традиционных персонажей, все традиционные мотивы элегического жанра, и каждый разрабатывает в отдельной элегии: свидание (I, 5), разлучение (I, 13), письмо (I, 11—12), подарок (II, 15); муж подруги (II, 19; III, 4), любовник подруги (III, 8), раб (II, 2—3), рабыня (II, 7—8), запертая дверь (I, 6); у подруги умер ручной попугай (II, 6), она опалила волосы (I, 14), она сделала аборт (II, 13—14); вот она в деревне, и он спешит к ней (III, 6), вот он сам в деревне и зовет ее к себе (II, 10) и т. д.— целая энциклопедия светской любви. Современному читателю, может быть, хотелось бы восстановить по этим элегиям какую-то связную историю любви, пусть вымышленной,— ухаживание, успех, превратности, охлаждение, разрыв,— но Овидий решительно этому противится: он словно нарочно перетасовывает элегии в своем сборнике так, чтобы всякая фабульная связь между ними терялась и каждый эпизод выступал замкнуто, не требуя оглядки на остальные.

Зато из каждого выделенного мотива Овидий извлекает все, что возможно и невозможно, поражая читателя своей неистощимой изобретательностью. Каждая возникающая ассоциация разрабатывается им до предела, теряя под конец всякую связь с поводом, ее породившим. Вот элегия на смерть ручного попугая Коринны (II, 6): она написана по образцу знаменитого стихотворения Катулла на смерть воробушка Лесбии и полна такими же гиперболическими ламентациями. Но у Катулла это был маленький стишок в восемнадцать коротких строк, а у Овидия получилась элегия в шестьдесят два стиха; у Катулла две трети стихотворения посвящены возлюбленной поэта, которая забавлялась с воробушком, пока он был жив, и плакала над ним, когда он умер, у Овидия же хозяйка попугая упоминается лишь мимоходом, зато с красочными подробностями описывается погребальное шествие рыдающих птиц в начале стихотворения и птичий рай, уготованный почившему, в конце стихотворения. Вот элегия перед запертой дверью возлюбленной (I, 6): она написана в подражание одной из элегий Тибулла (I, 2). Но у Тибулла

дверь — лишь повод для лирических размышлений поэта о том, что Делия ему дороже всего, и Венеру он чтит превыше всего; дверь упоминается лишь в зачине, дальше она поэту уже не нужна. А у Овидия дверь и стерегущий ее привратник — в центре внимания от первой до последней строки: дверь мокра от слез влюбленного героя, дверь могла бы отвориться ему лишь на самую малость — так он исхудал от любви, привратник, верно, забыл, как поэт когда-то заступился за него перед хозяйкой, привратник, верно, сам спит с подружкой, и нет ему дела до других влюбленных, и т. д. Таков Овидий: он пренебрегает легкими направлениями развития лирической темы и зато со вкусом углубляется в самые трудные.

Овидий недаром учился риторике. Первое, чему учила эта наука, было умение находить, что можно сказать о любом заданном предмете. Для этого говорящий мысленно расчленял предмет на его элементы или качества и о каждом из них говорил по отдельности. Так поступает и Овидий. Вот его элегия на тему «всякая женщина привлекательна для меня» (II, 4). Чем привлекательна? Или красотой, или умом. На что разлагается понятие «красота»? Это юность, цвет волос, цвет кожи, телосложение, рост, подвижность. На что разлагается понятие «ум»? Это умение петь, плясать, умение ценить поэта, образованность. Все эти мотивы и перечисляет Овидий: «...меня влечет и юная и зрелая, и темноволосая и светловолосая» и т. д. Но в какой последовательности их перечислять? Если точно по порядку, это будет скучно, если без всякого порядка, это будет хаотично. Овидий выходит из положения замечательно просто: он перечисляет эти мотивы в аккуратном обратном порядке, сзади наперед, от «образованности» до «красоты и ума», лишь один раз нарушив эту последовательность для сцепления рядов «ума» и «красоты». А чтобы отвести внимание от этой закономерности, Овидий ставит в начале своего перечня расчленение по другому признаку: «...и стыдливая, и смелая, и строгая...», дальнейшего развития не получающее. Пусть читатель перечтет элегию II, 4, и он оценит мастерство Овидия.

Вершина овидиевского искусства в разработке членения мотивов — его «Героиды». В пятнадцати посланиях здесь ситуация одна и та же: покинутая пишет покинувшему. Ситуация порождает три группы мотивов: для настоящего, прошедшего и будущего. Настоящее: разлука («ты меня покинул», «я в исступлении»),

любовь («ты клялся мне в верности», «я заслужила эту верность»), ревность («не к другой ли ты уехал?», «конечно, к другой!»). Прошлое: сожаление («как хорошо мне было до тебя!», «зачем я тебя узнала?»), вина («конечно, это я сама полюбила тебя», «но как же было иначе?»), судьба («несчастен был наш союз!»). Будущее: для соперницы («разве она лучше меня?», «нет, не лучше!»), для себя («теперь я умру», «и над могилой моей напишут о моей доле»), для возлюбленного («жалкую славу ты заслужишь этим!», «спроси любого, любой подтвердит»). Сумма: «вернись, вернись ко мне!». Эти восемнадцать мотивов повторяются во всех посланиях книги, создавая ее единство; а умение Овидия каждый раз по-новому иной мотив усилить, а иной приглушить, в зависимости от особенностей ситуации и характера героини, обеспечивает ее разнообразие. Нарочно обречь себя на самоповторение и все-таки ни разу не повториться — в этом весь Овидий.

Но мало расчленить материал на мотивы: нужно еще выразительно подать их, сообщив каждому из них важность и значительность. Для этого риторика знала безотказное средство — аналогию, систему примеров. Аналогии могли браться из природы, из быта, из мифа. Одна из самых изящных любовных элегий (I, 13) — обращение поэта к заре, которая будит отдыхающих любовников. Начальная часть элегии развивает аналогии из быта: «Ты не только нас тревожишь, ты несешь заботы и моряку, и путнику, и воину, и пахарю, и школьнику, и судье, и женщинам за пряжей» (тем, кто в пути, кто вдали, кто в городе, кто в доме,— перспектива строго выдержана); заключительная часть развивает аналогии из мифа: поэт попрекает Зарю за ее сына Мемнона, за ее любовника Кефала, за ее старого мужа Тифона, поминает для сравнения любовь Луны к Эндимиону и для заключения — любовь Зевса к Алкмене, матери Геракла, для которой он отменил зарю и удвоил ночь; кончается элегия эффектным стыком этих двух рядов: «...и вот заря покраснела, словно от стыда» (это Заря-богиня, лицо мифологическое), «...однако ничуть не замедлила восхода солнца» (это уже заря с маленькой буквы, явление природы). Здесь аналогии нанизаны с предельной упорядоченностью; а в элегии I, 15 они рассыпаны, казалось бы, с предельной беспорядочностью, но оттого не менее выразительны. Тема элегии — вечность поэзии. Овидий перечисляет великих поэтов и каждого определяет двумя (чаще всего двумя) образами: Гомер вечен, как гора и море, Гесиод —

как труд земледельца и виноградаря, Каллимах хорош не дарованием, так мастерством, вечен Софокл, певец мифов, и Арат, певец мироздания, жив Менандр с его образами ловкого раба и злого отца, злой сводни и хитрой гетеры (здесь не два, а четыре образа: это поворотное место, дальше пойдет речь уже не о греках, а о римлянах), Энний с Акцием хорош не мастерством, так дарованием, вечен Варрон, певец мифов, и Лукреций, певец мироздания, велик Вергилий с пастбищами, нивами и битвами трех его произведений, вечен Тибулл, как лук любви и факел любви, славен Галл на Западе и на Востоке; поэзия вечнее, чем природа и человек (скала и сошник), выше, чем война и мир (пыль битв и ложь тяжб), достойнее, чем власть и богатство (триумфы царей и золотоносные реки). Так приметы всего мира вмещает в себя поэзия, а всю поэзию вмещает в себя одно стихотворение Овидия, в котором нет и пятидесяти строк.

Чтобы не заблудиться в этом мире ассоциаций, сгрудившихся воедино, нужна исключительная четкость слова и мысли. У Овидия она есть. Его любимый стих — элегический размер, двустишия из гексаметра (стих подлиннее) и пентаметра (стих покороче), и в каждое полустишие точно укладывается фраза или пара фраз, сколько бы содержания ни было в них втиснуто; из таких двустиший, как из камешков мозаики, выкладывает Овидий самые сложные свои композиционные узоры. Его любимые стилистические приемы — параллелизм и антитеза; с их помощью поэт чеканит свои броские афористические сентенции, где каждое слово на весу: «Бык-получеловек и человек-полубык», «Все спешат посмотреть и спешат, чтоб на них посмотрели», «Цепь я носил, не стыдясь, ныне стыжусь, что носил» и пр. Если можно складно выразить мысль на несколько ладов, Овидий не откажет себе в удовольствии перепробовать все способы подряд; последим за течением речи в «Науке любви», и мы увидим: двустишия, движущие рассказ, держащие аргументацию, располагаются через два, через три, через четыре друг от друга, а промежутки заняты их вариациями, в которых те же мысли сказаны иными словами и в иных сочетаниях.

Именно сочетания слов, а не отдельные слова,— истинное царство овидиевского таланта. Иные поэты, как Вергилий, кладут великие труды, чтобы к каждому месту подобрать свое особенное слово, точное до неожиданности, целиком и без пояснений выражающее нужную мысль. Овидий не таков: он с легким

сердцем берет для своей мысли первое попавшееся слово, потому что знает — для каждого слова можно построить такой контекст, в котором это слово получит то значение, которое ему нужно. А если такой контекст потребует двадцати стихов там, где Вергилий обошелся бы двумя, что за беда? разве трудно Овидию написать двадцать лишних стихов? Это отношение к языку возможно у Овидия потому, что он — младший среди поэтов-современников, он не должен сам создавать латинский поэтический язык, а может получить его готовым из рук Вергилия, Горация, Тибулла; и когда он строит свои многоэтажные лирические контексты, он то и дело вставляет в них готовые словосочетания и обороты из Вергилия, из Горация, из Тибулла, а то и из собственных ранних стихов, чтобы они подсказали читателю нужные смысловые ассоциации. Словесное богатство уже нажито римской поэзией — теперь забота в том, чтобы красиво его истратить; в этом ощущении мы узнаем Овидия, который ведь точно так же относился и к денежному богатству, скопленному его предками-всадниками.

Если для действенности каждого слова Овидию нужен контекст, а для действенности этого контекста — еще более широкий контекст, то не приходится удивляться, что произведения Овидия разбухают почти на глазах. Тибулл посвятил своей Делии одну книгу элегий, Проперций Кинфии — тоже одну книгу элегий (остальные добавились потом), Овидий посвящает своей Коринне сразу целых пять книг. Проперций написал одно послание от женщины к ее возлюбленному, Овидий — сразу цикл из пятнадцати таких посланий. Написать элегию с полушутливыми-полусерьезными советами влюбленным мог бы любой из предшественников и сверстников Овидия, но сделать из этого четыре книги безукоризненного дидактического эпоса мог только Овидий. Элегии о памятниках и обрядах старины писались и до Овидия, но переложить в такие элегии день за днем весь римский календарь мог решиться только Овидий. Мифология издавна поставляла античным писателям неиссякаемый материал для бесчисленных поэм, но сплести всю мифологию в одну-единственную большую и связную поэму — на это во всей античности опять-таки отважился один лишь Овидий. По складу своего таланта, по всей своей творческой манере он не мог ничего оставить недоговоренным. Бросить эффектный намек и предоставить додумывать его читателю, наметить интересный

путь и оставить его для подражателей, а самому пойти дальше, к новым открытиям,— этого Овидий не умел. Где-нибудь в проходном месте он, пожалуй, и ослепит читателя мгновенным перечнем мифов, которые предлагается вспомнить для иллюстрации; но основной структурный костяк сочинения будет выведен им собственноручно до последней мелочи. И, вписанные в этот предельный контекст, перестанут казаться недостатками его недостатки. Пока мы читаем отдельную элегию или отдельный эпизод из поэмы, что-то в них может раздражать нас несоответствием нашим нормам вкуса, но когда перед нами все собрание элегий или вся поэма, то мы видим — это не отступления от нормы, а просто иная норма, иной вкус, который можно принимать или отвергать лишь целиком, а не по частям.

Овидий не был искателем, первооткрывателем нехоженых путей, он скромно хотел быть лишь продолжателем, а нечаянно оказывался завершителем. И эта верность традиции вдруг оборачивалась самым ярким новаторством. Овидий сделал массовым и общедоступным то искусство, которое до него было экспериментальным, эстетским, элитарным,— искусство александрийской поэзии. Основоположники этой поэзии — Каллимах, Феокрит, Арат — жили в греческой Александрии за двести с лишним лет до Овидия. Они первыми поняли, что старая поэзия, поэзия Гомера и Эсхила, выросшая в маленьких городах-государствах Древней Греции, уже нежизнеспособна в новом мире больших средиземноморских держав: ею можно восхищаться, но ей нельзя подражать. И они начали создавать новую поэзию — не для всенародных сборищ, а для уединенного читателя, не для деятельного гражданина, а для ученого ценителя и изящного знатока. Эпос сжался в маленькие поэмы, столь насыщенные мифологической ученостью, что к ним требовались немедленные комментарии; лирика сжалась в короткие эпиграммы о любви и красоте, отглаженные до такой степени, что развернуть их пошире казалось невозможным и ненужным. Двести лет эта поэзия услаждала вкус немногочисленных знатоков, брезгливо сторонившихся толпы,— сперва в греческом мире, потом и в римском. А «толпа», широкая масса грамотной публики, тем временем росла, развивала вкус, искала доступа к новому искусству. И когда Средиземноморье под властью Августа окончательно слилось в единую мировую державу, крепкую силами именно этих средних слоев античного общества,—

тогда они прорвались и к этому новому искусству. Экспериментальные образцы новой поэзии были переведены на массовое производство, они стали проще, легче, пространней, общепонятней, все намеки были договорены до конца, все темные сжатости развернуты; здесь не было такой тонкости, как у александрийцев, зато была живость и доступность. В любовной поэзии на смену эпиграммам пришли элегии — здесь предшественники Овидия сделали первый шаг, а Овидий — последний. В мифологической поэзии на смену маленьким ученым поэмам пришли широкие полотна «Фастов» и «Метаморфоз» — здесь Овидий сделал и первый и последний шаг. Сам пришедший в литературу из среднего сословия, он не мог и не хотел быть поэтом для избранных — он был поэтом для всех. И новые читатели платили ему благодарностью, знали его, помнили — на стенах помпейских домов осталось немало овидиевских строчек, от избытка чувств нацарапанных рукой неумелого прохожего. А когда Овидий умер, стало ясно, что писать после него так, как писали до него, уже невозможно.

Так творчество Овидия оказывается важнейшим поворотным пунктом всей истории античной поэзии.

3

Мы видели, что Овидий не ищет в своих стихах самовыражения. Вместо этого он создает в них иной, условный мир, и мы могли убедиться, с каким искусством он это делает. Нам осталось главное: понять, почему и с какой целью он это делает. Ибо все его мастерство останется для нас холодным и безразличным, если мы не постараемся уловить за ним отношение Овидия к действительному миру, сравнить его со своим и тогда сказать, близок нам этот поэт или чужд. Из мира слов мы должны проникнуть в мир чувств поэта — таков третий наш подступ к поэзии Овидия.

Если попытаться этот мир чувств поэта определить одним-единственным словом, то слово это будет такое: Овидий — *добрый* поэт.

Поначалу такой эпитет может показаться расплывчатым и ничего не говорящим. Но попробуем примерить его к другим античным писателям, и мы увидим: оно подойдет к очень немногим, а может быть, и ни к кому. Ни о Софокле или

Каллимахе, ни о Вергилии или Горации не решимся мы сказать это простое человеческое слово, а начнем подыскивать какую-нибудь другую характеристику, более высокую и сложную. И уж подавно не может быть назван добрым признанный антипод Овидия среди римских лириков — Катулл. Страсть Катулла целиком эгоцентрична. Любит ли он свою Лесбию или ненавидит ее, он никогда не пытается понять ее, встать на точку зрения не своего, а ее чувства. Написать стихотворение в форме диалога с возлюбленной (как написал однажды Гораций) для Катулла было невозможно: вся его лирика — один сплошной монолог. У Овидия (мы это видели) любовная поэзия из субъективной становится объективной: она теряет непосредственность и прямоту выражения авторского «я», но зато приобретает теплоту изображения лирического партнера.

Помогла этому — как оно ни кажется странным — риторика, та самая риторика, которую мы привыкли считать столь чуждой человеческим чувствам. Вспомним, что основным упражнением в риторическом обучении были контроверсии — запутанные казусы, в которых нужно было подобрать убедительные доводы и для той, и для другой стороны. Подготовительным упражнением в риторическом обучении была этопея — речь, произносимая от лица какого-либо мифологического или исторического героя. Здесь и учился Овидий становиться на точку зрения не свою, а своего ближнего, усваивал, что одни и те же факты, одна и та же ситуация может быть представлена и осмыслена совсем по-разному, и какое из этих осмыслений истинно — неизвестно. Школой приятия мира — вот чем была риторика для Овидия. И уже в «Любовных элегиях» Овидий словно упражняется в том, чтобы одно и то же положение представить прямо противоположным образом: в элегиях II, 7—8 он с одинаково красноречивой убедительностью и объясняется в любви служанке Коринны, и отрицает это перед ее госпожой, а в элегиях II, 9а — 9б одинаково патетически объявляет, что хочет навек забыть любовь и что хочет вечно любить. В «Героидах» он преображает самые известные мифологические ситуации, рассматривая их с непривычной точки зрения пассивного и страдающего лица: кто бы еще мог взглянуть на Троянскую войну глазами Брисеиды? В «Науке любви» одну и ту же систему советов он сперва примеривает для мужчин, потом — для женщин, а потом, ничего в ней не меняя, выворачивает ее наизнанку и пишет

«Лекарство от любви». Что бы Овидий ни рассказывал и ни показывал, он помнит: на это можно взглянуть и совсем иначе.

Но если ритор с такой готовностью признает и понимает точку зрения своего оппонента в судебном процессе, то не естественно ли, что и любящий должен уметь войти в положение другого любящего и посмотреть на себя и на мир его глазами? Для нас это естественно, но для античности это было открытием. До Овидия античность знала любовь-препятствие — в эпосе, где Калипсо любовью удерживала Одиссея, а Дидона — Энея; знала любовь-наваждение — в трагедии, где Деянира любовью губила Геракла, а Медея — собственных детей; знала любовь-увлечение — в комедии и эпиграмме, где влюбленный юноша делал любые глупости, чтобы потом образумиться. Любовь всегда была недолгой и почти всегда пагубной. У Овидия впервые в литературе является любовь-взаимопонимание, которая может быть и долгой и счастливой. Наглядных образцов ее следует искать, конечно, не в «Любовных элегиях», а в позднейших «Метаморфозах»—в рассказах о Кеикс и Альционе, Кефале и Прокриде, Филемоне и Бавкиде. Но уверенность в том, что любовь — это единение и благо, что только в любви могут сблизиться, понять друг друга и найти свое решение любые противоположности,— такая уверенность пронизывает творчество Овидия от начала до конца.

Этой любовью, соединяющей все противоположности, и хотел Овидий свести концы с концами в том мире, который предстоял его глазам. А несведенных концов вокруг Овидия было много. Они ощущались всюду — и на уровне быта, и на уровне бытия. И здесь и там мир, окружавший Овидия, казался условным, зыбился и двоился, сущность не совпадала с видимостью, привычные слова и образы с действительными явлениями и отношениями. Чтобы он вновь обрел свою прочность, нужно было заполнить разрыв — и на уровне быта, и на уровне бытия. Для заполнения этого разрыва и строил поэт свой условный мир, в котором основным законом была любовь.

«На уровне быта» Овидия окружал тот светский обиход, певцом которого он был в «Любовных элегиях» и в «Науке любви». Это был двойственный, искусственный, игровой быт: вид и суть не соответствовали в нем друг другу дважды. Первое несоответствие было временное и местное: любовный этикет, завезенный в Рим из эллинистической Греции, лишь тонким слоем прикрывал толщу национального римского семейного быта;

молодые люди увлеченно играли в красивую всепоглощающую любовь, которой учили их элегические поэты, однако каждого ожидал впереди благополучный брак и мирная обывательская жизнь, к которым пришел и сам Овидий. «Муза игрива моя, но целомудренна жизнь!» — заверял Овидий Августа («Скорбные элегии», II, 354 и далее), и это не такое уж преувеличение. Второе несоответствие общечеловеческое: любовный этикет состоял в том, что на первые домогательства мужчины женщина непременно отвечала «нет», даже если ей хотелось ответить «да»,— в любви полагалось чувствовать одно, а говорить другое, это несоответствие и было смыслом любовной игры. Впрочем, если «нет» может означать «да», то и «да» может иногда означать «нет» — в предпоследней из «Любовных элегий» Овидий прямо упрашивает Коринну: «Не люби меня, но хоть говори, что любишь меня, я и этому буду рад».

Что связывает для Овидия эту видимость и эту суть любовных отношений, что дает ему ту уверенность, с которой он в любовном «нет» читает любовное «да»? Только убеждение в том, что любовь есть единение и благо. Он твердо знает, что если мужчина и женщина не противны друг другу, то им в постели всегда хорошо, и притом одинаково хорошо. Именно здесь сама природа ощутительнее всего учит людей добру: быть вместе лучше, чем быть одному, и делать хорошо другому — это значит делать хорошо и себе. И если люди, узнав это, начинают сплачиваться в общество и жить друг с другом лучше и обходительней, то начало всему — любовь («Наука любви», II, 473—480). Здесь Овидий словно спорит с Лукрецием, чья философская поэма «О природе вещей» появилась за полвека до этого. Лукреций осуждал любовь: для него это эгоистическая похоть, погоня за которой лишь мучит человека и разрушает общество. Овидий утверждает любовь: для него это общая для двоих радость, наслаждение человеку и упрочение обществу. Что же касается эгоистической похоти, то ее Овидий решительно отделяет от любви и отвергает: ему противна и любовь к мальчикам, и любовь, отдаваемая за деньги, и любовь «из чувства долга» — все потому, что здесь любовники не получают одинакового наслаждения. Только любовь естественная, добровольная и взаимная заслуживает в его глазах имени любви.

«На уровне бытия» задача Овидия была еще труднее. Овидия окружал раздвинувшийся мир средиземноморской державы,

который настойчиво требовал осмысления. Традиционным осмыслением мира для античности была мифология. Она была порождена укладом старинных маленьких греческих родов и общин, представляла мир удобным родовым хозяйством, которое сообща вела большая семья олимпийских богов с ее домочадцами — низшими божествами, вела собственноручно, рачительно и деловито; в этом обжитом мире Зевс легко мог одинаково чтиться и как миродержец, и как любовник местной нимфы, а сама нимфа — в виде прекрасной женщины и в виде дерева или ручья. Но так можно было представлять себе мир какой-нибудь Аркадии или Элиды и никак нельзя — мир александрийского Египта или римского Средиземноморья. Образы богов разложились на дальние космические силы и на по-домашнему привычные фигуры сказочных персонажей, которые можно любить, но в которые нельзя верить. Эту противоположность уловила уже александрийская поэзия: когда Арат писал поэму о строе мироздания, а Каллимах с нарочитыми бытовыми подробностями описывал, в какой хижине и на какой подстилке спал Тесей перед таким-то славным подвигом, то они делали взаимодополняющее дело. Но уловить и обыграть противоположность — еще не значит снять противоположность; сводить концы с концами они оставили Овидию.

Овидий, конечно, тоже нисколько не верил в тех традиционных богов и героев, чьи похождения он с таким вкусом описывал в «Метаморфозах». Под его сентенцией «Выгодны боги для нас — коли выгодны, будем в них верить!» — мог бы подписаться и Вольтер. Когда он с легкостью сообщает, какое платье было к лицу Андромеде и как вела себя в постели Гектора Андромаха, он показывает себя достойным учеником александрийских учителей. Но задача, стоявшая перед Овидием, задача нового осмысления мира, была сложнее — и он справился с нею удивительно просто и легко. На смену мифологическому пониманию мира приходит у него «любовное».

Тесный мифологический мир был крепок силою родственной любви. Разве это не подсказывает, что раздвинутый новый мир, слишком широкий для одной семьи, должен держаться силою «просто любви» — любви человека к человеку, живого к живому, той любви, которой учил Овидий и мужчин и женщин? Мифологический мир был миром насквозь божественным и от этого единым и вечным; новый мир — это мир насквозь человечный и от этого тоже единый и вечный. Недаром Овидий

стягивает всю пеструю ткань своей большой поэмы к одному узлу, к одному ключевому символу — метаморфозе. Метаморфоза означает единство мира, в котором все человечно или напоминает о человеке: и очертания скалы, и плеск ручья, и трепет дерева, и повадка зверя, и крик птицы, и свет небесного созвездия; история мира от дикого хаоса и до исторических времен — это и есть история его оживления и одушевления, ее-то и рассказывает Овидий. Метаморфоза означает и вечность мира, в котором ничто не кончается смертью, а кончается только превращением («Ты останешься жива, но перестанешь быть собой!» — гласит пророчество Аталанте, X, 566), в котором ничто не завершено, а все текуче, ускользает от познания («Если он познает самого себя, это его погубит!» — гласит пророчество Нарциссу, III, 348). Рассказав и показав это, Овидий заканчивает «Метаморфозы» прямым поучением — речью мудреца Пифагора о том, что все течет и меняется, все одушевлено вечной душой, переливающейся из тела в тело, и поэтому человек должен любить все живое и не употреблять в пищу мяса животных. Так идея превращения оказывается у Овидия неразрывна с идеей вселенской любви.

Вселенская любовь — понятие древнее и глубокое. Еще на заре античной философской мысли пифагореец Эмпедокл учил, что мироздание представляет собой кругооборот четырех стихий, на которые разделился изначальный единый мир и которые влекутся друг к другу силою Любви и друг от друга силою Раздора. Отголоски этого представления слышатся у Овидия и в речи Пифагора, и в описании хаоса, открывающем «Метаморфозы», и в речи Януса, открывающей «Фасты». Пусть у Эмпедокла Любовь — понятие религиозное и философское, а у Овидия — человеческое и домашнее: добродушный Овидий стоит у конца той же цепи, у начала которой стоял глубокомысленный Эмпедокл. Идея вечной гармонической неизменности всегда была дорога сознанию античности так же, как идея вечного единонаправленного движения и развития всегда дорога сознанию нового времени. Идея развития мира впервые внятно прозвучала в античности в «Энеиде» Вергилия — и смущенная античность ответила на это «Метаморфозами» Овидия: на порыв к иному было ответом любовное утверждение сущего.

«На уровне быта» и «на уровне бытия» любовь одинаково выступала регулятором всего, что есть,— а в промежутке? Промежуток регулировался для Овидия «на уровне государства» —

и мы уже знаем, что мироощущение Овидия потерпело катастрофу именно здесь.

Государство, в котором жил Овидий, выглядело не менее двойственно и условно, чем быт и чем мироздание. Официально продолжала существовать «возрожденная республика», правил сенат, избирались консулы и преторы, но фактически все вершилось по воле одного человека, «отца отечества», который и почитался-то именно как восстановитель республики. Овидий видел эту двойственность не менее отчетливо, чем его современники, но она его не смущала и не возмущала: он и ее надеялся преодолеть посредством все того же благодетельного принципа — любви. Если правитель любовно печется о народе, а народ любовно предан правителю и славит его, то чем этот строй хуже всякого иного? Это не было льстивой выдумкой или официальной подсказкой, это было искренним убеждением. Но у Августа убеждения были иные. Не любовь, а порядок; не метаморфозы, а самоотреченное служение; не Овидий, а Вергилий,— вот чем было для него государство.

Когда Овидий оказался в ссылке, он это понял. Ссылка была для него не только тяжкой житейской невзгодой — она была для него крахом миросозерцания. Миросозерцанием Овидия было приятие мира: он видел различие между видимостью и сутью, но он не мог и не хотел что-то одно из этого принять, а другое отвергнуть, он все время стремился связать их между собой и принять вместе. Воля Августа повернула к нему мир той стороной, которую ему труднее всего и больнее всего было принять — стороной некрасивой и безлюбовной. Это коснулось и быта и бытия: говоря о быте в диких Томах, Овидий больше всего горюет о том, что здесь вместо обходительности царит грубость, а говоря о природе, тоскует, что в стране, где замерзает Дунай, нет места мифу о Леандре, а в стране, где не растут яблони, нет места мифу об Аконтии («Скорбные элегии», III, 10). Он еще надеется найти общий язык с гетскими быками, которых придется ему погонять («Письма с Понта», I, 8, 55), но как ему найти общий язык с теми, кто так сурово сослал его сюда? Его бесконечные жалобы и униженные мольбы в элегиях, писанных в ссылке, раздражают современного читателя: неужели Овидий не мог перенести несчастье стойко, не мог встретить враждебную силу нравственно непобежденным? Нет: Овидий просто не хотел поверить, что государство может быть по отношению к человеку

враждебной силой. И он изощрялся в жалобах и мольбах, надеясь, что всечеловеческая любовь, жалость и прощение оживут в носителях государственной власти. Этого он не дождался.

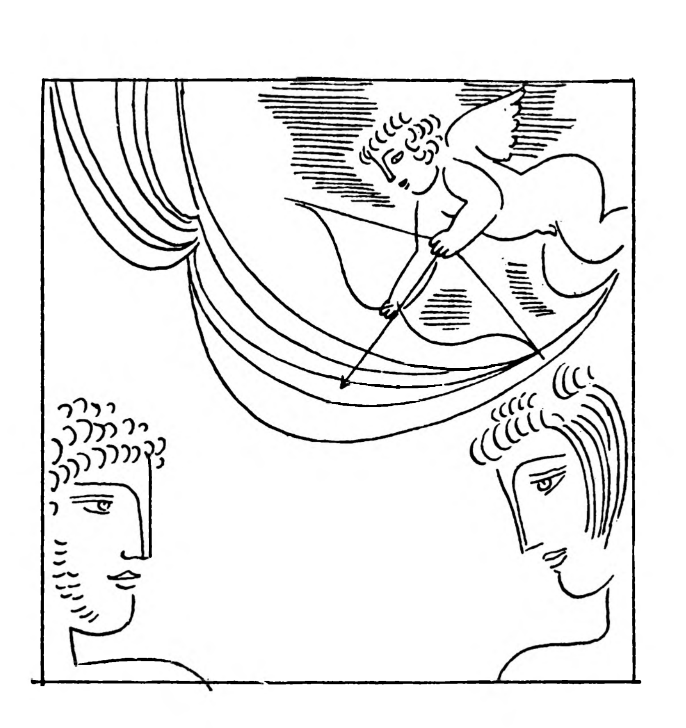
Есть поэзия приятия мира и поэзия неприятия мира. Более поздние эпохи сжились и сроднились с поэзией неприятия мира — пусть неполного, пусть частичного, но неприятия. А Овидий был именно поэтом всеприятия — пожалуй, самым ярким во всей античной литературе. Его мир не трагичен и не может быть трагичен: ведь смерти в нем нет, значит, и трагедии нет. Даже собственная судьба ничему не научила доброго поэта: до самого конца она осталась для него не трагедией, а недоразумением и нелепостью. Здесь и пролегает та черта, которая отделяет Овидия от читателя наших дней. Почувствовать всерьез его мир без трагедий, мир всепонимающей и всеобъединяющей любви человеку нашего времени трудно, если не невозможно. Трагический Эсхил, ищущий Вергилий, страдающий Катулл, непримиримый Тацит,— все они ближе современному сознанию, чем радостный Овидий. Вот почему этот самый легкий поэт древности оказывается таким трудным для нас.

Овидий не может быть в обиде за это. Среди великих поэтов древности он едва ли не скромнее всех. Конечно, для хорошей концовки и он не упускает сказать гордые слова о вечности своих стихов о любви и о превращениях. Но он лучше, чем кто-нибудь другой, понимает, что этой вечностью они обязаны не ему одному, а и его читателям. Добрый поэт, он любит не только своих героев, но и своих читателей; и он надеется, что по той же общечеловеческой своей доброте читатель ему ответит тем же. Он, Овидий, знает, что в Риме есть много поэтов лучше его; а о том, что есть много поэтов и хуже его, пускай лучше скажет сам читатель. Так говорит он перед тем, как закончить свою автобиографическую элегию добрыми и трогательными словами: «Заслужил я мою добрую славу или не заслужил,— а тебе, читатель, спасибо».

М. Гаспаров

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга первая

I

Важным стихом я хотел войну и горячие битвы
Изобразить, применив с темой согласный размер:
С первым стихом был равен второй. Купидон рассмеялся
И, говорят, у стиха тайно похитил стопу.
«Кто же такие права тебе дал над стихами, злой мальчик?
Ты не вожатый певцов, спутники мы Пиэрид.
Что, если б меч Венера взяла белокурой Минервы,
А белокурая вдруг факел Минерва зажгла?
Кто же нагорных лесов назовет госпожою Цереру
Или признает в полях девственной лучницы власть?
Кто же метанью копья обучать пышнокудрого стал бы
Феба? Не будет бряцать лирой Аонии Марс!
Мальчик, и так ты могуч, и так велико твое царство,—
Честолюбивый, зачем новых ты ищешь забот?
Или ты всем завладел — Геликоном, Темпейской долиной?
Иль не хозяин уж Феб собственной лиры своей?
Только лишь с первым стихом возникала новая книга,
Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.
Нет для легких стихов у меня подходящих предметов:
Юноши, девушки нет с пышным убором волос»,—
Так я пенял, а меж тем открыл он колчан и мгновенно
Мне на погибель извлек острые стрелы свои.
Взял свой изогнутый лук, тетиву натянул на колене:
«Вот,— сказал он,— поэт, тема для песен твоих!»

Горе мне! Были, увы, те стрелы у мальчика метки.
Я запылал — и в груди царствует ныне Амур.
Пусть шестистопному вслед стиху идет пятистопный.
Брани, прощайте! И ты, их воспевающий стих!
Взросшим у влаги венчай золотистую голову миртом,
Муза,— в двустишьях твоих будет одиннадцать стоп.

II

Я не пойму, отчего и постель мне кажется жесткой
И одеяло мое на пол с кровати скользит?
И почему во всю долгую ночь я сном не забылся?
И отчего изнемог, кости болят почему?
Не удивлялся бы я, будь нежным взволнован я чувством...
Или, подкравшись, любовь тайно мне козни творит?
Да, несомненно: впились мне в сердце точеные стрелы
И в покоренной груди правит жестокий Амур.
Сдаться ему иль борьбой разжигать нежданное пламя?..
Сдамся: поклажа легка, если не давит плечо.
Я замечал, что пламя сильней, коль факел колеблешь,—
А перестань колебать — и замирает огонь.
Чаще стегают быков молодых, ярму не покорных,
Нежели тех, что бразду в поле охотно ведут.
С норовом конь,— так его удилами тугими смиряют;
Если же рвется он в бой, строгой не знает узды.
Так же Амур: сильней и свирепей он гонит строптивых,
Нежели тех, кто всегда служит покорно ему.
Я признаюсь, я новой твоей оказался добычей,
Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.
Незачем нам враждовать, я мира прошу и прощенья,—
Честь ли с оружьем твоим взять безоружного в плен?
Миртом чело увенчай, запряги голубей материнских,
А колесницу под стать отчим воинственный даст.
На колеснице его — триумфатор — при кликах народа
Будешь стоять и легко править упряжкою птиц.
Юношей пленных вослед поведут и девушек пленных,
Справишь торжественно ты великолепный триумф.
Жертва последняя, сам с моей недавнею раной
Новые цепи свои пленной душой понесу.

За спину руки загнув, повлекут за тобой Благонравье,
Скромность и всех, кто ведет с войском Амура борьбу.
Все устрашатся тебя, и, руки к тебе простирая,
Громко толпа запоет: «Слава! Ио! Торжествуй!»
Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение, Буйство,—
Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.
Ты и людей и богов покоряешь с таким ополченьем.
Ты без содействия их вовсе окажешься гол.
Мать с олимпийских высот тебе, триумфатору, будет
Рукоплескать, на тебя розы кидать, веселясь.
Будут и крылья твои, и кудри гореть в самоцветах,
Сам золотой, полетишь на золоченой оси.
Многих еще по дороге спалишь — тебя ли не знаю!
Едучи мимо, ты ран много еще нанесешь.
Если бы даже хотел, удержать ты стрелы не в силах:
Если не самый огонь, близость его — обожжет.
Схож с тобою был Вакх, покорявший земли у Ганга:
Голуби возят тебя — тигры возили его.
Но коль участвую я в божественном ныне триумфе,
Коль побежден я тобой, будь покровителем мне!
Великодушен — смотри! — в боях твой родственник Цезарь,
Победоносной рукой он побежденных хранит.

V

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилег.
Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта,
Так что была полутень в комнате, словно в лесу,—
Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом
Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
По белоснежным плечам пряди спадали волос.
В спальню входила такой, по преданию, Семирамида
Или Лаида, любовь знавшая многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала,—
Скромница из-за нее все же боролась со мной.

Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
И показалась она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.
Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
Как были груди полны — только б их страстно сжимать!
Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?.. Всё было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
Прочее знает любой... Уснули усталые вместе...
О, проходили бы так чаще полудни мои!

VI

Слушай, привратник,— увы! — позорной прикованный цепью!
Выдвинь засов, отвори эту упрямую дверь!
Многого я не прошу: проход лишь узенький сделай,
Чтобы я боком пролезть в полуоткрытую мог.
Я ведь от долгой любви исхудал, и это мне кстати,—
Вовсе я тоненьким стал, в щелку легко проскользну...
Учит любовь обходить дозор сторожей потихоньку
И без препятствий ведет легкие ноги мои.
Раньше боялся и я темноты, пустых привидений,
Я удивлялся, что в ночь храбро идет человек.
Мне усмехнулись в лицо Купидон и матерь Венера,
Молвили полушутя: «Станешь отважен и ты!»
Я полюбил — и уже ни призраков, реющих ночью,
Не опасаюсь, ни рук, жизни грозящих моей.
Нет, я боюсь лишь тебя и льщу лишь тебе, лежебока!
Молнию держишь в руках, можешь меня поразить.
Выгляни, дверь отомкни,— тогда ты увидишь, жестокий:
Стала уж мокрою дверь, столько я выплакал слез.
Вспомни: когда ты дрожал, без рубахи, бича ожидая,
Я ведь тебя защищал перед твоей госпожой.
Милость в тот памятный день заслужили тебе мои просьбы,—
Что же — о низость! — ко мне нынче не милостив ты?
Долг благодарности мне возврати! Ты и хочешь и можешь,—
Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!

Выдвинь!.. Желаю тебе когда-нибудь сбросить оковы
И перестать наконец хлеб свой невольничий есть.
Нет, ты не слушаешь просьб... Ты сам из железа, привратник!..
Дверь на дубовых столбах окоченелой висит.
С крепким запором врата городам осажденным полезны,—
Но опасаться врагов надо ли в мирные дни?
Как ты поступишь с врагом, коль так влюбленного гонишь?
Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!
Я подошел без солдат, без оружья... один... но не вовсе:
Знай, что гневливый Амур рядом со мною стоит.
Если б я даже хотел, его отстранить я не в силах,—
Легче было бы мне с телом расстаться своим.
Стало быть, здесь один лишь Амур со мною, да легкий
Хмель в голове, да венок, сбившийся с мокрых кудрей.
Страшно ль оружье мое? Кто на битву со мною не выйдет.
Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!
Или ты дремлешь, и сон, помеха влюбленным, кидает
На ветер речи мои, слух миновавшие твой?
Помню, в глубокую ночь, когда я, бывало, старался
Скрыться от взоров твоих, ты никогда не дремал...
Может быть, нынче с тобой и твоя почивает подруга?
Ах! Насколько ж твой рок рока милей моего!
Мне бы удачу твою,— и готов я надеть твои цепи...
Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!
Или мне чудится?.. Дверь на своих вереях повернулась...
Дрогнули створы, и мне скрип их пророчит успех?..
Нет... Я ошибся... На дверь налетело дыхание ветра...
Горе мне! Как далеко ветер надежды унес!
Если еще ты, Борей, похищенье Орифии помнишь,—
О, появись и подуй, двери глухие взломай!
В Риме кругом тишина... Сверкая хрустальной росою,
Время ночое бежит,— выдвинь у двери засов!
Или с мечом и огнем, которым пылает мой факел,
Переступлю, не спросясь, этот надменный порог!
Ночь, любовь и вино терпенью не очень-то учат:
Ночи стыдливость чужда, Вакху с Амуром — боязнь.
Средства я все истощил, но тебя ни мольбы, ни угрозы
Все же не тронули... Сам глуше ты двери глухой!
Нет, порог охранять подобает тебе не прекрасной
Женщины,— быть бы тебе сторожем мрачной тюрьмы!..

Вот уж денница встает и воздух смягчает морозный,
Бедных к обычным трудам вновь призывает петух.
Что ж, мой несчастный венок! С кудрей безрадостных сорван,
У неприютных дверей здесь до рассвета лежи!
Тут на пороге тебя госпожа поутру заметит,—
Будешь свидетелем ты, как я провел эту ночь...
Ладно, привратник, прощай!.. Тебе бы терпеть мои муки!
Соня, любовника в дом не пропустивший,— прощай!
Будьте здоровы и вы, порог, столбы и затворы
Крепкие,— сами рабы хуже цепного раба!

VII

Если ты вправду мой друг, в кандалы заключи по заслугам
Руки мои — пока буйный порыв мой остыл.
В буйном порыве своем на любимую руку я поднял,
Милая плачет, моей жертва безумной руки.
Мог я в тот миг оскорбить и родителей нежно любимых,
Мог я удар нанести даже кумирам богов.
Что же? Разве Аянт, владевший щитом семислойным,
Не уложил, изловив, скот на просторном лугу?
Разве злосчастный Орест, за родителя матери мстивший,
Меч не решился поднять на сокровенных богинь?
Я же посмел растрепать дерзновенно прическу любимой,—
Но, и прически лишась, хуже не стала она.
Столь же прелестна!.. Такой, по преданью, по склонам Менала
Дева, Схенеева дочь, с луком за дичью гналась;
Или критянка, когда паруса и обеты Тесея
Нот уносил, распустив волосы, слезы лила;
Или Кассандра (у той хоть и были священные ленты)
Наземь простерлась такой в храме, Минерва, твоем.
Кто мне не скажет теперь: «Сумасшедший!», не скажет мне: «Варвар!»?
Но промолчала она: ужас уста ей сковал.
Лишь побледневшим лицом безмолвно меня упрекала,
Был я слезами ее и без речей обвинен.
Я поначалу хотел, чтоб руки от плеч отвалились:
«Лучше,— я думал,— лишусь части себя самого!»

Да, себе лишь в ущерб я к силе прибег безрассудной,
Я, не сдержав свой порыв, только себя наказал.
Вы мне нужны ли теперь, служанки злодейств и убийства?
Руки, в оковы скорей! Вы заслужили оков.
Если б последнего я из плебеев ударил, понес бы
Кару,— иль более прав над госпожой у меня?
Памятен стал Диомед преступленьем тягчайшим: богине
Первым удар он нанес, стал я сегодня — вторым.
Все ж он не столь виноват: я свою дорогую ударил,
Хоть говорил, что люблю,— тот же взбешен был врагом.
Что ж, победитель, теперь готовься ты к пышным триумфам!
Лавром чело увенчай, жертвой Юпитера чти!..
Пусть восклицает толпа, провожая твою колесницу:
«Славься, доблестный муж: женщину ты одолел!»
Пусть, распустив волоса, впереди твоя жертва влачится,
Скорбная, с бледным лицом, если б не кровь на щеках...
Лучше бы губкам ее посинеть под моими губами,
Лучше б на шее носить зуба игривого знак!
И, наконец, если я бушевал, как поток разъяренный,
И оказался в тот миг гнева слепого рабом,—
Разве прикрикнуть не мог — ведь она уж и так оробела,—
Без оскорбительных слов, без громогласных угроз?
Разве не мог разорвать ей платье — хоть это и стыдно —
До середины? А там пояс сдержал бы мой пыл.
Я же дошел до того, что схватил надо лбом ее пряди
И на прелестных щеках метки оставил ногтей!
Остолбенела она, в изумленном лице ни кровинки,
Белого стала белей камня с Паросской гряды.
Я увидал, как она обессилела, как трепетала,—
Так волоса тополей в ветреных струях дрожат,
Или же тонкий тростник, колеблемый легким Зефиром,
Или же рябь на воде, если проносится Нот.
Дольше терпеть не могла, и ручьем полились ее слезы —
Так из-под снега течет струйка весенней воды.
В эту минуту себя и почувствовал я виноватым,
Горькие слезы ее — это была моя кровь.
Трижды к ногам ее пасть я хотел, молить о прощеньс,—
Трижды руки мои прочь оттолкнула она.

Не сомневайся, поверь: отмстив, облегчишь свою муку;
Мне, не колеблясь, в лицо впейся ногтями, молю!
Глаз моих не щади и волос не щади, заклинаю,—
Женским слабым рукам гнев свою помощь подаст.
Или, чтоб знаки стереть злодеяний моих, поскорее
В прежний порядок, молю, волосы вновь уложи!

IX

Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой лагерь.
В этом мне, Аттик, поверь: каждый влюбленный — солдат.
Возраст, способный к войне, подходящ и для дела Венеры.
Жалок дряхлый боец, жалок влюбленный старик.
Тех же требует лет полководец в воине сильном
И молодая краса в друге на ложе любви.
Оба и стражу несут, и спят на земле по-солдатски:
Этот у милых дверей, тот у палатки вождя.
Воин в дороге весь век,— а стоит любимой уехать,
Вслед до пределов земли смелый любовник пойдет.
Встречные горы, вдвойне от дождей полноводные реки
Он перейдет, по пути сколько истопчет снегов!
Морем придется ли плыть,— не станет ссылаться на бури
И не подумает он лучшей погоды желать.
Кто же стал бы терпеть, коль он не солдат, не любовник,
Стужу ночную и снег вместе с дождем проливным?
Этому надо идти во вражеский стан па разведку;
Тот не спускает с врага, то есть с соперника, глаз.
Тот города осаждать, а этот — порог у жестокой
Должен,— кто ломится в дверь, кто в крепостные врата.
Часто на спящих врагов напасть врасплох удавалось,
Вооруженной рукой рать безоружных сразить,—
Пало свирепое так ополченье Реса-фракийца,
Бросить хозяина вам, пленные кони, пришлось!
Так и дремота мужей помогает любовникам ловким:
Враг засыпает — они смело кидаются в бой.
Всех сторожей миновать, избегнуть дозорных отрядов —
Это забота бойцов, бедных любовников труд.
Марс и Венера равно ненадежны: встает побежденный,
Падает тот, про кого ты и подумать не мог.

Пусть же никто не твердит, что любовь — одно лишь безделье:
Изобретательный ум нужен для дела любви.
Страстью великий Ахилл к уведенной горит Брисеиде,—
Пользуйтесь, Трои сыны! Рушьте аргивскую мощь!
Гектор в бой уходил из объятий своей Андромахи,
И покрывала ему голову шлемом жена.
Перед Кассандрой, с ее волосами безумной менады,
Остолбенел, говорят, вождь величайший Атрид.
Также изведал и Марс искусно сплетенные сети,—
У олимпийцев то был самый любимый рассказ...
Отроду был я ленив, к досугу беспечному склонен,
Душу расслабили мне дрема и отдых в тени.
Но полюбил я, и вот — встряхнулся, и сердца тревога
Мне приказала служить в воинском стане любви.
Бодр, как видишь, я стал, веду ночные сраженья.
Если не хочешь ты стать праздным ленивцем,— люби!

X

Той, увезенною вдаль от Эврота на судне фригийском,
Ставшей причиной войны двух ее славных мужей;
Ледой, с которой любовь, белоснежным скрыт опереньем,
Хитрый любовник познал, в птичьем обличье слетев;
И Амимоной, в сухих бродившей полях Арголиды,
С урной, на темени ей пук придавившей волос,—
Вот кем считал я тебя; и орла и быка опасался —
Всех, в кого обратить смог Громовержца Амур...
Страх мой теперь миновал, душа исцелилась всецело,
Это лицо красотой мне уже глаз не пленит.
Спросишь, с чего изменился я так? Ты — требуешь платы!
Вот и причина: с тех пор ты разонравилась мне.
Искренней зная тебя, я любил твою душу и тело,—
Ныне лукавый обман прелесть испортил твою.
И малолетен и наг Купидон: невинен младенец,
Нет одеяний на нем,— весь перед всеми открыт.
Платой прикажете вы оскорблять Венерина сына?
Нет и полы у него, чтобы деньгу завязать.
Ведь ни Венера сама, ни Эрот воевать не способны,—
Им ли плату взимать, миролюбивым богам?

Шлюха готова с любым спознаться за сходные деньги,
Тело неволит она ради злосчастных богатств.
Все ж ненавистна и ей хозяина жадного воля —
Что вы творите добром, по принужденью творит.
Лучше в пример для себя неразумных возьмите животных.
Стыдно, что нравы у них выше, чем нравы людей.
Платы не ждет ни корова с быка, ни с коня кобылица,
И не за плату берет ярку влюбленный баран.
Рада лишь женщина взять боевую с мужчины добычу,
За ночь платят лишь ей, можно ее лишь купить.
Торг ведет достояньем двоих, для обоих желанным,—
Вознагражденье ж она все забирает себе.
Значит, любовь, что обоим мила, от обоих исходит,
Может один продавать, должен другой покупать?
И почему же восторг, мужчине и женщине общий,
Стал бы в убыток ему, в обогащение ей?
Плох свидетель, коль он, подкупленный, клятву нарушит;
Плохо, когда у судьи ларчик бывает открыт;
Стыдно в суде защищать бедняка оплаченной речью;
Гнусно, когда трибунал свой набивает кошель.
Гнусно наследство отца умножать доходом постельным,
Торг своей красотой ради корысти вести.
То, что без платы дано, благодарность по праву заслужит;
Если ж продажна постель, нé за что благодарить.
Тот, кто купил, не связан ничем; закончена сделка —
И удаляется гость, он у тебя не в долгу.
Плату за ночь назначать берегитесь, прелестные жены!
Нечистоплотный доход впрок никому не пойдет.
Много ли жрице святой помогли запястья сабинян,
Если тяжелым щитом голову сплющили ей?
Острою сталью пронзил его породившее лоно
Сын — ожерелье виной было злодейства его.
Впрочем, не стыдно ничуть подарков просить у богатых:
Средства найдутся у них просьбу исполнить твою.
Что ж не срывать виноград, висящий на лозах обильных?
Можно плоды собирать с тучной феаков земли.
Если же беден твой друг, оцени его верность, заботы,—
Он госпоже отдает все достоянье свое.

А славословить в стихах похвалы достойных красавиц —
Дело мое: захочу — славу доставлю любой.
Ткани истлеют одежд, самоцветы и золото сгинут,—
Но до скончанья веков славу даруют стихи.
Сам я не скуп, не терплю, ненавижу, коль требуют платы;
Просишь — тебе откажу, брось домогаться — и дам.

XIII

Из океана встает, престарелого мужа покинув,
Светловолосая; мчит день на росистой оси.
Что ты, Аврора, спешишь? Постой! О, пусть ежегодно
Птицы вступают в бои, славя Мемнонову тень!
Мне хорошо в этот час лежать в объятиях милой,
Если всем телом она крепко прижмется ко мне.
Сладостен сон и глубок, прохладен воздух и влажен,
Горлышком гибким звеня, птица приветствует свет.
Ты нежеланна мужам, нежеланна и девам... Помедли!
Росные вожжи свои алой рукой натяни!
До появленья зари следить за созвездьями легче
Кормчему, и наугад он не блуждает в волнах.
Только взойдешь — и путник встает, отдохнуть не успевший,
Воин привычной рукой тотчас берется за меч.
Первой ты видишь в полях земледельца с двузубой мотыгой,
Первой зовешь под ярмо неторопливых быков.
Мальчикам спать не даешь, к наставникам их отправляешь,
Чтобы жестоко они били детей по рукам.
В зданье суда ты ведешь того, кто порукою связан,—
Много там можно беды словом единым нажить.
Ты неугодна судье, неугодна и стряпчему тоже,—
Встать им с постели велишь, вновь разбираться в делах.
Ты же, когда отдохнуть хозяйки могли б от работы,
Руку-искусницу вновь к прерванной пряже зовешь.
Не перечислить всего... Но чтоб девушки рано вставали,
Стерпит лишь тот, у кого, видимо, девушки нет.
О, как я часто желал, чтоб ночь тебе не сдавалась,
Чтоб не бежали, смутясь, звезды пред ликом твоим!

О, как я часто желал, чтоб ось тебе ветром сломало
Или свалился бы конь, в тучу густую попав.
Что ты спешишь? Не ревнуй! Коль сын твой рожден чернокожим,
Это твоя лишь вина: сердце черно у тебя.
Или оно никогда не пылало любовью к Кефалу?
Думаешь, мир не узнал про похожденья твои?
Я бы хотел, чтоб Тифон про тебя рассказал без утайки,—
На небесах ни одной не было басни срамней!
Ты от супруга бежишь,— охладел он за долгие годы.
Как колесницу твою возненавидел старик!
Если б какого-нибудь ты сейчас обнимала Кефала,
Крикнула б ночи коням: «Стойте, сдержите свой бег!»
Мне же за то ли страдать, что муж твой увял долголетний?
Разве советовал я мужем назвать старика?
Вспомни, как юноши сон лелеяла долго Селена,
А ведь она красотой не уступала тебе.
Сам родитель богов, чтоб видеть пореже Аврору,
Слил две ночи в одну, тем угождая себе...
Но перестал я ворчать: она услыхала как будто,—
Вдруг покраснела... Но день все-таки позже не встал...

XIV

Сколько я раз говорил: «Перестань ты волосы красить!»
Вот и не стало волос, нечего красить теперь.
А захоти — ничего не нашлось бы на свете прелестней!
До низу бедер твоих пышно спускались они.
Право, так были тонки, что причесывать их ты боялась,—
Только китайцы одни ткани подобные ткут.
Тонкою лапкой паук где-нибудь под ветхою балкой
Нитку такую ведет, занят проворным трудом.
Не был волос твоих цвет золотым, но не был и черным,—
Был он меж тем и другим, тем и другим отливал:
Точно такой по долинам сырым в нагориях Иды
Цвет у кедровых стволов, если кору ободрать.
Были послушны,— прибавь,— на сотни извивов способны,
Боли тебе никогда не причиняли они.

Не обрывались они от шпилек и зубьев гребенки,
Девушка их убирать, не опасаясь, могла...
Часто служанка при мне наряжала ее, и ни разу,
Выхватив шпильку, она рук не колола рабе.
Утром, бывало, лежит на своей пурпурной постели
Навзничь,— а волосы ей не убирали еще.
Как же была хороша,— с фракийской вакханкою схожа,
Что отдохнуть прилегла на луговой мураве...
Были так мягки они и легкому пуху подобны,—
Сколько, однако, пришлось разных им вытерпеть мук!
Как поддавались они терпеливо огню и железу,
Чтобы округлым затем лучше свиваться жгутом!
Громко вопил я: «Клянусь, эти волосы жечь — преступленье!
Сами ложатся они, сжалься над их красотой!
Что за насилье! Сгорать таким волосам не пристало:
Сами научат, куда следует шпильки вставлять!..»
Нет уже дивных волос, ты их погубила, а, право,
Им позавидовать мог сам Аполлон или Вакх.
С ними сравнил бы я те, что у моря нагая Диона
Мокрою держит рукой,— так ее любят писать.
Что ж о былых волосах теперь ты, глупая, плачешь?
Зеркало в скорби зачем ты отодвинуть спешишь?
Да, неохотно в него ты глядишься теперь по привычке,—
Чтоб любоваться собой, надо о прошлом забыть!
Не навредила ведь им наговорным соперница зельем,
Их в гемонийской струе злая не мыла карга;
Горя причиной была не болезнь (пронеси ее мимо!),
Не поубавил волос зависти злой язычок;
Видишь теперь и сама, что убытку себе натворила,
Голову ты облила смесью из ядов сама!
Волосы пленных тебе прислать из Германии могут,
Будет тебя украшать дар покоренных племен.
Если прической твоей залюбуется кто, покраснеешь,
Скажешь: «Любуются мной из-за красы покупной!
Хвалят какую-нибудь во мне германку-сигамбру,—
А ведь, бывало, себе слышала я похвалы!..»
Горе мне! Плачет она, удержаться не может; рукою,
Вижу, прикрыла лицо, щеки пылают огнем.

Прежних остатки волос у нее на коленях, ей тяжко,—
Горе мое! Не колен были достойны они...
Но ободрись, улыбнись: злополучье твое поправимо,
Скоро себе возвратишь прелесть природных волос!

XV

Зависть! Зачем упрекаешь меня, что молодость трачу,
Что, сочиняя стихи, праздности я предаюсь?
Я, мол, не то что отцы, не хочу в свои лучшие годы
В войске служить, не ищу пыльных наград боевых.
Мне ли законов твердить многословье, на неблагодарном
Форуме, стыд позабыв, речи свои продавать?
Эти не вечны дела, а я себе славы желаю
Непреходящей, чтоб мир песни мои повторял.
Жив меонийский певец, пока возвышается Ида,
Быстрый покуда волну к морю стремит Симоент.
Жив и аскреец, пока виноград наливается соком,
И подрезают кривым колос Церерин серпом.
Будет весь мир прославлять постоянно Баттова сына,—
Не дарованьем своим, так мастерством он велик.
Так же не будет вовек износа котурну Софокла.
На небе солнце с луной? Значит, не умер Арат.
Раб покуда лукав, бессердечен отец, непотребна
Сводня, а дева любви ласкова,— жив и Менандр.
Акций, чей мужествен стих, и Энний, еще неискусный,
Славны, и их имена время не сможет стереть.
Могут ли люди забыть Варрона и первое судно
Или как вождь Эсонид плыл за руном золотым?
Также людьми позабыт возвышенный будет Лукреций,
Только когда и сама сгинет однажды Земля.
Титир, земные плоды и Энеевы брани,— читатель
Будет их помнить, доколь в мире главенствует Рим.
Факел покуда и лук Купидоновым будут оружьем,
Будут, ученый Тибулл, строки твердиться твои.
Будет известен и Галл в восточных и западных странах,—
Вместе же с Галлом своим и Ликорида его.
Так: меж тем, как скала или зуб терпеливого плуга
Гибнут с течением лет,— смерти не знают стихи.

Пусть же уступят стихам и цари, и все их триумфы,
Пусть уступит им Таг в золотоносных брегах!
Манит пусть низкое чернь! А мне Аполлон белокурый
Пусть наливает полней чашу кастальской струей!
Голову лишь бы венчать боящимся холода миртом,
Лишь бы почаще меня пылкий любовник читал!
Зависть жадна до живых. Умрем — и она присмиреет.
Каждый в меру заслуг будет по смерти почтен.
Так, и сгорев на костре погребальном, навек я останусь
Жить — сохранна моя будет немалая часть.

Книга вторая

I

Я и это писал, уроженец края пелигнов,
Тот же Овидий, певец жизни беспутной своей.
Был то Амура приказ. Уходите, строгие жены,—
Нет, не для ваших ушей нежные эти стихи.
Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец, раньше не знавший любви.
Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелою,
Пусть узна́ет в стихах собственной страсти черты
И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться,— воскликнет,—
Этот искусник поэт — и рассказать обо мне?»
Помню, отважился я прославлять небесные брани,
Гигеса с сотнею рук — да и, пожалуй бы, смог! —
Петь, как отмстила Земля и как, на Олимп взгроможденный,
Вместе с Оссой крутой рухнул тогда Пелион.
Тучи в руках я держал и перун Юпитера грозный,—
Смело свои небеса мог бы он им отстоять!..
Что же? Любимая дверь заперла... И забыл я перуны,
Сам Юпитер исчез мигом из мыслей моих.
О Громовержец, прости! Не смогли мне помочь твои стрелы:
Дверь запертая была молний сильнее твоих.
Взял я оружье свое: элегии легкие, шутки;
Тронули строгую дверь нежные речи мои.

Могут стихи низвести луну кровавую с неба,
Солнца белых коней могут назад повернуть.
Змеи под властью стихов ядовитое жало теряют,
Воды по воле стихов снова к истокам текут.
Перед стихом растворяется дверь, и замок уступает,
Если он накрепко вбит даже в дубовый косяк.
Что мне за польза была быстроногого славить Ахилла?
Много ли могут мне дать тот или этот Атрид,
Муж, одинаковый срок проведший в боях и в скитаньях,
Или влекомый в пыли Гектор, плачевный герой?
Нет! А красавица та, чью прелесть юную славлю,
Ныне приходит ко мне, чтобы певца наградить.
Хватит с меня награды такой! Прощайте, герои
С именем громким! Не мне милостей ваших искать.
Лишь бы, красавицы, вы благосклонно слух преклонили
К песням, подсказанным мне богом румяным любви.

IV

Я никогда б не посмел защищать развращенные нравы,
Ради пороков своих лживым оружьем бряцать.
Я признаюсь — коли нам признанье проступков на пользу,—
Все я безумства готов, все свои вины раскрыть.
Я ненавижу порок... но сам ненавистного жажду.
Ах, как нести тяжело то, что желал бы свалить!
Нет, себя побороть ни сил не хватает, ни воли...
Так и кидает меня, словно корабль на волнах!..
Определенного нет, что любовь бы мою возбуждало,
Поводов сотни — и вот я постоянно влюблен!
Стоит глаза опустить какой-нибудь женщине скромно,—
Я уже весь запылал, видя стыдливость ее.
Если другая смела, так, значит, она не простушка,—
Будет, наверно, резва в мягкой постели она.
Встретится ль строгая мне, наподобье суровых сабинок,—
Думаю: хочет любви, только скрывает — горда!
Коль образованна ты, так нравишься мне воспитаньем;
Не учена ничему — так простотою мила.
И Каллимаха стихи для иной пред моими топорны,—
Нравятся, значит, мои,— нравится мне и она.

Та же и песни мои, и меня, стихотворца, порочит,—
Хоть и порочит, хочу ей запрокинуть бедро.
Эта походкой пленит, а эта пряма, неподвижна,—
Гибкою станет она, ласку мужскую познав.
Сладко иная поет, и льется легко ее голос,—
Хочется мне поцелуй и у певицы сорвать.
Эта умелым перстом пробегает по жалобным струнам,—
Можно ли не полюбить этих искуснейших рук?
Эта в движенье пленит, разводит размеренно руки,
Мягко умеет и в такт юное тело сгибать.
Что обо мне говорить — я пылаю от всякой причины,—
Тут Ипполита возьми: станет Приапом и он.
Ты меня ростом пленишь: героиням древним подобна,—
Длинная, можешь собой целое ложе занять.
Эта желанна мне тем, что мала: прельстительны обе.
Рослая, низкая — все будят желанья мои.
Эта не прибрана? Что ж, нарядившись, прекраснее станет.
Та разодета: вполне может себя показать.
Белая нравится мне, золотистая нравится кожа;
Смуглой Венерой и той я увлекаюсь подчас.
Темных ли пряди кудрей к белоснежной шее прильнули:
Славою Леды была черных волос красота.
Светлы они? — но шафраном кудрей Аврора прельщает...
В мифах всегда для меня нужный найдется пример.
Юный я возраст ценю, но тронут и более зрелым:
Эта красою милей, та подкупает умом...
Словом, какую ни взять из женщин, хвалимых в столице,
Все привлекают меня, всех я добиться хочу!

VI

Днесь попугай-говорун, с Востока, из Индии родом,
Умер... Идите толпой, птицы, его хоронить.
В грудь, благочестья полны, пернатые, крыльями бейте,
Щечки царапайте в кровь твердым кривым коготком!
Перья взъерошьте свои; как волосы, в горе их рвите;
Сами пойте взамен траурной длинной трубы.
Что, Филомела, пенять на злодейство фракийца-тирана?
Много уж лет утекло, жалобе смолкнуть пора.

Лучше горюй и стенай о кончине столь редкостной птицы!
Пусть глубоко ты скорбишь,— это давнишняя скорбь.
Все вы, которым дано по струям воздушным носиться,
Плачьте! — и первая ты, горлинка: друг он тебе.
Рядом вы прожили жизнь в неизменном взаимном согласье,
Ваша осталась по гроб долгая верность крепка.
Чем молодой был фокидец Пилад для аргосца Ореста,
Тем же была, попугай, горлинка в жизни твоей.
Что твоя верность, увы? Что редкая перьев окраска,
Голос, который умел всяческий звук перенять?
То, что, едва подарен, ты моей госпоже полюбился?
Слава пернатых, и ты все-таки мертвый лежишь...
Перьями крыльев затмить ты хрупкие мог изумруды,
Клюва пунцового цвет желтый шафран оттенял.
Не было птицы нигде, чтобы голосу так подражала.
Как ты, слова говоря, славно картавить умел!
Завистью сгублен ты был — ты ссор затевать не пытался.
Был от природы болтлив, мир безмятежный любил...
Вот перепелки — не то; постоянно друг с другом дерутся,—
И потому, может быть, долог бывает их век.
Сыт ты бывал пустяком. Порой из любви к разговорам,
Хоть изобилен был корм, не успевал поклевать.
Был тебе пищей орех или мак, погружающий в дрему,
Жажду привык утолять ты ключевою водой.
Ястреб прожорливый жив, и кругами высоко парящий
Коршун, и галка жива, что накликает дожди;
Да и ворона, чей вид нестерпим щитоносной Минерве,—
Может она, говорят, девять столетий прожить.
А попугай-говорун погиб, человеческой речи
Отображение, дар крайних пределов земли.
Жадные руки судьбы наилучшее часто уносят,
Худшее в мире всегда полностью жизнь проживет.
Видел презренный Терсит погребальный костер Филакийца;
Пеплом стал Гектор-герой — братья остались в живых...
Что вспоминать, как богов за тебя умоляла хозяйка
В страхе? Неистовый Нот в море моленья унес...
День седьмой наступил, за собой не привел он восьмого,—
Прялка пуста, и сучить нечего Парке твоей.
Но не застыли слова в коченеющей птичьей гортани,
Он, уже чувствуя смерть, молвил: «Коринна, прости!..»

Под Елисейским холмом есть падубов темная роща;
Вечно на влажной земле там зелена мурава.
Там добродетельных птиц — хоть верить и трудно! — обитель;
Птицам зловещим туда вход, говорят, запрещен.
Чистые лебеди там на широких пасутся просторах,
Феникс, в мире один, там же, бессмертный, живет;
Там распускает свой хвост и пышная птица Юноны;
Страстный целуется там голубь с голубкой своей.
Принятый в общество их, попугай в тех рощах приютных
Всех добродетельных птиц речью пленяет своей...
А над костями его — небольшой бугорочек, по росту,
С маленьким камнем; на нем вырезан маленький стих:
«Сколь был я дорог моей госпоже — по надгробию видно.
Речью владел я людской, что недоступно для птиц».

VII

Значит, я буду всегда виноват в преступлениях новых?
Ради защиты вступать мне надоело в бои.
Стоит мне вверх поглядеть в беломраморном нашем театре,
В женской толпе ты всегда к ревности повод найдешь.
Кинет ли взор на меня неповинная женщина молча,
Ты уж готова прочесть тайные знаки в лице.
Женщину я похвалю — ты волосы рвешь мне ногтями;
Стану хулить, говоришь: я заметаю следы...
Ежели свеж я на вид, так, значит, к тебе равнодушен;
Если не свеж,— так зачах, значит, томясь по другой...
Право, уж хочется мне доподлинно быть виноватым:
Кару нетрудно стерпеть, если ее заслужил.
Ты же винишь меня зря, напраслине всяческой веришь,—
Этим свой собственный гнев ты же лишаешь цены.
Ты погляди на осла, страдальца ушастого вспомни:
Сколько его ни лупи,— он ведь резвей не идет...
Вновь преступленье: с твоей мастерицей по части причесок,
Да, с Кипассидою мы ложе, мол, смяли твое!
Боги бессмертные! Как? Совершить пожелай я измену,
Мне ли подругу искать низкую, крови простой?

Кто ж из свободных мужчин захочет сближенья с рабыней?
Кто пожелает обнять тело, знававшее плеть?
Кстати, добавь, что она убирает с редким искусством
Волосы и потому стала тебе дорога.
Верной служанки твоей ужель домогаться я буду?
Лишь донесет на меня, да и откажет притом...
Нет, Венерой клянусь и крылатого мальчика луком:
В чем обвиняешь меня, в том я невинен,— клянусь!

VIII

Ты, что способна создать хоть тысячу разных причесок;
Ты, Кипассида, кому только богинь убирать;
Ты, что отнюдь не простой оказалась в любовных забавах;
Ты, что мила госпоже, мне же и вдвое мила,—
Кто же Коринне донес о тайной близости нашей?
Как разузнала она, с кем, Кипассида, ты спишь?
Я ль невзначай покраснел?.. Сорвалось ли случайное слово
С губ, и невольно язык скрытую выдал любовь?..
Не утверждал ли я сам, и при этом твердил постоянно,
Что со служанкой грешить — значит лишиться ума?
Впрочем... к рабыне пылал, к Брисеиде, и сам фессалиец;
Вождь микенский любил Фебову жрицу — рабу...
Я же не столь знаменит, как Ахилл или Тантала отпрыск,—
Мне ли стыдиться того, что не смущало царей?
В миг, когда госпожа на тебя взглянула сердито,
Я увидал: у тебя краской лицо залилось.
Вспомни, как горячо, с каким я присутствием духа
Клялся Венерой самой, чтоб разуверить ее!
Сердцем, богиня, я чист, мои вероломные клятвы
Влажному ветру вели в дали морские умчать...
Ты же меня наградить изволь за такую услугу:
Нынче, смуглянка, со мной ложе ты вновь раздели!
Неблагодарная! Как? Головою качаешь? Боишься?
Служишь ты сразу двоим,— лучше служи одному.
Если же, глупая, мне ты откажешь, я все ей открою,
Сам в преступленье своем перед судьей повинюсь;
Все, Кипассида, скажу: и где и как часто встречались;
Все госпоже передам: сколько любились и как...

IX

Ты, Купидон, никогда, как видно, гнев не насытишь,
Мальчик беспечный, приют в сердце нашедший моем!
Что обижаешь меня? Знамен твоих я ни разу
Не покидал, а меж тем ранен я в стане своем!
Что ж ты огнем опаляешь друзей и пронзаешь стрелами?
Право же, бо́льшая честь в битве врагов побеждать...
Тот гемонийский герой, пронзив копьем своим друга,
Не оказал ли ему тотчас врачебных услуг?
Ловчий преследует дичь, но только поймает, обычно
Зверя бросает, а сам к новой добыче спешит.
Мы, твой покорный народ, от тебя получаем удары,
А непокорных врагов лук твой ленивый щадит...
Стрелы к чему притуплять об кожу да кости? Любовью
В кожу да кости, увы, я уж давно превращен.
Мало ль мужчин живет без любви и мало ли женщин?
Лучше ты их побеждай — славный заслужишь триумф.
Рим, когда бы на мир огромных полчищ не двинул,
Так и остался б селом с рядом соломенных крыш...
Воин, когда он устал, получает участок земельный.
В старости конь скаковой праздпо пасется в лугах.
В длинных доках стоят корабли, приведенные с моря,
И гладиатора меч на деревянный сменен.
Значит, и мне, служаке в строю у любви и у женщин,
Дать увольненье пора, чтоб беззаботно пожить.

IXa

Если «Живи без любви!» мне бог какой-нибудь скажет,
О, я взмолюсь: до того женщина — сладкое зло.
Только пресыщусь, едва прекратится пылание страсти,
Вихрь куда-то опять бедную душу стремит.
Так, если конь понесет, стремглав помчит господина,
Пеной покрытой узде не удержать уж коня.
Так близ самой земли, у входа в надежную гавань,
Бури внезапный порыв в море уносит корабль.
Вот как я вечно гоним Купидона неверным дыханьем!
Снова знакомой стрелой целит румяный Амур.

Что же, стреляй! Я оружье сложил, я стою обнаженный.
В этих боях ты силён, не изменяет рука.
Как по приказу, в меня попадают без промаха стрелы,—
Стал я привычней для них, чем их привычный колчан.
Трижды несчастен тот, кто бездействия выдержать может
Целую ночь и сочтет лучшей наградою сон.
Глупый! Что же есть сон, как не смерти холодной подобье?
Волею неба вкушать долгий мы будем покой...
Лишь бы мне лгали уста подруги, обманщицы милой,—
Мне бы надежда и та радости много дала.
Ласково пусть болтает со мной, затевает и ссоры,
То утоляет мой пыл, то отвергает мольбы.
Марс переменчив, но в том виноват его пасынок резвый,—
Лишь по примеру его Марс обнажает свой меч.
Ветрен ты, мальчик, своих намного ты ветреней крыльев:
Радость нам дать и отнять — всё это прихоть твоя.
Если ты просьбе моей с божественной матерью внемлешь,
В сердце моем навсегда царство свое утверди.
Женщины пусть — легкомысленный сонм — признáют владыку,—
Будешь ты в мире тогда ими и нами почтен.

X

Помнится, ты, мой Грецин... да, именно ты говорил мнс,
Будто немыслимо двух одновременно любить.
Из-за тебя я в беде: безоружен был — и попался;
Стыдно сознаться — но двух одновременно люблю.
Обе они хороши, одеваются обе умело,
Кто же искусней из них, было бы трудно решить.
Эта красивее той... а та красивее этой.
Эта приятнее мне... нет, мне приятнее та...
Две меня треплют любви, как челн — два встречные ветра.
Мчусь то туда, то сюда,— надвое вечно разъят.
Стоит ли муки мои без конца умножать, Эрицина?
Женщины мало ль одной мне для сердечных забот?

Нужно ли звезд прибавлять и так полнозвездному небу
Или деревьям — листвы, морю глубокому — вод?
Лучше, однако, хоть так, чем хиреть без любви одиноко,—
Я пожелал бы врагу в строгости жить, без любви.
Я пожелал бы врагу одиноко лежать на постели,
Где не мешает ничто, где ты свободно простерт.
Нет, пусть ярость любви прерывает мой сон неподвижный!
Лишь бы не быть одному грузом кровати своей...
Пусть истощает мой пыл, запретов не зная, подруга,—
Если одна — хорошо; мало одной — так и две!
Члены изящны мои, однако нимало не слабы;
Пусть мой вес невелик, жилисто тело мое.
Крепости чреслам моим добавляет еще и желанье,—
В жизни своей никогда женщины я не подвел.
Часто в забавах любви всю ночь проводил, а наутро
Снова к труду был готов, телом все так же могуч.
Счастлив, кого сокрушат взаимные битвы Венеры!
Если б по воле богов мог я от них умереть!
Пусть бестрепетно грудь подставляет вражеским стрелам
Воин,— бессмертье себе он через смерть обретет.
Алчный пусть ищет богатств и пусть, в кораблекрушенье,
Влаги, изъезженной им, ртом своим лживым хлебнет!
Мне же да будет дано истощиться в волнениях страсти,
Пусть за любовным трудом смерть отпускную мне даст,
И со слезами пускай кто-нибудь на моем погребенье
Скажет: «Кончина твоя жизни достойна твоей!»

XIII

Бремя утробы своей безрассудно исторгла Коринна
И, обессилев, лежит. С жизнью в ней борется смерть.
Втайне решилась она на опасное дело; я вправе
Гневаться... Только мой гнев меньше, чем страх за нее.
Все же она понесла — от меня, я так полагаю.
Впрочем, порой я готов верным возможное счесть...
Матерь Исида, чей край — плодородные пашни Канопа,
И Паретоний, и Фар с рощами пальм, и Мемфис,
Чьи те равнины, где Нил, по широкому руслу скатившись,
Целой седмицей ворот к морю выносит волну!

Систром твоим заклинаю тебя и Анубиса ликом:
Вечно Осирис честной пусть твои таинства чтит,
Пусть не поспешно змея проползает вокруг приношений,
В шествии рядом с тобой Апис рогатый идет!
Взор свой сюда обрати, в одной двоих ты помилуй:
Жизнь госпоже возврати, мне же — она возвратит.
Часто в Исидины дни тебе она в храме служила,
Галлы-жрецы между тем кровью пятнали твой лавр.
Ты ведь жалеешь всегда беременных женщин, которым
Груз потаенный напряг гибкость утративший стан.
Будь благосклонна, внемли, о Илифия, жарким моленьям!
Верь мне, достойна она милостей щедрых твоих.
В белых одеждах я сам почту твой алтарь фимиамом,
Сам по обету дары к светлым стопам я сложу.
Надпись добавлю я к ним: «Назон — за спасенье Коринны».
О, поощри же, молю, надпись мою и дары!
Если же в страхе таком и советовать можно,— Коринна,
Больше подобных боев не затевай никогда!

XIV

Подлинно ль женщинам впрок, что они не участвуют в битвах
И со щитом не идут в грубом солдатском строю,
Если себя без войны они собственным ранят оружьем,
Слепо берутся за меч, с жизнью враждуя своей?
Та, что пример подала выбрасывать нежный зародыш,—
Лучше погибла б она в битве с самою собой!
Если бы в древности так матерям поступать полюбилось,
Сгинул бы с этаким злом весь человеческий род!
Снова пришлось бы искать того, кто в мире пустынном
Стал бы каменья бросать, вновь зачиная людей.
Кто бы Приамову мощь сокрушил, когда бы Фетида,
Моря богиня, свой плод не захотела носить?
Если в тугом животе не оставила б Илия двойню,
Кто бы тогда основал этот властительный Град?
Если б в утробе своей погубила Энея Венера,
То не пришлось бы земле в будущем Цезарей знать.
Так же погибла б и ты, хоть могла уродиться прекрасной,
Если б отважилась мать сделать, что сделала ты.

Сам я, кому умереть от любви предназначено, вовсе
Не родился бы на свет, не пожелай моя мать.
Можно ль незрелую гроздь срывать с лозы виноградной?
Можно ль жестокой рукой плод недоспелый снимать?
Свалятся сами, созрев. Рожденному дай развиваться.
Стоит чуть-чуть потерпеть, если наградою — жизнь.
Что же утробу язвить каким-то особым оружьем?
Как нерожденных детей ядом смертельным травить?
Все колхидянку винят, обагренную кровью младенцев;
Каждому Итиса жаль: мать погубила его.
Матери-звери они. Но у каждой был горестный повод:
Обе мстили мужьям, кровь проливая детей.
Вы же скажите, какой вас Терей иль Ясон побуждает
С дрожью, смущенной рукой тело свое поражать?
Сроду не делали так и в армянских логовах тигры;
Разве решится сгубить львица потомство свое?
Женщины ж этим грешат, хоть нежны,— и ждет их возмездье:
Часто убившая плод женщина гибнет сама,—
Гибнет,— когда же ее на костер несут, распустивши
Волосы, каждый в толпе громко кричит: «Поделом!»
Пусть же мои растворятся слова в просторах эфира!
Пусть предсказанья мои станут лишь звуком пустым!
Боги благие, лишь раз без вреда согрешить ей дозвольте...
Но и довольно: потом пусть наказанье несет.

XV

Палец укрась, перстенек, моей красавице милой.
Это подарок любви, в этом вся ценность его.
Будь ей приятен. О, пусть мой дар она с радостью примет,
Пусть на пальчик себе тотчас наденет его.
Так же ей будь подходящ, как она для меня подходяща.
Будь ей удобен, не жми тоненький пальчик ее.
Счастье тебе! Забавляться тобой госпожа моя будет,—
Сделав подарок, ему сам я завидовать стал...
Если б своим волшебством в тот перстень меня обратила
Дева Ээи иль ты, старец Карпафских пучин!
Стоило б мне пожелать коснуться грудей у любимой
Или под платье ее левой проникнуть рукой,

Я соскользнул бы с перста, хоть его и сжимал бы вплотную,
Чудом расширившись, к ней я бы на лоно упал.
Или печатью служа для писем ее потаенных,—
Чтобы с табличек не стал к камешку воск приставать,—
Я прижимался б сперва к губам красавицы влажным...
Только б на горе себе не припечатать письма!..
Если ж меня уложить захочет любимая в ларчик,
Я откажусь, я кольцом палец сожму потесней...
Пусть никогда, моя жизнь, для тебя я не стану обузой,
Пусть твой палец всегда с легкостью носит свой груз.
Ты, не снимая меня, купайся в воде подогретой,
Ведь не беда, коль струя под самоцвет попадет...
Голая будешь... И плоть у меня от желанья взыграет...
Будучи перстнем, я все ж дело закончу свое...
Что по-пустому мечтать?.. Ступай же, подарок мой скромный!
Смысл его ясен: тебе верность я в дар приношу.

XVIII

Ты, свою песню ведя, подошел уж к Ахиллову гневу
И облекаешь в доспех связанных клятвой мужей,
Я же, о Макр, ленюсь под укромною сенью Венеры,
Крупные замыслы все нежный ломает Амур.
Сколько уж раз «Отойди, не мешай!» говорил я подруге,
Но на колени ко мне тотчас садится она!
Или «Мне стыдно...» скажу,— а милая чуть ли не в слезы.
«Горе мне! — шепчет,— моей стал ты стыдиться любви...»
Шею мою обовьет и тысячью жарких лобзаний
Вдруг мне осыплет лицо,— я погибаю от них!
Я побежден, от боев отвлекает меня вдохновенье:
Битв домашних певец, подвиги славлю свои.
Скипетр я все же держал, как мог, и трагедия все же
Двигалась, с этим трудом справиться я бы сумел.
Плащ мой Амур осмеял, и цветные котурны, и скипетр:
Рано его я схватил и недостойной рукой!
В сторону был уведен своенравной красавицы волей
И о котурнах забыл: правил триумф свой Амур.

Делаю то, что могу: обучаю науке любовной
    (Горе! Я сам удручен преподаваньем своим!),
Иль сочиняю, как шлет Пенелопа известье Улиссу,
    Иль как у моря, одна, слезы, Филлида, ты льешь,—
Всё, что Парис, Макарей и Ясон, благодарности чуждый,
    Будут читать, Ипполит и Ипполитов отец;
Все, что, выхватив меч, сказала бы в горе Дидона
    Или же Лесбоса дочь, лиры Эолии друг.
Скоро же ты, мой Сабин, объехал весь мир и вернулся,
    Из отдаленных краев письма-ответы привез!
Значит, Улисса печать Пенелопой опознана верной,
    Мачеха Федра прочла, что написал Ипполит;
Благочестивый Эней прекрасной ответил Элиссе;
    Есть и к Филлиде письмо... если Филлида жива!
До Ипсипилы дошли Ясона печальные строки;
    Милая Фебу, во храм лиру, лесбийка, отдай!..
Все же в стихах и твоих, о Макр, воспеватель сражений,
    Голос порой подает золотокудрый Амур:
Там и Парис, и жена, что неверностью славу снискала,
    И Лаодамия, смерть мужу принявшая вслед...
Знаю тебя хорошо: ты любовь воспеваешь охотней,
    Нежели брани, ты в мой перебираешься стан!

XIX

Если жену сторожить ты, дурень, считаешь излишним,
    Хоть для меня сторожи, чтобы я жарче пылал!
Вкуса в дозволенном нет, запрет возбуждает острее;
    Может лишь грубый любить то, что дозволит другой.
Мы ведь любовники, нам и надежды и страхи желанны,
    Пусть иногда и отказ подогревает наш пыл.
Что мне удача в любви, коль заране успех обеспечен?
    Я не люблю ничего, что не сулило бы мук.
Этот мне свойственный вкус лукавой подмечен Коринной,—
    Хитрая, знает она, чем меня лучше поймать.
Ах, притворялась не раз, на боль головную ссылалась!
    Как же я медлил тогда, как не хотел уходить...
Ах, сколько раз обвиняла меня, и невинный виновник
    Нехотя вид принимал, будто и впрямь виноват.

Так, меня обманув и раздув негорячее пламя,
    Снова готова была страстным ответить мольбам.
Сколько и нежностей мне, и ласковых слов расточала!
    А целовала меня — боги! — о, сколько и как!
Так же и ты, которая взор мой пленила недавно,
    Чаще со мною лукавь, чаще отказывай мне,
Чаще меня заставляй лежать у тебя на пороге,
    Холод подолгу терпеть ночью у двери твоей.
Так лишь крепнет любовь, в упражнении долгом мужает,
    Вот чего требую я, вот чем питается страсть.
Скучно становится мне от любви беспрепятственной, пресной:
    Точно не в меру поел сладкого — вот и мутит.
Если б Данаю отец не запрятал в железную башню,
    От Громовержца она вряд ли бы плод принесла.
Зорко Юнона блюла телицу рогатую — Ио,—
    И Громовержцу вдвойне Ио милее была.
Тот, кто любит владеть доступным, пусть обрывает
    Листья с деревьев, пускай черпает воду из рек.
Только обманом держать любовника женщина может...
    Сколько советов, увы, против себя я даю!
Не возражает иной, а мне попустительство тошно:
    Ищут меня — я бегу, а убегают — гонюсь.
Ты же, который в своей красавице слишком уверен,
    Лучше, как спустится ночь, вход на замок запирай.
Да разузнай наконец, кто в дверь то и дело стучится
    Тайно, собаки с чего брешут в ночной тишине?
Что за таблички тишком проворная носит служанка,
    И почему госпожа часто ночует одна?
Пусть до мозга костей тебя пробирает тревога,—
    Дай же мне повод хоть раз ловкость свою проявить.
Тот пусть лучше песок на пустынном ворует прибрежье,
    Кто в неразумье своем любит жену дурака.
Предупреждаю тебя: коль верить слепо супруге
    Не перестанешь, моей быть перестанет она.
Много всего я терпел, надеялся я, что сумею,
    Как ты ее ни храни, все же тебя обойти.
Ты же, бесстрастный, готов терпеть нестерпимое мужу:
    Все дозволяешь — и вот я уж любить не могу.
Так уж, несчастному, мне никогда и не ведать запрета?
    Ночью уже никогда мести грозящей не ждать?

Страха не знать? Не вздыхать сквозь сон, ни о чем не волнуясь?
    Повода мне не подашь смерти твоей пожелать?
Что мне в супруге таком? На что мне податливый сводник?
    Нравом порочным своим губишь ты счастье мое.
Ты бы другого нашел, кому терпеливые любы...
    Если соперником звать хочешь меня — запрещай!

Книга третья

I

Древний высится лес, топора не знававший от века.
    Веришь невольно, что он тайный приют божества.
Ключ священный в лесу и пещера с сосульками пемзы,
    И отовсюду звучат нежные жалобы птиц.
Там, когда я бродил в тени под листвою древесной
    В думах, куда же теперь Муза направит мой труд,
Вижу Элегию вдруг: узлом — благовонные кудри,
    Только одна у нее будто короче нога;
Дивной красы, с оживленным лицом, в одежде тончайшей, —
    Даже уродство ноги лишь украшало ее.
Властная вдруг подошла и Трагедия шагом широким,
    Грозно свисали на лоб волосы; плащ до земли.
Левой рукою она помавала скипетром царским,
    Стройные голени ей сжали котурнов ремни.
Первой сказала она: «Когда же любить перестанешь
    Ты, к увещаньям моим не преклоняющий слух?
О похожденьях твоих на пьяных болтают пирушках,
    В людных толкуют местах, на перекрестке любом,
Пальцем частенько в толпе на поэта указывать стали:
    «Вот он тот, кого сжег страстью жестокий Амур!»
Не замечаешь ты сам, что становишься притчею Рима...
    Как же не стыдно тебе все про себя разглашать?
Петь о важнейшем пора, вдохновляться вакхическим тирсом, —
    Время довольно терять, труд начинай покрупней!

Ты унижаешь свой дар. Воспевай деянья героев!
Скажешь ты: нынешний труд больше подходит тебе —
Хватит забавных стихов, что успел ты сложить для девчонок;
Были напевы твои с юностью ранней в ладу.
Славу доставить теперь ты обязан трагедии римской,
И вдохновенье твое выполнит волю мою!»
Так она кончила речь в своих театральных котурнах
И покачала главой, в пышном уборе кудрей.
И, на нее покосясь, улыбнулась Элегия, вижу,—
Мирт держала она, помнится, в правой руке.
«Что порицаешь меня, Трагедия гордая, речью
Важной? — сказала.— Ужель важной не можешь не быть?
Не погнушалась и ты неравным стихом выражаться,
Ты, состязаясь со мной, мой применила размер?
Нет, величавых стихов со своими равнять я не смею,
Твой затмевает дворец скромные сени мои.
Ветрена я, и мил мне Амур, он ветреник тоже,
Избранный мною предмет — по дарованьям моим.
Бога игривого мать без меня грубовата была бы,
Я родилась, чтобы ей верною спутницей быть.
Все-таки я кое в чем и сильнее тебя: я такое
Переношу, от чего хмурятся брови твои.
Дверь, которую ты не откроешь тяжелым котурном,
Я открываю легко резвой своей болтовней.
Не научила ли я и Коринну обманывать стража,
И на измену склонять верность надежных замков,
Тайно с постели вставать, развязав поясок у сорочки,
И в полуночной тиши шагом неслышным ступать?
Мало ли я на жестоких дверях повисала табличкой,
Не побоясь, что меня каждый прохожий прочтет!
Помню и то, как не раз, за пазухой прячась рабыни,
Я дожидалась, когда ж сторож свирепый уйдет?
Раз на рожденье меня в подарок послал ты — и что же?
Варварка тут же, разбив, в воду швырнула меня.
Первой взрастила в тебе я счастливое семя таланта.
Это мой дар... А его требует нынче — она!»
Кончили. Я же сказал: «Заклинаю вас вами самими
Слух беспристрастно склонить к полным смиренья словам.

Та мне во славу сулит котурн высокий и скипетр —
С уст уж готов у меня звук величавый слететь...
Эта же — нашей любви обещает бессмертье... Останься ж
И продолжай прибавлять краткие к длинным стихам!
Лишь ненадолго певцу, Трагедия, даруй отсрочку:
Труд над тобой — на века, ей мимолетный милей...»
И согласилась она... Торопитесь, любовные песни!
Есть еще время — а там труд величавее ждет.

IV

Сторожа, строгий супруг, к молодой ты приставил подруге.
Полно! Себя соблюдать женщине надо самой.
Коль не от страха жена безупречна, то впрямь безупречна,—
А под запретом она, хоть не грешит, а грешна...
Тела блюдешь чистоту, а душа все равно любодейка...
Женщину не устеречь против желанья ее.
Женскую душу сберечь никакие не смогут затворы:
Кажется, всё на замке,— а соблазнитель проник!
Меньше грешат, коль можно грешить; дозволенье измены
Тупит само по себе тайной мечты остроту.
Верь мне, супруг: перестань порок поощрять запрещеньем,—
Лучше поборешь его, если уступишь ему.
Видел я как-то коня: он узде не хотел подчиниться
И, закусив удила, молнии несся быстрей,—
Но покорился и встал, ощутив, что на трепаной гриве
Мягкие вожжи лежат, что ослабела узда.
Все, что запретно, влечет; того, что не велено, жаждем.
Стоит врачу запретить, просит напиться больной...
Сто было глаз на челе у Аргуса, сто на затылке,—
Все же Амур — и лишь он — часто его проводил.
В прочный спальный покой из железа и камня Данаю
Девой невинной ввели,— матерью стала и там.
А Пенелопа, хотя никакой не имелось охраны,
Все же осталась чиста средь молодых женихов.
Больше хотим мы того, что другой бережет. Привлекает
Вора охрана сама. Редкий доступному рад.

К женщине часто влечет не краса, а пристрастье супруга:
Что-то в ней, видимо, есть, что привязало его...
Честной не будь взаперти,— изменяя, ты будешь милее.
Слаще волненья любви, чем обладанье красой.
Пусть возмущаются,— нам запретное слаще блаженство,
Та лишь нам сердце пленит, кто пролепечет: «Боюсь!»
Кстати, держать под замком недозволено женщин свободных,
Так устрашают одних иноплеменных рабынь.
Ежели вправе сказать ее сторож: моя, мол, заслуга...—
Так за невинность ее надо раба похвалить!
Подлинно тот простоват, кто измен не выносит подруги,
И недостаточно он с нравами Рима знаком.
Ведь при начале его — незаконные Марсовы дети:
Илией Ромул рожден, тою же Илией — Рем.
Да и при чем красота, если ты целомудрия ищешь?
Качествам этим, поверь, не совместиться никак.
Если умен ты, к жене снисходителен будь и не хмурься,
К ней применять перестань грозного мужа права.
Жениных лучшей друзей приветствуй (их будет немало!) —
Труд не велик, но тебя вознаградит он вполне.
Ты молодежных пиров постоянным участником станешь,
Дома, не делая трат, много накопишь добра.

VII

Иль не прекрасна она, эта женщина? Иль не изящна?
Или всегда не влекла пылких желаний моих?
Тщетно, однако, ее я держал, ослабевший, в объятьях,
Вялого ложа любви грузом постыдным я был.
Хоть и желал я ее и она отвечала желаньям,
Не было силы во мне, воля дремала моя.
Шею, однако, мою она обнимала руками
Кости слоновой белей или фригийских снегов;
Нежно дразнила меня сладострастным огнем поцелуев,
Ласково стройным бедром льнула к бедру моему.
Сколько мне ласковых слов говорила, звала «господином»,—
Все повторяла она, чем возбуждается страсть.

Я же, как будто меня леденящей натерли цикутой,
Был полужив, полумертв, мышцы утратили мощь.
Вот и лежал я, как пень, как статуя, груз бесполезный,—
Было бы трудно решить, тело я или же тень?
Что мне от старости ждать (коль мне предназначена старость),
Если уж юность моя так изменяет себе?
Ах! Я стыжусь своих лет: ведь я и мужчина и молод,—
Но не мужчиной я был, не молодым в эту ночь...
Встала с постели она, как жрица, идущая к храму
Весты, иль словно сестра, с братом расставшись родным...
Но ведь недавно совсем с белокурою Хлидой и с Либой,
Да и с блестящей Пито был я достоин себя,
И, проводя блаженную ночь с прекрасной Коринной,
Воле моей госпожи был я послушен во всем.
Сникло ли тело мое, фессалийским отравлено ядом?
Или же я ослабел от наговорной травы?
Ведьма ли имя мое начертала на воске багряном
И проколола меня в самую печень иглой?
От чародейства и хлеб становится злаком бесплодным,
От ворожбы в родниках пересыхает вода;
Падают гроздья с лозы и желуди с дуба, лишь только
Их околдуют, и сам валится с дерева плод.
Так почему ж ворожбе не лишать нас и мощи телесной?
Вот, может быть, почему был я бессилен в ту ночь...
И, разумеется,— стыд... И он был помехою делу,
Слабости жалкой моей был он причиной второй...
А ведь какую красу я видел, к ней прикасался!
Так лишь сорочке ее к телу дано приникать.
От прикасанья к нему вновь юношей стал бы и Нестор,
Стал бы, годам вопреки, юным и сильным Тифон...
В ней подходило мне все,— подходящим не был любовник...
Как же мне к просьбам теперь, к новым мольбам прибегать?
Думаю, больше того: раскаялись боги, что дали
Мне обладать красотой, раз я их дар осрамил.
Принятым быть у нее я мечтал — приняла, допустила;
И целовать? — целовал; быть с нею рядом? — и был.

Даже и случай помог... Но к чему мне держава без власти?
Я, как заядлый скупец, распорядился добром.
Так, окруженный водой, от жажды Тантал томится
И никогда не сорвет рядом висящих плодов...
Так покидает лишь тот постель красавицы юной,
Кто отправляется в храм перед богами предстать...
Мне не дарила ль она поцелуев горячих и нежных?
Тщетно!.. По-всякому страсть не возбуждала ль мою?
А ведь и царственный дуб, и твердый алмаз, и бездушный
Камень могла бы она ласкою тронуть своей.
Тронуть тем боле могла б человека живого, мужчину...
Я же, — я не был живым, не был мужчиною с ней.
Перед глухими зачем раздавалось бы Фемия пенье?
Разве Фамира-слепца живопись может пленить?
Сколько заране себе обещал я утех потаенно,
Сколько различных забав мне рисовала мечта!
А между тем лежало мое полумертвое тело,
На посрамление мне, розы вчерашней дряблей.
Ныне же снова я бодр и здоров, не ко времени крепок,
Снова на службу я рвусь, снова я требую дел.
Что же постыдно тогда я поник, наихудший из смертных
В деле любви? Почему сам был собой посрамлен?
Вооруженный Амур, ты сделал меня безоружным,
Ты же подвел и ее,— весь я сгорел со стыда!
А ведь подруга моя и руки ко мне простирала,
И поощряла любовь лаской искусной сама...
Но, увидав, что мой пыл никаким не пробудишь искусством
И что, свой долг позабыв, я лишь слабей становлюсь,
Молвила: «Ты надо мной издеваешься? Против желанья
Кто же велел тебе лезть, дурень, ко мне на постель?
Иль тут пронзенная шерсть виновата колдуньи ээйской,
Или же ты изнурен, видно, любовью с другой...»
Миг — и, с постели скользнув в распоясанной легкой рубашке,
Не постеснялась скорей прочь убежать босиком.
А чтоб служанки прознать не могли про ее неудачу,
Скрыть свой желая позор, дать приказала воды.

VIII

Кто почитает еще благородные ныне искусства?
    Ценными кто назовет нежные ныне стихи?
В прежнее время талант — и золота был драгоценней;
    Нынче невеждой слывешь, если безденежен ты.
Книжки мои по душе пришлись владычице сердца:
    Вход моим книжкам открыт, сам же я к милой не вхож.
Хоть расхвалила меня, для хваленого дверь на запоре,—
    Вот и слоняюсь — позор! — вместе с талантом своим!
Всадник богатый, на днях по службе достигнувший ценза,
    Кровью напившийся зверь, ею теперь предпочтен.
Жизнь моя! Как же его в руках ты сжимаешь прекрасных?
    Как ты сама, моя жизнь, терпишь объятья его?
Знай, что его голова к военному шлему привычна,
    Знай,— опоясывал меч стан его, льнущий к тебе;
Левой рукой с золотым, лишь недавно заслуженным перстнем
    Щит он держал; прикоснись к правой: она же в крови!
В силах притронуться ты к руке, умертвившей кого-то?
    Горе! Ведь прежде была сердцем чувствительна ты!
Только на шрамы взгляни, на знаки бывалых сражений,—
    Добыл он телом одним все, что имеет теперь.
Хвастать, пожалуй, начнет, как много людей перерезал,—
    Все-таки трогаешь ты, жадная, руку его!
Я же, Феба и Муз чистейший священнослужитель,
    У непреклонных дверей тщетно слагаю стихи!
Умные люди, к чему вам беспечная наша наука?
    Нужны тревоги боев, грубая жизнь лагерей.
Что совершенствовать стих? Выводите-ка первую сотню!..
    Лишь пожелай, преуспеть так же ты мог бы, Гомер!
Зная, что нет ничего всемогущее денег, Юпитер
    С девой, введенной в соблазн, сам расплатился собой:
Без золотых и отец был суров, и сама недоступна,
    В башне железной жила, двери — из меди литой.
Но лишь в червонцы себя превратил обольститель
                                                            разумный,—
    Дева, готова на все, тотчас одежды сняла.
В век, когда в небесах Сатурн господствовал старый,
    В недрах ревниво земля много богатств берегла.

Золото и серебро, и медь и железо таились
Рядом с царством теней,— их не копили тогда.
То ли земные дары: пшеница, не знавшая плуга;
Соты, доступные всем, в дуплах дубовых; плоды...
Землю в то время никто сошником могучим не резал,
Поля от поля межой не отделял землемер.
Не бороздило зыбей весло, погруженное в воду,
Каждому берег морской краем казался пути.
Против себя ты сама искусилась, людская природа,
И одаренность твоя стала тебе же бедой.
Вкруг городов для чего воздвигаем мы стены и башни,
Вооружаем зачем руки взаимной вражды?
Море тебе для чего? Человек, довольствуйся сушей.
В третье ли царство свое мнишь небеса превратить?
А почему бы и нет, когда удостоены храмов
Либер, Ромул, Алкид, Цезарь с недавней поры?
Не урожаев мы ждем от земли,— мы золота ищем.
Воин в богатстве живет, дóбытым кровью его.
В Курию бедный не вхож: обусловлен почет состояньем,—
Всадник поэтому строг и непреклонен судья...
Пусть же хоть всё заберут,— и Марсово поле, и Форум;
Распоряжаются пусть миром и грозной войной,—
Только б не грабили нас, любовь бы нашу не крали:
Лишь бы они беднякам чем-либо дали владеть...
Ныне же, если жена и с сабинкою схожа суровой,
Держит ее, как в плену, тот, кто на деньги щедрей.
Сторож не пустит: она за меня, мол, дрожит,— из-за мужа...
А заплати я — уйдут тотчас и сторож и муж!
Если какой-нибудь бог за влюбленных мстит обделенных,
Пусть он богатства сотрет неблаговидные в прах!

IX

Если над Мéмноном мать и мать над Ахиллом рыдала,
Если удары судьбы трогают вышних богинь,—
Волосы ты распусти, Элегия скорбная, ныне:
Ныне по праву, увы, носишь ты имя свое.

Призванный к песням тобой Тибулл, твоя гордость и слава,—
Ныне бесчувственный прах на запылавшем костре.
Видишь, Венеры дитя колчан опрокинутым держит;
Сломан и лук у него, факел сиявший погас;
Крылья поникли, смотри! Сколь жалости мальчик достоин!
Ожесточенной рукой бьет себя в голую грудь;
Кудри спадают к плечам, от слез струящихся влажны;
Плач сотрясает его, слышатся всхлипы в устах...
Так же, преданье гласит, на выносе брата Энея,
Он из дворца твоего вышел, прекраснейший Юл...
Ах, когда умер Тибулл, омрачилась не меньше Венера,
Нежели в час, когда вепрь юноше пах прободал...
Мы, певцы, говорят, священны, хранимы богами;
В нас, по сужденью иных, даже божественный дух...
Но оскверняется все, что свято, непрошеной смертью,
Руки незримо из тьмы тянет она ко всему.
Много ли мать и отец помогли исмарийцу Орфею?
Много ли проку, что он пеньем зверей усмирял?
Лин — от того же отца, и все ж, по преданью, о Лине
Лира, печали полна, пела в лесной глубине.
И меонийца добавь — из него, как из вечной криницы,
Ток пиэрийской струи пьют песнопевцев уста.
В черный, однако, Аверн и его погрузила кончина...
Могут лишь песни одни жадных избегнуть костров.
Вечно живут творенья певцов: и Трои осада,
И полотно, что в ночи вновь распускалось хитро...
Так, Немесиды вовек и Делии имя пребудет,—
Первую пел он любовь, пел и последнюю он.
Что приношения жертв и систры Египта? Что пользы
Нам в чистоте сохранять свой целомудренный одр?..
Если уносит судьба наилучших — простите мне дерзость,—
Я усомниться готов в существованье богов.
Праведным будь,— умрешь, хоть и праведен; храмы святые
Чти,— а свирепая смерть стащит в могилу тебя...
Вверьтесь прекрасным стихам... но славный Тибулл бездыханен?
Все-то останки его тесная урна вместит...
Пламя костра не тебя ль унесло, песнопевец священный?
Не устрашился огонь плотью питаться твоей.

Значит, способно оно и храмы богов золотые
Сжечь,— коль свершило, увы, столь святотатственный грех.
Взор отвратила сама госпожа эрицинских святилищ
И — добавляют еще — слез не могла удержать...
Все же отраднее так, чем славы и почестей чуждым
На Феакийских брегах в землю немилую лечь.
Тут хоть закрыла ему, уходящему, тусклые очи
Мать и дары принесла, с прахом прощаясь его.
Рядом была и сестра, материнскую скорбь разделяла,
Пряди небрежных волос в горе руками рвала.
Здесь Немесида была... и первая... та... Целовали
Губы твои, ни на миг не отошли от костра.
И перед тем как уйти, промолвила Делия: «Счастья
Больше со мною ты знал, в этом была твоя жизнь!»
Но Немесида в ответ: «Что молвишь? Тебе б мое горе!
Он, умирая, меня слабой рукою держал».
Если не имя одно и не тень остается от смертных,
То в Елисейских полях будет Тибулла приют.
Там навстречу ему, чело увенчав молодое
Лаврами, с Кальвом твоим выйди, ученый Катулл!
Выйди,— коль ложно тебя обвиняют в предательстве друга,—
Галл, не умевший щадить крови своей и души!
Тени их будут с тобой, коль тени у тел существуют.
Благочестивый их сонм ты увеличил, Тибулл.
Мирные кости — молю — да покоятся в урне надежной,
Праху, Тибулл, твоему легкой да будет земля.

XI

Много я, долго терпел,— победили терпенье измены.
Прочь из усталой груди, страсти позорной огонь!
Кончено! Вновь я свободу обрел, порвал свои цепи,—
Их я носил не стыдясь, ныне стыжусь, что носил.
Я победил, я любовь наконец попираю ногами.
Поздно же я возмужал, поздно окрепли рога!
Переноси и крепись. Себя оправдает страданье,—
Горьким нередко питьем хворый бывал исцелен.

Все сносил я, терпел, что меня прогоняли с порога,
Что, унижая себя, спал я на голой земле.
Ради другого, того, кто в объятьях твоих наслаждался,
Мог я, как раб, сторожить наглухо замкнутый дом!
Видел я, как из дверей выходил утомленный любовник,—
Так заслужённый в боях еле бредет инвалид.
Хуже еще, что меня, выходя из дверей, замечал он,—
Злому врагу моему столько б изведать стыда!
Было ль хоть раз, чтобы рядом с тобой я не шел на прогулке,
Я, возлюбленный твой, сопроводитель и страж?
Нравилась, видно, ты всем: недаром ты мною воспета,—
Ты через нашу любовь многих любовь обрела...
Ах, для чего вспоминать языка вероломного низость?
Ты, и богами клянясь, мне на погибель лгала!
А с молодыми людьми на пирах перегляды и знаки,
Этот условный язык, слов затемняющий смысл?..
Раз ты сказалась больной,— бегу вне себя, прибегаю,—
Что же? Больна ты иль нет, знал мой соперник верней...
Вот что привык я терпеть, да еще умолчал я о многом...
Ныне другого ищи, кто бы терпел за меня!
Поздно! Уже мой корабль, по обету цветами увитый,
Внемлет бестрепетно шум морем вздымаемых волн...
Зря перестань расточать меня покорявшие раньше
Ласки и речи,— теперь я не такой уж глупец...
Борются все же в груди любовь и ненависть... Обе
Тянут к себе, но уже... чую... любовь победит!
Я ненавидеть начну... а если любить, то неволей:
Ходит же бык под ярмом, хоть ненавидит ярмо.
Прочь от измен я бегу,— красота возвращает из бегства;
Нрав недостойный претит,— милое тело влечет.
Так, не в силах я жить ни с тобой, ни в разлуке с тобою,
Сам я желаний своих не в состоянье постичь.
Если б не так хороша ты была иль не так вероломна!
Как не подходит твой нрав к этой чудесной красе!
Мерзки поступки твои,— а внешность любить призывает...
Горе! Пороки ее ей уступают самой.
Сжалься! Тебя я молю правами нам общего ложа,
Всеми богами (о, пусть терпят обманы твои!),

Этим прекрасным лицом, божеством для меня всемогущим,
Сжалься, ради очей, очи пленивших мои:
Будь хоть любой, но моей, навеки моей... Рассуди же,
Вольной желаешь ли ты иль подневольной любви?
Время поднять паруса и ветрам отдаться попутным:
Я ведь, желай не желай, вынужден буду любить!..

XIV

Ты хороша, от тебя я не требую жизни невинной,
Жажду я в горе моем только не знать ничего.
К скромности я принуждать не хочу тебя строгим надзором;
Просьба моя об одном: скромной хотя бы кажись!
Та не порочна еще, кто свою отрицает порочность,—
Только признаньем вины женщин пятнается честь.
Что за безумие: днем раскрывать, что ночью таится,
Громко про все говорить, что совершалось в тиши?
Даже блудница и та, отдаваясь кому ни попало,
Двери замкнет на засов, чтобы никто не вошел.
Ты же зловредной молве разглашаешь свои похожденья,—
То есть проступки свои разоблачаешь сама!
Благоразумнее будь, подражай хотя бы стыдливым.
Честной не будешь, но я в честность поверю твою.
Пусть! Живи, как жила, но свое отрицай поведенье,
Перед людьми не стыдись скромный вести разговор.
Там, где беспутства приют, наслажденьям вовсю предавайся;
Если попала туда, смело стыдливость гони.
Но лишь оттуда ушла,— да исчезнет и след непотребства.
Пусть о пороках твоих знает одна лишь постель!
Там — ничего не стыдись, спускай, не стесняясь, сорочку
И прижимайся бедром смело к мужскому бедру.
Там позволяй, чтоб язык проникал в твои алые губы,
Пусть там находит любовь тысячи сладких утех,
Пусть там речи любви и слова поощренья не молкнут,
Пусть там ложе дрожит от сладострастных забав.
Но лишь оделась, опять принимай добродетельный облик.
Внешней стыдливостью пусть опровергается срам...

Лги же и людям и мне; дозволь мне не знать, заблуждаться,
Дай мне доверчивым быть, дай наслаждаться глупцу...
О, для чего ты при мне получаешь и пишешь записки?
В спальне твоей почему смята и взрыта постель?
Что ты выходишь ко мне растрепанной, но не спросонья?
Метку от зуба зачем вижу на шее твоей?
Недостает изменять у меня на глазах, откровенно...
Чести своей не щадишь — так пощади хоть мою.
Ты признаешься во всем — и лишаюсь я чувств, умираю,
Каждый раз у меня холод по жилам течет...
Да, я люблю, не могу не любить и меж тем ненавижу;
Да, иногда я хочу — смерти... но вместе с тобой!
Сыска не буду чинить, не буду настаивать, если
Скрытничать станешь со мной,— будто и нет ничего...
Даже, коль я захвачу случайно минуту измены,
Если воочию сам свой я увижу позор,
Буду потом отрицать, что́ сам воочию видел,
Разувереньям твоим в споре уступят глаза.
Трудно ль того победить, кто жаждет быть побежденным!
Только сказать не забудь: «Я не виновна»,— и всё.
Будет довольно тебе трех слов, чтоб выиграть дело:
Не оправдает закон, но оправдает судья.

XV

Новых поэтов зови, о мать наслаждений любовных!
Меты я крайней достиг в беге элегий своих,
Созданных мною, певцом, вскормлённым полями пелигнов.
Не посрамили меня эти забавы мои.
Древних дедовских прав — коль с этим считаться — наследник,
Числюсь во всадниках я не из-за воинских бурь.
Мантуи слава — Марон, Катулл прославил Верону,
Будут теперь называть славой пелигнов — меня,—
Тех, что свободу свою защищали оружием честным
В дни, когда Рим трепетал, рати союзной страшась.
Ныне пришлец, увидав обильного влагой Сульмона
Стены, в которых зажат скромный участок земли,

Скажет: «Ежели ты даровал нам такого поэта,
Как ты ни мал, я тебя все же великим зову».
Мальчик чтимый и ты, Аматусия, чтимого матерь,
С поля прошу моего снять золотые значки.
Тирсом суровым своим Лиэй потрясает двурогий,
Мне он коней запустить полем пошире велит.
Кроткий элегии стих! Игривая Муза, прощайте!
После кончины моей труд мой останется жить.

ГЕРОИДЫ

HEROIDES

Письмо первое

ПЕНЕЛОПА — УЛИССУ

Неторопливый, тебе эти строки шлет Пенелопа;
Не отвечай мне письмом — сам возвращайся, Улисс!
Пал давно Илион, ненавистный подругам данайцев;
Вряд ли и город и царь стоили этой цены.
Лучше бы прежде, в пути, когда в Спарту плыл соблазнитель,
Натиском бешеных вод был погребен его флот!
Мне не пришлось бы лежать в одинокой, холодной постели,
Плакать, что медленно дни для разлученной идут,
Или, стремясь обмануть долготу нескончаемой ночи,
Вдовые руки трудить тканью, свисающей с кросн.
Все опасности мне еще опасней казались;
Так уж всегда: где любовь — там и тревога и страх.
Строй мерещился мне на тебя идущих троянцев,
Краску сгоняло со щек Гектора имя одно.
Чуть мне расскажут о том, как Гектор убил Антилоха,—
Станет вмиг Антилох новых причиной тревог.
Весть ли придет, что погиб Патрокл в доспехах заемных,—
Плачу о том, что успех хитрость дает не всегда.
Кровью своей Тлеполем увлажнил ликийскую пику,—
Новые страхи в душе смерть Тлеполема родит.
Кто бы ни был убит в ахейском стане под Троей,
Любящей сердце в груди делалось льда холодней.
Но справедливый бог над любовью сжалился чистой:
Троя дотла сожжена — муж мой остался в живых,

Все возвратились вожди, алтари в Арголиде дымятся,
Храмы отчих богов варварских полны богатств.
Дар за спасенных мужей молодые жены приносят,
Те о судьбах поют, Трои сломивших судьбу.
Робкие девушки им, справедливые старцы дивятся,
Жены не сводят с них глаз, слушая долгий рассказ.
Стол поставят — и муж покажет грозные битвы,
Пролитой каплей вина весь нарисует Пергам:
«Здесь протекал Симоент, здесь было Сигейское поле,
Здесь — высокий дворец старца Приама стоял.
Там — Эакида шатры, а дальше — стоянка Улисса,
Гектор истерзанный здесь быстрых пугал лошадей».
Ведь обо всем, когда был за тобой на поиски послан
Сын твой, ему рассказал Нестор, а он уже — мне.
Он рассказал и о том, как убили Долона и Реса,
Сном был погублен один, хитрой уловкой — другой.
Видно, совсем, совсем обо мне ты забыл, если дерзко
Лагерь фракийский настиг хитрой уловкой ночной,
Столько бойцов перебил, одного лишь рядом имея.
Так-то себя ты берег? Так-то ты помнил меня?
Сердце дрожало, пока не сказали мне, как, победитель,
Ты исмарийских коней вел перед строем друзей.

Что мне, однако, с того, что разрушена Троя и снова
Ровное место лежит там, где стояла стена,
Если живу я, как прежде жила, пока Троя стояла,
Если разлуке с тобой так и не видно конца?
Цел для меня для одной Пергам, хоть для всех и разрушен,
Хоть победители там пашут на пленных быках.
Всходы встают, где стоял Илион, и серпа поселенцев
Ждет урожай на полях, тучных от крови врага.
Лемех кривой дробит неглубоко зарытые кости
Воинов; камни домов прячет густая трава.
Ты и с победой домой не пришел, и узнать не дано мне,
Что тебя держит и где ты, бессердечный, пропал.
Всякий, кто к нам повернет чужеземный корабль, не уедет
Прежде, чем тысячу раз я не спрошу о тебе
И,— чтоб тебе передать, если встретить тебя доведется,—
Он не получит письма, что я писала сама.

К дряхлому Нестору мы посылали в Нелееву землю,
В Пилос — но Пилос прислал темные вести в ответ;
В Спарту послали потом — но и Спарта правды не знает.
Где ты? В какой ты земле, неторопливый, живешь?
Лучше уж было бы мне, если б Фебовы стены стояли.
Глупая! Нынче сержусь я на мои же мольбы!
Знала бы, где ты теперь, и боялась я только сражений,
Жалобой вторила б я жалобе множества жен.
Нынче боюсь я всего, не зная, чего мне бояться,
Для неразумных тревог много открыто дорог.
Сколько опасностей есть на морях, сколько есть их на суше,
Все они,— думаю я,— путь преградили тебе.
Глупые мысли мои! Я ведь знаю твое сластолюбье,—
Верно, тебя вдалеке новая держит любовь,
Верно, твердишь ты о том, что жена у тебя простовата,
Что у нее не груба разве что пряжа одна.
О, хоть бы я солгала! Хоть бы ветер умчал обвиненье!
Хоть бы приплыть пожелал ты, если волен приплыть!

Вдовью покинуть постель меня заставляет Икарий,
Все попрекает, что зять слишком уж долго плывет.
Пусть попрекает! Твоей и была Пенелопа, и будет,—
Пусть вспоминают меня лишь как Улисса жену.
Даже отца сломили мои стыдливые просьбы,
Действовать силой ему верность моя не дала.
Сколько ни есть женихов на Дулихии, Саме, Закинфе,
Все ненасытной толпой здесь обступили меня,
В доме твоем без помех они хозяйничать стали,
Губят и сердце жены, и достоянье твое.
Надо ль о жадных руках Писандра, Полиба, Медонта,
Об Антиное тебе и Эвримахе писать
И обо всех, кого ты, на чужбине постыдно замешкав,
Кормишь тем, что добыл, кровь проливая в боях?
Нищий Ир и Мелантий-пастух, что им на съеденье
Наши гонит стада, твой довершают позор.
Нас же лишь трое, к борьбе непригодных: я слишком бессильна,
Слишком уж стар Лаэрт, слишком уж юн Телемах.
Да и его через козни врагов я едва не лишилась,
Чуть лишь собрался он плыть в Пилос, не слушаясь их.

Боги, сделайте так, чтоб судьба соблюла свой порядок:
Пусть и мне и тебе сын наш закроет глаза!
Молят о том и пасущий быков, и старая няня,
Молит и верный страж хлевов нечистых свиных.
Но ведь не может Лаэрт — старик, бессильный в сраженье,—
Меж обступивших врагов власть над страной удержать.
Только бы жил Телемах — впереди его лучшее время,
А до того опекать юношу должен отец.
Сил не хватает и мне отразить врагов, осадивших
Дом твой: вернись же скорей, ты, наш приют и оплот!
Есть — и пусть будет, молю,— у тебя Телемах; не тебе ли
Отчее знанье свое юному сыну вверять.
Старого вспомни отца: закрыть глаза ему должен
Ты — ведь последние дни он доживает, взгляни!
А Пенелопу твою, хоть оставил ее молодою,
Ты — спеши не спеши — дряхлой старухой найдешь.

Письмо второе

ФИЛЛИДА — ДЕМОФОНТУ

Гость мой! Пеняет тебе Филлида-фракиянка горько:
Минул обещанный срок — ты не вернулся ко мне.
Был уговор: один только раз луна округлится,
И у моих берегов вновь ты опустишь причал.
Но хоть четырежды круг замыкала луна и скрывалась,
Вал ситонийский не мчит к нам из Актеи корабль.
Время сочти — хорошо мы, влюбленные, это умеем!
Нет, не до срока к тебе жалоба наша придет.
Медлила долго моя надежда: ведь если поверить
Больно — не верит любовь и не желает страдать.
Часто себе я лгала, чтоб тебя оправдать, и твердила,
Что уж порывистый Нот белый твой парус несет.
Как проклинала за то, что тебя отпускать не желает,
Я и Тесея, хоть он, верно, не ставил преград.
Страшно мне было порой: что, если волны седые
Твой потопили корабль, раньше чем в Гебр он вошел?
Часто, жестокий, богов о твоем я молила здоровье,
Ладанный дым с алтарей вслед за молитвой летел;

Часто, когда ни небес не тревожил ветер, ни моря,
Я повторяла себе: «Если здоров ты, придешь!»
Верная все вспоминала любовь, что могло возвращенью
Скорому вдруг помешать; много причин я нашла.
Ты же все медлишь вдали, Филлиде тебя не вернули
Боги, которыми ты клялся, и наша любовь.
Не было правды в твоих словах, не вернулся твой парус:
Ветер унес паруса, ветер и клятвы унес.
Что тебе сделала я? Безрассудно любила, и только!
Этой виною тебе лишь угодить я могла.
В том злодеянье мое, что тебя я, злодей, приютила,
Но в злодеянье таком нет ли заслуги моей?
Где твои клятвы теперь и рука, пожимавшая руку?
Где божества без числа — лживых свидетели клятв?
Где Гименей, что связать нас на долгие должен был годы?
Он мне порукою был будущей свадьбы с тобой!
Клялся морями ты мне, по которым тебе предстояло
Снова — в который уж раз — плыть, уезжая от нас,
Клялся мне дедом своим (если дед твой не вымышлен тоже),
Что укрощает в морях ветрами вздыбленный вал,
Клялся Венерою, чье чересчур мне опасно оружье:
Стрелы — оружье любви, факел — оружье любви.
Клялся Юноной благой, владычицей брачного ложа,
Клялся и тайной святынь светоченосных богинь.
Если тебе отомстить из богов оскорбленных захочет
Каждый, не хватит на все казни тебя одного.
Ум потеряв, я чинила суда, разбитые бурей,
Чтобы надежный тебя в море корабль уносил,
Весла тебе я дала, чтоб на них от меня ты умчался.
Горе! Мое же копье сердце пронзает мое.
Вкрадчивым верила я словам — у тебя их в избытке!
Верила предкам твоим — ведь от бессмертных твой род;
Верила я слезам — неужели и слезы притворству
Ты научил, чтоб они по приказанью текли?
Верила я богам,— но зачем мне так много ручательств?
Сотою долей меня мог ты легко соблазнить.
Каюсь не в том, что тебе и причал и приют я открыла,—
Если бы дальше не шли благодеянья мои!
Нет,— себе на позор, я не только в дом, но на ложе
Гостя взяла и сама грудью прильнула к груди.

Как хотелось бы мне, чтоб канун этой ночи последним
    Днем моим был, чтобы я, честь сохранив, умерла.
Помня заслуги мои, надежды я не теряла:
    Что заслужили, на то вправе надеяться мы.
Девушка верит всему; обмануть ее — подвиг нетрудный;
    Хоть за мою простоту ты бы меня пожалел!
Женщина я и люблю — потому и обман твой удался;
    Пусть же, молю я, венцом будет он славы твоей!
Пусть изваянье твое стоит меж статуй Эгидов,
    Близ изваянья отца, гордого перечнем дел,
Чтобы любой, прочитав о быке с человеческим телом
    Или о том, как смирен был и Прокруст и Скирон,
Как он Фивы разбил, как прогнал двоевидных кентавров,
    Доблестью как превозмог черного бога порог,—
Тут же прочел на твоем изваянии надпись такую:
    «Хитростью он победил ту, что любила его».
Множество дел совершил твой отец,— тебе же запало
    В душу одно лишь: как он критскую бросил жену.
Сын восхищается тем, чего родитель стыдится;
    Лишь вероломство отца и унаследовал ты.
Лучше достался ей муж (но я ей не завидую в этом),
    И колесницу ее тигры в упряжке везут.
А от меня и фракийские все женихи отступились,
    Только прослышав, что им пришлого я предпочла.
Ропот идет: «Пусть она в Афины ученые едет,
    Фракией, мощной в бою, будет другой управлять».
Служит исход оправданьем делам.
                                        Пусть не знает успеха
    Тот, кто привык о делах лишь по успеху судить!
Если Бистонскую гладь весло афинское вспенит,
    Скажут, что я принесла пользу себе и своим.
Пользы я не принесла, тебе дворец мой не нужен,
    Здесь ты не смоешь в волнах с тела усталого пот.

Перед глазами стоит и сейчас уходящего облик,
    Вижу и гавань, и флот, в море готовый отплыть.
Ты не стыдился тогда и обвить мне шею руками,
    И в поцелуе прижать губы надолго к губам,
Горькие слезы свои смешать с моими слезами,
    И горевать, что подул ветер попутный в корму,

И, уходя, на прощанье сказать мне последнее слово:
«Жди, Филлида, меня, жди Демофонта к себе».
Ждать того, кто ушел, чтоб меня никогда уж не видеть?
Ждать парусов, хоть в мое море заказан им путь?
Но не могу я не ждать! Так вернись хоть нескоро к влюбленной,
Не нарушай своих клятв, даже нарушивши срок!
Горе! К чему мольбы? Ведь тебя подле новой супруги
Новая держит любовь — злое ко мне божество.

Ты и не помнишь меня. «Кто такая,— ты спросишь,— Филлида?»,
Словно Филлиды вовек ты и не знал никакой.
Кто она? Та, что в пору твоих бесконечных скитаний
В дом свой пустила тебя, в гавань фракийскую — флот,
Та, что тебе в нужде от своих богатств помогала,
И одаряла тебя, и одарила б еще,
Что принесла тебе в дань и Ликурга обширное царство,
Править которым никак именем женским нельзя,—
Край, где Родопы снега до лесистого тянутся Гема,
Где из притоков берет воды священные Гебр;
Та, Демофонт, кому развязал ты девический пояс
Лживой рукою, хоть нам горе сулила судьба:
В брачный покой нас ввела Тисифона с томительным воем,
Сыч одинокий пропел песню печальную нам,
Рядом была Аллекто в ожерелье из змей ядовитых,
И погребальный пылал факел в руках у нее.

Грустно брожу я одна меж кустов и утесов прибрежных
Там, где простор берегов взгляду открыт широко.
День ли землю мягчит, горят ли холодные звезды,
Все смотрю я, какой ветер вздымает волну.
Парус увижу вдали — про себя загадаю сейчас же,
Жду, ни жива ни мертва: то не мои ль божества?
К морю навстречу волнам бегу до черты, за которой
Бурные воды простер вечно подвижный простор.
Парус все ближе — а я все больше силы теряю
И поникаю без чувств на руки верных рабынь.
Место здесь есть, где широкой дугой изгибается берег,
Где по обрывистым двум мысам утесы стоят.

В волны, которые им омывают подножье, решилась
  Броситься я — и решусь, если продлится обман.
Пусть на глазах у тебя погребенья лишенное тело
  Выбросит на берег твой грозно шумящий прибой.
Будь ты железа, кремня и себя самого даже тверже,
  Все-таки скажешь: «Не так плыть бы Филлиде за мной!»
Выпить отраву не раз мне хотелось, не раз представлялась
  Сладкой кровавая смерть от моего же клинка,
Петлю хотелось надеть мне на шею, которую часто
  Я позволяла твоим лживым рукам обнимать.
Рано утраченный стыд искуплю своевременной смертью,—
  Твердо решенье мое; средство недолго избрать.
Пусть такие стихи на моей напишут гробнице,
  Чтобы известен был всем смерти виновник моей:
«Гость Демофонт погубил Филлиду, любившую гостя;
  Смерти причиною был он, а убийцей — она».

Письмо третье

БРИСЕИДА — АХИЛЛУ

Пишет тебе Брисеида письмо, уведенная силой.
  Варварской трудно руке ваши чертить письмена.
Видишь, слова расплылись? Сюда мои слезы упали,
  Но, когда нужно молить, слезы весомее слов.
Если я вправе тебя укорять, господина и мужа,
  Выслушай правый укор, о господин мой и муж.
В том, что меня увели, едва захотел Агамемнон,
  Ты не виновен; но нет, в этом виновен и ты:
Ибо, едва лишь меня Эврибат и Талфибий позвали,
  Отдал Талфибию ты и Эврибату меня.
Где же наша любовь, казалось, оба спросили
  Молча, друг другу в глаза с недоуменьем взглянув.
Хоть бы ты так не спешил! И отсрочка мучений отрадна.
  Я же ушла — и тебя поцеловать не могла,
Волосы только рвала и слезы лила бесконечно:
  Все мне казалось, что вновь — горе! — берут меня в плен.
Я порывалась не раз обмануть сторожей и вернуться,
  Но ведь поблизости враг, схватит он робкую вмиг.

Дальше зайду в темноте — и к любой из невесток Приама
    Пленницу в дар отведут — вот что пугало меня.
Ты меня отдал затем, что не мог не отдать. Почему же
    Медлит твой гнев и меня ты не потребуешь вновь?
Сколько ночей мы врозь прозели! А ведь мне, уходившей,
    Менетиад прошептал: «Скоро вернешься, не плачь!»
Мало того, что меня ты не требуешь. Пылкий любовник,
    Сам добиваешься ты, чтоб не вернули меня.
Сын Теламона к тебе и Аминтора сын приходили,
    Родственник кровный — один, друг и сподвижник — другой.
Третий — при них Лаэртид; и меня они рады бы выдать.
    Льстивые просьбы спеша к ценным прибавить дарам,
Двадцать медных котлов предлагали тонкой работы,
    Семь треножников — все весом равны и красой,
Золота дважды пять талантов тебе обещали,
    Дважды шесть скакунов, первых в ристаньях всегда,
Семь прекрасных рабынь (вот уж это лишний подарок!),
    Взятых на Лесбосе в плен из разоренных домов;
Даже одну из троих дочерей Атрида сулили
    В жены тебе,— но жена, право, тебе не нужна.
Значит, то, что отдать Агамемнону должен ты был бы,
    Если б меня выкупал,— ты не желаешь принять?
Я ли виновна, Ахилл, что меня ты дешево ценишь,
    Что отлетела твоя слишком уж быстро любовь?

Будет ли злая судьба неотступно преследовать слабых?
    Ветер попутный опять парус наполнит ли мой?
Ты на глазах у меня разрушил стены Лирнесса,
    А ведь на родине я не из последних была.
Смертью погибли одной в одном рожденные доме
    Трое, и матерью им мать Брисеиды была;
Муж мой, хоть был он могуч, на земле обагренной простерся,
    И содрогалась его кровью залитая грудь.
Ты мне всех заменил, ты один возместил все потери,
    Ты господином моим, мужем и братом мне был.
Матери, девы морской, ты клялся божественной силой
    И говорил мне, что в плен взяли на счастье меня.
Да! Для того, чтоб отвергнутой быть, вернувшись с приданым,
    Чтобы принять не желал ты ни меня, ни богатств!

Ходит слух, что заутра, едва покажется Эос,
Ты тученосным ветрам вверишь холсты парусов.
Чуть лишь пугливых ушей коснулась жестокая новость,—
Сразу дыханье и кровь остановились в груди.
Если уедешь, меня на кого ты, жестокий, оставишь?
Кто мне, покинутой, боль ласковым словом уймет?
Пусть меня раньше земля, я молю, проглотит, разверзшись,
Или слепящим огнем молния испепелит,
Чем без меня под веслом мирмидонским простор поседеет,
Я же вслед кораблям с берега буду глядеть.
Если угодно тебе к родным вернуться пенатам,
Я для твоих кораблей груз нетяжелый, поверь!
Не как за мужем жена, а как пленница за господином
Я поплыву за тобой: прясть ведь умею и я.
В спальню вступит твою — ну и пусть! — жена молодая,
Будет прекраснее всех женщин ахейских она,
Будет достойна стать Юпитера внуку невесткой,
Не постыдится родства с нею и старец Нерей,
Мы же, служанки твои, смиренно будем стараться,
Чтобы из полных корзин шерсть убывала быстрей.
Лишь бы мне не пришлось от нее натерпеться обиды:
Как, я не знаю, но мне будет жена твоя мстить.
Только бы ты не глядел равнодушно, как волосы рвут мне,
Не говорил бы, смеясь: «Нашей и эта была!»
Нет, как хочешь гляди — лишь бы здесь ты меня не покинул!
Этот больше всего мучит несчастную страх.

Ждешь ты, упрямец, чего? Агамемнон кается горько,
Вся лежит у твоих скорбная Греция ног,—
Гнев победи в душе у себя, ты, всегда побеждавший,
Гектору долго ль еще силы данайцев громить?
Меч возьми, Эакид, но раньше возьми Брисеиду!
Марсом ведомый, гони в страхе бегущих врагов!
Скорби причина твоей, пусть я же ей буду пределом,
Из-за меня начался — мною и кончится гнев.
Нашим мольбам уступить для себя не считай ты позором,—
Сын Инея на бой вышел по просьбе жены.
Я это слышала, ты это знаешь: оставшись без братьев,
Сына надежды и жизнь гневная мать проклялa.

Шла война, а он покинул битвы, разгневан,
Тверд и упорен, помочь родине он не хотел.
Только жена упросила его,— не в пример мне, несчастной,
Чьим легковесным словам чаши весов не склонить!
Я не сержусь: не мне притязать на имя супруги,
Лишь как хозяин рабу, звал ты на ложе меня.
Помню, из пленниц одна назвала меня госпожою;
«В тягость,— ответила я,— имя такое рабе».
Мужа прахом клянусь, в могилу наспех зарытым,
Прахом, который всегда в помыслах свято я чту,
Душами братьев клянусь — для меня они стали богами,
Пав за отчизну в бою, вместе с отчизною пав,
И головою твоей, что с моею рядом лежала,
И острием твоих стрел, ведомых близким моим,—
Ложа ни разу со мной не делил властитель микенский!
Если я солгала — можешь покинуть меня.
Если ж тебе я скажу: «Поклянись и ты, что ни разу
Не насладился ни с кем!» — станешь ли все отрицать?
Думают все, ты грустишь — а ты неразлучен с кифарой,
Ночью подруга тебя нежит на теплой груди.
Скажешь, коль спросят тебя, почему ты сражаться не хочешь:
«Битв не люблю, а люблю лиру, и ночь, и любовь;
Ведь безопасней лежать, держа в объятьях подругу,
И по фракийским струнам легкой рукою скользить,
Чем поднимать и щит, и копье с наконечником острым
Или тяжелый шлем, кудри примяв, надевать».
А ведь когда-то, Ахилл, безопасности мирных занятий
Предпочитал ты войну, слава прельщала тебя.
Или, быть может, лишь с тем, чтобы взять меня в плен, ты сражался?
Может быть, пыл твой остыл с пеплом отчизны моей?
Нет, пусть лучше пронзит,— я молю,— пелионская пика,
Пущена сильной рукой, Гектора храбрую грудь!

Греки, меня отправьте послом — умолять господина!
Ваши слова передам меж поцелуев ему.
Больше сделаю я, чем Тевкра брат или Феникс,
Больше, поверьте, чем сам красноречивый Улисс.
Ведь не пустяк, если вновь обнимут знакомые руки,
Если напомнит глазам милая грудь о себе.

Будь ты зол и свиреп, как валы материнского моря,—
Я тебя и без слов, только слезами сломлю.
Пусть до конца отпущенный срок проживет твой родитель,
Пусть в сраженье пойдет сын под началом твоим,—
Только вспомни, Ахилл, обо мне, о твоей Брисеиде,
И промедленьем моей жгучей тревоги не дли!
Если же ты пресытился мной, если больше не любишь,
Не заставляй без тебя жить,— прикажи умереть.
Все оставь лишь, как есть,— и умру! Ведь и так я иссохла,
Только надеждой одной держится в теле душа.
Если надежды лишусь — отойду я к мужу и братьям;
Не заставляй умереть женщину, славный герой!
Да и к чему заставлять? Вонзи клинок обнаженный,—
Есть еще кровь у меня, чтобы из раны истечь.
Меч твой, который пронзил бы, когда б допустила богиня,
Грудь Агамемнона,— пусть в сердце вонзится мое!
Нет, сохрани мне жизнь, ты сам ведь ее подарил мне;
Дай подруге теперь то, что ты пленнице дал!
Если же рвешься губить, Нептуновы стены Пергама
Много доставят врагов в жертву мечу твоему.
Как бы ты ни решил — увести свой флот иль остаться,—
Мне, как хозяин рабе, снова прийти прикажи.

Письмо четвертое

ФЕДРА — ИППОЛИТУ

Сын амазонки, тебе критянка желает здоровья,
К ней же самой без тебя не возвратится оно.
Что бы письмо ни несло, прочитай: ущерба не будет,
Даже, быть может, найдешь что-нибудь в нем по душе.
Письма немало тайн несут по морям и по суше,
Враг прочитает всегда письма, что враг ему шлет.
Трижды с тобой говорить я пыталась — трижды беззвучный
Голос из горла не шел и отнимался язык.
Стыд за любовью идет и, где можно, ее умеряет.
Стыд запрещает сказать — нудит любовь написать.
То, к чему нудит любовь, презирать опасно, поверь мне,
Власть простер Купидон и на всевластных богов.

Это ведь он, когда я написать не решалась сначала,
    Мне повелел: «Напиши! Сдастся и этот гордец».
Пусть снизойдет он, меня сжигающий пламенем жадным,
    И по молитве моей сломит суровый твой дух!

Брачные узы я рву не по склонности к низким порокам:
    Ведь безупречна моя слава, спроси хоть кого.
Тем тяжелее любовь, чем позже приходит,— и сердце,
    Сердце горит, и в груди тайная рана болит.
Больно быкам молодым, в ярмо запряженным впервые,
    Из табуна приведен, конь не выносит узды;
Так и любовная боль невтерпеж непривычному сердцу,
    И невподъем для души этот невиданный груз.
Ловок в пороке лишь тот, кто пороку научится юным,
    Горше любить, коль придет в поздние годы любовь.
В жертву тебе принесу незапятнанной славы первины,
    И на обоих на нас равная будет вина.
Ведь не пустяк — плоды срывать с необобранных веток,
    Тонким ногтем срезать первые венчики роз.
Если уж мне суждено запятнать небывалою скверной
    Свято хранимую мной в прежние дни чистоту,
Лучше и быть не могло: достойно судьбы мое пламя,
    Там лишь измена дурна, где изменяешь с дурным.
Пусть хоть Юнона сама уступит мне брата-супруга,
    И Громовержцу тебя я предпочту, Ипполит!

Ты не поверишь, но я занялась незнакомым искусством:
    Властно влечет меня в лес, зверя свирепого гнать,
Первою стала теперь богиня с изогнутым луком
    И для меня,— ведь во всем я подражаю тебе.
Хочется мне и самой на бегущих в тенета оленей
    Быстрых натравливать псов в чащах нагорных лесов,
Или с размаху метать от плеча трепещущий дротик,
    Или прилечь отдохнуть на луговую траву.
Править нравится мне подымающей пыль колесницей,
    Губы горячих коней пенной уздою терзать.
Мчусь, как фиады в лесах, гонимые бешенством Вакха,
    Или как те, что в тимпан бьют под Идейским холмом,
Или как та, на кого насылают божественный ужас
    Фавны с рогами на лбу или дриады в лесу.

Я обо всем узнаю от других, когда минет безумье,
Но о любви только я знаю — и молча горю.
Может быть, этой плачу я любовью семейному року:
Дань Венера со всех предков взимала моих.
Бог в обличье быка, любил Европу Юпитер,
Роду начало, увы, этот союз положил.
Мать Пасифая быку отдалась обманно — и вышел
Плод из утробы ее — бремя семьи и позор.
Помощь сестры спасла вероломного сына Эгея:
Нитью он выведен был из переходов кривых.
Рода закону и я теперь подчинилась последней,
В том, что Миносу я дочь, не усомнится никто.
Воля рока и в том, что единым пленились мы обе
Домом: одна из сестер — сыном, другая — отцом.
Дважды наш дом победив, двойной трофей водрузите:
Взял меня в плен Тесеид, взял Ариадну Тесей.

Лучше бы в пору, когда в Элевсин я Церерин вступала,
Не отпускала меня Кносского царства земля!
Был ты и прежде мне мил, но в тот день показался милее,
Глубже в тело впилось острое жало любви.
В белой одежде ты шел, увенчавши кудри цветами,
Смуглые щеки твои рдели стыдливым огнем.
Пусть называют лицо твое злым, называют угрюмым,—
Мужество в нем я нашла, а не угрюмую злость.
Прочь от Федры, юнцы, что нарядами женщин затмили:
Вреден мужской красоте тщательный слишком уход.
Как и суровость тебе, и волос беспорядок пристали,
И на прекрасном лице — легкие пыли следы!
Ты уздою коню непокорную шею сгибаешь —
Ноги наездника мне легкой милы кривизной;
Ты могучей рукой посылаешь гибкую пику —
Глаз не могу оторвать от напряженной руки;
Ты кизиловый дрот с наконечником держишь широким,—
Что б ты ни делал, на все Федре отрадно глядеть.
Только суровость свою оставь на склонах лесистых,
Из-за нее без вины я умирать не должна!
Много ли радости в том, чтобы, делу Дианы предавшись,
Все у Венеры отнять, что причитается ей?

Длительно только то, что с отдыхом мы чередуем:
Он лишь один возвратит силы усталым телам.
Лук (и оружьем твоей подражать ты должен Диане)
Станет податлив и слаб, если всегда напряжен.
Славен в лесах был Кефал, от его удара немало
Падало диких зверей, кровью пятнавших траву.
Но приходила к нему от дряхлого мужа Аврора,
И позволял он себя мудрой богине любить.
Ложем служили не раз Венере и сыну Кинира
Травы многих лугов между тенистых дубов,
Сын Инея влюблен в менали́йскую был Аталанту,
И остается у ней шкура залогом любви.
Пусть причислят и нас ко множеству этому люди.
Лес твой пустынен и дик, если Венеры в нем нет.
Я за тобою сама пойду, меня не пугают
Вепря клыкастый оскал и тайники между скал.
Двух заливов прибой штурмует берег Истмийский,
Слышит полоска земли ропот обоих морей;
Здесь я с тобой буду жить в Трезене, Питфеевом царстве,—
Он уж теперь мне милей Крита, отчизны моей.
Сын Нептуна теперь далеко и вернется нескоро:
К нам Пирифоя страна не отпускает его.
Что отрицать? Нам обоим Тесей предпочел Пирифоя
И на него променял он и тебя и меня.
Да и не этим одним твой отец нас обоих обидел,
В более важных вещах нас он с тобой оскорблял.
Брату голову он размозжил узловатой дубиной
И на съеденье зверям бросил в пустыне сестру.
Храбростью всех превзошла воительниц секироносных
Та, что тебя родила,— сына достойная мать.
Спросишь ты, где же она? От меча Тесея погибла,—
Жизнь уберечь ей не мог скрытый под сердцем залог.
В дом он не принял ее, не светил им свадебный факел,
Чтоб не наследовал ты, сын незаконный, отцу.
Братьев тебе он со мною родил,— но рождением братьев
Ты обязан ему, только ему, а не мне.
Нет, мой прекрасный, ничем повредить я тебе не хотела,—
Лучше бы разорвалось чрево мое от потуг!
Чти по заслугам теперь отцу постылое ложе,
Ложе, которое он всеми делами отверг!

Скажут: мачеха лечь в объятья пасынка хочет;
Пусть не смущают тебе душу пустые слова!
Благочестивый страх был хорош в Сатурновы веки,
Нынче он устарел, скоро умрет он совсем.
Благочестивым лишь то, что приятно нам, сделал Юпитер,
И при супруге-сестре стало дозволено все.
Узы родства меж людьми лишь тогда неразрывны бывают,
Если Венера к ним звенья добавит свои.
Да и таить нетрудно любовь: люби без помехи!
Ведь под покровом родства скрыта любая вина.
Если увидят, как мы обнимемся,— нас же похвалят,
Скажут, что пасынок мне, мачехе, дорог как сын.
Мужа сурового дверь тебе отпирать не придется,
Красться в потемках ко мне, чтоб сторожей обмануть.
Общий был у нас дом — и будет по-прежнему общим,
Буду тебя целовать, как целовала,— при всех.
Ты не рискуешь со мной ничем: если даже увидят
Нас в постели вдвоем — люди похвалят тебя.
Только не медли, прошу, и союз заключи поскорее,
Пусть не терзает тебя так, как меня, Купидон.

Видишь, я не стыжусь до слезной унизиться просьбы.
Где ты, гордая речь? Где ты, надменность моя?
Твердо решила я страсть побороть и всесильной не сдаться,—
Твердых решений, увы, не допускает любовь.
Сломлена я и колени твои обнимаю рукою
Царской; пристойно иль нет — дело какое любви?
Я не стыжусь: мой стыд убежал, как воин из строя,
Ты пожалей же меня, нрав свой суровый смягчи.
Что мне с того, что отец мой — Минос, над морями царящий,
Что многомощной рукой молнии мечет мой дед,
Что остриями лучей чело венчает мой предок,
Жаркий день в небеса мча на пурпурной оси?
Знатность сдается любви; пожалей хоть род мой высокий,
Если меня не щадишь, предков моих пощади!
Крит, наследье мое, Юпитера остров священный,
Я под державу твою, мой Ипполит, отдаю.
Дикую душу смири! Быка соблазнила когда-то
Мать. Так неужто же ты будешь свирепей быка?

Ради Венеры, всю мощь на меня обратившей, помилуй!
Пусть не отвергнет тебя та, кого будешь любить,
Пусть помогает тебе богиня резвая в дебрях,
Пусть в добычу тебе дичь посылают леса,
Пусть не враждуют с тобой сатиры и горные паны
И под ударом копья падает грузный кабан,
Пусть хоть всех, говорят, молодых ненавидишь ты женщин,
Нимфы влагу пошлют, жажду сухую унять,—
Только слова мольбы, над которыми слезы лила я,
Ты прочитай и представь бедную Федру в слезах.

Письмо пятое

ЭНОНА — ПАРИСУ

Строки прочтешь ли мои иль жена не позволит? Прочти их,
Ведь не микенской рукой писано это письмо.
Славная между наяд фригийских, пеняет Энона,
Милый, тебе (если звать милым позволишь себя).
Воля кого из богов мольбам моим стала преградой?
Быть перестала твоей я за какую вину?
Легче муку терпеть, если мучимся мы по заслугам,
Кара больней, если мы не заслужили ее.

Знатен ты не был еще, но я и тогда не гнушалась,—
Дочь великой реки, нимфа,— союза с тобой.
Сыном Приама ты стал, но — стесняться нечего правды! —
Был ты рабом, и раба, нимфа, взяла я в мужья.
Часто с тобой между стад под деревом мы отдыхали,
Ложем была нам трава или сухая листва,
Часто, когда мы лежали вдвоем на разостланном сене,
Нас от морозов седых хижины кров защищал.
Кто для охоты тебе показывал лучшее место
Или скалу, где в норе прятал детенышей зверь?
Я расставляла в лесах испещренные пятнами сети,
Вместе с тобою гнала свору собак по горам.
Имя Эноны прочесть и сейчас еще можно на буках —
Буквы, которые твой вырезал ножик кривой.
Ствол вырастает, и с ним вырастает имя Эноны;
Пусть он растет, чтоб живой надписью в честь мою стать.

Тополь, я помню, стоит на речном берегу над водою,
Есть и поныне на нем в память мою письмена.
Тополь, молю я, живи у обрыва над самой водою
И на шершавой коре строки такие храни:
«В день, когда сможет Парис дышать и жить без Эноны,
Вспять, к истокам своим, Ксанфа струя побежит».
Ксанф, назад поспеши! Бегите, воды, к истокам!
Бросив Энону свою, дышит Парис и живет.

День один мне гибель принес, несчастной; с него-то —
Горе! — неверной любви злая зима началась;
Трое: Венера, Юнона и та, что красивей в доспехе,
Вышли нагими к тебе выслушать твой приговор.
Ты рассказал мне о них — и запрыгало сердце от страха,
И до костей пронизал ужас холодный меня.
Древних старух я звала на совет в непомерной тревоге,
Старцев звала — и сочли все они суд твой грехом.
Срублена ель, и распилен ствол, и флот наготове,
И навощенный корабль в синие воды скользнул.
Плакал ты, уходя,— хоть от этого не отрекайся:
Надо не прежней тебе — новой стыдиться любви.
Плакал ты и смотрел, как из глаз моих катятся слезы,
Общими были они, общей была и печаль.
Не обвиваются так виноградные лозы вкруг вяза,
Как обвивались твои руки вкруг шеи моей.
Сколько раз, когда сетовал ты, что ветер мешает
Плыть, смеялись друзья: ветер попутный крепчал.
Сколько раз ты меня целовал перед этой разлукой,
Как было трудно губам вымолвить слово «прощай»!
Легкий ветер надул свисавший с поднятой мачты
Парус, и стала седой веслами взрытая гладь.
Я же, пока не исчез убегающий парус, следила
Взглядом за ним, и песок сделался мокрым от слез.
Чтоб воротился скорей, Нереид я зеленых молила,
Да, чтоб на горе мое ты воротился скорей.
Значит, вернувшись с другой, ты моими мольбами вернулся?
Всем угодила, увы, гнусной сопернице я!
Мол природный стоит, обращенный к просторам пучины;
Прежде гора, он теперь волн отражает напор.

Парус на мачте твоей я первой с него увидала
   И бегом по волнам чуть не рванулась к тебе;
Вдруг на высокой корме в глаза мне бросился пурпур;
   Я обмерла: не твоя это одежда была.
Ближе и ближе корабль, подгоняемый ветром проворным,—
   Сердце трепещет: на нем женское вижу лицо.
Мало ли мне? Для чего я, безумная, медлю на месте?
   Новая льнет без стыда телом подруга к тебе!
Тут уже в грудь я бить начала, разорвавши одежду,
   Стала ногтями себе мокрые щеки терзать,
Жалобным воплем моим огласилась священная Ида,
   Так и ушла я в слезах в мой каменистый приют.
Пусть Елена, как я, горюет, брошена мужем,
   Мне причиненную боль пусть испытает сама!

Жены такие теперь под стать тебе, что готовы
   С мужнина ложа бежать за море вслед за тобой;
А когда беден ты был и стада гонял с пастухами,
   Кроме Эноны, бедняк, жен не имел ты других.
Пышный мне твой не нужен дворец, на богатства не зарюсь,
   И не хочу пополнять царских невесток число,
Не потому что Приам в семью не примет наяду
   Или Гекубе меня стыдно невесткой назвать.
Знатного мужа женой и хочу я стать, и достойна;
   Разве этим рукам жезл не пристало держать?
Не презирай, что с тобой я лежала на буковых листьях,
   Больше мне будет к лицу пурпур на ложе твоем.
Можешь к тому же меня ты любить без опаски: ни войны
   Не загорятся, ни флот мстителей не приплывет,
Будут с оружьем в руках Тиндариду требовать греки,—
   Этим приданым горда, в дом твой беглянка вошла.
Выдать ее или нет? Спроси у Полидаманта,
   У Деифоба спроси или у Гектора ты,
Вызнай, что скажет Приам, каково Антенорово мненье,
   Ибо недаром на них груз умудряющих лет.
Для новобранца позор предпочесть отчизне добычу!
   Дело постыдно твое, праведно мужа копье.
Если ты в здравом уме, не мечтай, что верна тебе будет
   Та, что в объятья твои пала с такой быстротой.

Так же, как младший Атрид, оскорбленный любовником пришлым,
Нынче кричит и клянет брак обесчещенный свой,
Будешь кричать и ты. Кто однажды нарушит стыдливость,
Больше ее не вернет: гибнет она навсегда.
Любит Елена тебя,— но любила она и Атрида;
Муж легковерный, теперь спит он в постели пустой.
Преданный муж лишь тебе, Андромаха, достался на счастье!
Брал бы ты с брата пример,— я бы осталась твоей.
Ты же — легче листка, где ни капли тяжелого сока,
Легче сухого листка, ветром гонимого вдаль,
Ты легковесней, Парис, чем в поле высоко торчащий
Колос, который весь день солнце усердно палит.

Помню, эту беду сестра мне твоя предрекала,
Так вещала она, пряди волос разметав:
«Что ты, Энона, творишь? В песок семена ты бросаешь,
Берег пашешь морской на бесполезных быках!
Телка из Спарты идет на погибель тебе и отчизне.
Боже, беду отврати! Телка из Спарты идет!
Море, корабль потопи непристойный, покуда не поздно!
Сколько крови на нем, крови фригийской, увы!»
Молвила — и на бегу схватили менаду служанки,
А у меня в тот же миг волосы дыбом встают...
Слишком правдиво ты мне, пророчица, все предсказала:
Телке досталося той пастбище наше теперь.
Пусть и прекрасна лицом, остается изменницей все же
Та, что, гостем пленясь, бросила прежних богов.
Ведь уж когда-то Тесей (если имя я правильно помню),
Ведь уж какой-то Тесей прежде ее похищал.
Девственной мог ли ее возвратить молодой и влюбленный?
Спросишь, откуда мне знать? Знаю: сама я люблю!
Скажешь: насилье,— и грех прикрыть постараешься словом.
Ту и похитят не раз, кто похищать себя даст.
А Энона верна и чиста перед мужем неверным,
Хоть по законам твоим можно тебе изменять.
Буйных сатиров толпа гналась проворно за мною
(В эту пору в лесах пряталась я от людей),
Гнался и фавн, увенчавший рога колючей сосною,
Там, где над кряжами гор Ида вздымается ввысь.

Вашей строитель стены любил меня, лирою славный,
С бою добычей его девственность стала моя:
Много в руках у меня волос его пышных осталось,
Много на гладких щеках было следов от ногтей.
Золота я и камней не просила с него за бесчестье:
Ведь для свободной позор телом своим торговать.
Счел он достойной меня и сам обучил врачеванью,
Мне к благодатным своим дал прикоснуться дарам.
Корень любви и трава, наделенные силой целебной,
Где бы они ни взросли в мире широком,— мои.
Горе лишь в том, что любовь исцелить невозможно травою:
Лекарь умелый, себя я не умею лечить.
Есть преданье, что сам врачеванья бессмертный создатель
Пас ферейских коров, нашим огнем обожжен.
Помощи мне ни земля, в изобилье родящая травы,
Ни божество не подаст,— можешь лишь ты мне помочь.
Можешь помочь ты, а я от тебя того заслужила:
Я не веду на Пергам греков с кровавым клинком.
Я твоя, и твоею была, когда мальчиком был ты,
И до конца моих дней жажду остаться твоей.

Письмо шестое

ИПСИПИЛА — ЯСОНУ

Слухи идут, что привел ты корабль к берегам фессалийским,
Шерсть овцы золотой — груз драгоценный — привез.
Если позволишь, тебя поздравляю с возвратом счастливым,
Хоть известить меня сам должен ты был бы письмом.
Пусть мимо нашей земли ты проплыл, вопреки обещаньям,—
Может быть, ветер не дал там, где хотел ты, пристать;
Но, чтоб письмо написать, не нужны попутные ветры,
А Ипсипиле привет было за что посылать.
Так почему же письмо отстает от молвы, от которой
Знаю о Марсовых я в плуг запряженных быках,
И о мужах, что взошли на тобою засеянной пашне,
Против которых тебе меч обнажить не пришлось,
И о драконе, без сна сторожившем шкуру овечью,
И о похитившей шерсть желтую дерзкой руке?

Если бы тем, кто верит с трудом, могла я ответить:
«Сам он писал мне о том» — как я была бы горда!
Впрочем, сколько бы муж не мешкал долг свой исполнить,
Если твоей остаюсь, не о чем мне горевать.

Но говорят, что с тобой приплыла из Колхиды колдунья,
Чтобы в обещанный мне брачной покой твой войти.
Как легковерна любовь! Как хотелось бы верить, что мужа
Я понапрасну виню в несовершенных грехах!
К нам недавно приплыл из Гемонии гость-фессалиец;
Чуть лишь ступил на порог,— спрашивать я начала:
«Как там мой Эсонид? Что он делает?» Гость мой смущенный
В землю потупил глаза и не сказал ничего.
С места срываюсь стремглав, на себе разрываю одежду,
«Жив он? — кричу.— Или рок вслед призывает меня?»
«Жив»,— отвечает, но я с оробевшего требую клятвы,
Верить не смею, что ты жив, хоть свидетелем бог.
Только опомнилась я, о делах твоих спрашивать стала;
О медноногих быках Марса он мне рассказал,
И о змеиных зубах, вместо семени брошенных в землю,
И о взошедших из них вооруженных мужах,
Также о том, как погиб от усобицы строй землеродный,
Днем одним исчерпав жизни отпущенный срок.
Змей побежден; и опять, уцелел ли Ясон, я спросила;
Верить надежда велит, верить мешает боязнь.
Он же ведет свой рассказ, обо всем повествуя подробно,
И от искусных речей раны закрылись мои.

Горе! Где клятвы твои? Где верность? Где право супруги?
Факел, достойный зажечь лишь погребальный костер?
Я не украдкой тебе женою стала: Юнона
Брак наш скрепила, и с ней в пестром венке Гименей.
Нет, не Юнона, увы, не Гимен, а Эриния злая
Передо мною несла факел кровавой рукой.
Что мне минийцев отряд? На что мне Тритонии сосны?
Кормчий Тифий, тебе что до отчизны моей?
Здесь ведь не пасся баран, золотою сверкающий шерстью,
И не на Лемносе был старца Ээта дворец.
Я решила сперва — но судьба не к добру увлекала! —
Стан чужеземцев прогнать с острова женским мечом.

В битвах давно мужчин побеждать лемниянки привыкли;
Надо бы жизнь защищать с войском отважным таким!
Но приняла я тебя, и в дом мой и в сердце впустила,
Дважды здесь лето прошло, дважды зима для тебя.
Третий созрел урожай, и, поднять паруса принужденный,
Ты мне такие слова, полные слез, повторял:
«Прочь увозят меня; но если дано мне вернуться,—
Мужем твоим ухожу, мужем останусь твоим.
Пусть не погибнет и тот, кого под сердцем ты носишь,
Пусть у зачатого мной будут и мать и отец».
Так ты сказал, и от слез, что из глаз твоих лживых бежали,
Больше ни слова не мог, помню я, вымолвить ты.
Ты последним из всех взошел на корабль свой священный;
Выпуклый парус раздут ветром, и мчится Арго,
Синяя никнет волна и под киль ложится летящий,
Взор твой направлен к земле, в море мой взор устремлен.
Башня стоит над водой, широко озирая просторы;
Мчусь на нее, и от слез влажны и щеки и грудь.
Вдаль сквозь слезы гляжу, и, потворствуя жадному сердцу,
Дальше обычного взгляд видит и сквозь пелену.
Сколько было молитв, сколько было тревожных обетов!
Ты уцелел, и теперь должно мне их исполнять.
Мне исполнять их? Зачем? Ведь плоды достались Медее!
В сердце смешались больном яростный гнев и любовь.
В храмы нести ли дары? Ведь живым я теряю Ясона,—
Как за ущерб мой пролью кровь благодарственных жертв?

Я никогда не была спокойна — вечно боялась,
Как бы гречанку тебе в жены не выбрал отец.
Были гречанки страшны — а соперницей варварка стала,
Враг нежданный нанес рану смертельную мне.
Не красотою ее, не заслугами был покорен ты —
Силой заклятий и трав, срезанных медным серпом.
Сводит насильно она луну с пути кругового,
Может и солнца коней тьмой непроглядною скрыть,
Воды извилистых рек и потоки легко остановит,
С места заставит шагнуть дикие камни и лес;
Бродит между могил, распустив и одежду и космы,
Ищет на теплых кострах кости, что надобны ей;

Может и дальних заклясть: восковую проколет фигурку —
Печень несчастному вмиг тонкое жало пронзит;
Есть и такое, о чем мне лучше не знать; но не зельем —
А красотой и душой должно любовь добывать.
Как ты можешь ее обнять молчаливою ночью,
С нею остаться и спать, не опасаясь беды?
Впрячь удалось ей в ярмо и тебя, как быков меднoногих,
Был и ты укрощен тою же силой, что змей.
Хочет к тому же себе приписать она подвиг минийцев,
Стала преградой теперь мужниной славе жена.
Да и народ убедить приверженцы Пелия могут
В том, что лишь зелья ее вам подарили успех:
«Не Эсонид — Ээтова дочь, фасийская дева
Фрикса овцы золотой шкуру сумела добыть».
Ропщет отец, увидав из страны студеной невестку,
Мать недовольна тобой,— можешь спросить у нее.
Пусть Медея себе с Танаиса мужа отыщет,
Или со скифских болот, иль из Колхиды своей!

Непостоянный Ясон, сам ты легче весеннего ветра,—
Вот почему так легки все обещанья твои.
Мужем моим ты отплыл, чужим ты мужем вернулся,
Я же осталась твоей, как при отплытье была.
Если прельщают тебя родовитость и знатное имя,
Вспомни: Фоанта ведь я, внука Миносова, дочь.
Вакх — мой дед, и венец супруги Вакха сияет
В небе, сверканьем своим меньшие звезды затмив.
Лемнос получишь за мной в приданое — щедрую землю,
А среди прочих богатств будешь и мною владеть.
Я родила; ты можешь, Ясон, нас обоих поздравить.
Плод, зачатый тобой, было мне сладко носить.
Счастлива я и числом сыновей: меня наградила
Двойней Луцина — любви нашей залогом двойным.
Хочешь знать, на кого похожи они? На Ясона!
Все, кроме лживой души, взяли они от отца.
Их, материнских послов, к тебе отнести я велела,
Но воротила с пути, вспомнив о мачехе злой.
Страшно мне стало: страшней Медея, чем мачеха просто,
Ведь к преступленьям любым руки привыкли у ней.

Разве та, что в полях разбросала брата останки,
Тело в куски разрубив,— наших детей пощадит?
А говорят, что ее предпочел ты своей Ипсипиле!
Видно, лишился ума ты от колхидских отрав.
Девственность с мужем чужим потерять она не стыдилась,—
Нас же друг другу с тобой факел стыдливый вручил.
Предан Медеей отец — Фоант спасен Ипсипилой,
Бросила колхов она — я лемниянкам верна.
Впрочем, что пользы? Берет над честностью верх злодеянье;
Им лишь богата она, им заслужила тебя.
Грех лемниянок меня не дивит, хоть его осуждаю:
Мстить оружьем любым гнев и обида велят.

Прямо ответь: если б в гавань мою — как должно бы случиться —
Вместе с друзьями тебя ветер враждебный пригнал,
Если б навстречу тебе я вышла с двумя близнецами,
Ты не молил бы богов, чтоб расступилась земля?
Мне и детям в глаза ты какими глядел бы глазами,
Где бы нашла я, злодей, казнь по заслугам тебе?
Нет, никакая тебе от меня не грозила б расплата,—
Ты-то ее заслужил, да Ипсипила добра.
Только вместе с тобой я глядела бы вволю, как льется
Кровь у той, что тебя силою чар отняла.
Стала бы я для Медеи сама Медеей. О, если б
С неба молитве моей внял справедливый Отец!
Пусть томится, как я, моего захватчица ложа,
Пусть она на себе свой испытает закон,
Так же, как брошена я, жена, родившая двойню,
Пусть потеряет она мужа и двух сыновей.
Страшно добытое пусть утратит быстро и страшно,
Пусть в изгнанье она ищет пристанищ себе.
Та, что пагубой злой была для отца и для брата,
Пусть для тебя, для твоих пагубой будет детей.
В воздух поднимется пусть, отвержена морем и сушей,
Кровью залитая, пусть бродит без сил, без надежд.
Молит Фоантова дочь, чей брак разрушен коварством:
Проклят да будет навек брак ваш, и муж и жена!

Письмо седьмое

ДИДОНА — ЭНЕЮ

Так, припадая к сырой траве над потоком Меандра,
Белый лебедь поет в час, когда судьбы зовут.
Я обращаюсь к тебе, хоть сама не надеюсь мольбою
Тронуть тебя, и пишу, зная, что бог не со мной.
Честь утратила я и стыд, и труды понапрасну
Тратила, так что теперь тратить легко мне слова.
Твердо решил ты отплыть и несчастную бросить Дидону,
Ветер один унесет клятвы Энея и флот.
Твердо решил ты порвать наши узы с причалами вместе,
Сам не ведая где царств Италийских искать.
Новый не нужен тебе Карфаген и растущие стены,
Где верховная власть отдана в руки твои.
От завершенных трудов, от земли обретенной стремишься
К несовершенным трудам, к необретенной земле.
Землю найдешь — но ее отдадут ли тебе во владенье?
Кто незнакомцу под власть пашни уступит свои?
Будешь искать там другую любовь, другую Дидону,
И, чтоб ее обмануть, клятвы ей будешь давать?
Скоро ли город такой, чтобы мог с Карфагеном сравниться,
Ты возведешь и народ с крепости свой оглядишь?
Но если даже молитв исполненье твоих не замедлит,
Где ты отыщешь жену, чтобы любила, как я?

Вся я горю, как горит напитанный серою факел
Или как ладан святой, брошенный в дымный костер.
Образ Энея в душе и днем остается, и ночью,
Образ Энея — в глазах, сон позабывших давно.
Нет благодарности в нем, ко всему, что я сделала, слеп он,
С ним бы расстаться была рада я, будь я умней.
Но ненавидеть его не могу, хоть задумал он злое,
Жалуясь, больше люблю жалоб виновника я.
Молит невестка тебя, о Венера,— пошли Купидона,
Пусть приведет в свой стан брата жестокого он.
Сделай, чтоб тот, кого я люблю и любить не гнушаюсь,
Пищу и дальше давал страсти, палящей меня.
Нет, наважденье мутит мой ум заблуждением новым;
О, до чего же твой сын нравом на мать непохож!

Камни в горах, иль дубы, на скалах растущие диких,
Или же звери в лесах — вот кто тебя породил,
Или пучина — она и сейчас бушует под ветром;
Видишь ты это, но плыть и в непогоду спешишь.
Не убегай! Ненастье тебя, в угоду мне, держит,
Сам погляди, как Эвр воды вздымает волной.
Буря добьется того, чего не могла я добиться,—
Ведь справедливей тебя ветер и волны морей.
Стою ли я того, чтобы ты, от меня убегая,
Встретил — пусть поделом! — грозную гибель в пути?
Дорого ценишь свою ты ненависть — жизни дороже,
Если готов умереть, лишь бы не видеть меня.
Ветер скоро падет, утихнут, улягутся волны,
И на лазурных конях в море помчится Тритон.
Если бы сердце твое менялось так же, как ветер!
Будет меняться оно, если не тверже дубов.
Разве не знаешь ты сам, как неистово буйство пучины?
Злобу ее испытав, смеешь довериться ей?
Если отвяжешь причал, когда в путь позовет тебя море,
То и тогда его ширь множество бед затаит.
Моря просторы пытать нарушителю клятвы опасно:
Море карает и мстит тем, кто нарушит обет;
Больше всего — оскорбившим любовь,— недаром из моря
Вышла богиня любви у Киферейской скалы.
Я погубителя жизнь боюсь погубить, погибая,
И не хочу, чтоб глотал воду соленую враг.
Нет, живи и слыви моей виновником смерти,—
Мне живым потерять легче, чем мертвым, тебя.
Сам ты представь, что тебя (да не сбудется горькое слово!)
Быстрый вихрь понесет; вспомнишь о чем ты, Эней?
Сразу на память придет, как давал ты мне лживые клятвы,
Как Дидону сгубил низкий фригийский обман.
Перед глазами стоять жена печальная будет,—
Кудри распущены, кровь льется вдоль прядей волос.
«Что б ни случилось, всего заслужил я! Смилуйтесь, боги!» —
Крикнешь ты, веря, что все молнии метят в тебя.
Выжди, чтоб сердце твое, чтобы море успело утихнуть,
За безопасность пути эта ничтожна цена.
Ты не меня пощади,— пощади малолетнего Юла,
Хватит того, что моя гибель прославит тебя.

Чем виноваты, скажи, Асканий и боги-пенаты?
С тем ли, чтоб морю отдать, ты их спасал из огня?
Нет, не везешь ты богов и лишь попусту хвалишься, будто
Чувствовал ты на плечах тяжесть отца и святынь.
Все это ложь! И меня ты в обман не первую вводишь,
Мне не первой пришлось горькую кару нести.
Спросят: где теперь мать прекрасного Юла? Погибла.
Муж бессердечный ее бросил одну средь врагов.
Сам ты рассказывал мне... Но смутилась ли я? По заслугам
Жги Дидону: вины легче грядущая казнь.
Не сомневаюсь я в том, что тебе твои боги враждебны:
По морю и по земле семь ты скитаешься зим.
Я приютила тебя, волнами прибитого к суше,
Имя едва услыхав, царство тебе отдала.
Если б я дальше не шла, услугой довольствуясь первой,
Если б о нашей любви не разлетелась молва!
День, когда вдруг нас вдвоем под покатые своды пещеры
Синий ливень загнал, пагубным был для меня.
Голос услышала я; завопили, казалось мне, нимфы,—
Нет, это Фурии песнь спели о нашей судьбе.

Попранный стыд, покарай, покарай меня, верность Сихею,—
Горе! — с великим стыдом казнь принимаю от вас.
В мраморном храме моем стоит изваянье Сихея,
Белою шерстью. листвой образ священный прикрыт.
Слышала я, как меня он четыре раза окликнул;
Голос знакомый сказал тихо: «Элисса, приди».
Больше не медлю, иду,— ведь твоя по праву Элисса,
Только мучительный стыд быстро идти не дает.
Строго мой грех не суди: ведь так прекрасен виновник,
Что не зазорно ничуть ради него согрешить.
Мать-богиня, отец — беглеца священная ноша —
Право давали и мне в прочный поверить союз.
Если мне грех был сужден, то причины греха безупречны;
Клятвы прибавь и скажи: есть ли в чем каяться мне?

Вплоть до последних часов моей жизни с тем же упорством
Тот же, что прежде, меня рок неизменно гнетет.
Возле домашнего был алтаря супруг мой зарезан,
Это злодейство свершил ради корысти мой брат.

Мужа покинувши прах, из отчизны бегу я в изгнанье,
Трудной дорогой плыву, гонится враг по пятам.
В крае безвестном спешу, ускользнув от бурь и от брата,
Берег, который тебе я подарила, купить.
Город построила здесь и, соседним селеньям на зависть,
Длинной и прочной стеной я окружила его.
Войны вскипают; веду — чужестранка и женщина — войны,
Грубые створы ворот еле навесить успев.
Многим понравилась я женихам, которые нынче
Сетуют, что предпочтен мною неведомо кто.
Что ж ты не свяжешь меня, гетулийскому Ярбе не выдашь?
Руки сама бы тебе я протянула, злодей!
Есть и брат у меня: обагренную кровью Сихея
Руку он будет готов кровью моей обагрить.
Не оскверняй касаньем богов и святыни — оставь их!
Чтить всевышних лишь тот вправе, чьи руки чисты.
Если они спаслись из огня, чтобы ты почитал их,
В том, что спаслись из огня, каются боги теперь.

Может быть, в тягости ты оставляешь, неверный, Дидону,
Может быть, скрыта в моем теле частица тебя?
Матери должен судьбу разделить несчастный младенец,
И по твоей же вине он, не родившись, умрет.
Да, Аскания брат погибнет с матерью вместе,
Казнь и мука одна сразу двоих унесет.

Бог велит тебе плыть. Уж лучше бы он не позволил
Тевкрам приплыть и ступить на карфагенский песок.
Тот же, наверное, бог тебя, гонимого злобным
Ветром по быстрым волнам, в долгих скитаньях ведет?
Вряд ли стоит с таким трудом и в Пергам пробиваться,
Хоть бы таким же сейчас он, как при Гекторе, был!
Но не к родному плывешь ты Скамандру, а к дальнему Тибру,
Как ты туда ни стремись, будешь пришельцем и там.
Прячась, бегут от твоих кораблей недоступные земли,
В ту, что ты ищешь, страну ты приплывешь стариком.
Хватит скитаться! Возьми мой народ как приданое в браке,
С царством Дидоны прими Пигмалиона казну,
Перенеси Илион на счастье в город тирийцев,
Сядь на царский престол, скипетр священный прими.

Если жаден твой дух до битв, если ищет Асканий,
Где бы оружьем ему право добыть на триумф,
Я и врага укажу, будет все для борьбы и победы:
Все вместит этот край — мирную жизнь и войну.

Матерью светлой тебя заклинаю и стрелами брата,
Отчих святыней богов — спутников в бегстве твоих,
Пусть победят в той войне тобой предводимые тевкры,
Пусть потери твои кончатся с ней навсегда,
Пусть до конца своих дней не знает горя Асканий,
Пусть Анхиза костям мягкою будет земля,—
Только дом пощади, который был тебе отдан!
В чем я виновна, скажи? Разве лишь в том, что люблю?
Разве я родилась во Фтии, в могучих Микенах?
Разве войной на тебя шел мой отец или муж?
Стыдно женой меня звать — зови радушной хозяйкой:
Быть кем угодно могу, лишь бы твоею мне быть.
Знаю моря, чей прибой у берега Африки стонет:
Путь открывают они и закрывают в свой срок.
Ветры откроют твой путь — и дыханью их парус ты вверишь,
Дай же судам отдохнуть здесь, в прибережной траве.
Мне наблюдать за погодой доверь: отплывешь безопасней.
Даже захочешь,— тебе здесь я остаться не дам!
Надобен отдых друзьям; истерзанный долгою бурей
И недочиненный флот требует новых работ.
Ради всего, чем тебе услужила и чем услужу я,
Ради надежды на брак — краткой отсрочки прошу!
Дай улечься волнам, дай любви умерить свирепость,
Дай научиться и мне с твердостью горе сносить.

Если откажешь,— ну что ж! Я с жизнью расстаться решилась,
Будет недолго меня мучить жестокость твоя.
Надо б тебе поглядеть на меня, когда это пишу я;
Я пишу — и лежит твой на коленях клинок.
Слезы по бледным щекам на троянское лезвие льются,
Скоро не слезы его — теплая кровь увлажнит.
Как подарки твои с моей судьбою согласны!
Дешево стоит тебе мой погребальный костер!
В грудь мою острие вопьется сейчас не впервые:
В грудь меня ранил давно дикой стрелой Купидон.

Анна, греха моего совиновница, Анна родная!
Скоро последними ты прах мой дарами почтишь.
Слов не прочтут надо мной: «Элисса, супруга Сихея»,—
Мрамор гробницы моей будет украшен стихом:
«Смерти обрек Дидону Эней, и меч ей вручил он,—
Но поразила она собственной сердце рукой».

Письмо восьмое

ГЕРМИОНА — ОРЕСТУ

Мне, Гермионе, ты был лишь недавно и мужем и братом,
Стал только братом теперь; мужем зовется другой.
Праву людей вопреки, вопреки законам бессмертных,
Пирр меня держит в плену, смел и спесив, как отец.
Хоть и противилась я, но что могут женские руки?
Лишь доказать, что идем не добровольно мы в плен.
«Что ты творишь, Эакид? За меня отомстят! — я сказала.—
Пирр, у рабыни твоей есть уж другой господин».
Но, как море глухой, выкликавшую имя Ореста,
Простоволосую он в дом свой меня потащил.
Разве в рабстве, в плену тяжелей моя участь была бы,
Если бы Спарту взяла варваров жадных орда?
Нет, Андромаху не так угнетал победитель-ахеец,
После того как огнем сжег он фригийскую мощь.
Если чувства ко мне, если жалости ты не утратил,
Право свое возврати храброй рукою себе.
Если бы стадо твое, Орест, из хлевов угнали,
Взял бы ты меч? А теперь медлишь, жену потеряв?
С тестя возьми пример, жену вернувшего с бою:
Счел он законным начать ради любимой войну.
Если бы праздный твой тесть храпел в одинокой постели,
Мать и сейчас бы женой сыну Приама была.
Многие сотни судов не ставь под парус раздутый,
Не собирай без числа воинов,— сам приходи!
Хоть и не грех за меня воевать: не зазорно супругу
Все невзгоды войны вынести ради жены.

Оба мы внуки с тобой Атрея, Пелопова сына,
Не был бы мужем ты мне — был бы мне братом тогда.
Дважды ты связан со мной и дважды обязан помочь мне:
Муж, супругу спаси! Брат, помоги же сестре!

Отдал меня за тебя Тиндарей, над внучкою властный;
Всей своей жизнью старик право решать заслужил.
Но, не зная о том, отец обещал меня Пирру.
Первым, однако, был дед; право пусть будет за ним.
Был не в ущерб никому наш с тобою свадебный факел,
Пирру меня отдадут — будет обижен Орест.
Нашу любовь мой отец Менелай простит: ведь глубоко
Бог крылатый стрелой ранил его самого.
Если себе он позволил любить — позволит и зятю:
Тут поможет ему собственной страсти пример.
То же ты для меня, чем отец мой был для Елены,
Есть и дарданский пришлец: роль его взял Эакид.
Пусть делами отца похваляется он, сколько хочет,—
Есть об отцовских делах что рассказать и тебе.
Все — в том числе и Ахилл — подчинялись внуку Тантала:
Был он вождем вождей, вел лишь отряд свой Пелид.
Предки также тебе Пелоп и родитель Пелопа,
И от Юпитера ты пятый, коль верен твой счет.
Есть в тебе доблесть, хоть меч обнажил ты для страшного дела.
Что оставалось тебе? Меч тот вручен был отцом.
Лучше, когда бы в другом показал ты деле отвагу,
Но ведь не ты выбирал — велено было тебе.
Ты лишь исполнил приказ, и кровь из горла Эгисфа
Снова дворец залила, кровью отца залитой.
Пирр обвиняет тебя, называет твой подвиг злодейством,
И без стыда мне глядеть может при этом в глаза.
Тут сдержаться нет сил, и лицо и сердце пылают,
Больно жжет изнутри грудь мою скрытый огонь.
При Гермионе вслух порицать посмели Ореста!
И ни меча под рукой нету, ни силы в руках.
Я только плакать вольна; в слезах изливается ярость,
Слезы обильной рекой льются и льются на грудь,
Не иссякая, текут по щекам, о румянах забывшим,
Есть везде и всегда только они у меня.

Рок родовой настигает и нас: в роду Танталидов
Женщины были и встарь легкой добычей для всех.
Что вспоминать про обман белоперой птицы потоков
И горевать, что в себе лебедь Юпитера скрыл?
Там, где, простершись в длину, два моря Истм разделяет,
Мчал Гипподамию вдаль на колеснице пришлец.
Кастор, герой из Амикл, и Поллукс, герой амиклейский,
Шли воевать, чтоб сестру город Мопсопа вернул.
Вскоре ее же увез за моря похититель идейский,
И за оружье взялась Греция ради нее.
Помню хоть смутно, но все ж сама я помню, как в доме
Страх, тревога и грусть сразу наполнили все.
Леда молила богов, своего Громовержца молила,
Плакали Феба-сестра, дед, сыновья-близнецы.
Я сама, растерзав едва отросшие кудри,
В голос кричала: «Куда, едешь куда без меня?»
Не было только отца... Я тоже стала добычей
Пирра, чтоб видели все: внучка Пелопу и я.
О, когда бы Пелид избежал Аполлонова лука!
Строго б отец осудил гнусные сына дела.
Ведь и тогда не стерпел, и теперь Ахилл не стерпел бы,
Чтобы живую жену вдовый оплакивал муж.

Чем на себя навлекла я вражду бессмертных? О горе!
Из вредоносных светил мне на какое пенять?
Рано без матери я осталась, отец был в походе,—
Живы оба, а дочь круглой росла сиротой.
Губ неумелых моих младенчески ласковый лепет
С первых достался лет, о моя мать, не тебе,
Шею твою обвивать не пришлось мне ручонкой короткой
И на коленях твоих ношей отрадной сидеть.
И наряжала меня не ты, и для дочки-невесты
Не материнской рукой убран был брачный покой.
Правду скажу: ты вернулась домой, я вышла навстречу —
Но среди прочих в лицо мать не могла я узнать.
Только твоя красота среди всех выдавала Елену,
Ты между тем начала спрашивать, кто твоя дочь.
Только с Орестом одним и знала я счастье; но будет
Отнят и он, если сам не постоит за себя.

Пирр меня держит в плену, хоть с победой отец мой вернулся.
Вот что, средь прочих даров, дал мне сожженный Пергам!
Стоит Титану погнать в небосвод коней лучезарных,—
Тут отпускает меня, хоть ненадолго, тоска.
Но когда ночь посылает меня в постылую спальню
И заставляет лечь с горестным стоном в постель,
Слезы глаза наполняют мои, а не сонная дрема,
И, как могу, не даюсь мужу я, словно врагу.
Бедами оглушена, я себя забываю порою
И прикасаюсь рукой к телу скиросскому вдруг,—
Сразу отдернув ее, точно грех совершила, я каюсь,
И оскверненною мне кажется долго рука.
Неоптолема назвать мне случается часто Орестом,
И, как счастливый знак, мне оговорка мила.

Родом несчастным тебе клянусь и предком бессмертным,
Что потрясает моря, земли и царство свое,
Прахом отца твоего (он и мне приходится дядей),
Что, отомщенный тобой, мирно в могиле лежит,—
Либо в юных годах я до срока умру, либо стану,
Внучка Танталова, вновь внуку Тантала женой.

Письмо девятое

ДЕЯНИРА — ГЕРКУЛЕСУ

Взял Эхалию ты; поздравляю тебя, победитель,
Хоть и горюю, что взят ты побежденною в плен.
Грязный разносится слух по всем городам пеласгийским,
Славе твоей от него не отпереться теперь:
Тот, кого ни труды, ни Юноны вражда не сломили,
Дал ярмо на себя пленной царевне надеть.
Будет рад Эврисфей, и рада сестра Громовержца,—
Мачехе любо, коль ты жизнь опозоришь свою,—
Только не тот, для кого (если этому верить рассказу)
Ночь оказалась мала — сына такого зачать.
Больше Юноны тебе Венера вредит: возвышает
Эта гоненьем тебя, та превращает в раба.
Видишь, везде, где сушу Нерей омывает лазурный,
Мир навсегда водворен мстящею силой твоей.

Море и суша тебе покоем обязаны прочным,
Солнце в обоих домах слышит о славе твоей.
Примут тебя небеса, но и сам ты их принял на плечи,
Звезды Атлант подпирал, сам опершись на тебя.
Так неужели тебе лишь молвы не хватало постыдной?
Что ты прибавить спешишь к подвигам жалкий позор?
Разве не ты задушил двух змей еще в колыбели,
Разве младенцем не ты был уж достоин отца?
Лучше ты начинал, чем кончаешь: последние первых
Ниже дела, и несхож с мальчиком нынешний муж.
Не победили тебя ни Юнона, ни сотни чудовищ,
Ни твой враг Сфенелид, но победил Купидон.
Брак мой удачным зовут: ведь я — жена Геркулеса,
Тесть мой гремит с высоты, мчась на проворных конях.
Разного роста быки под одно ярмо не годятся,
Муж великий жену скромную тяжко гнетет.
Честь это? Бремя скорей, личина, что давит лицо нам,
Хочешь счастливою быть — замуж за ровню иди.
Вечно в отлучке мой муж, так что гость мне привычнее мужа,
Вечно преследует он чудищ и страшных зверей.
В доме пустом я терзаюсь одна и в чистых молитвах
Только о том и прошу, чтобы мой муж не погиб.
Все я мечусь между вепрей, и змей, и львов кровожадных,
Или мерещатся мне кости грызущие псы.
Страшны мне чрева овец и сна пустые виденья,
Ночью таинственной все душу пугает мою.
Ропот невнятный молвы ловлю я, несчастная, жадно.
Гонит надежду боязнь, гонит надежда боязнь.
Амфитриона со мной, и Гилла нет, и Алкмены,—
Мощного бога любовь многих ей стоила слез.
Лишь Эврисфей нас гнетет — исполнитель враждебных велений
Злобной Юноны, чей гнев издавна чувствуем мы.

Этих мало мне мук! Ты еще чужеземок ласкаешь,
Может любая из них матерью стать от тебя.
Я не напомню, как ты овладел парфенийскою Авгой,
Как родила от тебя нимфа, Орменова дочь.
Не попрекну и толпой сестер, рожденных Тевтрантом:
Целое племя — а ты не пропустил ни одной.

Только в одной упрекну совсем недавней измене,
Той, от которой рожден в Сардах мой пасынок Лам.
Видел Меандр, много раз по одним пробегающий землям,
Воды усталые вспять в воды несущий свои,
Как ожерелье себе Геркулес повесил на шею,
Ту, что когда-то согнуть груз небосвода не мог.
Золотом руки себе сковать без стыда он позволил
И в самоцветы убрать твердые мышцы свои.
Мог ли в этих руках задохнуться хищник немейский,
Чью на левом плече шкуру убийца носил?
Космы волос повязал без стыда ты лидийскою митрой,
Хоть Геркулесу листва тополя больше к лицу.
Словно распутница, ты меонийским поясом туго
Стан себе затянул; это ль бойцу не позор?
Нет чтоб на помощь призвать о жестоком мысль Диомеде
И о свирепых конях, вскормленных плотью людской!
Если б тебя Бусирид в таком уборе увидел,
Он пораженье свое счел бы позорным вдвойне.
С шеи могучей твоей сорвал бы Антей украшенья,
Чтобы себя не корить, неженке бой проиграв.
Меж ионийских рабынь, говорят, держал ты корзинку
И, как они, услыхав окрик хозяйки, дрожал.
В гладкой корзинке рукой, во стольких трудах побеждавшей,
Ты безотказно, Алкид, шарил и шерсть доставал,
Грубую, толстую нить сучил ты пальцем огромным,
Мерой за меру сдавал пряжу красавице в дань.
Ах, покуда вели эту нить неуклюжие пальцы,
Сколько тяжелой рукой ты изломал веретен!
Право, поверишь, что ты ременной плети боялся
И у хозяйки своей, жалкий, валялся в ногах.
Гордо рассказывал ей ты о шествиях пышных триумфов
И о делах, хоть о них было бы лучше молчать:
Как огромные два младенцу руку обвили
Тела змеиных, когда горло он гадам сдавил,
Как эриманфский кабан в кипарисовых рощах Тегеи,
Всем своим весом ложась, раны в земле оставлял;
О головах на фракийском дворце не мог ты не вспомнить
И о раскормленных в лоск мясом людским лошадях,
Или о чуде тройном, хозяине стад иберийских,
О Герионе, что три тела в одном сочетал,

Или о Цербере, чье на столько же псов разделялось
Тело, в чью шерсть вплетены гадов шипящих клубки,
Иль о змее, что росла изобильней от ран плодоносных,
Обогащаясь от всех ей нанесенных потерь,
Или о том, кому ты между левой рукою и боком
Горло зажал, чтобы он там и остался висеть,
Или о конной толпе, быстротой и телом двувидным
Гордой, которую ты с гор фессалийских прогнал.
Мог ты о них говорить, щеголяя в сидонской накидке,
И не замкнул тебе рта этот позорный убор?
Нимфа, Ярданова дочь, между тем твой доспех надевала,
Славной добычей твоей, как и тобой, завладев!
Что же, душой возносись, перечисли подвиги снова,—
Тут уж не ты, а она мужем по праву была:
Ниже ее настолько же ты, насколько почетней
Было тебя победить, чем побежденных тобой.
К ней теперь перешло твоих деяний величье,
Сам возлюбленной ты все, чем владел, отказал:
Шкура мохнатого льва, твоей добыча охоты,
Мягкие трет — о позор! — жесткою шерстью бока.
Нет, пе со льва, а с тебя, побежденный льва победитель,
Шкуру содрали — а ты сам не заметил того.
Женщина стрелы взяла, от лернейского черные яда,
В руки, которым тяжел пряденой шерсти моток;
Палицу силилась взять, укротившую много чудовищ,
Мужний стараясь доспех в зеркале весь увидать.

Это лишь слышала я и могла молве не поверить,
Боль, поразившая слух, чувств не задела почти.
Но если в дом у меня на глазах ты наложницу вводишь,
Тут уж муку мою скрыть невозможно никак.
И отвернуться нельзя: глаза глядят против воли,
Как через город идет пленница вслед за тобой,
Не распустивши волос (не так бывает у пленных),
С видом таким, словно ей бед не послала судьба;
Шествует вольно она, золотым приметна убором,
Точно таким же, какой ты у фригийцев носил,
Гордо глядит на народ, как будто Эхалии стены
Целы, отец ее жив, а Геркулес побежден.

Может быть, сбросит она очень скоро наложницы имя
И, Деяниру прогнав, станет женою твоей,
Свяжет, безумный Алкид и дочь Эврита Иола,
Вам бесславный Гимен гнусным союзом тела.
Чувства от мысли такой помрачаются, кровь холодеет,
И на коленях лежат руки, бессильно упав.
Хоть не одну меня ты любил, но любил безупречно,
Дважды — стыдись не стыдись — в бой ты вступал за меня.
Бог Ахелой, на сыром берегу рога подобравши,
С плачем безрогий свой лоб в тинистой спрятал воде.
Несс, полумуж-полуконь, погиб в смертоносном Эвене,
Где ядовитой вода стала от крови коня.

Но для чего вспоминать? Пока я пишу, прилетела
Весть, что, отравлен моей туникой, гибнет Алкид.
Как я могла? Куда привели любовь и безумье?
О Деянира, зачем медлишь и ты умереть?
Будут мужа терзать небывалые муки на Эте,
Ты же останешься жить, столько наделавши зла?
Что для того, чтоб меня женой Геркулеса признали,
Сделала я до сих пор? Смерть подтвердит наш союз!
Ныне и ты, Мелеагр, меня признаешь сестрою!
О Деянира, зачем медлишь и ты умереть?
Проклят мой род! На престоле сидит захваченном Агрий,
А Инея отца сирая старость гнетет;
Брат мой Тидей неведомо где изгнанником бродит,
Заживо брат мой другой брошен в огонь роковой,
Мать железным клинком сама себе сердце пронзила,
О Деянира, зачем медлишь и ты умереть?
Пусть не сочтут лишь — молю я правами священными ложа,—
Будто коварно на жизнь я покушалась твою.
Несс, едва лишь стрела пробила жадное сердце,
«Эта кровь,— мне сказал,— силы любовной полна».
Ткань я послала тебе, напитав ее Нессовым ядом.
О Деянира, зачем медлишь и ты умереть?
Все прощайте теперь: и отец, и сестра моя Горга,
Родина наша, и ты, изгнанный с родины брат,
Ты, последний мой день, ты, последнее солнце, прощайте!
Сын мой и муж,— о, когда б мог ты и жить и прощать!

Письмо десятое

АРИАДНА — ТЕСЕЮ

Я поняла, что добрее тебя и дикие звери;
Вверь я себя хоть кому,— хуже бы не было мне.
Эти строки, Тесей, я с тех берегов посылаю,
Где паруса твой корабль поднял, отплыв без меня,
С тех, где предал меня мой сон, где ты, вероломный,
Время сна подстерег, чтоб Ариадну предать.
Был тот час, когда вся земля росою стеклянной
Окроплена и в листве слышатся жалобы птиц.
В сонной истоме еще, до конца не сбросив дремоты,
Чуть приподнявшись, тяну руки — Тесея обнять,—
Нету его! Но снова к нему протянула я руки,
Шарю по ложу, ищу ощупью — нету его!
Страх дремоту прогнал; с покрывал поднимаюсь в испуге
И покидаю, вскочив, ложе пустое мое.
Гулко ответила грудь кулакам, по ней ударявшим,
Кудри, как были со сна, сбитые рву на себе.
Светит луна; я смотрю: неужели увижу лишь берег?
Кроме пустых берегов, нечего видеть глазам!
Мчусь то туда, то сюда, мечусь над морем без цели,
Ноги не могут бежать, вязнут в глубоком песке.
Громким криком «Тесей!» оглашаю я берег — и своды
Отзвуком имя твое мне возвращают тотчас;
Столько же раз, сколько я, тебя окликала окрестность,
Словно окрестность сама бедной хотела помочь.

Есть там высокий холм, поросший кустарником редким,
Где над водою навис морем подмытый утес.
Я взобралась на него (придало мне силы смятенье),
Чтобы измерил мой взор дальше и шире простор.
Вижу оттуда (и мне послужили жестокие ветры):
Парус летит вдалеке, Нотом проворным надут.
Чуть увидала его иль подумала, что увидала,—
Чувств не лишилась едва, сделалась льда холодней.
Но в забытьи нам боль не дает оставаться; от боли
Сразу очнулась и я, громко Тесея зову.

«Стой, куда ты бежишь? Воротись, Тесей вероломный!
Руль поверни! Недобор есть на твоем корабле!»
Так я кричу и бью себя в грудь, возмещая мой слабый
Голос, и с каждым моим словом сливался удар;
Если не мог ты меня услыхать, то мог бы увидеть:
Знак подавали тебе взмахи широкие рук,
И, чтоб забывшим меня о себе хоть как-то напомнить,
Длинную жердь я нашла, белую ткань подняла.
Только когда ты скрылся из глаз, я заплакала горько;
Прежде от боли и мук было как камень лицо.
После того как глаза перестали парус твой видеть,
Что им осталось еще, как не оплакать меня?
Словно вакханка, когда Огигийский бог ее гонит,
Я одиноко мечусь, не подобравши волос,
Или сижу на холодной скале, уставившись в море,
Словно на камне моем делаюсь камнем сама.
К нашему ложу иду — оно нас приняло вместе
Лишь для того, чтобы мы порознь с него поднялись,
Трогаю вместо тебя — хоть это можно мне! — ткани,
Что сохраняют еще тела тепло твоего.
Ложу, от пролитых слез моих влажному, я повторяю:
«Смяли тебя мы вдвоем,— ложе, двоих возврати!
Вместе к тебе мы пришли; почему же встали не вместе?
Где, вероломное, часть лучшая нашей четы?»

Что же мне делать? Как быть мне одной? Земля здесь пустынна,
Труд людей иль быков здесь не оставил следа.
Море со всех сторон окружает ее; мореходы
Тут ненадежным путем не поведут кораблей.
Но если даже пошлют мне корабль и попутчиков ветры,
Деться куда мне, скажи? Доступ в отчизну закрыт.
Пусть на счастливых помчусь парусах по глади безбурной,
Пусть успокоит Эол ветры,— в изгнанье мой путь!
Мне не увидеть тебя, на сто городов разделенный
Остров Юпитера, Крит, с детства знакомый ему.
Ведь и отца, и страну, где отец справедливый мой правит,
Милые я имена предала ради тебя,
Дав путеводную нить, чтоб она твой шаг направляла,
Чтобы в извивах дворца ты, победив, не погиб.

Ты говорил мне тогда: «Клянусь опасностью этой,
Будешь моей ты, пока оба мы живы с тобой».
Оба мы живы, но я — не твоя; и жива ли я вправду,
Если меня схоронил мужа коварный обман?
Палицей тою же ты меня сокрушил, что и брата,
Клятвы, что ты мне давал, смерть отменила моя.

Помню не только о тех, которые ждут меня, муках —
Всех покинутых мне мука понятна теперь.
Близкая гибель душе представляется в тысяче видов:
Смерти отсрочка сейчас тягостней смерти самой.
Жду, что вот-вот подойдут оттуда или отсюда
Волки, чтоб жадными мне тело зубами терзать;
Может быть, рыжие львы на острове водятся этом,
Может быть, тигры живут лютые в этом краю,
Море порой, говорят, выносит огромных тюленей,
Да и от острых мечей кто защитит мою грудь?
Только бы в плен не попасть, не носить тяжелые цепи
И меж рабынь не трудить пряжей урочною рук
Мне, чей отец — Минос, чья мать рождена Аполлоном,
Мне, кому женихом был— что же больше — Тесей.
На море брошу ли взгляд иль на сушу, на берег простертый,
Много опасностей мне суша и воды сулят.
Небо осталось одно, но и образы страшны бессмертных.
Всеми покинута я здесь на съеденье зверям.
Людям, если живут здесь люди, я тоже не верю:
Ранили раз — и боюсь всех чужеземцев с тех пор.

О, когда б не погиб Андрогей и Кекроповым землям
Гнусный свой грех не пришлось данью кровавой смывать,
И от твоей, о Тесей, узловатой не пал бы дубины
Тот, кто частью был муж, частью — неистовый бык,
И не дала бы тебе я пути указующей нити,
Чтобы, руками ее перебирая, ты шел!
Не удивляюсь тому, что ты победил полузверя,
Что, распростертый, поил кровью он критский песок:
Рогом не мог он пронзить твое железное сердце,
Не было нужды в щите, грудь защищала тебя.
В ней ты носишь кремень, адамант некрушимый ты носишь,—
В ней твое сердце — оно тверже любого кремня.

Оцепененьем зачем ты сковал меня, сон беспощадный?
Или уж пусть бы сошла вечная ночь на меня!
Ветры, жестоки и вы, выше меры угодливость ваша:
Чтобы ему угодить, слезы вы мне принесли.
Всех беспощадней рука, что меня и брата убила,
И уверенья в любви — клятвы пустые слова.
Против меня вы одной в заговор все трое вступили:
Женщину предали вы, клятва, и ветер, и сон.
Значит, матери слез не увидеть мне перед смертью,
И, чтоб глаза мне закрыть, близкой не будет руки,
Воздух чужбины мое дыханье несчастное примет,
Тела никто из друзей не умастит моего?
К непогребенным костям слетятся птицы морские?
Не заслужила других я у тебя похорон?

Скоро ты в гавань войдешь родного Кекропова края,
И, среди внемлющих толп на возвышение встав,
Будешь рассказывать им о быке-человеке сраженном
И о пробитых в скале путаных ходах дворца;
Так расскажи и о том, как меня ты на острове бросил,—
Выпасть из списка твоих подвигов я не должна.
Нет, не Эгея ты сын, не Питфеевой дочери Эфры:
Скалы и глуби морей — вот кто тебя породил.

Боги бы сделали так, чтоб меня с кормы ты увидел!
Может быть, грустный мой вид тронул бы взоры твои.
Глаз твой не видит меня — так хоть в мыслях представь, если можешь,
Как я припала к скале, в брызги дробящей прибой,
Как мои пряди висят, будто я скорблю по умершем,
Как мое платье от слез стало тяжелым, как в дождь.
Тело трепещет мое, как под бурей трепещут колосья,
Пальцы дрожащие букв ровных не могут чертить.
Я не во имя услуг злосчастных моих умоляю,—
Пусть не будешь ничем ты мне обязан за них,—
Для благодарности пусть нет причин — но их нет и для мести,
Пусть не спасла я тебя,— все же за что убивать?
Руки, уставшие бить в истомленную грудь, протяну я,
Тяжко тоскуя, к тебе через бескрайний простор;

Волосы я тебе покажу — их уж мало осталось,—
    Просьбы прибавлю к слезам, пролитым из-за тебя:
Руль поверни, Тесей, возвратись, чуть изменится ветер,
    Если ж я раньше умру — кости мои увези.

Письмо одиннадцатое

КАНАКА — МАКАРЕЮ

Если тебе разобрать не удастся размытые строки,
    Значит, кровью моей залито будет письмо.
В правой руке у меня — тростинка, меч обнаженный —
    В левой; развернутый лист я на коленях держу.
Вот Эолиды портрет, когда брату письмо она пишет;
    Был бы жестокий отец видом доволен моим.
Я бы хотела, чтоб он при моей присутствовал смерти,
    Чтобы виновник ее сам ее зрителем был,
Чтобы на раны мои смотрел сухими глазами
    Тот, кто свирепей и злей Эвров свирепых своих.
С ветрами жизнь проводить — не проходит даром такое,
    Нравом владыка под стать подданным грозным своим.
Нот ему подчинен и Зефир с Аквилоном фракийским,
    Буйный Эвр, и твои крылья покорны ему,—
Ветры покорны, но гнев кипучий ему непокорен,
    И над пороком своим власти Эол не простер.
Много ли пользы, что я возвеличена именем предков,
    Что средь родни назову даже Юпитера я?
Разве я не должна неженское это оружье —
    Меч обнаженный — держать, дар смертоносный, в руке?

Если бы раньше настал мой смертный час, чем злосчастный
    Час, что с тобою меня соединил, Макарей!
О, для чего меня, брат, любил ты не братской любовью?
    О, для чего я тебе больше была, чем сестрой?
Да, я пылала сама, и того, о ком лишь слыхала,
    Бога в горячей моей я ощутила груди.
Краска сбежала с лица, исхудало слабое тело,
    Еле отведать еду сжатые губы могли,
Хоть ничего у меня не болело, я часто стонала,
    Сон с трудом приходил, ночь мне казалась как год.

Этому я сама не могла постигнуть причины,
Любящей, мне невдомек было, что значит любить.
Первой мамка беду стариковским учуяла сердцем,
Первой сказала мне: «Ты любишь, Эолова дочь!»
Я покраснела и взгляд от стыда потупила в землю,—
Так и призналась во всем, слова не вымолвив, я.
Стал мой живот между тем от преступного бремени круглым,
Тайный груз отягчал тело больное мое.
О, каких только трав, каких только снадобий мамка
Мне не давала тогда дрожи не знавшей рукой,
Чтоб выраставший во мне (от тебя я лишь это скрывала)
Плод из утробы моей вытравлен был поскорей.
Нет, был слишком живуч и противился в чреве младенец
Всем ухищреньям,— враги не одолели его.
Девять всходила раз сестра прекрасная Феба
И уж в десятый гнала свет возносящих коней;
Я, не поняв, отчего начались внезапные боли,
(Мне, новобранцу в любви, трудно ведь было родить),
Стона сдержать не могла, но сообщница старая тотчас
Рот мне зажала рукой: «Тише! Ты выдашь себя!»
Что было делать? Стонать нестерпимая боль заставляла,
Но принуждали молчать страх, и старуха, и стыд.
Стала удерживать стон и слова, что срывались невольно,
Даже слезы, и те мне приходилось глотать.
Рядом стояла смерть, не хотела помочь мне Луцина,
Но, если б я умерла, смерть бы уликой была.
Тут перестал ты волосы рвать и в разодранном платье,
Низко склонившись, к груди грудь мою нежно прижал,
И произнес: «Живи, сестра, живи, дорогая,
Не умирай и одной смертью двоих не губи!
Пусть тебе сил надежда придаст: ты будешь женою
Брату, и мужем твоим станет младенца отец».
Хоть и была я мертва, но от слов твоих ожила сразу,
И появился на свет плод мой — вины моей плод.

С чем себя поздравлять? Средь дворца Эол восседает,
Нужно от глаз отца скрыть прегрешенья следы.
Хитрая мамка моя под листвою бледной оливы
В легких повязках дитя прячет в корзину на дно,

Правит обманный обряд, молитвы слова произносит,—
Сам отец и народ шествию дали пройти.
Вот уже близок порог — но тут до отцовского слуха
Тоненький плач долетел: выдал младенец себя.
Вырвал корзину Эол, обнажил подложную жертву,
Крик безумный его стены дворца огласил.
Словно морская вода, ветерком задетая легким,
Словно лозняк, когда Нот теплый колышет его,
Так — ты видеть бы мог — всем телом я задрожала,
И затряслось подо мной шаткое ложе мое.
В спальню отец ворвался, перед всеми крича о позоре,
Руку едва удержал перед моею щекой.
Я от стыда отвечала ему одними слезами,
Страх холодный сковал оцепененьем язык.
Тут отец приказал на съеденье псам и пернатым
Хищникам внука отдать, бросить в пустынной глуши;
Бедный заплакал опять, как будто понял угрозу,
Словно, как мог, умолял деда о жалости он.
Что у меня на душе творилось в это мгновенье,
Брат мой, поймешь ты легко, вспомнив, что чувствовал сам
В миг, когда плоти моей частицу в нагорные дебри
Враг на съеденье волкам нес у меня на глазах.
Вышел из спальни отец; тут ударила в грудь я рукою,
Тут и ногтями впилась в бледные щеки свои.

Вестником вскоре ко мне отцовский явился прислужник,
С грустным, унылым лицом, с гнусною речью в устах:
«Этот меч,— он мне меч передал,— Эол посылает:
Пусть укажет вина, что ты с ним делать должна».
Знаю, что делать с мечом, и, что нужно, сделаю храбро:
Грозный родительский дар в собственной спрячу груди.
Лучше подарка, отец, не нашел ты дочери к свадьбе?
Больших сокровищ не мог дать ты в приданое мне?
Прочь улетай, Гименей обманутый, с факелом брачным,
В страхе скорее покинь этот проклятый дворец,
Свой приблизьте ко мне, Эринии мрачные, факел,
Вспыхнет пусть от него мой погребальный костер.
Сестры мои! Пусть Парки пошлют вам счастливее свадьбу,
Но о проступке моем не забывайте, молю!

В чем виновен мой сын, что на свет родился лишь сегодня?
Чем за эти часы деда обидеть он мог?
Если виновен он в чем, пусть сочтут его люди виновным.
Нет,— за мою лишь вину смертью заплатит дитя.
Сын мой, горе мое, зверей проворных добыча,
В день, когда ты родился, будешь растерзан, увы!
Сын мой, несчастный залог любви, не ведавшей счастья,
Днем последним твоим был этот первый твой день!
Мне не позволят тебя окропить слезой материнской
И на могилу твою прядь с головы принести,
И не дадут мне припасть с поцелуем к холодному тельцу,—
Плоть мою разорвут жадные звери в горах.
И материнство мое, и сиротство продлятся недолго:
Скоро за тенью твоей, ранена в грудь, я пойду.
Ты же, мой брат, о ком сестра напрасно мечтала,
Ты по кускам собери тело младенца, молю,
К матери их принеси и в одной схорони нас могиле,
Урна, как ни тесна, примет пускай нас двоих.
Помни о нас и живи, чтоб омыть мою рану слезами,
И не пугайся, любя, тела любимой своей.
Выполни все, что велит сестра, удрученная горем;
Выполню я, не страшась, то, что велел мне отец.

Письмо двенадцатое

МЕДЕЯ — ЯСОНУ

[Дай Медее ответ, на чужбине отвергнутой мужем:
Можешь ли мне уделить время меж царских забот?]
А ведь, я помню, тебе предалась я, колхов царица,
Чуть лишь искусством моим вам попросил ты помочь!
Если бы трое сестер, назначающих смертному участь,
С веретена мою нить сняли в те давние дни!
Было бы лучше всего умереть в ту пору Медее,—
Вся ее жизнь с той поры — только мученье одно.

Горе! Зачем он отплыл — молодыми гонимый руками
Ствол пелионской сосны Фрикса овцу добывать?
Колхам зачем пришлось увидать Арго магнесийский,
Греков дружина зачем Фасиса воду пила?

Больше чем нужно зачем полюбились мне русые кудри,
И красота, и твоих лживая сладость речей?
Или, уж если к пескам колхидским невиданный прежде
Прибыл корабль и привез воинов дерзких отряд,
Пусть бы забывчивый сын Эсона пошел, не натертый
Зельем моим, на быков, жарким дышавших огнем,
Пусть бы бросал семена, чтобы враг из каждого вырос,
И от посевов своих сеятель пусть бы погиб!
Сколько коварства, злодей, тогда бы с тобою погибло,
Скольких не знала бы я в жизни несчастий и бед!
Неблагодарных корить, вспоминая заслуги, отрадно;
Радость хоть эту теперь я от тебя получу.
Ты по приказу царя корабль, не испытанный прежде,
В царство колхов привел, вторгся в счастливый мой край.
Ровнею там Медея была жене твоей новой,
И, как родитель ее, мой был родитель богат.
Этот — на двух морях стоящей Эфирой владеет,
Мой — вплоть до скифских снегов всей Запонтийской землей.
Принял радушно Ээт пеласгийских юношей в доме,
На расписных возлегли вы покрывалах за стол.
Тут я впервые тебя увидала и, кто ты, узнала,—
И впервые в тот миг рушиться начал мой ум.
Чуть увидала — зажглась и в огне незнакомом сгорела,—
Так в честь великих богов факел сосновый горит.
Ты был красив, и меня необорно судьба увлекала,
Взглядом похитив мой взгляд, ты приковал его вмиг.
Все почувствовал ты: кто любовь скрывает удачно?
Ярко пылая, огонь сразу себя выдает.

Царь между тем приказал, чтобы ты непокорную шею
Диких быков под ярмо силой впервые склонил;
Марсовы были быки не одними грозны рогами:
Был у них каждый вздох страшен палящим огнем,
Ноги из меди, и медь окружала раздутые ноздри,
И от дыханья быков сделалась черной она.
Должен ты был семена разбросать послушной рукою,
Чтобы на ниве взошло воинов племя из них,
Чтобы метнули в тебя вместе с ними взошедшие копья:
Пашни такой урожай пахарю гибель несет.

Труд был последний — найти хоть какое-то средство, которым
Зоркость не знавшего сна стража ты мог обмануть.
Так вам Ээт объявил; удрученные, вы поднялися,
Ложа пурпурные все в миг опустели один.
Как далеко от тебя в этот час и Креонт, и Креуса
Были, и царство, что ты скоро получишь за ней!
Шел ты, грустный, а я вслед тебе глядела сквозь слезы,
И против воли язык тихо «прощай!» прошептал.
После, когда улеглась я в спальне на постланном ложе,
Ранена, ночь напролет горько проплакала я:
Перед глазами быки и страшные всходы вставали,
Перед глазами стоял змей, незнакомый со сном.
Мучит и страх и любовь; любовь вырастает от страха.
Брезжит рассвет — и ко мне милая входит сестра,
Видит, что кудри мои разметались, что я отвернулась,
Что покрывала вокруг мокры от пролитых слез.
Просит минийцам помочь; к одному стремимся мы обе;
То, что просила она, я Эсониду даю.

Роща темная есть, где меж сосен и падубов черных
В полдень солнечный луч может проникнуть едва,
Храм Дианы стоит со времен незапамятных в роще,
В нем — кумир золотой, варварской сделан рукой.
Помнишь эти места или их, как меня, позабыл ты?
Там сошлись мы, и ты начал коварную речь:
«Ныне на твой произвол отдана моя участь Фортуной,
Жизнь или гибель мою держишь, царевна, в руках.
Радуйся праву губить,— если право такое отрадно,
Но лишь спасенье мое славу умножит твою.
Я заклинаю бедой, от которой ты можешь избавить,
Дедом, которому все зримо, и светом его,
Тайной обрядов ночных и тройственным ликом Дианы,
Силой богов, если их здешние чтут племена,—
Дева, меня пожалей, пожалей товарищей юных,
И, помогая, меня сделай твоим навсегда!
Если же ты пренебречь не захочешь мужем-пеласгом
(Нет, не настолько уж мне благоприятствует бог!) —
Раньше дыханье мое пусть рассеется в воздухе легком,
Чем женою войдет в спальню другая ко мне!

Будет порукою в том вершащая браки Юнона
И богиня, чей храм служит убежищем нам!»
Тронули эти слова (да в словах ли все было дело?)
Сердце простое мое; руку дала я тебе,
Слезы твои увидав. Неужели и слезы уловкой
Были? Быстро меня речи пленили твои!

Ты, невредим для огня, запряг быков медноногих,
Плугом вспахал целину, как приказали тебе,
В борозды вместо семян ядовитые зубы бросаешь,—
Воины всходят из них, каждый с мечом и щитом.
Я и сама, хоть тебе притиранье дала, побледнела,
Видя нежданный отряд, видя оружье в руках.
Между собой наконец землею рожденные братья
В схватке злодейской сошлись, грозно мечи обнажив.
Вот и бессонный дракон, чешую ощетинив на шее,
Корчится, вьется, шипит, землю взметая хвостом.
Думал ли ты тогда о моря разделяющем Истме,
И о царевне-жене, и о приданом ее?
Я, которую ты попрекаешь варварским родом,
Я, что преступной тебе и неимущей кажусь,
Зоркость огненных глаз погасила зельем снотворным
И безопасно руно с дуба похитить дала.
Я, предавши отца и отчизну и царство покинув,
Беды в скитаньях с тобой все принимала как дар,
Стало и девство мое добычею хищного гостя,
Милую бросила я мать и родную сестру.
Только тебя, мой брат, не оставила я, убегая,—
В этом месте письма пусть остается пробел:
Сделать могла, но писать рука об этом не может,—
Быть бы растерзанной мне, брат мой, но вместе с тобой!
Я не боялась потом (что еще могло быть страшнее?),
Женщина, плыть по морям, груз преступлений неся.
Где она, сила богов? По заслугам кару в пучине
Ты бы понес за обман и за доверчивость — я.
Если бы стиснули нас Симплегады единым ударом,
Чтобы смешались навек наших осколки костей,
Или бы пастями псов растерзала нас хищная Сцилла
(Неблагодарным мужам Сцилла не может не мстить),

Иль в Тринакрийских волнах потопила нас та, что в утробу
Воды вбирает и вновь их изрыгает назад!
Но невредимо ты в край Гемонийский вернулся с победой,
В храме отчих богов шерсть золотую сложил.
О Пелиадах ли мне, из любви отца погубивших,
О рассеченном рукой девичьей старце сказать?
Пусть другие винят, ты один хвалить меня должен,
Ради которого мне стольким пришлось повредить.

Ты мне посмел приказать: «Уходи из дома Эсона»,—
Где найти мне слова, чтобы обиду излить?
Дом покинула я; со мною были два сына
И к Ясону любовь (эта со мною всегда!).
Вдруг до моих ушей долетают брачные песни,
Вижу, мерцает вдали факелов трепетный свет,
Ваш прославляя союз, запела звонкая флейта,—
Был для меня ее звук горше трубы похорон,
Хоть и не думала я о таком злодеянье, но все же
Страшно мне стало, и грудь холод внезапный сковал.
Валит толпа, и — «Гимен, Гименей!» — учащаются крики,
Слышится ближе призыв — хуже становится мне.
Слуги врозь разбрелись и плакали, слезы скрывая;
Горя такого кому вестником хочется быть?
Легче было и мне, пока я не знала, в чем дело,
Но тосковала душа, словно бы знала вперед...
Мальчик наш младший меж тем, моему послушный приказу
И любопытству, пришел, стал возле створок дверных:
«Мать, уходи! Это шествие наш отец возглавляет,
В золоте весь, Ясон гонит коней упряжных».
Платье вмиг разорвав, я ударила в грудь кулаками,
Не миновали лица кончики острых ногтей.
Гнев меня гнал побежать, к тебе сквозь толпу протесниться,
Пестрый сорвать венок с убранных пышно волос,
Но, хоть сдержалась с трудом, волос терзать я не стала,
Не закричала: «Он мой!» — и не схватила тебя.

Колхи, ликуйте, и ты ликуй, отец оскорбленный!
Жертву тени твоей, брат мой убитый, прими!
Родину, царство и дом потеряв, я покинута ныне
Мужем, который досель всем был один для меня.

Змей укротить я смогла и быков усмирила взбешенных,
Лишь одного не могла: мужа смирить моего.
Снадобьем я свирепый огонь отвратила ученым,
А от огня своего мне не под силу уйти.
Что же, оставили нас колдовство, заклинанья и травы,
Сил у Гекаты уж нет, таинства тщетны ее?

День мне не мил, и всю горькую ночь я глаз не смыкаю,
И на больную грудь ласковый сон не летит.
Змея заставила спать, а себя не могу я заставить;
Всем на пользу моя помощь, но только не мне.
Тело, спасенное мной, разлучница держит в объятьях,
Ей достались теперь наших стараний плоды.
Может быть, ты сейчас, перед глупой женой выхваляясь,
К слуху пристрастному речь приспособляя свою,
Нрав и наружность мою чернишь, измышляя наветы?
Пусть посмеется она, рада порокам моим!
Пусть посмеется она, на пурпуре лежа тирийском,—
Скоро заплачет в огне, злее огня моего.
Есть пока у меня железо, яды и пламя,
Мести моей ни один не избежит из врагов.

Если способна мольба твое сердце железное тронуть,
Выслушай слезную речь, низкую в гордых устах.
Я умоляю тебя, как меня ты молил не однажды,
Даже в ноги тебе пасть я готова сейчас:
Если я ничего для тебя не стою, о детях
Вспомни, не дай им узнать мачехи лютую власть.
Как на тебя похожи они! Чуть только их вижу,
От умиленья мои сразу влажнеют глаза.
Ради всевышних богов, ради светлого пламени деда,
Ради моих заслуг, ради обоих детей,
Ложе верни мне,— ведь я за него от всего отказалась,—
Слово, что дал мне, сдержи, помощь за помощь подай.
Я не прошу меня защищать от быков и от копий,
Или чтоб змея своей силою ты усыпил —
Я добиваюсь тебя, кого ты мне сам в благодарность
Отдал, кто, ставши отцом, матерью сделал меня.
Спросишь, приданое где? Я его отсчитала на поле,
Что приказали тебе ради руна распахать.

Взял ты овчину за мной, золотой блестящую шерстью,—
Это приданое мне ты ни за что не вернешь.
Жизнь и твою и друзей в приданое взял ты за мною,—
Все богатства сравни дома Сизифова с ним!
То, что ты жив, что добыл и жену, и могучего тестя,
То, что можешь ты быть неблагодарным,— мое!
Скоро все это я... Но зачем предварять мою кару?
Гнев мой, зрея во мне, страшной угрозой чреват.
Будь мне водителем, гнев,— пусть хоть каяться после придется:
Каюсь ведь в том, что спасла мужа неверного я.
Пусть решит божество, которое мучит мне сердце;
Что, я не знаю, но в нем грозное нечто растет.

Письмо тринадцатое

ЛАОДАМИЯ — ПРОТЕСИЛАЮ

Из Гемонийской земли гемонийскому Протесилаю
Шлет Лаодамия весть, счастья желает, любя.
Ветер в Авлиде тебя задержал, как молва утверждает,
Где же он был, когда ты прочь от меня убегал?
Надо бы морю тогда ахейским противиться веслам,
Ярость бешеных волн мне бы на пользу была:
Больше бы мужу дала поцелуев я и наказов,—
Сколько хотелось еще, сколько осталось сказать!
Как ты быстро отплыл, когда мореходам желанный —
Лишь мореходам, не мне — ветер твой парус призвал!
Кстати он был морякам, но любящей был он некстати:
Выпустил, Протесилай, ты из объятий меня,
Вмиг онемели уста, прервались напутствия сразу,
Только с трудом я могла вымолвить грустно: «Прощай».
Дул все сильнее Борей, обрывая наполненный парус,
Протесилай мой уже был далеко от меня.
Видеть покуда могла, я видом твоим утешалась,
Жадно очам твоим вслед очи стремились мои;
Больше не виден был ты,— но виден был мне твой парус,
Долго от паруса я глаз отвести не могла.
После, когда и ты, и бегущий твой парус исчезли
И, куда ни взгляни, воды простерлись одни,

Жизнь с тобою ушла, подкосились бессильные ноги,
Тьма разлилась, и без чувств рухнула я, говорят.
Свекор Ификл, и печальная мать, и Акаст престарелый
Еле меня привели в чувство водой ледяной.
Много ли в их любви, в их помощи было мне проку?
Я лишь сердилась: зачем не дали мне умереть?

Жизнь возвратилась ко мне, и с ней вернулись страданья;
Мучит ведь и без вины чистое сердце любовь.
Волосы я не даю причесывать больше служанкам,
Радости нет надевать мне златотканый наряд.
Будто Двурогий ко мне прикоснулся копьем виноградным,
Я в исступленье мечусь, места себе не найду.
Женщины сходятся здесь филакийские, громко кричат мне:
«Эй, Лаодамия, вновь царское платье надень!»
Мне ли платье носить, что пропитано соком пурпурным,
Если под Троей мой муж воинский носит доспех?
Волосы мне ль убирать, когда шлем ему голову давит?
Мне ль наряжаться, когда вооружается он?
Буду неприбрана я, твоим подражая невзгодам,
Пусть в печали пройдет время войны для меня.

Вождь Парис Приамид, на пагубу близким прекрасный,
Гостем зловредным ты был — будь же бессильным врагом.
Пусть бы тебе тенарской жены лицо показалось
Вдруг безобразным, иль ты сам разонравился ей!
Многих трудов, Менелай, тебе будет стоить беглянка,
Месть для многих твоя станет источником слез!
Боги, молю, от нас отвратите знаменье злое!
Пусть, возвратясь, посвятит муж Громовержцу доспех.
Но, едва о войне вспоминаю, становится страшно,
Словно из снега весной, слезы струятся из глаз,
Ида, Ксанф, Симоент, Тенедос и Троя — пугают
Грозные эти слова сердце звучаньем одним.
Гостем явился Парис, но, как видно, знал свои силы:
То, что не мог защищать, он бы не смел похищать.
Прибыл он — так говорят — золотым сверкая убором,
Гордо надев на себя много фригийских богатств,
Были с ним люди и флот, без которых война не ведется,—
Но из того, чем владел, взял он большую ли часть?

Этим, наверно, тебя покорил он, сестра Диоскуров,
Этим, боюсь я, и вам будет опасен Парис.
Гектора тоже боюсь; хоть не знаю я, кто он,— но в битвах
Гектор — Парис говорил — властвует мощной рукой.
Кто бы он ни был, его берегись, если ты меня любишь,
Сердцем забывчив не будь, имя его удержи!
Если избегнешь его, и других избежать постарайся:
Пусть тебе кажется там Гектором каждый боец.
В бой собираясь, всегда повторяй: «Лаодамии ради
Должен себя я беречь, так наказала она».
Если пасть суждено от аргосских воинов Трое,
Пусть ее стены падут прежде, чем ранят тебя.
Пусть Менелай на врагов налетает в каждом сраженье,
Чтоб у Париса отнять то, что похитил Парис.
Пусть, правотою силен, победит он и силой оружья:
Должен супругу супруг вырвать из вражеских рук.
Твой же долг не таков: сражайся за то, чтобы выжить,
Чтоб оказаться опять в чистых объятьях моих.
Вы, дарданиды, из всех врагов одного пощадите,
Чтобы из тела его крови не литься моей.
Он не из тех, кому пристало биться с оружьем,
В ярости грудью идти против враждебных мечей,—
Более пылким в любви он может быть, чем в сраженье,—
Дайте сражаться другим, Протесилаю — любить!

Если бы только ты знал, как тебя мне окликнуть хотелось!
Но удержал меня страх перед приметой дурной.
Ты, за дверь выходя, чтоб отплыть под Трою скорее,—
Знак недобрый! — ногой отчий порог зацепил.
Вскрикнула я, увидав, и беззвучно в сердце сказала:
«Пусть возвращенье сулит эта примета ему!»
Нынче об этом пишу, чтобы в битвах ты не был запальчив;
Сделай же так, чтоб умчал ветер тревогу мою.

Жребий готовит тому из данайцев страшную участь,
Кто на троянский песок первым посмеет ступить.
Как несчастлива та, что первой мужа оплачет!
Боги, не дайте, чтоб ты самым решительным был!
Помни: из тысячи пусть корабль твой тысячным будет,
Пусть по усталым волнам всех позади он плывет.

Помни и этот наказ: выходи на сушу последним,
Там не родная земля, так для чего же спешить?
Парус и весла свои сбереги для обратной дороги,
Быстрый их бег задержи лишь на своем берегу.

Прячет ли Феб лицо иль стоит высоко над землею,
Днем я грущу о тебе, ночью грущу о тебе.
Ночью больше, чем днем: ночь лишь тем из женщин милее,
Чья на любимом плече может лежать голова.
Лживые сны я ловлю в одинокой холодной постели:
Подлинной нет — так мила радость и мнимая нам.
Но почему так бледен ты был в моем сновиденье
И почему ты со мной жалобно так говорил?
Дрему стряхнув, спешу я почтить виденья ночные,
Храма в Фессалии нет, где не взлетал бы мой дым.
Ладан бросаю в огонь и слезами кроплю, от которых
Словно от чистого он ярче пылает вина.
Скоро ли жадными я обниму тебя снова руками,
Наземь без чувств упаду, радость не в силах снести?
Скоро ли, крепче ко мне прижавшись в постели, начнешь ты
Долгий рассказ о своих славных делах на войне?
Будешь рассказывать ты, но, хоть слушать мне будет отрадно,
Снова и снова тебя я поцелуем прерву;
Кстати в рассказе любом помеха сладкая эта,
После нее с языка речи живей потекут.

Но чуть лишь вспомню опять о Трое, о море, о ветрах,
Тут же тревога и страх гонят надежду мою.
Ветры вам плыть не дают — меня и это пугает:
Значит, готовы идти вы против воли морей.
Кто против ветра поплыть на родину даже захочет?
Вы же от родины прочь мчитесь волнам вперекор?
Сам владыка Нептун закрыл в свой город дорогу!
Можно ли рваться туда? Все поспешите домой!
Можно ли плыть? Запрету ветров повинуйтесь, данайцы!
Вас не случай слепой держит, но воля богов.
К дому судов паруса поверните, покуда не поздно!
Ради кого воевать? Ради неверной жены?
Что я сказала? О, нет! Пусть не будет призыв мой приметой!
Пусть по утихшим волнам легкий вас мчит ветерок!

Право, завидую я троянкам; их враг под стеною,
Сами увидят они слезную гибель родных.
Храброму мужу своей рукой жена молодая
Шлема завяжет ремни, варварский меч принесет,
Меч принесет и подаст и в ответ поцелуи получит,
Так что забота ее будет отрадна двоим,
И, до дверей проводив, велит возвратиться и скажет:
«Должен Юпитеру ты эти доспехи вернуть!»
Он с собой унесет наказ недавний любимой
И осторожней в бою будет, на дом свой взглянув.
Он возвратится — она и щит и шлем с него снимет
И к утомленной груди грудью прижмется нежней.
Ну, а меня неизвестность гнетет, и мню я в тревоге,
Будто случилось уже все, что случиться могло.

Тою порой, как ты на краю вселенной воюешь,
Воск, повторяющий твой облик, остался со мной:
Много он ласковых слов, тебе предназначенных, слышит,
Жаром объятий моих часто бывает согрет.
Верь, не простой это воск, как покажется с первого взгляда:
Истинный Протесилай, только что голоса нет.
Я смотрю на него, вместо мужа его обнимаю,
Жалуюсь так, словно он может утешить в ответ.
Жизнью твоей клянусь и возвратом — моими богами,
Пламенем брачных огней, пламенем наших сердец,
И головою твоей,— чтобы ты не сложил ее в Трое,
Чтоб на глазах у меня здесь она стала седой,—
Я за тобою пойду, куда бы меня ни позвал ты,
Будешь ли... (страшно сказать!) — или останешься жив.
А на прощанье в письме прими наказ мой последний:
Хочешь меня уберечь — так береги и себя.

Письмо четырнадцатое

ГИПЕРМНЕСТРА — ЛИНКЕЮ

Брату, который один уцелел из недавно столь многих,
Павших от женской руки, шлет Гипермнестра письмо.
Держат меня взаперти, сковали цепью тяжелой:
За благочестье мое так наказали меня.

В горло тебе железо всадить рука побоялась —
Вот и казнят; а убей мужа я — стали б хвалить.
Лучше уж казнь, чем волю отца такую исполнить!
В том, что от крови чисты руки, не каюсь ничуть.
Пусть он пламенем жжет ту, чье пламя чистым осталось,
Пусть в лицо мне метнет факел, что свадьбе светил,
Или зарежет мечом, что вручен не для доброго дела,—
Смерть, от которой ушел муж, не минует жену!
Но не добиться ему, чтоб сказала я, умирая:
«Каюсь»,— каяться в чем? Не в благочестье ль моем?
Кается пусть в преступленье Данай и жестокие сестры,—
За злодеяньем всегда ходит раскаянье вслед.

Сердце трепещет, едва я ту ночь кровавую вспомню,
И от внезапной опять дрожи немеет рука.
О несвершенном писать она робеет убийстве,
Хоть и считали ее мужа способной убить.
Но попытаюсь. Едва одели сумерки землю,
В час между светом и тьмой, в час между ночью и днем
Нас, Инахид, повели во дворец высокий Пеласга,
Принял невесток своих вооруженных Египт,
Всюду светильни горят, окованы золотом ярким,
Жгут, против воли огня, ладан во всех очагах.
Кличет народ: «Гимен, Гименей!» — но бог улетает,
Даже Юнона и та город покинула свой.
Вот под крики друзей, от вина нетвердой походкой,
Каждый свежим венком влажные кудри обвив,
Весело к ложу спешат женихи — но к смертному ложу,
Мнут покрывала они — свой погребальный покров,
Отяжелев от вина и еды, уступают дремоте,—
Весь, ничего не боясь, Аргос высокий уснул.
Вдруг почудилось мне: умирающих слышатся стоны...
Слышались въяве они; то, что страшило, сбылось.
Кровь отлила, и холод сковал мне тело и душу,
И отогреть не могло новое ложе меня.
Словно колосья, когда Зефир их легкий колышет,
Иль на холодном ветру стройных листва тополей,
Так, или даже сильней, я дрожала. А ты был недвижен,
Было снотворным вино, что поднесла я тебе.

Страх из сердца меж тем прогнало отца приказанье:
С ложа встаю и клинок слабой хватаю рукой.
Нет, тебе я не лгу: я трижды меч заносила,
И с занесенным мечом падала трижды рука.
К горлу я твоему — всю правду позволь мне поведать,—
К горлу я поднесла данный Данаем клинок.
Но благочестье и страх запретили приказ нечестивый
Выполнить: в чистых руках дерзкий не держится меч.
Стала я волосы рвать, порвала пурпурное платье,
Стала такие твердить голосом тихим слова:
«Твой, Гипермнестра, отец суров; приказанье исполни,
Пусть и этот идет братьям убитым вослед.
Дева и женщина я; и природа, и возраст мой кротки,—
Нежным негоже рукам трогать жестокую сталь.
Нет, пока он не встал, сестер последуй примеру,—
Храбрые, верно, уже всех истребили мужей.
Если эта рука убить кого-нибудь может,
Только кровью моей пусть обагрится она!
Надо ль казнить их за то, что Даная престол захватили?
Отдал его бы и так он чужеземным зятьям!
Казни пускай заслужили они — но чем провинились
Мы? Почему не могу я незапятнанной быть?
Женщине меч для чего? Для чего мне нужно оружье?
Шерсть и корзинка моим больше пристали рукам!»

Так я шептала; меж тем полились за словами и слезы,
Прямо на тело твое падали капли из глаз.
Ты, чтоб меня обнять, протянул полусонные руки
И о меча острие их не поранил едва.
Я начала уж бояться отца, и слуг, и рассвета;
Заговорила — и вмиг сон с твоих глаз прогнала:
«Быстро вставай, Белид, один из недавно столь многих,
Или же ночь для тебя вечною станет. Беги!»
В страхе вскочил ты; тебя оставила сонная вялость,
Смотришь, как в робкой руке меч смертоносный дрожит.
Хочешь меня ты спросить... «Беги, пока ночь не минула!» —
Я говорю, и во тьму мчишься ты; я остаюсь.
Утро настало; Данай зятьев убитых считает;
Страшный не сходится счет: недостает одного.

Как он сердился, изъян средь убитой родни обнаружив!
Мало казалось ему крови, что пролили мы.
Вмиг от отцовских колен отрывают меня и в темницу
Тащат за волосы: так награждена я за все!
Видно, с тех пор, как жена стала телкой, а телка — богиней,
Яростный гнев на нас в сердце Юноны не гас.
Не отомстила ль она, когда девушка вдруг замычала,
И Громовержца привлечь прежней красой не могла?
Новая телка взошла на песок над родительским током,
Видела в отчей воде чьи-то чужие рога,
Вместо жалобных слов из уст вылетало мычанье,
Страшен был собственный вид, страшен был собственный крик.
Есть ли в отчаянье прок? Для чего ты в воду глядишься,
Ноги считаешь зачем, новым копытам дивясь?
Ты, внушавшая страх ревнивый сестре Громовержца,
Голод теперь утолять будешь листвой и травой,
Будешь пить из ручьев и глядеть на себя в изумленье,
Будешь бояться, что рог собственный ранит тебя.
Ты, чьи богатства досель Юпитера были достойны,
Будешь отныне лежать голой на голой земле.
Много родственных рек, и морей, и земель пробежишь ты,
Путь откроют тебе реки, земля и моря.
Но для чего ты, Ио, бежишь за далекие воды?
Не убежать от себя: новый твой облик с тобой.
Мчишься куда, Инахида? Ведь ты сама за собою
Гонишься, ты и беглец, и неотступный ловец.
Телке безумной вернет обличье возлюбленной бога
Нил, через семь рукавов воды несущий в моря.

Что вспоминать о делах, совершенных седой стариною?
В юные годы мои есть что оплакивать мне!
С братом ведет отец мой войну; лишенные царства,
Изгнаны мы; нас укрыл город у края земли.
Брат жестокий отца завладел жезлом и престолом,
С немощным старцем толпой немощной странствуем мы.
Жив остался один из целого племени братьев;
Мне — по убитым теперь и по убийцам рыдать.
Столько ж сестер у меня погибло, сколько и братьев,
Пусть и тех и других слезы мои оросят.

Я за то, что ты жив, ожидаю мучительной казни;
Чем же вину наказать, если за подвиг казнят?
Сотая прежде в толпе сестер и братьев,— неужто,
После того как один брат уцелел, я умру?
Если тебе еще есть до сестры незапятнанной дело,
Если достоин, Линкей, дара ты был моего,
Или на помощь приди, иль убей и лишенное жизни
Тело тайком положи на погребальный костер.
Кости мои собери и, слезами омыв, схорони их,
И над могилой моей краткую надпись поставь:
«Здесь Гипермнестра лежит; за свое благочестье в награду
Смерть, от которой спасла брата, она приняла».
Хочется дальше писать, но рука цепенеет в оковах,
И отнимает мои силы последние страх.

Письмо пятнадцатое

САФО — ФАОНУ

Что же, увидев листок, что прилежной исписан рукою,
Сразу твои глаза руку узнают мою,
Или, если па нем не прочтешь ты имени Сафо,
То не поймешь, от кого краткое это письмо?
Может быть, спросишь еще, почему переменным размером
Я пишу, хоть пристал Сафо лирический лад?
Плачу о нашей любви; а элегия — слезная песня,
Вторить не может моим горьким слезам барбитон.

Вся я горю, как горят поля плодородные летом,
Если безудержный Эвр гонит огонь по хлебам.
Ты поселился, Фаон, в полях под Тифеевой Этной,—
Пламя сильней, чем огонь Этны, сжигает меня.
Песен, которые я с созвучьями струн сочетала,
Мне не создать: ведь для них праздной должна быть душа.
Юные девушки мне из Метимны и Пирры немилы,
Все мне немилы теперь жены Лесбосской земли.
И Анактория мне, и Кидно — обе постыли,
И на Аттиду глядеть больше не хочется мне;
Все мне постыли, в любви к кому меня упрекали,
Ты присвоил один множества женщин удел.

Созданы годы твои для утех, и лицом ты прекрасен.
Было для взоров моих пагубно это лицо!
Лиру возьми и колчан — и покажешься ты Аполлоном,
Если крутые рога вырастут — будешь ты Вакх.
Дафну любил Аполлон, а Вакх — царевну из Кносса,
Хоть и не знали они песен и лирных ладов.
Мне Пегасиды меж тем диктуют нежные песни,
Всюду по свету звенит славное имя мое.
Даже Алкей, мой собрат по родной земле и по лире,
Так не прославлен, хоть он и величавей поет.
Пусть красоты не дала мне природа упрямая,— что же!
Все изъяны ее дар мой с лихвой возместил.
Ростом мала я — зато мое имя по целому миру
Слышно; высоко оно — значит, и я высока.
Кожа моя не бела; но Персей ведь любил Андромеду,
Хоть Кефеида была смуглой, как все в той стране.
Черных голубок порой любит голубь с зеленым отливом,
К пестрым порой голубям белые горлицы льнут.
Если искать лишь таких, что тебя красотою достойны,
То не найти ни одной — нет, не найти ни одной.
А по моим ведь стихам я тебе казалась прекрасной,
Клятвенно ты признавал: я хорошо говорю.
Пела я; помню, тогда — у влюбленных хорошая память —
Ты поцелуи не раз мне между песен дарил.
Это любил ты, и всем по душе была я Фаону,—
Больше всего, когда нас к делу Амур призывал.
Как любил ты моих сладострастных движений свободу,
Резвость в любовной игре, шепот, утехам под стать,
Или, после того, как сливало двоих наслажденье,
Как ты истому любил в наших усталых телах!

Новой добычей твоей сицилийские женщины стали.
Что мне Лесбос теперь? Быть сицилийкой хочу!
Прочь беглеца моего отошлите из вашего края,
Жены Нисейской земли, девы Нисейской земли!
Пусть его льстивый язык не обманет вас ласковой ложью,—
Все, что вам говорит, раньше он мне говорил.
Также и ты, что живешь на сиканских горах, Эрицина,—
Я ведь твоя,— помоги жрице, воспевшей тебя.

Прежним неужто путем пойдет судьба моя злая,
Будет ли дальше она так же сурова ко мне?
Шел мне шестой только год, когда матери кости, до срока
Собраны в пепле костра, выпили слезы мои.
Брат мой растратил добро, опутанный страстью к блуднице;
Что же досталось ему? Только позор и разор.
Стал, обеднев, бороздить он проворными веслами море,
Что промотал без стыда — хочет бесчестно нажить;
Возненавидел меня за мои увещанья, за верность,—
Вот что мне принесла честных речей прямота!
Но, будто мало бед, без конца меня угнетавших,
Дочка прибавила мне новых тревог и забот.
Ты последнею стал причиной горя и жалоб:
Гонит, как прежде, мою ветер враждебный ладью.

Пряди волос у меня по плечам висят в беспорядке,
И самоцветных камней нет уж на пальцах моих;
Золота нет в волосах, и дарами земли Аравийской
Больше не пахнут они; грубое платье на мне.
Что наряжаться теперь? Кому я хочу приглянуться?
Всех стараний моих рядом виновника нет!

Нежно сердце мое, легко его стрелами ранить,
В нем — причина того, что влюблена я всегда.
Видно, когда родилась я, такой мне закон положили
Сестры и спряли тогда мне не суровую нить.
Либо искусство мое и занятья мне нрав воспитали,
Нежным, податливым дух Талия сделала мой.
Надо ль дивиться тому, что пушком пленил меня первым
Возраст, который пленить может и зрелых мужей?
Ты бы, Аврора, его похитила вместо Кефала,
Да не пускает тебя первый похищенный твой;
Если бы Феба его увидала всевидящим взором,
Волей ее усыплен был бы надолго Фаон;
В небо его в колеснице своей увезла бы Венера,
Только боится — а вдруг Марсу понравится он.
Ты не мальчик уже, но еще и не юноша,— годы
Самые лучшие! Ты — сверстников честь и краса!
К нам, прекрасный, вернись, прижмись к груди моей снова,
Сам не люби, но любить мне, умоляю, позволь!

Я пишу, а из глаз невольные катятся слезы;
Видишь, как много слов в этих размыто строках.
Пусть ты уехать решил, но ты мог бы смягчить расставанье,
Перед разлукою мне молвивши: «Сафо, прощай!»
Ни поцелуев моих, ни слез не унес ты с собою,
Я без тревоги жила, боли такой не ждала.
Кроме обиды, ты мне ничего не оставил на память,
И у тебя никакой памятки нет от меня.
Я и напутствий тебе не дала, да и если дала бы,
То лишь одно: чтобы ты Сафо не смел забывать.

Я неразлучным со мной клянусь тебе Купидоном,
Силой святой девяти избранных мною богинь,—
Чуть лишь мне кто-то сказал: «Покидает тебя твоя радость»,—
Долго я не могла ни говорить, ни рыдать.
Не было слов на устах и слез в глазах пересохших,
Только стесненную грудь холод сковал ледяной.
Боль утихла — тогда я ударила в грудь кулаками,
И не стыдилась при всех с воплями волосы рвать,
Словно несчастная мать, что сама бездыханное тело
Сына несет на руках к месту, где сложен костер.
Брат мой Харакс, несчастьем сестры упиваясь злорадно,
Часто ко мне на глаза стал появляться сейчас,
Чтобы меня устыдить моей печали причиной,
«Что ей рыдать? — он твердит.— Дочь ведь жива у нее!»
Вместе стыд и любовь не ходят; с грудью наружу,
В порванном платье — такой люди видали меня.

Нет от тебя мне покоя, Фаон: тебя возвращают
Сны — и делают ночь ярче погожего дня.
Рядом с собой тебя нахожу, хоть ты и далеко,
Только ведь радость дарят слишком недолгую сны.
Снится мне, будто твоя рука под моей головою,
Снится, что на руку мне голову ты положил,
Твой поцелуй узнаю, языка твоего прикасанье,—
Кстати сорвать поцелуй, кстати вернуть ты умел.
Будто и вправду ты здесь, я шепну тебе слово, ласкаясь,
Чтобы любви послужить, губы не спят и во сне.
Стыдно сказать, что бывает затем,— но все же бывает;
Радуюсь я, а потом быть без тебя не могу.

Всходит Титан и взорам себя открывает и землю,
Я же тоскую, что сон быстро покинул меня.
В лес, в пещеры бегу, будто лес и пещеры помогут,—
Часто бывали они стражами наших утех.
Словно как та, что Фурий сестрой Эрихто гонима,
Мчусь я, не помня себя, космы висят по плечам.
Видят глаза нетесаный туф на сводах пещеры,—
Раньше тут был для меня мрамор мигдонский, не туф.
Лес нахожу, который не раз давал нам с тобою
Ложе и нас защищал плотным покровом листвы,
Не нахожу лишь того, кто владел и лесом и мною;
Что без него мне леса? Он их сокровищем был.
Вижу примятую я траву на лужайке знакомой:
Нашей тяжестью мы стебли пригнули к земле.
Здесь я легла, и к месту, где ты лежал, прижималась,
Милая прежде трава выпила слезы мои.
Ветки, казалось, со мной горюют, поникнув листвою,
Не было слышно меж них сладостной жалобы птиц.
Только об Итисе песнь исмарийском птица Давлиды
Пела, печальная мать, в скорби о мести своей.
Итиса птица поет, а Сафо — любовь и разлуку,
Все остальное вокруг, будто бы в полночь, молчит.

Есть, прозрачней стекла, в лесу источник священный,
Верят у нас, что таит некое он божество.
Ветви над ним широко водяная раскинула ива,
Словно роща густа; берег травою порос;
Здесь я легла, чтоб мое отдохнуло усталое тело.
Вижу сквозь слезы: стоит рядом одна из наяд
И говорит: «Если жар безжалостный сердце сжигает,
То в Амбракийскую ты землю скорее ступай.
Там во всю ширь с высоты Аполлон моря озирает,
Берег Левкадским зовет или Актийским народ.
Девкалион, когда к Пирре горел любовью, отсюда
Бросился и, невредим, лег на соленую гладь.
Тотчас ответная страсть спокойного сердца коснулась
Пирры, и Девкалион тотчас утишил свой пыл.
Этот закон Левкада хранит; туда отправляйся
Тотчас же и не страшись прыгнуть с вершины скалы».

Только совет отзвучал, и наяда и голос исчезли;
Я поднимаюсь, дрожа, слезы бегут по щекам.
Нимфа, спешу я туда, к скале, что ты указала;
Прочь боязнь: ведь ее страсть победила давно.
Что б ни случилось со мной, все я буду счастливей, чем ныне.
Ветер, меня подхвати: легкой я стала теперь.
Также и ты, Купидон, мне крылья подставь, чтоб укором
Вечным Левкадской волне гибель моя не была.
Фебу я там посвящу черепаху общую нашу,
Две всего лишь строки будут такие под ней:
«Лиру тебе посвящает, о Феб, благодарная Сафо,
Дар, что достоин ее, дар, что достоин тебя».

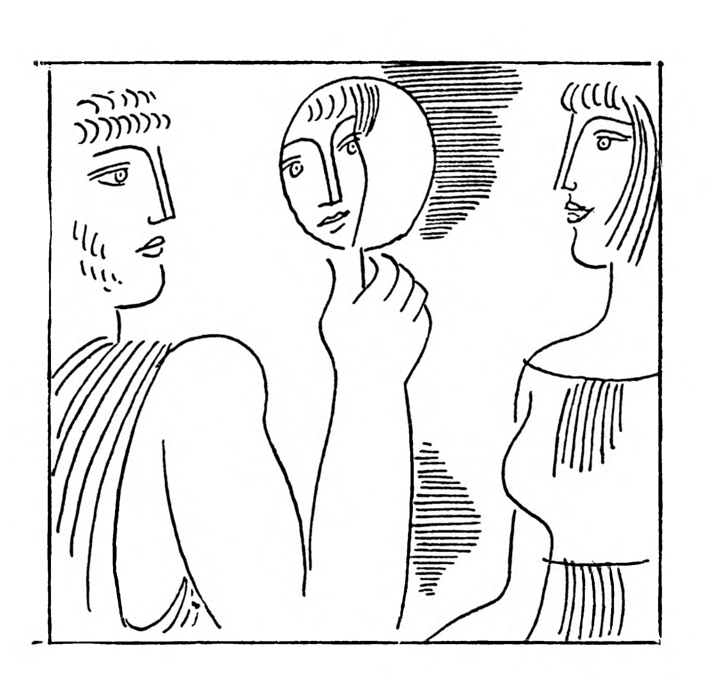
Но для чего ты меня посылаешь на берег Актийский,
Если и сам ты, беглец, можешь вернуться ко мне?
Ты избавленье мне дашь скорей, чем Левкадские воды,
И благодетельней ты будешь, и краше, чем Феб.
Или, тверже скалы и свирепей прибоя Левкады,
Хочешь, чтоб славу тебе гибель моя принесла?
Лучше грудью тесней к твоей груди мне прижаться,
Чем с вершины скалы броситься грудью в волну.
Вот моя грудь, Фаон: ее называл ты прекрасной
И многократно хвалил дар, обитающий в ней.
Быть бы речистой сейчас! Но боль — искусству помеха,
И средь несчастий меня дар мой покинул совсем.
Прежних нет уже сил и для песен их не хватает,
Плектр от горя молчит, лира от горя нема.
Женщины Лесбоса, вы, и невесты морской Митилены,
Чьи имена прославлял струн эолийских напев,
Женщины Лесбоса, к вам любовь мне честь запятнала,—
Не приходите толпой слушать кифару мою:
Все, что нравилось вам, унес Фаон, убегая...
Горе мне! Чуть было я «мой» не сказала «Фаон».
Мне возвратите его — и к вам вернется певица;
Он оживляет мой дар, он убивает его.
Я пытаюсь молить, но словами дикое сердце
Трону ли я или умчит их бесполезно Зефир?
Пусть умчавший слова примчит паруса твои ветер;
Будь ты, медлитель, в уме — сделал бы это давно.

Если назад поплывешь,— за корабль твой обетные жертвы
Есть у меня; поспеши, сердце мое не круши!
Только отчаль: путь откроет морской рожденная в море,
Ветер корабль понесет,— только отчаль поскорей!
Сам Купидон слетит на корму и за руль твой возьмется,
Нежной распустит рукой и уберет паруса.
Если ж тебе по душе с пеласгийской Сафо разлука,—
Хоть и не скажешь ты, чем я заслужила ее,—
Пусть несчастной о том хоть письмо жестокое скажет,
Чтобы в Левкадских волнах я попытала судьбу.

НАУКА ЛЮБВИ

Книга первая

Кто из моих земляков не учился любовной науке,
  Тот мою книгу прочти и, научась, полюби.
Знанье ведет корабли, направляя и весла и парус,
  Знанье правит коней, знанью покорен Амур.
Автомедонт направлял колесницу послушной вожжою,
  Тифий стоял у руля на гемонийской корме,—
Я же Венерой самой поставлен над нежным Амуром,
  Я при Амуре моем — Тифий и Автомедонт.
Дик младенец Амур, и нрав у него непокладист,
  Все же младенец — и он, ждущий умелой руки.
Звоном лирной струны сын Филиры утишил Ахилла,
  Дикий нрав укротив мирным искусством своим:
Тот, кто был страшен врагу, кто был страшен порою и другу,
  Сам, страшась, предстоял перед седым стариком;
Тот, чья мощная длань сулила для Гектора гибель,
  Сам ее подставлял под наказующий жезл.
Словно Хирону — Пелид, Амур доверен поэту:
  Так же богиней рожден, так же душою строптив.
Что ж, ведь и пахотный бык ярмо принимает на шею,
  И благородный скакун зубом грызет удила,—
Так и Амур покоряется мне, хоть и жгут мое сердце
  Стрелы, с его тетивы прямо летящие в грудь.
Пусть! Чем острее стрела, чем пламенней жгучая рана,
  Тем за стрелу и огонь будет обдуманней месть.

Лгать не хочу и не буду: наука моя не от Феба,
Не возвещает ее граюший птичий полет,
Не выходили ко мне, пастуху Аскрейской долины,
Клио и восемь сестер, вещий ведя хоровод;
Опыт меня научил — внемлите же опытной песне!
Истина — вот мой предмет; благослови нас, Любовь!

Прочь от этих стихов, целомудренно-узкие ленты,
Прочь, расшитый подол, спущенный ниже колен!
О безопасной любви я пишу, о дозволенном блуде,
Нет за мною вины и преступления нет.

Первое дело твое, новобранец Венериной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить.
Дело второе — добиться любви у той, кого выбрал;
Третье — надолго суметь эту любовь уберечь.
Вот уроки мои, вот нашего поприща меты —
К ним колесницу помчу, быстро пустив колесо.

Стало быть, прежде всего, пока все дороги открыты,
Выбери — с кем из девиц заговорить о любви?
С неба она к тебе не слетит дуновением ветра —
Чтобы красивую взять, нужно искать и искать.
Знает хороший ловец, где сети раскинуть на ланей,
Знает, в какой из ложбин шумный скрывается вепрь;
Знает кусты птицелов, и знает привычный удильщик
Омуты, где под водой стаями рыбы скользят;
Так и ты, искатель любви, сначала дознайся,
Где у тебя на пути больше девичьих добыч.
Я не заставлю тебя широкий раскидывать парус,
Незачем плавать тебе в самую дальнюю даль,
Хоть и Персею пришлось жену добывать у индусов,
И от Лаконской земли в Трою Елена плыла.
Столько в столице девиц, и такие в столице девицы,
Что уж не целый ли мир в Риме сошелся одном?
Жатв на Гаргарской горе, гроздей виноградных в Метимне,
Рыб в пучине морской, птиц под покровом листвы,
Звезд ночных несчислимей красавицы в нынешнем Риме —
Уж не Энея ли мать трон свой поставила здесь?
Если молоденьких ты и едва подрастающих любишь —
Вот у тебя на глазах девочка в первом цвету;

Если покрепче нужна — и покрепче есть сотни и сотни,
Все напоказ хороши, только умей выбирать;
Если же ближе тебе красота умелых и зрелых,
То и таких ты найдешь полную меру на вкус.

Ты лишь пройдись, не спеша, под Помпеевой свежею тенью
В дни, когда солнце стоит над Геркулесовым Львом,
Или же там, где щедротами мать померялась с сыном,
Мрамором из-за морей пышно украсив чертог.
Не обойди колоннад, мановением Ливии вставших,
Где привлекают глаза краски старинных картин,—
Там пятьдесят Данаид готовят погибель на братьев,
И с обнаженным мечом грозный над ними отец.
Не пропусти священного дня сирийских евреев
Или Венериных слез в день, как погиб Адонис;
Не позабудь и мемфисской телицы в льняном одеянье —
Зевса познавши любовь, учит любви она дев.

Судная площадь — и та не запретное место Амуру:
В шуме толпы площадной часто вскипает любовь.
Там, где мраморный ряд колонн Венерина храма,
А перед ним в небеса бьет водомет Аппиад,
Там не однажды любовь уязвляла блюстителей права,
И охранявший других сам охраниться не мог.
Там не однажды немел и самый искусный вития,
Не за других говоря, а за себя самого.
И, потешаясь, глядела Венера из ближнего храма,
Как защищавший других стал беззащитен пред ней.

Но полукруглый театр — еще того лучшее место:
Здесь для охоты твоей больше найдется добыч.
Здесь по себе ты отыщешь любовь и отыщешь забаву —
Чтобы развлечься на раз или увлечься всерьез.
Как муравьи вереницей спешат туда и обратно,
Зерна держа в челюстях, пищу привычную впрок,
Или как пчелы летят по своим облюбованным рощам
И по душистым лугам вскользь от цветка и к цветку,
Модные женщины так на модные зрелища рвутся:
Толпы красавиц текут, в лицах теряется глаз.

Все хотят посмотреть и хотят, чтоб на них посмотрели,—
Вот где находит конец женский и девичий стыд.
Ромул, это ведь ты был первым смутителем зрелищ,
Рати своей холостой милых сабинянок дав!
Не нависали тогда покрывала над мраморным склоном,
А на подмостки внизу рыжий не брызгал шафран,—
Сценою был безыскусный развал наломанных сучьев
И густолистых ветвей из палатинских дубрав,
А для народа кругом тянулись дерновые скамьи,
И заслоняла листва зной от косматых голов.
Каждый глазами себе выбирает желанную деву,
Каждый в сердце своем страстью безмолвной кипит.
Вот неумелый напев из этрусской дуды вылетает,
Вот пускается в пляс, трижды притопнув, плясун,—
И под ликующий плеск еще неискусных ладоней
Юношам царь подает знак к похищению жен.
Все срываются с мест, нетерпенье криками выдав,
Каждый добычу свою жадной хватает рукой.
Словно голубки от клюва орла летят врассыпную,
Словно овечка бежит, хищных завидя волков,
Так под напором мужчин задрожали сабинские девы:
Схлынул румянец с лица, трепет объемлет тела.
Страх одинаков во всех, но у каждой по-своему виден:
Эта волосы рвет, эта упала без сил,
Эта в слезах, но молчит, эта мать призывает, но тщетно,
Эта нема, эта в крик, та цепенеет, та в бег.
Вот их ведут чередой, добычу любовного ложа,
И от испуга в лице многие даже милей.
Если иная из них отбивалась от властного друга —
Он на руках ее нес, к жаркому сердцу прижав,
Он говорил: «Не порти очей проливными слезами!
Чем для отца твоя мать, будешь и ты для меня».
Ромул, ты для бойцов наилучшую добыл награду;
Дай такую и мне — тотчас пойду воевать!
Как же тут не сказать, что красоткам опасны театры
С тех знаменитых времен и до сегодняшних пор?
Небесполезны тебе и бега скакунов благородных —
В емком цирке Амур много находит удобств.
Здесь не придется тебе разговаривать знаками пальцев
И не придется ловить тайные взгляды в ответ.

Здесь ты хоть рядом садись, и никто тебе слова не скажет,
Здесь ты хоть боком прижмись — не удивится никто.
Как хорошо, что сиденья узки, что нельзя не тесниться,
Что дозволяет закон трогать красавиц, теснясь!
Здесь-то и надо искать зацепки для вкрадчивой речи,
И ничего, коли в ней пошлыми будут слова:
Чьи это кони, спроси у соседки с притворным вниманьем;
Ежели хлопнет коню, хлопай за нею и сам;
А как потянутся лики богов и меж ними Венера —
Хлопай и рук не щади, славя свою госпожу.
Если девице на грудь нечаянно сядет пылинка —
Эту пылинку с нее бережным пальцем стряхни.
Если пылинки и нет — все равно ты стряхни ее нежно,
Ведь для заботы такой всяческий повод хорош.
Если до самой земли у красотки скользнет покрывало —
Ты подхвати его край, чтоб не запачкала пыль:
Будешь вознагражден — увидишь милые ножки,
И ни за что упрекнуть дева не сможет тебя.
Кроме того, последи, чтоб никто из заднего ряда
В спину ее не толкал грубым коленом своим.
Мелочь милее всего! Как часто полезно подушку
Под локоток подложить для утомленной руки
Или же, веер раскрыв, на соседку повеять прохладой,
Или поставить к ногам вогнутый валик скамьи.
Благоприятен и цирк началу любовных подходов —
Благоприятен и шум возле песчаных арен.
Здесь над кровавым песком воюет и отрок Венеры —
Метко он ранит сердца тем, кто на раны глядит.
Заговорить, коснуться руки, попросить объявленье,
Спор предложить об заклад, кто из бойцов победит,—
Тут и почувствуешь ты, как трепещет стрела в твоем сердце,
Тут-то из зрителя сам станешь участником игр.
А вспоминать ли о том, как Цезарь явил нам морскую
Битву персидских судов и кекропийских судов,
Как от закатных морей до восточных морей собирались
Юноши с девами в Рим, разом вместивший весь мир?
Кто в подобной толпе не нашел бы предмета желаний?
Многих, многих, увы, пришлый измучил Амур.
Ныне же Цезарь ведет полки на окраины мира,
Ныне и дальний ему будет покорен Восток!

Жди расплаты, парфянин! Ликуйте, павшие с Крассом!
Снимется с римских орлов варварской власти позор.
Мститель грядет, с юных пор обещающий быть полководцем,
Мальчик правит войну — долг не мальчишеских лет.
Робкие души, божественных лет не считайте по пальцам —
В Цезарях доблесть цветет раньше расцветной поры.
Дар небесный в душе пробуждаться умеет до срока,
И не преграда ему — леность медлительных лет.
Новорожденный тиринфский герой, двух змей удушая,
И в колыбели своей сыном Юпитера был;
Вакх и поныне юнец — каким же юнцом он когда-то
Индию в страхе поверг под побеждающий тирс?
Годы и счастье отца в твоем начинании, отрок,
Годы и счастье отца будут в победе твоей.
Имя такое нося, ты не можешь начать по-иному:
Ныне ты юношам вождь, будешь и старцам вождем.
Братья есть у тебя — отомсти же за братние раны,
Есть отец у тебя — отчее право блюди.
Твой и отчизны отец тебе доверяет оружье —
Твой и отечества враг вырвал свой трон у отца:
Копья сыновней любви против стрел преступных нечестий
В бой Справедливость ведет, Верности знамя подняв.
Гибельно дело парфян — да будет им гибельна битва!
Пусть заревою страной вождь мой порадует Рим!
Марс-отец и Цезарь-отец, благодатствуйте сыну!
Оба вы боги для нас — сущий и будущий бог.
Я предрекаю, победа близка, и об этой победе
Петь мне обетную песнь в громкую славу твою!
Встав пред полками, полки ты моими приветишь словами —
Только бы эти слова были достойны тебя!
Груди римских мужей воспою и парфянские спины
И с обращенных коней стрелы, разящие вспять.
(Ты, побеждая, бежишь — что же делать, терпя пораженье?
Знак недобрый дает Марс для лукавых парфян!)
Стало быть, будет и день, когда в золотом одеянье
На белоснежных конях в лучший ты двинешься путь,
А пред тобой поведут вождей с цепями на шеях,
Чтобы привычный побег их, побежденных, не спас.
Будут на это смотреть молодые мужчины и жены,
Всем растопит сердца этот блаженнейший день.

Спросит иная из них, каких государей проводят,
Спросит, какие несут образы рек или гор,—
Тотчас на все отвечай, отвечай, не дождавшись вопроса;
Если не знаешь и сам, то говори все равно.
Вот, скажи, в камышовом венке Евфрат полноводный,
Вот, предположим, и Тигр в гриве лазурных волос;
Это армянская рать, это персы, потомки Данаи,
Этот город стоял в ахеменидской земле,
Это вождь, а это другой, а зовут его так-то.
Можешь — так правду скажи, нет — сочини поскладней.

Званый обед — тоже славная вещь для любовных подходов,
И не единым вином он привлекает мужчин.
Часто и здесь, за рога ухватив, охмеленного Вакха
Нежной своею рукой клонит багряный Амур.
Брызги вина увлажняют пернатые крылья Амура —
И остается летун, отяжелев, на пиру;
Влажными крыльями бьет, росу отрясая хмельную,
Но и от этой росы страждут людские сердца.
В винном пылу дозревает душа до любовного пыла,
Тяжкое бремя забот тает в обильном вине,
Смех родится в устах, убогий становится гордым,
Скорбь отлетает с души, сходят морщины со лба,
Хитрость бежит перед божьим лицом, раскрываются мысли,
Чистосердечье звучит, редкое в нынешний век.
Тут-то наши сердца и бывают добычей красавиц,
Ибо Венера в вине пламенем в пламени жжет.
Помни, однако, что здесь, в обманчивом свете лампады,
Ночью, с хмельной головой трудно ценить красоту.
Ведь не случайно Парис лишь днем и под солнечным небом
Молвил, богинь рассмотрев: «Лучшая — Матерь Любви!»
Ночь благосклонна, она прикрывает любые изъяны,
Ночью любую из дев можно красавицей счесть.
О драгоценных камнях, о крашенной пурпуром ткани
И о девичьей красе только при солнце суди.

Полно! как перечесть все места для любовной охоты?
Легче исчислить песок на побережье морском!
Что уж мне говорить о Байях и байских купаньях,
Где от горячих ключей серные дышат пары?

Многие, здесь побывав, уносят сердечные раны:
«Нет,— они говорят,— эта вода не целит!»
А невдали от римских холмов есть роща Дианы,
Царство, где ставит царя меч в смертоносной руке:
Дева-богиня, сама ненавидя Амуровы стрелы,
Многих в добычу ему и отдала и отдаст.

До сих пор лишь о том, где раскинуть любовные сети,
Талия правила речь в беге неровных колес.
Время теперь приступить к тому, что гораздо важнее,—
Как уловить для себя ту, что искал и нашел?
Все и повсюду мужи, обратите умы со вниманьем
И доброхотной толпой слушайте слово мое!

Будь уверен в одном: нет женщин, тебе недоступных!
Ты только сеть распахни — каждая будет твоей!
Смолкнут скорее весной соловьи, а летом цикады,
А меналийские псы зайцев пугаться начнут,
Нежели женщина станет противиться ласке мужчины,—
Как ни твердит «не хочу», скоро захочет, как все.
Тайная радость Венеры мила и юнцу и девице,
Только скромнее — она, и откровеннее — он.
Если бы нам сговориться о том, чтобы женщин не трогать,—
Женщины сами, клянусь, трогать бы начали нас.
Телка быка на лугу сама выкликает мычаньем,
Ржаньем кобыла своим кличет к себе жеребца.
В нас, мужчинах, куда осторожней и сдержанней страсти:
Похоть, кипящая в нас, помнит узду и закон.
Ну, а что же сказать о Библиде, которая, брата
Грешной любовью любя, грех свой казнила петлей?
Мирра любила отца не так, как дочери любят,
И оттого-то теперь скрыта под толщей коры,
А из-под этой коры благовонно текущие слезы
Нам в аромате своем плачущей имя хранят.
Было и так: в тенистых лесах под Идою пасся
Бык в чистейшей шерсти, стада и честь и краса.
Меченный темным пятном на лбу меж большими рогами,
Телом своим остальным был он белей молока.
В кносских стадах и в кидонских стадах томились коровы
В жажде принять на крестец тяжкую тушу его.

Бычьей подругою стать царица рвалась Пасифая —
Ревности гневной полна, телок гнала она прочь.
Не о безвестном твержу: будь Крит четырежды лживым,
Остров ста городов не отречется, солгав.
Свежую рвет Пасифая листву, непривычной рукою
Сочную косит траву и преподносит быку.
Ходит за стадом она по пятам, позабыв о супруге,
Ибо теперь для нее бык драгоценней царя.
Ах, Пасифая, зачем надеваешь богатые платья?
Право, любовник такой этих не ценит богатств.
Надо ли в диких горах при скотине о зеркале думать,
Надо ли этак и так к пряди укладывать прядь?
Зеркало скажет одно: тебе далеко до телицы!
Были рога для тебя трижды желанной красой!
Если Минос тебе мил, зачем тебе нужен любовник?
Если Минос надоел — мужа от мужа ищи.
Нет — как вакханка под чарой кадмейского бога, царица
Мчится в чащи лесов, брачный покинув покой.
Сколько раз ревниво она смотрела на телку
И говорила: «Зачем милому нравишься ты?
Как перед ним на лугу ты резвишься на травке зеленой!
Будто уж так хороши эти прыжки и скачки?»
Так говорила она, и тотчас несчастную телку
Прочь велела прогнать, впрячь приказала в ярмо
Или велела вести к алтарю для недобрых закланий,
Чтобы ревнивой рукой радостно сжать потроха.
Сколько соперниц она зарезала небу в угоду!
«Пусть,— говорила она,— вас он полюбит таких!»
Как ей хотелось Европою стать или сделаться Ио —
Той, что любима быком, той, что под пару быку.
И дождалась, и чреватою стала в кленовой корове,
И понесенный приплод выдал отца своего!
Если б другая критянка не вспыхнула страстью к Фиесту —
(Ах, как трудно любить всю свою жизнь одного!) —
Феб в колеснице своей с середины небесного свода
Вспять к рассветной заре не повернул бы коней.
Дочь, багряную прядь похитив у спящего Ниса,
Чресла свои обвила поясом песьих голов.
Вождь, избежавший Нептуна в волнах и Марса на суше,
Пал великий Атрид жертвой жестокой жены.

Кто не заплачет, взглянув на огонь, пожравший Креусу,
И на запятнанный меч матерью в детской крови?
Плакал Аминторов сын, лишившийся зрения Феникс;
От разъяренных коней чистый погиб Ипполит;
Старый Финей, не выкалывай глаз у детей неповинных —
Не на твою ли главу та же обрушится казнь?
Все, что делает женщина,— делает, движима страстью.
Женщина жарче мужчин, больше безумия в ней.
Будь же смелей — и надежды свои возлагай на любую!
Верь, что из тысячи жен не устоит ни одна.
Та устоит, та не устоит, но всякой приятно;
Если и выйдет просчет — это ничем не грозит.
Только откуда же быть просчету, когда повселюдно
Новая радость милей, слаще чужое добро?
Каждый знает: на поле чужом урожай полновесней,
И у соседских коров дойное вымя полней.

Но позаботься сперва заручиться подмогой служанки,
Чтоб до хозяйки достичь более легким путем.
Вызнай, вправду ли ей госпожа доверяет секреты,
Точно ли служит она тайных пособницей игр.
Просьб для нее не жалей, не жалей для нее обещаний —
Ей ведь помощь не в труд, если захочет помочь.
Время укажет она, когда сердце хозяйки доступней
(Время есть для всего, так и врачи говорят).
Это бывает, когда наливается радостью сердце,
Словно в широких полях колос, обильный зерном:
Радости полная грудь, никаким не стесненная горем,
Льстивой Венере сама недра свои распахнет.
Троя в суровые дни защищалась, мечей не жалея,—
Троя в веселье души стены раскрыла коню.
Сердце доступно еще и тогда, когда чувствует зависть:
Взять над соперницей верх средство красавице дай!
Пусть поутру, над прической трудясь, хозяйке служанка
Скажет несколько слов — парус в подмогу веслу,
Пусть, глубоко вздохнув, она потихоньку прошепчет:
«Вряд ли сумела бы ты мерой за меру воздать!»
Пусть порасскажет потом о тебе с убеждающим жаром,
И поклянется, что ты гибнешь от страстной любви.

Только уж тут торопись, лови своим парусом ветер,—
Тает, как лед на жаре, от промедления гнев.
Ты меня спросишь, не взять ли тебе заодно и служанку?
Можно и это, но здесь риск непомерно велик.
Это ей может придать, но и может убавить усердья —
Та для своей госпожи трудится, та для себя.
Случай решает успех; пусть счастье сопутствует смелым,—
Все-таки я бы не стал в этом пускаться на риск.
Я не хочу увлекать молодых на кручи и в бездны,
Я не собью их с пути, дав ненадежный совет.
Если, однако, по нраву тебе пособница ваша
Не за услуги одни, а и пригожим лицом,—
Все же сперва овладей госпожой, а потом уж служанкой:
Не подобает с рабынь службу Венере начать.
Дам один лишь совет (коли веришь ты нашей науке,
И не приходится мне на ветер речи бросать):
Взявшись за дело — иди до конца! Безопасен свидетель,
Если свидетель и сам делит с тобою вину.
Птица не пустится в лет, когда крылья схвачены клеем;
Трудно из ловчих сетей выход найти кабану;
Рыба, поранясь крючком, уже рыбака не минует;
Точно так же и ты должен, начав, победить.
А совиновницей став, она уж тебе не изменит
И о своей госпоже всякую весть сообщит.
Только скрываться умей! Чем более скрыт твой сообщник,
Тем о подруге твоей больше удастся узнать.

Тот не прав, кто решит, что уменье рассчитывать время
Будет полезно в трудах лишь мужику с моряком.
Как не во всякую пору поля принимают Цереру
И по зеленой волне полая мчится ладья,
Так и нежных девиц пленять не всегда безопасно —
Вовремя выбранный срок должен доставить успех.
День ли рожденья красавицы, день ли, когда календарный
Праздник Венеры идет Марсову месяцу вслед,
Или когда напоказ вместо древних убогих фигурок
Выставит праздничный цирк пышную роскошь царей,—
Эти дни не твои: для тебя они — зимние бури,
И восхожденье Козлят, и нисхожденье Плеяд,

Повремени, а не то, не вовремя вверившись морю,
Еле удержит рука щепки разбитой кормы.
Благоприятней всего для твоих начинаний плачевный
День, когда потекла в Аллии римская кровь,
Или когда в семидневный черед все дела затихают,
И палестинский еврей чтит свой завещанный день.
Наоборот, дни рожденья и прочие сроки подарков —
Это в уделе твоем самые черные дни.
Как ни упрямься дарить, а она своего не упустит:
Женщина средство найдет страстных мужчин обобрать.
Вот разносчик пришел, разложил перед нею товары,
Их пересмотрит она и повернется к тебе,
«Выбери,— скажет,— на вкус, посмотрю я, каков ты разборчив»,
И поцелует потом, и проворкует: «Купи!»
Скажет, что этого ей довольно на долгие годы,—
Нужную вещь продают, как же ее не купить?
Ежели денег, мол, нет при себе — попросит расписку,
И позавидуешь ты тем, кто писать не учен.
Ну, а что, коли в год она дважды и трижды родится
И приношения ждет на именинный пирог?
Что, коли плачет она и твердит сквозь притворные слезы,
Что потеряла на днях с камнем серьгу из ушка?
Любят просить на срок, а в срок возвращать не умеют —
Ни тебе денег назад, ни тебе ласки в обмен.
Нет, даже если бы сто я имел языков и гортаней,
Я бы исчислить не смог хитрых нечестий блудниц.

Воску на гладкой дощечке ты первому выскажешь душу,
Воск для тебя меж глубин верный нащупает брод.
Воску льстивые вверь слова и влюбленные речи —
Что есть сил, умоляй, делу мольбы не вредят:
Гектора выдал Ахилл, мольбам уступая Приама,
Боги смиряют свой гнев, смертным внимая мольбам.
И не жалей обещаний: они ведь нимало не стоят —
Право, каждый бедняк этим товаром богат.
Тот, кто поверил хоть раз, неустанно питает надежду:
Лжива богиня надежд, но без нее не прожить.
Если принес ты подарок — тебя уже может и бросить
Женщина: взятое — с ней, и не упущена дань.

Если же ты не принес — будет ждать и надеяться будет:
Так над бесплодной землей дольше томится мужик,
Так проигравший игрок снова ставит, и снова теряет,
И простирает опять жадные руки к игре.
Вот задача, вот труд: без подарка добиться успеха!
Женщина, дав и не взяв, даст и опять и опять.
Так посылай же письмо, умоляющей полное лести,—
Первой разведкой души трудный нащупывай путь.
Яблоко с тайным письмом обмануло когда-то Кидиппу
И уловило ее в сеть ее собственных клятв.

Римские юноши, вам говорю: не гнушайтесь наукой
Той, что учит в суде робких друзей защищать!
Ибо не только народ, не только судья и сенатор,
Но и подруга твоя сдастся на красную речь.
Будь, однако, не прост, храни про себя свою силу,
Не допускай на письме велеречивых словес.
Кто, коли он не глупец, перед милой витийствовать станет?
Часто единственный звук может родить неприязнь.
Будь убедителен, ласковым сделай привычное слово,
Будто не воск говорит — сам ты беседуешь с ней.
Если не примет письма и воротит его, не читая,
Ты не лишайся надежд: будешь упорней — прочтет.
Только со временем бык норовистый притерпится к плугу,
Только со временем конь жесткую примет узду;
Перстень железный, и тот за годы сотрется на пальце,
И заостренный сошник сточит за годы земля;
Что есть тверже скалы, что мягче текучей водицы?
А ведь и твердый утес мягкая капля долбит.
Будь терпелив, и ты победишь самое Пенелопу —
Поздно пал Илион, поздно, а все-таки пал.
Если прочтет, а ответа не даст,— подожди, не насилуй:
Ты приучи ее глаз к чтению ласковых строк.
Та, что хочет читать, захочет потом и ответить —
Всюду своя череда, все совершается в срок.
Или, быть может, она поначалу ответит сурово,
Веско тебе запретит письмами ей докучать?
Знай: боится она послушанья и ждет ослушанья,—
Будь же настойчив и тверд — цель от тебя не уйдет!

Если твоя госпожа, полулежа в открытых носилках,
Будет по улице плыть, ты подойди невзначай;
Но чтобы речи твои не попали в недоброе ухо,
Ты постарайся их смысл скрыть в двуязычный намек.
Если же праздной стопой под просторной она колоннадой
Бродит, то с ней заодно время свое убивай.
То вперед забеги, то ступай по пятам неотступно,
То приотстань, то опять скорого шагу прибавь;
Время от времени будь на другой стороне колоннады,
Чтоб оказаться потом с нею бок о бок опять.
Не допусти, чтоб она без тебя красовалась в театре —
Будь в полукруглых рядах там же, где будет она;
Там и любуйся, там и дивись на нее без помехи,
Взглядами с ней говори, знаками дай себя знать,
Хлопай в ладоши, когда плясун представляет девицу,
Хлопай, когда лицедей изображает любовь;
Встанет она — встань и ты; сидит — не трогайся с места;
Время свое убивай так, как покажет она.

Только не вздумай завить себе кудри каленым железом
Или по голеням ног едкою пемзой пройтись:
Это оставь корибантам, которые матерь Кибелу
В диких напевах своих славят фригийским вытьем.
Мужу небрежность к лицу. Похитил Тесей Ариадну,
Не украшая висков прикосновеньем щипцов;
Федре мил Ипполит, хотя Ипполит и не щеголь;
Сам лесной Адонис дорог богине любви.
Будь лишь опрятен и прост. Загаром на Марсовом поле
Тело покрой, подбери чистую тогу под рост,
Мягкий ремень башмака застегни нержавою пряжкой,
Чтоб не болталась нога, словно в широком мешке;
Не безобразь своей головы неумелою стрижкой —
Волосы и борода требуют ловкой руки;
Ногти пусть не торчат, окаймленные черною грязью,
И ни один не глядит волос из полой ноздри;
Пусть из чистого рта не пахнет несвежестью тяжкой
И из подмышек твоих стадный не дышит козел;
Все остальное оставь — пускай этим тешатся девки
Или, Венере назло, ищут мужчины мужчин.

Полно: Вакх призывает певца! Он тоже влюбленным
Друг, и пламя любви с пламенем Вакха сродни.
Кносская дева блуждала, без сил, в песках незнакомых,
Там, где у Дийской скалы хлещет морская волна,
Как была, в чем спала, распустившая складки туники,
Русых волос не покрыв, голой ногою скользя,
В волны глухие кричала жестокого имя Тесея,
Горьким терзала дождем нежную кожу ланит;
Крики неслись, и слезы лились, но и слезы и крики
Деве были к лицу: прелесть была и в слезах.
Вновь и вновь ударяя ладонями в нежные груди,
«Бросил неверный меня! Бросил! — твердила она.—
Как мне быть? Как мне быть?» Вдруг грянули бубны по скату
Берега, вдруг зазвучал в буйных ладонях кимвал;
Ужасом дева полна, смолкает, не кончивши слова,
Замер вздох на устах, краска сбежала со щек.
Видит: мималлониды закинули кудри за плечи,
Видит: сатиры бегут, богу предшественный сонм,
Видит: старец нетрезвый, Силен, на усталом осленке
Еле сидит и рукой пряди отводит со лба;
Он за вакханками, те — от него убегают и дразнят,
И неумелый седок, не совладавши с ослом,
Вдруг соскользнув с длинноухого, падает вниз головою,—
Хором сатиры кричат: «Встань, подымайся, отец!»
И наконец, золотою уздой уздающий тигров,
Сам в виноградном венце светлый является бог.
Ни кровинки, ни Тесея, ни голоса в деве —
Трижды рвется бежать, трижды от страха застыв.
Вся дрожит, как под ветром дрожит сухая былинка,
Как над болотной водой влажный трепещет тростник.
Бог гласит: «Это я, вернейший друг и заботник!
Дева, страх позабудь: Вакху ты будешь женой!
Небо — брачный мой дар: звездой просияешь на небе,
Путь в ночи кораблям Критский укажет Венец».
Молвив, шагнул с колесницы, чтоб не были страшны пугливой
Тигры, и божью стопу напечатлел на песке,
И, обессиленную прижав ее к мощному лону,
Взнес ее ввысь на руках всепобеждающий Вакх.
Те Гименея поют, эти Эвия, Эвия славят —
И на священном одре дева и бог сопряглись.

Вот потому-то, когда на столе — возлияния Вакху,
А за столом возлежит женщина рядом с тобой,
Богу ночному молись, молись Никтелийским святыням,
Чтобы твоя голова не помутилась вином.
Тут-то тебе и дано о многом сказать незаметно,
Чтобы она поняла: сказано это о ней;
Тут-то вином и чертить на столе говорящие знаки,
Чтобы твоей госпоже знать, чья она госпожа;
Взглядами взглядов искать, изъясняясь их пламенным блеском —
Часто немые глаза красноречивее уст.
Тронет ли чашу губами она, перейми эту чашу
И за красавицей вслед с той же пригубь стороны;
Если к какому куску она потянется пальцем,
Ты, потянувшись за ней, руку рукою задень.
Кроме того, не забудь и понравиться мужу подруги —
Станет полезнее он, сделавшись другом твоим:
Если по жребию пьешь — уступи ему первую долю
И со своей головы дай ему первый венок,
Пусть ему первым нальют, будь он выше тебя или ниже,
Что бы он ни сказал — с легкой готовностью вторь.
Самый испытанный путь — обманывать мнимою дружбой
(Все же опасность таит даже испытанный путь):
Именно так и делец, превышая свое полномочье,
Больше берет на себя, чем доверялось ему.
Мера есть и питью — указать ее вовсе не трудно:
Пусть голова и нога будут послушны тебе!
Больше всего берегись за вином затевать перебранку,
Бойся волю давать рвущимся к бою рукам:
Евритион нашел себе смерть в неразумной попойке,—
Нет, за столом и вином легкая резвость милей.
Пой, коли голос хорош, пляши, коли руки красивы,—
Всем, чем можешь пленить, тем и старайся пленить.
Истое пьянство вредит, но мнимое даже полезно:
Пусть заплетется язык, пусть залепечется речь,—
Что б ты теперь ни сказал и ни сделал не в меру ретиво —
Все для тебя не в упрек: скажут, виновно вино.
«Благо любимой моей и благо любимому ею!» —
Так говори, а в уме: «Чтоб ему сдохнуть!» — добавь.

Но покидают застольники стол, расходясь многолюдно;
Тут-то сама суета подступ к красавице даст.
Вдвинься в толпу, проберись к красавице, словно случайно,
Пальцами стана коснись, ногу ногою задень.
Вот когда время начать разговор! И Венера и Случай —
Оба помогут тебе; Стыд неотесанный, прочь!
Здесь твоему красноречью не надобны наши советы,
Только сумей захотеть — сразу же станешь речист.
С ролью влюбленного сладь, словами яви свои раны,
Хитрость любую найди — пусть лишь поверит она.
Это нетрудно: ведь каждая мнит, что любви она стоит;
Даже и та, что дурна, верит в свою красоту.
Часто бывало: притворно любя, притворщик влюблялся,
Взявшись казаться таким, впрямь становился таков.
Так не таите же, девушки, зла на мужское притворство —
Из повсечасной игры часто рождается страсть.
Ты же, о юноша, вкрадчивой речью подтачивай сердце,
Как неустанно река точит нависший обрыв.
Не уставай восхвалять лицо ее, волосы, руки,
Пальцев тонких изгиб, ножки-малютки следок.
Слышать хвалу своей красоте и стыдливая рада:
Каждая собственный вид ценит превыше всего.
Разве Юноне и разве Палладе не стыдно доселе,
Что на Фригийской горе не предпочел их Парис?
Слыша себе похвалу, и павлин свои перья распустит,
А утаишь похвалу — он утаит красоту.
Даже разубранный конь на скачках несется быстрее,
Слыша, как плещет толпа, шею и гриву хваля.
Будь в обещаньях нескуп — обещанья пленяют красавиц.
Всеми богами божись, лишь бы доверья достичь!
Сам Юпитер с небес улыбается клятвам влюбленных
И развевает их вмиг взмахом Эоловых крыл.
Даже стигийской водой сам Юпитер божился Юноне,—
Ложным клятвам не чужд, ложным он клятвам не мстит.
Выгодны боги для нас — коли выгодны, будем в них верить,
Станем на древний алтарь и возливать и кадить.
Боги не праздны, они не стынут в дремотном покое,—
Боги над теми блюдут, кто добронравно живет.
Долг не жалейте платить, договор страшитесь нарушить,
Душу храните от лжи и от убийства ладонь,—

Лишь за одно наказания нет: обманывать женщин.
Здесь и только здесь верность стыдней, чем обман.
Будем неверны неверным! Пускай нечестивое племя,
С хитростью выйдя на нас, в свой же силок попадет.
Есть рассказ: девять лет лежал плодоносный Египет
Сух, и не падал с небес дождь, орошая посев.
Фрасий пришел к Бусириду и молвил: «Смягчится Юпитер,
Если пришелец прольет кровь на его алтаре».
Тотчас в ответ Бусирид: «Ты сам и падешь, чужеземец,
Первою жертвой богам ради желанной воды».
Сжег Фаларид в жестоком быке Периллово тело,
И злополучный творец пищей творению стал.
Прав Бусирид, и прав Фаларид! Закон всех законов:
Кто злоумыслил смерть — сам этой смертью умрет.
Пусть же теперь поделом вероломных казнит вероломство;
Мучаясь, женщина пусть поданный вспомнит пример!

Польза есть и в слезах: слеза и алмазы растопит.
Только сумей показать, как увлажнилась щека!
Если же сухи глаза (не приходит слеза по заказу!) —
Маслом пальцы полей и по ресницам пройдись.
А поцелуи? Возможно ли их не вмешивать в просьбы?
Пусть не дается — а ты и с недающей бери.
Ежели будет бороться и ежели скажет: «Негодный!» —
Знай: не своей, а твоей хочет победы в борьбе.
Только старайся о том, чтоб не ранить нежные губы,
Чтобы на грубость твою дева пенять не могла.
Кто, сорвав поцелуй, не сорвал и всего остального,
Истинно молвлю, тому и поцелуи не впрок.
Что помешало тебе достичь полноты вожделенной?
Стыд? Совсем и не стыд — разве что серость твоя.
Это насилье? Пускай: и насилье красавицам мило —
То, что хотят они дать, нехотя лучше дадут.
Силою женщину взяв, сам увидишь, что женщина рада
И что бесчестье она воспринимает как дар.
Если ж она, хоть могла претерпеть, а нетронутой вышла,
То под веселым лицом тайную чувствует грусть.
Феба и Фебы сестра познали насильные ласки,
Но не устали любить тех, кто насильно ласкал.

Всем известен рассказ, и все же его повторю я —
Как Ликомедова дочь мужа в Пелиде нашла.
Уж от богини, красой превзошедшей соперниц на Иде,
Пылкий судья получил горькую мзду за хвалу;
Плыли уже к Приаму-царю корабли из-за моря,
Эллинскую в Илион старцу невестку неся;
Клятву давали мужи восстать за того, кто обижен,
Общею честью сочтя месть за позор одного;
Только Ахилл (о, стыд! но мольбе уступил он Фетиды),
Длинное платье надев, скрыл, что мужчина и он.
Что с тобой, Эакид? Тебе ли над шерстью трудиться?
Ждет Паллада тебя, но не на этой стезе.
Ты ль над корзинкой сидишь? Рука твоя просит оружья!
Эта ли с пряжей ладонь Гектору смерть принесет?
Прочь отбрось, прочь отбрось веретена с добротною нитью
И пелионским копьем в крепкой руке потрясай!
В том же покое спала девица из царского рода,
Ей самой и пришлось мужа в Ахилле признать.
Силе она уступив (приходится этому верить),
Верно, хотела сама силе такой уступить.
Часто она говорила: «Побудь!» — беспокойному другу,
Вместо былых веретен острый хватавшему меч.
Где же насилие, где? Зачем, Деидамия, хочешь
Лаской того удержать, кем обесчещена ты?
Правда, иную игру начать не решается дева,—
Рада, однако, принять, если начнет не она.
Право же, тот, кто от женщины ждет начального шага,
Слишком высоко, видать, мнит о своей красоте.
Первый приступ — мужчине и первые просьбы — мужчине,
Чтобы на просьбы и лесть женщина сдаться могла.
Путь к овладенью — мольба. Любит женщина просьбы мужские —
Так расскажи ей о том, как ты ее полюбил.
Сам преклонялся с мольбой Юпитер, сходя к героиням,—
Из героинь ни одна первой его не звала.
Если, однако, почувствуешь ты, что мольбы надоели,
Остановись, отступи, дай пресыщенью пройти.
Многим то, чего нет, милее того, что доступно:
Меньше будешь давить — меньше к тебе неприязнь.

И на Венерину цель не слишком указывай явно:
    Именем дружбы назвав, сделаешь ближе любовь.
Сам я видал, как смягчались от этого строгие девы
    И позволяли потом другу любовником стать.

Белая кожа претит в моряке — под брызгами моря
    На обожженном лице темный ложится загар.
Белая кожа — укор землепашцу, когда он на пашне
    Лемех ведет и отвал, солнцу подставив плечо.
И для тебя, кто рвется к венку из листьев Паллады,
    Для состязателя игр, белое тело — позор.
Бледность — тому, кто влюблен! Влюбленному бледность пристала:
    В этом его красота — мало ценимая кем.
Бледный в Сидейских лесах Орион на охоте скитался,
    Бледный Дафнис, томясь, млел о наяде своей.
Бледность и худоба обличают влюбленные души,
    Так не стыдись под плащом кудри блестящие скрыть!
Юным телам придают худобу бессонные ночи,
    Боль, забота, печаль — знаки великой любви.
Чтобы желанья сбылись, не жалей вызывать сожаленья.
    Пусть, взглянув на тебя, всякий воскликнет: «Влюблен!»

Скрыть ли тоску и упрек, что смешали мы правду и кривду?
    Дружба и верность у нас нынче пустые слова.
Ах, как опасно бывает хвалить любимую другу:
    Он и поверит тебе, он и подменит тебя.
Ты говоришь: «Но Патрокл соперником не был Ахиллу;
    Верность Федры попрать не посягал Пирифой;
Если Пилад и любил Гермиону, то чистой любовью,
    Словно Палладу — Феб и Диоскуры — сестру».
Кто на такое надеется, тот, пожалуй, надейся
    Мед из реки зачерпнуть, плод с тамариска сорвать!
Нынче стыд позабыт — свое лишь каждому любо,
    Каждый за радость свою платит страданьем других.
Нынче, увы, не врага своего опасайся, влюбленный,—
    Чтобы верней уцелеть, мнимых друзей берегись.
Остерегайся родных, бойся брата, чуждайся знакомца —
    Вот с какой стороны ждет тебя истинный страх!

Близок конец; но ты не забудь, что любовь открывает
Тысячу разных путей к тысяче женских сердец.
Ведь и земля не повсюду одна: иное — оливам
Место, иное — лозе или зеленым хлебам.
Сколько лиц на земле, столько бьется сердец непохожих:
Тот, кто умен и хитер, должен приладиться к ним.
Словно Протей, то он вдруг обернется текучей водою,
То он лев, то он дуб, то он щетинистый вепрь.
Рыбу ловить — там нужен крючок, там потребен трезубец,
Там на крепкий канат нижется частая сеть.
Не выходи же и ты без разбора на старых и юных —
Издали сети твои высмотрит старая лань.
Ум покажи простоватой, нахальством блесни перед строгой —
Та и другая тотчас, бедные, бросятся прочь.
Вот почему бывает порой, что достойным откажет,
А к недостойным сама женщина в руки падет.

Часть пути — позади, а часть пути — предо мною.
Бросим якорь в песок, отдых дадим кораблю.

Книга вторая

Грянъте: «Ио, Пеан!» «Ио, Пеан!» — возгласите!
Бьется добыча в сети, кончен охотничий труд.
Ныне влюбленный, ликуя, стихи мои метит наградой
Выше Гомеровых пальм и Гесиодовых пальм.
Так распускал паруса похититель и гость, сын Приама,
От копьеносных Амикл в дом свой жену увозя;
Так и тебя, Гипподамия, вез в колеснице победной
Тот, кто примчался к тебе в беге заморских колес.
Но не спеши так, юнец; ты выплыл в открытое море,
Волны плещут кругом, берег желанный далек.
Если по слову стиха моего и достиг ты любимой —
Я научил овладеть, я научу сохранить.
Завоевать и оборонить — одинаково важно:
Случай поможет в одном, только наука — в другом.
Так не оставьте меня, Киприда и отрок Киприды,
Ты не оставь, Эрато, тезка которой — Любовь!

Долг мой велик: поведать о том, каким ухищреньем
Будет удержан Амур, мчащийся по миру бог.
Легок Амура полет, два крыла у него за плечами,
Трудно накинуть на них сдержанной меры узду.
Гостю когда-то Минос замкнул все пути для ухода —
Гость на пернатых крылах по небу путь проторил.
Был уже скрыт в тайнике зачатый матерью в блуде
Бык-получеловек и человек-полубык,
И произнес строитель Дедал: «Минос-справедливец!
Плену конец положи: прах мой отчизне верни!
Пусть я не мог, гонимый судьбой, не знающей правды,
Жить в родимой земле,— в ней я хочу умереть.
Если не жаль старика — дозволь возвратиться ребенку.
Если ребенка не жаль — то пощади старика».
Так он твердил, и долго твердил, но тщетными были
Речи — пленнику царь выхода в путь не давал.
Это поняв, промолвил Дедал: «Теперь-то, умелец,
Время тебе показать, в чем дарованье твое.
Пусть и море, пусть и суша покорны Миносу,
Пусть ни земля, ни вода нам не откроют пути,—
Небо осталось для нас — рискнем на небесные тропы!
Вышний Юпитер, прости мне дерзновенье мое:
Я не хочу посягать на звездные божьи престолы —
Нет нам из рабства пути, кроме пути в небесах!
Ежели Стикс дозволит исход — поплывем и по Стиксу!
Новый пишу я закон смертной природе моей».
Часто беда изощряет умы. Возможно ли верить,
Чтобы шагнул человек ввысь по воздушной тропе?
Вот он перо за пером слагает в небесные весла,
Тонкими нитями льна вяжет одно к одному;
Жарко растопленный воск крепит основания перьев;
Вот уж подходит к концу новоизмышленный труд.
Мальчик веселый меж тем и пером забавлялся, и воском,
Сам не зная, что в них — снасть для мальчишеских плеч.
«Это,— молвил отец,— корабли для нашего бегства,
Это единственный путь к воле и отчей земле.
Всюду — запоры Миноса, свободен лишь воздух небесный;
Мчись по свободному ввысь, воздух полетом прорви!
Пусть, однако, тебя не влечет ни тегейская дева,
Ни Волопас, ни его спутник с мечом — Орион:

Только за мною одним устремись на полученных крыльях —
Я — впереди, ты — вослед: в этом — спасенье твое!
Если эфирный поток вознесет нас к недальнему солнцу —
Знай, не вынесет воск солнечных жарких лучей;
Если же крылья у нас заплещут над самой волною —
То маховое перо взмокнет от влаги морской.
Посередине держись! Лишь бойся недоброго ветра —
Пусть лишь попутный порыв дует в твои паруса».
Эти слова говоря, он ладит на мальчика крылья,
Новым движениям плеч учит, как птица птенца;
Сам на свое надевает плечо рукодельные снасти
И в неизведанный путь телом парящим плывет.
Срок полета настал. Отец целуется с сыном,
Не высыхает поток слез на отцовских щеках.
Холм был пониже горы, но повыше гладкой равнины —
Здесь для двух беглецов горестный путь начался.
Крыльями движет Дедал, озираясь на крылья Икара,
И не сбиваясь с пути, правит и правит полет.
Радует двух беглецов новизна, развеваются страхи,
Мчится отважный Икар, сильным крылом шевеля.
Видит летящих рыбак у воды с дрожащей удою,
Видит, и зыбкую трость в страхе роняет рука.
Наксос, и Парос, и Делос, любезный кларосскому богу,
Минули; с левой от них Самос прошел стороны,
С правой виднелся Лебинт и рыбная Астипалея
И подымался из вод остров Калимны лесной.
Вдруг юнец, по пылкости лет опрометчивый ранних,
Выше направил тропу, долу оставил отца;
Скрепы расслабились, воск растекся от ближнего солнца,
Ветра не может поймать взмах торопливой руки;
В ужасе он с высоты глядит в просторное море,
В сердце — трепетный страх, ночь наплыла на глаза,
Тает воск, бьет юнец бескрылыми воздух руками,
Чувствует смертную дрожь, не в чем опору найти.
Рушится он, крича: «Отец! Отец! Погибаю!» —
И захлестнулись слова темно-зеленой волной.
А злополучный отец (уже не отец!), восклицая:
«Где ты, сын мой Икар? Где, под какой ты звездой?

Где ты, Икар?» — вдруг видит в воде плывущие перья...
Кости укрыла земля, имя осталось волне.
Если Минос не сумел удержать человеческих крыльев,—
Мне ли пытаться унять бога крылатого взлет?
Но ошибается тот, кто спешит к гемонийским заклятьям
И с жеребячьего лба тонкий снимает нарост,—
Чтоб уцелела любовь, не помогут Медеины травы,
Ни заговорный напев ведомых марсам словес.
Если бы только любовь могли уберечь заклинанья,—
Был бы с Цирцеей — Улисс и с Фасианкой — Ясон.
Да и девицам не впрок наводящие бледность напитки:
В души несут они вред и помрачают умы.

Прочь, нечестивые, прочь! Будь любезным, и будешь любимым.
Чтобы любовь заслужить, мало одной красоты.
Будь ты хоть сам Нирей, любимец былого Гомера,
Или нежнейший на вид Гилас, добыча наяд,
Чтобы любовь госпожи сохранить и ее не лишиться,
Ты приложи к красоте малую долю ума.
Ведь красота — ненадежная вещь, убывает с годами:
Чем протяженней она, тем ее сила слабей.
Вечно цвести не дано цветам длиннолепестных лилий;
Роза, осыпав красу, сохнет, шипами торча.
Так и в твоих волосах забелеют, красавец, седины,
Так и тебе на лицо борозды лягут морщин.
Дух один долговечен,— да будет тебе он опорой!
Он — достоянье твое до погребальных костров.
Не забывай и о том, что для всякой души благотворно
Знание двух языков и благородных наук.
Не был красивым Улисс, а был он красноречивым —
И воспылали к нему страстью богини морей.
Ах, сколько раз, сколько раз о поспешном грустила Калипсо,
И говорила, что нет в море дороги гребцу,
Как она вновь и вновь вопрошала о гибели Трои,
Чтобы на разный он лад все говорил об одном!
На берегу стояли они, и снова Калипсо
Об одрисийском вожде свой начинала расспрос.
Легким прутом Улисс (был прут в руке у героя)
Все, о чем говорил, изображал на песке.

«Вот,— говорил он,— стена» (рисуя троянские стены),
    «Вот река Симоент, вот и палатка моя;
Вот и луг, (нарисован и луг), обагренный Долоном
    В ночь, когда пожелал он гемонийских коней;
Ну, а там стояли шатры ситонийского Реса,
    Там я пробрался в ночи, пленных коней уводя».
Так он чертил и чертил, как вдруг волна, разливаясь,
    Вмиг стирала с песка Трою, шатры и царя.
И говорила богиня: «Ты видишь, как смыла пучина
    Столько великих имен,— ей ли доверишь ты плот?»
Не возлагай же надежд на красу ненадежного тела —
    Как бы ты ни был красив, что-то имей за душой.

Лучше всего привлекает сердца обходительность в людях,—
    Грубость, наоборот, сеет вражду и войну.
Ястреба мы ненавидим за клюв его дерзкий и коготь,
    И ненавидим волков, хищников робких овец;
Но безопасно от нас кротких ласточек быстрое племя
    И хаонийский летун, башен высоких жилец.
Прочь, злоязычная брань, исчезни, вредная ссора!
    Сладкие только слова милую нежат любовь.
Жен мужья и жены мужей пусть ссорами гонят,
    Словно меж ними в суде длится неконченый спор.
Это — супружества часть, в законном приданое браке,
    А меж любовников речь ласкова будь и мила.
Вам не закон приказал сойтись к единому ложу —
    Силу закона иметь будет над вами Любовь.
Пусть, к приятным словам склоняясь польщенной душою,
    Будет подруга всегда рада увидеть тебя!
Тех, кто богат, я любви не учу — на что им наука?
    Ежели есть, что дарить,— им мой урок ни к чему.
Тот без науки умен, кто может на всякую просьбу
    «Вот тебе, молвить, и вот!» — с ним мне тягаться невмочь.
Бедным был я, любя, для бедных стал я поэтом;
    Нечего было дарить — праздное слово дарил.
Бедный робок в любви, боится недоброго слова,
    Бедный такое снесет, что не стерпеть богачу.
Помню, однажды, вспылив, повредил я прическу подруги —
    Скольких мне дней любви стоила эта гроза!

Я ей рубашку не рвал, а она уверяет, что рвал я,—
Мне же пришлось на свои новую ей покупать.
Умные ученики! Не следуйте нашим ошибкам!
Пусть мой убыточный грех служит уроком для вас.
Схватки — на долю парфян, а учтивым подругам несите
Ласки, шутку и мир — все, что питает любовь.
Если подруга в ответ на любовь неприветлива будет —
Будь терпелив и крепись: жди, и смягчится она.
Ветку нагни, и нагнется она, если гнуть терпеливо;
Если же с силой нажать, то переломится сук.
Будь терпелив, по теченью плыви через всякую реку,
Ибо пустой это труд — против течения плыть;
Будь терпелив, и ты усмиришь и тигрицу и львицу,
И неповадливый бык шею нагнет под ярмо.
Кто неприступнее был Аталанты, охотницы горной?
Но и ее получил сильный заслугою муж.
Часто Миланион под сенью дубравных деревьев
Плакал о доле своей, о непокорной любви;
Часто по слову ее таскал он охотничьи сети,
Хаживал на кабанов с пикою наперевес,
Раны знавал он тугой тетивы Гилеева лука —
Но уязвляла его глубже иная стрела.
Я не гоню тебя следом за ним по рощам Менала,
Можешь сетей не таскать, можешь не трогать копья,
Можешь не подставлять свою грудь стремительным стрелам —
Проще и легче завет скромной науки моей!
Я говорю: будь уступчив! Уступки приносят победу.
Все, что придет ей на ум, выполни, словно актер!
Скажет «нет» — скажешь «нет»; скажет «да» — скажешь «да»: повинуйся!
Будет хвалить — похвали; будет бранить — побрани;
Будет смеяться — засмейся и ты; прослезится — расплачься;
Пусть она будет указ всем выраженьям лица!
Если захочет играть, бросая квадратные кости,—
Хуже старайся играть, больше старайся платить.
Ежели в длинные кости игра — то же самое делай:
Чаще выбрасывай «псов», ей уступая игру.
Если, в «разбойники» сев, ты двинешь по линии шашку,—
Пусть поскорей твой боец сгинет в стеклянном бою.

Сам держи над своей госпожой развернутый зонтик,
Сам расчищай для нее путь в многолюдной толпе.
Если в точеных носилках она — придвинь ей скамейку,
И не стыдись у нее ножку обуть и разуть;
Ежели холодно ей — позабудь, что и сам ты иззябнул,
И на холодной груди ручку замерзшую грей.
Нет позора и в том (отрада ведь пуще позора!),
Чтобы своею рукой зеркальце ей подносить.
Тот, кому мачеха дать по плечу не могла супостата,
Тот, кто небо носил, тот, кто на небо взошел,
Меж ионийских девиц сидел над рабочей корзинкой
И, говорят, не стыдясь прял ионийскую шерсть.
Если тиринфский герой покорялся приказу царицы —
Ты ль не возьмешься снести то, что сносил Геркулес?
Коли прикажет тебе госпожа явиться на площадь —
Раньше срока предстань, самым последним уйди.
Если велит бежать по делам — беги, не замедли,
Чтоб никакая толпа не задержала тебя.
Ночью ли с пира домой собираясь, раба себе кликнет,—
Будь ей вместо раба, первым являйся на зов.
Шлет ли, уехав, письмо «Приезжай!» — поезжай и не мешкай;
Не на чем ехать — беги: лени Амур не простит.
И да не будут помехой тебе ни снега на дорогах,
Ни в нестерпимые дни дышащий жаждою Пес.

Воинской службе подобна любовь. Отойдите, ленивцы!
Тем, кто робок и вял, эти знамена невмочь.
Бурная ночь, дорожная даль, жестокая мука,
Тяготы все, все труды собраны в стане любви.
Будешь брести под дождем, из небесной струящимся тучи,
Будешь, иззябший, дремать, лежа на голой земле.
Если рожденный на Делосе бог, Адметово стадо
Пасший, ютился порой под шалашом пастуха,—
Ты ли не примешь того, что сам не отверг дальновержец?
Хочешь остаться любим — всякую спесь позабудь.
Если не будет тебе дороги открытой и ровной,
Если перед тобой дверь заперта на засов —
Не устрашись ничего и спускайся во двор прямо с крыши
Или в высоком окне выищи надобный лаз.

Женщина рада бывать причиною смертного риска:
    Это им верный залог самой горячей любви.
Ты опасался, Леандр, потерять любимую Геро
    И, чтоб себя показать, переплывал Геллеспонт.

Нет худого и в том, чтобы льстить рабам и рабыням:
    Каждого, кто повидней, надобно ближе привлечь.
По именам их зови, обращаясь (чего тебе стоит?),
    И не гнушайся пожать рабскую руку своей.
В день Фортуны, когда о подарке попросит невольник,
    Не пожалей для него: право, расход невелик.
Не пожалей и служанке подать в тот праздник, в который
    Галлы погибель нашли в брачной одежде рабынь.
Челядь должна быть с тобой заодно; особенно важен
    Тот, кто стоит у дверей и перед спальнею спит.

Не предлагаю тебе дарить драгоценных подарков.
    Но, небольшие даря, кстати и к месту дари.
В пору, когда урожай гнет ветви и хлебные стебли,
    Ты поднеси госпоже сельских корзину плодов,
Ты расскажи ей, что ты получил их из ближней усадьбы,—
    Хоть на Священной ты их улице в Риме купил,—
Гроздья дари и орехи, столь милые Амариллиде
    (Жаль, что ее на каштан нынче поймать мудрено!),
Можешь послать ей дрозда, а можешь — цветочные цепи,
    Лишний раз подтвердив верность своей госпоже.
Тем же, в надежде на смерть, подкупают бездетную старость —
    Ах, провалиться бы всем, кто опорочил дары!

Напоминать ли о том, чтобы льстить ей, стихи сочиняя?
    Плохо только одно: песни теперь не в чести.
Все похвалят стихи, но все пожелают подарка —
    Грубый милее богач, чем неимущий поэт.
Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне
    Золотом — почесть и власть, золотом — нежная страсть.
Если с пустыми руками придешь ты, питомец Камены,
    Будь ты хоть сам Гомер — выставлен будешь, Гомер.
Все же, хоть мало, а есть на земле и ученые девы,
    Да и невежды порой рады учеными слыть.

Тех и других в стихах прославляй! За сладкое слово,
Плохо ли, хорошо ль, всякая песня сойдет.
Стоит прободрствовать ночь, сочиняя красавице песню:
Вдруг да увидит в стихах хоть невеликий, а дар?

Далее: если ты сам замыслил какое-то дело,
Пусть и подруга твоя кстати попросит о нем.
Если кому из твоих рабов обещал ты свободу —
Пусть припадает, моля, чтоб заступилась она.
Снять ли оковы с раба, отменить ли его наказанье —
Все, что делаешь ты, делаешь ты для нее.
Ей — почет, а польза — тебе, и ты не в убытке:
Пусть насладится она ролью большой госпожи!

Чтоб оставаться с тобой, должна твоя женщина помнить,
Что от ее красоты стал ты совсем без ума.
Если в тирийском она — похвали тирийское платье,
В косском ли выйдет к тебе — косское тоже к лицу;
Ежели в золоте вся, то сама она золота краше,
Если закутана в шерсть — молви: «Чудесная шерсть!»
Если предстанет в рубашке одной — вскричи:
«Я пылаю!»
И осторожно добавь: «А не простудишься ты?»
Если пробор в волосах — не надобно лучшей прически;
Если она завита — честь и хвала завиткам.
Пляшет? Хвали ее руки. Поет? Хвали ее голос.
Кончила петь и плясать? Громко об этом жалей.
Самое ложе любви и самые радости ночи,
Все, что любезно вдвоем,— все это можно хвалить.
Пусть она будет мрачней и жесточе Медузы Горгоны —
Слыша такие слова, станет мила и нежна.
Только следи, чтоб она твоего не открыла притворства,
И выраженьем лица не опрокинь своих слов!
Скроешь искусство свое — молодец; а выдашь — досадуй:
Веры тебе поделом с этой не будет поры.

Часто в осенние дни, когда наливаются гроздья,
Пурпурным крася вином лучшее время в году,
То вдруг нажмут холода, то снова распустится лето,
И переменчивый жар тяготой тело томит.

Пусть подруга твоя останется в добром здоровье!
    Если же сляжет она, чувствуя воздух больной,—
Тут-то тебе и явить всю любовь твою, всю твою верность,
    Тут-то и сеять тебе севы для будущих жатв!
Не поддавайся тоске, на докучные глядя капризы,
    Все, что позволит она, делай своею рукой.
Дай ей слезы увидеть твои, поцелуем не брезгуй,
    Дай пересохшим губам влажной коснуться щеки;
К богу взывай, но громче взывай, чтоб она услыхала;
    Чаще рассказывай ей благополучные сны;
Дряхлую бабку найми к очищению ложа и дома
    С серой и птичьим яйцом в горстке трясущихся рук,—
Все заботы твои оставят хорошую память:
    Многим открыли они путь к завещаньям чужим.
Только и здесь ты сумей соблюсти в усердии меру —
    Возле больной суетясь, и опостылеть легко.
Не говори ей: «Не ешь!», не подсовывай снадобий горьких —
    Пусть твой соперник и враг это возьмет на себя.

Ветер, от берега вея, увел тебя в дальнее море —
    Здесь парусам корабля надобен ветер иной.
Снову любовь некрепка, но привычка ей будет опорой:
    Дай ей пищу и срок — станет крепка и сильна.
Бык, ужасный тебе, к тебе же ласкался теленком,
    Дуб, под которым лежишь, тонким тянулся ростком;
Мал бывает родник, но куда ручеек ни польется,
    Станет полней и полней, новые воды приняв.
Пусть же подруга привыкнет к тебе: привычка всесильна!
    Ради привычки такой не поленись поскучать!
Пусть она видит и пусть она слышит тебя постоянно,
    Ночью и днем перед ней пусть твое будет лицо.
А как уверишься в том, что она без тебя затоскует,
    Что и вдали от нее будешь по-прежнему мил,—
Тут-то и отдых устрой. Отдохнувши, земля урожайней,
    И пересохшим полям в радость бывают дожди.
Рядом дыша с Демофонтом, Филлида о нем не страдала,
    А как отчалил он вдаль,— вспыхнула жарким огнем.
Дальним скитаньем Улисс тревожил тоску Пенелопы,
    И, Лаодамия, твой был вдалеке Филакид.

Но берегись, не просрочь! Угасают со временем страсти,
Дальний забудется друг, новая встанет любовь.
Чтобы утешить печаль о далеком своем Менелае,
Пала Елена в ночи гостю на жаркую грудь.
Ах, Менелай, до чего же ты глуп! Одиноко уехав,
Ты оставляешь в дому гостя с женою вдвоем!
Лучше бы ястребу ты, обезумев, доверил голубок,
Лучше бы горным волкам предал овчарню свою.
Нет на Елене греха! Не преступен ее соблазнитель!
Он поступил, как любой,— так поступил бы и ты.
Ты ее сделал изменницей, дав им и время и место,
Ты ей указывал путь — и понимала она.
Правда: ведь муж далеко, а гость обходительный близко,
И на постели пустой страшно одной ночевать.
Думай, как хочешь, Атрид, а по мне, так Елена невинна:
То, что покладистый муж дал ей, она приняла.

Но ни коричневый вепрь, застигнутый в яростном гневе,
Молниеносным клыком рвущий ретивых собак,
Ни над сосущими львятами мать их, безгривая львица,
Ни под неловкой пятой змейка, таящая яд,
Так не бывают страшны, как страшна, услыхав об измене,
Женщина в гневе своем: сердцем и взглядом горя,
Рвется к огню и мечу, забывает стыдливость и чинность,
Словно почуяв удар от Аонийских рогов.
Вот Фасианка — она, по-варварски мстя за измену,
Кровью любимых детей брачный омыла позор.
Вот и другая жестокая мать — ты ласточку видишь,
Кровь у нее запеклась вечным клеймом на груди.
Так расторгает любовь крепчайшие скрепы и связи,—
Вот почему для мужчин эта опасна вина.
Но не подумай, что мой приговор: «Будь верен единой»,—
Боже тебя сохрани! Это и в браке невмочь.
Нет; но резвясь, умейте таить свои развлеченья:
Ежели грех за душой — право, молва ни к чему.
И не дари подарков таких, чтобы стали приметой,
И постоянного дня не отводи для измен,
И, чтоб тебя не сумели застичь в знакомом приюте,
Разным подругам для встреч разное место назначь.

А сочиняя письмо, перечитывай каждую строчку:
Женщины видят в словах больше, чем сказано в них.
Да, удар за удар воздает, сражаясь, Венера,
И заставляет терпеть, что претерпела сама.
Жил при супруге Атрид, и была непорочна супруга,
Только по мужней вине злою преступницей став.
Слух до нее доходил и про Хрисову дочь, о которой
Тщетно отец умолял, лавры повязкой овив,
Слух доходил и о горе твоем, Лирнессийская дева,
Чей обернулся увод стыдной задержкой войны;
Все же это был слух, а Кассандра явилась воочью —
Сам победитель своей пленницы пленником был.
Тут-то Тиндарова дочь и открыла Фиестову сыну
Сердце и ложе свое — тут-то и грянула месть.

Сколько, однако, греха ни скрывай, всего ты не скроешь;
Но и попавшись врасплох, все отрицай до конца.
Будь не более ласков и льстив, чем бываешь обычно:
Слишком униженный вид — тоже ведь признак вины.
Но не жалей своих сил в постели — вот путь к примиренью!
Что у Венеры украл, то вороти ей сполна.
Многим известен совет: принимать сатурейские травы,
Вредные травы: по мне, это опаснейший яд;
Или советуют с перцем принять крапивное семя,
Или растертый пиретр во многолетнем вине;
Но не желает таких побуждений к любовным утехам
Та, чью обитель хранит тень Эрицинских холмов.
Белый ешь пеласгийский чеснок Алкафоевых севов
И бередящую ешь травку из наших садов;
Мед с Гиметтской горы не вредит, полезны и яйца,
И помогает орех с веток колючей сосны.

Но перестань, Эрато, вникать в ведовскую ученость!
Ближе лежат рубежи бегу квадриги моей.
Я говорил тебе, как утаить от подруги измену,
Я же теперь говорю, как показать ее въявь.
Не торопись меня обвинять в легкомыслии вздорном —
Ведь и ладью по волнам разные ветры несут:
То нас фракийский Борей, то Эвр подгоняет восточный,
То под полотнищем Нот, то заполощет Зефир.

Или взгляни, как на конских бегах то отпустит возница
Вожжи, то, вновь натянув, сдержит летящих коней!
Женщины есть и такие, кому наша преданность в тягость:
В них угасает любовь, если соперницы нет.
Изнемогает порою душа, пресытившись счастьем,
Ибо не так-то легко меру в довольстве хранить.
Словно огонь, в горенье своем растративший силы,
Изнемогая, лежит, скрывшись под пеплом седым,
Но поднеси ему серы — и новым он пламенем вспыхнет,
И засияет опять ярко, как прежде сиял,—
Так и душа замирает порой в нетревожимой лени:
Острым кресалом ударь, чтоб разгорелась любовь!
Пусть изведает страх, пусть теплая станет горячей.
Пусть побледнеет в лице, мнимой измены страшась!
О, четырежды счастливы, о, неисчетно блаженны
Те, чья обида могла милую деву задеть,
Чтобы она, об измене твоей услыхав боязливо,
Бедная, пала без чувств, бледная, пала без слов!
Мне бы такую любовь, чтоб, ревнуя, меня не жалела,
Чтобы ногтями рвалась и к волосам и к щекам,
Чтобы взглянула — и в плач, чтоб яростным взором сверкала,
Чтоб ни со мной не могла, ни без меня не могла!
Спросишь, а долго ли ей о тебе стенать и метаться?
Нет: подолгу томясь, слишком накопится гнев.
Ты ее пожалей, обвей ее белую шею,
Пусть она, плача, к твоей жаркой приникнет груди;
Слезы уйми поцелуем, уйми Венериной лаской —
Так, и только так, миром закончится брань.
Вволю побуйствовать дай, дай ненависть вылить воочью
И укроти ее пыл миром на ложе утех.
Там — согласия храм, там распря слагает оружье,
Там для блага людей в мир рождена доброта.
Так, побранясь, голубок и голубка сольются устами
И заворкуют вдвоем, нежную ласку суля.

В первоначальные дни все смешано было в природе:
Звезды, море, земля — все это было одно.
Время, однако, пришло, и хаос разъялся бесплодный:
Небо взошло над землей, сушу вода облегла,

Лес населило зверье, воздух принял летучую птицу,
Стаи чешуйчатых рыб скрылись в текучей воде.
Род человечий тогда бродил по степям одиноким,
Грубым телом могуч, полон нетраченых сил:
Лес ему — дом, трава ему — корм, листва ему — ложе;
И человека не мог, встретясь, узнать человек.
Но, говорят, укротила любовь их дикие души —
Там, где друг с другом сошлись женский и мужеский род.
Что они делали, в том ненадобен был им наставник:
И без науки любовь сладкий вершила их труд.
Птица с птицей в любви; меж рыб, в пучинах живущих,
Для обоюдных услад самка находит самца;
Лань за оленем идет; змея пленяется змеем;
Даже собаку и пса вяжет любовная связь;
Рада барану овца; быком наслаждается телка;
Для плосконосой козы сладок нечистый козел;
И за своим жеребцом кобылица, беснуясь, несется
Через просторы полей и преграждающих рек.
Будь же смелей! Чтобы боль укротить красавицы гневной,
Из всевозможных лекарств лучшее есть при тебе.
Это лекарство сильней Махаоновых зелий целебных,
Чем прогневил госпожу, тем же прощенье добудь.

Так я пел мою песнь; вдруг вижу я лик Аполлона,
Вижу, касается он лиры своей золотой;
Лавры в простертой руке, и лавром увенчан священный
Лоб: певец и пророк взорам моим предстоит.
И возвещает он так: «Шаловливый наставник влюбленных!
Путь питомцев своих к храму направь моему,
К храму, где письмена, по всему знаменитые миру,
Всем приходящим гласят: всяк да познает себя!
Только познавший себя умеет любить умудренно,
Только ему и дано вымерить труд по плечу.
Кто от природы красив, пускай красотой щеголяет,
В ком благородный загар — плечи умей показать,
Кто хорошо говорит, тот не будь молчаливым в собранье,
Петь ли умеешь — так пой, пить ли умеешь — так пей!
Только оратор пускай не вставляет речей в разговоры
И полоумный поэт не произносит стихов».

Так заповедует Феб — покорствуйте Фебовой воле!
Только правдивая речь льется из божеских уст.
Я же продолжу свой путь — чтобы ты, умудренный любовник,
Нашу науку познав, с верной добычей ушел.

Нам не всегда борозда возвращает посевы сторицей,
И не всегда кораблям веет попутный Зефир:
Радостей мало дано, а горестей много влюбленным —
Будь же готов претерпеть все, что тебе предстоит!
Сколько над Гиблою пчел, сколько зайцев на горном Афоне,
Сколько синих маслин древо Минервы дарит,
Сколько на взморье песка, столько муки в любовной заботе —
Желчью напоены жала, язвящие нас.
Вот тебе говорят: «Ее нет»,— а ты ее видел.
Что же, не верь глазам и восвояси ступай.
Вот, обещав тебе ночь, заперла она дверь перед носом —
Так у порога в грязи целую ночь и лежи.
Лгунья рабыня и та, оглядев тебя взглядом надменным,
Спросит: «Кто там залег, дом наш в осаде держа?»
Что ж, к косякам и к красавице злой обращай свои просьбы
И, расплетя свой венок, розы рассыпь на порог.
Скажет: «Приди»,— ты придешь, а скажет: «Уйди»,— уберешься.
Ты ведь не грубый мужик, чтоб докучать ни за что!
Разве приятно тебе услыхать: «Какой ты несносный!»?
Нет, уж лучше терпеть: жди и дождись своего.
А до поры не считай за позор ни брань, ни побои,
И, перед милой склонясь, нежные ножки целуй.

Хватит с меня мелочей! Великого сердце взыскует.
Высшую песнь завожу: люди, внимайте певцу!
Пусть непомерен мой труд — в непомерном рождается подвиг!
Только великих трудов хочет наука моя.
Видишь соперника — будь терпелив: и победа твоею
Станет, и ты, победив, справишь победный триумф.
Это не смертный тебе говорит, а додонское древо:
Верь, из уроков моих это главнейший урок.
Милой приятен соперник? Терпи. Он ей пишет? Пусть пишет.
Пусть, куда хочет, идет; пусть, когда хочет, придет.

Так и законный супруг угождает законной супруге,
И помогает ему, нежно присутствуя, сон.
Сам я, увы, признаюсь, в искусстве таком неискусен,
Сам в науке моей тут я плохой ученик.
Как? У меня на глазах соперник кивает подруге,
Я же терпи и не смей выразить праведный гнев?
Поцеловал ее друг, а я от этого в ярость,—
Ах, какой я подчас варвар бываю в любви!
Дорого, дорого мне обходилось мое неуменье —
Право, умней самому друга к подруге ввести!
Ну, а лучше всего не знать ничего и не ведать,
Чтоб не пришлось ей скрывать вымыслом краску стыда.
Нет, не спешите подруг выводить на чистую воду:
Пусть грешат и, греша, верят, что скрыты грехи.
Крепнет любовь у изловленных: те, что застигнуты вместе,
Рады и дальше делить общую участь свою.
Всем на Олимпе знаком рассказ о том, как когда-то
Марс и Венера вдвоем пали в Вулканову сеть.
Марс-отец, обуянный к Венере безумной любовью,
Из рокового бойца нежным любовником стал.
И не отвергла его, не была жестокой и грубой
К богу, ведущему в бой, та, что нежней всех богинь.
Ах, как часто она, говорят, потешалась над мужем,
Над загрубелой рукой и над хромою стопой!
Сколько раз перед Марсом она представляла Вулкана!
Это ей было к лицу: прелесть мила в красоте.
Но поначалу они умели скрывать свои ласки
И в осторожном стыде прятали сладость вины.
Солнце о них донесло — возможно ли скрыться от Солнца?
Стала измена жены ведома богу огня.
Солнце, Солнце! зачем подавать дурные примеры?
Есть и молчанью цена — рада Венера платить.
Мульцибер тайную сеть, никакому не зримую оку,
Петля за петлей сплетя, вскинул на ложе богов.
К Лемносу вымышлен путь; любовники мчатся к объятью
И в захлестнувшем силке оба, нагие, лежат.
Муж скликает богов; позорищем пленные стали;
Трудно богине любви слезы в глазах удержать.
Ни заслонить им глаза от стыда, ни скромную руку
Не поднести на беду к самым нескромным местам.

Кто-то, смеясь, говорит: «Любезный Марс-воеватель,
Если в цепях тяжело, то поменяйся со мной!»
Еле-еле Вулкан разомкнул их по просьбе Нептуна;
Мчится Венера на Кипр; мчится во Фракию Марс.
С этих-то пор что творилось в тиши, то творится открыто:
Ты, Вулкан, виноват в том, что не стало стыда!
Ты ведь и сам уж не раз признавался в своем неразумье,
Горько жалея, что так был и умен и хитер.
Помните этот запрет! Запретила влюбленным Диона
Против других расставлять сети, знакомые ей!
Не замышляйте ж и вы на соперника хитростей тайных
И не вскрывайте письмен, писанных скрытной рукой.
Пусть вступившие в брак, освященный огнем и водою,
Пусть их ловят мужья, ежели сами хотят!
Я же повторно клянусь, что пишу лишь о том, что законно,
И что замужней жене шутка моя не указ.

Кто невегласам раскрыть посмеет святыни Цереры
Или таимый обряд самофракийских жрецов?
Невелика заслуга молчать о том, что запретно,
Но велика вина этот нарушить запрет.
Ах, поделом, поделом нескромный терзается Та́нтал
Жаждой в текучей воде меж неприступных плодов!
Пуще всего Киферея велит хранить свои тайны:
Кто от природы болтлив, тот да не близится к ней!
Не в заповедных ларцах Кипридины таинства скрыты,
В буйном они не гремят звоне о полую медь,—
Нет, между нами они, где сошлись человек с человеком,
Но между нами они не для показа живут.
Даже Венера сама, совлекши последние ткани,
Стан наклоняет, спеша стыд свой ладонью затмить.
Только скотина скотину у всех на глазах покрывает,
Но и от этой игры дева отводит глаза.
Нашей украдке людской запертые пристали покои,
Наши срамные места скрыты под тканью одежд;
Нам соблазнителен мрак и сумрак отраден туманный —
Слишком ярок для нас солнцем сверкающий день.
Даже и в те времена, когда от дождя и от зноя
Крыши не знал человек, ел под дубами и спал,—

Даже тогда сопрягались тела не под солнечным небом:
В рощах и гротах искал тайны пещерный народ.
Только теперь мы в трубы трубим про ночные победы,
Дорого платим за то, чтоб заслужить похвальбу.
Всякий и всюду готов обсудить любую красотку,
Чтобы сказать под конец: «Я ведь и с ней ночевал!»
Чтоб на любую ты мог нескромным показывать пальцем,
Слух пустить о любой, срамом любую покрыть,
Всякий выдумать рад такое, что впору отречься:
Если поверить ему — всех перепробовал он!
Если рукой не достать — достанут нечистою речью,
Если не тронули тел — рады пятнать имена.
Вот и попробуй теперь, ненавистный влюбленным ревнивец,
Деву держать взаперти, на сто затворов замкнув!
Это тебя не спасет: растлевается самое имя,
И неудача сама рада удачей прослыть.
Нет, и в счастливой любви да будет язык ваш безмолвен,
Да почивает на вас тайны священный покров.

Больше всего берегись некрасивость заметить в подруге!
Если, заметив, смолчишь,— это тебе в похвалу.
Так Андромеду свою никогда ведь не звал темнокожей
Тот, у кого на стопах два трепетали крыла;
Так Андромаха иным полновата казалась не в меру —
Гектор меж всеми один стройной ее находил.
Что неприятно, к тому привыкай: в привычке — спасенье!
Лишь поначалу любовь чувствует всякий укол.
Свежую ветку привей на сук под зеленую кожу —
Стоит подуть ветерку, будет она на земле;
Но погоди — и окрепнет она, и выдержит ветер,
И без надлома снесет бремя заемных плодов.
Что ни день, то и меньше в красавице видно ущерба:
Где и казался изъян, глядь, а его уж и нет.
Для непривычных ноздрей отвратительны шкуры воловьи,
А как привыкнет чутье — сколько угодно дыши.
Скрасить изъян помогут слова. Каштановой станет
Та, что чернее была, чем иллирийская смоль;

Если косит, то Венерой зови; светлоглаза — Минервой;
А исхудала вконец — значит, легка и стройна;
Хрупкой назвать не ленись коротышку, а полной — толстушку,
И недостаток одень в смежную с ним красоту.

Сколько ей лет, при каких рождена она консулах, — это
Строгий должен считать цензор, а вовсе не ты;
И уж особенно — если она далеко не в расцвете
И вырывает порой по волоску седину.
Но и такою порой и порой еще более поздней
Вы не гнушайтесь, юнцы: щедры и эти поля!
Будет срок — подкрадется и к вам сутулая старость;
Так не жалейте трудов в силе своей молодой!
Или суда по морям, или плуги ведите по пашням,
Или воинственный меч вскиньте к жестоким боям,
Или же мышцы, заботу и труд сберегите для женщин:
Это ведь тоже война, надобны силы и здесь.
Женщина к поздним годам становится много искусней:
Опыт учит ее, опыт, наставник искусств.
Что отнимают года, то она возмещает стараньем;
Так она держит себя, что и не скажешь: стара.
Лишь захоти, и такие она ухищренья предложит,
Что ни в одной из картин столько тебе не найти.
Чтоб наслажденья достичь, не надобно ей подогрева:
Здесь в сладострастье равны женский удел и мужской.
Я ненавижу, когда один лишь доволен в постели
(Вот почему для меня мальчик-любовник не мил),
Я ненавижу, когда отдается мне женщина с виду,
А на уме у нее недопряденная шерсть;
Сласть не в сласть для меня, из чувства даримая долга, —
Ни от какой из девиц долга не надобно мне!
Любо мне слышать слова, звучащие радостью ласки,
Слышать, как стонет она: «Ах, подожди, подожди!»
Любо смотреть в отдающийся взор, ловить, как подруга,
Изнемогая, томясь, шепчет: «Не трогай меня!»
Этого им не дает природа в цветущие годы,
К этому нужно прийти, семь пятилетий прожив.
Пусть к молодому вину поспешает юнец торопливый —
Мне драгоценнее то, что из старинных амфор.

Нужно платану дозреть, чтебы стал он защитой от солнца,
И молодая трава колет больнее ступню.
Ты неужели бы мог предпочесть Гермиону Елене,
И неужели была Горга красивей, чем мать?
Нет: кто захочет познать утехи поздней Венеры,
Тот за усилье свое будет стократ награжден.

Но наконец-то вдвоем на желанном любовники ложе:
Муза, остановись перед порогом Любви!
И без тебя у них потекут торопливые речи,
И для ласкающих рук дело найдется легко.
Легкие пальцы отыщут пути к потаенному месту,
Где сокровенный Амур точит стрелу за стрелой.
Эти пути умел осязать в своей Андромахе
Гектор, ибо силен был он не только в бою;
Эти пути могучий Ахилл осязал в Брисеиде
В час, как от ратных трудов шел он на ложе любви.
Ты позволяла себя ласкать, Лирнессийская дева,
Пальцам, покрытым еще кровью фригийских бойцов;
Или, быть может, тебе, сладострастная, это и льстило —
Чувствовать телом своим мощь победительных рук?
Но не спеши! Торопить не годится Венерину сладость:
Жди, чтоб она, не спеша, вышла на вкрадчивый зов.
Есть такие места, где приятны касания женам;
Ты, ощутив их, ласкай: стыд — не помеха в любви.
Сам поглядишь, как глаза осветятся трепетным блеском,
Словно в прозрачной воде зыблется солнечный свет,
Нежный послышится стон, сладострастный послышится ропот,
Милые жалобы жен, лепет любезных забав!
Но не спеши распускать паруса, чтоб отстала подруга,
И не отстань от нее сам, поспешая за ней:
Вместе коснитесь черты! Нет выше того наслажденья,
Что простирает без сил двух на едином одре!
Вот тебе путь, по которому плыть, если час безопасен,
Если тревожащий страх не побуждает: «Кончай!»
А пред угрозой такой — наляг, чтобы выгнулись весла,
И, отпустив удила, шпорой коня торопи.

Труд мой подходит к концу. Вручите мне, юные, пальму,
И для душистых кудрей миртовый свейте венок!

Был Подалирий велик врачевством меж давних данаев,
Мощною дланью — Ахилл, Нестор — советным умом,
Чтеньем в грядущем — Калхант, мечом и щитом — Теламонид,
Автомедонт — при конях, я же — в Венере велик.
Юные, ваш я поэт! Прославьте меня похвалою,
Пусть по целой земле имя мое прогремит!
Вам я оружие дал, как Вулкан хромоногий — Ахиллу:
Как победил им Ахилл, так побеждайте и вы.
Но не забудь, победитель, повергнув под меч амазонку,
В надписи гордой сказать: «Был мне наставник Назон».

Но за мужами вослед о науке взывают и девы.
Вам я, девы, несу дар моих будущих строк.

Книга третья

Дал я данайцам разить амазонок, теперь амазонкам,
Пентесилея, твоим должен я вверить мечи.
Равными будьте в борьбе, а победу укажет Диона
И легкокрылый Амур, в миг облетающий мир.
Несправедливо идти с оружием на безоружных,
И недостойны мужчин лавры подобных побед.

Может быть, скажут: «Зачем волчицу вести на овчарню
И ядовитой змее новый указывать яд?»
Это не так; не спешите же многих винить за немногих,
Каждой женщине будь честь по заслугам ее.
Да, и младший Атрид, и старший Атрид, без сомненья,
Могут Елену винить и Клитемнестру винить;
Да, Оиклид по вине Эрифилы, рожденной Талаем,
Сам живой, на живых к мертвым спустился конях;
Но Пенелопа ждала, далекому верная мужу,
Десять битвенных лет, десять скитальческих лет;
Но Филакиду жена попутчицей стала в кончине
И за супругом вослед в юных угасла годах;
Но в пагасейском дому спасла Феретова сына
И заменила жена мужа на смертном одре;

Но: «Не покинь, Капаней! Прах с прахом смешаем!» —
сказала
Так Ифиада, всходя на погребальный костер.
Слово само «добродетель» есть женского рода и вида —
Так мудрено ль, что она женскому роду близка?

Впрочем, подобным сердцам не надобна наша наука,
И не настолько велик парус на нашем челне:
Лишь о нетрудной любви говорится в моих
наставленьях —
Женщинам это урок, как сохранить им любовь.
Женщине лук не с руки, не жжет она факелом ярым:
Женские стрелы с трудом ранят мужские сердца.
Част в мужчинах обман, но редок в юных подругах —
Как ни старайся, тебе не за что их упрекнуть.
Это Ясон обманул детей своих мать, Фасианку,
Ибо в объятья свои новую принял жену!
Из-за тебя, Тесей, Ариадна лежала, страдая,
Там, на пустом берегу, снедью для чаек морских!
Спросишь про Девять путей, откуда такое названье?
Скажут: Филлиду любя, рощи рыдали о ней!
Гость, который в молве слывет образцом благочестья,
Меч Элиссе вручив, сам ее бросил на меч!
В чем причина всех бед? Науки любить вы не знали!
Вы не учились, а страсть только наукой крепка.
Быть бы в неведенье вам и досель,— но вот Киферея,
Вдруг предо мною представ, мне заповедала так:
«Чем виноваты, скажи, злополучные девы и жены,
Что безоружный их сонм предан оружью мужчин?
Были наукой мужчин две тобой сочиненные книги —
Ныне наука твоя женщинам помощью будь.
Помнишь, как древний певец, позором ославив Елену,
Вскоре пропел ей хвалу, пущую славу стяжав?
Ты уж давно мне знаком — так избавь от страданий
красавиц!
И благодарностью их счастлив ты будешь вовек».
Эти промолвив слова, богиня, венчанная миртом,
Мне, певцу, подала семя и лист из венка.
Благоговейно их взяв, я восчувствовал божию силу:
Светом эфир просиял, бремя упало с души.

Дар мой — дар божества! Поспешайте же, девы, к уроку,
Ежели вам не в запрет званья, законы и стыд.
Не забывайте, что вас ожидает грядущая старость —
Дорого время любви, даром не тратьте ни дня.
Радуйтесь жизни, пока в цвету весенние годы:
Время быстрее бежит, чем торопливый поток.
Ни миновавшей волны не воротит речное теченье,
Ни миновавшего дня времени бег не вернет.
Пользуйся, годы не ждут, скользя в легкокрылом полете:
Радости ранней поры поздней порой не придут.
Эти седые кусты я видел в фиалковом цвете,
С этих колючих шипов рвал я цветы для венка.
Ты, что нынче строга к влюбленным поклонникам, вспомни:
Горько старухою стыть на одиноком одре!
Не затрещит твоя дверь под напором ночного гуляки,
Не соберешь поутру россыпи роз под окном.
Ах, как легко, как легко морщины ложатся на кожу,
Как выцветает у нас нежный румянец лица!
Прядь, о которой клялась ты: «Была она с детства седою!» —
Скоро по всей голове густо пойдет сединой.
Змеи старость свою оставляют в сброшенной коже,
Вместе с рогами олень ношу снимает годов;
Только нам облегчения нет в непрерывных утратах —
Рвите же розы, пока в прах не опали они!
Да и рождая детей, становится молодость старше:
Жатву за жатвой даря, изнемогают поля.
Разве стыдится Луна латмийского Эндимиона?
Разве позорен Кефал розовоперстой Заре?
Та, от кого рождены Эней и Гармония миру,
Разве досель не грустит об Адонисе-ловце?
Смертные жены, для вас пример указуют богини:
Не отвечайте же «нет» жадным желаньям мужским!
Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется с вами:
Не убывает оно, сколько его ни бери.
Сточится сталь сошника, обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно — то, чем дается любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмет под замок воду в пучинах морей?
Так почему же твердит красавица другу: «Не надо»?
Надо ли воду жалеть, ежели вдоволь воды?

Я не к тому ведь зову, чтобы всем уступать без разбора,
Я лишь твержу: не скупись! Твой безубыточен дар.
В дальнем пути мой корабль ожидает неслабого ветра,
А для начала пути в пользу и легкий Зефир.
Это начало — уход за собой. На ухоженной пашне
Всюду щедрее зерно, в грозди ухоженной — хмель.
Божий дар — красота; и если прикинуть без лести,
То ведь придется признать: дар этот есть не у всех.
Нужен уход красоте, без него красота погибает,
Даже если лицом схожа с Венерой самой.
Если красавицы давних времен за собой не следили,
Были причиной тому грубые вкусы мужей.
Ежели толстый хитон случалось надеть Андромахе,
Что из того? У нее муж был суровый боец.
Разве могла бы жена, разубравшись, предстать пред Аяксом,
Перед Аяксом, чей щит семь покрывали быков?
Век простоты миновал. В золотом обитаем мы Риме,
Сжавшем в мощной руке все изобилье земли.
На Капитолий взгляни; подумай, чем был он, чем стал он:
Право, как будто над ним новый Юпитер царит!
Курия стала впервые достойной такого сената,—
А когда Татий царил, хижиной утлой была;
Фебу и нашим вождям засверкали дворцы Палатина
Там, где прежде поля пахотных ждали волов.
Пусть другие поют старину, я счастлив родиться
Ныне, и мне по душе время, в котором живу!
Не потому, что земля щедрей на ленивое злато,
Не потому, что моря пурпуром пышным дарят,
Не потому, что мраморы гор поддаются железу,
Не потому, что из волн крепкий возвысился мол,—
А потому, что народ обходительным стал и негрубым,
И потому, что ему ведом уход за собой.
Так не вдевайте же в уши себе драгоценные камни,
Те, что в зеленой воде черный находит индус;
Не расшивайте одежд золотыми тяжелыми швами —
Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет.
Нет, в красоте милей простота. Следи за прической —
Здесь ведь решает одно прикосновенье руки! —
И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:
Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.

К длинным лицам идет пробор, проложенный ровно:
    У Лаодамии так волос лежал без прикрас.
Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши —
    Эта прическа под стать круглому будет лицу.
Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,
    Как их раскидывал Феб, лиру певучую взяв;
Можно связать их узлом на затылке, как дева Диана,
    Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;
Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем лучше,
    Та — волосок к волоску пряди уложит плотней;
Этой будет хорош черепаховый гребень Киллены,
    Той — широкий поток вольных волнистых волос.
Но как нельзя на ветвистом дубу желудей перечислить,
    Пчел на Гиблейских лугах, зверя в Альпийских горах,
Так нельзя перечесть, какие бывают прически —
    С каждым новым мы днем новые видим вокруг!
А для иных хороша и небрежность: чтоб ты причесалась
    Утром сегодня — но пусть кажется, будто вчера!
Так безыскусно искусство. Такою увидел Иолу
    И произнес Геркулес: «Вот оно, счастье мое!»
Вакх такою тебя вознес на свою колесницу,
    Дева Кносской земли, в кликах сатиров своих.
О, как природа щедра к красоте и девичьей и
                                                                женской,
    Сколько дает она средств всякий урон возместить!
Этого нам не дано, мужчинам, и жадная старость
    Нам обнажает чело, словно деревья Борей.
Ну, а у женщины есть для седин германские травы,
    Соком которых она станет темней, чем была;
Женщина может купить накладные густейшие кудри
    И по доступной цене сделать чужое своим;
В этом не видят они никакого стыда, и торговля
    Бойко идет на глазах у Геркулеса и Муз.

Нужно ли мне говорить и о платье? И здесь бесполезно
    И золотое шитье, и финикийский багрец.
Право, безумно таскать на себе все свое состоянье,
    Ежели столько вокруг красок дешевле ценой!
Вот тебе цвет прозрачных небес в безоблачный полдень,
    В час, когда солнечный Австр не угрожает дождем;

Вот тебе цвет святого руна, на котором когда-то
Фрикс и Гелла спаслись от раздраженной Ино;
Вот тебе ткань, чей цвет — как волна, чье имя — морское,—
Верю, одеты в нее нимфы в пучинах зыбей;
В этой сияет шафран (не таким ли сияет шафраном
Росной Авроры восход на светоносных конях?);
В этой — пафосские мирты, а в той — белоснежные розы,
Та — аметистом цветет, та — журавлиным пером;
Не позабыт ни миндаль, ни твой, Амариллида, желудь,
Воск пчелиный — и тот ткани название дал.
Сколько рождает цветов весною земля молодая,
Сонную зиму прогнав, каждой лозою цветя,—
Столько и больше того есть красок на женских одеждах,
Только умей распознать, что кому больше к лицу.
Белой коже — черная ткань: такова Брисеида —
В черной одежде ее быстрый похитил Ахилл.
Темной коже — белая ткань: прекрасная в белом,
Так на скалистый Сериф вышла Кефеева дочь...

Я уж хотел продолжать, чтобы потом не пахли подмышки,
И чтобы грубый не рос волос на крепких ногах,—
Но ведь уроки мои не для женщин Кавказских ущелий
И не для тех, чьи поля по́ит мизийский Каик!
Право, тогда почему не добавить бы: чистите зубы
И умывайте лицо каждое утро водой?
Сами умеете вы румянец припудривать мелом,
Сами свою белизну красите в розовый цвет.
Ваше искусство заполнит просвет меж бровью и бровью,
И оттенит небольшой мушкою кожу щеки.
Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать веки
В нежный пепельный цвет или в киднийский шафран.
Есть у меня о таких предметах особая книга,—
Хоть небольшая, она стоила многих трудов;
Там вы найдете совет и о том, как поправить осанку —
Верьте, в науке моей не позабыто ничто.

Но красота милей без прикрас — поэтому лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом.
Не мудрено оробеть, увидя, как винное сусло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!

Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах
Выжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!
Я на глазах у мужчин не сосал бы косточки ланьей,
Я у мужчин на глазах чистить не стал бы зубов,—
То, что дает красоту, само по себе некрасиво:
То, что в работе,— претит, то, что сработано,— нет.
Это литье, на котором красуется подпись Мирона,
Прежде являло собой медный бесформенный ком;
Это кольцо, чтобы стать кольцом, побывало в расплаве;
Ткань, что надета на вас, грязною шерстью была;
Мрамора грубый кусок Венерою стал знаменитой,
Чья отжимает рука влагу из пенных волос,—
Так же и ты выходи напоказ лишь во всем совершенстве:
Скрой свой утренний труд, спящей для нас притворись.
Надо ли мне понимать, отчего так лицо твое бело?
Нет, запри свою дверь, труд незаконченный спрячь.
Что не готово, того не показывай взгляду мужскому —
Многих на свете вещей лучше им вовсе не знать.
Весь в золотых скульптурах театр — но вглядись, и увидишь,
Как деревянный чурбан тоненьким золотом крыт.
К ним не дают подходить, покуда они не готовы —
Так, вдалеке от мужчин, строй и свою красоту.
Волосы — дело другое. Расчесывай их беззапретно
И перед всеми раскинь их напоказ по плечам.
Только спокойною будь, сдержись, коли станешь сердиться,
Не заставляй без конца их расплетать и сплетать!
Пусть служанка твоя от тебя не боится расправы:
Щек ей ногтями не рви, рук ей иглой не коли,—
Нам неприятно смотреть, как рабыня, в слезах и в уколах,
Кудри должна завивать над ненавистным лицом.
Если же мало красы в волосах твоих — дверь на запоры,
Будь твоя тайна святей тайн Благодатных Богинь!
Помню, подруге моей обо мне доложили внезапно —
Вышла красотка, парик задом надев наперед.
Злейшим лишь нашим врагам пожелаю подобного срама,
Пусть на парфянских девиц этот позор упадет!
Стыдно быку без рогов и стыдно земле без колосьев,
Стыдно кусту без листвы, а голове без волос.

Вы не мои ученицы, увы, Семела и Леда,
Мнимый Сидонянку бык по морю вез не ко мне;
Не о Елене пекусь, которую так домогались
Умный супруг — воротить, умный Парис — сохранить;
Нет, меж моих учениц есть получше лицом, есть похуже,—
Тех, что похуже лицом, больше бывает всегда.
Те, что собой хороши, моей не прельстятся наукой:
Данная им красота и без науки сильна.
Ежели на море тишь — моряк беззаботно отважен,
Ежели вздулись валы — помощь нужна моряку.
Редко встречаешь лицо без изъяна. Скрывайте изъяны
В теле своем и лице, если под силу их скрыть!
Если твой рост невелик и сидящей ты кажешься, стоя,
Вправду побольше сиди или побольше лежи;
А чтобы, лежа, не дать измерять себя взорам нескромным,
Ты и на ложе своем тканями ноги прикрой.
Если ты слишком худа, надевай потолще одежду
И посвободней раскинь складки, повисшие с плеч;
Если бледна, то себя украшай лоскутами багрянца,
Если смугла — для тебя рыбка на Фаросе есть.
Ножку нескладного вида обуй в башмачок белоснежный;
Голень, что слишком худа, всю ремешками обвей.
Слишком высокие плечи осаживай тонкой тесьмою;
Талию перетянув, выпуклей сделаешь грудь.
Меньше старайся движеньями рук помогать разговору,
Ежели пальцы толсты или же ноготь кривой.
Не говори натощак, если дух изо рта нехороший,
И постарайся держать дальше лицо от лица.
А у которой неровные, темные, крупные зубы,
Та на улыбку и смех вечный положит запрет.

Трудно поверить, но так: смеяться — тоже наука,
И для красавицы в ней польза немалая есть.
Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.
Не сотрясай без конца утробу натужливым смехом —
Женственно должен звучать и легкомысленно смех.
А ведь иная, смеясь, неумело коверкает губы,
А у иной, на беду, смех на рыданье похож,

А у иной получается смех завыванием грубым,
    Словно ослица ревет, жернов тяжелый взвалив.
Что не подвластно науке? И смех подвластен, и слезы —
    Каждая знает для слез время, и меру, и вид.
Ну, а что уж о том говорить, как нарочно картавят
    И по заказу язык нужный коверкает звук?
Этот невнятный лепечущий выговор — тоже ведь мода:
    Нужно учиться болтать хуже, чем можешь болтать.
Все, что на пользу вам может пойти, на заметку берите:
    Нужно бывает подчас даже учиться ходить.
Женская поступь — немалая доля всей прелести женской,
    Женскою поступью нас можно привлечь и спугнуть.
Вот выступает одна, развеваются складки туники,
    Важно заносит ступню, ловким бедром шевелит;
Вот другая бредет, как румяная умбрская баба,
    И отмеряет шаги, ноги расставив дугой;
Эта — слишком груба, а эта — изнежена слишком:
    Что ж, как во всем, так и здесь верная мера нужна.
Но непременно сумей обнажить свою левую руку —
    Локоть открой напоказ, ниже плеча и плечо.
Это я вам говорю, у которых белая кожа:
    Каждый к такому плечу рад поцелуем припасть.

В дальних когда-то морях чудовища жили сирены
    И завлекали суда пением звонким своим.
Отпрыск Сизифа Улисс меж замкнувшими уши единый
    Путы едва не порвал, их услыхав голоса.
Славная пение вещь: учитесь пению, девы!
    Голосом часто берет та, что лицом не берет.
Пробуйте голос на песнях, которые петы в театрах
    Или которые к нам с нильских пришли берегов.
Правой рукою — за плектр, а левой рукой —
                                        за кифару,
    Женщина, взяться умей: вот пожеланье мое!
Скалы и диких зверей чаровала Орфеева лира,
    И Ахеронтову зыбь, и трехголового пса;
Сын, отомстивший за мать, твоей оживленные песней
    Камни послушные шли в кладку фиванской стены;
Рыбу немую и ту, если давнему верить рассказу,
    Пеньем и лирной игрой славный пленил Арион,—

Так научись же и ты на струны игривые наблы
Быстрые руки бросать: набла — подруга забав.
Знай и косского строки певца, и стихи Каллимаха,
Знай и хмельные слова музы теосских пиров,
Знай сочиненья Сафо (что может быть их сладострастней?),
И как хитрец продувной Гета дурачит отца;
С пользою можно читать и тебя, наш нежный Проперций,
Или же ваши стихи, Галл и любезный Тибулл,
Или Варронов рассказ о том, как руно золотое,
Фрикс, на гóре твоей послано было сестре,
Или о том, как скитался Эней, зачиная высокий
Рим, — знаменитей поэм не было в Риме и нет.
Может быть, к их именам и мое вы добавите имя,
Может быть, строки мои минут летейскую топь,
Может быть, кто-нибудь скажет и так: «Не забудь и поэта,
Что наставленья свои дал и для нас и для них,
Три его книги возьми, любовных собрание песен,
Выбрав, что можно из них голосом нежным прочесть,
Или сумей выразительно спеть одно из посланий
Тех, которые он первым из римлян сложил».
Пусть это сбудется! Сделайте так, дорогие Камены,
Феб-покровитель и ты, рогом украшенный Вакх!

Далее, как не сказать, что надо уметь от застолья
В пляске пройтись, щегольнув ловким движением рук?
Гибкий плясун на подмостках всегда привлекает вниманье —
Так хороша быстрота и поворотливость тел!
О мелочах говорить не хочу — что надо и в бабках
Толк понимать, и в игре в кости последней не быть:
Надобно знать, то ли трижды метнуть, то ли крепко подумать,
Что принимать на себя, в чем, подчинясь, уступить.
Если играешь в «разбойников», будь осмотрительна тоже:
Пешка, встретясь с двумя, сразу уходит с доски,
Воин без пары своей и стесненный борьбу продолжает,
Вновь повторяя и вновь соревновательный ход.
Гладкие шарики пусть насыплют в открытую сетку —
По одному вынимай, не шевеля остальных.
Есть и такая игра, где столько прочерчено линий,
Сколько месяцев есть в быстробегущем году;

Есть и такая, где каждый выводит по трое шашек,
А побеждает, кто смог в линию выстроить их.
Много есть игр, и надо их знать красавице умной,
Надо играть: за игрой часто родится любовь.
Но недостаточно быть знатоком бросков и расчетов —
Нужно собою владеть, это трудней и важней.
Мы за игрой забываем себя, раскрываемся в страсти,
Как на ладони, встает все, что у нас на душе:
Гнев безобразный встает, и корыстолюбье бушует,
И начинают кипеть ссоры, обиды и брань;
Счет на упреки идет, оглашается криками воздух,
Каждый обиду свою гневным вверяет богам.
Запись забыта, все рвутся, божась, к своему и к чужому,
Слезы текут по щекам,— сам я свидетель тому.
О, всевышний Юпитер, храни от такого позора
Женщин, которые ждут случая вызвать любовь.

Эти забавы природа оставила женскому полу,
А для мужчин у нее дар оказался щедрей.
Им развлеченье — и меч, и диск, и дрот, и оружье,
И о короткой узде конная рысь по кругам.
Вам же, красавицы, нет ни Марсова поля, ни Тибра,
Ни леденящей воды, льющейся с девственных гор.
Вместо этого вам — гулять под Помпеевой тенью
В дни, когда солнцем горит Девы небесной чело;
Не позабудьте взойти к лавроносному Фебову храму,
В память о том, как в зыбях сгинул египетский флот,
Или туда, где сестра, и жена, и зять полководца
В честь корабельных побед вывели строй колоннад;
У алтарей побывайте, где ладан дымится Исиде;
В трех театрах места ждут вас на самом виду;
Теплая кровь пятнает песок ради вашего взгляда,
И огибает столбы бег раскаленных колес.
Кто неприметен — безвестен; а разве безвестное любят?
Много ли пользы в красе, если она не видна?
Можешь в лирной игре превзойти Амебея с Фамирой —
Если не слышат тебя, пользы от этого нет.
Если б Венеру свою Апеллес не выставил людям —
Все бы скрывалась она в пенной морской глубине.

Мы, воспеватели тайн, к чему мы стремимся, поэты?
Слава, только она — наша заветная цель.
В давние дни о поэтах пеклись владыки и боги,
Песнями хоры гремя, много стяжали наград;
Было священно величье певцов, и было почтенно
Имя певцов, и к певцам грудой богатства текли.
Энний, рожденный в горах Калабрийских, нашел себе право
Рядом с тобой, Сципион, место в гробнице обресть.
Нынче не то: поэтический плющ нигде не в почете,
Праздностью люди зовут труд для ученых Камен.
Но и теперь забываем мы сон, труждаясь для славы!
Скрой «Илиаду» — и где вся твоя слава, Гомер?
Скрой Данаю от глаз, чтобы дряхлою стала старухой
В башне своей, и скажи, где вся ее красота?
Вам, красавицы, вам нужны многолюдные толпы,
Нужно чаще ходить там, где теснится народ!
К целому стаду овец идет за овцою волчица,
В целой стае птиц ищет добычи орел.
Так и свою вы должны красоту показывать всюду,
Чтобы из многих один вашим поклонником стал.
Всюду старайся бывать, где есть кому приглянуться,
Не позабудь ничего, чтобы пленительной быть.
Случай — великое дело: держи наготове приманку,
И на незримый крючок клюнет, где вовсе не ждешь.
Часто ловцы по лесам понапрасну с собаками рыщут —
Вдруг неожиданно сам в сети несется олень.
Разве могла Андромеда питать хоть какую надежду,
Что обольстится Персей видом заплаканных глаз?
Волосы в роспуск и слезы в глазах пленяют нередко —
Плача о муже, подчас нового мужа найдешь.

Но избегайте мужчин, что следят за своей красотою,
Тех, у которых в кудрях лег волосок к волоску!
Что они вам говорят, то другим говорили без счета:
Вечно изменчива в них и непоседлива страсть.
Как постоянными женщинам быть, если сами мужчины
Непостояннее их, сами к любовникам льнут?
Трудно поверить, но верьте. Когда бы поверила Троя
Речи Кассандры своей — Трое стоять бы вовек.

Есть и такие, которым любовь — лишь покров для обмана,
Чтобы на этом пути прибылей стыдных искать.
Даже если у них ароматами кудри сияют,
Даже если башмак тонким глядит язычком,
Даже если на них тончайшая тога, и даже
Если на пальцах у них перстень на перстень надет,—
Все равно, меж такими, быть может, и самый учтивый —
Вор, которого жжет страсть по плащу твоему.
«Это — мое!» — лишась своего, взывают девицы;
«Это — мое!» — в ответ грянет им рыночный гул.
Мирно, Венера, глядишь из-под крытого золотом храма
В сонме своих Аппиад ты на такие дела.
Много по Риму имен дурною запятнаны славой —
С кем поведешься, за тех будешь страдать и сама.
Пусть чужая беда в своей вам послужит уроком:
Не открывайте дверей мужу, в чьем сердце — обман!
Пусть клянется Тесей, не внимайте ему, кекропиды,—
Боги, свидетели клятв, к клятвам привыкли таким.
Ты, Демофонт, подражая отцу, позабыл о Филлиде —
Как же теперь, Демофонт, верить обетам твоим?
За обещанья мужчин обещаньями, жены, платите;
Лаской — только за дар: вот ваш устав и закон.
Женщина может украсть святыни Исидина храма,
Может у Весты огонь на очаге угасить,
Может мужчине подать аконит с растертой цикутой,
Если, подарки приняв, может в любви отказать!

Ближе к делу зовет меня дух. Натяни свои вожжи,
Муза, не то на скаку кони тебя сокрушат!
Есть для того, чтоб нащупывать брод, восковые таблички:
Их для тебя передаст верной служанки рука.
Перечитай не раз и не два, по словам догадайся,
То ли притворна любовь, то ли от сердца она.
Прежде, чем дать свой ответ, помедли, однако недолго:
От промедленья любовь в любящем станет острей.
А отвечая юнцу, не спеши уступать, соглашаясь,
Но не спеши и давать сразу отказ наотрез.
Страх впуши и надежду внуши, и при каждой отсрочке
Пусть в нем надежда растет и убавляется страх.

Каждое слово твое пусть будет изящно без вычур —
Неизощренная речь больший имеет успех.
Часто бывало, робевшая страсть от письма оживала,—
Часто неловкий язык ловкой мешал красоте.
Так как, кроме того, и у вас, незамужние жены,
Часто бывает нужда строгий надзор обмануть,—
Пусть у вас будет для писем надежный слуга иль служанка —
Неискушенным рабам не доверяйте любовь!
Мне приходилось видать, как из страха, что выдадут слуги,
Долго-предолго несли женщины рабский удел.
Письма, залог любви, если их сохранит вероломный,
Могут грозить и разить, словно этнейский перун.
Так почему бы в ответ на обман не прибегнуть к обману,
Если дано от меча нам защищаться мечом?
Пусть навострится рука менять по желанию почерк
(Сгинуть бы тем, кто довел нас до советов таких!),
Пусть для ответа сперва расчистится воск на табличках,
Чтоб из-под вашей строки не было видно чужой;
А о любовнике надо писать, как о женщине пишут,
Чтобы казалось, что он — вовсе не он, а она.

Если от малых забот перейти к делам поважнее,
Если продолжить наш путь, круче раздув паруса,
То постарайтесь о том, чтоб смотрели приветливей лица —
Кротость людям к лицу, гнев подобает зверям.
В гневе вспухают уста, темной кровью вздуваются жилы,
Яростней взоры блестят огненных взоров Горгон.
Видя Паллада в воде лицо свое, дувшее в дудку,
«Прочь! — воскликнула.— Прочь! Слишком цена дорога!»
Точно так же и вы глядитесь-ка в зеркало в гневе,
И убедитесь, что вам в гневе себя не узнать.
Пагубно в женском лице и надменное высокомерье —
Скромно и нежно смотри, в этом — приманка любви.
Верьте моим словам: горделивая спесь раздражает,
Вечно молчащим лицом сея к себе неприязнь.
Взглядом на взгляд отвечай, улыбайся в ответ на улыбку,
Ежели кто-то кивнет — не поленись и кивнуть.
Это разминка Амура: на этом испробовав силы,
Он наконец с тетивы острую спустит стрелу.

Нехорошо и грустить. Оставим Текмессу Аянту —
Нас, веселых юнцов, светлые лица влекут.
Ни, Андромаха, с тобой, ни с тобою, Текмесса, не мог бы
Я говорить о любви, выбрав в подруги тебя:
Знаю, что вы рожали детей,— но трудно поверить,
Будто с мужьями и вы ложе умели делить.
Разве могла погруженная в скорбь Текмесса Аянту
«Радость моя!» — лепетать и остальные слова?

Но почему бы не взять для сравненья дела поважнее?
Женщин не должен страшить военачальственный долг.
Долг этот в том, чтоб иным доверять отряды пехоты,
Этим — конную рать, этим — охрану знамен;
Точно так же и вы присмотритесь, к чему кто пригоден,
Каждому в нашей толпе место умейте найти.
Дорог подарком богач, советом — сведущий в праве,
Красноречивый — тебе будет полезен в суде;
Мы же, песен творцы, не сулим ничего, кроме песен,
Но и за песни свои все мы достойны любви.
Славу вашей красы мы разносим по целому свету:
Кинфия нами славна и Немесида славна,
И от восточных до западных стран гремит Ликорида,
И о Коринне моей люди пытают людей.
Мало того: святые певцы не знают коварства,—
Песни творят певцов по своему образцу;
Ни честолюбие нас не гнетет, ни жажда корысти —
Тайное ложе для нас площади людной милей.
Все мы рвемся к любви, всех жжет любовное пламя,
Все мы в страсти верны, даже чрезмерно верны;
В каждом природный дар умягчается нежной наукой,
И развивается нрав нашему рвению вслед.
Девы! Будьте к певцам аонийским всегда благосклонны:
Сила высокая в нас, с нами любовь Пиэрид,
Бог обитает в душе, нам открыты небесные тропы,
И от эфирных высот к нам вдохновенье летит.
Грех от ученых певцов ожидать приносимых подарков, —
Только из женщин никто в этом не видит греха.
Что ж! Хоть умейте тогда притвориться для первого раза,
Чтобы от хищных силков не отшатнулся ваш друг.

Но как наездник коню-новичку и коню-ветерану
Разным движеньем руки будет давать повода,—
Так и тебе для зеленых юнцов и для опытных взрослых,
Чтоб удержать их любовь, разные средства нужны.
Юноша, в первый раз представший на службу Амура,
Свежей добычей попав в опочивальню твою,
Должен знать тебя лишь одну, при тебе неотлучно,—
Этим любовным плодам нужен высокий забор.
Ты победишь, если будешь одна, избежавши соперниц:
Знать не хотят дележей царская власть и любовь!
Старый боец не таков — любить он умеет разумно,
Многое может снести, что не снесет новичок;
В двери ломиться не будет, пожаром грозиться не будет.
Ногти в лицо не вонзит нежной своей госпоже,
Ни на себе, ни на ней не станет терзать он рубашку,
В кудри не вцепится ей так, чтобы слезы из глаз,—
Это мальчишкам под стать да юнцам, воспаленным любовью:
Опытный воин привык молча удары терпеть.
Медленно жжет его страсть — так горит увлажненное сено
Или в нагорном лесу только что срубленный ствол.
В этом прочнее любовь, а в том сильней и щедрее,—
Падают быстро плоды, рви их проворной рукой!

Крепость открыта врагу, ворота распахнуты настежь —
Я в вероломстве моем верен себе до конца!
Помните: все, что дается легко, то мило недолго,—
Изредка между забав нужен и ловкий отказ.
Пусть он лежит у порога, кляня жестокие двери,
Пусть расточает мольбы, пусть не жалеет угроз —
Может корабль утонуть и в порыве попутного ветра,
Многая сладость претит — горечью вкус оживи!
Вот потому-то мужьям законные жены постылы:
Слишком легко обладать теми, кто рядом всегда.
Пусть перед мужем закроется дверь, и объявит привратник:
«Нет тебе входу!» — и вновь он покорится любви.
Стало быть, прочь тупые мечи, и острыми бейтесь,
Хоть я и первый приму раны от собственных стрел!
Первое время любовник пускай наслаждается мыслью,
Что для него одного спальня открыта твоя;

Но, подождав, ты дай ему знать, что есть и соперник:
Если не сделаешь так — быстро увянет любовь.
Мчится быстрее скакун, едва отворится решетка,
Видя, скольких других нужно, догнав, обогнать.
Даже угасшая страсть оживает, почуяв обиду:
Знаю я по себе, нет без обиды любви.
Впрочем, повод для мук не должен быть слишком заметным:
Меньше узнав, человек больше питает тревог.
Можно придумать, что друг ревниво тебя опекает,
Или что сумрачный раб строго тебя сторожит;
Там, где опасности нет, всегда наслажденье ленивей:
Будь ты Лаисы вольней, а притворись, что в плену.
Дверь запри на замок, а любовник пусть лезет в окошко;
Встреть его, трепетный страх изобразив на лице;
Умной служанке вели вбежать и вскричать:
«Мы погибли!»,
Чтобы любовник, дрожа, прятался где ни пришлось.
Все же совсем его не лишай безопасной отрады,
Чтоб не казалось ему: слишком цена дорога.

Как обмануть недоброго мужа и зоркого стража,—
Надо ли мне отвечать вам и на этот вопрос?
Пусть охраны такой боятся законные жены:
Это обычай велит, Цезарь, законы и стыд.
Ну, а тебя, что только на днях получила свободу,
Кто же запрет под замок? С богом, обману учись!
Сколько у Аргуса глаз, столько будь сторожей над тобою,—
Всех без труда обойдешь хитростью, только решись!
Как, например, он тебе помешает писать твои письма?
Ты, умываясь, одна,— в этот свой час и пиши.
А соучастница это письмо под широкой повязкой
Спрячет на теплой груди, и пронесет, и отдаст,
Или подложит его под ремень, обвивающий ногу,
Или под самой пятой в обуви скроет листок;
Если же враг начеку, то спина заменит бумагу,
И пронесет она весть прямо на коже своей.
Можно писать молоком, и листок покажется белым,
А лишь посыпешь золой — выступят буквы на нем;
Можно писать острием льняного сочного стебля —
И на табличке твоей тайный останется след.

Как ни старался замкнуть на замок Акрисий Данаю —
Грех совершился, и стал дедом суровый отец.
Так неужели теперь ревнивец удержит подругу,
Если театры кипят, если пленяют бега,
Если желает она послушать Исидины систры
И, несмотря на запрет, ходит сюда и туда,
Если от взглядов мужчин идет она к Доброй Богине,
Чтоб от немилых уйти, а кого надо — найти,
Если, покуда приставленный раб сторожит ее платье,
В дальней купальне ее тайные радости ждут,
Если умеет она, коли надо, сказаться больною,
Чтобы на ложе своем полной хозяйкою быть,
Если недаром отмычка у нас называется «сводней»,
Если, кроме дверей, есть и иные пути?
Бдительный Аргус легко задремлет под бременем Вакха,
Даже если вино — из иберийской лозы;
Есть и особые средства к тому, чтобы вызвать дремоту
И навести на глаза оцепеняющий сон;
Да и служанка твоя отвлечет ненавистного стража,
Если поманит к себе, и поманежит, и даст.
Но для чего рассуждать о таких хитроумных уловках,
Там, где любых сторожей можно подарком купить?
Верь: и людей и богов подкупает хороший подарок,
Даже Юпитер — и тот не отвергает даров.
Будь ты мудрец или будь ты простец, а подарок приятен,
И, получив, что дано, Аргус останется нем.
Но постарайся о том, чтоб купить его разом надолго:
Тот, кто раз получил, рад и другой получить.

Помнится, я говорил, что друзьям доверяться опасно,—
Что ж, как друг твой друзей, ты опасайся подруг.
Если доверишься им — они перехватят добычу,
И не тебе, а другим выпадет радость твоя.
Та, что тебе для любви уступает и дом свой и ложе,
Знай, не раз и не два их разделяла со мной.
Да и служанка твоя не слишком должна быть красива:
Часто рабыня со мной вместо хозяйки спала.

Ах, куда я несусь? Зачем с открытою грудью,
Сам обличая себя, мчусь я на копья врагов?
Птица птичьей беде не станет учить птицелова,
Лань не учит гоньбе лютую стаю собак.
Пользе своей вопреки, продолжу я то, что я начал,
Женам лемносским точа меч на себя самого.
Сделайте так, чтобы вашей любви поверил влюбленный!
Это нетрудно ничуть: рады мы верить мечте.
Нежно взглянуть да протяжно вздохнуть, увидевши друга,
«Милый,— сказать,— почему ты все не шел и не шел?»
Брызнуть горячей слезой, притворною ревностью вспыхнуть,
Ногтем изранить лицо,— много ли надо еще?
Вот он и верит тебе, вот и сам тебя первый жалеет,
Вот он и думает: «Ах, как она рвется ко мне!»
Если притом он одет хорошо и следит за собою,—
Как не поверить, что он влюбит в себя и богинь!
Ты же, наоборот, не терзайся напрасной обидой,
Не выходи из себя, слыша: «Соперница есть».
Верить не торопись: как пагубна быстрая вера,
Этому горький пример — милой Прокриды судьба.
Есть невдали от Гиметтских холмов, цветущих багрянцем,
Ключ, посвященный богам; мягкая зелень вокруг,
Роща сплела невысокий навес, блестит земляничник,
Дышат лавр, розмарин и темнолиственный мирт;
Хрупкий растет тамариск и букс под густою листвою,
Скромный ракитник растет или лесная сосна;
Нежно веет Зефир дуновеньем целительно свежим,
И пробегает волной трепет в листве и в траве.
Здесь — Кефала приют. Один, без собак и без ловчих,
Часто усталый сидит здесь на зеленой земле,
Часто, взывая, поет: «Приди к томимому жаром,
Ах, прилети и на грудь, легкая, ляг мне, струя!»
Кто-то подслушал такие слова, не к добру их запомнил
И поспешил передать робкому слуху жены.
В слове «струя» угадав коварной соперницы имя,
Пала Прокрида без чувств, скорбные смолкли уста,
Стала бледна, как бывают бледны запоздалые листья
На опустелой лозе при наступленье зимы,
Иль как айвовый плод, уже нагибающий ветви,
Или незрелый кизил, кислый еще на язык.

А как очнулась она — стала рвать на груди покрывало,
Стала ногтями терзать нежные щеки свои;
И, разметав волоса по плечам, как под Вакховым тирсом,
Буйная, мчится она, не разбирая дорог.
Роща близка; оставив друзей в недалекой лощине,
Тихой Прокрида стопой входит в дубравную сень.
Ах, Прокрида, Прокрида, зачем неразумно таиться?
Что за палящий огонь в бьющемся сердце горит?
Ты ожидала увидеть струю, не зная, какую,
Ты ожидала застичь мужа в позорящий миг;
Хочешь узнать и рада не знать, то вперед ты стремишься,
То порываешься вспять: к разному клонит любовь.
Как ей не верить, коль названо место и названо имя?
В то, что пугает, душа верить готова всегда.
Вот она видит следы на траве от лежащего тела,
Сердце неровно стучит, трепетно зыблется грудь,—
А между тем уже солнце в пути от востока к закату
Стало на верхний предел, коротко тени лежат.
Вот и Кефал, Килленчев сын, возвращается в рощу,
В жаркое плещет лицо хладом воды ключевой;
Ты замираешь, Прокрида, а он, на траве простираясь,
Молвит: «Повей мне, повей, свежего ветра струя!»
Бедной Прокриде ясна причина счастливой ошибки,
Вновь она в чувство пришла, порозовела лицом,
Встала и вот, колебля листву на пути торопливом,
Радостно рвется жена к мужу в объятия пасть.
Мнится Кефалу в кустах движение дикого зверя,
Быстро хватает он лук, стрелы блеснули в руке.
Спрячь, несчастный, стрелу! Что ты делаешь? Это не хищник! —
Горе! Пронзает стрела тело Прокриды твоей.
«Ах! — восклицает она.— Сразил ты влюбленное сердце,
Сердце, в котором давно точится рана твоя.
Я молодою умру, но счастливой, не зная соперниц,
И оттого надо мной легкою будет земля.
Вздох мой смешав со струей, о которой уже не волнуюсь,
Я умираю; закрой веки мне милой рукой!»

Сжал в объятьях Кефал помертвевшее тело супруги
И омывает слезой рану на нежной груди.
Смерть подступает, и вздох, скользящий из уст неразумной,
Принял устами, любя, скорбно склонившийся муж.

Полно, за дело! Без всяких прикрас довершу я, что начал,
К ближним ведя берегам путь утомленной ладьи.
Нетерпеливо ты ждешь попасть на пиры и в застолья,
Хочешь узнать от меня и для застолий совет?
Слушай! Заставь себя ждать: ожидание — лучшая сводня;
Вам промедленье к лицу — дай загореться огням!
Будь ты красива собой или нет, а станешь красива,
Скравши ночной темнотой всякий досадный изъян.
В кончики пальцев кусочки бери, чтоб изящнее кушать,
И неопрятной рукой не утирай себе губ.
Не объедайся ни здесь, на пиру, ни заранее, дома:
Вовремя встань от еды, меньше, чем хочется, съев.
Если бы жадно взялась за еду при Парисе Елена,
Он бы, поморщась, сказал: «Глупо ее похищать!»
Меньше есть, больше пить — для женщин гораздо пристойней:
Вакх и Венерин сынок издавна в дружбе живут.
Только и тут следи за собой, чтобы нога не дрожала,
Ясной была голова и не двоилось в глазах.
Женщине стыдно лежать, одурманенной влажным Лиэем, —
Пусть бы такую ее первый попавшийся взял!
Небезопасно и сном забываться на пиршестве пьяном —
Можно во сне претерпеть много срамящих обид.

Стыд мне мешал продолжать; но так возвестила Диона:
«Где начинается стыд, там же и царство мое».
Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
Позу сумейте найти телосложенью под стать.
Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой — нисколько:
Гектор не был конем для Андромахи своей.
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
Встань на колени в постель и запрокинься лицом.

Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
Ляг на постель поперек, друга поставь над собой,
Кудри разбрось вокруг головы, как филлейская матерь,
Вскинься, стыд позабудь, дай им упасть на лицо.
Если легли у тебя на живот морщины Луцины —
Бейся, как парфский стрелок, вспять обращая коня.
Тысяча есть у Венеры забав; но легче и проще,
Выгнувшись, полулежать телом на правом боку.
Истинно так! И ни Феб, над пифийским треножником вея,
Ни рогоносный Аммон вас не научит верней!
Ежели вера жива меж людей, то верьте науке:
Долгого опыта плод, песня Камены не лжет.
Пусть до мозга костей разымающий трепет Венеры
Женское тело пронзит и отзовется в мужском;
Пусть не смолкают ни сладостный стон, ни ласкающий ропот:
Нежным и грубым словам — равное место в любви.
Даже если тебе в сладострастном отказано чувстве —
Стоном своим обмани, мнимую вырази сласть.
Ах, как жаль мне, как жаль, у кого нечувствительно к неге
То, что на радость дано и для мужчин и для жен!
Но и в обмане своем себя постарайся не выдать —
Пусть об отраде твердят и содроганье, и взор,
И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье,—
У наслаждения есть тайных немало примет.
После таких Венериных нег просить о подарке —
Значит себя же лишать прав на подарок такой.
В опочивальне твоей да будут прикрытыми ставни —
Ведь на неполном свету женское тело милей.

Кончено время забав — пора сойти с колесницы,
На лебединых крылах долгий проделавшей путь.
Пусть же юношам вслед напишут и нежные жены
На приношеньях любви: «Был нам наставник Назон»!

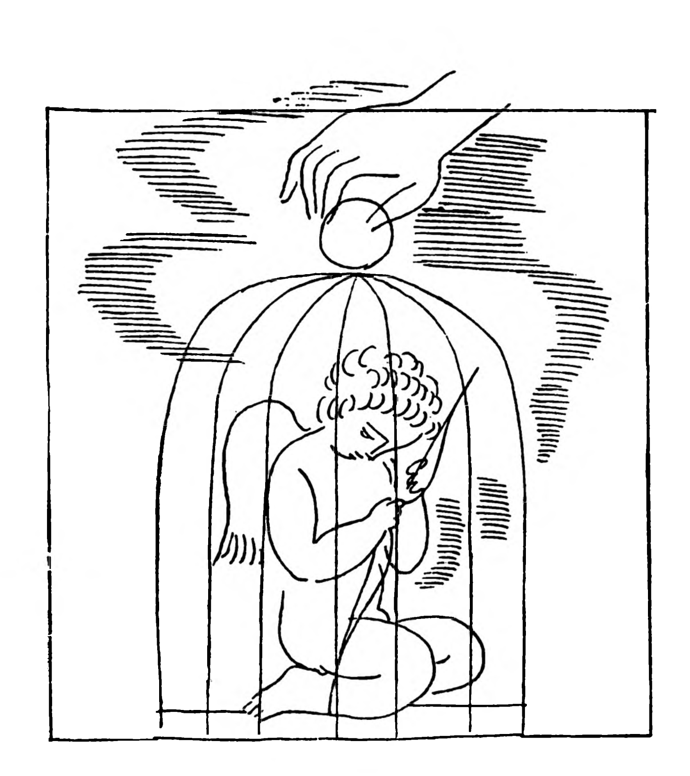

ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ

REMEDIA AMORIS

В этой книге моей прочитавши заглавную надпись,
«Вижу,— молвил Амур,— вижу, грозят мне войной!»
Нет, Купидон, подожди укорять за измену поэта,
Столько ходившего раз в битву во имя твое!
Я ведь не тот Диомед, от которого, раной измучась,
Мать твоя в светлый эфир Марсовых мчала коней.
Юноши — часто, а я — постоянно пылаю любовью;
«Что с тобой?» — спросишь меня — тотчас отвечу: «Влюблен!»

Разве не я дорогу к тебе расчистил наукой
И неразумный порыв разуму отдал во власть?
Не предавал я, малыш, ни тебя, ни нашу науку;
Выткавши, Муза моя не распускала тканье.
Если кому от любви хорошо — пускай на здоровье
Любит, пускай по волнам мчится на всех парусах.
А вот когда еле жив человек от нестоящей девки,
Тут-то ему и должна наша наука помочь.
Разве это годится, когда, захлестнув себе шею,
Виснет влюбленный в тоске с подпотолочных стропил?
Разве это годится — клинком пронзать себе сердце?
Сколько смертей за тобой, миролюбивый Амур!
Тот, кому гибель грозит, коли он от любви не отстанет,
Пусть отстает от любви: ты его зря не губи.

Ты ведь дитя, а детской душе подобают забавы —
Будь же в годы свои добрым владыкой забав.
Ты бы смертельными мог преследовать стрелами смертных,
Но не желаешь пятнать гибельной кровью стрелу.
Пусть твой приемный отец и мечами и пиками бьется
И, обагренный резней, мчится с победных полей;
Ты же искусство свое от матери принял в наследство,
И от него ни одна мать не теряла сынов.
Пусть в полуночной борьбе трещат под ударами двери,
Пусть многоцветный венок перевивает косяк,
Пусть молодые мужчины и женщины ищут друг друга
И от ревнивцев своих хитрый скрывают обман,
Пусть не допущенный в дом певуче стенает любовник
И запертому замку лесть расточает и брань,—
Радуйся этим слезам, а смерти преступной не требуй:
Слишком твой факел хорош для погребальных костров!
Так я Амуру сказал; и, раскинув блестящие крылья,
Молвил Амур золотой: «Что ж! Предприняв — доверши».

Все, кого мучит обман, к моим поспешайте урокам:
Юноши, вам говорю — вас ли не мучит любовь?
Я научил вас любви, и я же несу вам целенье,
Ибо в единой руке — раны и помощь от ран.
Почва одна у целебной травы и травы ядовитой —
Часто крапива в земле с розою рядом растет.
Был пелионским копьем поражен Геркулесов потомок —
И в пелионском копье он исцеленье нашел.
То, что юношам впрок,— и женщинам будет на пользу:
Я справедливо дарю средство и тем и другим.
Если же, девушки, вам несподручно какое оружье,—
Что ж, посторонний пример — тоже хороший урок.
Как хорошо уметь угашать жестокое пламя,
Как хорошо не бывать низкого чувства рабом!
Будь я учитель Филлиды — доселе жила бы Филлида,
Девятикратный свой путь вновь повторяя и вновь;
С башни Дидона своей не глядела бы в муке последней
Вслед дарданийским ладьям, парус направившим вдаль;
Меч на родных сыновей не вручила бы матери мука,
Чтобы супругу отмстить общей их крови ценой;

Сколько бы ни был Терей влюблен в красоту Филомелы,
Я бы ему помешал грешною птицею стать.
Ты приведи Пасифаю ко мне — и быка она бросит;
Федру ко мне приведи — Федра забудет любовь;
Дай мне Париса — и в дом Менелай воротится с Еленой,
И от данайских мечей не сокрушится Пергам;
Если бы эти стихи прочитала изменница Сцилла —
Пурпур бы цвел до конца, Нис, на твоей голове.
Слушайтесь, люди, меня, укротите опасные страсти,
И по прямому пути вашу пущу я ладью.
Был вашей книгой Назон, когда вы любить обучались,—
Ныне опять и опять будь вашей книгой Назон.
Я прихожу возвестить угнетенному сердцу свободу —
Вольноотпущенник, встань, волю приветствуй свою!

Пусть же меня при начале трудов осенят твои лавры,
Феб, подаривший людей песней и зельем от мук!
Будь мне подмогой певцу, и целителю будь мне подмогой,
Ибо и это и то вверено власти твоей.

Помните прежде всего: пока малое в сердце волненье,
Можно стопу удержать перед порогом любви;
Вытоптать в сердце сумей запавшее семя недуга —
И остановится конь тут же, на первом кругу.
Время силу дает, время соком лозу наливает,
Время недавний росток жатвенным колосом гнет.
Дуб, под широкую тень зовущий усталых прохожих,
В пору посадки своей прутиком маленьким был,
Каждый выдернуть мог бы его из земли неглубокой —
Ныне же как он велик в силе и мощи своей!
Быстрым движеньем ума окинь предмет своей страсти,
Чтоб ниспровергнуть ярмо, тяжкий сулящее гнет!
В самом начале болезнь пресеки — напрасны лекарства,
Если успеет она вызреть в упущенный срок.
Поторопись, и решенье со дня не откладывай на день:
То, что под силу сейчас, завтра уж будет невмочь.
Хитростью ищет любовь благотворного ей промедленья;
Нет для спасения дня лучше, чем нынешний день!

Только немногие реки родятся из мощных истоков —
Лишь постепенно ручьи полнятся многой водой.
Если бы меру греха могла ты предвидеть заране —
Век бы лица твоего, Мирра, не скрыла кора.
Видел я, видел не раз, как легко излечимая рана,
Не получая лекарств, больше и глубже росла.
Но не хотим мы терять плодов благосклонной Венеры
И повторяем себе: «Завтра успею порвать»;
А между тем глубоко вжигается тихое пламя,
И на глубоком корню пышно взрастает беда.

Если, однако, для спешных вмешательств упущено время
И застарелая страсть пленное сердце теснит,—
Больше леченье доставит забот, но это не значит,
Что безнадежен больной для запоздалых врачей.
Долго и тяжко страдал герой, рожденный Пеантом,
Прежде чем точный разрез отнял страдающий член;
Но, как промчались года и настала пора исцеленью,
Встал он и меткой рукой браням конец положил.
Я торопился лечить болезнь, не вошедшую в силу,—
Но для запущенных ран медленный нужен уход.
Чтобы пожар потушить, заливай его в самом начале
Или когда уже он сам задохнется в дыму.
Если же буйство растет и растет — не стой на дороге:
Там, где напор не иссяк, труден бывает подход.
Наискось можно легко переплыть по течению реку —
Только неумный пловец борется против струи.
Нетерпеливой душе противно разумное слово,
Самым разумным речам не поддается она;
Лучше тогда подойти, когда можно притронуться к ране
И открывается слух для убедительных слов.
Кто запретит, чтобы мать рыдала над прахом сыновним?
Над погребальным костром ей поученья не в прок.
Пусть изольется в слезах, пусть насытит болящую душу,
И уж тогда призови сдерживать горькую скорбь.
Время — царь врачеванья. Вино ли подносишь больному —
Вовремя дав, исцелишь, если же нет — повредишь.
Хуже можно разжечь и злей возбудить нездоровье,
Если леченье начнешь в непредназначенный час.

Стало быть, вот мой совет: чтоб лечиться моею наукой,
Прежде всего позабудь празднолюбивую лень!
Праздность рождает любовь и, родив, бережет и лелеет;
Праздность — почва и корм для вожделенного зла.
Если избудешь ты лень — посрамишь Купидоновы стрелы,
И угасающий свой факел уронит любовь.
Словно платан — виноградной лозе, словно тополь — потоку,
Словно высокий тростник илу болотному рад,
Так и богиня любви безделью и праздности рада:
Делом займись — и тотчас делу уступит любовь.
Томная лень, неумеренный сон, пока не проснешься,
Кости для праздной игры, хмель, разымающий лоб,
Вот что из нашей души умеет высасывать силу,
Чтоб беззащитную грудь ранил коварный Амур.
Этот мальчишка не любит забот, а ловит лентяев —
Дай же заботу уму, чтоб устоять перед ним!

Есть для тебя и суд, и закон, и друг подзащитный —
Выйди же в блещущий стан тогу носящих бойцов!
Если же хочешь — служи меж юных кровавому Марсу,
И обольщенья любви в страхе развеются прочь.
Беглый парфянский стрелок, что явится Риму в триумфе,
Вот уж в просторах своих Цезаря видит войска,—
Так отрази же и стрелы парфян, и стрелы Амура,
И двуединый трофей отчим богам посвяти!
Знаем: Венера, приняв от копья этолийского рану,
Прочь удалилась от войн, Марсу отдав их в удел.
Хочешь узнать, почему Эгисф обольстил Клитемнестру?
Проще простого ответ: он от безделья скучал!
Все остальные надолго ушли к Илионской твердыне,
За морем сила страны в медленной билась войне;
Не с кем было ему воевать — соперники скрылись,
Некого было судить — тяжбы умолкли в судах.
Что оставалось ему, чтоб не стынуть без дела? Влюбиться!
Так прилетает Амур, чтобы уже не уйти.

Есть еще сельская жизнь, и манят заботы хозяйства:
Нет важнее трудов, чем земледельческий труд!
Распорядись послушных волов поставить под иго,
Чтобы кривым сошником жесткое поле взрезать;

В борозды взрытые сей горстями Цererино семя,
Чтобы оно проросло, дав многократный прирост;
Сад осмотри, где под грузом плодов выгибаются ветви,
Ибо не в силах нести дерево ношу свою;
Бег осмотри ручейков, пленяющих звонким журчаньем,
Луг осмотри, где овца сочную щиплет траву;
Козы твои взбираются ввысь по утесистым кручам,
Чтобы козлятам своим полное вымя принесть;
Пастырь выводит нехитрый напев на неровных тростинках,
И окружает его стая усердных собак;
Со стороны лесистых холмов домчится мычанье —
Это теленок мычит, ищущий милую мать;
А от разложенных дымных костров вздымаются пчелы
И оставляют ножу соты в плетеном гнезде.
Осень приносит плоды; прекрасно жатвами лето;
Блещет цветами весна; в радость зима при огне.
Время придет — и гроздья с лозы оберет виноградарь,
И под босою ногой сок потечет из топчил;
Время придет — и он скосит траву, и повяжет в охапки,
Граблями перечесав стриженой темя земли.
Можешь своею рукой сажать над ручьями деревья,
Можешь своею рукой воду в каналы вести,
А прививальной порой приискивать ветку для ветки,
Чтобы заемной листвой крепкий окутался ствол.
Если такие желанья скользнут тебе радостью в душу —
Вмиг на бессильных крылах тщетный исчезнет Амур.
Или возьмись за охоту: нередко случалось Венере
Путь со стыдом уступать Фебовой быстрой сестре.
Хочешь — чуткого пса поведи за несущимся зайцем,
Хочешь — в ущельной листве ловчие сети расставь,
Или же всяческий страх нагоняй на пугливых оленей,
Или свали кабана, крепким пронзив острием.
Ночью придет к усталому сон, а не мысль о красотке,
И благодатный покой к телу целебно прильнет.
Есть и другая забота, полегче, но все же забота:
Прут наводить и силок на незадачливых птиц;
Или же медный крючок скрывать под съедобной приманкой,
Не обещая добра жадному рыбьему рту.
Можно и тем, и другим, и третьим обманывать душу,
И позабудет она прежний любовный урок.

Так отправляйся же в путь, какие бы крепкие узы
Ни оковали тебя: дальней дорогой ступай!
Горькие слезы прольешь и далекую вспомнишь подругу,
Дважды и трижды прервешь шаг посредине пути;
Будь только тверд: чем противнее путь, тем упорнее воля —
Шаг непокорной ноги к быстрой ходьбе приохоть.
И не надейся на дождь, и не мешкай еврейской субботой
Или в запретный для дел Аллии пагубный день,
Не измышляй предлогов к тому, чтоб остаться поближе,
Меряй не пройденный путь, а остающийся путь,
Дней и часов не считай, и на Рим не гляди восвояси:
В бегстве спасенье твое, как у парфянских стрелков.

Скажут: мои предписанья суровы. Согласен, суровы —
Но чтоб здоровье вернуть, всякую вынесешь боль.
Часто, когда я болел, случалось мне горькие соки
Пить, и на просьбы мои мне не давали еды.
Тела здоровье блюдя, ты снесешь и огонь и железо,
И отстранишь от питья мучимый жаждою рот,—
А чтоб душа ожила, ужель пострадать не захочешь?
Право же, как посравнить, тела дороже душа.
Впрочем, в науке моей всего тяжелее — при входе,
Трудно только одно — первое время стерпеть;
Так молодому бычку тяжело под ярмом непривычным,
Так упирается конь в новой подпруге своей.
Тяжко бывает уйти далеко от родимых пенатов:
Даже ушедший нет-нет, да и воротится вспять.
Это не отчий пенат, это страсть к незабытой подруге
Ищет пристойный предлог для виноватой души!
Нет, покинувши Рим, ищи утешения горю
В спутниках, в видах полей, в дальней дороге самой.
Мало суметь уйти — сумей, уйдя, не вернуться,
Чтоб обессилевший жар выпал холодной золой.
Если вернешься назад, не успев укрепить свою душу,—
Новою встанет войной грозный мятежник Амур,
Прежний голод тебя истерзает и прежняя жажда,
И обернется тебе даже отлучка во вред.

Если кому по душе гемонийские страшные травы
И волхвованья обряд,— что ж, это дело его.
Предкам оставь колдовство — а нашей священною песней
Феб указует тебе чистый к спасению путь.
Я не заставлю тебя изводить из могилы усопших,
Не разомкнется земля, слыша заклятья старух,
Не побледнеет лицо скользящего по небу солнца,
С нивы на ниву от чар не перейдет урожай,
Будет по-прежнему Тибр катиться к морскому простору,
Взъедут по-прежнему в ночь белые кони Луны,—
Ибо не выгонят страсть из сердец никакие заклятья,
Ибо любовной тоски серным куреньем не взять.
Разве, Медея, тебе помогли бы фасийские злаки,
Если бы ты собралась в отчем остаться дому?
Разве на пользу тебе материнские травы, Цирцея,
В час, как повеял Зефир вслед неритийским судам?
Все ты сделала, все, чтоб остался лукавый пришелец;
Он же напряг паруса прочь от твоих берегов.
Все ты сделала, все, чтоб не жгло тебя дикое пламя;
Но в непокорной груди длился любовный пожар.
В тысячу образов ты изменяла людские обличья,
Но не могла изменить страстного сердца устав.
В час расставанья не ты ль подходила к вождю дулихийцев
И говорила ему полные боли слова:
«Я отреклась от надежд, которыми тешилась прежде,
Я не молю небеса дать мне супруга в тебе,
Хоть и надеялась быть женою, достойной героя,
Хоть и богиней зовусь, Солнца великого дочь;
Нынче прошу об одном: не спеши, подари меня часом,—
Можно ли в доле моей меньшего дара желать?
Видишь: море бушует; ужели не чувствуешь страха?
А подожди — и к тебе ветер попутный слетит.
Ради чего ты бежишь? Здесь не встанет новая Троя,
Новый не вызовет Рес ей на подмогу бойцов;
Здесь лишь мир и любовь (нет мира лишь в сердце влюбленном),
Здесь простерлась земля, ждущая власти твоей».
Так говорила она, но Улисс поднимал уже сходни —
Вслед парусам уносил праздные ветер слова.

Жаром палима любви, бросается к чарам Цирцея,
Но и от чар колдовства все не слабеет любовь.
Вот потому-то и я говорю: если хочешь спасенья —
Наша наука велит зелья и клятвы забыть.

Если никак для тебя невозможно уехать из Рима —
Вот тебе новый совет, как себя в Риме держать.
Лучше всего свободы достичь, порвав свои путы
И бременящую боль сбросивши раз навсегда.
Ежели кто на такое способен, дивлюсь ему первый:
Вот уж кому не нужны все наставленья мои!
Тем наставленья нужны, кто влюблен и упорствует в этом,
И не умеет отстать, хоть и желает отстать.
Стало быть, вот мой совет: приводи себе чаще на память
Все, что девица твоя сделала злого тебе.
«Я ей давал и давал, а ей все мало да мало,—
Дом мой продан с торгов, а ненасытной смешно;
Так-то она мне клялась, а так-то потом обманула;
Столько я тщетных ночей спал у нее под дверьми!
Всех она рада любить, а меня ни за что не желает:
Мне своей ночи не даст, а коробейнику даст».
Это тверди про себя — и озлобятся все твои чувства,
Это тверди — и взрастет в сердце твоем неприязнь.
Тем скорее себя убедишь, чем речистее будешь —
А красноречью тебя выучит мука твоя.

Было со мною и так: не умел разлюбить я красотку,
Хоть понимал хорошо пагубу этой любви.
Как Подалирий больной, себе подбирал я лекарства,
Ибо, стыдно сказать, врач исцелиться не мог.
Тут-то меня и спасло исчисленье ее недостатков —
Средство такое не раз было полезней всего.
Я говорил: «У подруги моей некрасивые ноги!»
(Если же правду сказать, были они хороши.)
Я говорил: «У подруги моей неизящные руки!»
(Если же правду сказать, были и руки стройны.)
«Ростом она коротка!» (А была она славного роста.)
«Слишком до денег жадна!» (Тут-то любви и конец!)
Всюду хорошее смежно с худым, а от этого часто
И безупречная вещь может упреки навлечь.

Женские можешь достоинства ты обратить в недостатки
И осудить, покривив самую малость душой.
Полную женщину толстой зови, а смуглую — черной,
Если стройна — попрекни лишней ее худобой,
Если она не тупица, назвать ее можно нахалкой,
Если пряма и проста — можно тупицей назвать.
Больше того: коли ей отказала в каком-то уменье
Матерь-природа,— проси это уменье явить.
Пусть она песню споет, коли нет у ней голоса в горле.
Пусть она в пляску пойдет, если не гнется рука;
Выговор слыша дурной, говори с нею чаще и чаще;
Коль не в ладу со струной — лиру ей в руки подай;
Если походка плоха — пускай тебя тешит ходьбою;
Если сосок во всю грудь — грудь посоветуй открыть;
Ежели зубы торчат — болтай о смешном и веселом,
Если краснеют глаза — скорбное ей расскажи.
Очень бывает полезно застичь владычицу сердца
В ранний утренний час, до наведенья красы.
Что нас пленяет? Убор и наряд, позолота, каменья;
Женщина в зрелище их — самая малая часть.
Впору бывает спросить, а что ты, собственно, любишь?
Так нам отводит глаза видом богатства Амур.
Вот и приди, не сказавшись: застигнешь ее безоружной,
Все некрасивое в ней разом всплывет напоказ.
Впрочем, этот совет надлежит применять с осмотреньем:
Часто краса без прикрас даже бывает милей.
Не пропусти и часов, когда она вся в притираньях:
Смело пред ней появись, стыд и стесненье забыв.
Сколько кувшинчиков тут, и горшочков, и пестрых вещичек,
Сколько тут жира с лица каплет на теплую грудь!
Запахом это добро подобно Финеевой снеди:
Мне от такого подчас трудно сдержать тошноту.

Дальше я должен сказать, как и в лучшую пору Венеры
Может быть обращен в бегство опасный Амур.
Многое стыд не велит говорить; но ты, мой читатель,
Тонким уловишь умом больше, чем скажут слова.
Нынче ведь строгие судьи нашлись на мои сочиненья,
Слишком проказлива им кажется Муза моя.

Пусть, однако, они бранят и одно и другое —
Лишь бы читались стихи, лишь бы их пели везде!
Зависть умела хулить и великого гений Гомера —
Чем, как не этим, себя некий прославил Зоил?
Да и твою святотатный язык порочил поэму,
Ты, кто из Трои привел к нам побежденных богов.
Вихри по высям летят, бьют молнии в вышние горы —
Так и хулитель хуле ищет высокую цель.
Ты же, кому не по вкусу пришлось легкомыслие наше,
Кто бы ты ни был, прошу: мерку по вещи бери.
Битвам великой войны хороши меонийские стопы,
Но для любовных затей место найдется ли в них?
Звучен трагедии гром: для страсти потребны котурны,
А заурядным вещам впору комический сокк.
Чтоб нападать на врага, хороши воспаленные ямбы
С ровно бегущей стопой или хромые в конце.
А элегический лад поет про Амуровы стрелы,
Чтобы подруга забав молвила «да» или «нет».
Мерой стихов Каллимаха нельзя славословить Ахилла,
Но и Кидиппу нельзя слогом Гомеровых уст.
Как нестерпима Таида, ведущая роль Андромахи,
Так Андромаха дурна, взявши Таидину роль.
Я о Таиде пишу, и к лицу мне вольная резвость:
Нет здесь чинных матрон, я о Таиде пишу.
Если шутливая Муза под стать такому предмету,
То и победа за мной: суд оправдает меня.
Зависть грызущая, прочь! Стяжал я великую славу,
Будет и больше она, если продолжу мой путь.
Ты чересчур поспешила; дай срок, тебе хуже придется:
Много прекрасных стихов зреет в уме у меня.
Слава тешит меня и ведет и венчает почетом —
Твой же выдохся конь в самом низу крутизны.
Столько заслуг признала за мной элегия наша,
Сколько в высоком стихе знал их Вергилий Марон.
Вот мой ответ на хулу! А теперь натяни свои вожжи
И колесницу, поэт, правь по своей колее.
Если обещана ночь, и близится час для объятий,
И молодая спешит к милому сила труду,—
То, чтобы всей полнотой не принять от подруги отраду,
Ты в ожиданье того с первой попавшейся ляг.

С первой попавшейся ляг, угаси ею первую похоть:
После закуски такой трапеза будет не в сласть.
Лишь долгожданная радость мила: питье после жажды,
Свежесть после жары, солнце за холодом вслед.

Стыдно сказать, но скажу: выбирай такие объятья,
Чтобы сильнее всего женский коверкали вид.
Это нетрудная вещь — редко женщины истину видят,
А в самомненье своем думают: все им к лицу.
Далее, ставни раскрой навстречу свободному свету,
Ибо срамное в телах вдвое срамней на свету.
А уж потом, когда, за чертой сладострастных исканий,
В изнеможении тел, в пересыщении душ,
Кажется, будто вовек уж не сможешь ты женщины тронуть
И что к тебе самому не прикоснется никто,—
Зоркий взгляд обрати на все, что претит в ее теле,
И заприметив, уже не выпускай из ума.

Может быть, кто назовет пустяками такие заботы?
Нет: что порознь пустяк, то сообща не пустяк.
Тучный рушится бык, ужаленный маленькой змейкой,
И погибает кабан от невеликих собак.
Нужно уметь и числом воевать: сложи все советы
Вместе — увидишь, из них груда большая встает.
Но разнородны людские умы, как и лица людские:
И не для всех и не все годно в советах моих.
Может быть, то, что мимо тебя пройдет, не затронув,
В ком-то другом возмутит душу до самого дна.
В этом застынет любовь оттого, что случайно он взглянет
На непристойную часть в теле, открытом очам;
В этом — после того, как любовница, вставши с постели,
Взгляду откроет на ней знаки нечистых утех;
Вам, чья любовь легковесна, довольно и этих смущений:
Слабым пламенем страсть теплится в ваших сердцах.
Если же мальчик-стрелок тетиву напрягает сильнее
И пожелаете вы более действенных средств,—
Что, коли взять и тайком подсмотреть все женские нужды,
Коим обычай велит скрытыми быть от людей?
Боги, избавьте меня подавать такие советы!
Польза от них велика, но исполнять их грешно.

Кроме того, хорошо иметь двух возлюбленных сразу;
Ежели можно троих, это надежней всего.
Часто, когда разбегается дух по разным дорогам,
Силы теряя свои, гаснет любовь от любви.
Так убывает большая река, расходясь по каналам,
Так погасает костер, если раскинуть дрова.
Для навощенных судов два якоря надобны в море,
Плот на текучей реке два закрепляют крюка.
Кто позаботился впрок о двойном для себя утешенье,
Тот заранее взял в битве победный венок.
Если же ты неразумно одной лишь владычице предан —
Сердцу найди своему спешно вторую любовь.
Страсть к Пасифае Минос погасил, влюбившись в Прокриду,
И отступила она перед идейской женой.
А чтобы брат Амфилоха не вечно страдал по Фегиде,
Он Каллирою к себе принял на ложе любви.
Из Эбалийской земли Парис разлучницу вывез,
Чтобы с Эноной не быть всю свою долгую жизнь.
Был эдонийский тиран пленен красотою супруги,
Но запертая сестра краше казалась ему.
Надо ли мне умножать докуку обильных примеров?
Новая будет любовь смертью для прежней любви.
Мать, из многих сынов одного потерявши, тоскует
Меньше, чем та, что кричит: «Был ты один у меня!»
Ты не подумай, что я говорю тебе новое что-то,
Хоть и совсем я не прочь здесь открывателем слыть,—
Это увидел Атрид,— чего он только не видел,
Если под властью своей всю он Элладу держал?
Был победитель влюблен в Хрисеиду, добычу сраженья;
Тщетно глупый отец слезы о дочери лил.
Что ты рыдаешь, постылый старик? Хорошо им друг с другом!
Ты в своей праздной любви мучишь родное дитя.
Но по указу Калханта, Ахилловой сильного силой,
Отдан приказ воротить пленницу в отческий дом.
Что же Атрид? Объявляет он так: «Есть женщина в стане,
Именем, видом, лицом схожая с милой моей;
Если разумен Ахилл — пусть сам эту пленницу выдаст,
Если же нет, то мою скоро почувствует власть.
Кто недоволен из вас, ахейцы, такими словами,
Тот убедится, что я скипетр недаром держу!

Если на царское ложе со мной Брисеида не ляжет —
Всю мою царскую власть тотчас же примет — Терсит!»
Так он сказал и обрел утеху отраднее прежней:
Новая страсть из души выгнала старую страсть.
Будь же примером тебе Агамемнона новое пламя,
Чтоб на распутье любви страсть разделить пополам!
Где это пламя зажечь? Перечти мои прежние книги,
И поплывешь по волнам с полным набором подруг.

Если не праздны мои наставления, если на пользу
Вещие губы мои людям разверз Аполлон,
То постарайся о том, чтоб как лед показаться холодным,
Даже когда у тебя Этна бушует в груди.
Ты притворись, что уже исцелен, мученья не выдай,
Слезы, в которых живешь, бодрой улыбкою скрой.
Не пресекай, пожалуйста, страсть в ее самом разгаре:
Я не настолько жесток, чтобы такое сказать;
Просто сумей притвориться, что пыл твой давно уже хладен,
А притворившись таким, скоро и станешь таков.
Часто бывало, я сам на пиру, чтоб не пить через силу,
Делая вид, что дремлю, вправду дремать начинал.
Помнишь, как я потешался над тем, кто влюблялся притворно
И, как неловкий ловец, в свой же силок попадал?
Как привыкают в любви, так можно в любви и отвыкнуть:
Ты притворись, что здоров,— будешь и вправду здоров.
Скажет она: «Приходи»; придешь ты назначенной ночью,
Глядь, а дверь на замке; пусть на замке, потерпи.
Не расточай дверным косякам ни лести, ни брани,
Боком под дверь не ложись на угловатый порог.
А как засветится день — не скажи нехорошего слова;
И ни единой чертой не обнаружь своих мук.
Видя томленье твое, быть может, она и смягчится,
И от науки моей лишний пожнешь ты успех.
Сам постарайся забыть, что с любовью ты хочешь покончить:
Часто претит жеребцу слишком тугая узда.
Цель свою скрой глубоко, что не служит ей — выставь наружу:
Птица и та не летит в слишком открытую сеть.
Гордость подруга забудет, тебя презирать перестанет,
Видя, как крепок твой дух, собственный дух укротит.

Двери открыты, зовут, а ты ступай себе мимо:
Ночь обещают, а ты прежде подумай, чем брать.
Право, терпенье — не в труд; а если терпенья не хватит —
То ведь на каждом углу есть с кем унять свою страсть.

Сам теперь видишь, совсем мои не суровы советы;
Даже наоборот, все я стараюсь смягчить.
Сколько есть нравов людских, столько есть и путей их целенья:
Там, где тысяча зол, тысяча есть и лекарств.
Если тела недоступны секущему лезвию стали,
Часто умеет помочь сок из лекарственных трав.
Если душою ты слаб, и не можешь порвать свои узы,
И попирает тебя грозной стопою Амур,—
Тщетно ты с ним не борись, а доверь паруса твои ветру
И по теченью плыви, легким веслом шевеля.
Кто погибает от жажды, пускай себе пьет без запрета,
Вволю воды зачерпнув с самой средины реки.
Мало того: пусть больше он пьет, чем требует сердце,
Чтобы обратно пошла влага из полного рта!
Пользуйся девкой своей до отвалу, никто не мешает,
Трать свои ночи и дни, не отходя от нее!
Даже когда захочется прочь, оставайся на месте,—
И в пресыщенье найдешь путь к избавленью от зол.
Так преизбыток любви, накопясь, совладает с любовью,
И опостылевший дом бросишь ты с легкой душой.

Дольше продержится страсть, если в сердце царит недоверье:
Чтоб пересилить любовь, страх за любовь пересиль.
Кто постоянно боится, не свел ли подругу соперник,
Вряд ли поможет тому даже и сам Махаон.
Так ведь из двух сыновей любезнее матери дальний,
Тот, что ушел на войну и за кого ей страшней.
Есть у Коллинских ворот святилище, чтимое миром,
Имя носит оно от Эрицинской горы.
Там обитает Летейский Амур, целитель влюбленных,
Тот, что на пламя любви брызжет холодной водой.
Юноши там у него забвения жертвами молят,
Женщины просят помочь от нестерпимых друзей.
Он-то мне и сказал, во сне ли представ или въяве
(Думаю все же, что он сонным видением был):

«Ты, что приводишь, и ты, что уводишь любовные муки,
Ты к наставленьям своим вот что, Назон, припиши:
Чтобы забыть о любви, вспоминай про любое несчастье —
Ведь без несчастий никто здесь на земле не живет.
Тот, кто в долгах, пусть считает в уме урочные числа,
Лавок страшится менял, кресла страшится судьи;
Тот, у кого есть строгий отец, для общего блага
Пусть всегда и везде строгого помнит отца;
Если невмочь бедняку с женою-приданницей спеться,
Пусть представляет бедняк рядом с собою жену;
Если обильный налив сулят виноградные лозы —
Засухи жгучей страшись, чтоб не погиб виноград;
Тот, кто ждет корабля — пусть смотрит на бурное море
И на прибрежном песке гибнущий видит товар;
Сын на войне, на выданье дочь, и о всех беспокойся —
Разве не каждый из нас сотней томится тревог?
Даже Парис отвернулся бы прочь от любимой Елены,
Если бы братьев своих смертный предвидел удел».
Больше хотел он сказать, но скрылся божественный отрок,
Скрылся из милого сна (сон это был или явь?) —
Кормчий покинул ладью Палинур среди бурного моря;
Мне предстоит одному плыть по безвестным путям.

Только не будь одинок: одиночество вредно влюбленным!
Не убегай от людей — с ними спасенье твое.
Так как в укромных местах безумнее буйствуют страсти,
Прочь из укромных мест в людные толпы ступай.
Кто одинок, в том дух омрачен, у того пред глазами
Образ его госпожи видится, словно живой;
Именно этим дневная пора безопаснее ночи —
Днем твой дружеский круг может развеять тоску.
Не запирай же дверей, не молчи в ответ на расспросы,
Не укрывай в темноту свой исстрадавшийся вид!
Нужен бывает Пилад, чтобы ум воротился к Оресту,—
Это немалая часть пользы от дружбы людской.
Что погубило Филлиду в пустынных фракийских дубравах?
То, что бродила она без провожатых, одна:
Словно справляя трехлетний помин по эдонскому Вакху,
Кудри раскинув до плеч, мчалась она по лесам,

То простирала свой взгляд в морские открытые дали,
То упадала без сил на побережный песок,
«Ты изменил, Демофонт!» — крича в безответные волны
И прерывая слова стоном рыдающих уст.
Узкий вал полосой тянулся под облачной тенью,
Девять раз по нему к морю несчастная шла;
Выйдя в последний свой раз, вскричавши: «Пускай же он видит!» —
Меряет взглядом, бледна, пояс девический свой,
Смотрит на сучья, боится сама того, что решила,
Вновь трепещет и вновь пальцы на горло кладет.
Если бы ты не одна, дочь Ситона, стояла на взморье,—
Верь, над тобою скорбя, лес не терял бы листвы.
Вам, кого мучат мужчины, и вам, кого женщины мучат,
В этом примере урок: вам одиночество — смерть.
Ежели этот завет посилен влюбленному будет —
Значит, у цели ладья, пристань спасенья близка.

Но берегись и вновь не влюбись, со влюбленными знаясь:
Спрятавший стрелы в колчан может их вынуть Амур.
Кто избегает любви, избегай подобной заразы —
Даже скотине и той это бывает во вред.
Глядя на язвы любви, глаза уязвляются сами,
Прикосновеньями тел передается болезнь;
Так и в сухие места проникает под почвою влага,
Из недалекой реки капля по капле сочась;
Не отстранись — и любовь проникнет в тебя от соседа —
Все мы, хитрый народ, предрасположены к ней.
Не долечась до конца, вновь иной заболеет от встречи:
Трудно спокойно снести близость былой госпожи.
Незатвердевший рубец раскрывается в старую рану —
Видно, остались не в прок все поученья мои.
Как свой дом уберечь от горящего рядом пожара?
Верно, полезней всего скрыться из огненных мест.
Общих забот избегай, чтоб не встретиться с бывшей подругой,
Дальше от гульбищ держись тех, где бывает она.
Надо ли снова огонь приближать к неостывшему сердцу?
Право, лучше уйти прочь, в отдаленнейший край:
Трудно с голодным желудком сидеть над сытною пищей,
Трудно жажду сдержать над переплеском волны,

Редкий сладит с быком, завидевшим милую телку,
Пылкий ржет жеребец, слыша кобылу свою.
Но и осиливши этот зарок, и суши достигнув,
Помни, много забот подстерегает тебя —
Мать госпожи, и сестра госпожи, и кормилица даже:
Всех, кто с ней и при ней, пуще всего сторонись!
Чтобы ни раб от нее, ни рабыня в слезах не являлась,
И от лица госпожи не лепетала привет.
Где она, с кем она, что с ней, об этом узнать не пытайся,
Молча терпи свой удел — в пользу молчанье тебе.
Ты, что на каждом шагу кричишь о причинах разрыва,
Все исчисляя грехи бывшей подруги твоей,
Эти стенанья оставь: безмолвие — лучшее средство,
Чтоб из влюбленной души образ желанный стереть.
Право, вернее молчать, чем болтать, что любовь миновала:
Кто неуемно твердит: «Я не влюблен»,— тот влюблен.
Лучше любовный огонь гасить постепенно, чем сразу:
Бесповоротней уход, если уйти не спеша.
Мчится поток дождевой быстрей, чем спокойная речка,
Но иссякает поток, речке же течь без конца.
Шаг за шагом иди, осторожно и мягко ступая,
Чтоб испустившая дух ветром развеялась страсть.
Ту, кого только что нежно любил, грешно ненавидеть:
Ненависть — годный исход только для дикой души.
Нужен душевный покой, а ненависть — это лишь признак,
Что не иссякла любовь, что неизбывна беда.
Стыдно мужчине и женщине стать из супругов врагами:
Аппия строго глядит сверху на эту вражду.
Часто враждуют, любя, и судятся, скованы страстью;
Если же нету вражды — вольно гуляет любовь.
Друг мой однажды в суде говорил ужасные речи;
В крытых носилках ждала женщина, жертва речей.
Время идти; он сказал: «Пусть выйдет она из носилок!»
Вышла; и он онемел, видя былую любовь.
Руки упали, из рук упали двойные дощечки,
Ахнув: «Победа твоя!» — пал он в объятия к ней.
Лучше всего и пристойней всего разойтись полюбовно,
С ложа любви не спеша в сутолку тяжб и судов.
Все ей оставь, что она от тебя получила в подарок,—
Часто немногий ущерб многое благо сулит.

Если же вам доведется нечаянно где-то столкнуться,
Тут-то и вспомни, герой, все наставленья мои!
Бейся, отважный, в упор, оружье твое под рукою —
Метким своим острием Пентесилею срази.
Вот тебе жесткий порог, и вот тебе наглый соперник,
Вот тебе клятвы любви, праздная шутка богов!
Мимо нее проходя, не поправь ненароком прическу,
Не выставляй напоказ тоги изгиб щегольской:
Женщина стала чужой, одной из бесчисленно многих,
Так не заботься о том, как бы понравиться ей.

Что же, однако, мешает успеху всех наших стараний?
Это увидит легко всяк на примере своем.
Трудно отстать от любви потому, что в своем самомненье
Думает каждый из нас: «Как же меня не любить?»
Ты же не верь ни словам (что обманчивей праздного слова?),
Ни призыванью богов с их вековечных высот,—
Не позволяй себя тронуть слезам и рыданиям женским —
Это у них ремесло, плод упражнений для глаз:
Много уловок встает войной на влюбленное сердце,
Так отовсюду валы бьют о приморский утес.
Не открывай же причин, по которым ты хочешь разрыва,
Не изливай свою боль, молча ее схорони,
Не излагай, почему она пред тобой виновата,—
Всюду найдется ответ, хуже придется тебе ж.
Неодолим, кто молчит, а кто принимается спорить —
Тот приготовься принять полный ответ на словах.

Я не хочу похищать, как Улисс, разящие стрелы,
Я не посмею гасить факел в холодной воде,
Из-за меня не ослабнет струна священного лука,
Не укоротится взмах крыльев, одетых в багрец.
Что моя песня? Разумный совет. Внимайте совету!
Будь ко мне милостив, Феб, как и доселе бывал!
Феб предо мной, звенит его лук, звенит его лира,
В знаменье видится бог: истинно, Феб предо мной.
Я говорю, амиклейскую шерсть из красильного чана
С пурпуром тирским сравни — сам устыдишься, сравнив.
Так и свою с остальными поставь красавицу рядом —
И устыдишься, что мог выбрать такую из всех.

Двое богинь во всей красоте предстали Парису,
Но при Венере втроем выцвела их красота.
Сравнивай вид и сравнивай нрав и все их уменье,
Лишь бы здраво судить не помешала любовь.

Мелочь добавить хочу, однако подобная мелочь
Часто полезна была многим и мне самому.
Не перечитывай писем, где почерк любезной подруги!
Старое тронет письмо самый незыблемый дух.
Все их сложи — против воли сложи! — в горящее пламя,
«Вот погребальный костер страсти несчастной моей!»
Фестия дочь головнею сожгла далекого сына —
Ты ль поколеблешься сжечь строки солгавшей любви?
Если возможно, сожги заодно восковые таблички:
Истинной гибелью воск для Лаодамии был.
Часто наводят тоску места, где вы были, где спали;
Этих свидетельских мест тоже избегнуть умей.
«Здесь мы были вдвоем, здесь легли на желанное ложе,
Здесь подарила она самую сладкую ночь».
Воспоминаньем любовь бередит незажившие раны,
А обессилевших гнет самая малая боль.
Полупогаснувший прах оживает, почувствовав серу,
И неприметный огонь ярким встает языком,—
Так, если прежнюю страсть обновить неумелым намеком,
Вновь запылает пожар там, где не тлело ничто.
Счастлив аргивский моряк обойти Кафарейские скалы,
Где в разожженных кострах кроется старцева месть;
Рад в осторожном пути не встретить Нисову Сциллу —
Не возвращайся и ты к месту минувших отрад.
В них для тебя — и сиртская мель, и эпирские рифы,
В них поглощенную зыбь крутит Харибдина пасть.

Есть облегченье и в том, к чему не понудишь советом,
Но коли выйдет судьба — сам же окажешься рад.
Если бы Федра жила в нищете, не пришлось бы Нептуну
Слать против внука быка, робких пугая коней:
Кноссянка, роскошь забыв, забыла бы грешные страсти —
Лишь на приволье богатств любит гнездиться любовь.
Кто захотел бы Гекалу и кто бы польстился на Ира?
Бедная с нищим, они впрямь никому не нужны.

Нет у бедности средств питать любовную похоть —
Только решишься ли ты ради того обеднеть?
Ну, так решись не тешить себя хотя бы театром,
Если из сердца избыть дочиста хочешь любовь!
Истаивáет душа от кифары, от флейты, от лиры,
От голосов и от рук, плещущих в мерном ладу;
Там представляет плясун любовников древних сказаний
И мановеньем своим радость внушает, и страх.
Даже — больно сказать! — не трогай любовных поэтов!
(Видишь, я у тебя сам отнимаю мой дар.)
Ведь Каллимах Амуру не враг — так забудь Каллимаха,
А заодно позабыт будет и косский поэт.
Песни Сафо помогли мне когда-то с любовницей спеться,
Легкий вложила мне нрав песня теосской струны.
Можно ли с мирной душой читать сочиненья Тибулла
Или твои, для кого Кинфия музой была?
Можно ли Галла прочесть, и встать, и уйти хладнокровно?
Вот таковы и мои кое-какие стихи.
Ежели верно гласит Аполлон, направитель поэтов,
Ревность к сопернику в нас — худшей начало беды.
Ты позаботься о том, чтоб соперника сердце не знало,
Думай, что с милой никто не разделяет постель.
Из-за того и Орест сильней полюбил Гермиону,
Что оказалась она нового мужа женой.
А Менелай? Покинув жену для дальнего Крита,
Ты не скучал без нее, не торопился назад.
Только тогда оказалось, что жить без нее ты не можешь,
Как ее выкрал Парис: вот кто зажег твою страсть!
Плакал Ахилл потому, лишившись своей Брисеиды,
Что в Плисфенийский шатер ласки она понесла.
И не напрасно он плакал; не мог упустить Агамемнон
То, что мог упустить разве что жалкий лентяй.
Я бы не стал упускать, а я не умнее Атрида!
Сеянный ревностью плод слаще любого плода.
Пусть и поклялся Атрид, что он ее пальцем не тронул,—
Клялся жезлом он, но жезл — это не имя богов.
Боги тебе да позволят пройти мимо милого дома,
Да пóдадут тебе сил, чтоб не ступить на порог!
Сможешь, лишь захоти! Достанет и силы и воли,
Шагу прибавит нога, шпора ужалит коня.

Думай, что там за порогом сирены, что там лотофаги,
И чтоб быстрее проплыть, к веслам прибавь паруса.
Даже того, кто соперником был для тебя ненавистным,
Я умоляю тебя, больше врагом не считай:
Превозмоги неприязнь, приветь его, встреть поцелуем;
Если сумеешь, то знай: ты исцелен до конца.
Мне остается сказать, что в пище полезно, что вредно,
Чтоб ни одну не забыть часть моего врачевства.
Ни апулийский чеснок, ни ливийский, ни даже мегарский
Не хороши для тебя: если пришлют, то не ешь.
Также не ешь и капусту, будящую зуд похотливый,
И остальное, что нас к играм Венеры влечет.
Горькая рута нужней (от нее обостряется зренье)
И остальное, что нас прочь от Венеры ведет.
Хочешь узнать и о том, принимать ли дарения Вакха?
Дам я и этот совет в очень немногих словах.
Если умеренно пить, то вино побуждает к Венере,
А от избытка вина тупо мертвеет душа.
Ветер питает огонь и ветер его угашает:
Легкий порыв оживит, сильный — задушит огонь.
Или не пей, или пей до конца, чтоб забыть все заботы:
Все, что меж тем и другим, что посредине,— вредит.

Труд завершен,— увенчайте цветами усталые мачты!
К пристани встал мой корабль, к той, куда правил я путь.
Скоро святой ваш поэт, несущий целение в песне,
Женских даров и мужских примет обетную дань.

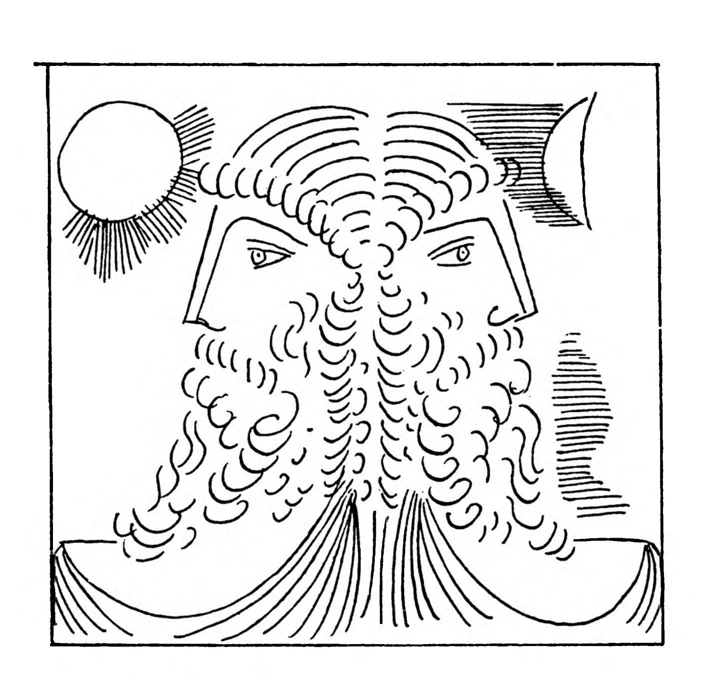

ФАСТЫ

FASTI

Книга первая

Смену времен и круговорот латинского года
Я объясню, и заход и восхожденье светил.
Ты же радушно прими стихи мои, Цезарь Германик,
Мой по прямому пути робкий направя корабль.
Не отвергай моего ничтожного ты приношенья,
Но, хоть и скромен мой дар, будь благосклонен к нему.
Здесь ты увидишь и то, что извлек я из древних сказаний,
Здесь ты прочтешь и о том, чем каждый день знаменит.
Здесь ты преданья найдешь о домашних праздниках ваших,
Часто прочтешь об отце, часто о деде своем.
Лавры, которых они в расписных удостоены фастах,
Так же получишь и сам с Друзом ты, братом своим.
Подвиги Цезаря пусть другие славят; мы славим
Дни, что он приобщил к древним еще торжествам.
Благослови же меня на твоих прославление предков,
Из моего изгони сердца ты трепетный страх.
Милостив будь и придай стихам моим живость и силу:
Можешь ты взором одним и ободрить и убить.
Робко на суд отдаю я владыке ученому строки,
Словно я их приношу богу Кларосскому в дар.
Ведомо нам, каково на устах у тебя красноречье,
Как защищаешь своих ты подопечных в суде,

Знаем, с каким мастерством выступаешь и в нашем искусстве.
Великолепье твоих чувствуем плавных стихов.
Если угодно богам, как поэт управляй ты поэтом:
Счастливо год потечет под руководством твоим.

Распределив времена, основатель города Рима
Установил отмечать дважды пять месяцев в год.
Видимо, Ромул, война тебе ближе была, чем светила:
Больше всего побеждать ты ведь соседей желал.
Довод, однако же, есть немалый для Ромула, Цезарь;
И для ошибки такой в нем оправдание есть.
Сколько месяцев мать дитя свое носит во чреве,
Стольким же месяцам быть он указал и в году.
Столько же месяцев скорбь у вдовы соблюдается в доме,
И, погруженный в печаль, знаки он горя хранит.
Это и принял в расчет Квирин, облаченный в трабею,
Установляя толпе сроки, делящие год.
Марсу был посвящен первый месяц, второй — же Венере:
Рода начало она, он — зачинатель его.
Третий был дан старикам, четвертый — юношам месяц,
Каждый из всех остальных знаменовало число.
Только Нума-мудрец о Янусе вспомнил и предках:
Перечень месяцев он новыми начал двумя.
Знай же однако: у разных дней и порядки различны,
Каждое утро свои правила нам подает.
Будет «несудным» тот день, когда запрещаются сделки,
Будет «судным», когда тяжбы вершатся в судах.
Но и не всякий ведь день напролет этим правилам верен:
День, несудный с утра, судным становится днем
После свершения жертв, когда в беспрепятственных преньях
Претору можно судить и выносить приговор.
Также бывают и дни для собраний на форуме Рима,
А на девятые дни рынок бывает открыт.
День авзонийских календ — это день, посвященный Юноне;
В иды, Юпитеров день, в жертву приносят овцу;
Бога-хранителя нет для нон; но за этими днями
Завтрашний день, берегись, черным окажется днем.

Дней этих ведом исход, ибо Рим в эти дни оказался
Жертвою горестных бед, посланных Марсом ему.
То, что я здесь говорю, ко всем относится фастам,
Чтоб не пришлось прерывать далее связный рассказ.

1 января. Календы

Янус начало сулит счастливого года, Германик,
И начинает мое стихотворенье тебе.
Янус двуглавый, ты год начинаешь, безмолвно скользящий
Ты лишь один из богов видишь всё сзади себя.
Будь благосклонен к вождям, трудами которых блюдется
Мир на обильной земле, мир на просторе морском.
Будь благосклонен к отцам и к народу бога Квирина
И мановеньем своим белый нам храм отомкни.
День счастливый настал. Молчите благоговейно!
Только благие слова в праздник уместны благой.
Тяжбы умолкнуть должны. Оставьте немедля пустые
Ссоры: зловредный язык должен теперь замолчать.
Видишь, душистым огнем блистает эфир благовонный
И киликийский шафран звонко трещит на кострах?
Пламя сияньем своим ударяет по золоту храмов,
Всходит трепещущий свет до потолочных стропил.
В светлых одеждах идут в крепостные Тарпейские башни,
Чтобы достойно почтить светлого праздника день.
Новые фаски несут впереди, новый пурпур блистает,
Чует слоновая кость новый торжественный гнет.
Шеей, не знавшей ярма, под топор преклонились телята,
Что на фалисских лугах вскормлены были травой.
С верху твердыни смотря на окружность мира, Юпитер
Видит всюду одну Рима державную власть.
Слава счастливому дню! О, будь с каждым годом счастливей,
Чтобы тебя прославлял власти достойный народ.

Как же прославить тебя, о Янус, бог двуобразный?
В Греции нет божества, равного силой тебе.
Ты нам скажи, почему из всех небожителей ты лишь
Видишь, что сзади тебя, видишь, что перед тобой?
Так размышлял я, стараясь в своих разобраться табличках,
Вдруг замечаю, что весь светом наполнился дом:

Это предстал предо мной двойным изумляющий ликом
Янус священный, и сам прямо взглянул мне в глаза.
Я испугался, мои от ужаса волосы встали,
Холод внезапный объял оцепеневшую грудь.
Левой рукою держа ключи, а правою посох,
Он обратился ко мне сразу же, так говоря:
«Страх позабудь и внимай мне: о днях возвещая прилежно,
Дам я ответ, и пойми то, что скажу я тебе.
Хаосом звали меня в старину (я древнего рода),
Слушай, какие дела прошлых веков я спою.
Светлый сей воздух кругом и все вещества остальные —
Пламя, вода и земля были одним веществом.
Но разлучил их раздор, и они разделили владенья,
А разделивши, ушли каждое в область свою.
Пламя взлетело наверх, растекся поблизости воздух,
А посредине нашли место земля и вода.
Я же, сгустившийся в шар и безликою бывший громадой,
Всем своим существом богу подобен я стал.
Ныне же, малый храня былого смешения образ,
Сзади и спереди я виден единым лицом.
Знай же причину еще моего такового обличья,
Чтоб хорошенько понять, в чем состоит мой удел.
Всё, что ты видишь,— земля, небеса, и моря, и туманы —
Власти моей подлежит, крепко я это держу.
Всё это я сторожу один на пространстве вселенной,
Круговращеньем всего мира заведую я.
Если желаю я Мир из-под мирного выпустить крова,—
Невозбранимо по всем он растечется путям;
Но переполнится всё в смятенье тлетворною кровью,
Если рванется Война из-под тяжелых замков.
Кроткие Оры при мне вратами ведают неба,
Даже владыке богов вход я и выход даю.
Янус поэтому я. Когда же мне жрец преподносит
В жертву полбенный хлеб, с солью его замесив
(Ты улыбнешься), тогда «Отворителем» я называюсь
Или, по слову жреца, имя «Затворщик» ношу.
Сменою действий моих объясняются эти названья,
Так называли меня по простоте в старину.
Силу свою я открыл; теперь объясню и обличье,—
Правда, отчасти его ты уже видишь и сам.

В каждой двери ведь есть и одна сторона, и другая,
Та сторона на народ, эта на Ларов глядит,
Так что и в доме привратник, у самого сидя порога,
Видит того, кто вошел, видит того, кто уйдет.
Точно так же и я, привратник двери небесной,
Видеть могу и Восток, видеть и Запад могу.
Видишь: трояким лицом на три стороны смотрит Геката,
Чтобы тройные пути на перекрестках следить;
Я же, чтоб времени мне не терять головы поворотом,
Сразу на оба пути, не обернувшись, смотрю».
Так он сказал и, взглянув приветливо, этим позволил
Мне обращаться к нему, чтобы ответить он мог.

Я ободрился. Ему без страха воздав благодарность,
Скромно глаза опустил, коротко бога спросил:
«Ты мне скажи, почему новый год начинается в холод,
Разве не лучше ему в путь отправляться весной?
Все зацветает тогда, обновляется год в эту пору
И набухают опять почки на ветвях кустов;
Каждого дерева ветвь покрывается свежей листвою
И разрастается вновь злаков трава на земле;
Сладостным пением птиц оглашается воздух согретый,
Прыгает и по лугам весело резвится скот.
Солнце играет, а к нам прилетает ласточка в гости
И начинает лепить снова под крышей гнездо;
Поле приемлет сошник и опять обновляется плугом.
Этот и надо бы срок года считать новиной!»
Долго я спрашивал так, но он, недолго помедлив,
В два лишь стиха уложил свой на вопрос мой ответ:
«Солнцеворот — это день и последний для солнца, и первый:
Тут поднимается Феб, тут начинается год».
Я удивился: зачем день первый нового года
Судным заботам открыт? «Выслушай! — Янус сказал.—
Время начальное я судебным делам предоставил,
Чтобы бездельным весь год с этим почином не стал.
Всякий свое ремесло хоть немного тогда продолжает,
Тем доказуя, что он не забывает его».
Я же опять: «Почему, хоть богов и других почитаю,
Первому, Янус, тебе ладан несу и вино?»

«Ибо лишь после меня, порогов хранителя, можешь
Ты до любого достичь,— так он сказал,— божества».
«А почему в твои дни приветливы речи людские,
Так, что желает добра каждому каждый из нас?»
Бог, опершися на жезл в своей деснице, промолвил:
«С доброго слова всегда надобно все начинать!
Первое слово всегда тревожит вам слух и вниманье;
Первая птица, летя, авгуру знак подает;
В первый день для молений открыты и храмы и боги:
Все пожелания — впрок, каждое слово — на вес».
Янус на этом умолк. Но недолго хранил я молчанье —
Вслед за словами его начал я спрашивать вновь:
«Финики здесь почему у тебя, карийские смоквы
И в белоснежных горшках белый виднеется мед?»
«Это примета к тому, чтобы все кругом благоухало
И наступающий год сладостен был»,— он сказал.
«Я понимаю, зачем эти сласти; но деньги зачем же
Дарят? Скажи и открой все о твоем торжестве».
«Плохо ты знаешь людей,— ответствовал Янус со смехом,—
Коль полагаешь, что мед слаще, чем деньги теперь!
Даже в Сатурновы дни мне редко встречались такие,
Кто бы уже не бывал страстью к наживе объят.
Время идет, и жажда к деньгам достигает предела,
Некуда больше идти нынешней жадности здесь.
Больше богатства теперь, чем в прежние, давние годы,
В век, когда в бедной стране встал новосозданный Рим,
В век, когда и Квирин, сын Марса, в хижине малой
Сам на речном камыше вместо постели лежал.
Даже Юпитер тогда ютился в хижине тесной,
Даже в деснице его был лишь скудельный перун.
Вместо камней дорогих был украшен листвой Капитолий,
Каждый сенатор овец сам выгонял на луга.
И на соломе в те дни почивать никто не стыдился,
Для изголовья себе сено пахучее взбив.
Претор суд совершал, едва оторвавшись от плуга,
А серебром обладать было проступком тогда.
Но лишь доходы земли здешней подняли голову выше
И до всевышних богов Рим в своей мощи достиг,
То с богатством людей возросло и стремленье к богатству —
Больше имея в руках, большего люди хотят:

Тратиться больше хотят, наживаться хотят, чтобы тратить,
И с переменой такой быстро пороки растут.
Ежели пучить живот от избытка воды начинает,
То от водянки больных жажда сильнее томит.
Деньги ныне в цене: почет достается за деньги,
Дружба за деньги: бедняк людям не нужен нигде.
Спросишь меня, для чего за вещанье взимаем мы плату
И почему медяки старые радуют нас?
Встарь подавали вы медь, а теперь вот и золото нужно:
Старая медь уступить новой монете должна;
Нам золотые нужны святилища, хоть и милее
Древние храмы: богам ведь величавость идет.
Старые хвалим года, но в новое время живем мы:
То и другое должны мы одинаково чтить».
Он перестал вразумлять. Но кротко, так же как раньше,
К богу я ключарю тут обратился опять:
«Много сказал ты; но вот с одной стороны на монетах
Медных — корабль, а с другой видно двойное лицо?»
«Мог бы меня,— он сказал,— ты узнать в этом виде двуликом,
Если б по старости лет не поистерся чекан!
А почему здесь корабль, расскажу я. На тусккую реку
Бог серпоносный пришел, круг исходивши земли.
Помню я, как приняла страна эта бога Сатурна,
Что из небесных краев изгнан Юпитером был.
Долго здешний народ сохранял Сатурново имя;
Лацием после того божий назвался приют.
Но благочестный народ на меди корабль отчеканил
В память о том, как сюда прибыл низвергнутый бог.
Сам поселился я там, где Тибра песчаные струи
Левого берега край ласковой моют волной.
Здесь, где возвысился Рим, зеленела нерубленой чаща
Леса и мирно паслось скромное стадо коров.
Крепость моя была холм, который поэтому люди
Стали Яникулом звать и до сих пор так зовут.
Царствовал там я тогда, когда боги землею владели
И в поселеньях людских жили еще божества.
Смертных злодейства еще Справедливость тогда не прогнали
(После ж нее никаких нет уж богов на земле).
Совесть одна, а не страх без насилья царила в народе,
Право меж правых людей было нетрудно блюсти.

Не о войне я радел: охранял я мир и пороги.
    Вот оружье мое!» — И показал он на ключ.
Бога сомкнулись уста. Тогда мои разомкнулись;
    Бога маня в разговор, так я на это сказал:
«В стольких входах ты чтим,— почему же одним только входом
    Здесь обладаешь, а храм твой между двух площадей?»
Бороду гладя себе, на грудь свисавшую долу,
    Он об эбалии мне Татии начал рассказ;
Как сторожиха, прельстясь сабинов запястьями, в крепость
    Им показала проход и провела их тайком.
«Спуск оттуда крутой, как нынче,— сказал он,— который
    Вниз на долину идет, к площади прямо ведя.
Вот уж враги достигли ворот, с которых засовы,
    Прочь отодвинув, сняла злобно Сатурнова дочь.
Тут, опасаясь вступать с таким божеством в поединок,
    В хитром искусстве моем я по-иному решил.
Устья, которыми я обладаю, источников отпер,
    И неожиданно вон ринулись воды из них;
Мало того: к их влажным струям добавил я серы,
    Чтобы горячей водой Татию путь преградить.
Эту услугу мою по изгнаньи сабинов постигли;
    Место же это затем стало спокойным опять.
Мне был поставлен алтарь, примыкающий к малому храму;
    Курится пламенем он с жертвенной полбой на нем».

«Но почему при мире ты скрыт, появляясь при войнах?»
    Без промедления мне дан был на это ответ:
«Чтобы открыт был возврат народу, пошедшему в битвы,
    Сняты запоры, моя настежь отворена дверь!
В мирное время я дверь запираю, чтоб мир не умчался;
    Цезаря волей тогда я непременно закрыт».
Так он сказал и, подняв повсюду смотрящие очи,
    Взор обратил свой на то, что совершалось кругом.
Мир повсюду царил, и в твоем, Германик, триумфе
    За покорителем вслед рейнские воды влеклись.
Янус! Вовеки храни ты мир и блюстителей мира,
    И устроитель его дел да не бросит своих.
Сами же фасты гласят, и читающим это открыто:
    Два были храма богам посвящены в этот день.

Фебу дитя родила Коронида, и принял младенца
Остров, который река моет двойною струей.
Там же — Юпитера кров. Два бога — в едином приюте:
Деда великого храм с внуковым рядом стоит.
Кто о звездах говорить, о восходе их и заходе
Мне запретит? Обещал я и об этом сказать.
Счастливы души людей, познавших это впервые
И пожелавших в дома высших проникнуть существ.
Верю я в то, что они, чужды суеты и пороков,
Над человечеством всем подняли голову ввысь.
Их высоких сердец не смутят ни вино, ни Венера,
Ни словопренья в судах или дела на войне.
Чуждо тщеславие им и лживый блеск честолюбья,
И не томит их тоска по умноженью богатств.
К дальним светилам они обратили следящие взоры
И подчинили своей мысли эфирную высь.
Так достигают небес. На Олимп вздымать Оссу не надо,
Чтобы достиг Пелион свода небесных светил!
Под руководством таких вождей мы небо измерим
И предадим свои дни сонму блуждающих звезд.

3 января

До наступления нон как останется только три ночи
И оросится земля с неба упавшей росой,
Будешь напрасно искать клещи осьминогого Рака:
В западные нырнет воды он вниз головой.

5 января. Ноны

Ноны наступят. Дожди, с облаков пролившися черных,
Знать тебе это дадут с Лиры восходом тогда.

9 января. Агоналии

Четверо суток прибавь, когда ноны минуют, и утром
В день Агоналий почтить надобно Януса нам.
Назван сей день, может быть, по жрецу с подпояской, который
Жертву приносит богам и убивает ее,—

Ибо, свой нож обнажив и ее поразить собираясь,
Он говорит: «поражу ль» или «agone» ее?
Иль потому, что скот к алтарю погоняют — «agantur»,
Назван был этот день днем Агоналий у нас?
Думают также, что встарь он овчим — «агнальным» был назван,
Тем же словом, но лишь с пропуском буквы одной.
Иль потому, что в воде видит жертва ножей отраженье,
Может по страху скота названным быть этот день?
Также возможно, что день этот назван по греческим играм
В старое время, когда игры бывали в ходу.
Древний язык называл тогда «агоналией» стадо;
В этом, по-моему, смысл истинный слова сокрыт.
Как бы то ни было там, но жрец верховный обязан
В жертву богам принести мужа шерстистой овцы.

Жертвы приносят, когда умоляют о милости бога
Или же после того, как победили врагов.
Встарь, чтобы милость богов заслужить человеку, довольно
Было полбы и с ней соли блестящих крупиц;
Не привозили еще кору слезящейся мирры
На кораблях по морям из чужеземных краев,
Ладана нам ни Евфрат, ни Индия мазей не слала,
И не известен тогда был нам и красный шафран.
Дымом курился алтарь, довольный травою сабинской,
И, разгораясь на нем, громко потрескивал лавр.
Тот, кто к венкам из цветов луговых приплести без усилий
Мог и фиалок еще, истинным слыл богачом.
Нож тот, которым быка убитого режется чрево
При приношении жертв, не применялся тогда.
Первой Церера была довольна пролившейся кровью
Жадной свиньи за ее уничтожение нив —
Ибо узнала она, что молочные в бороздах зерна
В раннюю пору весны выжрало рыло свиньи.
Кара постигла свинью. Примером напуганный этим,
Отпрыски нежной лозы должен беречь и козел.
Некто, глядя, как он грызет виноградные лозы,
Не понапрасну ему горькое слово сказал:
«Жуй себе лозы, козел; но когда пред алтарь ты предстанешь,
Соком такой же лозы брызнут тебе на рога!»

Так и бывает: врагу, что тебе приносится в жертву,
Вакх, окропляешь всегда чистым вином ты рога.
Так; поделом пострадала свинья и коза поплатилась;
Но разве бык виноват или виновна овца?
Слезы лил Аристей, когда он увидел, что пчелы
Сгинули все до одной, начатый бросивши сот.
Но лишь лазурная мать увидала, как горько он плачет,
То обратилась к нему, так утешая его:
«Плакать, мой сын, перестань! Протей возместит твой убыток
И возвратит все добро, что ты теперь потерял.
Но чтобы он тебя не смущал, меняя обличья,
Обе руки ты его крепким опутай узлом».
Мальчик идет к вещуну и, от сна размякшие руки
Старца морского схватив, крепкою вяжет петлей.
Бог, меняя свой лик, обойти его хочет обманом;
Но, укрощенный, опять принял свой подлинный вид
И, поднимая лицо с бородою лазурной и влажной,
«Хочешь ты знать, говорит, как воротить себе пчел?
Тело убитого ты засыпь землею теленка:
То, о чем просишь меня, даст погребенный телок!»
Делает это пастух, и ползут из теленка гнилого
Пчелы, и тысячи душ рвутся на свет за одну.
Рок настиг и овцу — за то, что щипала вербену,
Что благочестно несет старица сельским богам.
Где безопасность найдешь, когда жизнь свою в жертву приносят
Даже дающие шерсть овцы и труженик бык?
Перс закалает коня лучистому Гипериону:
Быстрому богу нельзя медленный жертвовать скот.
После того, как за девушку лань заклали Диане,
То и теперь ей, хоть нет девы, но жертвуют лань.
Видел я сам, как утробой собак чтут Гекату сапеи,
Чтит и народ, что в твоих, Гем, обитает снегах.

Крепкому сторожу сел точно так же режут осленка;
Это постыдно, но все ж этому богу под стать.
В честь плющеносного Вакха давала ты, Греция, праздник,
Что каждой третьей зимой правят в указанный день.
Даже и боги тогда собрались, почитая Лиэя,
Как и все те, кто не чужд шуток любовной игры,

Паны и вся молодежь охочих до сласти сатиров,
Да и богини из рек и деревенских пустынь.
Прибыл и старый Силен на осленке с прогнутой спиною;
Красным явился всех птиц пахом пугающий бог.
В роще все вместе сошлись, для веселого пира удобной,
Ложа найдя себе там прямо на мягкой траве.
Либер вино наливал, венками венчал себя каждый,
Воду, вино разбавлять, щедро ручей подавал.
Вот и наяды пришли: у одних — распущены косы,
А у других завиты волосы ловкой рукой;
Эта служила, тунику себе подобрав до коленей,
Та в широкий разрез кажет открытую грудь;
Эта открыла плечо, та подолом траву задевает,
Тесная обувь ничьей нежной не жала ноги.
Ласковым пламенем те распаляют влюбленных сатиров,
Эти — тебя, что сосной переплетаешь виски;
Да и Силен загорается сам неугасшею страстью,
Хоть и бесстыдно себя все не считать стариком!
Красный, однако, Приап, садов и краса и охрана,
Только Лотидой одной был без ума увлечен:
Любит, желает ее, ей одною он только и дышит,
Знаки он ей подает и донимает ее.
Спесь у красавиц в душе, красотке сопутствует гордость:
Только смеется над ним и презирает его.
Ночь наступила, вино одурманило души, лежали
Все, разбредясь, и смежил накрепко очи всем сон,
Вот и Лотида, устав от игр, удалилась под ветви
Клена, чтоб там отдохнуть на травянистой земле.
Тут любовник встает, затаивши дыханье, крадется
Молча, на цыпочки встав, и подбирается к ней.
Тайную тронув постель белоснежной нимфы, он в страхе,
Как бы дыханье его не услыхала она.
Он уже лег на траву и рядом с ней приютился,
Но не проснулась она, полная крепкого сна.
Радостен он и, подняв осторожно от ног ее платье,
Вот уже начал искать путь к исполненью надежд.
Вдруг тут осленок, верхом на котором Силен появился,
Вовсе некстати своим голосом грубым взревел.
В ужасе нимфа, вскочив, оттолкнула руками Приапа
И всполошила кругом рощу, пустившись бежать.

Бог же, державший уже наготове оружие страсти,
Общим посмешищем стал в ярком сиянье луны.
Смертью своей заплатил крикун за свой голос, и этой
Жертвой обрадован был бог Геллеспонтских пучин.

Были когда-то и вы в безопасности, птицы, утеха
Сел и лесов, за собой вовсе не зная вины;
Гнезда свивали себе, согревали перьями яйца
И щебетали своим горлышком сладкий напев.
Все по-пустому! Язык преступным ваш оказался:
Думают боги, что вы мысли их в силах открыть.
Это и вправду ведь так: вы, близкие к небу, способны
Голосом или крылом верные знаки подать.
Долго не трогали птичью породу, теперь убивают,
И на утеху богам сплетников жарят кишки;
Горлицу у голубка отнимают, подружку от друга,
Чтобы потом опалить на идалийских кострах.
Не помогает и гусю, что он защитил Капитолий,
Печень его на твоем блюде, Инахова дочь.
Ночью хохлатый петух для ночной погибает богини,
Так как он теплого дня бодро вещает приход.

Временем этим Дельфин восходит, блистая над морем,
И поднимает свой лик, выйдя из отчих глубин.

10 января

Утро грядущего дня рассекает надвое зиму
И продолжает ее, вровень деля пополам.

12 января. Карменталии

В день за этим пойдет торжество в честь аркадской богини;
Будет Аврора его, бросив Тифона, смотреть.
Турна сестра, и тебя во храм свой день этот принял
Там, где Девы вода Поле собой обняла.
Где я причины найду этих празднеств обрядов и чина?
Кто поведет мой корабль в моря средину теперь?

О, просвети меня ты, чье имя исходит от песен,
Будь благосклонна, не дай чести твоей оскорбить!
До появленья луны возникла, коль можно ей верить,
Эта земля и несет имя Аркада она.
Здесь жил Эвандр, чей отец и мать одинаково славны,
Но материнская кровь в нем знаменитей была,
Ибо, когда озарилась душа ее светом эфирным,
Стала она возглашать истину божеских слов.
Сыну она предрекла и себе в грядущем тревоги,
Да и другое еще, что оправдалось потом.
Так, еще юношей был он с провидицей матерью изгнан,
Бросил Аркадию он и паррасийский очаг,
И говорила она ему, проливавшему слезы:
«Брось изливаться в слезах: мужем предстань пред судьбой!
Так суждено; не своей виной ты из города изгнан,
Но божеством: на тебя встал негодующий бог.
Ты невиновен: тебя карает вышнего ярость,
Тем и гордись, что в большой ты неповинен беде!
Каждому это дано — сознавать себя: каждый способен
Чуять за дело свое в сердце надежду иль страх.
Ты не горюй: не первый ведь ты поражен этой бурей,
Рушилась раньше она и на великих мужей.
Так ведь ее претерпел изгнанник из края тирийцев
Кадм; в Аонийской земле он основался, бежав.
Так ведь ее претерпел и Тидей, и Ясон пагасийский,
Да и другие, каких не перечислить теперь.
Храбрым отчизна везде, как рыбам морское пространство,
Или для птицы простор всюду на круге земном.
А непогода не станет весь год бушевать, не стихая:
И у тебя, мне поверь, будут погожие дни».
Был обнадежен Эвандр словами матери, смело
Волны ладьею рассек и Гесперии достиг.
Ввел он уже свой корабль по совету мудрой Карменты
В реку и в тускских водах против течения шел.
Вот перед ней уже те берега, где тарентские топи,
Где врассыпную стоят хижины в скудной глуши;
Тут-то она, как была на корме, волоса распустивши,
Кормчего руку схватив, путь заказала ему
И, протянувши свои ко правому берегу руки,
Топнула буйной ногой трижды в сосновое дно.

Чуть не спрыгнула она впопыхах при этом на берег,—
Еле ее удержал мощной рукою Эвандр.
«Боги желанных краев! Привет вам! — она восклицала.—
Славься, земля! Небесам новых богов ты сулишь!
Славьтеся, реки, ручьи в стране этой гостеприимной.
Славьтеся, нимфы лесов и хороводы наяд!
Пусть появление ваше на счастье мне будет и сыну,
Пусть я счастливой ногой на берег выйду сюда!
Разве неправда, что здесь холмы станут мощной твердыней,
Иль что законы подаст эта земля всей земле?
Издавна этим горам обещана власть над вселенной,
Кто бы поверил, что здесь осуществится она?
К берегу этому флот пристанет скоро дарданский,
Здесь же причиной войны новая станет жена.
Внук мой Паллант, роковой на себя ты доспех надеваешь.
Но надевай! Ты убит будешь не жалким врагом.
Побеждена, победишь, и павши, восстанешь ты, Троя:
Гибель, поверь мне, твоя сгубит твердыни врагов.
Жги же Нептунов Пергам дотла ты, победное пламя,—
Даже и пепел его выше всего на земле!
Вот благочестный Эней принесет святыни и с ними
Старца-отца: принимай, Веста, троянских богов!
Время придет, и одна будет власть над вами и миром,
Сам при святынях твоих будет священствовать бог;
Августы вечно хранить неуклонно отечество будут:
Этому дому даны небом державы бразды.
С этого времени сын и бога внук безотказно
Бремя обязаны здесь неба веленьем нести.
Некогда, как я сама почитаема буду во храмах,
Так и Авгу́сту тогда Юлию обожествят».
Так в прорицаньях она достигла до нашего века.
И на средине речей остановился язык.
Вышел изгнанник теперь с кормы на латинскую траву,
Счастлив, что в этой земле место изгнанья обрел.
Без промедления все стали новые хижины ставить,
И средь Авзонии гор сделался главным Аркад.
Вот пригоняет коров сюда герой эрифейских,
Долгий с дубиною путь кончив по кругу земли.
И, пока он гостит, в тегейском принятый доме,
Бродит по вольным лугам неохраняемый скот.

Утро настало. От сна встает тиринфский погонщик
И замечает, что двух нет в его стаде быков.
Как ни смотрел он, следов никаких воровства не заметил:
В гроте спрятал их Как, задом таща наперед.
Страх и позор этот Как всего Авентинского леса,
Злом и соседям он был и чужеземцев губил.
Грозен лицом он, могуч телесною силой, огромен
Тушей, а породил чудище это Вулкан.
Логово было его — пещера, в глубоком ущелье
Скрытая, даже зверям хищным ее не найти.
Перед ущельем висят черепа и прибитые руки,
Кости белеют людей кучей на грязной земле.
Стада часть потеряв, Юпитера сын уходил уж,
Но уворованных вдруг рев он быков услыхал.
«Надо вернуться назад!» — говорит и, последовав звуку,
Мстителем идя сквозь лес, мерзкой пещеры достиг.
Враг, скалу отломив, завалил ею доступ в пещеру;
Даже десятку быков был не под силу завал.
Плечи напряг Геркулес, эти небо державшие плечи,—
И, зашатавшись тогда, сдвинулась глыба скалы.
Грохот пошел от нее, напугав и небесные выси;
Дрогнув под грузом таким, почва осела земли.
Тотчас бросается Как в беспощадную схватку, свирепо
Камни бросая, дерев мощных хватая стволы.
Видя, что все это зря, он к отца прибегает искусству
И, завопив, изо рта пышет палящим огнем;
Каждый выдох его на дыханье похож Тифоэя
И на стремительный блеск быстрого Этны огня.
Но подступает Алкид и своею трехузлой дубиной
Трижды, четырежды бьет прямо его по лицу.
Падает Как, изо рта вместе с кровью дым изрыгает
И, умирая, трясет почву громадой груди.
Тут закалает быка победитель Юпитеру в жертву
И созывает к себе вместе с Эвандром сельчан;
Сооружает себе алтарь, что зовется Великим,
Там, где теперь по быку названа города часть;
И открывает ему мать Эвандра, что близится время
То, когда будет с земли на небо взят Геркулес.
Но и вещунья сама, угодная вышним богиня,
В месяце Януса день также имеет и свой.

13 января. Иды

В иды чистый жрец нутро холощеного овна
В жертву Юпитеру жечь должен во храме его.
Наш народ получил в этот день провинции снова,
В этот же день и твой дед Августом был наречен.
На восковые взгляни подобия в атриях знати:
Раньше столь громких имен муж ни один не носил.
Африка имя дала победителю, имя другому
Дали Исавры иль Крит в честь покоренья его.
Этот Нумидией был возвеличен, другой же Мессаной,
Третий прославился вождь тем, что Нуманцию взял.
Смерть и прозванье дала Германия некогда Друзу —
Недолговечна была — горе мне! — доблесть его.
Коль по победам судить, то стольких Цезарь достоин
Будет имен, сколько есть в мире различных племен.
Подвигом славны одним иные: врага ожерельем
Или же тем, что ему ворон в бою помогал.
Ты, о Великий Помпей, заслужил свое имя делами,
Но победивший тебя выше по имени был;
Римские Фабии всех превзошли семейным прозваньем,
Ибо их род неспроста Высшим зовется у нас;
По человеческим все ж именуются почестям люди,
Но по Юпитеру лишь Августа имя дано.
Все, что священно для нас, то у предков зовут «августейшим»,
Это же имя дано храмам священным у нас.
Этот же корень лежит и в названье «авгурия» также,
Да и во всем, для чего силу Юпитер дает.
Пусть же держава вождя усиляется нашего, годы
Длятся его и хранит дом ваш дубовый венок,
Пусть и наследник его великого имени примет
Счастливо волей богов отчую власть над землей.

15 января. Карменталии

После, как трижды Титан бросит взгляд на минувшие иды,
Вновь Паррасийскую тут чтить мы богиню пойдем.
Встарь авзонийских матрон возила, бывало, карпента
(Видно, повозке дала имя Эвандрова мать).

Отняли вскоре у них эту честь, и матроны решили
Неблагодарных мужей вовсе потомства лишить,
А чтоб детей не рожать, потайным безрассудным ударом
В них зародившийся плод искоренять из утроб.
Эти жестокости жен осудили сенаторы строго,
Как говорят, но вернуть почесть матронам пришлось.
Дважды отныне справлять в честь Тегейской матери праздник
Велено: и за сынов, и за рожденье девиц.
Не позволяют вносить при этом в святилище кожи,
Чтобы святых очагов трупами не осквернять.
Если старинный обряд ты любишь, то внемли молитвам
И восприми имена, коих не знал ты досель.
Порриму молят с Поствертой, сестер твоих или же спутниц
В бегстве, богиня, твоем с высей Менальской горы.
Пела одна, говорят, о том, что свершилось, другая
Пела о том, что должно было свершиться потом.

16 января

День наступивший тебя в белом храме поставил, Благая,
Там, где лестница вверх к вышней Монете ведет.
Днесь на латинян толпу благосклонно, Конкордия, взглянешь,
Ибо священной рукой ты установлена здесь.
Фурий поклялся тогда, победитель этрусков, поставить
Древний твой храм и свое он обещанье сдержал;
Дело в том, что с оружьем в руках отложилась от знати
Чернь, и грозила уже римская Риму же мощь.
Ныне счастливей дела: Германия, волосы срезав,
Доблестный вождь, под твои ноги их мирно кладет.
В жертву ты принял дары покоренного племени, новый
Храм ты богине возвел, чтимой тобою самим.
Ей принесла твоя мать и жертвенник и приношенья,
Мать, что достойна одна вместе с Юпитером лечь.

17 января

После же этого ты оставишь, Феб, Козерога,
Дальше направив свой бег к юноше с чашей воды.

22 января

В день, когда Феб, в седьмой раз взойдя, опустится в море,
Лира не будет уже больше на небе блестеть.

23 января

После заката ее грядущею ночью, сверкавший
Пламень в груди у Льва тоже погаснет в воде.

24, 25, 26 января. Сементины. Паганалии

Трижды, четырежды я отыскивал сроки по фастам,
Но нигде не нашел в них Сементинского дня.
Видя смущенье мое, сказала мне Муза: «День этот
В каждый меняется год, что ж его в фастах искать?
Дня посевного в них нет, но время отлично известно:
Поле готово, когда в нем зародился посев».
Стойте у яслей в венках, бычки молодые в загонах:
Теплой весною придет срок на работу идти.
Плуг отслуживший на столб пускай земледелец повесит:
Всякая рана страшна мерзлой от стужи земле.
Почве ты, староста, дай отдохнуть, закончив посевы,
И землепашцам своим тоже ты дай отдохнуть.
Пусть будет праздник в селе: очистите села, селяне,
Пусть ежегодный пирог каждый очаг испечет.
Матери злаков Земле и Церере в жертву несите
Полбы муку и нутро отяжелевшей свиньи.
Общее дело ведут совместно Церера с Землею:
Та зарождает плоды, эта им место дает.
Обе соратницы, вы исправили старое время:
Желудь отвергли, его лучшею пищей сменив.
Вы насыщайте селян, урожай им давая богатый,
Чтобы достойно могли вознаграждаться труды.
Вы постоянный приплод семенам молодым подавайте
И защищайте всегда их зеленя от снегов.
В пору посева с небес посылайте вы ласковый ветер,
А когда семя в земле, с неба кропите водой.
Прочь отгоняйте вы птиц, пожирающих хлебные зерна,
Как бы их стаи посев не уничтожили ваш.

Также и вы, муравьи, семена в бороздах пощадите:
Жатвы дождавшись, добра больше награбите вы.
Пусть разрастается хлеб, головней не затронутый черной,
И от погоды плохой нива не станет бледна.
Пусть не хиреет она, но пусть не тучнеет сверх меры:
Роскошь чрезмерных богатств может ее погубить.
Пусть не растет на полях лебеды, туманящей зренье,
Пашни возделанной пусть дикий не портит овес.
Пусть и пшеница, и дважды огнем сушимая полба,
Как и ячмень, урожай вам изобильный дадут.
Это за вас я молю, и вы сами молитесь, селяне,
И да внимают моим обе богини мольбам!
Долго война увлекала людей, и меч был привычней
Плуга, а пахотный вол место коню уступал.
Заступы брошены были, мотыги копьями стали.
Шлемы ковали себе из лемехов на плугах.
Благодаренье богам и тебе с твоим домом! Все войны
Ныне под вашей ногой в прочных оковах лежат.
Вол пусть идет под ярмо, а семя во взрытую почву:
Мир Цереру хранит, вскормлена миром она.

27 января

Но за шесть дней до календ, какие теперь наступают,
Храм был у нас посвящен Леды обоим сынам;
Братья из рода богов его братьям-богам посвятили,
Вместе поставив его близ от Ютурны прудка.

30 января

Самая песня моя к алтарю привела меня Мира.
С этого дня до конца месяца будет два дня.
Лаврами Акция ты обвив свою голову, ныне,
Мир, появись и всему свету спокойствие дай.
Коль неприятелей нет, то нет и причин для триумфа:
Славой почетнее войн будешь ты нашим вождям.
Воли мечам не давать — лишь для этого меч нам и нужен,
Лишь для торжеств нам нужны дикой раскаты трубы.

Пред Энеадами свет пусть трепещет от края до края;
Кто не боится, пускай любит прославленный Рим.
Ладан кладите, жрецы, изобильно на пламенник Мира,
Белая жертва пускай, лоб преклонивши, падет!
Все умоляйте богов, благочестным внимающих просьбам,
Чтоб соблюдающий мир дом вековечно стоял!

Но уже первую часть труда своего завершил я,
И получила она с месяцем вместе конец.

Книга вторая

Януса срок миновал. И год разрастается с песней:
Месяц второй наступил, книга вторая пойдет.
Ныне, элегии, вам широко паруса распущу я:
Мелочью вы у меня были до этого дня.
Были послушными слугами мне в любовных заботах,
Были забавою мне в юности ранней моей.
Священнодействия я теперь воспеваю по фастам:
Кто бы поверил, что я эту дорогу избрал?
Это солдатская служба моя. Как могу, так воюю,
Ибо не всякий доспех будет хорош для меня.
Коль не по силам метать мне будет копье боевое,
Коль не могу усидеть на боевом я коне,
Если и шлем не по мне или острый меч не по силам
(Эти доспехи носить может и всякий другой),—
То ведь всем сердцем твои имена прославляем мы, Цезарь.
И за твоею следим славой растущей всегда.
Будь же со мной и взгляни на дары, приносимые мною,
Ласковым взором, когда ты отдохнешь от побед.

Фебруев имя отцы искупительным жертвам давали,
Многое также о том нам и теперь говорит:
Понтифик-жрец от царя и фламина шерсть получает,
Или же феврую, как встарь называлась она.
Жженую полбу, какой подметает с крупинкою соли
Ликтор, чистя дома, февруей также зовут.

Так называют и ветвь от дерева чистого, коей
Кроет святая листва лоб непорочных жрецов.
Фламина также жену я просящую феврули видел,
И получила она феврую — ветку сосны.
И, наконец, все то, чем тела мы свои очищаем,
Встарь бородатые так назвали предки у нас.
Месяца имя февраль потому, что ремнями луперки
Бьют по земле и ее всю очищают кругом,
Иль потому, что тогда, по умилостивленьи усопших,
После февральных дней чистое время идет.
Верили наши отцы, что путем очищения можно
Всякое зло прекратить и преступления смыть.
Этот обычай идет из Греции: там полагают,
Что нечестивые все можно очистить дела.
Так очистил Пелей Акторида, так сам был очищен —
Смыл с него Фокову кровь фтийской водою Акаст.
Так легковерный Эгей Фасианку, что на драконах
Перелетела к нему, тоже очистил от скверн.
Амфиарая же сын Навпактову Ахелою
Также сказал: «Ты омой нечисть мою!» Тот омыл.
Что за безумье, увы! Ужели смертоубийство
Просто речною водой можно, по-вашему, смыть!
Но (чтобы твердо ты знал, какой был у предков порядок)
Януса месяц и встарь первым был, как и теперь;
Месяц, идущий за ним, последним был месяцем года:
Священнодействам конец, Термин, ведь ты полагал.
Януса месяц был первым, ворота времен отворяя,—
Месяц последний в году манам последним был свят.
Только много спустя, говорят, дважды пять децемвиров
Сделали так, что февраль следует за январем.

1 февраля. Календы

В первые дни февраля Спасительнице Юноне
Рядом с Фригийскою был Матерью храм возведен.
«Где же теперь этот храм, посвященный великой богине
В эти календы?» Давно время низвергло его.
Так же погибли б у нас и все остальные святыни,
Если бы их не берег наш осмотрительный вождь.

Ветхости он не дает коснуться наших святилищ:
Он не одних лишь людей, но и богов бережет.
Храмов не только творец, но их и святой обновитель,
Боги тебя да хранят так же, как ты их хранишь!
Свыше да длят тебе век настолько, сколь дал ты всевышним.
И нерушимым твой дом будет под стражею их!
Тут посещает толпа почитателей рощу Гелерна,
Где устремляется Тибр влиться в морскую волну,
Тут и у Нумы святынь, в Капитолии у Громовержца,
И на Юпитеровой крепости режут овцу.
Часто дождливые тут южный ветер тучи наводит
С ливнями, и снеговой скрыта земля пеленой.

2 февраля

После ж, как только Титан, заходя в Гесперийские воды,
Снимет с пурпурных коней блеск самоцветный ярма,
Ночью кто-нибудь тут, глаза поднимая ко звездам,
Спросит: «Где же лучи Лиры, блиставшей вчера?»
Лиру ища, он и Льва заметит спину, который
Наполовину уже скрылся внезапно в волнах.

4 февраля

Ну, а Дельфин, что тебе был виден в звездном уборе,
Он от твоих убежит взоров в грядущую ночь.
Он — иль счастливый клеврет, проследивший любовные шашни,
Или же тот, кем спасен с лирой лесбийской поэт.
Морю какому, какой стране Арион не известен,
Волны морские смирять песней умевший своей?
Часто при пенье его и волк за овцою не гнался,
Часто, от волка бежав, бег прекращала овца,
Часто под сенью одной и собаки и зайцы лежали,
Часто была на скале рядом со львицею лань.
Бросив все сплетни свои, с Палладиной птицей ворона,
С коршуном вместе могла дружно голубка сидеть.
Кинфия часто твоим, Арион, восхищалася пеньем,
Будто бы это не ты вовсе, а брат ее пел.

Имя твое, Арион, Сицилия вся прославляла
И в Авзонийской земле славилась лира твоя.
В путь оттуда домой корабль Арион себе выбрал
И погрузил на него то, что искусством добыл.
Верно, несчастный, тебя пугали и ветры и волны,
Но оказалось тебе море верней корабля.
Вот уже кормчий стоит, обнаженным мечом угрожая,
И соучастников с ним вооружилась толпа.
Кормчий, зачем тебе меч? Кораблем управляй ненадежным;
Разве такая твоим пальцам доверена снасть?
Страха не зная, певец говорит: «Не боюся я смерти,
Но разрешите вы мне тронуть кифару и спеть».
Все согласились, смеясь. Тогда он венок надевает,
Что и твоим бы, о Феб, мог подойти волосам;
Длинный плащ он надел, окрашенный пурпуром тирским,
И зазвучала струна, тронута пальцем его.
Слезным напевом он пел, подобно как острой стрелою
Лебедь пронзенный в висок кличет последнюю песнь.
Тотчас, наряда не сняв, он прыгает прямо в пучину:
Всю орошают корму синие брызги воды.
Тут-то (возможно ль?) дельфин изогнутой круто спиною
Необычайную вдруг ношу принял на себя.
Он же, с кифарою сидя на нем, в награду за помощь
Снова поет и своей песней смягчает волну.
Боги благое следят. Юпитер дельфина возносит
В небо и девять ему звезд в награжденье дает.

5 февраля. Ноны

Мне бы твоей обладать и тысячью звуков, и грудью,
Коими ты, Меонид, встарь Ахиллеса воспел,
Раз, чередуя стихи, пою я священные ноны,
День, что великий почет фастам собой придает.
Дух мой слабеет, и мне не по силам эта задача:
Славить приходится мне этот особенно день.
Ну не безумно ль на стих элегический тяжесть такую
Мне возлагать? Нужен здесь лишь героический стих.
Отче отчизны святой, народ и сенат тебе имя
Это дает и даем, всадники, также и мы.

Был таковым по делам ты и раньше, а назван позднее
Именем этим. Отцом был ты для мира давно.
Так величают тебя на земле, как Юпитера в горнем
Небе: ты людям отец, он же — небесным богам.
Ромул, ему уступи: это он неприступными сделал
Стены, которые Рем мог и прыжком одолеть.
Татия ты покорил, Куры малые, как и Ценину;
Риму при нашем вожде солнце сияет везде.
Ты, уж не знаю какой, обладал неприметной земелькой,—
Всем, что под небом лежит, Цезарь владеет теперь.
Ты похититель,— а он целомудрия жен охранитель;
Ты нечестивцев спасал,— искореняет он зло;
Ты за насилье стоял,— соблюдает Цезарь законы;
Ты над отчизной царил,— первоначальствует он.
Рем обвиняет тебя, а он и врагов извиняет,
Бог ты по воле отца, богом он сделал отца.

Но уж идейский юнец показался до пояса в небе
И проливает теперь смешанный с нектаром дождь.
Вот уже тот, кого бил, бывало, северный ветер,
Радостен: веет на нас с запада мягкий Зефир.

6—10 февраля

Пять уже дней Люцифер над морской загорается гладью:
Скоро должно наступить время весеннее вновь.
Все-таки не обманись: холода не ушли, не уходят,
И уходящей зимы знаки не скоро пройдут.

12 февраля

Третья ночь подойдет: ты узришь, что Медведицы Сторож
Без промедленья свои вытянул обе ноги.
Между гамадриад у Дианы-лучницы в сонме
Хора святого ее нимфа была Каллисто.
Лука богини она, рукою коснувшись, сказала:
«Девственности моей будь ты свидетелем, лук».
Клятву одобрив ее, сказала Кинфия: «Твердо
Клятвы держись и моей главною спутницей будь».

Клятву сдержала б она, да была красота ей помехой;
Смертных не знала — в соблазн вводит Юпитер ее.
Феба, на диких зверей наохотясь в лесу, возвращалась
В пору полдневной жары или уже ввечеру.
Только лишь в рощу вошла (а в роще под сенью дубовой
Был глубокий ручей, свежей текущий водой),—
«Здесь, говорит, в лесу окунемся, Тегейская дева!»
Вспыхнула тут Каллисто, девы название вняв.
Феба и нимф позвала, снимают нимфы одежды,
Эта же ждет и стыдом тайну свою выдает:
А как рубашку сняла, полнота несомненная чрева
Тотчас являет сама тайное бремя свое.
«Клятвопреступная дочь Ликаона! — сказала богиня,—
Прочь из сходбища дев, чистой воды не скверни!»
Десять раз месяц свои рога смыкал в полнолунье,
Как обратилась дотоль слывшая девою в мать.
В ярость Юнона пришла и меняет облик несчастной
(Можно ли так? Ведь она не по любви отдалась!)
И восклицает, увидев соперницу в образе зверя:
«Пусть теперь обнимать будет Юпитер ее!»
Та, что недавно была Юпитеру вышнему милой,
Грязной медведицей став, бродит по диким горам.
Шел уж шестнадцатый год ребенку, зачатому втайне,
Как повстречалася мать с первенцем-сыном родным.
Словно узнавши его, она, обезумевши, стала
И завопила, и вой был материнским ее.
Юноша тут же ее пронзил бы дротиком острым,
Коль не восхитили б их в сферы всевышних богов.
Рядом созвездья горят: Медведицей мы называем
Ближнее, вслед же за ней Сторож блистает ее.
Но не смягчилась Юнона и Тефию просит седую
Не допускать до своих синих Медведицу вод.

13 февраля. Иды. Фавналии

Сельского Фавна дымят алтари в наступившие иды
Там, где теченье реки остров у нас разделил.
В сей знаменательный день под напором оружья вейентов
Триста шесть Фабиев враз пали в кровавом бою.

Бремя защиты и груз правления Городом принял
Дом лишь один, и взялись родичи все за мечи.
Вышли все, как один, родовитые воины вместе.
Каждый годился б из них стать предводителем всех.
Есть тропа от ворот Карменты у Януса храма;
Нет тут пути никому: эти закляты врата.
Здесь, как молва говорит, все триста Фабиев вышли:
Нет на воротах вины, только заклятье на них.
Быстрым бегом они достигли потока Кремеры
(Хищно катила она бурные воды свои).
Лагерь устроили там и, мечи обнажив, устремились,
Марсом объятые, в бой, войско тирренцев громить,—
Истинно так свирепые львы ливийских ущелий
Мчатся на стадо, и врозь гонят его по полям.
Все разбежались враги, получая позорные раны
В спины: краснеет земля тускскою кровью кругом.
Всюду враги сражены. Где открыто на битвенном поле
Им победить не дано, скрытно готовятся в бой.
Поле там было, пределы его окружились холмами
В чаще леса густой, полной свирепых зверей.
Малую рать и обоз посредине враги оставляют,
А остальные в кустах прячутся чащи лесной.
Тут словно бурный поток, напоенный водой дождевою
Или же снегом, какой теплый Зефир растопил,
Льется везде по полям и дорогам и в новом теченье
Мчится, не зная границ и позабыв берега,
Так же и Фабии все, разбежавшися, дол покрывают,
Что только видят, крушат, всякий отбросивши страх.
Что с вами, доблестный род? Врагам не верьте коварным!
Честная знать, берегись и вероломству не верь!
Доблесть осилил обман: отовсюду в открытое поле
Бросились толпы врагов и окружили бойцов.
Как вам, немногие, быть против стольких вражеских тысяч?
Что в неминучей беде можно теперь предпринять?
Так же, как дикий кабан, в лаврентских загнанный чащах,
Молниеносным клыком прочь разгоняет собак,
Хоть погибает и сам,— так гибнут, насытившись местью,
Воины все, за удар сами удар нанося.
День этот Фабиев всех послал на воинственный подвиг —
Посланным гибель судил день этот Фабиям всем.

Чтобы, однако, не все Геркулесово сгинуло семя,—
    Видно, заботило то даже и самых богов,
Только младенец один, еще не способный сражаться,
    Был живым сохранен Фабиев роду тогда.
Это случилось, чтоб мог на свет появиться ты, Максим,
    И выжиданьем своим мог государство спасти.

14 февраля

Вместе друг с другом горят созвездия — Ворон со Змеем,
    А между ними еще Чаши созвездье лежит.
В иды они не видны; после ид они ночью восходят,
    А почему им втроем надо являться, спою.
Как-то Юпитеру Феб готовился празднество справить
    (Будет недолог рассказ, я уверяю тебя).
«Птица моя,— он сказал,— ты лети, не задерживай праздник,
    И принеси поскорей струйку живой мне воды».
Ворон кривыми схватил золоченую чашу когтями
    И высоко поднялся, правя по воздуху путь.
Всю недозрелых плодов увидел он полную фигу,
    Клюнул он их, но плоды зелены были еще.
Тут, говорят, он присел под фигой, приказ позабывши,
    И подождать он решил зрелости сладких плодов.
Вдоволь наевшись, схватил он змея в черные когти,
    А господину такой выдумал вздорный рассказ:
«Вот кто меня задержал: он, хранитель воды животворной,
    Не дал мне к ней подлететь, не дал исполнить приказ».
«Множишь ты,— Феб говорит,— вину свою ложью и, видно,
    Вещего бога своим вздором желаешь надуть?
Знай, пока будет висеть на дереве сочная смоква,
    Не приведется себе свежей напиться воды».
Так он сказал и навек, как в память этого дела,
    Ворон, Чаша и Змей вместе на небе блестят.

15 февраля. Луперкалии

Третья заря после ид обнажившихся видит луперков,
    Фавна двурогого тут священнодействием чтят.
Праздника этого чин поведайте мне, Пиэриды,
    Как, из каких он краев в наши проникнул дома?

Пана, хранителя стад, почитали в Аркадии древней,
Он появляется там часто на горных хребтах.
Видит Фолоя его, его знают Стимфальские воды,
Так же как быстрый с горы в море бегущий Ладон,
Горы в сосновых лесах, окружающих город Нонакру,
Выси Киллены-горы, средь Паррасийских снегов.
Пан был скота божеством, Пан был там коней покровитель,
Пан и дары получал за охраненье овец.
Этих богов из лесов привел Эвандр за собою;
Где теперь город стоит, вместо него был пустырь.
Здесь-то мы бога и чтим, и праздника древних пеласгов
Чин стародавний досель фламин Юпитера чтит.
Но почему же бегут? И зачем (если надобно бегать),
Спросишь ты, надо бежать, скинув одежду свою?
Резвый бог пробегать сам любит по горным вершинам,
Любит внезапно для всех бег свой стремглав начинать;
Голый бог нагишом бежать своих слуг заставляет,
Чтобы одежда на них им не мешала бежать.
Не был еще и Юпитер рожден, и луна не являлась,
А уж аркадский народ жил на Аркадской земле.
Жили они как зверье и работать еще не умели:
Грубым был этот люд и неискусным еще.
Домом была им листва, вместо хлеба питались травою,
Нектаром был им глоток черпнутой горстью воды.
Вол не пыхтел, ведя борозду сошником искривленным,
И никакою землей пахарь у них не владел.
Не применяли коней никогда, а двигались сами,
Овцы, бродя по лугам, собственным грелись руном.
Жили под небом открытым они, а нагими телами
Были готовы сносить ливни, и ветер, и зной.
Напоминают о том нам теперь обнаженные люди
И о старинных они нравах минувших гласят.

А почему этот Фавн особливо не любит одежды,
Это тебе объяснит древний забавный рассказ.
В юности как-то герой тиринфский шел с госпожою;
Фавн их увидел вдвоем, глядя с высокой горы,
И, разгоревшись, сказал: «Убирайтесь вы, горные нимфы,
Мне не до вас, а ее пламенно я полюблю».

Шла меонийка, власы благовонные с плеч распустивши,
И украшал ее грудь яркий убор золотой;
Зонтик ее золотой защищал от палящего солнца,
Зонтик, который держал мощный Амфитрионид.
К Вакховой роще она подошла, к виноградникам Тмола,
А уж на темном коне Геспер росистый скакал.
Входит царица в пещеру со сводом из туфа и пемзы,
Где у порога журчал весело свежий родник,
И, пока слуги еду и вино готовили к пиру,
В платье свое наряжать стала Алкида она.
Туникой тонкою он, в гетульский окрашенной пурпур,
Был облачен и надел пояс царицы своей.
Не по его животу был пояс, а туника жала;
Все разымал он узлы толстыми мышцами рук.
Он и браслеты сломал, они были ему слишком узки,
И под ступнями его тонкая обувь рвалась.
Ей же дубина его достается и львиная шкура,
Ей достается колчан, легкими стрелами полн.
Так и пируют они, а после того засыпают
Порознь, но ложа свои рядышком стелют себе,
Чтобы достойно почтить создателя лоз виноградных
В праздник и чистыми быть при наступлении дня.
Полночь настала. На что не пойдет неуемная похоть?
В сумраке крадучись, Фавн к влажной пещере пришел
И, лишь увидел, что спит опьяненная спутников свита,
Он понадеялся тут, что господа тоже спят.
Входит, туда и сюда пробираяся, дерзкий любовник,
И осторожной рукой щупает, что впереди.
Вот подошел наконец он к желанным покровам постели
И обнадежил его первый сначала успех.
Но лишь дотронулся он до желтой щетинистой львиной
Шкуры, как, обомлев, руку отдернул назад.
Страхом объятый, шарахнулся прочь, как путник, увидев,
Что наступил на змею, ногу отдернуть спешит.
После же щупает он покрывала соседнего ложа
Мягкие, это его и завлекает в обман.
Всходит на эту постель, расправляет на ней свое тело
И напрягает, как рог, страстную жилу свою.
Вот задирает и тунику он с лежащего тела,
Но оказались под ней ноги в густых волосах.

Дальше полез он, но тут герой тиринфский ударом
Сбросил его, он упал с ложа высокого вниз,
Грохот раздался, рабы всполошились, царица-лидянка
Требует света, и все факелом освещено.
Фавн вопит, тяжело свалившись с высокого ложа,
Еле он тело свое поднял с холодной земли.
Расхохотался Алкид, увидя, как он растянулся,
Расхохоталась и та, ради которой он шел.
Платьем обманутый бог невзлюбил обманного платья,
Вот и зовет он теперь к празднеству голый народ.

Но к иноземным прибавь и латинские, Муза, причины,
Чтобы мой конь поскакал дальше в родимой пыли.
Как полагалось, козу козлоногому резали Фавну
И приглашенных на пир скромный толпа собралась.
Тут, покамест жрецы потроха натыкают на прутья
Ивы, готовя еду, солнце к полудню пришло.
Ромул, и брат его с ним, и все пастухи молодые
В поле на солнца лучах были тогда нагишом,
И состязалися там в кулачном бою, и метали
Копья и камни, смотря, чьи были руки сильней.
Сверху пастух закричал: «По окольным дорогам, смотрите,—
Где вы, Ромул и Рем! — воры погнали ваш скот!»
Не до оружия тут; они врозь разбежались в погоню,
И, налетев на врага, Рем отбивает бычков.
Лишь он вернулся, берет с вертелов он шипящее мясо
И говорит: «Это все лишь победитель поест».
Сказано — сделано. С ним и Фабии. А неудачник
Ромул лишь кости нашел на опустелых столах.
Он усмехнулся, хотя огорчен был, что Фабии с Ремом
Верх одержали в борьбе, а не Квинтилии с ним.
Память осталась о том; вот и мчат бегуны без одежды,
И об успешной борьбе слава доселе живет.

Спросишь, откуда идет название места Луперкаль
И отчего по нему назван и праздничный день?
Сильвией дети на свет рождены были, жрицею Весты,
Богу, а в Альбе тогда царствовал дядя ее.
Царь повелел в реке утопить обоих младенцев.
Что ты, безумец! Из них Ромулом станет один.

Скорбный исполнить приказ отправляются нехотя слуги,
Плачут они, близнецов в гибели место неся.
Альбула та, что потом по утопшему в ней Тиберину
Тибром была названа, вздулась от зимних дождей:
Где теперь форумы, где Большого цирка долина,
Там, как увидел бы ты, плавали лодки тогда.
Лишь туда слуги пришли, а пройти нельзя было дальше,
Тотчас, взглянув на детей, так восклицает один:
«О, как похожи они друг на друга! Как оба прекрасны!
Все же, однако, из них будет один посильней.
Если порода видна по лицу, то, коль нет в нем обмана,
Думаю я, что в одном некий скрывается бог.
Если же вас породил какой-нибудь бог, то, наверно,
В этот отчаянный час он к вам на помощь придет.
Мать к вам на помощь пришла б, да сама ведь без помощи стонет,
Матерью став и своих тут же утратив детей.
Вместе вы родились и вместе вы на смерть идете,
Вместе тоните!» Сказал и положил близнецов.
Оба заныли они, как будто все поняли оба.
Слезы текли по щекам у возвратившихся слуг.
Полый ковчег с детьми речная вода поддержала.
О, каковую судьбу крыл этот жалкий челнок!
В тине застрявший ковчег, к дремучему лесу прибитый,
При убывавшей воде сел потихоньку на мель.
Было там дерево, пень которого цел и доселе:
Румина это, она Ромула фигой была.
С выменем полным пришла к близнецам несчастным волчица:
Чудо? Как мог дикий зверь не повредить малышам?
Не повредить, это что! Помогла и вскормила волчица
Тех, кто родными на смерть верную был обречен.
Остановилась она и хвостом завиляла младенцам,
Нежно своим языком их облизавши тела.
Видно в них Марса сынов: они тянутся к вымени смело
Оба, сосут молоко, что назначалось не им.
Лупа-волчица дала месту этому имя Луперкаль:
Мамке в великую честь было ее молоко.
(А по Аркадской горе запретно ль назвать нам луперков?
Ведь и в Аркадии есть Фавна Ликейского храм!)

Ждешь ты чего, молодая жена? Не помогут ни зелья,
Ни волшебство, ни мольбы тайные матерью стать;
Но терпеливо прими плодоносной удары десницы,—
Имя желанное «дед» скоро получит твой тесть.
Было ведь некогда так, что редко женам случалось
В чреве своем ощутить брачный супругу залог.
«Что мне в том,— Ромул вскричал,— что похитили мы сабинянок,—
(Ромул в те времена скипетром царским владел),—
Если насилье мое войну, а не силы дало мне?
Лучше уж было б совсем нам этих снох не иметь».
Под Эсквилинским холмом нерушимая долгие годы,
Свято хранимая там, роща Юноны была.
Только туда пришли совместно жены с мужьями,
Только склонились они, став на колени в мольбе,
Как зашумели в лесу внезапно вершины деревьев
И, к изумлению всех, голос богини сказал:
«Да воплотится козел священный в матрон италийских!»
Замерли все, услыхав этот таинственный зов.
Авгур там был (но имя его давно позабыто,
Он из Этрусской земли — прибыл изгнанником в Рим),
Он закалает козла, а женщины все по приказу
Клочьями кожи его дали себя ударять,
А как в десятый черед обновил рога свои месяц —
Каждый муж стал отцом, матерью стала жена.
Слава Луцине! Она святую прославила рощу,
Где она каждой жене матерью стать помогла.
Милостиво пощади беременных жен ты, Луцина,
И безболезненно в срок дай им детей приносить.

В день наступающий ты отнюдь не надейся на ветры,
Ведь дуновению их вовсе нельзя доверять:
Непостоянны они, шесть дней без всяких запоров
Настежь Эола тюрьмы им отворяется дверь.
Легкий уже Водолей закатился с наклонною урной,
Следом за ним принимай, Рыба, небесных коней.
Ты, говорят, и твой брат (ибо вы сверкаете вместе
В небе) двоих на спине переносили богов.
Некогда, в страхе бежав от злодея Тифона, Диона,
В день как Юпитер вступил в бой за свои небеса,

К водам Евфрата придя с младенцем своим Купидоном,
У палестинской реки села на берег она.
Тополи там и камыш покрывали края побережья,
И, понадеясь на них, скрылась она в ивняке.
Ветер тут зашумел по роще; она испугалась
И побледнела, решив, что подступают враги.
Сжавши в объятьях дитя, она закричала: «Бегите,
Нимфы, на помощь ко мне, двух вы спасите богов!»
Прыгнула в реку — и тут близнецы их подняли рыбы:
Обе за это они звездами быть почтены.
С этой поры сирийский народ нечестивым считает
Рыбу вкушать и ее в рот никогда не берет.

17 февраля. Квириналии. Форнакалии

Завтрашний день никому не отдан, но третий — Квирину:
Ромулом ранее был, кто именуется так,
Иль потому, что копье встарь звали сабиняне «курис»,
И по нему в небесах звался воинственный бог,
Иль что царя своего этим именем звали квириты,
Или что с Римской землей Куры он соединил.
Ибо воитель-отец, взглянув на сыновние стены
Да и на множество всех конченных Ромулом войн,
Молвил: «Юпитер, теперь многосильно могущество Рима
И не нуждается он в отпрыске больше моем.
Сына отцу возврати! Хоть один и похищен убийством,—
Будет другой за себя мне и за Рема теперь.
Будет один, кого ты вознесешь на лазурное небо,—
Как ты изрек, а слова ведь нерушимы твои!»
Тут же Юпитер кивнул. От кивка его дрогнули оба
Полюса и задрожал с ношей небесной Атлант.
Место есть, что в старину называлось Козье Болото;
Как-то случилось, что там, Ромул, судил ты народ.
Спряталось солнце, и все облаками закрылося небо,
И полился проливной ливень тяжелый из туч.
Гром гремит, все бегут, небо, треснув, сверкает огнями:
И на отцовских конях взносится царь в небеса.
Скорбь наступила, отцов обвиняют облыжно в убийстве;
Так и решили бы все, кабы не случай один.
Прокул Юлий однажды из города шел Альбы Лонги,
Ярко светила луна, факел тут был ни к чему.

Вдруг неожиданно вся задрожала слева ограда;
Он отшатнулся и встал, волосы дыбом взвились,
Чудный, превыше людей, облаченный царской трабеей
Ромул явился ему, став посредине пути,
И произнес: «Запрети предаваться скорби квиритам,
Да не сквернят моего плачем они божества.
Пусть благовонья несут, чтя нового бога Квирина,
Помня всегда о своем деле — веденье войны».
Так повелел и от глаз сокрылся он в воздухе легком;
Прокул сзывает народ и объявляет приказ.
Богу возводится храм, его именем холм называют,
И учреждаются тут праздника отчего дни.

«Но почему ж этот день Глупцов также праздником назван?»
Слушай. Причины тому вздорны, но все-таки есть.
Не было в древности здесь привычных к сохе землепашцев:
Сила и ловкость мужей тратилась в ратном труде.
Больше хвалили за меч, чем за плуг с искривленной рассохой,
С пренебреженных полей мало сбирали плодов.
Сеяли полбу в те давние дни и полбу косили,
В жертву Церере неся первый ее урожай.
Пользу узнавши огня, они стали поджаривать полбу
И по своей же вине много наделали бед.
Ибо наместо зерна золу они полбы сметали
И поджигали порой хижины сами свои.
Стала богиней их печь — Форнака, Форнаку молили
Люди о том, чтоб она не выжигала зерна.
Главный теперь курион Форнакалии провозглашает
В разное время, а дня точного празднику нет;
И на висящих везде по форуму многих таблицах
Каждая курия свой видит особый значок.
Но из народа глупцы своих собственных курий не знают
И до последнего дня праздника этого ждут.

21 февраля. Ф е р а л и и

Честь и могилам дана. Ублажайте отчие души
И небольшие дары ставьте на пепел костров!
Маны немногого ждут: они ценят почтение выше
Пышных даров. Божества Стикса отнюдь не жадны.

Рады они черепкам, увитым скромным веночком,
Горсточке малой зерна, соли крупинке одной,
Хлеба кусочку в вине, лепесткам цветущих фиалок:
Все это брось в черепке посередине дорог.
Можно и большее дать, но и этим ты тени умолишь,
И помолись ты еще у погребальных костров.
Этот обычай введен был благочестивым Энеем
В землях твоих в старину, гостеприимный Латин.
Духу отца приносил Эней ежегодные жертвы:
С этой поры и пошел сей благочестный обряд.
Некогда, впрочем, пока велись упорные войны
Долгие, был позабыт день почитанья отцов.
Но наказанье пришло: говорят, что за это несчастье
Рим раскалился огнем от пригородных костров.
Трудно поверить, но будто тогда из могил появились
Предки и стали стенать, плача в ночной темноте,
А по дорогам везде городским и полям завывали
Толпы бесплотных теней и ужасающих душ.
Как только стали опять воздавать почитание мертвым,—
Нет ни чудес никаких, ни мертвецов из могил.
Но в поминальные дни вы не думайте, вдовы, о браках,
Факел сосновый пускай чистых уж дней подождет.
Да и тебе, хоть твоей ты и кажешься матери зрелой,
Пусть не расчешет копье гнутое девичьих кос.
Светочи спрячь ты свои, Гименей, и от мрачных огней их
Скрой! Уныло огни при погребеньях горят.
Боги таятся пускай за дверями закрытыми храмов,
Пусть фимиам не дымит и не горят очаги.
Легкие души теперь и тела погребенных в могилах
Бродят, и тени едят яства с гробниц и могил.
Так продолжаться должно не долее дней, что осталось
В месяце: в наших стихах столько же числится стоп.
День последний из них Фералий название носит:
Манам в последний раз в этот мы молимся день.

Тут среди жен молодых многолетняя сидя старуха,
Таците служит немой, но не немая сама.
Ладан кладет под порог, тремя его пальцами взявши,
Там, где мышонок прогрыз ход потаенный себе;

Темный вяжет свинец тройною заклятою ниткой
    И у себя во рту вертит семь черных бобов;
Жарит потом на огне зашитую голову рыбки,
    Что залепила смолой, медной иглой проколов;
Льет вино, нашептав, а остаток его выпивают
    Или сама, иль ее спутницы, больше сама.
«Мы оплели языки и рты враждебные крепко!» —
    Старица так говорит пьяная, вон выходя.
Спросишь ты, верно, меня, кто же эта богиня немая?
    Слушай же, что услыхал сам я от старых людей.
Неукротимой к Ютурне любовью объятый Юпитер
    Вытерпел то, что стерпеть богу такому нельзя:
То среди леса она в орешнике пряталась частом,
    То она, в воду нырнув, к сестрам скрывалась своим.
Он созывает всех нимф, которые в Лации жили,
    И таковые слова хору их он говорит:
«Ваша сестра сама себе враг, раз она отвергает
    Высшего бога любовь, не отдаваясь ему.
Мне помогите и ей: ведь то, что мне будет усладой,
    Страстно желанною, то будет на радость и ей.
Берега вы на краю удержите, прошу я, беглянку,
    Чтобы она не могла в воду речную нырнуть».
Так он сказал, и его послушались тибрские нимфы
    Все, что твой брачный чертог, Илия, верно блюдут.
Но среди них оказалась одна, по имени Лала,
    Что за болтливость свою также Болтуньей звалась:
В этом ее был порок· Частенько Альмон говорил ей:
    «Дочь, придержи свой язык»,— но не сдержалась она.
Только она подошла ко пруду Ютурны-сестрицы,
    Как закричала: «Беги!», бога слова рассказав.
После к Юноне она подошла, участь жен пожалела
    И говорит ей: «Твой муж в нимфу Ютурну влюблен».
В ярость Юпитер пришел и тотчас у нимфы нескромной
    Вырвал язык, приказав строго Меркурию так:
«К манам ее отведи: для немых там пригодное место.
    Нимфа, да будет она нимфой подземных болот!»
Отдал Юпитер приказ. Она входит с Меркурием в рощу,
    Здесь предводитель ее чувствует к пленнице страсть,

Хочет он ей овладеть, она взглядом его умоляет,—
Тщетно: немые уста ей не дают говорить.
Матерью став, близнецов родила, что блюдут перекрестки,
Град охраняя у нас: Ларами стали они.

22 февраля. Каристии

День Каристий идет затем: для родных это праздник,
И собирается тут к отчим семейство богам.
Память усопших почтив и родных посетивши могилы,
Радостно будет к живым взоры свои обратить
И посмотреть, сколько их после всех умерших осталось,
Пересчитать всю семью, весь сохранившийся род.
Лишь безупречные пусть приходят, преступным нет места:
Братьям и матерям, злым и жестоким к родне,
Тем, для которых отец или мать зажились слишком долго,
Как и свекровям, своих зло донимающим снох.
Внуков Тантала пускай и супруги Ясона не будет
Так же, как той, что дала жженых селянам семян,
Прокны с сестрою ее и Терея, что мучил обеих,
Как и того, кто богат стал незаконным путем.
Ладан курите семейным богам! Согласье ведь должно
В этот особенно день кротко и мирно хранить.
И учреждайте пиры вы в честь подпоясанных Ларов,
Ставьте тарелку для них — почести знак и любви.
А уж как влажная ночь к спокойному сну призовет вас,
Чашу наполнив вином, вы помолитесь тогда:
«Пьем за себя и тебя, отец отечества, Цезарь!»
И возливайте вино с этой молитвою все.

23 февраля. Терминалии

Ночь миновала, и вот восславляем мы бога, который
Обозначает своим знаком границы полей.
Термин, камень ли ты иль ствол дерева, вкопанный в поле,
Обожествлен ты давно предками нашими был.
С той и другой стороны тебя два господина венчают,
По два тебе пирога, по два приносят венка,

Ставят алтарь; и сюда огонь в черепке поселянка,
С теплого взяв очага, собственноручно несет.
Колет дрова старик, кладет их в поленницу ловко
И укрепляет с трудом ветками в твердой земле.
После сухою корой разжигает он первое пламя;
Мальчик стоит и в своих держит корзины руках.
После того как в огонь он бросит три горстки пшеницы,
Дочка-девчонка дает сотов медовых куски.
Прочие держат вино, выливают по чашке на пламя,
В белых одеждах они смотрят и чинно молчат.
Общего Термина тут орошают кровью ягненка
Иль сосунка свиньи, Термин и этому рад.
Попросту празднуют все, и пируют соседи все вместе,
И прославляют тебя песнями, Термин святой!
Грань ты народам, и грань городам, и великим державам,
А без тебя бы везде спорными были поля.
Ты не пристрастен ничуть, и золотом ты неподкупен,
И по закону всегда сельские межи блюдешь.
Если бы некогда ты отграничил Фирейские земли,
Триста мужей не могли там бы убитыми лечь;
Надписи не было б там на трофее в честь Офриада.
О, сколько крови пролил он за отчизну свою!
Что же случилось, когда Капитолий строили новый?
Все тут боги ушли, место Юпитеру дав,
Термин же, как говорят старинные были, остался
В храме стоять и стоит вместе с Юпитером там.
Да и теперь, чтоб ничто, кроме звезд, ему не было видно,
В храмовой крыше пробит маленький в небо проем.
Термин, сокрыться тебе теперь от нас невозможно:
Там, где поставлен ты был, там ты и стой навсегда.
Не уступай ни на шаг никакому захватчику места
И человеку не дай выше Юпитера стать;
Если же сдвинут тебя или плугом, или мотыгой,
Ты возопи: «Вот твое поле, а это его!»
Есть дорога, народ ведущая в земли лаврентов,
В царство, какого искал некогда древний Эней:
Там у шестого столба тебе, порубежный, приносят
Внутренности скота, шерстью покрытого, в дар.
Земли народов других ограничены твердым пределом;
Риму предельная грань та же, что миру дана.

24 февраля. Изгнание царя

Надо теперь рассказать об изгнанье царя: по нему ведь
Назван шестой от конца месяца этого день.
Был последним царем над римским народом Тарквиний,
Несправедливым царем, мощным, однако, в бою.
Брал он одни города, другие вконец разорял он,
А чтобы Габии взять, не постыдился коварств.
Младший из трех сыновей, настоящий Гордого отпрыск,
Тихою ночью вошел в самую гущу врагов.
Те обнажили мечи. «Безоружного, молвил, убейте!
Братья желают того, да и Тарквиний-отец:
Бил он жестоко меня, бичами мне спину терзая...»
(Да, чтобы это сказать, он и удары стерпел!)
Месяц сиял. Мечи влагают воины в ножны
И под одеждой юнца видят следы от бичей.
Плачут и просят его идти вместе с ними сражаться;
С просьбой наивною их хитрый согласен юнец.
Всем доверье внушив, он друга к отцу посылает,
Чтобы ему показать к взятию Габиев путь.
Сад был внизу, где росли из посева душистые травы,
И орошал его ток тихо журчащей воды.
Тайное там получил Тарквиний от сына посланье
И поломал он жезлом верхние лилий цветы.
Только лишь вестник сказал, вернувшись, о лилиях сбитых —
Сын: «Понимаю приказ отчий!» — сейчас же сказал.
Тотчас он перебил верховных начальников Габий,
И городская стена пала, лишившись вождей.
Тут (о ужас!) змея, посреди алтарей появившись,
Выползла и пожрала жертву с потухших огней.
Феба спросили, и вот прорицание было: «Кто первый
Мать поцелует, тому и победителем быть».
Бросились все к матерям, целовать их стали поспешно,
Веруя богу, но слов не понимая его.
Мудрый же Брут дурачком притворился, чтоб невредимым
Козней твоих избежать, о кровожадный гордец!
Он распростерся ничком, мать-землю он тронул устами,—
Всем же казалось, что он просто, споткнувшись, упал.
Между тем окружать Ардею римляне стали,
Терпит осады она тяжкий и длительный гнет.

А пока время идет и враги выжидают и медлят,
В лагере игры идут, праздно скучают войска.
Юный царевич Тарквиний за стол и к вину собирает
Всех боевых друзей и обращается к ним:
«Други, пока нас томит затяжная война под Ардеей
И не дает отнести к отчим оружье богам,
Верно ль блюдутся, спрошу, наши брачные ложа? И правда ль
Дороги женам мужья, так же как жены мужьям?»
Каждый хвалит свою, разгораются страсти сильнее,
И распаляет вино и языки и сердца.
Тут поднимается тот, кто именем горд Коллатина.
«Нечего тратить слова, верьте делам!» — говорит.
«Ночь еще не прошла: на коней! Поскачемте в город!»
Это по сердцу: своих все повзнуздали коней
И поскакали. Спешат достичь дворца поскорее;
Стражи вокруг никакой; входят они во дворец;
Вот перед ними невестка царя — с венками на шее,
Перед вином, во хмелю ночь коротает она.
После спешат к Лукреции в дом: ее видят за прялкой,
А на постели ее мягкая шерсть в коробах.
Там, при огне небольшом, свой урок выпрядали служанки,
И поощряла рабынь голосом нежным она:
«Девушки, девушки, надо скорей послать господину
Плащ, для которого шерсть нашей прядется рукой!
Что же там слышно у вас? Новостей ведь вы слышите больше:
Долго ли будет еще эта тянуться война?
Ты же ведь сдаться должна, Ардея: противишься лучшим,
Дерзкая! Нашим мужьям отдыха ты не даешь.
Только б вернулись они! Ведь мой-то не в меру отважен
И с обнаженным мечом мчит на любую беду.
Я без ума, я всегда обмираю, как только представлю
Битвы картину, дрожу, холодом скована грудь!»
Тут она, вся в слезах, натягивать бросила нитку
И опустила свое в складки подола лицо.
Все было в ней хорошо, хороши были скромные слезы
И красотою лицо не уступало душе.
«Брось волноваться, я здесь!» — супруг говорит; и, очнувшись,
К мужу на шею она бросилась, сладко припав.
Юный царевич меж тем, огнем безумья объятый,
Весь запылал и с ума чуть от любви не сошел.

Станом ее он пленен, белизной, золотою косою
И красотою ее, вовсе без всяких прикрас.
Мил ему голос ее и все, что ему недоступно,
И чем надежды его меньше, тем больше любовь.
Вот уж запел и петух, провозвестник зари и рассвета,
Вновь молодые спешат воины в битвенный стан.
Нет ее больше, но он все видит ее пред собою
И, вспоминая о ней, любит сильней и сильней:
«Вот она села, вот вижу убор ее, вижу за прялкой,
Вот без прически лежат косы на шее у ней,
Вижу я облик ее и слова ее ясно я слышу,
Вот ее взгляд, вот лицо, вот и улыбка ее».
Как утихает волна, утомившись от сильного ветра,
Но, только ветер затих, снова вспухает она,
Так, хотя нет перед ним любимого образа милой,
Все ж не стихает его к этому образу страсть.
Весь он горит, его грешной любви подгоняют стрекала:
Ложе невинное пусть сила иль хитрость возьмет!
«Спорен успешный исход; но будь что будет! — сказал он,—
Случай или же бог смелым подмога в делах.
Смелость и в Габии нас привела недавно!» Воскликнул
И, опоясавши меч, гонит вперед он коня.
В медью обитую дверь Коллатии юноша входит
В час, когда солнце уже было готово зайти.
Враг шагает, как друг. В покои вождя Коллатина
Гостеприимно его приняли: это родной.
Как ошибиться легко! Ничего не подозревая,
Бедная есть подает дома хозяйка врагу.
Ужин окончен: давно пора и о сне бы подумать.
Ночь наступила, нигде нет во всем доме огня.
Он поднялся, из ножен золоченых меч вынимает
И в почивальню твою, верная, входит, жена.
Ложа коснувшись, он к ней: «Лукреция, меч мой со мною.
Я — Тарквиния сын; слышишь ты эти слова?»
Та ни слова: ни сил у нее, ни голоса в горле
Нет никакого, и все мысли смешались в уме.
Но задрожала она, как дрожит позабытая в хлеве
Крошка овечка, коль к ней страшный склоняется волк.
Что же ей делать? Бороться? Жену всегда одолеют.
Крикнуть? Но меч у него тотчас же крик пресечет.

Или бежать? Но ее ведь груди ладонями сжаты,
Чуждая в первый раз к ним прикоснулась рука.
Враг влюбленный ее умоляет, клянется, грозит ей,—
Клятвы, угрозы, мольбы тронуть не могут ее.
«Борешься зря! — говорит он,— лишишься и чести и жизни.
Ложным свидетелем я мнимого буду греха:
Я уничтожу раба, с каким тебя будто застал я!»
Не устояла она, чести лишиться страшась.
Что ж, победитель, ты рад? Тебя победа погубит:
Ведь за одну только ночь царство погибло твое!

Вот уж и день: и она сидит, волоса распустивши,
Как над могильным костром сына сидит его мать.
Старого кличет отца, кличет мужа из ратного стана,—
Оба, не медля ничуть, поторопились прийти.
В горе увидев ее, спросили, по ком она плачет,
Чье погребенье? Каким горем она сражена?
Долго она молчит, от стыда закрывая одеждой
Очи; слезы ручьем, не иссякая, бегут.
Тут и отец и супруг утирают ей слезы и просят
Горе свое им открыть, плачут и в трепете ждут.
Трижды пыталась начать и трижды она умолкала,
Но наконец, опустив долу глаза, говорит:
«Видно, и этим обязана я Тарквинию горем?
Надо несчастной самой мне вам позор мой открыть?»
То, что смогла, рассказала она, но потом зарыдала,
И запылали ее чистые щеки стыдом.
Видя насилье над ней, ее муж и отец извиняют;
«Нет,— отвечает она,— нет извинения мне!»
Тотчас себе она в грудь кинжал сокровенный вонзила
И ниспроверглась в крови собственной к отчим ногам.
Но и в последний свой миг заботилась, чтобы пристойно
Рухнуть; и к чести была ей и кончина ее.
Вот и супруг и отец, невзирая на все предрассудки,
Кинулись к телу ее вместе, рыдая о ней.
Брут появляется. Вмиг свое позабывши притворство,
Из полумертвого он выхватил тела клинок
И, поднимая кинжал, благородною кровью омытый,
Им потрясает и так громко и грозно кричит:

«Этою кровью клянусь, святой и отважною кровью,
Этими манами, мной чтимыми, как божество,—
Что и Тарквиний, и весь его выводок изгнаны будут.
Слишком долго уже доблесть свою я таил!»
Тут, хоть и лежа, она приоткрыла потухшие очи,
И, как и видели все, будто кивнула она.
На погребенье несут матрону с отвагою мужа,
Слышатся речи над ней, ненависть бурно растет.
Рана открыта ее. И Брут, созывая квиритов,
Громко кричит обо всех гнусных поступках царя.
Изгнан Тарквиний со всем потомством. Годичную консул
Власть получает: сей день днем был последним царей.

26 февраля

Мы ошибаемся? Или весны предтеча, касатка,
Не убоялась, что вновь может вернуться зима?
Все же ты, Прокна, не раз пожалеешь, что поторопилась;
Муж твой, однако, Терей, рад, что ты смерзнешь теперь.

28 февраля. Эквирии

Месяц проходит второй: от него лишь две ночи осталось;
Марс погоняет коней, на колеснице летя.
Правильно назван сей день — Эквирии — конские скачки:
Смотрит на них этот бог нынче на поле своем.
Слава тебе, Градив, своевременно к нам ты приходишь:
Месяц грядущий твоим именем запечатлен.
К пристани прибыли мы: вместе с месяцем кончилась книга,
И поплывет по другой ныне челнок мой воде.

Книга третья

Воинский Марс, отложив на время и щит свой, и пику,
К нам появись и сними шлем свой с блестящих волос.
Спросишь, может быть, ты, что за дело поэту до Марса?
Именем назван твоим месяц, о коем пою.

Знаешь ты сам: хоть войной занята и Минерва бывает,
Но и свободных искусств дело в руках у нее.
Время найди отложить копье, по примеру Паллады:
И безоружному есть много забот по душе.
Был безоружным ведь ты, пленившись римскою жрицей,
Чтоб от посевов твоих город наш мощный возрос.
Сильвия, Весте служа (почему не начать бы отсюда?),
Вышла помыть поутру утварь богини в воде
И подошла по тропе к отлогому берегу речки,
Где она ставит сосуд глиняный, с темени сняв.
На землю сев отдохнуть, вдохнула открытою грудью
Ветер и поправлять волосы стала себе.
Лишь она села, ивняк тенистый, и пение птичек,
И лепетанье воды дрему навеяли ей.
Сладкий тихонько покой смежил ей усталые очи,
И с подбородка ее томно упала рука.
Марс тут ее увидал, пожелал, желанную обнял
И обладания миг силой божественной скрыл.
Сон улетел, и она на траве тяжела остается,
Ибо во чреве у ней Рима зиждитель лежал.
Томно встает и сама не знает, откуда томленье,
И, прислонившись к стволу дерева, так говорит:
«Пусть на пользу и пусть на счастье мне будет виденье
Этого сна! Или нет, это яснее, чем сон!
У илионских огней я была, когда вдруг соскользнула
Долу повязка моя перед священным огнем.
Тут одинаково две из нее, удивительно, пальмы
Выросли вдруг, и одна выше другой поднялась,
И обняла целый мир могучими тотчас ветвями,
И досягнула до звезд пышной вершиной своей.
Вот мой дядя на них заносит стальную секиру —
В ужасе я, и дрожит трепетно сердце мое.
Марсов дятел и с ним волчица, вдвоем ополчаясь,
Оберегают стволы; пальмы стоят, спасены».
Так говорила она, во время рассказа наполнив
Урну водой, и с трудом снова ее подняла.
А между тем возрастает и Рем, и Квирин возрастает:
И, округляясь, живот бремя небесное нес.
Год же своим чередом неуклонно к концу приближался:
Светлому богу в пути две оставались межи.

Сильвия ныне уж мать. Говорят, изваяние Весты
    Девственною рукой очи прикрыло свои.
Дрогнул богини алтарь, когда разродилася жрица,
    И, ужаснувшись, огонь скрылся под белой золой.
Только об этом узнал презревший право Амулий
    (Ибо у брата отбил власть он, которой владел),
Как приказал утопить близнецов. Но волна отбежала,
    И на сухом берегу дети остались лежать.
Вскормлены были они молоком, как известно, звериным,
    И постоянно еду брошенным дятел носил.
Не замолчу я тебя, Ларентия, славного рода
    Нянька, а также твоей помощи, Фавстул-бедняк.
Честь вам обоим придет, когда Ларенталии славить
    Буду я в декабре, месяце праздничном здесь.
Трижды шесть минуло лет потомству возросшему Марса,
    И пробивался пушок желтой у них бороды.
Пахарям всем и пастырям всем помогали при спорах
    Илии дети, и всем братья решали дела.
Тешились часто они кровью хищников, пролитой в чаще,
    И пригоняли назад угнанных ими коров.
Но лишь услышали, кто их родитель, они возгордились
    И недостойным сочли в хижинах званье скрывать.
На смерть острым мечом пронзил Амулия Ромул,
    И престарелому вновь деду он царство вернул.
Строятся стены теперь, но, пока они низкими были,
    Лучше бы, лучше бы Рем не перепрыгивал их!
Вот уже там, где были леса и приюты овечкам,
    Город возник; и вещал Вечного города вождь:
«Законодатель войны, от коего крови считают
    Был я рожден (и готов это стократ доказать!),
Мы именуем тебя зачинателем римского года:
    Первый же месяц в году Марсовым будет у нас!»
Сказано — сделано: назван с тех пор отчим именем месяц,—
    Честь эта, как говорят, богу угодна была.

Выше всех прочих богов почитали в древности Марса:
    Этим воинственный люд склонность к войне показал.
Чтут кекропиды Палладу, минойцы на Крите Диану,
    И почитаем Вулкан на Ипсипильской земле,

Славу Юноне поют пелопиды в Микенах и Спарте,
Фавна в сосновом венке чтут в Меналийской стране.
В Лации Марс почитаемым был, как бог всеоружный:
В бранях дикий народ видел и силу и честь.
Коль ты досуж, загляни в иноземные месяцесловы:
Месяц, наверное, в них с именем Марса найдешь.
Назвали так третий месяц альбанцы и пятый — фалиски,
А у народов твоих, Герника, это шестой.
У арицийцев же, как и в стенах Телегона высоких,
Тот же месяцев счет, как и в Альбанской земле.
А у лаврентов он пятый, десятый у эквов суровых,
Следом за третьим идет он же у жителей Кур.
А у тебя, вояка пелигнский, как у сабинов,
Месяц четвертый уж встарь богу войны посвящен.
Ромул же всех превзошел в порядке этого счета:
Года начало отцу кровному он посвятил.
Да и календ в старину не считалось столько, как нынче:
На два месяца год был покороче тогда.
Ты побежденных наук победившим еще не открыла,
Греция: хоть и речист, но трусоват твой народ.
Кто был отважен в бою, тот и сведущ был в римской науке,
Кто хорошо метал копья, тот был и речист.
Кто о Гиадах тогда, иль Плеядах Атлантовых ведал,
Иль что меж двух полюсов вертятся своды небес;
Что есть Медведицы две, из которых сидоняне правят
По Киносуре, ладьи ж греков Гелика ведет?
Или что знаки небес брат обходит в течение года,
Или что их обежит в месяц упряжка сестры?
Вольно кружились у них целый год без присмотра созвездья,
Слыли они за богов у неученых людей.
По небу знаков тогда бегущих вовсе не знали,
Людям были нужней знаки их собственных войск.
Были из сена значки; это сено они почитали,
Как почитаем твоих все мы орлов боевых.
Эти маниплы-пучки на шестах привешены были,
И на маниплы они войско делили свое.
Из-за того, что расчет незнаком был этим невеждам,
В счете теряли они за пятилетие — год.
Год их кончался, когда десять раз луна обернется:
Десять считали они самым почетным числом;

Иль потому, что у нас на руках десять пальцев для счета,
Иль что в десятом всегда месяце жены родят,
Иль что десятка у нас граница во всех исчисленьях
И начинаем опять с новой десятки мы счет.
Ромул поэтому счет ста сенаторов ввел по десяткам
И по десяткам делил пешее войско свое;
В каждом ряду войсковом он ввел такие деленья,
Конницу также свою он на десятки разбил.
Тициев, рамнов и луцеров, три изначальные трибы,
Он разделил, положив столько же в каждой частей.
Это, привычное всем, число сохранил и в году он,
В этот же срок и жена плачет о муже своем.
Не сомневайся, что встарь начальными были календы
Марса: этому ты много свидетельств найдешь.
Лавр, который весь год хранится у фламинов в доме,
Новым сменяют и чтут новый лавровый венок.
Фебовым деревом тут обвивают и царские двери,
Так же украшен в сей день в древнюю курию вход,
И, чтобы Веста в листве красовалася вечнозеленой,
Старому лавру вослед новый несут к очагам.
Мало того, и огонь обновляют на Реиных углях,
И возрожденный очаг с новою силой горит.
Также могу я сказать, что встарь, в это самое время
Наверняка учрежден Анны Перенны был культ.
В эти же самые дни, до войны с вероломным пунийцем,
В должность входили свою и магистраты у нас.
И, наконец, и «квинтиль», пятый месяц, считается также
С марта, и месяцы все счетом отсюда идут.
Первый Помпилий нашел, что двух месяцев нам не хватает,—
Тот, кто был к нам приведен прямо с масличных полей;
То ли Самосец его научил, не однажды рожденный,
То ль, по обычаю, он нимфе Эгерии внял.
Все же месяцеслов и потом был неверен, покуда
Цезарь не взял на себя труд исправленья его.
Бог этот, этот отец такого могучего рода,
Не полагал этот труд ниже других своих дел.
Ведать он небо хотел, что ему предназначено было:
Бог не желал новичком в дом незнакомый вступить.
Солнечный круговорот по двенадцати знакам небесным
Точно он рассчитал, распределив его путь.

Он к тремстам пяти дням шестьдесят еще суток добавил
Да еще пятую часть времени полного дня.
Это для года предел, а к каждому пятому году,
Чтоб довершить полноту, лишний прибавился день.

1 марта. Календы. Матроналии

«Коль допустимо певцам побуждения божии ведать,—
А, как молва говорит, это позволено им,—
То объясни мне, Градив, раз мужскими ты занят делами,
Как получилось, что твой праздник матроны блюдут?»
Так вопрошал я, и так, сняв шлем, Маворс мне ответил,
Не выпуская из рук дрот с боевым острием:
«Нынче впервые в году меня к мирным делам призывают;
Я — бог войны, и теперь в новый я лагерь иду.
Мне не досадно идти — мне любо и это: Минерве
Нечего думать, что лишь ей это право дано.
Трудолюбивый певец латинского года, узнай ты
То, что желаешь узнать, и затверди мой ответ.
Если желаешь сказать обо всем ты спервоначала,
Рим был ничтожен, но был полон великих надежд.
Стены стояли уже для грядущего тесные люда,
Хоть и казались они слишком обширными встарь.
Если ты спросишь, каков дворец был нашего сына,
На тростниковый взгляни крытый соломою дом.
Здесь на соломенной он по ночам забывался подстилке,
С этого ложа сумев богом взойти в небеса.
Римляне были тогда далеко уже по свету славны,
Но не звался среди них свекром иль мужем никто.
Бедных супругов себе не брали соседки-богачки,
И забывали, что в них тоже течет моя кровь.
Стыдно казалось и то, что живут они с овцами в стойлах
И что немного у них пахотной было земли.
С равными сходятся все: и птицы, и дикие звери,
Даже змея, чтоб родить, ищет другую змею;
И с иноземцами в брак вступать возможно, но чтобы
С римлянином заключить брак, не нашлось ни одной.
Я огорчался: «Я дал родительский нрав тебе, Ромул:
То, чего просишь, сказал, даст тебе собственный меч».

Праздника Конса канун. Что случилось, Конс тебе скажет
В день, когда и ему будешь ты песни слагать.
Куры и с ними все те, кто был оскорблен, возмутились:
В первый раз на зятьев свекры с оружьем пошли.
Много похищенных жен матерями уже называлось:
Слишком уж долго война между соседями шла.
Сходятся жены во храм, меж собой сговорившись, Юноны,
И невестка моя смело им всем говорит:
«Все одинаково мы захвачены (нечего спорить),
Но не должны забывать должного нашей семье.
Биться готовы войска: здесь муж, там отец при оружье,
Сами должны мы решить, кто нам дороже из них,
Надо ли вдовами стать, иль сиротами нам оставаться;
Если хотите, подам смелый и честный совет».
Подан был этот совет: они по плечам распустили
Волосы и, облачась в скорбное платье, стоят.
Были готовы войска и на смерть идти, и сражаться,
Ждали, чтоб голосом труб подан был битвенный знак,—
Вдруг меж отцов и мужей плененные бросились жены,
На руки взявши детей — брака бесценный залог.
До середины они добежав рокового им поля,
Пали, колени склонив, кудри раскинувши в прах,
И, точно бы по чутью, все внуки с ласковым криком
Кинулись к дедам своим ручками их обнимать:
«Дедушка»,— дети кричат, впервые дедов увидя;
Кто и кричать не умел, тех заставляли кричать.
Ярость пропала, и вот, мечи свои побросавши,
Руки зятьям подают свекры, а свекрам зятья.
Дочек ласкают отцы, а деды на щит поднимают
Внуков и этим щиту лучшую ношу дают.
Вот почему этот день, день праздника в эти календы,
Столь знаменателен стал для эбалийских матрон,
Иль потому, что они, не пугаясь мечей обнаженных,
Силою собственных слез смело пресекли войну,
Или что Илию я счастливою матерью сделал,
Жены блюдут этот день и почитают его.
В эту же пору зима наконец умеряет свой холод
И пропадают снега, тая от солнца лучей,
А на деревьях вновь разрастается свежая зелень,
И набухают опять почки на нежных ветвях,

Скрытые долго во тьме, поднимаются травы на воздух,
Тайный путь находя в почве просторных полей,
Вновь плодородна земля, и скот зарождается новый,
Птицы в сучьях дерев гнезда свивают себе.
Жены латинские чтут плодотворное время законно:
Это пора их борьбы да и мольбы за приплод.
Сверх того: там, где держал римский царь неусыпную стражу,
На Эсквилинском холме, как он зовется теперь,
Снохами был возведен латинскими храм в честь Юноны,
А заложили его в этот же, помнится, день.
Что мне тебя утомлять, исчисляя другие причины?
То, что желал ты узнать, ясно ты видишь уже.
Любит ведь жен моя мать, любят мать мою римские жены:
Вот почему эту честь мне вместе с ней воздают».
Чтите богиню цветами! Цветы желанны богине!
Нежным цветочным венком все обвивайте чело.
Так говорите: «Ты нам, Луцина, свет жизни открыла»,
Так умоляйте: «Ты нам муки родов облегчи».
А коль беременна ты, умоляй, волоса распустивши:
«Дай мне без боли родить плод мой, что я понесла».

1 марта. Шествие Салиев

Кто мне расскажет теперь, почему, Мамурия славя,
Марса божественный щит Салии с пеньем несут?
Нимфа, хранящая пруд и рощу Дианы, поведай!
Нимфа, Нумы жена, к действам твоим я пришел.
В доле Ариции есть укрытое лесом тенистым
Озеро, с древних времен бывшее местом святым.
В нем сокрыт Ипполит, вожжами растерзанный коней,—
Ныне туда никаким доступа нет лошадям.
Вдоль загородок висят, закрывая повсюду их, ленты,
И благодарность богам доски гласят со стены.
Факелы жены в венках за своих исполненье желаний
Часто приносят сюда, в городе их запалив.
Беглые царствуют здесь, предшественников убивая,
А победивший царя также бывает убит.
Ключ, еле слышно журча, каменистым руслом убегает;
Часто я пил из него, только по малым глоткам.

Воду струит Эгерия в нем, любезная Музам,
Бывшая Нуме женой и руководством ему.
Первым делом всегда готовых сражаться квиритов
Надо законом смягчить было и страхом богов.
Тут-то законы даны, чтоб сильнейший не мог своеволить
И соблюдал бы всегда дедов священный завет;
Дикость проходит, сильней оружья становится право,
Совестно биться теперь в междоусобной борьбе;
Всякий, кто зол, увидя алтарь, себя укрощает,
Полбу соленую в дар вместе с вином принося.
Вот Громовержец из туч багровым пламенем брызжет
И после бурных дождей свод осушает небес;
Чаще ни разу еще не падали молнии с неба:
В ужасе царь, у толпы страхом объяты сердца.
«Не опасайся,— царю говорит богиня,— ты молний:
Грозный Юпитер свой гнев может на милость сменить.
Пиком и Фавном тебе будет передан чин искупленья,
Оба они божества, верные Римской земле.
Но непокорны они: заключи, уловив их, в оковы».
И объясняет она, как их возможно смирить.
Под Авентином была дубовая темная роща;
Только заглянешь в нее, скажешь ты: «Здесь божество!»
Там на лугу из-под мхом зеленым обросшего камня
Тихо струился ручей вечно текущей воды.
Не пил, пожалуй, никто из него, кроме Фавна и Пика.
Нума приходит, ручью в жертву приносит овцу
И с благовонным вином он ставит полные кубки,
Сам же со свитой своей скрыться в пещеру идет.
К струям привычным туда божества лесные приходят
И утоляют свою жажду обильным вином.
Одолевает их сон; из прохладной пещеры выходит
Нума и сонные их путает руки узлом.
Только проснулись они, как сейчас же пытаются узы
Сбросить, но крепче еще бьющихся вяжут узлы.
Нума тогда говорит: «Лесные боги, простите:
Знайте, что нет никаких замыслов злых у меня;
Только откройте мне, как мне угрозы молний избегнуть?»
Нуме ж в ответ говорит Фавн, потрясая рога:
«Многого просишь, но мы открыть эти тайны не смеем;
Мы божества, но у нас все ж ограничена власть.

Боги равнин мы, и власть наша лишь до вершины доходит
Гор, а Юпитер своей молнией правит один.
Самостоятельно ты не в силах свести его с неба,
Но, может быть, и сведешь с помощью нашей его».
Фавн так сказал; таково было также и мнение Пика:
«Путы, однако, сними с нас эти,— Пик говорит.—
Будет Юпитер у нас, притянутый нашим искусством;
В этом я клясться готов Стиксом угрюмым тебе!»
Что они сделали тут и как без оков заклинали,
И как Юпитер сведен с трона небесного был,
Людям заказано знать: я пою о дозволенном только
И лишь о том, что певцу можно открыто сказать.
С неба, Юпитер, тебя они вызывают, и ныне
«Вызванным с неба» зовут при возложении жертв.
Ведомо, что сотряслись верхушки лесов Авентина
И что Юпитера гнет землю заставил осесть.
Сердце трепещет царя, ни кровинки во всем его теле,
И волоса у него дыбом встают над челом.
Только опомнился он, как воскликнул: «Подай нам от молний
Доброе средство, отец и повелитель богов,
Ежели чистой рукой тебе мы дары возлагаем,
И благочестно язык наш умоляет тебя!»
Бог благосклонно кивнул, но двусмысленной речью сокрыл он
Правду и тем напугал мужа, туманно сказав:
«Голову ты отсеки!» Но царь: «Подчинимся,— ответил,—
На огороде моем голову луку снесем!»
Бог: «Человеку!» — сказал, а царь: «Волоса его дерни!»
«Душу!» — потребовал бог, Нума ж: «Вот рыбью возьми!»
Бог, улыбнувшись, сказал: «Вот тебе и защита от молний!
С богом беседу вести, право, достоин ты, муж.
Завтра, как только свой лик нам явит полностью Кинфий,
Я обещаю твоей власти дать верный залог».
Молвил, и грома удар раздался, когда он поднялся
К небу, и бога молить Нума остался один.
Радостно царь обо всем поведал, вернувшись, квиритам,
Те же не могут никак сразу поверить ему.
«Все вы поверите мне, коль за словом последует дело,—
Царь тогда говорит,— так приготовьте же слух!
Знайте, как только свой лик нам явит завтрашний Кинфий,
Власти Юпитер моей всем нам даст верный залог».

Все, сомневаясь, ушли, обещание кажется дальним;
Хочешь не хочешь, а ждать надобно нового дня.
Заиндевела земля, орошенная свежей росою,
А у порога царя вот уж толпится народ.
Вышел царь и воссел посредине кленового трона.
Не перечислить людей, молча стоявших кругом.
Только лишь Феб на самом краю окоема явился,
Заволновалися все, страх и надежду тая.
Голову Нума покрыв белоснежным платом, поднялся,
Длани, какие богам ведомы были, воздел
И возгласил: «Наступил срок сулимого дара, Юпитер,
Дай убедиться теперь в том, что ты мне обещал».
Солнце при этих словах взошло полным кругом на небе,—
Громкий грохот потряс весь над землей небосвод:
Трижды бог прогремел и сверкнул из безоблачной выси,—
Чудо! Но я говорю правду, поверьте вы мне.
Начало небо тогда разверзаться от самого верха;
Вместе с вождем подняла очи свои вся толпа.
Вот, кружась на ветру и тихонько наземь спускаясь,
Падает щит; а из толп крики взлетают до звезд!
Царь поднимает сей дар, заклав предварительно телку,
Шея какой никогда раньше не знала ярма;
Дар этот был безупречным щитом, округлым и гладким,
Ни одного угла острого не было в нем.
Помня, что щит сей упал залогом судьбы государства,
Он хитроумно еще к мудрой уловке прибег:
Точно таких же щитов приказал он несколько сделать
Так, что нельзя отличить было бы их от него.
Эту работу он дал Мамурию. Тот был известен
Как безупречный кузнец, честностью славный своей.
Щедрый Нума сказал: «За работу требуй награды
Ты, какой хочешь, а я с радостью все оплачу!»
Салиям эти щиты, «прыгунам», были розданы,— так их
Назвали, ибо они с пляскою гимны поют.
Молвил Мамурий: «Пускай моя слава мне будет наградой,
А мое имя всегда в гимнах да будет звучать!»
Вот потому-то жрецы, по старинному им завещанью,
Славят Мамурия днесь, воспоминая его.
Девушка, свадьбу отсрочь, хоть вы и торопитесь оба:
В малой отсрочке теперь радость большую найдешь.

К битвам оружье ведет, а битвы противны супругам;
Спрячут оружье — для вас будет примета к добру.
В эти ведь дни и жене жреца Юпитера должно
Волосы не убирать и непричесанной быть.

3 марта

В третью месяца ночь, когда загораются звезды,
С неба уходит одна Рыба из звезд-близнецов.
Две их: к Австру ближе одна, к Аквилону другая:
Имя каждой из них ветер ближайший дает.

5 марта

Лишь оросятся жены Тифона румяные щеки,
Пятого в месяце дня утро являя земле,
Тут и Медведицы страж, лентяй Волопас, погружаться
В море начнет, уходя от испытующих глаз.
Но Виноградарь еще не уйдет! Откуда названье
Этой звезды, я тебе в кратких словах объясню:
Юный Ампел, говорят, рожденный сатиром и нимфой,
На исмарийских горах Вакха возлюбленным был.
Вакх подарил ему грозд, на ветках вяза висевший;
Эта лоза до сих пор мальчика имя несет.
Ягоды этой лозы срывая, упал и разбился
Мальчик, но Либер его, павшего, к звездам вознес.

6 марта

В день же шестой, когда Феб восходит по кручам Олимпа
Из океана в эфир на крылоногих конях,—
Вы, которые чтите тайник целомудренной Весты,
Славьте ее и в огне жгите святой фимиам.
К чести безмерной своей (а чем больше славиться мог он?)
Цезарь понтифика честь с этого дня получил.
Вечным горят огнем веления вечные ныне
Цезаря: власти его, видишь, залоги сошлись!
Трои былой божества, носителя славное бремя,
Коим Эней сбережен некогда был от врагов!

Отпрыск Энея, как жрец, блюдет родные святыни;
Ты ж благосклонно храни, Веста, родного главу!
Ясно пылают огни под охраной священной десницы:
Неугасимо живи, пламя, и с пламенем — вождь!

7 марта. Ноны

Знаком отмечен одним день мартовских нон. Полагают,
Что меж двух рощ посвящен храм Ведийова в сей день.
Ромул высокой стеной окружил здесь деревья, сказавши:
«Всякий сюда убегай, здесь ты ограду найдешь».
О, сколь из жалких начал величие римское встало!
Как незавидна была эта толпа в старину!
Чтобы, однако, тебе имя бога не было чуждым,
Знай, кто сей бог и зачем он называется так.
Это Юпитер-юнец: погляди на лицо молодое,
На руку глянь — никаких молний не держит она.
Только когда на Олимп посягнули Гиганты, Юпитер
Молнии взял, а дотоль он без оружия был.
Новыми Осса зажглась огнями, а выше над Оссой
Весь запылал Пелион и утвердился Олимп.
Рядом стоит и Коза: говорят, бога нимфы вскормили
Критские; эту козу юный Юпитер сосал.
К имени я обращусь. Называют *«веграндией»* полбу
Раннюю жители сел, всходы же *«веской»* зовут.
Коль таково значение *«ве»,* назовем Ведийовом
Юного бога, какой после Юпитером стал.

Воздуха лишь синеву усеет звездами небо,
Выю увидишь коня, что из Горгоны возник.
Выпрыгнул он, говорят, из отрубленной шеи Медузы,
Кровью обрызгана вся конская грива была.
Над облаками несясь, средь звезд блестящих он скачет:
Почва ему небеса, крылья шумят вместо ног.
Он закусил удила, негодуя, впервые устами,
Легким ударом копыт воды Аонии взрыв.
На небесах он живет, по которым парил он на крыльях,
Всеми пятнадцатью там звездами ярко блестя.

С ночи приходом узришь пред собою ты в небе Корону
Кносса. Тесея виной стала богиней она.
Клятвопреступник супруг был сменен Ариадной на Вакха,
И путеводную нить взявший покинул жену.
Радуясь браку, она: «Что как девке мне плакать? — сказала,—
Мне же на пользу теперь этот обман послужил!»
Либер меж тем победил индийцев народ волосатый
И от восточных краев много богатства принес;
Но между пленниц, собой прекрасных, одна покорила
Вакха красою; она дочерью царской была.
Плача, бродила тогда Ариадна по берегу моря
И, не прибрав волоса, так говорила себе:
«Снова внимайте моим вы жалобам, волны морские!
Снова впивай ты мои слезы, прибрежный песок!
Я говорила: «Ты лжец и обманщик, Тесей вероломный!»
Нет его больше, но стал тем же преступником Вакх.
Я и теперь закричу: «Мужчинам не верьте вы, девы!»
С именем только другим снова обманщик со мной.
О, если б доля моя окончилась, как начиналась,
И уже больше в живых я не была бы теперь!
Либер, зачем ты меня на песке, готовую к смерти,
Спас? Я могла бы тогда отгоревать навсегда.
Легок ты, Вакх, как листы, что виски твои окружают
Зеленью, познан ты мной только на муку мою!
Не расшатал ли ты, Вакх, наше крепкое брачное ложе,
Если любовницу взял ты у меня на глазах?
Где твоя верность? Увы, где все твои брачные клятвы?
О я, несчастная! Что мне о тебе вспоминать?
Ты мне Тесея винил, коварным его называя:
Сам посуди, поступил ты не гнуснее ль его?
Пусть же об этом никто не знает, страдать буду молча,
Чтоб о позоре моем новом молва не пошла!
Только б Тесей не узнал и на радость себе не подумал,
Что сотоварищем ты стал в преступленье его!
Мнится, любовницу он предпочел мне, смуглянке — белянку:
Пусть побледнеют мои так же тогда и враги!
Что же, однако? Тебе она с темною кожей милее.
Остановись! Не скверни божьих объятий своих.

Верен будь, Вакх, и не смей любовницу верной супруге
Предпочитать, а тебя я полюбила навек.
Бык мою мать покорил прекрасный своими рогами,
Ты же меня: мне любовь — мука, а матери — срам.
Да не вредит мне любовь: ведь тебе она, Вакх, не вредила,
Коль признавался ты сам, что пламенеешь ко мне.
Не изумись, что и я пламенею; в огне порожден был
Ты, говорят, и отец спас тебя сам из огня.
Вот я, кому столько раз обещал ты небесные выси;
Горе мне! Что за дары мне вместо неба даны!»
Смолкла. Внимал уж давно ее этим жалобам горьким
Либер и следом за ней, может быть, шел по песку.
Сжал он в объятьях ее, поцелуями слезы ей сушит
И говорит: «Полетим в небо со мною вдвоем!
Ты мне супруга, моим ты именем названа будешь,
С этой поры ты уже Либерой станешь моей;
Будет на память о том неизменно с тобою Корона:
Что дал Венере Вулкан, то она дарит тебе».
Сказано — сделано: он обращает венца девять лалов
В звезды, и ярко горит в небе венец золотой.

14 марта. Эквирии

После того как шесть раз всплывет и снова потонет
Тот, кто на быстрой оси движет румяные дни,
Вновь эквирийских коней ты увидишь на поле заросшем,
Где омывает края суши извилистый Тибр.
Если ж, однако, вода надолго задержится в поле,
Пылью покрытый тогда Целий послужит коням.

15 марта. Иды

В иды мы празднуем день торжественный Анны Перенны
Недалеко от твоих, Тибр-чужеземец, брегов.
Толпы народа идут и здесь, растянувшись на травке,
Пьет и в обнимку лежит каждый с подружкой своей.
Многие — прямо под небом, немногие — ставят палатки,
Иль из зеленых ветвей строят себе шалаши,
Иль вместо твердых столбов тростники они в землю втыкают
И покрывают потом сверху одеждами их.

Солнцем они и вином разогретые пьют за здоровье,
Стольких желая годов, сколько кто чаш осушил.
Здесь ты найдешь и таких, кто выпьет и Нестора годы,
Женщин найдешь, что года даже Сивилл перепьют.
Песенки также поют, каким научились в театрах,
Сопровождая слова вольным движением рук,
И хороводы ведут неуклюжие, выпив, подружки,
И, распустив волоса, пляшут в нарядах своих.
А возвращаясь, идут, спотыкаясь, толпе на потеху,
И называет толпа встречных счастливцами их.
Видел недавно я там (ну как про такое не вспомнить!):
Пьяная бабка брела, пьяного мужа вела.
Но так как много идет о богине сей вздорных сказаний,
То никаких не хочу басен о ней я скрывать.

Пламя горело любви в Дидоне несчастной к Энею,
Пламя сжигало ее и на костре роковом.
Пепел был собран ее, над холмом же на мраморе надпись,
Что сочинила она при смерти, кратко гласит:
«Подал Дидоне Эней и меч, и повод для смерти;
Пала Дидона, себя собственноручно убив».
Нумиды мчатся, спеша полонить беззащитное царство,
Ярба, неистовый мавр, овладевает дворцом.
И говорит, не забыв, сколько раз был он презрен Элиссой:
«Вот я, отвергнутый ей, в брачном покое ее!»
Все врассыпную бегут тирийцы, точно как пчелы,
Сами не зная, куда им без царицы лететь.
Трижды на обмолот уходили с полей урожаи,
И молодое вино трижды вливалось в чаны:
Изгнана Анна; она покидает сестрины стены,
Плача, но раньше сестре должный почет воздает.
Льет благовонья она со слезами на прах ее нежный
И состригает свои с маковки волосы ей.
Трижды «прости» говорит и трижды к устам прижимает
Пепел, и кажется ей: в нем она видит сестру.
Спутников бегства найдя и корабль, она в море уходит,
Видя с кормы за собой милые стены сестры.
Недалеко от пустой Косиры есть остров богатый
Мелита, воды его моря Ливийского бьют.

Анна стремится туда, надеясь на гостеприимство
Давнее Батта царя и на богатства его.
Он же, узнав о судьбе, сестер обеих постигшей,
«Эта земля, говорит, как ни мала, вся твоя».
Гостеприимство свое до конца он довел бы, однако
Поостерегся и он Пигмалионовых сил.
Дважды уже обошло созвездия солнце, и третий
Год шел, как Анне пришлось снова в изгнанье идти:
Брат угрожает войной, а царь, ненавидя сраженья,
«Анна, беги, говорит, здесь ведь тебе не спастись!»
Повиновалась она и вверяется ветру и волнам:
Брат по жестокости ей моря любого страшней.
У каменистой реки — Кратида, обильного рыбой,
Есть местечко; его Камерой люди зовут.
Путь туда был недалек: расстояние было всего лишь
В девять раз больше, чем вдаль камень летит из пращи.
Сразу же парус опал и только полощется ветром.
«Надо,— моряк объявил,— здесь нам на веслах идти!»
Но лишь они собрались, убрав паруса, подвигаться,
Как налетел на корму бурного Нота порыв:
В море несется корабль, и не в силах уже корабельщик
Им управлять, а из глаз вовсе уходит земля.
Волны вздымает со дна морская пучина, и влагой
В пене седой до краев тонущий полон корабль.
С ветром бороться невмочь, и кормчий не в силах браздами
Править, и помощи ждет лишь от обетов богам.
По морю носят теперь финикиянку вздутые волны,
Мокрой одеждой она скрыла лицо и глаза;
В первый раз называет сестра Дидону счастливой,
Как и всех жен, чьи тела скрыты уже под землей.
Ветра могучий порыв на Лаврентский выбросил берег
Судно, и гибнет оно, выкинув на землю всех.
Между тем благочестный Эней и дочь и державу
Взял от Латина-царя, слившн народ и народ.
Шел он тогда с Ахатом вдвоем по приданому брегу,
Шел босиком, никого в спутники больше не взяв,
И увидал, не поверя себе, бредущую Анну,
И поразился: зачем в Лаций явилась она?
Но в это время Ахат воскликнул: «Анна ведь это!»
Имя свое услыхав, взор поднимает она.

Что же ей делать? Бежать? Но куда? Не под землю ли скрыться?
Участь несчастной сестры видит она пред собой.
Чувствуя это, сказал ей, дрожащей, герой киферейский
(Плачет, однако, и он, вспомнив, Элисса, тебя):
«Анна, клянусь я землей, в которой, как знаешь сама ты,
Большее счастье подать мне обещала судьба,
И божествами клянусь, новоселами этого края,
Что укоряли меня за промедленье в пути,—
Смерти ее я не ждал, кончины ее не страшился!
Горе мне! Смелость ее невероятна была.
Не поминай! Я видел ее недостойные тела
Раны, когда я дерзнул в Тартара область войти.
Ты же, коль в наши края по своей ли воле иль волей
Бога явилась, прими гостеприимство мое!
Много я должен тебе, а более должен Элиссе:
Будешь мила мне сама, будешь мила по сестре».
Верит она (на него одного лишь имея надежду)
И о скитаньях своих все рассказала ему.
Только вошла она в дом в своем одеянье тирийском,
Начал Эней говорить (все остальные молчат):
«После кораблекрушенья спасен я был ею, супруга,
Долг, Лавиния, мой ты уплатить ей должна.
Родом из Тира она, ее царство в Ливии было,
Я умоляю: ее ты как сестру полюби».
Все обещала ему Лавиния лживо, а рану
Молча снесла и свою ярость сокрыла в душе.
Видя дары, приносимые Анне открыто, считала,
Что есть и много других, скрытых тайком от нее.
Но не решила еще, что ей делать; как фурия, злится,
Козни готовит и ждет смерти, но лишь отомстив.
Ночь наступила. Пред ложем сестры показалась Дидона:
Кровь запеклась у нее в спутанных космах волос.
И говорит: «Убегай из зловещего этого дома!»
Ветра порыв прошумел, скрипнула жалобно дверь.
Анна вскочила и вот из окна невысокого в поле
Прыгает: преодолел страх нерешимость ее.
В ужасе быстро бежит, рубашку не подвязавши,
Точно пугливая лань, голос услышав волков.

Тут-то ее и объял рогоносный Нумиций волною,
Тут-то ее он и скрыл в заводях зыбких своих.
Всюду меж тем по полям сидонянку ищут и громко
Кличут: на почве видны ног отпечатки ее.
На побережье пришли; следы на песке увидали;
Смолк поток и затих, зная вину за собой;
И зазвучали слова: «Я — Нумиция тихого нимфа:
Вы называйте меня Анна Перенна теперь».
Тотчас устроили пир на полях, по которым бродили,
И, поздравляя себя, вволю все пьют в этот день.

Также считают ее и Луною, что год завершает,
Или Фемидою, иль телкой Инаховой чтут;
Есть и такие, кто видят в тебе Атлантову нимфу,
Нимфу, что подала первый Юпитеру корм.
Я и еще расскажу, что дошло до нашего слуха,—
Правдоподобен вполне будет об этом рассказ.
Древний простой народ, не имевший защиты в трибунах,
Бегство предпринял, уйдя к высям Священной горы;
Недоставало уже ему пищи, с собой принесенной,
Не было хлеба, какой люди обычно едят.
Из пригородных Бовилл оказалась там некая Анна:
Бедной старухой она, но хлопотливой была.
Легким платком повязав свои поседевшие косы,
Всем напекла пирогов сельских дрожащей рукой.
Ими она с пылу, с жару народ поутру наделяла:
Всем она стала мила за благодетельный труд.
И когда мир наступил, изваянье воздвигли Перенны
В память о том, как спасла Анна голодный народ.
Мне остается еще объяснить зазорные песни
Девушек: вместе сойдясь, срамно они голосят.
Новой богиней уже стала Анна; Градив к ней подходит
И, отведя ее, так на ухо ей говорит:
«В месяце будут моем со мной вместе тебе поклоняться:
Очень надеюсь теперь я на поддержку твою.
Бог войны, о богине войны я пылаю Минерве:
Жжет меня страсть, и давно рану в груди я ношу.
Сделай, чтоб мы, столь схожи трудом, слились воедино:
Это доступно тебе, милой старушке, вполне».

Выслушав бога, ему она в шутку помочь обещалась,
Глупой надеждой его изо дня в день все томя.
Все приставал он, и вот шепнула она: «Все готово,
Время пришло: на мои просьбы склонилась она».
Верит любовник. Чертог готов уже брачный, вступает
Анна, фатою лицо, будто невеста, закрыв.
Марс уж готов целовать; но вдруг узнает он Перенну!
Бог одурачен, его мучат и гнев и позор.
Новой богине любовник смешон, довольна Минерва,
Да и Венере самой это забавней всего.
С этих-то пор и поют в честь Анны нескромные шутки:
Весело вспомнить, как бог мощный был так проведен.
Я пропустил бы мечи, пронзившие Цезаря тело,—
Но со святых очагов Веста сказала мне так:
«Не берегись вспоминать: он мой был священнослужитель,
И нечестивцы мечи не на меня ль занесли?
Мужа я скрыла сама, двойником его подменивши.
Что поразили клинки? Цезаря призрак пустой!»
Сам же к Юпитеру он вознесен под небесные кровы
И на великом теперь форуме в храме стоит.
Тех же, кто смели забыть богов повеления вышних
И осквернили главу высшего неба жреца,
Злая постигнула смерть. Об этом гласят и Филиппы,
Да и земля, где белеть кости заброшены их.
Это дела, это долг, это было начало господства
Цезаря Августа. Так он за отца отомстил.

16 марта

Завтра, лишь только заря освежит чуть проросшие травы,
В небе начнет восходить перед тобой Скорпион.

17 марта. Либералии

В третий день после ид начинается празднество Вакха.
Либер! Певца вдохнови на прославленье твое.
Что о Семеле сказать? Если б к ней не явился Юпитер
В молниях, ты бы тогда матери бременем был.
Что о тебе? Чтобы ты в положенный срок народился,
В теле своем доносить должен был сына отец.

Долог был бы рассказ о ситонских и скифских триумфах
И о смиренье твоей, Инд, благовонной страны;
Я умолчу о тебе, кого мать растерзала фивянка,
И как в безумье себя ты изувечил, Ликург;
Я бы хотел рассказать, как тирренские вдруг превратились
Изверги в рыб; но не то надо теперь объяснить.
Надо теперь объяснить причину того, что старуха
Всем на продажу печет либу — медовый пирог.
До появленья тебя на свет алтари запустели,
Либер, и все очаги храмов травой заросли.
Ты, говорят, покорив и Ганг, и все страны Востока,
Отдал Юпитеру в дар первую прибыль свою:
Первый принес киннамон и тобою захваченный ладан
И триумфального ты жег ему мясо быка.
В честь тебя, Либер, дают возлиянью названье «либамен»,
И освященный пирог «либою» также зовут.
Богу пекут пироги, ибо он наслаждается соком
Сладким, а мед, говорят, тоже был Вакхом открыт.
Шел меж сатирами он с побережья песчаного Гебра
(Не ожидайте дурных шуток в сказанье моем!)
И до Родопы дошел, до цветистого кряжа Пангея;
Громко кимвалов его звон раздавался кругом.
Стаи неведомых тут насекомых на шум прилетели,
Пчелы то были: на звук меди несутся они.
Тотчас же рой их собрал и в полом дупле заключил их
Либер, и был за труды желтый наградою мед.
Только сатиры и лысый старик отведали меда,
Сотов искать золотых стали повсюду в лесу.
Роя Силен услыхал жужжание в вязе дуплистом,
Соты увидел в дупле и притаился старик.
Ехал лентяй на осле, который сгибался под ношей;
Вот он его прислонил к вязу, где было дупло,
Сам же встал на осла, на ствол опираясь ветвистый,
И ненасытной рукой мед потащил из дупла.
Тысячи шершней летят и, на череп его обнаженный
Тучей нещадною сев, жалят курносого в лоб.
Падает он кувырком, под копыта осла попадает
И, созывая своих, кличет на помощь себе.
Все тут сатиры бегут и над вздутою рожей отцовской
Громко хохочут, а он еле встает, охромев.

С ними хохочет и бог, старику велит смазаться тиной;
    И, повинуясь, Силен грязью марает лицо.
Либеру мед по душе, и поэтому мы запекаем
    С медом ему пироги как изобретшему мед
А почему пироги эти месят жены, не тайна:
    Тирсом своим этот бог женщин сбирает толпу.
А почему же старух для этого надо? Старухи
    Любят вино, и к лозе винной пристрастны они.
Ну, а венки из плюща? Это Вакха любимая зелень,
    А почему, я тебе без промедленья скажу:
С Нисы пришли, говорят, и от мачехи спрятали нимфы
    Мальчика, скрыв колыбель зеленью веток плюща.

Мне остается сказать, почему дают вольную тогу
    В твой светоносный день мальчикам, юноша Вакх.
Иль потому, что ты сам остаешься мальчиком или
    Юношей вечно, своим видом с обоими схож;
Иль, если сам ты отец, отцы твоему попеченью
    И твоему божеству препоручают сынов;
Иль, раз ты волен, детей облачают вольной мужскою
    Тогой и в жизненный путь вольно пускают идти;
Иль потому, что когда прилежней работали в поле
    Встарь, и сенатор следил сам за отцовской землей,
И когда от сохи шагали к консульским фаскам,
    Не постыдяся своих грубых мозолистых рук,—
Все собирались толпой селяне на игрища в город
    Не для веселых забав, а чтобы славить богов;
Чествовался в этот день бог — даритель лозы виноградной
    Вместе с богиней, в своей факел несущей руке,
И для того, чтобы больше людей новичка поздравляли,
    Тогу надевшего, стал день этот зрелости днем.
Ласково, отче, своей ты кивни мне рогатой главою
    И парусам ты моим ветер попутный пошли!

В этот же день, как и в день предыдущий, я вспоминаю,
    Ходят к Аргеям (о них я в свое время скажу).
Клонится Коршун-звезда к Медведице Ликаонийской
    Вечером: можешь теперь ночью увидеть его.
Вот почему, если хочешь узнать, эта птица на небе:
    Изгнан с престола Сатурн силой Юпитера был;

В гневе к оружью зовет он могучих Титанов на помощь,
Чтобы вернуть себе власть, данную роком ему.
Было Землей рождено чудовище страшного вида —
Спереди было быком, сзади же было змеей.
В черных лесах его Стикс заключил по завету трех Парок
И оградил его там крепко тройною стеной.
По предсказанию тот, кто нутро у быка в силах выжечь,
Смог бы потом одолеть и вековечных богов.
Рушит быка Бриарей секирою из адаманта
И уж вот-вот он нутро в пламя низвергнет его,—
Нет! Юпитер велит его выхватить птицам, и коршун
Вырвал его, и за то в небе сияет звездой.

19 марта. Квинкватрии

День лишь минует один, и свершается праздник Минерве,
А продолжается он в честь ее целых пять дней.
Крови в первый день нет, и мечами сражаться запретно,
Ибо Минервы в сей день празднуем мы рождество.
Но со второго же дня кровава бывает арена:
В радость богине войны там обнажают мечи.
Вы же Палладу теперь, ребята и девочки, славьте:
Тем, кто умолит ее, мудрость Паллада пошлет.
Коль угодите вы ей, умягчать она, девочки, пряжу
Всех вас научит и даст полные пряслицы вам,
Легче прикажет летать челноку по ткацкой основе
И прореженную ткань гребнем своим уплотнит.
Ей ты молись, если ты выводишь пятна с одежды,
Ей ты молись, коль в котлах шерсть ты собрался мочить.
Коль не захочет она, ни за что не приладишь подошвы
К обуви, хоть самого Тихия ты превзойди.
Пусть даже умной рукой ты искусней былого Эпея,—
Если Паллада гневна, будешь беспомощен ты.
Вы же, которые хворь изгоняете Феба искусством,
Плату за помощь делить надо с богинею вам.
Также и учителя, хотя ваш доход ненадежен,
Помните: учеников вам она новых дает.
Помни и резчик о ней, не забудь о ней живописец,
Да и ваятель, чьему камень покорен резцу!

Ведает многим она; и стихов она также богиня:
Пусть же, коль я заслужил, ныне поможет и мне.
Целиев холм с высоты уходит вниз по уклону
И постепенно затем гладкой равниной идет.
Малый увидишь здесь храм, именуемый «Капта Минерва»,—
От рождества своего в нем обитает она.
Но почему она так называется, спорят: богиню
Мы «капитальной» зовем часто за мудрость ее;
А породила ее голова Юпитера, «капут»,
И появилась она сразу уже со щитом;
Или же пленной взята, то есть «каптой», она у фалисков
Нами, как это гласит древнее имя ее;
Иль потому, что грозит «капитальной» она — уголовной —
Карою тем, кто крадет что-нибудь в храме ее?
Как бы то ни было, ты, Паллада, своею эгидой
Наших вождей защити и охраняй их всегда!

23 марта. Очищение труб

В пятый из всех пяти дней должны быть очищены трубы
Звучные; после почтить надо богиню войны.
Можешь теперь ты поднять взоры к солнцу с такими словами:
«Ты подстелило вчера Фриксова овна руно».
Из подожженных семян по коварству матери злобной
Не проросло никаких всходов обычных в траве.
Послан тогда был гонец к треножникам, чтобы разведать,
Чем бы Дельфийский бог в неурожае помог.
Но подкупили гонца: возвестил он, что Геллу и Фрикса,
Как семена, схоронить надобно в черной земле.
Как ни противился царь, но граждане, Ино и голод —
Все вынуждают его выполнить страшный приказ.
Вот уже Фрикс и сестра с головами в священных повязках
Пред алтарем предстоят, плача о жизни своей.
Мать увидела их, случайно выглянув с неба,
И, поразившись, рукой горько ударила грудь.
В облаке скрывшись, она в свой град, порожденный драконом,
Бросилась вниз и своих высвобождает детей.

К бегству им путь указав, вот золотом блещущий овен
Принял обоих и вдаль по морю с ними поплыл.
Не удержалась за рог сестра своей слабой рукою
И свое имя дала во́лнам морским, говорят.
С нею едва не погиб, стараясь помочь утопавшей,
Брат, протянувший сестре руки, спасая ее.
Плакал Фрикс, потеряв сопутницу в бедах, не зная,
Что сочеталась навек с богом лазурным сестра.
Овен достиг берегов и стал созвездьем, руно же
Стало его золотым даром Колхидской земле.

26 марта

После того как заря возвестит светоносное утро
Трижды, наступит пора равенства ночи и дня.

30 марта

После ж как сытых козлят четырежды в стойло загонят
И как четырежды в ночь поле роса забелит,
Януса надо почтить, благую богиню Согласья,
И во спасенье принесть жертву на Мира алтарь.

31 марта

Месяцы правит Луна и этого месяца время
Определяет; а храм на Авентине ее.

Книга четвертая

«Будь благосклонна к певцу,— я сказал,— мать обоих Эротов!»
И повернула ко мне эта богиня лицо:
«Что уж тебе до меня? Ты привык уже к песням погромче!
Или в груди у тебя старая рана болит?»
«Знаешь ты рану, богиня!» Она улыбнулась, и тотчас
Все засияло тогда небо с ее стороны.

«Ранен я или здоров, разве я твое знамя оставил?
Ты — мой вечный удел, я твое дело вершу.
В юные годы по-юному я безобидно резвился;
Ныне для скачки моей шире простерлись поля:
О временах и началах пою по старинным анналам,
И о заходах светил и о восходах в ночи.
Петь об апреле пора мне, о месяце, славном тобою:
Знаешь, Венера, что твой так же он, как и певец».
Ласково тронув виски мои миртом киферским, богиня
Молвила: «Что ж, доведи дело свое до конца!»
Я вдохновлен! Ход дней предо мною внезапно открылся;
Пусть же теперь мой корабль с ветром попутным идет.

Если, однако, тебя течение дней занимает,
Цезарь, то месяц апрель дорог быть должен тебе:
В месяце этом тебя высокая честь осияла,
Стал он твоим, когда ты в род именитый вошел.
Илии сын и отец рода римского, год расчисляя,
Это узрел и к своим предкам тебя приобщил.
Так же как первое дал Ромул место суровому Марсу,
Первопричине того, что появился на свет,
Родоначальнице он Венере за ряд поколений
Место второе решил в месяцах года отдать.
И, расчисляя в веках своего представителей рода,
В предках своих он дошел даже до самых богов.
Он ли не знал, что Дардан был сын Атлантиды Электры
И что Юпитер ее сделал своею женой?
Трос, Эрихтония сын, Дардану приходится внуком;
Тросом рожден Ассарак, Капис рождается вслед;
Дальше родился Анхиз, и, ложем его не гнушаясь,
Матерью сына его стала Венера сама.
Так появился Эней благочестный, который чрез пламя
Вынес святыню и с ней вынес отца на плечах.
Вот и Юла звучит наконец счастливого имя;
Юлии в нем обрели с предками-тевкрами связь.
Постум был сыном его, рожденным средь леса густого,
И у латинян он был Сильвием прозван — «Лесным».
Был он, Латин, твой отец. За Латином следовал Альба,
Следом за Альбой идет в перечне этом Эпит.

Снова он сыну дает троянское Каписа имя,
И таким образом он стал твоим дедом, Кальпет.
А за тобой Тиберин наследует отчее царство,—
Он, говорят, потонул в Тусской пучине потом.
Все ж увидал он и сына-Агриппу и Ремула-внука;
Ремулу (так говорят) молния смерть принесла.
После идет Авентин, по которому названо место,
Так же как холм; а за ним Прока стал царством владеть.
Следом Нумитор идет, его братом был грозный Амулий,
Дети Нумитора: дочь Илия, сын его Лавз.
Лавз погиб от меча Амулия; Илия стала
Марсу подругой: Квирин с Ремом — ее близнецы.
Марса с Венерой Квирин почитал как отца и как матерь,
И заслужил он того, чтобы поверить ему!
А для того, чтоб его потомки запомнили это,
Определил он богам отчим два месяца в ряд.

Впрочем, названье апрель получил едва ль не от греков,
Давших богине любви имя от пены морской.
Не удивляйся, что вещь называется греческим словом,
Ибо Великой была Грецией наша земля.
С целой толпой моряков Эвандр в Италию прибыл,
Прибыл туда и Алкид — греки и тот и другой.
На Авентинском лугу паслось стадо палиценосца,
Богу давала питье Альбула в знойные дни.
Грек и Неритий герой: свидетели тут лестригоны
Так же как мыс, что досель мысом Цирцеи зовут.
И Телегона уже и влажного Тибура стены
Встали на новой земле от арголических рук:
Прибыл сюда и Галес, гонимый роком Атридов,—
Имя его, говорят, носит фалисков земля;
К ним Антенора прибавь, побуждавшего к миру троянцев,
И Диомеда: он был, Давн-апулиец, твой зять.
После пожара уже троянского, вслед Антенору
Прибыл Эней и принес в наши он земли богов;
С ним был сопутник Солим, с фригийской выходец Иды,
Имя которого днесь стены Сульмона хранят,
Стены Сульмона, моей, Германик, прохладной отчизны,—
Горе мне, как далеко это от Скифской земли!

Как же теперь я далек... Но оставь свои жалобы, Муза:
Скорбные песни чужды лире священной твоей.
Зависти есть ли предел? Иные хотели, Венера,
Этого месяца честь вовсе отнять у тебя!
Но ведь в апреле всегда оперяется почва травою,
Злой отступает мороз, вновь плодоносит земля.
Вот потому-то апрель несомненно есть месяц Венеры
И доказует, что ей должен он быть посвящен.
Право, достойна она полновластно править всем миром
И никому из богов власти такой не дано:
Правит она небеса, и землю, и отчие воды,
При появленье своем все подчиняя себе.
Всех породила она богов несчислимые сонмы,
Все осенила она севы полей и лесов.
Все сопрягла воедино дикарские души людские
И научила любви женский и мужеский род.
Что пернатых плодит по ветвям, как не сладкая похоть?
Как без нежной любви мог нарождаться бы скот?
Бьется с бараном баран бодающим рогом, но он же
Остережется побить лобик любимой овцы.
Бык, нагоняющий страх на выгонах всех, во всех рощах,
Телку стремится догнать, дикость и буйство забыв.
Эта же сила хранит все живущее в водных глубинах
И наполняет моря множеством рыб без числа.
Первой она убедила людей бросить дикие нравы,
Первой внесла чистоту и обходительность в мир.
Первую песню сложил, говорят, неутешный любовник
Ночью, не данной ему, пред запертыми дверьми.
Гордую деву моля, мужи обрели красноречье:
Каждый оратором стать должен был в деле своем.
Тысячи хитрых искусств любовь создала: для успеха
Много уловок нашлось, прежде неведомых нам.
Разве осмелимся мы у Венеры отнять ее месяц?
Нет, никогда! Удались прочь, безрассудная мысль!
Но хоть везде ее власть и храмы ее повсеместно,
В городе нашем права этой богини сильней.
Римлянин, Трое твоей была Венера оплотом,
Вскрикнув, когда ей впилось в нежную руку копье;
И при троянском судье она двух богинь победила
(Ах! не хотелось бы мне напоминать им о том!)

И Ассарака слыла снохой, так что Цезарь великий
Мог несомненно своим пращуром Юла считать.
Нету удобней поры никакой, чем весна для Венеры:
Вся расцветает земля, все отдыхают поля,
Травы, пробившись, ростками глядят из почвы на воздух,
А из разбухшей коры выбила почки лоза.
Этой прекрасной поры прекрасная стоит Венера
И потому-то и здесь следом за Марсом идет.
И по веленью ее пускаются в отчее море,
Зимних угроз не страшась, с гнутой кормой корабли.

1 апреля. Календы

Лация жены, невестки, все чтите богиню, равно как
Вы, кто ни лент, ни одежд длинных не смеет носить.
С мраморной шеи ее золотые снимите мониста
И драгоценности все: надо богиню омыть.
Высушив шею, ей вновь золотые наденьте мониста,
Свежие надо цветы, свежую розу ей дать.
Вам повелела она себя вымыть под миртом зеленым,
А почему так велит, знайте: причина ясна.
На побережье, нагая, она свои кудри сушила;
Тут подглядела ее наглых сатиров толпа.
Это заметив, свое она тело миртом прикрыла:
Скрылась из глаз и велит это и вам повторять.
Знайте еще, почему Мужской Фортуне вы ладан
Курите там, где вода теплой струею течет.
Женщины входят туда, свои покрывала снимая,—
Всякий заметен порок в их обнаженных телах,—
Все это скроет из глаз мужей Мужская Фортуна,
Если ее умолить, ладаном ей покурив.
Не упусти же и мак растереть с молоком белоснежным,
Не позабудь и про мед, выжав из сотов его:
Ибо когда отвели Венеру ко страстному мужу,
Это она испила, ставши супругой, питье.
Ласковой речью Венере молись: на ее попеченье
И красота, и нрав, и целомудрие жен.
Было при пращурах так, что римлянки стыд позабыли:
К старице Кумской тогда все обратились отцы.

Храмы велела она возвести в честь Венеры,— и вот уж
Стала Венера с тех пор женские нравы блюсти.
Будь же к Энея сынам, богиня-красавица, вечно
Ты благосклонна, храни толпы невесток твоих!

Я говорю, а грозящий подъятым хвостом заостренным
Вот уже стал Скорпион в водах зеленых тонуть.

2 апреля

Близится ночи конец, и румяниться начало небо
Снова, и в росной заре слышатся жалобы птиц.
Полусгоревший потух у прохожего факел дорожный,
И за работу свою вновь принялся селянин.
Плечи отца облегчать начинают от ноши Плеяды:
Семь их считается, но видят обычно их шесть.
Иль потому, что лишь шесть к богам восходили на ложе —
Ибо Стеропа была Марса женой, говорят,
Майю, Электру, Тайгету увлек всемогущий Юпитер,
Мужем к Келене Нептун и к Алкионе пришел;
Ну, а седьмая сошлась Меропа со смертным Сизифом,
Стыдно ей, и потому прячется вечно она;
Иль потому это так, что троянской разрухи Электра
Видеть не в силах и лик свой заслоняет рукой.

4 апреля. Мегалезийские игры в честь Матери Богов

Трижды пускай небеса на оси обернутся извечной,
Трижды коней запряжет и распряжет их Титан,—
Тотчас затем запоет берекинтская флейта кривая
И поведет чередой праздник Идейская Мать.
Полумужчины пойдут, ударяя в пустые тимпаны,
Грянут кимвалы, о медь медью ответно звеня;
И на бессильных плечах поедут носилки с богиней
Стогнами Рима, и вой будет по всем сторонам.
Сцена гудит, начинаются игры. Смотрите, квириты:
Полные тяжеб суды ныне умолкнуть должны.

Надо о многом спросить, но пронзительной меди звучанье
Боязно мне и кривой лотос пугает, свистя.
«Как мне, богиня, узнать?» На ученых внучек Кибела
Глянула тут и помочь мне повелела она.
«Ради богининых слов, питомицы вы Геликона,
Молвите мне, почему радостен ей этот шум?»
Так я сказал. Эрато отвечала (а месяц Киферин
Назван ведь, как и она, именем нежной любви):
«Было Сатурну дано предсказание: лучший властитель,
Скипетра будешь лишен будущим сыном своим.
Он же, страшась своего, рожденного им же потомства,
Чревом безмерным своим всех поглощает сынов.
Горестна Рея была, что в своей плодовитости слезной,
Выносив столько детей, матерью быть не могла.
Только когда родился Юпитер (вся древность — свидетель,
Верь же старинной молве и про сомненья забудь),—
Камень, в свивальнике свит, в божественной скрылся утробе
И таким образом был роком обманут отец.
Ида крутая с той самой поры огласилася звоном,
Чтоб в безопасности мог громко младенец кричать.
В гулкие били щиты, стучали в порожние шлемы,—
Это куретов был долг и корибантов толпы.
И представляя, как встарь они укрывали младенца,
Свита богини гремит медью и бьет по щитам.
Бьют вместо шлема в кимвал, а вместо щита по тимпанам;
Но, как и раньше, звучит флейты фригийский напев».
Смолкнула муза, а я: «Как дает ей свирепое племя
Львов непривычным ярмом гривы свои отягчать?»
Я замолчал, а она: «Укрощает их дикость богиня —
Видишь ты это и сам по колеснице ее».
«Но почему же главу тяготит ей венец башненосный?
Разве впервые она башни дала городам?»
Муза кивнула. «А как,— спросил я,— себя изувечить
Дикий явился порыв?» Муза ответила так:
«Отрок фригийский в лесах, обаятельный обликом Аттис
Чистой любовью увлек там башненосицу встарь.
Чтобы оставить его при себе, чтобы блюл он святыни,
Просит богиня его: «Отроком будь навсегда!»
Повиновался он ей и дал ей слово, поклявшись:
«Если солгу я в любви — больше не знать мне любви!»

Скоро солгал он в любви; и с Сагаритидою нимфой,
Быть тем, кем был, перестал. Грозен богини был гнев:
Нимфа упала, когда ствол дерева рухнул, подрублен,
С ним умерла и она — рок ее в дереве был.
Аттис сходит с ума, ему мнится, что рушится крыша;
Выскочил вон и бежать бросился к Диндиму он.
То он кричит: «Уберите огонь!», то: «Не бейте, не бейте!»,
То он вопит, что за ним фурии мчатся толпой.
Острый он камень схватил и тело терзает и мучит,
Длинные пряди волос в грязной влачатся пыли.
Он голосит: «Поделом! Искупаю вину мою кровью!
Пусть погибают мои члены: они мне враги!
Пусть погибают!» Вскричал и от бремени пах облегчает,
И не осталося вдруг знаков мужских у него.
Это безумство вошло в обычай, и дряблые слуги,
Пряди волос растрепав, тело калечат себе».
Так аонийская тут объяснила премудро Камена
В красноречивых словах корни безумия мне.

«Но, вдохновляя мой труд, расскажи мне, откуда ж богиня
К нам снизошла? Иль всегда в городе нашем жила?»
«Диндим, Кибелу, ключи родниковые Иды прелестной,
Так же как весь Илион, Матерь любила всегда.
В дни же, как Трою Эней перенес в Италийские земли,
Чуть и богиня за ним на корабли не взошла;
Но, усмотрев, что судьба еще не зовет ее в Лаций,
Не пожелала она области бросить свои.
После ж, как пятый пошел уже век могуществу Рима,
Вставшего гордой главой над покоренной землей,—
Жрец на Евбейские тут посмотрел роковые заветы
И, посмотрев, прочитал в них таковые слова:
«Матери нет, и сыскать, о Римлянин, должен ты Матерь,
А как придет, ты ее чистой рукою прими!»
В недоуменье отцы, предписания не разумея,
Кто эта матерь и где надо ее разыскать.
Надо Пеана спросить. «Вы ищете Матерь Бессмертных,—
Молвил он,— надо искать вам на Идейской горе».
Шлют туда знатных людей. Владел тогда Фригии скиптром
Аттал: авзонским мужам в помощи он отказал.

Чудо свершилось: земля с продолжительным дрогнула громом,
Из тайников раздался голос богини самой:
«Быть увезенной хочу! Поспеши мою волю исполнить.
Рим — это место, где все боги должны пребывать!»
В ужасе Аттал и: «В путь, говорит, отправляйся, богиня,
Нашею будешь: ведь Рим — дедов фригийских страна!»
Тотчас стучат топоры, и несметные падают сосны,—
Так и фригийский рубил их благочестный беглец,—
Тысячи трудятся рук, и в покое, расписанном ярко
Жженою краской, везут Матерь Богов на ладье.
Бережно с нею плывут по волнам ее сына родного,
Длинный проходят пролив, Фриксову знавший сестру,
Мимо Ретея плывет она хищного, мимо Сигея,
И Тенедоса и вдоль Эетиона твердынь.
Лесбос уже позади, принимают богиню Киклады,
Справа остался Карист, мелью дробящий волну,
Пересекает в пути и море Икара, где крылья
Он потерял, а волнам имя оставил свое.
Слева оставила Крит, а справа воды Пелопа
И на Венерин святой остров Киферу плывет.
До Тринакрийских пучин дошла она, где закаляют
Крепко железо в воде Бронт, Акмонид и Стероп.
Вдоль африканских плывет берегов, Сардинию видит
Слева и вот подошла вплоть к Авзонийской земле.
В Остию, где Тиберин, разделив свои надвое воды,
Может свободно бежать, в море открытое вплыв,
Всадники все и сенат величавый, с толпой вперемешку,
Встретить приходят ладью к устьям тирренской реки.
Вместе с ними идут их матери, дочки, невестки,
Также и девы, каким вверен священный огонь.
Сил не щадя, за причальный канат потянули мужчины,
Лишь чужеземный корабль против теченья пошел.
Засуха долго была, трава выгорала от жажды,
И на болотистом дне крепко застряла ладья.
Люди приказа не ждут, усердно работает каждый,
И помогают рукам, громко и бодро крича.
Точно бы остров, засел корабль посредине залива:
Чудом изумлены, люди от страха дрожат.
Клавдия Квинта свой род выводила от древнего Клавса,
Был ее облик и вид знатности рода под стать.

И непорочна была, хоть порочной слыла: оскорбляли
Сплетни ее и во всех мнимых винили грехах.
Ей и наряд, и прическа, какую она все меняла,
Были вредны, и язык вечных придир — стариков.
Чистая совесть ее потешалась над вздорами сплетен,—
Но ведь к дурному всегда больше доверия в нас!
Вот появилась она меж достойнейших в шествии женщин,
Вот зачерпнула рукой чистой воды из реки,
Голову трижды кропит, трижды к небу возносит ладони
(Думали все, кто смотрел, что помешалась она),
Пав на колени, глядит неотрывно на образ богини
И, волоса распустив, так обращается к ней:
«О небожителей мать плодоносная, внемли, благая,
Внемли моим ты мольбам, коль доверяешь ты мне!
Я не чиста, говорят. Коль клянешь ты меня, я сознаюсь:
Смертью своей пред тобой вины свои искуплю.
Но коль невинна я, будь мне порукою в том предо всеми:
Чистая, следуй за мной, чистой покорна руке».
Так говоря, за канат она только слегка потянула
(Чудо! Но память о нем даже театр сохранил):
Двинулась Матерь Богов, отвечая движеньем моленью,—
Громкий и радостный крик к звездам небесным летит.
До поворота реки идут (где, как встарь говорили,
Был Тиберина дворец); влево свернула река.
Ночь наступала; канат к дубовому пню привязали,
И, подкрепившись едой, все погружаются в сон.
День наступает; канат от дубового пня отвязали,
А перед этим в огне ладан вскурили богам,
И увенчали ладью, и заклали телку без пятен,
Что не знавала ярма и не познала любви.
Место есть, где Альмон впадает быстротекущий
В Тибр и теряет свое имя в могучей реке:
Там поседелый от лет и порфирою жрец облаченный
И госпожу, и ее утварь в Альмоне омыл.
Воют сопутники, визг неистовый флейты несется,
И под обмякшей рукой бубны тугие гудят.
Клавдия всех впереди выступает с радостным ликом,
Зная, что честь ее днесь подтверждена божеством.
Через Капенские в город богиня вступает ворота,
И под дождем из цветов шествует пара телиц.

Назика встретил ее. Кто ей выстроил храм, неизвестно;
Август его обновил, а перед этим — Метелл».
Смолкла, сказав, Эрато. Но тут я спросил ее снова:
«Но почему для нее медная мелочь нужна?»
«Медные деньги собрал народ Метеллу на стройку
Храма,— сказала она,— этот обычай блюдут».
«Поочередно зачем одни других приглашают
Чаще тогда на пиры и угощают гостей?»
«Так как сменяла жилье Берекинтия очень удачно,
То, по примеру ее, ходят все из дому в дом».
Я уж готов был спросить, почему Мегалезские игры —
Первые в Риме у нас; но (угадав мою мысль)
Так мне сказала она: «Богов породившей дается
Первое место, и ей первую честь воздают».
«Но почему же скопцы ее носят прозвание галлов,
Коль от Фригийской земли Галлия так далека?»
«Между Келенским текут хребтом и зеленой Кибелой
Воды сводящей с ума, Галлом зовомой реки.
Бесится каждый, кто пьет ее воду: бегите, кто хочет
В здравом остаться уме,— бесится каждый, кто пьет».—
«Ну, а пристойно ли нам,— я спросил,— деревенскую тюрю
Ставить на стол госпожи? Ты не откроешь ли мне?»
«Цельным всегда молоком в старину кормились и тою
Зеленью, что на земле без обработки росла.
Вот и смешайте вы зелени тертой да белого сыра:
Древней богине мила древняя эта еда».

5 апреля. Ноны

Завтра, лишь только блеснет Паллантова дочь и прогонит
Звезды с небес, а Луна снежных коней отпряжет,
Всякий, кто скажет: «В сей день на холме посвящен был Квирина
Храм Фортуны Благой»,— будет наверное прав.

6 апреля

В третий день (помнится мне) были игры, и некий со мною
Рядом сидевший старик так обратился ко мне:
«В сей знаменательный день на Ливийском морском побережье
Цезарь коварную рать гордого Юбы разбил.

Цезарь вождем моим был, у него получил я трибуна
Чин и горжусь, что моя должность идет от него.
Здесь я как воин сижу! А ты здесь сидишь, потому что
В мирное время вошел ты в децемвиров число».
Поговорили бы мы, но внезапный дождь разлучил нас,
Чаши небесных Весов хлынули ливнем с высот.

Прежде, однако, чем день последний окончится зрелищ,
В море с небес низойдет с звездным мечом Орион.

10 апреля

Сразу за тем, когда Рим осветит заря величавый
И когда Фебу звезда место уступит свое,
Весь переполнится цирк богов многочисленным сонмом
И состязаться начнут кони, как ветер летя.

12 апреля. Цереалии

Игры Цереры идут. Объяснять их причину не надо:
Щедрость богини ясна и очевидна для всех.
Первые люди травой вместо хлеба питались зеленой,
Той, что давала всегда без обработки земля;
То вырывали ростки живучие прямо из дерна,
То поедали листки нежные с верха дерев.
Выросли желуди. Их отыскав, люди стали довольны:
Великолепную дуб твердый еду им давал.
Первой Церера людей приучила к улучшенной пище,
Желуди им заменив снедью полезней для них.
Шею склонять под ярмо она им волов приучила,
Вспаханным глыбам земли солнце увидеть дала.
Сделалась ценною медь, а железа тогда и не знали:
О, если б можно его было сокрыть от людей!
Миролюбива Церера; просите и вы, поселяне,
Вечного мира для нас и миротворца вождя.
Полбой богиню почтить и крупинками надобно соли,
Ладана зерна сжигать на вековых очагах.
Если же ладана нет, зажигайте смолистые ветви:
Просит Церера себе малых, но чистых даров.

Не закалайте волов, жрецы, подоткнувши одежды:
Вол — это пахарь; колоть праздную надо свинью.
Пусть занесенный топор подъяремную шею не тронет,
Пусть скотина живет, вечно трудясь над землей!

Срок подошел: изложу я тебе похищение девы:
Многое знаешь, но есть кое-что внове тебе.
Остров Тринакрия есть, он три скалистые мыса
Выдвинул в море, по ним носит название он.
Любит Церера его. Ее городов там не мало
И плодородный средь них город, что Энной зовут.
Матери вышних на пир собрались к Аретусе холодной
И белокурая к ней с ними Церера пришла.
В сопровожденье подруг, как бывало всегда, ее дочка
Бегала тут по своим, ног не обувши, лугам.
Место укромное есть там в овраге сыром и тенистом,
Где бьет росистый ручей, падая с верху скалы.
Сколько есть в мире цветов, все цветы были там на поляне.
Как расписная, была в пестром уборе земля.
Только увидев цветы, она закричала: «Подруги,
Все набирайте со мной полны подолы цветов!»
Девичьи рады сердца дающейся в руки добыче:
Не замечая трудов, все за работу взялись.
Полнит кошницы одна, из веток сплетенные ивы,
Та отягчает подол, пазуху эта свою,
Первая рвет ноготки, другую прельстили фиалки,
Третья ногтем спешит мака подрезать цветы;
Этих манит гиацинт, а тех влекут амаранты,
Донник хорош и тимьян, ягодник и розмарин.
Множество собрано роз, а есть и цветы без названий.
Крокусы ищет сама, белые лилии рвет,
Вот, собирая цветы, она все дальше уходит,
Вот уже нет никаких с нею сопутниц теперь.
Дядя увидел ее и, увидев ее, похищает —
Мчится он в царство свое с нею на синих конях.
Тут закричала она: «Меня похищают, на помощь,
Милая мама!» — и рвет платье на нежной груди.
Быстро уносится Дит, торопятся Дитовы кони,
Трудно им долго терпеть свет непривычный дневной.

Свита ровесниц кричит, кошницы наполнив цветами:
«Эй, Персефона, скорей наши подарки прими!»
Нет ответа. Они оглашают пронзительным криком
Горы и горестно бьют голые груди рукой.
Вопль их Цереру сразил, едва подходившую к Энне:
«Горе! — богиня кричит.— Дочь моя, где же ты, где?»
Мчится она без ума, как фракийские, слышно, менады
Носятся, космы волос на голове распустив.
Словно мать мычит о тельце, что от вымени отнят,
И порожденье свое ищет везде по лесам,
Так и богиня свой вопль удержать не может и мчится
Всюду, начав от твоих, Энна, лугов и полей.
Дальше идет, на следы девичьей ступни нападает
И отпечаток родной видит на почве она.
Может быть, тут и конец ее наступил бы блужданью,
Ежели свиньи кругом не истоптали бы все.
Через поля Леонтин, вдоль быстрой воды Аменана
Мчится она и твои травы минует, Ацид;
Быстро Киану прошла и тихие воды Анапа
И неприступный для всех, Гела, твой водоворот.
Вот и Ортигии нет, миновала Мегару, Пантагий
И побережье, куда льет свои воды Симет,
Нет и пещер, где киклопы повыжгли над кузнями своды,
Сзади остался залив, выгнутый в виде серпа;
Гимеры с Дидимой нет, Тавромения нет, Акраганта
Нет и Мелана с его паствой священных быков.
На Камерину идет, и к Тапсу, и к долу Гелора,
И к Эрицинской горе, той, что на запад глядит.
К Пелориаде затем, к Лилибею идет и к Пахину —
Трем рогам, трем углам на треугольной земле.
Всюду, куда ни придет, оглашает окрестности скорбным
Плачем,— такой издает птичка по Итисе плач.
То «Персефона!» кричит, то «дочка моя!» она кличет,
Попеременно зовет то Персефону, то дочь.
Ни Персефона Церере, ни матери дочь не ответит,
И замолкает в тиши имя и той и другой.
А пастуха увидав, землепашца застигнув за плугом,
Тот же вопрос: «Видел ты деву, бежавшую здесь?»
Смерклось, смешались цвета, и все окуталось темной
Тенью, и сторожевых больше не слышно собак.

Вот перед ней над Тифоновой пастью возвысилась Этна:
Пламенем пышет гора, почву сжигая кругом.
Два сосновых ствола зажигает, как факел, Церера:
Вот почему по сей день факелы в честь ее жгут.
Мрачный таится там грот, в изъеденной созданный пемзе,
Место, куда не зайдет ни человек, ни зверье.
Здесь запрягла, зауздав, она пару змей в колесницу
И по поверхности вод, посуху будто, летит.
Сирты минует, тебя, засевшая в Занкле Харибда,
Вас, нисейских собак, чудищ для всех моряков;
По Адриатике мчится, минует Коринф у двуморья
И достигает твоей, Аттика, твердой земли,
Здесь лишь присев на скалу холодную в тяжкой печали
(У кекропидов скала Скорбной зовется досель),
Много дней провела под небом она неподвижно,
Перенося и луну, и проливные дожди.
Жребий дан каждой земле: где теперь Элевсин у Цереры,
Там в те давние дни жил престарелый Келей,
Желуди там Келей собирал и плоды ежевики
И к своему очагу из лесу хворост носил.
Девочка-дочка двух коз со взгорья домой загоняла,
А в колыбели лежал хилый ребенок больной.
«Мама! — воскликнула дочь (богиню растрогало имя
Матери) — что здесь одной делать в пустыне тебе?»
Стал и старик, и, хоть тяжко стоять под ношей, он просит
Не погнушаться войти в хижину скромную к ним.
«Нет,— говорит она,— нет!» Притворилась старухой и, скрывши
Волосы легким платком, так отвечает ему:
«Вечно будь счастлив, отец! У меня же похищена дочка.
Жребий твой моего лучше гораздо, увы!»
Так сказала и, будто слеза (а ведь боги не плачут),
Светлая капля на грудь теплую пала ее.
Плачет и добрая дочь, и старый отец вместе с нею,
И говорит наконец вот что достойный старик:
«Пусть же вернется к тебе твоя дочь, о которой ты плачешь!
Встань, не гнушайся, прошу, хижиной жалкой моей».
«Ладно, веди! — говорит богиня,— меня убедил ты».
С камня встает и пошла следом за старцем она.

Спутнице тут поведал отец, что сын его болен:
Вовсе не спит и своей хвори не в силах избыть.
Намереваясь войти под скромную кровлю жилища,
В поле она набрала мака снотворных плодов,
Но, набирая (молва говорит), их коснулась устами,
Вовсе забывшись, и тем голод слегка уняла.
Так как она свой пост прервала с наступлением ночи,
То и жрецы ее пост держат до первой звезды.
Переступивши порог, она видит глубокое горе:
При смерти мальчик, и нет на исцеленье надежд.
Матери «здравствуй!» сказав (ее Метанирою звали),
Благоволила в уста мальчика поцеловать.
Бледность сходит с лица, на глазах возвращаются силы,—
Вот из божественных уст сила какая идет! —
Весел весь дом, то есть трое: и мать, и отец, и сестрица:
Все они вместе, втроем, и составляли семью.
Тотчас же ставят на стол молочный творог, простоквашу,
Яблоки и золотой, в сотах хранившийся мед.
Яства не тронув, дает благая Церера младенцу
Мака снотворного сок с теплым испить молоком.
Полночь была, и кругом все было спокойно и тихо:
Тут Триптолема она крепко прижала к груди.
Трижды погладив его и промолвив три заклинанья,
Три заклинанья, каким смертный не должен внимать,
Мальчика тело в очаг, на еще не остывшие угли
Хочет она положить, чтобы очистить огнем.
Нежная тут просыпается мать и, в ужасе вскрикнув:
«Что с тобой?» — из огня вдруг вырывает дитя.
Ей богиня в ответ: «Ты преступницей стала невольно —
Страх материнский мои тщетными сделал дары:
Будет он смертным теперь, но первым пахарем будет,
Первый высеет хлеб, первым плоды соберет».
Молвила так и, себя за облаком скрыв, ко драконам
Вышла Церера и в путь по небесам понеслась.
Суния мыс позади, и спокойная гавань Пирея,
И берега, что лежат с правой руки от нее.
Дальше в Эгейскую зыбь направляется, видит Киклады,
К хищной Ионии мчит и к Икарийским брегам.

По азиатским летит городам, стремясь к Геллеспонту,
И то туда, то сюда в сторону правит свой путь.
То она видит страну собирающих ладан арабов,
Индию, Ливию, то знойной Мерои пески;
То к гесперийским летит она Рену, Родану, Паду
Или к могучим струям Тибра грядущего мчит.
Смею ли вслед? Нельзя перечислить пути ее страны:
Не был Церерой забыт край ни один на земле.
Бродит и в небе она по созвездьям, не тонущим в море,
Так обращаясь к звездам хладного края небес:
«Звезды Паррасии! Вы ведь можете знать все на свете,
Ибо в пучине морской не исчезаете вы,
Матери бедной мою обнаружьте вы дочь Персефону!»
Молвила так, и такой дан ей Геликой ответ:
«Ночь неповинна: спроси о похищенной дочери Солнце,
Солнце ведает все, что совершается днем».
К Солнцу идет, но в ответ она слышит: «Напрасны исканья:
С братом Юпитера дочь в третьей державе царит».
Долго стенала она и так Громовержцу сказала,
А на лице у нее горькая виделась скорбь:
«Если ты помнишь еще, от кого родилась Прозерпина,
То и тоску ты о ней должен со мною делить!
Целый я мир обошла, чтоб узнать про ее похищенье,—
Но и доселе она в прежнем томится плену.
Но Персефона моя недостойна хищника-мужа
И не такого себе зятя готовили мы.
Если б Гигант победил, разве хуже мне, пленнице, было б,
Нежели стало сейчас, в век, когда царствуешь ты?
Он безнаказан. Пускай! Я отмщенья не требую; пусть он
Дочь мне вернет и свою этим искупит вину».
Ей в утешенье вину извиняет любовью Юпитер
И говорит ей: «Ведь зять нам не позорен такой!
Я не знатнее его: моя держава на небе,
Водами правит мой брат, хаосом брат мой другой.
Но коль упорствуешь ты и воля твоя непреклонна
И коль решила рассечь узы супружества ты,
Я постараюсь помочь, если дочь твоя все голодает,
Если же нет, то навек быть ей Плутону женой».
В Тартар, приказ получив, на крыльях летит Жезлоносец
И, возвратившись скорей, чем ожидали, донес:

«Девы похищенной пост,— сказал он,— уже разрешился:
Взявши гранатовый плод, съела она три зерна».
Впала в отчаянье вновь, точно снова похитили дочку,
Бедная мать и в себя долго прийти не могла.
И говорит: «Дольше жить не могу я в небесных чертогах:
В доле Тенара теперь мне обитать повели!»
И удалилась бы в глубь, коль не дал бы клятвы Юпитер
В том, что шесть месяцев в год в небе останется дочь.
Только тогда прояснилось лицо и душа у Цереры
И увенчал ей главу вновь из колосьев венок.
Вновь породили поля на земле изобильную жатву
И поместился едва весь урожай в закромах.
Белое все по душе Церере: наденьте одежды
Белые в праздник ее; темная шерсть не про нас.

13 апреля. Иды

В иды апрельские чтим Юпитер у нас Победитель;
В этот день ему храм некогда был посвящен.
В этот же день, если я не ошибся, во славу народу
Римскому был заложен нашей Свободы чертог.

14 апреля

В утро грядущего дня, мореплаватель, в гавань укройся:
Западный ветер тебя в море настигнет и град.
Хоть, несмотря и на град, бушевавший тогда при Мутине,
Наголову разбил Цезарь все войско врагов.

16 апреля

После Венериных ид, когда третье утро настанет,
Надо, понтифики, вам стельную «форду» заклать.
«Фордой» корову зовут, что беременна, но не телилась:
«Форда» от «ферре» — носить, так же как «фетус» — телок.
Ныне беременен скот, беременна почва весною,
А плодовитой земле плодная жертва под стать.
В храме Юпитера часть, а тридцать коров закалают
В курии: льется там кровь полным, широким ручьем.

Только лишь вынули плод из нутра материнского чрева,
Тотчас бросают куски мяса на дымный алтарь,
А сожигать там телят поручают старшей весталке,
Чтобы народ очищать пеплом в Палилиев день.
Стали при Нуме-царе бесплодны труды земледельцев —
Все их мольбы к небесам были напрасны тогда.
То ли засушлив был год, то ли дули холодные ветры,
То ль постоянный лил дождь и затоплялись поля;
Часто хозяев в обман зеленями вводили посевы
И бессемянный овес рос в бороздах полевых,
Или до времени скот порождал скороспелое племя,
Или давила овца новорожденных ягнят.
Лес престарелый стоял, топорам дровосеков запретный,
И Менaлийскому он был посвящен божеству:
Из лесу бог подавал ответы спокойно безмолвной
Ночью. Нума в лесу двух закалает овец,
В жертву Фавну одну, другую сладостной Дрёме,
И на земле постелил шкуру и той и другой.
Дважды обрызгал он пряди волос родниковой водою,
Дважды оплел он виски буковых веток листвой,
И, воздержась от любви, воздержась от животного мяса,
Ни единым кольцом не украшая перста,
Грубой одеждой укрыт, растянулся на свежем руне он,
В благочестивых словах бога молитвой призвав.
Между тем, осенив чело свое тихое маком,
Ночь подступает, за ней черные тянутся сны;
Вот появился и Фавн, руно попирая копытом,
И одесную изрек он таковые слова:
«Смертью, о царь, двух коров умолить тебе следует Землю:
Пусть же телица одна в жертву отдаст две души».
Ужасом царь пробужден, о виденье он думает странном:
Тайна приказа темна и непонятна ему.
Тут обретает его в лесу дорогая супруга
И говорит: «Надо взять стельной коровы нутро!»
Стельной коровы приплод приносят в жертву; обилен
Стал этот год, родили щедро и скот и земля.
Этому дню поспешить Киферея однажды велела
И приказала быстрей мчаться ретивым коням,
Чтобы как можно скорей получил императора званье
Юноша Август за то, что победил он врагов.

18 апреля

Но миновало уже после ид и четвертое утро,
И увлекает к себе ночью Дорида Гиад.

19 апреля. Цереалии

По удаленье Гиад, когда третье засветится утро,
Порознь будут стоять в Цирке упряжки коней.
Но почему в этот день лисиц выпускают, зажегши
Факелы им на хвостах, надобно мне объяснить.
Почва Карсеол совсем холодна, для маслин непригодна,
Но для посева хлебов очень она хороша.
Там путешествовал я по родимой земле Пелигнийской,
Малой, но вечно сырой из-за дождей проливных.
К старому другу я в дом вошел, как бывало обычно,
В час, когда распрягал Феб утомленных коней.
Многое друг рассказал, как и прежде, и то мне поведал,
Что пригодиться могло в начатом мною труде.
«В этой равнине,— сказал и мне показал на равнину,—
Скромно селянка жила с мужем суровым своим.
Он обрабатывал там свое поле, работая плугом,
Иль искривленным серпом, или двузубой киркой;
Дом подметала жена, стоявший на крепких подпорках,
Да под наседку клала яйца, цыплят выводя,
Иль собирала грибы для еды и зеленую мальву,
Иль разводила огонь в малом своем очаге;
Не покладая рук, она ткала постоянно
И запасалась всегда теплой одежей к зиме.
Был у нее и сынок, по малому возрасту резвый:
Ведь миновало ему только двенадцать годков.
Раз в ивняке на краю их усадьбы словил он лисицу:
Множество птицы она за загородкой крала.
Пленницу он обмотал кругом соломой и сеном
Да и поджег, но лиса вырвалась прямо из рук,
И, убежав, заронила огонь на хлебные нивы;
Ветер подул и раздул с гибельной силой пожар.

Кончилась эта беда, но память о ней сохранилась:
Ныне в Карсеолах строг вечный запрет на лису;
А в искупление жгут в Цереалии чучело лисье,
И погибает оно так же, как хлеб погибал».

20 апреля

Утром, как только взглянуть на земные выйдет просторы
Алая Мемнона мать на розоцветных конях,
Солнце покинет вождя руноносного стада, что предал
Геллу, и Солнцу вослед тучные жертвы несут.
То ли Тельца славят здесь, то ль Телицу, узнать невозможно:
Видно переднюю часть, задняя скрыта от глаз.
Будь это знак Тельца или знак Телицы,— однако,
Как там Юнона ни злись, он знаменует любовь.

21 апреля. Парилии

Кончилась ночь, и встает Аврора. Парилии надо
Петь: не напрасно, коль мне Палес на помощь идет!
Палес благая, певца вдохнови ты пастушеских таинств,
Если могу я почтить праздник твой песней своей.
Я ведь и пепел тельца, и бобовые стебли рукою
Полной тебе приносил как очистительный дар;
Я ведь и через костры, по три в ряд разожженные, прыгал,
И окропляли водой с ветви лавровой меня.
Благословляет мой труд богиня: из гавани вышла
В море ладья, и надул ветер мои паруса.
С девственного алтаря проси курения, тополь:
Веста подаст тебе дар, Веста очистит тебя.
А для курений пойдет кровь коня и пепел теленка;
Третьим пустой черенок твердого будет боба.
Сытых очисти овец при первых сумерках, пастырь,
Землю водой окропи, веткой ее подмети,
Зелень повсюду вплети и ветвями увей ты овчарни,
Двери укрась и повесь длинный венок на косяк.
Чистая сера пускай голубым разносится дымом,
И от дымящейся пусть серы заблеет овца.
Жги ты мужские еще маслины, сосну, можжевельник,
Пусть посреди очагов лавр, загораясь, трещит.

Пшенные пусть пироги пойдут с корзинкою проса:
  Эта особенно снедь сельской богине мила.
Яства прибавь и кувшин молока и, раздав эти яства,
  Палес лесную моли, теплым почтив молоком:
«Ты позаботься, скажи, о скоте и хозяевах стада,
  Чтоб никакого вреда не было стойлам моим!
Коль в заповедник забрел, иль под деревом сел я священным,
  Иль ненароком овца траву щипала с могил,
Если ступил я на место священное, если от взоров
  Нимфы бежали моих или бог-полукозел,
Если мой нож нарезал ветвей в раскидистой роще,
  Чтоб захворавшей овце листьев в лукошко нарвать,—
Ты уж меня извини! А когда идет град, не преступно
  Будет скотину свою к божьим навесам пригнать.
Коль взбудоражил прудки, вы простите, пожалуйста, нимфы,
  Что мой копытами скот воду вам всю замутил.
Ты же, богиня, для нас охрани родники, родниковых
  Нимф умоли, призови в рощах живущих богов:
Да не заметим дриад, не подсмотрим купален Дианы
  Или же Фавна, когда в полдень траву он примнет.
Хвори от нас отгони: пусть здравствуют люди и стадо
  И не болеют ничем наши сторожкие псы.
Пусть без урона стада с утра и до вечера будут,
  И не оплачу я шкур, содранных волком с овец.
Пусть злобный голод уйдет, пусть травы и листвы будет вдоволь,
  Вдоволь воды, чтоб омыть тело и жажду унять;
Полное вымя пусть брызжет, пусть сыр мне приносит доходы,
  Пусть на моем решете соком сочится творог;
Будь баран похотлив, а самка его многоплодна,
  Чтобы по стойлам моим множество было ягнят;
Шерсть вырастает пускай такая, что пальцев не ранит
  Женских и будет всегда мягкой для ловкой руки!
Все это сбудется пусть, а мы ежегодно богине
  Палес, как все пастухи, будем месить пироги».
Так богине молись и скажи это раза четыре,
  Ставши лицом на восток, руки росою омыв.
Братину взяв, молоком белоснежным наполни, как чашу
  Ты для питья, и к нему сусла багряного влей;

И через кучи потом на огне трещащей соломы
Мчись, оттолкнувшись ногой в ловком и быстром прыжке.
Это обычай. Теперь объяснение дать ему надо,
Но я колеблюсь: ведь все разное тут говорят.
Все вычищает огонь, из руды выжигает металлы,
Не потому ль и овец чистит он, и пастухов?
Иль потому, что в вещах противные спорят стихии,
Не примиряясь никак: боги огня и воды,
Объединили отцы их друг с другом, считая ль, что надо
Вслед за кропящей водой тела касаться огнем?
Иль что в них жизнь и ее теряет изгнанник, а жены
В браке находят, и в том — сила огня и воды?
Видят здесь также намек, в котором я сомневаюсь,
На Фаэтона и весь Девкалионов потоп.
Иль говорят, что когда пастухи били камень о камень,
То неожиданно вдруг вспыхнула искра из них;
Первая сгасла, но вот от второй загорелась солома:
Не потому ль и пошло пламя Парилий у нас?
Или, скорей, благочестный Эней ввел этот обычай,
Ибо огонь, отступив, дал побежденному путь?
Нет, вероятней всего, что при основании Рима
Ларов из старых домов к новым несли очагам:
При перемене жилищ шалаши полевые сжигались
И погорали в огне хижины прежние все;
Скот прыгал через огонь, и прыгали с ним и селяне,—
В день рождества твоего, Рим, вспоминают о том.

Самое место певца вдохновит: основания Рима
Близится день. О Квирин, дай мне дела твои петь!
Брат Нумитора был уже предан заслуженной казни,
Весь пастуший народ братьев вождями признал.
Объединить надо было селян и стены построить
Братьям, но спор начался: кто эту стройку начнет?
«Нечего спорить,— сказал тогда Ромул,— нам между собою:
Птицы вернее решат, вот мы и спросим у птиц!»
Так и решили. Один пошел на лесистый Палатий,
И поспешает другой на Авентин поутру.
Рем видит птиц шестерых, а Ромул — двенадцать. Решилось
Дело, и Ромул тогда града властителем стал.

День был назначен, чтоб плуг прочертил основание стенам.
Палесы праздник настал: в день этот начали труд.
Вырыт глубокий ров, плодов насыпали в яму
С почвою вместе, ее с поля соседнего взяв.
Ров наполняют землей, алтарь над зарытым возводят
И зажигают огонь в полном плодов очаге.
Города стены потом намечает движение плуга,
Что белоснежный влечет с белою телкою бык.
Голос раздался царя: «Зиждителю града, Юпитер,
Маворс родитель и мать Веста, внемлите вы мне!
Также внимайте и вы, все боги, которых мы славим:
Благословите, молю, вы начинанье мое!
Да долговечным сей град над землею владыкою будет,
Да покорятся навек запад ему и восток!»
Так он молил, и слева ему отозвался Юпитер
Грома ударом, с небес молнией слева сверкнув.
Знаменью рады, кладут основанье граждане граду,
И над землею растет новая быстро стена.
Строящих Целер бодрит: сам Ромул призвал его к делу,
«Пусть это будет,— сказав,— Целер, заботой твоей.
Пусть никто не шагнет через стены иль вырытый плугом
Ров: коль найдется наглец,— ты его смерти предай».
Рем же, не зная о том, смеяться над низкой стеною
Начал, спросив: «Ты народ этой укроешь стеной?»
И перепрыгнул. Его ударил заступом Целер,
И оросилась земля кровью его, смельчака.
Царь же, об этом узнав, сдержал набежавшие слезы,
И, хоть болело в груди сердце о брате родном,
Плакать не стал он у всех на глазах, сохранил свою стойкость:
«Так да погибнет, сказал, враг, что чрез стены шагнет!»
Но, повелев похороны начать, уж не мог удержать он
Плача, и стала видна скрытая к брату любовь.
Над погребальным одром склонясь с поцелуем, сказал он:
«Ты, против воли моей брат мой погибший, прости!»
Перед сожжением он умастил тело Рема, и то же
Фавстул сделал, и с ним Акка, власы распустив.
Плакали все, кто потом получили имя квиритов.
Вот наконец подожжен был похоронный костер.
Так этот город возник (кто этому мог бы поверить?),
Земли который прижмет победоносной пятой.

Царствуй над всеми и будь великому Цезарю поддан
Вечно, и роду его отпрысков многих подай!
Сколько тебе ни стоять, возвышаясь над миром покорным,
Пусть ничто никогда плеч не превысит твоих!

23 апреля. Виналии

Палес я пел, а теперь воспеть я Виналии должен:
Только один разделил эти два праздника день.
Девы доступные, празднуйте праздник во славу Венеры!
Держит Венерина власть много прибытку для вас.
Требуйте, ладан куря, красоты у нее и успеха,
Требуйте вы у нее шуток и вкрадчивых слов.
Свейте своей госпоже венки из мирта и мяты,
Свейте пучками кугу, розами их оплетя!
Надо вам всем у Коллинских ворот собираться во храме:
По сицилийскому храм этот был назван холму.
Некогда Клавдий Марцелл, с бою сильные взяв Сиракузы,
В той же войне полонил Эрикс, Венерин приют.
Увезена была в Рим Венера по слову Сивиллы
И предпочла, чтоб ее чтили во граде родном.
Но почему на Виналиях чествовать стали Венеру,
И почему этот день также Юпитеру свят?
Чтобы решить, кому стать латинской зятем Аматы,
Бились Турн и Эней. С Турном этруски пошли.
Знатен Мезенций, их вождь, и неистов на поле сраженья,
Страшен он был на коне, пешим еще был страшней.
Рутулы с Турном его на свою привлечь постарались
Сторону, но возразил так им надменный этруск:
«Стоит немало моя мне доблесть: свидетели раны
Вместе с оружьем, что я кровью своей обагрял.
Просишь о помощи ты, удели же ты мне и награду
Малую: первое дай бочек латинских вино!
И не помедли: твой дар, мое же дело — победа.
Как возликует Эней, если откажешь мне ты!»
Рутулы дали обет. Мезенций вооружился,
Вооружился Эней, вышнего бога моля:
«Сбор винограда царю тирренскому дан, но, Юпитер,
Ты от латинской лозы весь урожай соберешь!»

Лучший обет одолел. Повержен Мезенций огромный
И недостойной своей грудью на землю упал.
Осень настала, грязна от ногами растоптанных гроздьев,
И бережется вино в должный Юпитеру дар.
Праздник Виналий пришел: Юпитер его принимает
И причисляет к своим радостно праздникам он.

25 апреля. Робигалии

Только неделя одна до конца остается апреля,
На середине уже вешнего времени бег.
Овна уже не ищи, Афамантовой смертного Гелле:
Дождь в эту пору идет, в небе является Пес.
Как возвращался однажды я в Рим той порой из Номента,
На середине пути белую встретил толпу.
Фламин шел в этот день в стародавнюю рощу Робиги,
Чтобы овцы на огне жечь и собаки нутро:
Тотчас же я подошел, чтобы знать и об этом обряде;
Фламин же твой, о Квирин, молвил такие слова:
«Злая Робига, щади посевы Цerериных злаков,
Дай им над почвой качать нежные стебли свои!
Всходам дай возрастать под сиянием звезд благосклонных
Вплоть до того, как они станут годны для серпов.
Сила твоя велика: ведь хлеб, пораженный тобою,
Грустный сочтет селянин горькой потерей своей.
Ветры и ливни не так хлебам губительны будут,
Да и мороз не такой зернам урон принесет,
Как если влаги лишит посевы знойное солнце:
Это, богиня, твоей ярости гибельный знак.
О, пощади, и не тронь ты всходов шершавой рукою,
И не губи урожай: мощь твоя ведома всем!
Нежных посевов не ржавь, суровое ржавь ты железо —
То, что губит людей, прежде всего ты губи.
Лучше грызи ты мечи со всем вредоносным оружьем:
Нет в нем нынче нужды, в мире господствует мир.
Острый заступ, двузубец кирки, сошник изогнутый,
Ваше время — блестеть, время оружий — ржаветь.
Если же кто обнажить забытый клинок пожелает,
Пусть он увидит, что меч крепко приржавел к ножнам.

Ты же Цереру не мучь! Свои поселянин обеты
Может тебе исполнять, даже когда тебя нет».
Так он сказал. В деснице его был плат длинношерстый,
Чаша с чистым вином, ладана полный ларец.
Ладан, вино и овечьи кишки приносит он в жертву
С мерзким (видел я сам) гнусной собаки нутром.
А на вопрос мой, зачем эта новая, странная жертва,
Фламин ответил: «Узнай, что за причина ее.
В небе есть пес, Икарий по имени; лишь он восходит,
Мучится в жажде земля и засыхает посев.
Ради небесного пса на алтарь возлагают собаку,
И лишь название «пес» к смерти приводит ее».

28 апреля. Флоралии

После того, как Тифона жена, покидая супруга,
Трижды в пространство небес светлый свой лик подняла,
Тотчас богиня идет в своих венках многоцветных:
Сцена открыта опять вольностям шуток срамных.
Празднество Флоры пойдет, вплоть до майских календ продолжаясь:
Там я о них и скажу, ныне же труд мой важней.
Веста, прими этот день! В родном принимается доме
Веста: так учредил наш справедливый сенат.
Фебу часть дома дана, другая отводится Весте,
Третья же часть дворца Цезарю принадлежит.
Лавр Палатина, живи! Обрамленные дубом, живите
Дома покои! В себе трех вы храните богов.

Книга пятая

Спросите вы, откуда пошло имя месяца мая?
Наверняка не могу этого я объяснить.
Точно как путник стоит в сомненье, не зная, в какую
Сторону надо идти на перекрестке дорог,
Так же и я, когда мне объяснений приводится много,
Выбрать одно не могу: в этом обилии — вред.

Вы укажите мне путь, Аганиппиной ключ Гиппокрены
    Музы хранящие — след пенный Медузы коня!
Спор у богинь начался. Из них Полигимния первой
    Молвила; прочие все молча внимают словам.
«Кончился Хаос, и натрое мир разделился впервые,
    И мироздание все в новые виды вошло:
Тяжко осела земля и моря за собой притянула,
    А в высочайшую высь легкое небо взвилось.
Солнце и звезды тогда вознеслись, невесомые, в небо,
    Вспрыгнули кони Луны вышние тропы топтать.
Но ни земля небесам, ни Фебу прочие звезды
    Не уступали: почет был одинаковый всем.
Часто, бывало, престол, который, Сатурн, занимал ты,
    Кто-то из низших божеств рвался отнять и занять,
И покушался пришлец на широкую грудь Океана,
    И заточенная шла в дальний Фемида предел,
Вплоть до поры, когда Честь и Почет, с его ликом спокойным,
    Не сочетали свои в браке законном тела.
Мощь породили они, Майесту, что властвует миром,—
    Еле родиться успев, стала могучей она
И на высокий воссела престол на средине Олимпа,
    В золоте вся заблистав пурпуром ярких одежд.
Были с ней Совесть и Страх, да и все высочайшие боги
    Согласовали свой лик с нею, воссевшею там.
Тут же проникло в умы уваженье к почетному званью:
    Стали достойных ценить, гордость и спесь отложив.
Многие годы такой порядок держался на небе,
    Вплоть до того, как с твердынь свергнут старейший был бог.
Дикое племя Земля породила — чудовищ-гигантов,
    Дерзко посмевших напасть и на Юпитеров дом;
Тысячу рук им дала, и змей вместо ног отрастила,
    И приказала: «На бой против великих богов!»
Горы они громоздить до звездных высот начинают
    И угрожают войной трону владыки небес.
Громом с небесных твердынь Юпитер по ним ударяет
    И на зачинщиков он их же громады валит.
Мощь под защитой оружья богов сохраняет величье
    И ограждает с тех пор силу свою и почет.
Мощь — Майеста теперь сопрестольна Юпитеру в высях,
    Предоставляя ему власть без насилья держать.

Мощь блюдет и почтенье к отцам и честь материнства,
Мощь охраняет пути отроков юных и дев.
Мощью и фаски даются властям, и курульное кресло,
Мощь побеждает врага и торжествует триумф».

Кончила слово свое Полигимния: речь одобряют
Клио с Талией, чья песнь громко под лиру звучит.
Дальше Урания речь начинает; все замолчали,
Только один лишь ее голос был слышен теперь:
«Некогда высший почет стариковским присущ был сединам
И уваженье внушал старцев морщинистый лоб.
Марсово дело вели и отважно на войнах сражались
Юноши, стойко своих оберегая богов.
Старость, по силам слабей и оружьем владеть неспособна,
Часто давала совет мудрый отчизны сынам.
В курию доступ открыт был только одним престарелым:
Право сенатором стать возраст спокойный давал.
Только старейшина правил суды, и был узаконен
Возраст, с которого был доступ открыт к должностям.
Старший шел меж двоих молодых, и они не роптали,
А при одном молодом шел он поближе к стене.
Разве кто-нибудь смел говорить непристойно при старших?
Нет: всегда старики строго пристойность блюли.
Ромул за этим смотрел: он избранных старцев отцами
Назвал, препоручив им в новом городе власть.
Старшие саном, они получили названье «майоры»,
А потому и пошло именование «Май».
Да и Нумитор сказал, может быть: «Дай, Ромул, сей месяц
Старцам». И не посмел деду противиться внук.
Верной порукой такой старикам предоставленной чести
Служит июнь: получил имя по юношам он».

Тут Каллиопа, плющом перевив небрежные кудри,
Первая в хоре своем так начала говорить:
«Некогда взял Океан, омывающий водами землю,
Тифию в жены себе,— ту, чьим отцом был Титан.
Дочь их Плейона, вступив в брак с небо держащим Атлантом,
В этом браке (идет слава) Плеяд родила.
Майя из них красотой сестер своих превосходила
И от владыки богов плод, говорят, понесла.

На кипарисом поросшей Киллене она породила
Сына, который летать мог на крылатых ногах.
Чтят его быстрый Ладон и огромный Менал, и повсюду
Люди в той древней стране, созданной раньше Луны.
Некогда прибыл Эвандр, из Аркадии изгнанный, в Лаций,
Вместе с собой привезя и аркадийских богов.
Там, где стоит теперь Рим, глава мира, был луг и деревья,
Малое стадо овец да кое-где шалаши.
«Стойте! — воскликнула тут пророчица, матерь Эвандра,—
Здесь, на месте села, встанет державная власть!»
Матери внял, провидице внял герой нонакрийский,
И на чужой стороне остановился пришлец.
Таинствам многим потом,— первым делом, двурогого Фавна
И крылоногого он бога,— народ обучил.
Ты, козловидный Фавн,— божество полуголых луперков,
Что очищают пути людные шкурой овец;
Ты же, хранитель воров, первый лирник изогнутой лиры,
Матери имя своей месяцу ты даровал.
И не одну ее ты почтил: семь струн твоей лиры
Обозначают число всех семизвездных Плеяд».

Вот Каллиопы слова; и с ними согласны Камены.
Как же мне быть? Ведь рассказ каждой меня убедил.
Пусть Пиэриды со мной одинаково будут любезны,
Я же доверье свое поровну всем отдаю.

1 мая. Календы. Ларалии

Пусть от Юпитера песнь начинается. Первой же ночью
Встанет звезда, что была у колыбели его.
Козочка эта, что дождь предвещает,— из града Олена:
Ей небеса даровал бог за ее молоко.
Славной на Крите была, говорят, Амалфея-наяда,—
Нимфа, которою был спрятан Юпитер в лесу.
Там у нее и коза из стад, пасомых на Дикте,
С двойней козляток была, на загляденье всем:
Пара высоких рогов у нее над спиной загибалась,
А ее выменем мог быть сам Юпитер вскормлен.

Бога питала, но вот о дерево рог обломила
И половину своей тут потеряла красы.
Нимфа тот рог подняла, повила его свежей травою
И до Юпитера уст полным плодов поднесла.
Он же, когда воцарился в выси, на престоле отцовском
Сев, и ничто не могло выше Юпитера стать,—
Сделал кормилицу он и кормилицы рог плодоносный
Звездами: рог и досель имя хранит госпожи.

В мая календы алтарь был воздвигнут хранителям-Ларам
И изваяния с ним малые этих богов.
Курием он посвящен, но давно уж от ветхости рухнул —
Даже и камни порой долгая старость крушит.
Имя «хранителей» им потому присвоено было,
Что охраняет их взор все, за чем смотрят они.
Нас они берегут, соблюдают и города стены,
С нами всегда, и во всем помощь они подают.
Но у подножия Ларов стоит из камня собака —
Как объяснить, почему вместе здесь Лары и пес?
Вместе хранят они дом и оба хозяину верны;
За перепутьем следит Лар, и собака следит.
Оба сгоняют воров — и Лар и Дианина стая,
Бдительны Лары всегда, бдительны также и псы.
Долго повсюду искал я двойные богов изваянья,
Но долголетних веков сила разрушила их;
Тысячу Ларов и Дух вождя, поручившего нам их,
Город имеет: квартал каждый чтит три божества.

Что ж это я? В месяц август об этом пойдут мои речи;
Доброй Богине теперь надо мне песнь посвятить.
Холм есть природный, ему дало имя и самое место:
Назван Скалою он был, доброю частью горы.
Тщетно стоял на нем Рем, в то время как его брату
Птицы отдали власть на Палатинском холме.
Храмы там возвели, запретив посещать их мужчинам,
Древние наши отцы на пониженье холма.
Клавсов старинного рода наследница их посвятила,
Тела какой ни один муж не касался еще.
Ливия их починить озаботилась, помня о муже
И продолжая всегда все начинанья его.

2 мая

Только лишь, звезды прогнав, рожденная Гиперионом
Алый светоч зажжет, мчась на рассветных конях,
Тотчас прохладный Аргест овеет колосья на нивах
И в Калабрийскую зыбь парус потянет ладью.
А как опустится в сумерках ночь на темную землю,
Тотчас вся стая Гиад на небе станет видна.
Семь на челе у Тельца огневыми горящих лучами
Числят Гиад — дождевых: греки их назвали так.
Вакха, считают одни, вскормили они, а другие
Тефии внучками их и Океана зовут.
В те времена как Атлант на плечах не держал еще неба,
То родился у него дивнопрекрасный Гиант.
Океанида его родила своевременно Эфра,
Так же как нимф, но Гиант раньше сестер родился.
С первым пушком на щеках уже он пугливых оленей
Гнал и любил русаков, сети расставив, ловить.
Храбрость его все росла с годами, и начал он смело
На кабанов выходить и на щетинистых львиц.
К логову раз подойдя, где была со щенятами львица,
Сам он ливийской тогда хищницы жертвою пал.
Плакала мать по Гианте, Гианта оплакали сестры
И свою шею под твердь должный подставить Атлант,
Но и родителей скорбь превзошло сестер благочестье:
Небо дало им оно, имя же дал им Гиант.

3 мая. Флоралии

«Мать цветов, появись, тебя славим мы в играх веселых!
Я о тебе не успел в месяце прошлом пропеть.
Ты завершаешь апрель и в майские дни переходишь:
Первый бежит от тебя и принимает второй.
Тот и другой свои смежные дни тебе посвящают,
Славить тебя мы должны в месяц и тот и другой.
Цирк открывается наш, возглашают в театрах победы,
Так что и цирку теперь должен я песню слагать.
Ты же сама расскажи о себе. Ненадежны людские
Толки: имя свое лучше ты всех объяснишь».

Так я сказал. На слова мои так отвечает богиня
(Вешних дыхание роз с уст излетает ее):
«Флорой зовусь, а была я Хлоридой; в устах же латинских
Имени моего греческий звук искажен.
Да, я была на блаженных полях Хлоридою-нимфой,
Там, где счастливцы мужи в оное время цвели.
Как хороша я была, мне мешает сказать моя скромность,
Но добыла я своей матери бога в зятья.
Как-то весной на глаза я Зефиру попалась; ушла я,
Он полетел за мной: был он сильнее меня.
Право девиц похищать Борей ему дал: он и сам ведь
Дочь Эрехтея увлек прямо из дома отца.
Все же насилье Зефир оправдал, меня сделав супругой,
И на свой брачный союз я никогда не ропщу.
Вечной я нежусь весной, весна — это лучшее время:
В зелени все дерева, вся зеленеет земля.
Сад плодовитый цветет на полях, мне в приданое данных:
Нежит его ветерок, ласково воды журчат.
Сад мой украсил супруг прекрасным цветочным убором,
Так мне сказав: «Навсегда будь ты богиней цветов!»
Но перечесть все цвета на цветах, рассеянных всюду,
Я никогда не могла: нет и числа их числу.
Только лишь иней сойдет росистый с раскидистых листьев
И лишь согреют лучи пестрый древесный наряд,
Сходятся Оры ко мне, в расписные одетые платья,
И собирают дары наши в кошницы свои.
Следом Хариты идут, венки и гирлянды сплетая,
Чтобы в небесные ввить кудри и косы свои.
Первая я семена посеяла новые людям:
Ведь одноцветной была почва земли до меня.
Первая я создала цветок из крови ферапнейца,
Жалобный возглас его на лепестках начертав.
Также и ты сохранил свое имя на грядах цветочных,
Бедный Нарцисс, для себя не отыскав двойника.
Крокуса мне ль поминать или Аттиса с сыном Кинира,
Всех, кто за раны свои славу во мне получил?
Марс точно так же, узнай, по моей же затее родился,
Пусть лишь Юпитер, молю, так и не знает о том.
В горе Юнона была, что ей не пришлось для Минервы
Матерью стать, что ее только Юпитер родил.

Шла к Океану она, негодуя на дело супруга;
Остановилась, устав, около наших дверей.
Лишь увидав ее, так я спросила: «Зачем, дочь Сатурна,
Здесь ты?» Сказала она, держит куда она путь,
И объяснила зачем. Попыталась ее я утешить:
«Нет, говорит, не словам горе мое унимать!
Если Юпитер родил, а супругой своей пренебрег он,
Матери имя в себе соединив и отца,
Что же отчаяться мне стать матерью вовсе без мужа
И, оставаясь всегда чистою, все же родить?
Все я испробую зелья в просторах земли поднебесной,
Все я обрыщу моря, в Тартара бездну сойду!»
Так голосила она, но в лице моем было сомненье.
«Нимфа! — вскричала она.— Ты ведь мне можешь помочь».
Трижды пыталася я посулить ей помощь, и трижды
Я не решалася: был страшен Юпитера гнев.
«Ах, помоги мне! — она говорит.— Тебя я не выдам:
Стиксовых вод божеством в этом тебе поклянусь».
«Волю твою, говорю, исполнит цветок, что получен
Мною с Оленских полей: он лишь один у меня.
Давший его мне сказал: «Коль им тронешь бесплодную телку,
То понесет». И она, тронута им, понесла.
Пальцем сорвавши цветок, к Юноне я им прикоснулась,
И, лишь дотронулась им, тотчас она зачала.
К левому брегу она Пропонтиды во Фракию вышла,
И по желанью ее Марс появился на свет.
Памятуя о своем чрез меня появленье, сказал он:
«В городе Ромула здесь вместе со мной обитай!»
Может быть, думаешь ты, что лишь в нежных венках мое царство?
Нет, моему божеству подчинены и поля.
Коль хорошо зацветет посев, будут житницы полны;
Коль хорошо зацветут лозы, появится Вакх;
Коль хорошо зацветут оливы, год будет богатым;
Много ль созреет плодов — тоже видать по цветам.
Если же гибнут цветы, погибает и вика с бобами
И погибает, пришлец Нил, чечевица твоя;
Даже вино, что хранят бережливо в обширных подвалах,
Также цветет, и всегда пенится в бочках оно.

Мед — это тоже мой дар: ведь пчелок, что мед собирают,
Я на фиалки зову, клевер и бледный тимьян.
Я же причина того, когда предается разгулу
Вся молодежь и ее юные силы цветут».

Я изумлялся словам ее молча, она же сказала:
«Спрашивай! Каждый вопрос должный получит ответ».
«Ты мне, богиня, скажи,— спросил я,— откуда твой праздник?»
И не успел я спросить, как отвечает она:
«Не было вовсе еще возможностей к роскоши в жизни:
Все достоянье людей было в стадах иль в земле;
Мерой богатства тогда был скот или поле для пастбищ;
Но и тогда для богатств уж нарушался закон.
Стало в обычае брать для пастбищ народное поле,
И не платился никто долгое время за то.
Не охранялось тогда добро народное вовсе,
Лишь недогадливый пас скот свой на частной земле.
В это вмешались тогда Публиции — оба эдилы,
А до того ни один не находился смельчак.
Дело к народу пошло, с виновных пеню взыскали
И защищавших народ громкой почтили хвалой.
Часть этой пени досталась и мне: по воле народа
Новые игры тогда в честь учредили мою.
Частью же пеня пошла на дорогу в холме каменистом,—
Стала удобной тропа: это Публициев склон».
Я полагал, каждый год Флору празднуют. «Нет,— отвечает
И добавляет еще к этому новый рассказ:
Почести милы и нам: алтари мы и празднества любим,
Ведь небожителей всех честолюбива толпа.
Часто богов раздражить оскорбитель какой-нибудь может,
Но искупительной он жертвою гнев их уймет.
Часто Юпитера я наблюдала, когда был готов он
Молнию ринуть, но тут ладан смягчал его дух.
Если же кто невнимателен к нам, мы караем за это
Тяжко, и гнев божества больше бывает вины.
Вспомни, как дальний огонь Мелеагра спалил Фестиада
Лишь потому, что забыл Фебе он жертву возжечь;
Или как флот Танталида держала та же богиня —
Дева, что мстила за свой презренный дважды алтарь.

Горестный Ипполит, почтить не хотел ты Диону,
И растерзали тебя в бешенстве кони твои.
Не перечислить потерь, навлеченных небрежным забвеньем!
Так вот и мной пренебрег некогда римский сенат.
Что было делать и как мне свое показать возмущенье?
Неуваженье ко мне чем я могла отомстить?
В горе я презрела долг: перестала смотреть за полями,
До плодовитых садов дела уж не было мне;
Лилии никли в садах, на глазах засыхали фиалки,
И увядал на стеблях ссохшийся красный шафран.
Часто шептал мне Зефир: «Своего, тебе данного, вена
Ты не губи!»,— но оно было ничто для меня.
Были оливы в цвету — и губили их резкие ветры;
Были посевы в цвету — град выбивал в них зерно;
Лозы сулили вино — а небо чернело от Австров,
И неожиданно вдруг ливень сбивал всю листву.
Я не хотела того: я в гневе своем не жестока;
Но не заботилась я противоборствовать злу.
Тут и решили отцы: коль будет год цветоносным,—
Каждой весной божество чествовать будут мое.
Был по душе мне обет. И вот Постумий и Лена,
С консулом консул вдвоем игры назначили мне».

Я собирался спросить, почему же такая игривость
Царствует в Флорины дни, шутки вольней почему?
Вспомнил, однако же, вовремя я, как приветлива Флора,
Вспомнил, что это она шлет нам дары для услад:
Все за столами себе венками виски оплетают,
Всюду на светлых столах видны покровы из роз;
И собутыльники тут, заплетя себе волосы лыком,
Пляшут и без толку все чистое тянут вино;
А у порога своей неприступной красавицы пьяный
Песню поет в венке на умащенных кудрях.
Ни о каких тут делах увенчанным нечего думать,
Здесь, средь цветочных гирлянд, чистую воду не пьют:
Будь ты хоть сам Ахелой,— пока не смешался ты с хмелем,
Прелести нет никакой в том, чтобы розы срывать.
Вакх обожает цветы, и то, что венки ему милы,
Можно узнать по венцу из Ариадниных звезд.

Вольность в театре нужна для Флоры: не надо к богиням
Важным ее причислять, в тяжкий обутым котурн.
А почему на играх ее толпятся блудницы,
Нет никакого труда это тебе объяснить:
Вовсе она не ханжа, надутых речей избегает,
Хочет она, чтоб ее праздник открыт был для всех,
И призывает она жить всласть в цветущие годы,
А о шипах позабыть при опадении роз.
А почему, например, Цереру в белых одеждах
Празднуют, Флору же чтут, пестрые платья надев?
Не потому ль, что белеть начинают колосья при жатве,
Цвет же и вид у цветов разнообразен всегда?
Тут мне кивнула она, и с волос ее хлынули розы,—
Так на столах для пиров мы рассыпаем цветы.

Мне оставалось спросить о светильниках, мне непонятных,—
Тотчас сомненья она все разрешила и здесь:
«Видимо, иль потому эти дни должны озаряться,
Что алым светом цветы все освещают поля;
Иль потому, что огонь и цветы не уныло сияют
И привлекает глаза блеск и огней и цветов;
Иль потому, что зовет к наслаждениям вольность ночная:
Эта из трех причин, право, вернее других!»
«Кратко спрошу и о том, о чем мне спросить остается,
Ежели можно».— «Спроси»,— мне отвечала она.
«Молви, зачем вместо львиц ливийских в сетях твоих бьются
Робкие лани, зачем заяц пугливый в силках?»
«Область моя — не леса,— отвечала она,— но сады лишь
Или поля, где совсем нет кровожадных зверей».
Смолкла на этом она и в прозрачном воздухе скрылась,
Но о богине вещал тонкий ее аромат.
Пусть же навеки цветут Назона стихи благовонно:
Ты ороси его грудь даром, богиня, своим!

3 мая

Ночи четвертой в канун покажутся звезды Хирона,
Телом буланым своим он полумуж, полуконь.
Есть гора Пелион, что глядит из Гемонии к югу:
Сосны растут наверху, ниже растет на ней дуб.

Там обитал Филирид. Старинная есть там пещера,
В ней он и жил, говорят, праведный этот старик.
Верят, что он обучал игре на лире те руки,
Коими послан на смерть Гектор впоследствии был.
Здесь появился Алкид, уж не первый свой подвиг свершивши,
Хоть и ждала впереди тяжесть последних трудов.
Оба случайно сошлись здесь виновника гибели Трои:
Тут внук Эака, а там, видишь, Юпитера сын.
Ласково гостя приветил герой, рожденный Филирой,
Сам обо всем расспросил, тот обо всем рассказал.
Палицу видит Хирон со львиною шкурой и молвит:
«Вижу по мужу доспех, да по доспеху и муж».
Тут без боязни Ахилл прикоснулся к торчащей щетине
Шкуры и даже ее смело погладил рукой.
В это же время старик разбирал напоенные ядом
Стрелы, но в левую вдруг ногу вонзилась стрела.
Вскрикнул Хирон, и ее из тела он вытащил тут же:
Вскрикнул с ним и Алкид, и гемонийский юнец.
Тотчас кентавр приложил траву с холмов Пагасийских
К ране, но тщетно ее он постарался смягчить:
Едкий яд превозмог силу трав, глубоко проникнул
В кости, и язва насквозь тело кентавра прожгла.
С кровью Хирона в одно кровь гидры Лернейской смешалась:
Смерть мгновенно пришла, некогда было помочь.
Замер, как перед отцом, Ахилл, обливаясь слезами:
Был бы оплакан Пелей так, если б он умирал!
Как он сжимал рукою своей умиравшего руки
(Верно, недаром Хирон добрый внушил ему нрав);
Как он его целовал и как мертвецу говорил он:
«Не умирай, я молю, сына, отец, не покинь!»
День девятый настал, когда ты, Хирон справедливый,
Звездами дважды семью тело свое окружил.

5 мая

Гнутая Лира за ним устремилась идти, но покамест
Нет ей дороги: она в третью появится ночь.

6 мая. Канун нон

В небе взойдет Скорпион, и тогда-то мы скажем, что ноны
Завтра наступят: его верхняя явится часть.

9 мая. Лемурии

Трижды, как Геспер лицо свое прекрасное явит,
Трижды, как звездная ночь сдастся пред Фебом дневным,
Будет Лемурий ночных свершаться обряд стародавний:
Манам безмолвным тогда жертвы начнут приносить.
Прежде короче был год, очищений февральских не знали,
Месяцев не был вождем Янус с двояким лицом,—
Но и в то время дары приносили пред прахом усопших
И почитали своих дедов умерших сыны.
Месяц назначен был май для помина предков покойных,
И сохранился досель этот отчасти обряд.
В полночь, когда тишина наступала, и все засыпали,
Лай умолкал собак и щебетание птиц,
Помнящий древний обряд и умеющий бога бояться
Тут поднимается, сняв обувь свою, босиком;
Пальцами знак он дает, прижимая их к пальцу большому,
Чтобы бесплотная тень не повстречалася с ним.
После же, руки свои омыв проточной водою,
Он, отвернувшись, берет черные в руку бобы;
Бросив их, он говорит: «Бобы я эти бросаю,
Чтобы себя и своих ими от вас уберечь!»
Девять раз говорит он так без оглядки: считают,
Что подымает их тень, следом незримо идя.
Снова коснувшись воды, он в темесскую медь ударяет
И умоляет уйти тень из-под крова его.
Девять раз повторив: «Уходите вы, отчие маны!»,
Он, обернувшися, свой этим кончает обряд.
Но почему этот день название носит Лемурий,
Мне невдомек: это мне может лишь бог объяснить.
Отпрыск Плеяды, скажи! Жезлом ты владеешь могучим:
Часто Юпитера дом Стиксова ты посещал!
Просьбе внимая моей, Жезлоносец поведал причину
Имени: слушай, о чем сам мне рассказывал бог.

Только что Ромул сокрыл в холме тень умершего брата
И преждевременный прах Рема был чинно почтен,
Фавстул несчастный и с ним, распустив свои волосы, Акка
Кости его на костре горькой омыли слезой.
В сумерках ранних они печально домой возвратились
И, как бывало, на одр твердый потом улеглись.
Рема кровавая тень перед ними тогда показалась;
Тихим шепотом к ним так обратилась она:
«Вот перед вами я — часть, половина всей вашей заботы,
Видите вы, я каков; помните, был я каким!
А ведь недавно б я мог, коли птицы мне б отдали царство,
Первым над первыми быть в этом народе моем;
Ныне же я ускользнул из костра, лишь тенью пустою,
Рема великого днесь призрак остался один!
Горе! Где Марс, мой отец? Если правду вы нам говорили,—
Дал звериное он вымя подкидышам нам.
Был я волчицей спасен, а погиб от руки гражданина —
Знать, милосердней его даже волчица была!
Яростный Целер, пускай твою душу железо погубит,
Как погубило мою; смертью кровавой умри!
Брат мой того не хотел: мы взаимно друг друга любили;
Манам он отдал, что мог — отдал он слезы свои.
Вы заклинайте его и слезами, и вашим кормленьем,
Чтобы торжественный день он учредил в мою честь!»
Бросились оба обнять дающего им порученье,
Но ускользнула из рук быстрая призрака тень.
Только лишь призрак исчез, развеялось вслед сновиденье.
Оба открыли царю то, что сказал его брат.
Ромул внимает словам и Ремуриями называет
День для свершения всех таинств усопшим отцам.
Долгие годы прошли, и в этом названье ослабла
Первая буква, свой звук резкий на мягкий сменив.
Стали Лемурами звать и безмолвные души усопших —
Так изменился и смысл этого слова у нас.
В эти заветные дни запиралися предками храмы,
Как запирают теперь их в погребальные дни.
И ни вдове в эти дни, ни девице праздновать свадьбу
Не подобает никак: долгим не будет их век.

Вот почему я скажу, если ты пословицам веришь:
    В мае, народ говорит, замуж идти не к добру.
Три есть праздничных дня, посвященных подземным Лемурам,
    Но не подряд они все идут один за другим.

11 мая

Будет напрасным трудом беотийца искать Ориона
    Эти три дня. Расскажу здесь я об этой звезде.
Как-то Юпитер и брат его, глади морской повелитель,
    С богом Меркурием в путь дальний пустились втроем.
Вечер. Обернутый плуг волы домой убирают,
    Лежа, сосет молоко сытой ягненок овцы.
Тут старик Гирией, землепашец убогого поля,
    Путников вдруг увидал перед лачужкой своей
И говорит им: «Дорога длинна, а день на исходе;
    Милости просим: моя дверь для гостей отперта».
Ласковым взглядом слова подтверждая, зовет их вторично.
    Входят они, но свое не выдают божество.
Хижина вся старика была черным закопчена дымом,
    А на вчерашнем бревне теплился жалкий огонь.
Он на коленях своих раздувает пламя дыханьем,
    Щиплет лучину, и ей он освещает жилье.
Ставит горшки на очаг: бобы были в меньшем, а в большем —
    Овощи; каждый кипит, глиняной крышкой прикрыт.
Красное льет он вино покамест дрожащей рукою
    В кубки, и первый берет кубок владыка морей.
Выпив, он вдруг говорит: «Теперь дай Юпитеру кубок
    В очередь!» Тут побледнел страхом объятый старик.
Только опомнился он, как сейчас же вола закалает
    В жертву и жарит его, сильный огонь разведя,
И достает он вино, что розлил он в юности ранней
    В бочки, его окурив, и выставляет на стол.
Тотчас же на тюфяках из осоки речной и покрытых
    Тканями боги легли невысоко над землей.
Яство украсило стол, Лиэй сверкает в сосудах,
    Чаша из красной земли, кубки из бука стоят.
Молвит Юпитер: «Коль ты чего-нибудь хочешь, скажи мне:
    Все ты получишь!» И вот вымолвил кроткий старик:

«Был я на милой женат, которую с детства любил я.
Спросите, где же она? В урне останки ее.
Ей я поклялся, и вас призвал я в свидетели клятвы:
После нее ни на ком больше уж я не женюсь.
Слово свое я сдержал. Но иное питаю желанье:
Быть хочу я отцом, хоть не имея жены!»
Боги согласны. И вот позади вола они стали
И... но мешает мне стыд об остальном говорить.
После землею они засыпали влажную шкуру,
А через десять уже месяцев мальчик там был.
И по рожденью его Гирией назвал Урионом:
Первая буква потом в имени стала иной.
Вырос богатырем, и взяла к себе его Феба:
Стражем богини он стал, спутником стал он ее.
Но прогневил он богов своим хвастовством неразумным:
«Нет,— сказал он,— зверей, чтоб одолели меня!»
Тут Скорпиона Земля на богиню, родившую двойню,
Выслала, чтоб он ее жалом кривым уязвил;
Встал на пути Орион; но Латона взнесла его к звездам
Ярким, промолвив ему: «Это награда тебе!»

12 мая. Марсовы игры

Но почему Орион и звезды с ним остальные
С неба спешат и зачем ночь сокращает свой путь?
И отчего белый день, предшествуемый Светоносцем,
Так ускоряет восход светлой из моря зари?
Будто оружия звон раздается? О да, он раздался:
Марс появился и сам подал свой битвенный знак.
Мститель нисходит с небес внимать своему величанью,
Полюбоваться на храм, что ему Август возвел.
Бог величав, и жилище его величаво: не должен
Иначе Марс обитать там, где живет его внук.
Могут здесь поместиться трофеи от битвы Гигантов,
Может отсюда Градив сам выходить на войну,
Если с восточных сторон нападет нечестивый воитель
Или же с Запада враг ждет укрощенья от нас.
Смотрит воинственный бог на фронтон высокого зданья
И одобряет, что высь непобедимым дана.

Смотрит на вход, где висит оружие разного рода
Из отдаленных земель, римским покорных сынам;
Видит Энея он здесь, дорогой отягченного ношей,
Видит праотцев ряд Юловой славной семьи,
Видит и Ромула он, отягченного царским доспехом,
И описания всех подвигов славных мужей.
Зрит он и Августа храм с посвященьем ему на фасаде,
Но величавей еще — с именем Цезаря храм.
Юношей Август его посвятил пред сыновним отмщеньем:
Благочестиво начав, он возвеличил себя.
Видя мятежников рать и свое законное войско,
Руки воздел он и так вышним поклялся богам:
«Коль мой отец, жрец Весты, меня побуждает сражаться
И за обоих божеств ныне готов я отмстить,
Марс, помоги мне, насыть мой меч преступною кровью
И благодетельствуй мне в праведном деле моем.
Храм при победе моей ты получишь и Мстителя имя».
Дал он обет, и врага радостно он сокрушил.
Но не однажды он мог этим именем Марса прославить:
Рима знамена навек он отобрал у парфян!
Этому племени все служило защитой: равнины,
Кони и стрелы и все топи окраинных рек.
Гордыми были они смертью Крассов обоих: погибло
Римское войско, и сам вождь его тоже погиб.
Славу римских знамен тогда захватили парфяне,
И знаменосцем орла римского сделался враг.
Этот позор пребывал бы поднесь, когда б не хранило
Цезаря войско мечом стойко Авзонии мощь.
Пятна былые оно и долгие тяготы срама
Смыло теперь, и опять наши знамена у нас.
Разве помогут тебе оборотные стрелы, парфянин,
Или равнины, иль бег посланных вскачь лошадей?
Ты возвращаешь орлов, отдаешь нам побитые луки:
Более ты не хранишь давних залогов стыда.
Чинно храм возведен, и дано богу Мстителя имя:
И по обету ему должная взносится честь.
В цирке справляйте теперь эти Марсовы игры, квириты!
Сцена театров мала мощному богу служить.

13 мая

Всех ты увидишь Плеяд, сестер небесных седмицу,
Сразу, как только одной ночи не хватит до ид.
Тут, как от верных людей я узнал, начинается лето
И наступает конец времени теплой весны.

14 мая

В ночь перед идами лик Телец обнажает, блистая
Звездами. Миф о Тельце общеизвестен такой:
Спину свою, как телец, тирийке подставил Юпитер,
А на челе у него мнимом торчали рога.
Правой рукой она рог, а левою платье держала
И от испуга собой лучше казалась еще.
Ветер платье вздувал, волоса шевелил золотые:
Дева Сидона, с ума сводишь Юпитера ты!
Часто из моря ступни девичьи она поджимала,
Остерегаясь волны, что заливала ее:
Часто и бог опускал свою спину тихонько в пучину,
Чтобы плотнее еще дева прижалась к нему.
На берег выйдя, без всяких рогов оказался Юпитер:
Сбросив обличье тельца, бог перед нею предстал.
В небо вознесся телец, понесла от Юпитера дева,
Третьей части земли имя свое передав.
Впрочем, по мненью иных, это в небе фаросская телка,
Телкою став из жены, стала богиней потом.

В эти же иды еще с дубового моста весталки
Чучела старых мужей в воду бросают реки.
Древний обычай: когда по Сатурну звались эти земли,
То таковые слова вещий Юпитер изрек:
«Старцу, несущему серп, племена, приносите два тела
В жертву, ввергая тела в тусской глубины реки!»
Вплоть до того как пришел к нам тиринфский герой, ежегодно
Здесь этот мрачный завет, как на Левкаде, блюли.
Первый он вместо людей утопил соломенных чучел,—
И, по приказу его, так поступают досель.
Или, быть может, юнцы стариков низвергали с помостов,
Чтобы на выборах шли только свои голоса?

Ибо нельзя же поверить, что предки настолько жестоки,
Чтоб поголовно казнить всех, кому за шестьдесят!
В чем тут правда, поведай мне, Тибр: ты ведь города старше,
Можешь ты знать, как возник этот обычай у нас!
Тут главу свою Тибр, тростником осененную, поднял
И таковые слова голосом хриплым изрек:
«Видел я эти места без стен, лишь с одною травою:
Берег мой тот и другой пастбищем был для коров.
Я же, тот Тибр, кто теперь всем народам и ведом и страшен,
Был презираем тогда даже рогатым скотом.
Часто, конечно, слыхал ты имя аркадца Эвандра:
Он мои струи тогда пришлыми веслами взбил;
Следом за ним пришел и Алкид с толпою ахейцев
(Альбулой, помнится мне, я назывался тогда).
Гостеприимно герой паллантский юношу принял,
И дождался наконец кары заслуженной Как.
Победоносно Алкид с эрифейской уходит добычей,
Но его спутники с ним дальше идти не хотят.
Многие здесь и остались, родимый покинувши Аргос,
Ларов надеясь своих в этих холмах поселить.
Но сохранили они привязанность к милой отчизне,
И, помирая, один в кратких словах завещал:
«В Тибр опустите меня: увлекаемый волнами Тибра,
К брегу Инахову я, в прах обращенный, пойду!»
Не захотел наследник его соблюсти завещанье,
И после смерти пришлец лег в Авзонийской земле.
Вместо него погрузили в меня тростниковую куклу,
Чтобы до Греции вдаль морем она доплыла».
Тибр замолчал и ушел в глубину под росистые камни,
И задержались, кружась, легкие струи воды.

15 мая. Иды

Славный внук Атланта, явись! На высях Аркадских
Ты от Юпитера встарь и от Плеяды рожден.
Ты разбираешь войны и мира дела у всевышних
И в преисподней, летишь ты на крылатых ногах,
Любы и лира тебе, и блестящая маслом палестра,
Ты научаешь людей ловким и умным речам.

Храм для тебя освятили отцы, на Цирк обращенный,
В иды, и с этой поры твой это праздничный день.
Все, кто торгуют, свои предлагая к продаже товары,
Ладаном курят, чтоб ты прибыль торговцу послал.
Возле Капенских ворот струятся Меркурия воды,
Силе божественной их, если угодно, поверь.
К ним приходят купцы, подоткнувши рубахи, и урной,
Чинно ее окурив, черпают воду себе.
Ветку лавровую здесь омочив, окропляют товары
Все, что должны перейти после продажи к другим;
Волосы также свои кропят они с этой же ветки,
Так возвышая в мольбе голос, привычный к лганью:
«Смой вероломство мое былое и прежнее, смой ты
Лживые речи мои, что говорил я вчера!
Если я ложно божился тобой или всуе, надеясь,
Что не услышат меня, если Юпитера звал,
Или других богов иль богинь обманывал ловко,—
Быстрые ветры пускай ложь всю развеют мою!
Но широко да отворится дверь моим плутням сегодня
И не заботятся пусть боги о клятвах моих.
Ты только прибыль мне дай, меня порадуй прибытком
И покупателя дай мне хорошенько надуть!»
Громко смеется Меркурий, с небес услыхав эти просьбы,
Вспомнив, как сам он украл у Аполлона коров.

20 мая

Я же к тебе обращусь с гораздо достойнейшей просьбой:
Ты укажи мне, когда Феб перейдет к Близнецам.
«Это настанет, когда,— сказал он,— останется столько ж
В этом месяце дней, сколько Геракла трудов».
«Но объясни,— я спросил,— откуда такое созвездье?»
Красноречивый сказал бог мне на это в ответ:
«Фебу и Фебы сестру увлекли с собою, похитив,
Два Тиндарида, один — конник, другой же — боец.
Ид и брат его с ним за невест бросаются биться,
Ибо Левкипп обещал взять их обоих в зятья.
Бьются одни за невест, а другие за взятых любовниц,
И одинаково их всех побуждает любовь.

Быстро могли б убежать от преследованья Эбалиды,
Но показалося им стыдно спасаться бегом.
Было безлесное там, удобное место для боя:
Остановились на нем. Это Афидна была.
Кастора в сердце Линкей мечом поражает, и Кастор,
Раной внезапной сражен, тяжко на землю упал.
Мстит за брата Поллукс: копьем он пронзает Линкея
В шею, где голова крепко сидит на плечах.
Ид устремился на бой, но с трудом был Юпитером свергнут:
Молнией даже из рук Ида не выбило меч.
Вышнее небо, Поллукс, тебе уже было отверсто,
Как ты воскликнул: «Моим внемли, отец мой, словам:
Небо не мне одному, но обоим нам удели ты:
Дар половинный ценней будет, чем целое мне».
Так он сказал и в черед меняется участью с братом.
Обе звезды подают в бурю спасенье ладьям.

21 мая. Агоналии

К Янусу вспять обратясь, об Агонах прочтешь все, что нужно;
В фастах, однако, они числятся также и здесь.

22 мая

Ночью грядущей теперь восходит Пес Эригоны:
Я уже раньше о нем в месте другом говорил.

23 мая. Очищение труб

Следующий посвящен Вулкану день Тубилустрий,
День очищения труб, сделанных богом самим.

24 мая. К. Ц. Н. О.

Буквы четыре идут вслед за этим: они означают
Или священный обряд, или же бегство царя.

25 мая

Я не миную тебя, народная наша Фортуна
Мощная: храм тебе в день следующий посвящен.
Только лишь примет сей день в пучину свою Амфитрита,
Птицы Юпитера клюв перед тобой заблестит.

26 мая

Скроется тут Волопас в заре наступающих суток,
Но уж в грядущую ночь будут Гиады видны.

Книга шестая

Месяца имя «июнь» по-разному также толкуют;
Из толкований же всех выбери лучшее сам.
Правду спою; но во лжи упрекнуть меня могут, пожалуй,
Думая, будто нельзя смертному видеть богов.
Есть в певцах божество: мы пылаем, когда оно живо,
Для вдохновенья оно сеет в душе семена,
Мне перед всеми дано лицезрение божеских ликов,
Раз я певец и пою я о священных вещах.
Роща заветная есть, никаким недоступная звукам,
Только вода в роднике льется, немолчно журча.
Здесь-то обдумывал я, откуда пошел наступивший
Месяц и как получил именованье свое.
Здесь и узрел я богинь,— но не тех, что видел наставник
Пахоты, в Аскре своей пасший наследных овец;
Да и не тех, что судил во влажных предгориях Иды
Сын Приама. Из них все же явилась одна,
Та, что была и сестрой и супругою брата родного:
В храме Юпитера днесь с ним она вместе стоит.
В ужасе я побледнел, и ни слова не мог я промолвить,
Но тут богиня сама страх мой пред ней уняла,
Ибо сказала: «Певец, исчислитель римского года,
В малых посмевший стихах о величавом сказать,
Право ты заслужил божества небесные видеть,
Уразумев, что тебе праздники надо воспеть!

Я не хочу, чтобы ты по незнанию впал в заблужденье:
Помни, что по моему имени назван июнь.
Это немало — женой Юпитера быть и сестрою:
Братом гордиться могу, мужем — гордиться вдвойне.
Если по предкам смотреть, то первым дитятей Сатурна
Сделалась я, и по мне стал он впервые отцом.
Рим по отцу моему Сатурнией некогда назван:
Римская ближе земля к небу, где властвовал он.
Если супружество в честь, то я Громовержца супруга,
Рядом с Тарпейским стоит храмом Юпитера мой.
Если блудница могла дать имя месяцу маю,
То почему бы не мне месяц присвоить июнь?
Разве напрасно зовусь я царицей и главной богиней,
Разве не я золотой скипетр в деснице держу?
Раз я Луциной зовусь и в каждом месяце славлюсь,
Разве не может по мне имя носить хоть один?
Было бы стыдно тогда, что я гнев отложила законный
И на Электры детей и на Дардана семью —
Гнев, законный вдвойне: на хищение Ганимеда
И что на Иде судья некогда мной пренебрег.
Было бы стыдно, что я не храню Карфагена твердыни,
Ежели там мой доспех и колесница моя.
Было бы стыдно, что Спарту, Аргос, и родные Микены,
И стародавний Самос Лаций бы мне заменил.
Древнего Татия ты и верных Юноне фалисков
Вспомни: ведь я их дала Риму под крепкую власть.
Но не стыжусь ничего: народ этот всех мне дороже,
Здесь меня чтут, здесь и мой общий с Юпитером храм.
Сам Маворс мне сказал: «Стены Рима тебе поручаю:
В городе внука тебе мощною быть суждено!»
Слово сдержал он: на ста алтарях меня чествуют жертвы,
Но несравненная честь — месяца имя «июнь».
И не один только Рим воздает мне подобную почесть:
Чтят мое божество всюду в окрестной земле.
В численник ты посмотри дубравной Ариции, или
В фасты Лаврента, иль в те, что мой Ланувий ведет,—
Месяц Юноны везде! Посмотри-ка еще ты на Тибур
Иль на богини святой стены Пренесты взгляни:
Всюду найдешь ты месяц Юноны! Однако не Ромул
Этим поселкам отец: вечный оплот его — Рим».

Смолкла Юнона, а я оглянулся: жену Геркулеса
Я увидал пред собой; бодро смотрела она.
«Коль в небесах моя мать меня терпеть не желает,
То,— говорит она,— прочь я, повинуясь, уйду;
Я и за то не борюсь, чтобы месяц по мне назывался:
С робкой лишь просьбой иду, словно бы с жалобой в суд.
Дело свое защищать я решаюсь смиренной мольбою;
Впрочем, быть может, и ты эту поддержишь мольбу.
Мать обладает моя золотым в Капитолии храмом,
Как подобает, царя вместе с Юпитером в нем;
А у меня всего лишь и есть, что названье июня:
Только ведь в этом моя и заключается честь.
Что за беда, если, римлянин, ты по жене Геркулеса
Месяц назвал и его имя потомство хранит?
Да ведь и эта земля должница моя по супругу
Славному: здесь ведь паслось взятых им стадо коров,
Здесь, не спасенный огнем и даром, отцом ему данным,
Кровью своей обагрил Как Авентина поля.
Что же было потом? Разделяет на старых и юных
Первый из римских царей собранный в Риме народ:
Часть составляет совет, другая составила войско;
Те объявляют войну, эти идут воевать.
Так повелел он, и так поделил он и месяцы эти,
Юношам давши июнь, месяц пред ним — старикам».

Смолкла. И спор меж богинь готов уже был разгореться:
Всё благочестье забыв, в ярость пришли бы они,
Но появилась меж них в венке Аполлоновом Дружба —
В этом живет божестве доброе дело царя.
И рассказала она, как Татий с храбрым Квирином
Оба народа свои соединили в одно,
И, под одной поселясь общей кровлею, тести с зятьями
«Юнктами» стали, сроднясь; назван отсюда июнь.
Три есть причины ему называться июнем. Богини,
Сами решайте, какой первенство надо отдать!
Мне вы равны: ведь недаром Парис погубил свою Трою,—
Больше беды от двоих, нежель добра от одной!

1 июня. Календы. Карналии

Первый день, Карна, тебе! Дверных это петель богиня,
Волей своею она все отомкнет и запрет.
Сила дана ей такая отколь,— это скрыто веками,
Но из моих ты стихов можешь и это узнать.
Роща старинная есть Гелерна около Тибра;
Жертвы понтифики в ней даже и ныне вершат.
Нимфа там родилась (ее Краною встарь называли),
Много ее женихов тщетно старались добыть.
Дротики взяв, за зверьем по полям она вечно гонялась
И расставляла свои сети в ущельях долин.
Хоть без колчана была, но ее за сестру принимали
Феба, и право же, Феб, это тебе не в укор.
Юношам всем, перед ней изливавшимся в просьбах любовных,
Так отвечала она, выслушав эти слова:
«Слишком здесь всё на виду, и при свете солнца мне стыдно:
Если в пещере меня скроешь, пойду за тобой».
Он легковерный идет, она же забьется в кустарник,
Спрячется в нем, и найти там невозможно ее.
Янус заметил ее и, охваченный страстью любовной,
К нежным прибегнув словам, строгую стал умолять.
Нимфа велит и ему отыскать глухую пещеру
И, притворясь, что идет следом, скрывается прочь.
Глупая! Янус умеет и спереди видеть, и сзади;
Нечего делать: тебя видит в убежище он.
Нечего делать! Тебя он под самой скалой настигает
И, обнимая уже, так он тебе говорит:
«За сочетанье со мной ты дверных будь владыкою петель:
Взяв твою девственность, так я одаряю тебя».
Так он сказав, протянул ей колючку белого цвета,
Чтоб от дверей отвращать ею беду и напасть.
Хищных порода есть птиц, не тех, что томили Финея
Голодом жутким, но тех, что происходят от них:
Головы их велики, очи зорки, а клюв беспощаден,
В крыльях видна седина, крючьями когти торчат.
Ночью летают, хватают детей в пеленах колыбельных
И оскверняют тела этих младенцев грудных.

Клювами щиплют они, говорят, ребячьи утробы
И наполняют себе выпитой кровью зобы.
Это сипухи. Их так по сипению все называют,
Ибо от них по ночам жуткий разносится сип.
Так что иль птицы они от рожденья, иль старые ведьмы,
Силой марсийских словес преображенные в птиц,
Только явились они в спальню Проки.
Родившийся Прока —
Было ему лишь пять дней — свежей добычей им стал.
Новорожденного грудь сосут они, жадно терзая,
Мальчик несчастный вопит, криком на помощь зовет,
В страхе на голос его кормилица мчится к малютке
И на щеках у него видит следы от когтей.
Что же ей делать? Лицо младенца такого же цвета,
Как замерзает листва поздняя в ранний мороз.
Крану на помощь зовет, а та в ответ: «Успокойся:
Будет твой сосунок снова и жив и здоров».
К люльке она подошла, и мать и родитель рыдают,
Крана же им говорит: «Я излечу его вам!»
Тотчас же, трижды она земляничником тронувши двери,
Трижды листвою его тронула также порог;
Вход окропляет водой (а в воде этой было и зелье);
И от двухмесячной был потрох свиньи у нее.
«Птицы ночные,— она говорит,— пощадите младенца
Чрево: за малого вам малая жертва идет.
Сердце за сердце, молю, нутро за нутро вы берите:
Этою жизнью плачу вам я за лучшую жизнь».
Жертвуя так, все нутро рассекает, на воздух выносит
И оглянуться назад тем, кто с ней был, не велит.
Януса белую ветвь с колючкой она прикрепляет
К щели оконной, где мог в комнату свет проникать.
После того, говорят, колыбели не трогали птицы,
А у младенца опять стало румяным лицо.

Спросишь меня, почему ветчину едят в эти календы,
Или, с горячей смешав полбою, варят бобы?
Карна — богиня старинная, любит старинную пищу,
И не охоча она до иноземных пиров.
Плавали рыбы тогда, не страшась людского обмана,
Раковин устриц никто не беспокоил тогда.

Лаций не ведал еще пернатых Ионии пышной
Или же птиц, что разят в злобе пигмейскую грудь,
И оперение лишь к павлинам людей привлекало,
И никакая земля пленных не слала зверей.
Свиньи лишь были в цене, на праздники их убивали,
Почва давала одни с грубою полбой бобы.
Всякий, кто ест эту смесь в шестые календы, не может,
Как говорят, повредить ею себе живота».

Также над крепостью храм, посвященный Юноне Монете,
Был в эти дни возведен, как обещал ты, Камилл.
Прежде там Манлия дом находился, который от галлов
Капитолийского храм смело Юпитера спас.
Было б во благо ему пасть, великие боги, в той битве,
В коей он бился за твой, вышний Юпитер, престол!
Нет: остался он жить, чтобы пасть за стремление к царству —
Долгие годы потом в этом винили его.
Марсу этот же день посвящен. Его храм на дороге
Крытой, вне стен городских, против Капенских ворот.
Также и ты заслужила себе святилище, Буря,
После того как из вод Корсики спасся наш флот.
Память об этом хранится людьми. Но взгляните на звезды:
Птица Юпитера там когти кривит, восходя.

2 июня

День грядущий выводит Гиад — два тельчие рога,
И орошают они землю обильной водой.

3 июня

Утро дважды пройдет, и дважды Феб засияет,
И увлажнится посев утренней дважды росой,—
В пору Тусской войны в этот день посвящен был Беллоне
Храм, говорят, и с тех пор Лаций богиня хранит.
Аппий храм посвятил, отказавшийся после от мира
С Пирром; он был хоть и слеп, многое духом узрел.

Видно с площадки пред храмом строенье великого Цирка,
Малый воздвигнут там столп, что по значенью велик:
Это оттуда бросали копье, коль войну начинали
Против царя и племен, что против Рима пошли.

4 июня

Цирка противную часть Геркулес охраняет Защитник:
Эту Евбейский ему должность оракул вручил.
В самый тот день он ее получил, что предшествует нонам.
Можешь об этом прочесть в надписи Суллы ты сам.

5 июня. Ноны

Санку, иль Фидию, иль тебе посвящаются ноны,
Отче Семон? На вопрос этот ответил мне Санк:
«Можешь любому из нас посвящать его: будут моими.
Тройственно имя мое! В Курах оно мне дано».
Да; и его-то почтили сабиняне древние храмом,
Соорудив этот храм на Квиринальском холме.

6 июня

Дочка есть у меня (пусть меня долголетнее будет!
Коль она будет цела, счастлив я буду всегда);
Если ее захочу я замуж выдать, для свадьбы
Время назначу я сам благоприятное ей.
Благоприятен июнь после ид для свершения брака
Как для невест молодых, так и для их женихов.
Первая месяца часть, напротив, не ласкова к свадьбам —
Вот что супруга рекла главного фламина мне:
«Вплоть до того, пока грязь, у троянской омытая Весты,
В медленном Тибре мутясь, не доплывет до пучин,
Запрещено мне чесать самшитовым волосы гребнем
И подстригать мне нельзя острым железом ногтей,
Мужа — и то касаться нельзя, хоть Юпитера жрец он
И нерушимый навек отдал его мне закон.
Не торопись же и ты. Будет лучше, коль дочь твоя замуж
Выйдет, когда в чистоте Веста заблещет огнем».

7 июня

В третий день после нон прогнала, говорят, Ликаона
Феба, и больше врага сзади Медведицы нет.
Вспомнил я тут, что смотрел я игры на Марсовом поле
И что они, говорят, посвящены тебе, Тибр.
Праздник это для тех, кто тянет влажные сети
И прикрывает свои скромной насадкой крючки.

8 июня

Есть и Ума божество. Ему храм посвящен, чтоб вернее
Предотвращать на войне козни твои, Карфаген.
Шел ты второю войной, и гибелью консула в битве
Потрясены были все, полчищ пунийских страшась.
Страх всю надежду изгнал, но к Ума божеству обратился
Римский сенат и тотчас стал благосклоннее Ум:
За шесть дней до ид и была та пора, когда в храме
Старцы с обетной мольбой чтили богиню Ума.

9 июня. Веcталии

Веста, благоволи! Для тебя раскрываю уста я,
Если позволено мне славить твое божество.
Всею душой я молил,— и почувствовал вышние силы,
И озарилась земля светом румяным кругом.
Я не увидел тебя (что за вздор нам болтают поэты!),
И человеку нельзя было тебя увидать;
Но и чего я не знал и в чем я досель заблуждался,
Тут без наставника я сразу нежданно постиг.
Сорок уж раз, говорят, Парилии справили в Риме,
Прежде чем Веста вошла в храм свой огонь сторожить.
Кроткий ввел ее царь, который своим благочестьем
Всех превзошел и рожден был на Сабинской земле.
Храм, что под бронзой теперь, тростником ты увидел бы крытым,
Стены его сплетены были из гибкой лозы.
Тот уголок, где ныне стоит святилище Весты,
Длинноволосого был Нумы великим дворцом.

Формой, однако же, храм остается таким же, как раньше,
И эту форму теперь надобно мне объяснить.
Веста — ведь это Земля: при обеих — огонь негасимый;
А и земля и очаг обозначают жилье.
Шару подобна Земля, лишенному всякой опоры,—
Только воздух один держит всю тяжесть ее.
[Круговращеньем своим сохраняет она равновесье,
И никакие углы не прикасаются к ней,
Так как в средине всего мирозданья она поместилась
И ни одной стороной не выдается она.
Если ж была бы земля не округлою, но угловатой,
То не могла бы она центром быть мира всего.
Хитрый среди Сиракуз, закрытый в воздушном пространстве
Шар стоит, что дает образ нам свода небес;]
И от вершины небес настолько же, как и от низа
Мира земля отстоит; вот и округла она.
Так же построен и храм: в нем угла ни единого нету,
А от воды дождевой купол его бережет.

Просишь сказать, почему богине служат девицы?
Я и об этом сейчас тоже тебе расскажу:
Опой была рождена Юнона, за нею Церера
От Сатурна отца, третьею Веста была;
Первые две понесли от мужей, говорят, и родили,
Третья же замуж идти не захотела никак.
Что ж удивляться тому, что девице угодны девицы
И что святыни ее ищут лишь девственных рук?
Помни, что Веста — не что иное, как пламя живое,
А из огня никогда не возникают тела.
Стало быть, дева она, и семян не дает она вовсе
И не берет, а сама девственных любит подруг.
Долго я думал, глупец, что есть изваяния Весты,
Но убедился, что нет вовсе под куполом их.
Неугасимый огонь таится во храме богини,
Изображений же нет Весты, равно как огня.
Собственной силой стоит Земля, точно так же как Веста,
Да и у греков в ее имени стойкость видна.
Пламя горит в очаге и ласково все согревает,
А поначалу очаг прямо в прихожей горел.

Весту поэтому мы призываем при входе в жилища,
Ибо на первом она месте должна быть в домах.
Некогда пред очагом сидели на длинных скамейках,
Веруя, что за столом с нами и боги сидят.
Да и теперь на празднике в честь стародавней Вакуны
Люди стоят и сидят пред очагами ее.
Кое-что и до нас дошло из древних обрядов:
Жертвуя Весте, несут в чистых тарелках еду.
Вот выступают в венках ослята, везущие хлебы,
Вот обвивают кругом жернов шершавый цветы.
Прежде в печах лишь полбу одну сушили селяне
(И в честь богини печной праздник справляли они),
А в очагах на золе пекли настоящие хлебы,
По черепкам разложив их на горячем поду.
Вот почему хлебопек и ослица, вертящая жернов,
Чествуют вместе очаг и госпожу очагов.

Надо иль нет о позоре твоем, Приап краснобрюхий,
Мне говорить? Мой рассказ краток, но очень смешон.
В башни несущем венке на челе богиня Кибела
Всех созывает богов на пированье свое.
Вместе со всеми она и сатиров и нимф созывает;
Прибыл туда и Силен, хоть и не звали его.
Долго мне, да и нельзя пированье описывать вышних:
Не пожалевши вина, ночь коротали они.
Кто наудачу бродил долинами Иды тенистой,
Кто, растянувшись, лежал там на пушистой траве;
Те забавляются, те задремали, те, сплетшись руками,
Пляшут себе в три ноги, быстро по лугу скользя.
Веста лежит и в тиши вкушает покой бестревожный,
Где улеглась, опершись на мураву головой.
Красный сторож садов между тем то богиню, то нимфу
Ловит, туда и сюда бегая взад и вперед.
Вот он и Весту заметил, но счел, вероятно, за нимфу,
Иль все же Весту узнал, но, говорит, не узнал.
Блудной надеждой объят, подойти незаметно он хочет;
Вот уж на цыпочках к ней, с бьющимся сердцем, идет.
Старый Силен между тем, с осла, на котором сидел он,
Слезши, оставил его на берегу ручейка;

Тут-то, как шел близ него пространного бог Геллеспонта,
Вдруг неожиданно выть стал длинноухий осел.
В страхе от воя осла вскочила богиня; толпою
Все подбегают: от рук вражеских скрылся Приап.
Вот потому-то Приапу осла закалают в Лампсаке,
Так говоря: «Мы в огне жжем потроха болтуна!»
Ты же, богиня, ослов украшаешь гирляндою хлебов:
Труд завершен, и умолк голос пустых жерновов.

Далее надо сказать, почему в Громовержцевом храме
Жертвенник есть, а на нем Пекарь-Юпитер царит?
Весь Капитолий кругом обложили свирепые галлы:
В долгой осаде уже голод людей донимал.
Вышних к престолу созвав и к ним обращаясь, Юпитер
Марсу сказал: «Начинай». Тотчас же тот говорит:
«Верно, не знает никто моего народа судьбины!
Верно, душевную боль должен я словом облечь!
Что ж, если требуешь ты, чтобы я о позорном несчастье
Вкратце сказал, то лежит Рим под альпийской пятой!
Это ль, Юпитер, тот Рим, какому весь мир был обещан?
А не сулил ли ему власть ты над всею землей?
Он уж соседей своих превозмог и этрусское войско:
Все обещало успех, а не погибель ему.
Видел я сам, как погибли в домах, украшенных медью,
Старцы, одежды надев древних триумфов своих;
Видел, как Трои дары выносились из капища Весты:
Видно, и ныне жива в римлянах вера в богов!
Но коль на холм поглядеть, на котором не ваши ли храмы,
И на осаду домов множества ваших взглянуть,
Можно понять, что уж помощи нет никакой от всевышних
И что напрасно курить ладан бессмертным богам.
О, если б поле для битвы нашлось! Схватили б оружье
И, не сумев победить, смерть бы сумели найти!
Ныне же голод их мучит и страх недостойной кончины,
И запертых на горе дикие толпы теснят».
Тут и Венера и с нею Квирин с жезлом и в трабее
С Вестою наперебой стали за Лаций стоять.
«Общей заботой мы город храним,— ответил Юпитер,—
Галлия, пав перед ним, должную кару узрит.

Ты только, Веста, заставь изобилием голод казаться
И ни за что не бросай римских своих очагов.
Пусть всё Цереры зерно, что еще не смолото, смелют
И, замешавши его в тесто, спекут на огне».
Он приказал, и сестра, Сатурнова дочь, приказанью
Повиновалась. И вот полночь уже подошла;
После трудов задремали вожди. Юпитер их будит
И отдает им приказ гласом священным такой:
«Встаньте и с высоты в середину врагов побросайте
То, что вам может помочь и драгоценно для вас!»
Сон отлетел, но никто не умеет понять указанья,
Что им поможет и с чем надо расстаться теперь.
Верно, с Церерой? И вот Цереры дары низвергают,
Вот под толчками хлебов шлемы гремят и щиты.
Враг отступил, не надеясь на голод, и тут же на месте
Белый, Юпитеру в честь Пекарю, ставят алтарь.

Шел я когда-то домой в день праздника Весты дорогой
Новою там, где теперь к Римскому Форуму ход:
Вижу, спускаясь туда, идет босая матрона.
Я обомлел, но, смолчав, остановился и ждал.
Вот поравнялась старуха со мной, меня усадила
И обратилась ко мне хрипло, тряся головой:
«Место, где площади тут, занимали сырые болота,
А при разливе реки ров наполнялся водой.
Озеро Курция впрямь когда-то озером было,
Ныне же там алтари стали на твердой земле.
А на Велабрах, где в цирк проходили торжественным строем,
Были одни ивняки с зарослями камыша;
Часто, бывало, гуляка, по здешней воде пробираясь,
Песни разгульно поет, спьяна матросам крича.
Бог, кому имя дано по его изменениям вида,
Не назывался еще по повороту реки.
Здесь же и роща была, тростником заросшая частым,
Где было можно пройти только босою ногой.
Заводи больше здесь нет, река в берегах протекает,
Высохла почва, но все ж старый обычай живет».
Все объяснила она. «Будь здорова,— сказал я старушке,—
И доживай ты свой век тихо, не зная забот».

Все остальное и так уж с младенческих лет я запомнил,
Но из-за этого здесь повести я не прерву.
Правнук Дардана Ил построил новые стены
(Ил, что богатством своим славен по Азии был),—
Вдруг, говорят, изваянье с небес всеоружной Минервы
Падает на холмы, где вырастал Илион.
(Видеть его я хотел, показали и храм мне, и место,
Сам же Паллады кумир был уже в римских стенах.)
Сминфей был спрошен, и бог, потаенный в роще тенистой,
Гласом, не знающим лжи, так на вопрос отвечал:
«Вы охраняйте богиню небес, охранит она город;
Всюду, где будет она, будет и высшая власть».
И охранял ее Ил, заключив на вершине твердыни;
Лаомедонта потом это забота была.
Только Приам ее не сберег: так хотела богиня,
После того как ее не оценили красу.
То ли потомок Адраста, то ль хитрый Улисс вороватый,
То ль благочестный Эней образ богини унес.
Как бы то ни было, он обретается в Риме, хранимый
Вестой, которая все видит при вечном огне.
О, в каком страхе сенат был в то время, как Весты внезапно
Храм загорелся, едва не завалившись совсем!
Как на священное пламя вставало преступное пламя
И благочестный огонь в пламени суетном мерк!
В ужасе плакали все волоса распустившие жрицы:
Страх этот, их обуяв, отнял все силы у них.
Бросился тут к ним Метелл и громким голосом крикнул:
«Все на помощь, скорей! Плач не поможет беде!
Нашей залоги судьбы выносите своими руками:
Ведь не молитвою их, силою надо спасти.
Вам не посметь? Горе мне!» Он увидел, что девы не смеют
И что в смятенье они, пав на колени, дрожат,—
Руки воздел, воды зачерпнул и воскликнул: «Простите
Мне, о святыни! Войду в храм, что запретен мужам.
Коль это грех, на меня одного пусть обрушится кара,
А преступленье мое Риму спасением будь».
Так он сказал и вошел. Похищенье простила богиня:
Жертвой понтифик своей Весту от гибели спас.
Ныне священный огонь сияет под Цезаря властью,
Ныне Троянский очаг будет навеки пылать.

И ни одной не окажется жрицы, повязки пятнавшей
С этим жрецом, ни одной заживо не погребут.
(Так нечестивиц казнят и в той же земле зарывают,
Что осквернили: Земля с Вестой одно божество.)
Прозвище Брут получил когда-то Каллаика в этот
День, ибо пролил врагов кровь на Испанской земле.
Но иногда и печаль мешается с радостью также
И не всем сердцем тогда в праздник ликует народ.
Красс на Евфрате орлов, и сына, и войско утратил,
И наконец восприял сам он печальную смерть.
«Что ликовать вам, парфяне? — сказала богиня.— Знамена
Вы нам вернете, и Красс Цезарем будет отмщен!»

10 июня

Но лишь с ушастых ослов поснимают венки из фиалок
И лишь Цереры плоды вновь потекут в жернова,
Кормчий воскликнет с кормы: «Дельфина мы в небе увидим,
Как только, солнце затмив, спустится влажная ночь!»

11 июня. Матралии

Ты уж, фригийский Тифон, о покинувшей плачешь супруге,
И Светоносец, блестя, всходит с Востока из вод.
Добрые матери, вам (Матралии — это ваш праздник)
Желтый богине пирог надо фивянке нести.
Рядом с мостами лежит и с Цирком известная площадь,
Что названа по быку, статуей ставшему там.
Здесь, в этот именно день, говорят, в старину был Матуте-
Матери храм посвящен Сервия царской рукой.
Что за богиня она, зачем служанок от храма
Гнать ей (а гонит!), к чему надобны ей пироги,—
Ты объясни мне, о Вакх, завитой и плющом и лозою;
Если ж и твой это храм, песни поэта направь!
Внял Юпитер Семеле. Она сгорела, а Ино,
Взявши, младенец, тебя, грудью кормить начала.
В гневе Юнона была, что та от соперницы сына
Кормит, за то, что течет сестрина в мальчике кровь.
Фурий шлет к Афаманту она и мутительный призрак—
И от отцовской руки пал ты, младенец Леарх.

Горем убитая мать схоронила Леарховы тени
И совершила обряд должный над прахом его;
А схоронив, стала волосы рвать на себе, горемычной,
Из колыбели тебя выхватила, Меликерт;
Узкая есть полоса земли между морем и морем,
Там, где бушует прибой с той и другой стороны,
Здесь-то она обняла в безумном объятии сына
И с возвышавшейся там бросилась в море скалы.
Тут невредимыми их Панопея и все ее сестры,
К ней потихоньку скользнув, царством своим понесли.
Не Левкотея еще и мальчик, еще не Палемон,
Устья достигли реки Тибра в пучинах его.
Роща священная есть, то ли Стимулы, то ли Семелы:
Там авзонийских менад было жилье, говорят.
Ино спросила у них, какой здесь народ? «Аркадийцы,—
Слышит она,— и Эвандр этой земли властелин».
Но завлекает в обман дочь Сатурна латинских вакханок —
Скрывши свое божество, так им хитро говорит:
«О легковерные, вы поддались обольщению сердца!
То не подруга пришла к вам хороводы водить —
Хочет коварно она проникнуть в обрядные тайны;
Но у нее есть залог, чтобы ее наказать!»
И, не дослушав еще, завопили фиады, раскинув
Пряди волос по плечам, по ветру вопли пустив;
Ино хватают, ребенка хотят из рук ее вырвать;
И умоляет она ей еще чуждых богов:
«Боги и люди страны, помогите вы матери жалкой!»
Крик ее долетел до авентинских высот.
К берегу гнал тут этейский герой коров иберийских:
Он услыхал и на крик тотчас скорей поспешил.
А как пришел Геркулес, на насилье готовые жены,
Спины ему показав, в страхе пустились бежать.
«Матери Вакха сестра,— вопросил Геркулес,— что с тобою?
Или тебя, как меня, та же богиня гнетет?»
Тут рассказала она о себе, но иное и скрыла:
Стыдно при сыне вести речь о безумном грехе.
Слух разлетается по миру, мчась на порывистых крыльях,
Вот уже имя твое, Ино, у всех на устах.

В гости к себе, говорят, ее пригласила Кармента,
И утолить она тут голод свой долгий могла.
Быстро пирог испекла, говорят, тегейская жрица
На торопливом огне и поднесла угостить.
(Вот почему пироги она любит в праздник Матралий:
Всех ухищрений милей сельская ей простота.)
«Ты, говорит, открой мне мои, пророчица, судьбы,
Ежели можно, и тем гостеприимство умножь!»
Мало помедлив, к себе призывает пророчица силы
Неба и чует она: грудь ее богом полна;
Неузнаваемо вдруг она изменилась, и ростом
Выше она и святей став вдохновенным лицом.
«Радуйся ныне! Ликуй: твои муки окончились, Ино,—
Этот, сказала, народ ты осчастливь навсегда.
Оба, и ты, и твой сын, божествами вы будете моря;
Имя иное в водах ваших получите вы:
Ты Левкотеею будь для греков, для нас же — Матутой;
Сын твой, по всем берегам пристань блюдя и причал,
Будет у нас Портун, а на вашем наречье — Палемон;
Благоприятствуйте вы нашей, молю я, стране!»
Счастлива Ино. Ее наконец прекратилися муки:
Переменив имена, стали богами они.
Но отчего же она не пускает рабынь? Ненавидит.
А почему, я скажу, если она разрешит.
Было ведь так, что одна из служанок дочери Кадма
Часто, обнявшись, спала с мужем неверным ее;
И от нее-то узнал Афамант бесчестный украдкой,
Что земледельцам дают жженые лишь семена.
Ино сама отрицает все это, но слух такой ходит:
Вот почему она всех и ненавидит рабынь.
Все-таки нежная мать не должна ей молиться о детях,
Ибо несчастной сама в детях была эта мать.
Лучше потомство других ее поручать попеченьям.
Ибо полезней была Вакху, чем детям своим.
«Что ты спешишь? — от нее, говорят, услышал Рутилий.—
Будешь ты, консул, убит в день мой марсийским врагом».
Так и случилось по слову ее, и теченье Толена
Побагровело, приняв алую консула кровь.
А через год был убит при таком же восходе Авроры
Дидий и смертью своей силы умножил врагов.

В тот же день тот же царь там же храм посвятил и Фортуне.
Кто же, однако, тут скрыт в храме под тогой двойной?
Сервий это, но вот почему так лицо его скрыто,
Точно не знает никто, так же не знаю и я.
Верно, богиню брал страх за ее потайные свиданья,
Верно, стыдилась своей связи со смертным она,—
Ибо пылала к царю она неуемной любовью,
Не оставаясь слепой лишь для него одного.
Ночью в свой храм пробиралась она чрез окошко, «фенестру» —
И «Фенестеллой» теперь в Риме ворота зовут.
Так и досель от стыда лик любовника скрыт покрывалом
И голова у царя тогой покрыта двойной.
Или, быть может, верней, что народ, пораженный кончиной
Туллия, был огорчен кроткого смертью вождя
И все сильней и сильней рыдал пред его изваяньем,
Не умолкая, пока тогой он не был прикрыт?
Есть и третья причина, пространной достойная песни,
Хоть и приходится мне сдерживать скачку коней.
Туллия, мужа себе получив ценой преступленья,
Все подстрекала его, так обращаясь к нему:
«Что в том, что оба под стать: моей сестры ты убийца,
Мной был убит твой брат,— коль добродетельны мы?
Ведь и мой муж, и твоя жена остались бы живы,
Если бы мы не рвались к большему руку поднять.
Служат приданым моим голова и царство отцовы:
Если ты муж — моего требуй приданого ты!
Дело царей — убивать. Убей же тестя и царствуй,
Кровью отца моего руки со мной обагрив!»
Этим подвигнутый, он взошел на престол, не венчаясь;
Сел, но во гневе толпа тут за оружье взялась;
Кровь и убийства кругом, старики слабосильные гибнут;
Скипетр тестя схватив, держит гордец его зять.
Под Эсквилинским холмом, перед царским чертогом, убитый,
Окровавленный лежит Сервий на твердой земле.
Дочь на повозке, в отцовский дворец прямиком направляясь,
Гордо и дерзко спешит по середине пути.
Тело увидел царя возница и горько заплакал,
Остановясь. На него грубо прикрикнула дочь:

«Едешь ты или ждешь за почтенье такое расплаты?
Правь и лицо колесом мне ненавистное мни!»
Так и случилось: зовут теперь улицу эту Проклятой,
И остается на ней это навеки клеймо.
Мало того: посмела она, когда время настало,
В храм отцовский вступить — трудно поверить, но так!
Туллий изваянный там, говорят, восседал на престоле —
Тут и прикрыл он себе очи подъятой рукой,
И прозвучал его глас: «Лицо мое скройте от взоров,
Чтобы не встретил мой взгляд мне ненавистную дочь!»
Скрыто одеждой его изваянье: Судьба запрещает
Снять его и говорит так из святыни своей:
«В день, когда Сервия лик впервые откроется людям,
Всякое чувство стыда будет забыто навек».
Поберегитесь одежд запретных касаться, матроны,
Издали, важно служа, произносите мольбы!
Римскою тогой всегда да будет покрыт с головою
Тот, кто по счету седьмой был в нашем городе царь!
Храм сей пылал, но огонь изваянья, однако, не тронул:
Сына тогда своего Мульцибер вызволил сам.
Ибо Окрисией Туллий рожден был от бога Вулкана,
Самой красивой из всех бывших в Корникуле жен.
Ей Танаквиль, совершая с ней вместе по чину обряды,
Лить приказала вино на освященный очаг:
Тут среди пепла мужской детородный член появился,—
Иль показался? Но нет, был он действительно там.
Пленница у очага осталась, а ею зачатый
Сервий был порожден семенем божьим с небес.
Это сам бог указал, когда голова у младенца
Стала сиять и огонь шапкою встал над челом.

В тот же день и тебя, о Дружба, пышно почтила
Ливия, храм твой святой милому мужу даря.
Знай тем не менее, век грядущий, что именно там, где
Ливии портик стоит, высился раньше дворец.
Граду подобен был этот дворец, занимая пространство
Большее, чем у иных есть на земле городов.
Срыт был он вровень с землей, но не потому, что казался
Царским; нет, роскошь его нравам опасна была.

Цезарь готов ведь всегда низвергать такие громады,
Хоть и себя самого этим наследства лишив.
Так он нравы блюдет, ибо лучшего нету примера,
Чем исполнять самому то, что предложено всем.

13 июня. Иды. Малые Квинкватрии

Следующий ничего не дает тебе день для отметки.
В иды Юпитеру свят Непобедимому храм.
Здесь же следует мне о Квинкватриях меньших поведать;
Ты, белокурая, мне в помощь, Минерва, явись!
Флейтщик, скажи, почему у нас по городу бродит?
Маски у нас почему? Длинное платье зачем?
Мне, отложивши копье, Тритония так отвечала
(О, повторить бы точь-в-точь мудрой богини слова!):
«В древности ваши отцы во флейтщиках очень нуждались,
В самой высокой чести были они в старину;
Флейта певала тогда во храмах, певала на играх,
На погребеньях она тоже певала в те дни.
Сладок был флейтщиков труд: хорошо им платили; но после
Вдруг прекратилось совсем это искусство у нас.
Надо прибавить еще, что эдил для торжеств похоронных
До десяти сократил флейтщиков прежних число.
Город оставив, они уходят, как ссыльные, в Тибур:
Тибур ведь в те времена местом для ссылки служил.
Флейта на сцене молчит, и флейты во храмах не слышно,
И погребальный напев не раздается ее.
В Тибуре жил человек, достойный высокого званья,
Был он рабом, а потом вольноотпущенным стал.
Пир на усадьбе своей задает он, толпу музыкантов
Он созывает; на пир все к нему рады прийти.
Ночь наступила, уже вся толпа от вина охмелела,
Как появляется вдруг подговоренный гонец
И говорит: «Распускай ты, хозяин, гостей поскорее:
Вот уж подходит сюда вольную давший тебе!»
Тут собутыльники все, совсем захмелев и шатаясь,
Кое-как с места встают, но на ногах не стоят.
«Прочь! Уходите!» — кричит им хозяин и всех на телегу
Валит, где постлан уже был им тростник и камыш.

Все засыпают, храпя от вина и движенья телеги,
Думая спьяну, что их в Тибур обратно везут.
Через Эсквилии в Рим на рассвете въезжают телеги;
Утро настало — они, въехав на Форум, стоят.
Плавтий же, чтоб обмануть сенат и числом и одеждой,
Тем, кто приехал, велит масками лица закрыть.
К ним он еще и других примешал, и велел он при этом
В длинных одеждах идти, будто и флейтщицы тут.
Думал он так утаить нарушенье приказа коллеги,
Чтоб возвращение в Рим им не вменилось в вину.
Это сошло, и они были в новой одежде на идах,
Пели и, как в старину, начали озорничать».
После рассказа ее я сказал: «Остается узнать мне
Лишь, почему этот день назван Квинкватрами был».
«В марте,— сказала она,— точно так же мой праздник зовется,
Да ведь флейтисты и все главным обязаны мне.
Несколько дырочек я пробуравила первая в дудке,
Чтобы звучала она всею своею длиной.
Звук был хорош, но увидела я в отражении водном,
Как искажает дутье девичьи щеки мои.
«Эта игра не по мне,— я сказала,— прощай, моя дудка!»
И на прибрежный я дерн бросила флейту назад.
Тут ее поднял сатир, подивился, как с ней обращаться,
А как подул, то узнал, что она звук издает.
Пальцами то зажимал он отверстия, то открывал их,
И среди нимф он прослыл как несравненный игрец.
Феба он вызвал на бой. Победил его Феб и, повесив,
Тело ему обнажил, кожу содравши с него.
Все-таки это ведь я открыла для флейтщиков флейту —
Вот почему этот день флейтщики славят как мой».

15 июня

Третий наступит рассвет, и додонская встанет Гиада —
Лоб рогоносный Тельца, несшего Кадма сестру.
Это тот день, когда грязь из храма священного Весты
В море выносит вода Тибра, этрусской реки.
Если ветрам, моряки, доверять, то отдайтесь Зефиру:
Завтра он будет для вас благоприятен в пути.

17 июня

Но, лишь отец Гелиад лучи свои скроет волнами
И оба края небес звездами будут сиять,
Из-под земли вознесет Гириея сын мощные плечи;
А на ближайшую ночь выплывет в небо Дельфин.
Видел Дельфин в старину бегущих и вольсков и эквов
Там, где Альгида склон вдаль простирает поля.
После чего ты, Постумий Туберт, свой триумф подгородный
Справил, въехавши в Рим на белоснежных конях.

19 июня

Только двенадцать дней в этом месяце уж остается,
Но к их числу ты прибавь лишний пока еще день:
Солнце уже Близнецов покидает, и Рак закраснелся;
На Авентинском холме надо Палладу почтить.

20 июня

Вот уже, Лаомедонт, невестка твоя засияла,
Ночь прогоняя; с лугов влажная сходит роса.
Отдан Сумману был храм, говорят, кто б Сумман этот ни был,
В оное время, когда страшен был римлянам Пирр.

21 июня

Лишь Галатея зарю снова примет в отцовские волны
И погрузится земля вновь в безмятежный покой,
Юноша из-под земли, пораженный стрелами деда,
Выйдет, и обе руки змеи ему обовьют.
Ведома Федры любовь, заблужденье известно Тесея:
Он легковерно обрек сына на смерть своего.
Не безнаказанно сын благочестный к Трезену помчался:
Мощный навстречу ему бык устремился из волн.
В ужасе кони, сдержать их бега возница не в силах,
И понеслися они, мчась по скалам и камням.
Падает ниц Ипполит с колесницы, вожжами опутан,
Тело его на земле в клочья искромсано все.

Вот он и дух испустил, к великому гневу Дианы.
«Нечего тут горевать,— сын Корониды сказал,—
Честному юноше жизнь я верну, залечив его раны,
Злую судьбу посрамит мощь моего врачевства».
Зелья он тотчас извлек из ларчика кости слоновой
(Главку усопшему он некогда ими помог
В дни, когда, авгуром быв, искал он целебные травы
И исцелила змею ими другая змея).
Трижды потер ими грудь и трижды сказал он заклятье,
И над землей Ипполит голову поднял, ожив.
В роще, Диктинною скрыт, он под сенью густою деревьев
И в Арицийском потом озере Вирбием стал.
Но и Климен и Клото недовольны: она — новой пряжей,
Он — что унижена так вся его царская власть.
Этим примером смущен Юпитер и молнию мечет
Прямо в того, кто сверх мер высит свое врачевство.
Феб, не ропщи на отца! Он сраженного делает богом —
Из-за тебя он на то, что запрещает, идет.

22 июня

Я не хотел бы, чтоб ты, хоть торопишься, Цезарь, к победе,
Против вещаний теперь двинулся в новый поход.
Пусть и Фламиний тебе, и брега Тразимена напомнят,
Что через птиц подают боги благие совет.
Если ты спросишь, когда привело безрассудство к несчастью,
Точно ответить могу: за десять дней до календ.

23 июня

Далее — радостный день: победил Масинисса Сифакса,
Смерть нашел Гасдрубал от своего же меча.

24 июня

Время уходит, и мы молчаливо с годами стареем,
Дни убегают, и нам их невозможно сдержать:
Вот подоспел уж и день торжества Могучей Фортуны!
Через неделю уже кончится месяц июнь.

Радостно празднуйте день Могучей богини, квириты:
Тибр омывает ей храм, древний подарок царя.
Или пешком, или в быстром челне спешите, не медля,
И во хмелю, не стыдясь, к ночи вернитесь домой.
Пусть ваши лодки в цветах несут собутыльников юных,
Вдоволь напейтесь вина прямо на стрежне реки!
Чтит богиню народ: из народа был храма строитель,
Встав, говорят, из низов, принял он царскую власть.
Это и праздник рабов: здесь Туллием, сыном рабыни,
Храм возведен божеству непостоянному был.

26 июня

От подгородного храма домой возвращаясь, подвыпив
И обращаясь к звездам, некто такое сказал:
«Пояс твой, Орион, и сегодня и, может быть, завтра
Будет незрим, но потом я уж увижу его».
А кабы не был он пьян, он добавил бы к этому вот что:
«Это случится как раз в солнцестояния день».

27 июня

Утром этого дня получили святилище Лары
Там, где умелой рукой множество вьется венков.
Остановителю храм в эту самую пору основан:
Пред Палатинским холмом Ромул поставил его.

29 июня

Столько же в месяце дней, сколько числится Парок, осталось,
Как освятился твой храм, в конной одежде Квирин.

30 июня

День рожденья июльских календ приходится завтра:
О, Пиэриды, прошу, вы завершите мой труд.
Молвите, кто сочетал, Пиэриды, вас с тем, кому в храме,
Хоть неохотно, но все ж мачеха руку дала?

Клио ответила мне: «Именитого храм ты Филиппа
Видишь, от коего род Марция славный вела,
Марция имя свое получила от Анка честного,
А красотою она славному роду равна.
(Так же прекрасна она и ликом своим, и душою,
Родом своим, красотой и прирожденным умом.)
Ты не подумай, что нам не пристало хвалить ее внешность:
Мы и великих богинь славим за их красоту.
Цезаря тетка была потом женою Филиппа,
О госпожа, о жена, дома святого краса!»
Так пела Клио, и ей подпевали ученые сестры,
И благосклонно Алкид с ними на лире бряцал.

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

TRISTIA

Книга первая

ЭЛЕГИЯ I

Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток,
В Град, куда мне, увы, доступа нет самому.
Не нарядившись, иди, как сосланным быть подобает.
Бедный! Пусть жизни моей твой соответствует вид.
Красным тебя покрывать не надо вакцинии соком,
Скорбным дням не под стать яркий багрянец ее.
Минием пусть не блестит твой титул и кедром — страницы,
Пусть и на черном челе белых не будет рожков.
Пусть подобный убор украшает счастливые книги,
Должен ты помнить всегда о злополучье моем.
Пусть по обрезам тебя не гладит хрупкая пемза,
В люди косматым явись, с долго небритой щекой.
Пятен своих не стыдись, пусть каждый, кто их увидит,
В них угадает следы мной проливаемых слез.
В путь же! Иди, передай местам счастливым привет мой —
Ныне таким лишь путем их я достигнуть могу.

Ежели кто-нибудь там, в многолюдье меня не забывший,
Спросит, как я живу, чем занимаюсь вдали,
Ты говори, что я жив, но «жив и здоров» не ответствуй.
Впрочем, и то, что я жив,— богом ниспосланный дар.
Если же станут еще расспрашивать, будь осторожен,
Их любопытству в ответ лишнего им не скажи,—
Тотчас припомнит и вновь перечтет мои книги читатель,
И всенародной молвой буду я предан суду.

Будут тебя оскорблять — но ты не посмей защищаться:
   Тяжба любая, поверь, дело ухудшит мое.
Встретится ль там и такой, кто моим опечален изгнаньем,
   Пусть со слезами прочтет он эти песни мои,
И пожелает без слов, таясь,— не услышал бы недруг,—
   Чтоб наказанье мое Цезарь, смягчась, облегчил.
Кто бы он ни был, молю,— того да минуют несчастья,
   Кто к несчастьям моим милость богов призовет.
Да совершится, что он пожелал, да гнев свой умерит
   Цезарь и мне умереть в доме позволит родном!

Выполнишь ты мой наказ, но все-таки жди осужденья:
   Скажет молва, что в тебе прежнего гения нет.
Должен и дело судья, и его обстоятельства вызнать,
   Если же вызнано все — суд безопасен тебе.
Песни являются в мир, лишь из ясной души изливаясь,
   Я же внезапной бедой раз навсегда омрачен.
Песням нужен покой, и досуг одинокий поэту,—
   Я же страдаю от бурь, моря и злобной зимы.
С песнями страх несовместен, меж тем в моем злополучье
   Чудится мне, что ни миг, к горлу приставленный меч.
Пусть же труду моему подивится судья беспристрастный,
   Строки, какие ни есть, пусть благосклонно прочтет.
Хоть Меонида возьми и пошли ему столькие беды,—
   И у него самого дар оскудел бы от бед.

В путь, мой свиток, ступай и к молве пребывай равнодушен,
   Если ж читателю ты не угодишь, не стыдись.
Ныне фортуна моя не настолько ко мне благосклонна,
   Чтобы рассчитывать мог ты на людскую хвалу.
В благополучье былом любил я почестей знаки,
   Страстно желал, чтоб молва славила имя мое.
Если мне труд роковой и стихи ненавистны не стали,
   То и довольно с меня,— я же от них пострадал.
В путь же! На Рим за меня посмотри — тебе он доступен.
   Боги! Когда бы я мог сделаться свитком своим!
Не полагай, что, придя чужестранцем в город великий,
   Будешь в народной толпе ты никому не знаком,—
И без названья тебя тотчас опознают по цвету,
   Как бы ты скрыть ни хотел происхожденье свое.

Тайно, однако, входи, опасайся былых моих песен,—
Ныне они уж не те, громкий утрачен успех.
Если тебя кто-нибудь, узнав, кто твой сочинитель,
Вовсе не станет читать, сразу отбросив,— скажи:
На заголовок взгляни — я здесь в любви не наставник,
Прежний труд мой уже кару понес поделом.

Может быть, ждешь: своему не дам ли приказа посланцу
Вверх подняться, на холм, к выси, где Цезаря дом?
Да не осудят меня те святые места и их боги:
С этой твердыни в меня грянул удар громовой.
Я, хоть и знаю, что там обитают, полны милосердья,
Вышние силы,— страшусь раз покаравших богов...
Крыльев шум услыхав издалека, голубь трепещет,
Если хоть раз он в твоих, ястреб, когтях побывал.
Так же боится овца далеко отходить от овчарни,
Если от волчьих зубов только что шкуру спасла.
Сам Фаэтон, будь он жив, избегал бы небес и по дури
Трогать не стал бы коней, страстно желанных ему.
Так же и я, испытав однажды стрелу Громовержца,
Лишь громыхнет в облаках, жду, что меня поразит.
Аргоса флот, избежав погибельных вод Кафареи,
Гонит всегда паруса прочь от эвбейских пучин.
Так же и мой челнок, потрепанный бурей жестокой,
Ныне боится тех мест, где он едва не погиб.
Милый мой свиток, итак: осмотрителен будь и опаслив,—
Благо и то, что тебя люди попроще прочтут.
К высям заоблачным взмыв на немощных крыльях, оттуда
Пал и названье Икар морю Икарову дал.
Все же сказать нелегко, под парусом плыть иль на веслах,—
Дело и время тебе сами совет подадут.
Если в досужий ты час будешь передан и благодушье
В доме приметишь — поймешь: переломил себя гнев.
Если тебя кто-нибудь, твою нерешительность видя,
Сам передаст, предпослав несколько слов,— подойди.
В день счастливый, и сам своего господина счастливей,
Цели достигни и тем муки мои облегчи.
Их иль никто не смягчит, иль тот, мне рану нанесший,
Сам, как древле Ахилл, и уврачует ее.

Только меня, смотри, не сгуби, добра мне желая,—
Ибо надежда в душе страха слабей у меня,—
Как бы притихший гнев не стал свирепствовать снова,
Поберегись на меня новую кару навлечь.

После, когда в сокровенный приют мой будешь ты принят
И обретешь для себя в круглой коробочке дом,
Там ты увидишь своих в порядке расставленных братьев,—
Все они также трудом бдений ночных рождены.
Те, остальные, толпой, не таясь, о себе заявляют,
И на открытом челе значатся их имена.
Трех ты увидишь, в углу притаившихся темном, поодаль,
Хоть обучают они общеизвестным вещам.
Дальше от них убегай иль, если уста твои смелы,
Имя Эдипа им дать иль Телегона решись.
Но, заклинаю, из трех, если дорог тебе их родитель,
Ни одного не люби, он хоть и учит любить.
Есть еще и четырнадцать книг «Превращений», недавно
Вырвали их из костра при всесожженье моем.
Им скажи, я прошу, что судьбы и моей превращенье
В повествованиях тех место могло бы найти,
Ибо внезапно она непохожей на прежнюю стала:
Радостной раньше была, ныне рыдаю о ней.

Знай, что много б еще я преподал тебе наставлений,
Только боюсь, что и так слишком тебя задержал.
Если с собою возьмешь все то, что в ум мне приходит,
Как бы не стал ты, боюсь, грузом уже не в подъем.
Долог твой путь, поспешай! А мне — на окраине мира
Жить и в далекой земле землю свою вспоминать.

ЭЛЕГИЯ II

Боги морей и небес! Что осталось мне, кроме молений?
О, пощадите корабль, ставший игралищем волн!
Подпись не ставьте, молю, под великого Цезаря гневом:
Если преследует бог, может вступиться другой.
Был против Трои Вулкан, меж тем Аполлон был за Трою.
Другом Венера была тевкрам, Паллада — врагом.

Турна Сатурнова дочь предпочла, ненавидя Энея,
Но ограждаем бывал мощью Венеры Эней.
Сколько грозился Нептун с осторожным покончить Улиссом,—
Был у Кронида не раз вырван Минервой Улисс.
Что же мешает и нам, хоть мы и не ровня героям,
Если разгневался бог, помощь другого узнать?
Но — несчастливец — слова понапрасну я праздные трачу,
Сам говорю,— а от волн брызги мне губы кропят,
И ужасающий Нот мои речи уносит — моленьям
Не позволяет достичь слуха молимых богов.
Ветры как будто взялись двойною пытать меня мукой —
Вместе в безвестную даль мчат паруса и мольбы.
Боги! Какие кругом загибаются пенные горы!
Можно подумать — сейчас звезды заденут они.
Сколько меж пенистых волн разверзается водных ущелий!
Можно подумать: вот-вот черный заденут Аид!
Взоры куда ни направь, повсюду лишь море и небо.
Море громадами волн, небо ненастьем грозит.
А между ними шумят в беспрерывном кручении ветры,
Море не знает само, кто же владыка над ним.
Вот взбушевавшийся Эвр с багряного мчится востока,
А уж навстречу ему западом выслан Зефир;
Вот и холодный Борей от Медведиц несется в безумье,
Вот поспешает и Нот с братьями в битву вступить.
Кормчий растерян; куда корабль ему править, не знает,
Даже искусство зашло, разум теряя, в тупик.

Стало быть, это конец, на спасенье надежда напрасна;
Я говорю — а волна мне окатила лицо.
Скоро вода захлестнет эту душу живую, и воды
Тщетно взывающий рот влагой смертельной зальют.
Но лишь о том, что я сослан, жена моя верная плачет,
О злоключенье одном знает и стонет она,
Только не знает, как нас в безбрежной бросает пучине,
Как устремляется шквал, как уже видится смерть.
Слава богам, что отплыть я с собой не позволил супруге,
Истинно, вместо одной две бы я смерти познал.
Если погибну теперь, но ее не коснется опасность,
То половина меня, знаю, останется жить.

Боги! Мгновенно кругом рассверкались молнии в тучах,
Что за ужасный удар над головой прогремел!
Ветры бока кораблю потрясают с таким грохотаньем,
Словно, ядро за ядром, город баллиста разит.
Вот подымается вал, всех прочих возвышенней, грозно
Перед одиннадцатым он за девятым идет.
Я умереть не боюсь, но страшусь этой смерти плачевной,—
Если б не в море тонуть, смерть я наградой бы счел.
Благо — в положенный час умереть иль в сраженье погибнуть,
Чтобы в привычной земле тело покой обрело.
Благо — от близких своих забот ожидать о могиле,
Вместо того чтоб на корм рыбам морским угодить.
Пусть я погибели злой заслужил,— но здесь не один я
На корабле,— за меня что ж неповинным страдать?

О небожители, вы и лазурные боги морские,
Сонмы и тех и других,— нам перестаньте грозить!
Жизнь, сохраненная мне милосерднейшим Цезаря гневом,
Лишь довлеклась бы до тех, мне предназначенных мест!
Если провинность мою сопоставить с возмездием,— знайте,
Цезарем я за нее не был на смерть осужден.
Если бы Цезарь желал услать меня к водам стигийским,
Ваша бы помощь ему в этом была не нужна.
Только бы он захотел, моей бы он крови потоки
Пролил,— что сам даровал, он полноправен отнять.
Вы же, кого никаким я не мог оскорбить преступленьем,
Да удовольствуют вас, боги, страданья мои.

Пусть несчастному жизнь сохранить вы желали бы все же,—
Если пропал человек, то уж его не спасти.
Вы пощадите меня, и море утихнет, и ветер
Станет попутным,— а я? Ссыльным останусь, увы!
Жадностью я не гоним, богатств не ищу непомерных,
Чтобы товары менять, в море бразды не веду;
Как в молодые года, учиться не еду в Афины
И не к азийским стремлюсь, виденным мной, городам.
Я не мечтаю, сойдя в Александровом городе славном,
Видеть услады твои, о жизнерадостный Нил.
Кто бы поверил, зачем ожидаю попутного ветра? —
Быть на Сарматской земле я у бессмертных молю.

Велено жить мне в дикарской стране, на западном Понте,—
Плачусь, что медленно так мчусь я от родины прочь.
Чтоб очутиться в глухих, бог весть где затерянных Томах,
Сам я изгнания путь, вышних моля, тороплю.
Если я вами любим, эти страшные воды смирите,
Божеской волей своей мой охраните корабль.
Если ж не мил, не спешите к земле, мне сужденной, причалить,—
Полнаказания в том, где мне приказано жить.
Мчите! Что делать мне здесь? Паруса надувайте мне, ветры!
Все ли мне вдоль берегов милой Авзонии плыть?
Цезарь не хочет того,— не держите гонимого богом!
Пусть увидит меня берег Понтийской земли.
Цезарь меня покарал, я виновен; блюдя благочестье,
Я преступлений своих и не берусь защищать.
Но коль деянья людей не вводят богов в заблужденье,
Знайте: хоть я виноват, нет злодеяний за мной.
Сами вы знаете: я совершил и вправду оплошность,
В этом не умысел злой — глупость повинна моя.
Если я Августов дом поддерживал, меньший из граждан,
Если я Цезарев суд волей всеобщей считал,
Ежели время его называл я счастливейшим веком,
Если я Цезарю жег ладан и цезарям всем,
Ежели все это так, меня пощадите, о боги!
Если же нет,— с головой пусть меня скроет волна.
Что это? Или редеть начинают набухшие тучи?
Или меняется вид моря, смирившего гнев?
То не случайно! То вы, в благовременье призваны, боги,
Не ошибаясь ни в чем, мне пожелали помочь.

ЭЛЕГИЯ III

Только представлю себе той ночи печальнейшей образ,
Той, что в Граде была ночью последней моей,
Только лишь вспомню, как я со всем дорогим расставался,—
Даже сейчас у меня капают слезы из глаз.
День приближался уже, в который Цезарь назначил
Мне за последний предел милой Авзонии плыть.

Чтоб изготовиться в путь, ни сил, ни часов не хватало;
    Все отупело во мне, закоченела душа.
Я не успел для себя ни рабов, ни спутника выбрать,
    Платья не взял, никаких ссыльному нужных вещей.
Я помертвел, как тот, кто, молнией Зевса сраженный,
    Жив, но не знает и сам, жив ли еще или мертв.
И лишь когда моя боль прогнала помрачавшие душу
    Тучи и чувства мои вновь возвратились ко мне,
Я наконец, уходя, к друзьям обратился печальным,
    Хоть из всего их числа двое лишь было со мной.
Плакала горше, чем я, жена, меня обнимая,
    Ливнем слезы лились по неповинным щекам.
Дочь в то время была в отсутствии, в Ливии дальней,
    И об изгнанье моем знать ничего не могла.
Всюду, куда ни взгляни, раздавались рыданья и стоны,
    Будто бы дом голосил на погребенье моем.
Женщин, мужчин и даже детей моя гибель повергла
    В скорбь, и в доме моем каждый был угол в слезах.
Если великий пример применим к ничтожному делу,—
    Троя такою была в день разрушенья ее.

Но и людей и собак голоса понемногу притихли,
    И уж луна в небесах ночи коней погнала.
Я поглядел на нее, а потом и на тот Капитолий,
    Чья не на пользу стена с Ларом сомкнулась моим.
«Вышние силы! — сказал,— чья в этих палатах обитель,
    Храмы, которых моим впредь уж не видеть глазам,
Вы, с кем я расстаюсь, Квиринова гордого града
    Боги, в сей час и навек вам поклоненье мое.
Пусть я поздно берусь за щит, когда уже ранен,—
    Все же изгнанья позор, боги, снимите с меня.
Сыну небес, я молю, скажите, что впал я в ошибку,
    Чтобы вину он мою за преступленье не счел.
То, что ведомо вам, пусть услышит меня покаравший.
    Умилосердится бог,— горе смогу я избыть».

Так я всевышних молил; жены были дольше моленья.
    Горьких рыданий ее всхлипы мешали словам.
К Ларам она между тем, распустив волоса, припадала,
    Губы касались, дрожа, стывшей алтарной золы.

Сколько к Пенатам она, не желавшим внимать, обращала
Слов, бессильных уже милого мужа спасти!
Но торопливая ночь не давала времени медлить,
Вниз от вершины небес нимфа аркадская шла.
Что было делать? Меня не пускала любимая нежно
Родина: но наступил крайний изгнания срок.
Сколько я раз говорил поспешавшим: «К чему торопиться?
Вдумайтесь только, куда нам и откуда спешить!»
Сколько я раз себе лгал, что нам назначили будто
Благоприятнейший день для отправления в путь.
Трижды ступил на порог я и трижды вернулся,— казалось,
Ноги в согласье с душой медлили сами идти.
Сколько я раз, простившись, опять разговаривал долго,
И уж совсем уходя, снова своих целовал.
Дав порученье, его повторял; желал обмануться,
В каждом предмете хотел видеть возврата залог.
И наконец: «Что спешить? — говорю.— Я в Скифию выслан,
Должен покинуть я Рим — медля, я прав, и вдвойне!
Я от супруги живой живым отторгаюсь навеки,
Дом оставляю и всех верных домашних своих.
Я покидаю друзей, любимых братской любовью,—
О, эта дружба сердец, верный Тесея завет!
Можно еще их обнять, хоть раз,— быть может, последний,—
Я упустить не хочу мне остающийся час».

Медлить больше нельзя. Прерываю речь на полслове,
Всех, кто так дорог душе, долго в объятьях держу.
Но между тем, как еще мы прощались и плакали, в небе
Мне роковая звезда, ярко денница зажглась.
Словно я надвое рвусь, словно часть себя покидаю,
Словно бы кто обрубил бедное тело мое.
Метий мучился так, когда ему за измену
Кони мстили, стремя в разные стороны бег.
Стоны и вопли меж тем моих раздаются домашних,
И в обнаженную грудь руки печальные бьют.
Вот и супруга, вися на плечах уходящего, слезы
Перемешала свои с горечью слов, говоря:
«Нет, не отнимут тебя! Мы вместе отправимся, вместе!
Я за тобою пойду ссыльного ссыльной женой.

Путь нам назначен один, я на край земли уезжаю,
Легкий не будет мой вес судну изгнанья тяжел.
С родины гонит тебя разгневанный Цезарь, меня же
Гонит любовь, и любовь Цезарем будем моим».
Были попытки ее повторением прежних попыток,
И покорилась едва мысли о пользе она.

Вышел я так, что казалось, меня хоронить выносили.
Грязен, растрепан я был, волос небритый торчал.
Мне говорили потом, что, света не взвидя от горя,
Полуживая, в тот миг рухнула на пол жена.
А как очнулась она, с волосами, покрытыми пылью,
В чувства придя наконец, с плит ледяных поднялась,
Стала рыдать о себе, о своих опустевших Пенатах,
Был, что ни миг, на устах силою отнятый муж.
Так убивалась она, как будто бы видела тело
Дочери или мое пред погребальным костром.
Смерти хотела она, ожидала от смерти покоя,
Но удержалась, решив жизнь продолжать для меня.
Пусть живет для меня, раз так уже судьбы судили,
Пусть мне силы крепит верной помогой своей.

ЭЛЕГИЯ VI

Так горячо не чтил Антимах из Клароса Лиду,
Так Биттиду свою Косский певец не любил,
Как безмерно, жена, тебе я сердцем привержен,
Твой не то что плохой, но злополучнейший муж!
Я точно свод, готовый упасть, а ты мне подпорой:
Все, что осталось во мне прежнего, твой это дар.
Если не вовсе я нищ и наг, это ты устранила
Тех, кто спешил схватить доски разбитой ладьи.
Ибо, как лютый волк, голодный и кровожадный,
Возле овчарни ждет, не отлучится ль пастух;
Как порою глядит с высоты ненасытный стервятник,
Не заприметит ли где плохо засыпанный труп,—
Так, не вступилась бы ты, уж не знаю какой проходимец
Все достоянье мое ловко прибрал бы к рукам.

Все посягательства ты отвела, добродетелью твердой
Помощь друзей снискав,— чем их отблагодарю?
В пользу твою говорит несчастный, но верный свидетель —
Будет ли только иметь это свидетельство вес?
Женской честью кто выше тебя? Ни Лаодамия,
Спутница мужа в Аид, ни Андромаха сама.
Выпади жребий тебе воспетою быть Меонийцем,
И Пенелопу тогда славой затмила бы ты.
Ты бы среди героинь занимала первое место,
Всех бы виднее была строем высоким души.
Этим самой ли себе ты обязана, не наставленью,
Вместе с тобой ли на свет верность твоя родилась,
Или достойный пример твоей августейшей подруги
(Если дозволено мне с высшими малых равнять)
Также тебя научил, в долголетней близости вашей,
Ей уподобясь во всем, доброй супругою быть?
Горе! Гений мой захирел, не тот он, что прежде,
В меру твоих заслуг голосом дань не воздам!
Если когда-то и в нас пламенели силы живые,
Долгих лишений гнет их погасил и убил.
Все же, когда не совсем бессильно мое славословье,
Жить из века в век будешь ты в песнях моих.

ЭЛЕГИЯ VII

Если лица моего ты сберег на память подобье,
Скинь с моих кудрей Вакху приятный венок!
Этот веселья знак подобает счастливым поэтам —
Мне ли в лихие дни кудри плющом увивать!..
Друг, это слово к тебе, ты знаешь сам, хоть таишься,
Ты, кто на пальце всегда носишь поэта с собой,
Изображенье мое оправив золотом красным,
Чтобы видеть хоть так милые сердцу черты;
Глянешь и каждый раз про себя промолвишь, наверно:
«Где он, в какой дали, наш сотоварищ Назон?..»
Преданность эту ценю, но стихи — мой образ вернейший;
Сколько ни есть их, читай, и каковы ни на есть:
Песни, где я говорю о людях, менявших свой облик,—
Мастер, в изгнанье гоним, труд не успел завершить.

Их, и не только их, но и многое, Рим покидая,
В горе своей рукой бросил я в жадный огонь.
Как Фестиада на смерть в огне обрекла Мелеагра,
Преданная сестра и беспощадная мать,
Так в пылавший костер я бросал неповинные книги,
Плоть от плоти моей — пусть погибают со мной! —
То ли с обиды на Муз, втянувших меня в преступленье,
То ль оставлять не желал, не обтесав их, стихи.
Все ж, поскольку они избежали уничтоженья,
В списке — и не в одном — ходят, конечно, у вас,—
Ныне молю: «Пусть живут! И пусть их люди читают,
Праздный заняв досуг, и вспоминают меня...»
Только едва ли прочтут терпеливо их, если не знают,
Что не придал поэт должной отделки стиху.
Молотом кое-как отковать успел я изделье,
Строгим напильником слог не дали мне обточить.
Баловень славы, теперь не славы прошу — снисхожденья:
Лишь бы читатель меня, не заскучав, дочитал!
Шесть стихов посылаю тебе — под заглавием книги
Следует их поместить, если достойным сочтешь:
«Ты, кто коснулся рукой этих свитков осиротелых!
Можно ль хотя бы для них в Городе место сыскать?
Тем благосклонней прими, что не сам их издал стихотворец —
Их спасли из огня при погребенье отца.
Было б возможно, поверь, я сам удалил бы изъяны,
Все, какие таит необработанный слог».

ЭЛЕГИЯ IX

Жизнь пожелаю тебе пройти до меты без горя,
Если эти стихи ты без досады прочтешь.
Пусть у гневных богов для себя я не вымолил милость,
Да не отвергнут они эту мольбу о тебе.
Не сосчитать друзей, пока благоденствие длится,
Если же небо твое хмурится, ты одинок.
Видишь — стаей летят на светлую крышу голубки?
Башни угрюмый свод птиц не приманит никак.
К житнице, где ни зерна, муравьи не ползут вереницей,
Где изобилье ушло, к дому друзья не спешат.

Как неразлучно тень провожает идущих под солнцем,
А лишь сокрылись лучи в тучах, и спутницы нет,—
Так ненадежная чернь следит за лучами Фортуны:
Чуть набегут облака, сразу отхлынет толпа.
Пусть до смерти, мой друг, тебе это кажется ложью!
Правду печальных слов сам я на деле узнал.
До прогремевшей грозы стекалась толпа, не скудея,
В мой хоть известный, а все ж чуждый тщеславия дом.
А пошатнуло его под ударом — и все, убоявшись,
Как бы не рухнул кров, скопом пустились бежать.
Не удивительно мне, когда молний иные страшатся,
Видя, как в их огне все полыхает окрест:
Но когда друга друзья в превратностях не покидают,—
Это и в злейшем враге Цезарь умеет ценить.
Будет ли гневаться он, кто всех и терпимей и выше,
Если сраженного друг любит, как прежде любил.
Вызнав, как Пилад арголидцу Оресту привержен,
Дружбой такой, говорят, сам восхитился Фоант.
Верность, какая во всем единила Патрокла с Ахиллом,
Гектор в своих речах не уставал прославлять.
Благочестивый Тесей сопутствовал дерзкому другу
В мир теней — и о нем бог преисподней скорбел.
И уж наверно, Турн, не с сухими глазами внимал ты,
Как Эвриалу хранил верность бесстрашную Нис.
Мы в противнике чтить готовы преданность падшим.
Горе! Эти мои внятны немногим слова.
Так у меня сложились дела, так судьба повернулась,
Что остается одно — слезы безудержно лить.

Все ж, как ни горько я удручен тяжелой невзгодой,
Мне от успехов твоих стало светлей на душе.
Их я провидел давно, поверь — едва твое судно
В плаванье ветер погнал, силы еще не набрав.
Если высокий нрав, если жизнь без пятна возвышают
Смертного,— значит, никто выше тебя не стоит;
Если всех других красноречьем один превосходит,
Правым не ты ли всегда дело представить умел?
Я изначально еще предрек тебе, восхищенный:
«Сцены широкой, друг, ждут дарованья твои!»

Это не печень овец, не левые грома раскаты
    Мне подсказали, не птиц вещий язык и полет:
Разумом я предузнал, уменьем судить о грядущем
    Правду постиг без примет, предугадал и предрек.
Все оправдалось, и вот от души теперь поздравляю
    Я и тебя и себя, что не сокрыл ты свой дар.
Если б, о если бы свой сокрыл я во мраке глубоком,
    Тихо творил бы труды, не выставляя на свет!
В строгой науке своей обрел ты пользу, вития,
    Мне наука моя легкая вред принесла.
Жизнь моя, впрочем, известна тебе: чему он в поэмах
    Учит, поэт от того нравом, ты знаешь, далек.
Знаешь: давние это стихи, молодая забава;
    Хоть и нельзя похвалить, все ж только шутка они!
Пусть весомого я ничего не представлю в защиту,
    Думаю: старый грех можно бы нам и простить.
Дело мое не оставь, добивайся прощенья для друга.
    Вышел достойно ты в путь — дальше достойно иди!

ЭЛЕГИЯ XI

Все до последней строки, что прочтешь ты в книжечке этой,
    Было написано мной в трудных тревогах пути.
Видела Адрия нас, когда средь открытого моря
    Я в ледяном декабре дрог до костей и писал;
После, когда, покинув Коринф, двух морей средостенье,
    Переменил я корабль, дальше в изгнанье спеша,
Верно, дивились на нас в Эгейских водах Киклады:
    «Кто там под свист и вой в бурю слагает стихи?»
Странно теперь и мне самому, как при этом смятенье
    Духа и гневных вод гений мой все ж устоял!
Оцепененье ли чувств иль безумие этому имя,
    Легче в привычных трудах делалось мне на душе.
Часто гоняли меня по волнам тученосные Геды,
    Часто под взором Плеяд море вскипало грозой.
Часто мрачил нам день эриманфской Медведицы сторож,
    Или Гиады Австр в ливнях осенних топил.
Море врывалось порой в корабль — но и тут я, бывало,
    Сам трепещу, а рукой стих за стихом вывожу.

Вот и сейчас: на ветру напряглись и стонут канаты,
Вогнутым горбясь холмом, пенный вздымается вал.
Вижу, кормчий забыл искусство свое и, с мольбою
К небу ладони воздев, помощи ждет от богов.
Всюду, куда ни гляжу, только смерти вижу обличье,
Страхом пред ней смятены мысли, и в страхе молюсь.
Только бы в гавань прийти! Но и гавань ужасом полнит:
Моря опасна вражда — берег опасней вдвойне.
В злобе они равны, и людей и моря коварство,
Вы как два близнеца, буря морская и меч:
Подстерегает клинок, чтобы кровью пришельца упиться,
Буря ревнует стяжать смерти гонимого честь.
Слева — варварский край, племена живут грабежами,
В войнах, в крови, в резне ищут добычи они.
Как ни бушует морской простор в неуемном волненье,
Зимних жесточе бурь жадные эти сердца!
Тем снисходительней нам ты простишь, справедливый читатель,
Если твоих надежд не оправдали стихи,
Я писал их, увы, не в садах моих, как любил я,
Не по привычке былой, нежась в постели, слагал:
Дней коротких лучи уловляя, игрушка пучины,
Я пишу, а волна хлещет мне прямо на лист.
Развоевалась зима и, напрасно грозя, негодует,
Что не страшится поэт, пишет и пишет стихи!
Может зима сломить смельчака — но пусть она, боги,
Только я кончу стихи, в злобе покончит с собой!

Книга вторая

ЭЛЕГИЯ ЕДИНСТВЕННАЯ

Разве до вас мне сейчас, до стихов и книжек злосчастных?
Я ведь и так из-за вас, из-за таланта погиб.
Что ж возвращаюсь опять к моим отверженным Музам?
Мало с меня, что за них был уже я осужден?

Песни — причина того, что мужчины и женщины скопом
В час недобрый искать стали знакомства со мной.
Песни — причина того, что я и мое поведенье
Цезарем осуждены из-за «Науки любви».
Страсть к стихам отними и снимешь с меня обвиненья:
Думаю, лишь за стихи вредным признали меня.
Вот наградой какой мой труд бессонный отмечен:
Я дарованьем своим лишь наказанье добыл.

Будь я немного умней, ненавистны б мне стали по праву
Девять ученых сестер, губящих собственных слуг.
Я же теперь,— таково безумие, спутник болезни,—
Ногу неловкую вновь ставлю на тот же уступ.
Так побежденный боец возвращается вновь на арену,
Так поврежденный корабль в море выходит опять.
Может быть, как в старину Тевтрантова царства правитель,
Буду и я исцелен рану нанесшим копьем.
Муза, навлекшая гнев, сама же его успокоит:
Песнями можно смягчить даже великих богов.
Цезарь и сам приказал авзонийским женщинам песней
Каждый год прославлять Мать в башненоспом венце.
Феба велел величать на вновь устроенных играх,
Видеть которые век может единственный раз.
Этих богов в образец возьми, милосерднейший Цезарь,
Гнев твой да будет смягчен ныне талантом моим.
Я не могу отрицать, что он справедлив и заслужен,
Нет, не настолько еще стыд позабыли уста,
Но милосердье явить ты не мог бы, не будь я виновен:
Жребий мой повод тебе для снисхожденья дает.
Если бы всех, кто грешит, поражал Юпитер громами,
То без единой стрелы вскоре остался бы он.
Бог же, когда прогремит и грохотом мир испугает,
Чистым, дождь разогнав, делает воздух опять.
По справедливости он отец и правитель бессмертных,
По справедливости нет выше его никого.
Ты, что зовешься отцом и правителем нашей отчизны,
С богом поступками будь, так же как именем, схож.
Ты ведь и делаешь так, и нет никого, кто умеет
Власти поводья держать так же свободно, как ты.

Ты к побежденным врагам всегда бывал милосерден,
Хоть милосердья от них сам ты не мог ожидать.
Видел я, как оделял ты почестью или богатством
Тех, кто когда-то посмел меч на тебя поднимать.
День окончанья войны прекращает и гнев твой мгновенно,
Бывшие недруги в храм вместе приносят дары.
И как солдаты твои, одолев противника, рады,
Так побежденный тобой рад твоему торжеству.

Я не столь виноват: мечом с тобой я не спорил,
В стане, враждебном тебе, я никогда не бывал.
Морем клянусь, и землей, и богами третьей стихии,
Видимым богом клянусь, наш покровитель, тобой:
Всем моим сердцем тебе сочувствовал я, о великий,
Помыслы отдал тебе (большего дать я не мог).
Я желал, чтобы ты вознесся к звездам не скоро.
Был я песчинкой в толпе тех, кто о том же молил.
Я воскурял за тебя фимиам и вместе со всеми
В храме молитвы свои с общей молитвой сливал.
Упомяну ли, что те, меня погубившие книги
В тысячах мест полны именем славным твоим?
В больший мой труд загляни, который еще не окончен,
В невероятный рассказ о превращениях тел:
Ты обнаружишь, что я и там тебя прославляю,
Ты доказательства чувств там обнаружишь моих.
Знаю, что славу твою стихами нельзя увеличить,
Знаю, что ей и без них некуда дальше расти.
Мир переполнен молвой о Юпитере, правда, но слушать
Песнь о деяньях своих нравится даже ему.
Если напомнят ему, как сражались с гигантами боги,
Может быть, эту хвалу слушает с радостью он.
Пусть тебя славят певцы, которым это пристало,
Пусть тебе песни поют с большим талантом, чем я,
Все же, как сотня быков заколотых трогает бога,
Так приклоняет свой взор к пригоршне ладана он.

Ах, как безжалостен был неведомый мне неприятель,
Тот, кто однажды тебе шутки мои прочитал!
Он не хотел, чтобы ты беспристрастным взором увидел,
Сколько почтенья к тебе вложено в книги мои.

Если ты враг мой теперь, кто может остаться мне другом?
Сам я порою готов возненавидеть себя.
Дом, который осел, начинает набок клониться
И на осевшую часть всем своим весом давить.
Трещине лишь пробежать, и вмиг рассядутся стены.
И наконец под своей тяжестью рушится дом.
Ненависть общая — все, чего я добился стихами,
И, как ей должно, толпа с волей согласна твоей.
Вспомни, ты сам признавал безупречным мое поведенье,
Сам ты для смотра коня некогда мне подарил.
Пусть все это ничто, пусть честность нам не приносит
Славы — но все ж и вины не было также на мне.
Я не обидел ничем порученных мне подсудимых
Там, где вершат дела десятью десять мужей.
Я безупречно решал в суде гражданские тяжбы,
Из проигравших никто не усомнился во мне.
О злополучный, не стань я жертвой недавних событий,—
Мне правосудье твое не угрожало ничем.
Случай меня погубил, и под первым натиском бури
В бездне морской потонул течи не знавший корабль.
Нет, не одною волной меня опрокинуло,— воды
Хлынули все на меня, ринулся весь Океан.
О, для чего провинились глаза, увидевши нечто?
Как на себя я навлек, неосторожный, вину?
Раз невзначай увидал Актеон нагую Диану:
Дичью для собственных псов стал из-за этого он.
Значит, невольной вины не прощают всевышние людям,
Милости нет, коли бог даже случайно задет.
Ибо в горестный день, когда совершил я ошибку,
Рухнул, пусть небольшой, но незапятнанный дом.
Пусть небольшой, но в дали веков отеческих зримый,
Он благородством своим мог бы поспорить с любым.
Он не бросался в глаза ни роскошью, ни нищетою,
Не выделялся ничем — истого всадника дом.
Если б и не был мой дом старинным всадника домом,
Славу ему бы принес мой поэтический дар,
И хоть язвят, что его я на шалости тратил пустые,
Громкое имя мое миру известно всему.
Тьма просвещенных умов Назона знает и ценит
И причисляет его к самым любимым певцам.

Вот и обрушился дом, лишь недавно Музам любезный,
Пал под гнетом одной, хоть и немалой, вины,
Все же так он упал, что воздвигнуться может из праха,
Если смягчится вдруг Цезаря праведный гнев.
Столь милосердным себя явил в наказании Цезарь,
Что оказалось оно мягче, чем я ожидал.
Мне дарована жизнь, и до казни свой гнев не простер ты,
Пользуясь силой своей, меру ты, принцепс, хранил.
Ты достоянья меня не лишил — наследия предков,
Будто бы мало того, что подарил ты мне жизнь.
Не был я заклеймен как преступник решеньем сената,
Не был я присужден к ссылке особым судом.
Сам произнес приговор и сам, как правитель достойный,
Ты за обиды свои в горьких словах отомстил.
Даже и этот эдикт, для меня суровый и грозный,
Все-таки можно еще легкою карой назвать,
Ибо значится в нем, что я не изгнан, а сослан,
Мне облегчают судьбу мягкие эти слова.
Люди со здравым умом считают из всех наказаний
Самым тяжелым одно — вызвать твою неприязнь.
Но ведь бывает порой божество к мольбам благосклонно,
Но ведь сменяет порой бурю сияющий день.
Видеть мне вяз довелось, отягченный лозой виноградной,
Ствол которого был молнией бога задет.
Пусть ты надеяться мне запретил, я все же надеюсь,—
В этом одном не могу повиноваться тебе.
Весь я полон надежд, как твое милосердие вспомню,
Весь — безнадежность, едва вспомню проступки мои.
Но как у буйных ветров, взмущающих лоно морское,
Не одинаков задор, не беспрерывен разгул,
Между порывами вдруг спадают они, и слабеют,
И затихают совсем, словно лишенные сил,
Так то отхлынут, то вновь ко мне возвращаются страхи,
Как и надежды мои милость твою пробудить.

Ради всевышних богов,— да продлят тебе долгие годы,
Если только они к римлянам благоволят,
Ради отчизны моей, что сильна твоим попеченьем,
Частью которой и я был среди граждан других,

Пусть, за высокий твой дух и дела воздав по заслугам,
Платит любовью стократ Рим благодарный тебе.
В полном согласье с тобой да живет еще долгие годы
Ливия, что изо всех ровня тебе одному,
Та, без которой тебе остаться бы должно безбрачным,—
Кроме нее, никому мужем ты стать бы не мог.
Рядом с тобой невредим да будет твой сын, чтобы в дальней
Старости власть разделить вместе с тобой, стариком.
Да продолжают и впредь по твоим следам и по отчим
Юные внуки твои, юные звезды, идти.
Да устремится опять к твоим знаменам победа,
Лик свой являя бойцам с нею сроднившихся войск,
Над авзонийским вождем пусть она, как прежде, витает,
Кудри лавровым венком пусть украшает тому,
Кто идет за тебя, собой рискуя, в сраженья,
Кто получил от тебя власть и поддержку богов.
Здесь половиной души за Городом ты наблюдаешь,
Там половиной другой делишь опасности с ним;
Пусть он вернется к тебе с победой над всеми врагами,
Пусть на венчанных конях высится светлый, как бог,—
Сжалься и молний своих отложи разящие стрелы.
Это оружие мне слишком знакомо, увы!
Сжалься, отчизны отец, и, помня об имени этом,
Дай мне надежду мольбой сердце твое укротить.
Не о возврате молю, хотя великие боги
Могут тому, кто просил, сверх ожидания дать.
Сделай изгнанье мое не столь суровым и дальним,—
Больше чем вдвое его ты для меня облегчишь.

Сколько я тягот терплю, заброшенный в землю чужую,
Прочь из отчизны моей сосланный далее всех!
Я возле устьев живу семиструйного Истра в изгнанье,
Дева аркадская здесь мучит морозом меня.
От многочисленных орд язигов, колхов и гетов
И метереев с трудом нас защищает Дунай.
Многие больше меня виновны перед тобою,
Но не сослали из них дальше меня никого.
Дальше и нет ничего: лишь враги, морозы и море,
Где от мороза порой отвердевает волна.

Это римский рубеж у левого берега Понта;
Рядом бастарнов лежит и савроматов земля.
Местности этой пока Авзонии власть непривычна
И с государством твоим связи не прочны ее.
Я заклинаю меня в безопасное место отправить,
Чтобы, отчизны лишен, мира я не был лишен,
Чтоб не боялся врагов за непрочной оградой Дуная,
Чтобы твой гражданин к варварам в плен не попал.
Не подобает тому, кто рожден от крови латинской,
Цепи носить, доколь Цезарей род не угас.

Две погубили меня причины: стихи и оплошность,
Мне невозможно назвать эту вторую вину.
Я не таков, чтобы вновь бередить твои раны, о Цезарь!
Слишком довольно, что раз боль я тебе причинил.
Но остается упрек, что я непристойной поэмой
Как бы учителем стал прелюбодейной любви.
Значит, способен порой божественный ум обмануться
И со своей высоты малое не разглядеть.
Если Юпитер блюдет богов и вышнее небо,
Разве на всякий пустяк времени хватит ему?
И от тебя ускользнуть, когда ты мир опекаешь,
Разве не могут порой мелкие чьи-то дела?
Принцепс, может ли быть, чтоб ты, забыв о державе,
Стал разбирать и судить неравностопный мой стих?
Ты на своих плечах несешь величие Рима,
И не настолько легко бремя его для тебя,
Чтобы ты мог уследить за всякой шалостью нашей,
В наши безделицы мог бдительным оком вникать.
То Паннонию ты, то Иллирию нам покоряешь,
То за Ретией вслед Фракия бредит войной,
Мира ждет армянин, а вот возвращает знамена
Всадник парфянский и лук нам боязливо сдает.
В юном потомке тебя узнает Германия снова:
Цезарь великий рукой Цезаря войны ведет.
Так что малейшую часть твоих небывалых владений
Вместе с державою всей ты неусыпно хранишь.
На попеченье твоем и Рим, и законы, и нравы,
Коими жаждешь всех ты уподобить себе.

Отдых тебе не знаком, который даруешь народам,
Ибо ради него частые войны ведешь.
Буду ли я удивлен, что среди подобных занятий
Времени нет у тебя шалости наши читать?
Ах, когда бы ты мог на час оказаться свободным,
Знаю, в «Науке» моей ты не нашел бы вреда.

Книга моя, признаюсь, не отмечена строгостью важной
И не достойна тобой, принцепс, прочитанной быть.
Все же не стоит считать, что она, противно законам,
Римских женщин могла б низким вещам обучать.
Чтобы тебя убедить, кому предназначена книга,
В первой книге прочти эти четыре стиха:
«Прочь от этих стихов, целомудренно-узкие ленты,
Прочь, расшитый подол, спущенный ниже колен!
О безопасной любви я пишу, о дозволенном блуде,
Нет за мною вины и преступления нет».
Я ль не велел держаться вдали от «Науки» матронам,
Если препятствуют им ленты и платья до пят?
Но, мне скажут, жена познакомиться с книгою может
И, хоть стихи для других, хитрости все перенять.
Значит, женам читать стихов не следует вовсе,
Ибо любые стихи могут греху научить.
Что бы она ни взяла, имея склонность к пороку,
Ей отовсюду на ум новая хитрость придет.
Пусть «Анналы» возьмет — неуклюжей не знаю я чтенья —
Тут же, как Илия вдруг матерью стала, прочтет.
«Рода Энеева мать» возьмет — про Венеру узнает,
Стала она отчего «рода Энеева мать».
Далее я прослежу по порядку, если сумею,
Как и кому повредить могут любые стихи.
Это не значит совсем, что всякая книга порочна:
В самых полезных вещах вредная есть сторона.
Что полезней огня? Но если кто о поджоге
Думает,— руку его вооружает огонь.
Лекари то возвратят, а то отнимут здоровье,
С пользою или во вред травы свои применив.
Носят на поясе меч разбойник и путник разумный,
Этот — в засаде таясь, тот — защищая себя.

А красноречье, чей смысл в защите правого дела,
Может невинность губить или вину покрывать.
Так и поэма моя никому повредить неспособна,
Если читатель ее с чистой душою прочтет.
Несправедлив, кто в стихах у меня порочное видит,
Без основания строг он к сочиненьям моим.
Если он в чем-то и прав, семена разврата найдутся
В играх. Тогда прикажи зрелища все отменить:
Многих уже на грех навели и ряды и арена,
Где кровавый песок твердую землю устлал.
Следует цирк запретить: опасна распущенность цирка,
Юная девушка там рядом сидит с чужаком.
Если женщины ждут, гуляя в портике, встречи
С милыми, то почему портики нам не закрыть?
Есть ли место святей, чем храм? Но оно не подходит
Женщине, если она устремлена не к добру!
Ступит к Юпитеру в храм, у Юпитера в храме припомнит,
Скольких женщин и дев он в матерей превратил.
В храм соседний придет молиться Юноне — и вспомнит,
Скольких соперниц пришлось этой богине терпеть.
Спросит, к Палладе придя, зачем это был Эрихтоний,
Плод незаконной любви, девою усыновлен.
К Мстителю в храм ли войдет, тобою построенный,— рядом
С Марсом Венера стоит, выставив мужа за дверь.
В храме Исиды задаст вопрос: почему же Юнона
Деву гнала за Босфор, за Ионийский простор.
Вспомнит Анхиза она по Венере, припомнит Церере
Иасиона ее, Эндимиона — Луне.
Это способно вредить неустойчивым душам, но в храмах
Статуи наших богов чинно стоят по местам.

С первых же строк удалил порядочных я от «Науки»,
Ибо ее написал лишь для забавы блудниц.
Та же, что хочет войти в святилище без разрешенья,
Будет виновна сама, если нарушит запрет.
Да не такой уж и вред — развернуть любовную книгу.
Можно о многом читать, но не всему подражать.

Строгой жене иногда приходится видеть готовых
Всех без разбора любить полураздетых блудниц.

Взоры весталок порой касаются тел непотребных,
Но за такую вину их не карает никто.
Что же Музу мою считают столь непристойной?
Разве мои лишь стихи всех побуждают любить?
Это ошибка моя, моя провинность — согласен.
В книге мне изменил вкус и талант заодно.
Ах, почему я тогда аргосским взятую войском
Трою не предпочел вновь потревожить стихом?
Фивы зачем не воспел и взаимное братоубийство,
И семерых вождей, семь защищавших ворот?
Мне и воинственный Рим предлагал немало предметов:
Подвиги родины петь есть благороднейший труд.
В жизни твоей, наконец, из многих подвигов, Цезарь,
Мог я для песен своих выбрать хотя бы один.
Словно солнце влечет глаза лучистым сияньем,
Так бы должны привлекать дух мой деянья твои.
Нет, не заслужен упрек: пашу я скудную ниву,
А для жатвы такой тучная пашня нужна.
Может ли вверить себя океану утлая лодка
Лишь потому, что с волной озера смеет играть?
Я сомневаюсь и в том, по плечу ли мне легкие строки,
Хватит ли сил у меня даже для скромных ладов.
Если бы ты повелел рассказать, как Юпитер гигантов
Молнией испепелил, я бы не вынес труда.
Чтоб отвечали стихи твоим великим деяньям,
Цезарь, тебя воспевать должен великий талант.
Я ведь пытался и сам, но понял, что неспособен.
Что святотатством могу славе твоей повредить.
Я возвратился опять к легкомысленным юности песням,
Мнимой любовью опять сердце свое возбудил.
Против желаний моих судьба меня увлекала,
Щедро для будущих кар поводы я измышлял.
Горе! Зачем я учен, зачем родители дали
Образование мне, буквы зачем я узнал!
Я ненавистен тебе моей сладострастной «Наукой».
Видишь к запретной любви в ней подстрекательство ты.
Не от уроков моих научились жены изменам,
Ибо не может учить тот, кто не опытен сам.
Правда, что я сочинял для других сладострастные песни,
Но ни одной обо мне басни молва не сплела.

Даже в гуще толпы не найти такого супруга,
Кто бы моею виной звался подложным отцом.
Верь мне, привычки мои на мои же стихи непохожи:
Муза игрива моя, жизнь — безупречно скромна.
Книги мои в большинстве — один лишь вымысел лживый
И позволяют себе больше создателя их.
Книга — не оттиск души, но просто дозволенный отдых.
Если бы целью ее не было ухо ласкать,
Аттий был бы жесток, блюдолизом был бы Теренций
И забияками — все, кто воспевает войну.

Кстати, я не один сочинял любовные песни,
А наказанье за них только один я понес.
Разве нас не учил сладкогласный старец теосский
В песнях любовь сочетать с полною чашей вина?
Или подруги Сафо у нее любви не учились?
Не поплатились ничем Анакреонт и Сафо.
Так и тебе, Баттиад, не вредило то, что нередко
Ты наслажденья свои свету всему поверял.
Светлый Менандр о любви говорит в любой из комедий,—
Детям обычно его мы разрешаем читать.
В чем «Илиады» предмет, как не в мерзком прелюбодействе,
Из-за которого муж в битву с любовником шел?
Речь там в начале о чем? О любви к Хрисеиде, о деве,
Что меж ахейских вождей пламя раздора зажгла.
А «Одиссея» о чем? О том, что в отсутствии мужа
Рой женихов от жены стал добиваться любви.
Разве не сам рассказал Меониец о том, что Венеру
С Марсом прижала вдвоем к ложу постыдному сеть?
Не от Гомера ли мы узнали также, что странник
Двух бессмертных богинь страстью одною зажег?
Строем и слогом своим трагедия все превосходит,
Но постоянно и ей служит предметом любовь.
Чем знаменит Ипполит, как не мачехи страстью слепою?
Славу, Канака, тебе к брату любовь принесла.
Разве, когда Танталид с плечом из кости слоновой
Деву из Писы умчал, гнал не Амур лошадей?
Боль оскорбленной любви беспощадную мать побудила
Кровью своих сыновей острую сталь запятнать.

В птиц обратила любовь царя с любовницей вместе,
Как и жену, что в слезах сына доселе зовет.
Если бы брат не любил Аэропу преступной любовью,
Мы не прочли бы, что вспять солнце погнало коней.
Сцилле безбожной вовек не видать бы высоких котурнов,
Не побуди ее страсть волос отстричь у отца.
Кто об Электре читал, о лишенном рассудка Оресте,
Знает, что сделал Эгисф, в чем Тиндариды вина.
Что сказать о тебе, неприступный смиритель Химеры?
Чуть не сгубила тебя царской жены клевета.
Что о тебе, Гермиона, сказать, о тебе, Аталанта?
Что о микенском вожде с пленницей вещей его?
Ну, а Данаева дочь, Даная и мать Диониса,
Гемон и та, для кого боги удвоили ночь?
Вспомнится ль Пелия зять, Тесей и тот из пеласгов,
Кто на троянский песок первым ступил с корабля?
Также подходят сюда Иола, жена Геркулеса,
Неоптолемова мать, мальчик троянский и Гил.
Времени нет у меня перечислить страсти трагедий,
Я успеваю назвать только одни имена.
Есть трагедии вид, снизошедший до пошлого смеха,
Многое в ней далеко вышло за рамки стыда.
И не наказан был тот, кто изнеженным сделал Ахилла,
Кто постарался в стихах храбрость его оболгать.
Соединил Аристид свое бесстыдство с милетским,
Изгнан отчизной своей не был за то Аристид.
Не был изгнан и сам сочинитель истории грязной
Евбий, который учил женщин вытравливать плод.
Не был в изгнании тот, кто недавно сложил «Сибариду».
Не были те, что своих связей не стали скрывать.
Их сочиненья вошли в среду творений ученых,
Щедростью знатных людей стали доступны толпе.

Я защищаться могу не одним иноземным оружьем:
Римлянам также не счесть вольных игривых стихов.
Если Марса воспел словами важными Энний,
Энний, что даром своим — мощен, отделкою — груб,
Если природу огня понятною сделал Лукреций,
Если он миру тройной труд разрушенья предрек,

То сладострастный Катулл воспевает большею частью
    Женщину, изобретя прозвище Лесбии ей,
Мало того, без стыда признаваясь в других увлеченьях,
    Пишет, что изменял многим со многими он.
Равной и схожей была распущенность карлика Кальва,—
    Этот на много ладов шашни свои разглашал.
Тициду как не назвать и Меммия — в их сочиненьях
    Всем именам и вещам стыд вообще не присущ!
Цинна обоим под стать, но Цинны бесстыднее Ансер,
    А Корнифицию здесь вольностью равен Катон.
Вспомним и книги стихов, где то воспевают Периллу,
    То Метеллою вдруг верно ее назовут.
Тот поэт, что Арго довел до волн фасианских,
    Собственных плутней в любви также не мог утаить.
Им не хотят уступить в бесстыдстве Гортензий и Сервий,
    Кто не решится пойти вслед за такими людьми?
Не был Сисенна смущен, когда перевел Аристида,
    Тем, что в «Историю» вплел шутки бесстыдные тот.
Нет бесчестия в том, что Галл Ликориду прославил.
    Стыдно, что Галлу язык так развязало вино.
Верить подруге своей Тибулл считает опасным,
    Если готова она мужа обманывать с ним.
Он признает, что учил ее морочить ревнивца,
    И прибавляет, что сам хитростью той же побит.
Помнит, как вслух похвалив кольцо с резною печатью,
    Руку хозяйки тайком он ухитрялся пожать,
Как разговаривал с ней кивком, движением пальцев
    Или на круглом столе буквы беззвучно чертил.
Учит настоем из трав сводить синеватые пятна,
    Что оставляют его губы на теле у ней;
Сам наставляет порой чересчур беспечного мужа,
    Чтобы жену охранял муж для него от других;
Знает, у дома бродя, кому залаять негромко,
    И почему заперта, сколько ни кашляй он, дверь.
Много советов дает и хитростям женщину учит,
    Чтобы искусней она мужа могла обмануть.
Это ему не вредит, его читают и ценят,
    Стал знаменитым Тибулл, принцепс, уже при тебе.
Те же советы дает влюбленным нежный Проперций,
    А ведь и он никаким не опорочен клеймом.

Я их преемником был. Порядочность мне запрещает
Упоминать имена тех, кто известен и жив.
Я не боялся, что там, где не раз прошли невредимо
Все корабли, я один вдруг окажусь на мели.

Есть наставленья еще для тех, кто в кости играет,
Это у наших отцов было немалой виной.
Как разбираться в костях, каким манером их лучше
Бросить и как избежать вред приносящих «собак»,
Цифры какие у них на гранях и как, объявляя
Числа, выбрасывать их и увеличивать счет,
Как разноцветным бойцам удерживать линию фронта,—
Ибо, попав между двух вражеских, воин погиб,—
Как в наступленье идти и как отступать осторожно,
Если увидишь, что твой воин остался один,
Камешки как положить в тройную цепь на дощечке,
Где побеждает игрок, строя не давший прорвать.
Множество всяческих игр (не все я здесь перечислил)
Время, бесценную вещь, нам помогает убить.
Этот поет о мячах и о том, как нужно бросать их;
В плаванье смыслит один, в обручах сведущ другой;
Пишут в стихах о том, как лицо и волосы красить,
Этот для званых пиров твердые правила ввел.
Глину укажет иной, какая для чаш и для кубков
И для кувшинов с вином лучше всего подойдет.
Дымный месяц декабрь протекает в подобных досугах,
Нет вреда никому от сочинений таких.
Следом за ними и я сочинил веселые песни,
Только печальной была плата за шутки мои.
Кажется мне, никто из всех писателей не был
Музой погублен своей, кроме меня одного.
Что бы стало со мной, пиши я мерзкие мимы,
Где с бесстыдством любовь соединяют всегда,
Где выступает всегда в щегольском наряде распутник,
Где изменяет шутя глупому мужу жена?
Девушки смотрят на них, мужчины, женщины, дети,
Даже сенаторов часть тоже присутствует там.
Мало того, что слова непотребные слух оскверняют,
Что привыкают глаза это бесстыдство терпеть,—

Если сможет жена обмануть по-новому мужа,
Дружно одобрит ее рукоплесканьем толпа.
Пользы театр не дает, но прибылен он для поэта,
Претор за весь этот вред должен немало платить.
Август, взгляни на счета за игры, и ты убедишься,
Как недешево их вольности встали тебе.
Был ты зрителем сам и устраивал зрелища часто,
Ибо в величье своем к нам снисходителен ты.
Ясным взором очей, что нужен целому миру,
Ты терпеливо смотрел на театральный разврат.
Если можно писать, подражая низкому, мимы,
Стоит ли кары большой избранный мною предмет?
Или твореньям таким дают безопасность подмостки,
Или сцена дает миму свободу во всем?
Изображались не раз и мои поэмы на сцене;
Даже вниманье твое им удавалось привлечь.

Помнится, в римских домах красуются лица героев:
Образы их написал мастер искусной рукой.
Но кое-где по стенам увидеть можно картинку
С ликом Венеры на ней или со сценкой любви.
Тут с омраченным лицом сидит Аякс Теламонид,
Там злодеянье таит варварской матери взор,
Здесь Венера, одной материнской прикрытая влагой,
Пальцами хочет отжать воду из мокрых волос.

Многие войны поют и залитое кровью оружье,
Те воспевают твой род, эти — деянья твои.
В узком пространстве меня заключила скупая природа,
Мало таланта и сил мне отпустила она.
Но и счастливый певец любимой тобой «Энеиды»
«Мужа и брани его» к тирскому ложу привел.
В целой поэме ничто не читается с большей охотой,
Чем знаменитый рассказ о незаконной любви.
Нежной Филлиды страсть и пламя Амариллиды
На буколический лад в юности он же воспел.
Но ведь и я не теперь провинился моею поэмой:
Новую муку терплю я не за новую вещь.
Издана книга была, когда, проверен тобою,
Я без упрека прошел всадником мимо тебя.

Значит, те же стихи, что в юности я без опаски
    Неосторожно сложил, ныне вредят старику?
Поздно обрушилась месть на меня за старую книжку,
    Много прошло от вины до наказания лет.
Только бы ты не считал, что всякий мой труд
бесполезен,
    Парус на диво большой ставил и я иногда:
Это ведь я написал календарь — шестикнижие Фастов,
    В каждой книге его месяц один заключив.
Этот недавний мой труд, для тебя написанный, Цезарь,
    И посвященный тебе, участь моя прервала.
Нечто о судьбах царей подарил я высоким котурнам,
    Важные речи для них, как подобает, нашел.
Были созданы мной, хотя последней отделки
    Им не хватает, стихи о превращениях тел.
Если бы гнев твой утих, и ты себе на досуге
    Малую часть из моей книги велел прочитать,
Малую, где, рассказав о начале нашего мира,
    Я свой труд перевел, Цезарь, к твоим временам,—
Ты убедился б, каким подарил ты меня вдохновеньем,
    Как расположен я был сердцем к тебе и к твоим.

Колким словцом никого оцарапать я не пытался,
    Стих мой в себе не хранит память о чьей-то вине.
Нет в сочиненьях моих смешения желчи и соли,
    И не найти у меня ядом облитых острот.
Сколько людей и стихов ни возьми, моей Каллиопой
    Не был обижен никто, кроме меня самого.
Знаю, что бедам моим не будет никто из квиритов,
    Рад, и во многих сердцах я состраданье найду.
Я и представить себе не могу, что способны злорадно
    Те, перед кем я чист, видеть паденье мое.
Этим и многим другим твое божество заклинаю:
    Будь милосерден, отец, благо отчизны моей.
Нет, не возврата прошу в Авзонию, разве позднее,
    Если ты долгой моей ссылкою будешь смягчен,—
Сделать изгнанье молю для меня безопасней немного,
    Чтоб наказанье мое согласовалось с виной.

Книга третья

ЭЛЕГИЯ I

В Город вхожу я тайком, изгнанника робкая книга,
Руку измученной мне с лаской, читатель, подай.
Не опасайся, в стыд не вгоню тебя ненароком:
Я ни единым стихом не поучаю любви.
Так обернулась судьба моего господина, что, право,
Шутками он бы не стал скрашивать горе свое.
Да и поэму свою, незрелой юности шалость,
Ныне — поздно, увы! — сам он, кляня, осудил.
Что я несу, проверь: ничего не найдешь, кроме скорби;
К песням недоброй поры верный подобран размер:
Каждый второй из пары стихов припадает, хромая,—
То ли путь истомил, то ли с изъяном стопа?
Спросишь, зачем обхожусь без желтящего кедра, без пемзы?
Я покраснела бы, став краше, чем мой господин.
А что в потеках я вся, что буквы в пятна размыты —
Плакал поэт надо мной, портил слезами письмо.
Если же случаем речь зазвучит не совсем по-латински,—
Он, не забудь, писал, варварами окружен.
«Молви, читатель, за труд не почти: куда мне податься?
В Риме где я найду, книга-скиталица, кров?» —
Но из многих кому, запинаясь, я это шептала,
Еле посмел один гостью на путь навести.
«Боги тебе да пошлют, в чем отказано ими поэту,—
С миром всю жизнь прожить в сладостном отчем краю!
Что ж, веди... поплетусь! Хоть измаялась я, добираясь
Морем и сушей в Рим с самого края земли!»
Вел он и на ходу пояснял: «Это Цезаря форум —
Улице этой у нас имя Священной дано;
Видишь Весты храм: здесь огонь хранят и Палладий,
Маленький этот дом — древнего Нумы дворец».
Вправо свернули. «Гляди: пред тобою — врата Палатина.
Это Статор: отсель начали Рим возводить».
Налюбовавшись всем, в слепительном блеске доспехов
Портик я вижу и кров, бога достойный принять.

«Верно, Юпитера дом?» — спросила я, так заключая
По осенившему вход листьев дубовых венку;
И, получив ответ о хозяине, смело сказала:
«Да, ошибки тут нет: это Юпитера дом!»
Но почему, объясни, перед дверью стоит величаво,
Тень простирая вокруг, широколиственный лавр?
Не потому ли, что дом непрестанных достоин триумфов,
И не затем ли, что он Фебом Левкадским любим?
Правит ли праздник свой или всем он праздник приносит,
Радость мира даря необозримой земле?
Или же это знак, что навек он честью украшен,
Словно невянущий лавр вечнозеленой листвой?
Что знаменует венок, узнаем из надписи краткой:
Дар он от граждан, кому Цезарем жизнь спасена.
К ним, о добрый отец, одного добавь гражданина,—
Он на краю земли ныне в изгнанье живет
И сознает, скорбя, что вполне заслужил эту кару,
Но не злодейством каким — только ошибку свершив.
Горе мне! Я страшусь властелина и самого места.
Каждой буквой своей в страхе пред ними дрожу.
Видишь? Станицу мою бескровная бледность одела.
Видишь? Едва стою, мнусь со стопы на стопу.
К небу взываю: «Отцу моему о будет ли милость
Дом при его господах нынешних снова узреть?»

Дальше иду и вожатаю вслед по гордым ступеням
В мраморный я вхожу бога кудрявого храм,
Где меж заморских колонн предстали все Данаиды
Вместе с исторгшим меч жестокосердым отцом,
И где дано узнавать читателю, что создавали
В долгом ученом труде новый и старый поэт.
Стала высматривать я сестер (исключая, понятно,
Тех, которых отец рад бы на свет не родить).
Тщетно ищу: их нет. Между тем блюститель хранилищ
Мне покинуть велит этот священный предел.
В храм поспешаю другой, пристроенный прямо к театру,
Но и сюда для меня настрого вход воспрещен.
Не допустила меня Свобода к чертогу, который
Первым двери свои книгам поэтов открыл.

Да, стихотворца судьба на его простерлась потомство:
Сослан он сам, и детей ссылка постигла равно.
Может быть, некогда к нам снисхождение будет, а позже
Время само и к нему Цезаря сердце смягчит.
Вышних молю и с ними тебя (ведь не к черни взывать мне!),
О величайший бог, Цезарь, к молитве склонись!
Если заказано мне пребыванье в общественном месте,
Книгу позволь приютить частным хотя бы домам!
Ныне песни мои, что с позором отвергнуты всюду,
Если дозволишь, народ, в руки твои передам.

ЭЛЕГИЯ II

Стало быть, рок мне судил и Скифию тоже увидеть,
Где Ликаонова дочь ось над землею стремит.
О Пиэриды, ни вы, ни божественный отпрыск Латоны,
Сонм искушенный, жрецу не помогли своему!
Не было пользы мне в том, что, игривый, я не был преступен,
Что моя Муза была ветреней жизни моей.
Много я вынес беды на суше и на море, прежде
Чем приютил меня Понт, вечною стужей знобим.
Я, убегавший от дел, для мирных досугов рожденный,
Мнивший, что всякий тяжел силам изнеженным труд,
Все терпеливо сношу. Но ни море, лишенное портов,
Ни продолжительный путь не погубили меня.
Противоборствует дух, и тело в нем черпает силы,
И нестерпимое он мне помогает терпеть.
В дни, когда волны меня средь опасностей гнали и ветры,
Труд избавлял от тревог сердце больное мое.
Но лишь окончился путь и минули труды переезда,
Только я тронул стопой землю изгнанья, с тех пор
Плач — вся отрада моя, текут из очей моих слезы
Вод изобильнее, с гор льющихся вешней порой.
Рим вспоминаю и дом, к местам меня тянет знакомым,
И ко всему, что — увы! — в Граде оставлено мной.
Горе мне! Сколько же раз я в двери стучался могилы —
Тщетно, ни разу они не пропустили меня!
Стольких мечей для чего я избег и зачем угрожала,
Но не сразила гроза бедной моей головы?

Боги, вы, чьей вражды на себе испытал я упорство,
    В ком соучастников зрит гнев одного божества,
Поторопите, молю, нерадивые судьбы, велите,
    Чтоб наконец предо мной смерти открылись врата!

ЭЛЕГИЯ III

Может быть, ты удивишься тому, что чужою рукою
    Это посланье мое писано: болен я был.
Болен, неведомо где, у краев неизвестного мира,
    В выздоровленье своем был не уверен я сам.
Вообрази, как страдал я душой, не вставая с постели,
    В дикой стране, где одни геты, сарматы кругом.
Климат мне здешний претит, не могу и к воде я привыкнуть,
    Здесь почему-то сама мне и земля не мила.
Дом неудобный, еды не найдешь, подходящей больному,
    Некому боли мои Фебовой лирой унять;
Друга здесь нет, кто меня утешал бы занятным рассказом
    И заставлял забывать времени медленный ход.
Изнемогая, лежу за пределами стран и народов
    И представляю с тоской все, чего более нет.

В думах, однако, моих ты одна первенствуешь, супруга,
    Главная в сердце моем принадлежит тебе часть.
Ты далеко, но к тебе обращаюсь, твержу твое имя,
    Ты постоянно со мной, ночь ли подходит иль день.
Даже когда — говорят — бормотал я в безумии бреда,
    Было одно у меня имя твое на устах.
Ежели мой обессилет язык под коснеющим небом,
    И уж его оживить капля не сможет вина,
Стоит мне весть принести, что жена прибыла,— и я встану,
    Мысль, что увижу тебя, новой мне силы придаст.
Буду ль я жив, не уверен... А ты, быть может, в веселье
    Время проводишь, увы, бедствий не зная моих?
Нет, дорогая жена! Убежден, что в отсутствие мужа
    Обречены твои дни только печали одной.
Если, однако, мой рок мне сужденные сроки исполнил
    И подошел уже час ранней кончины моей,—

Ах, что стоило б вам над гибнущим сжалиться, боги,
Чтобы хотя б погребен был я в родимой земле,
Хоть бы до смерти моей отложено было возмездье
Или внезапный конец ссылку мою предварил!
Прежде я с жизнью земной, не намучившись, мог бы расстаться —
Ныне мне жизнь продлена, чтобы я в ссылке погиб.
Значит, умру вдалеке, на каком-то безвестном прибрежье,
Здесь, где печальную смерть сами места омрачат?
Значит, мне умирать не придется в привычной постели?
Кто в этом крае мой прах плачем надгробным почтит?
Слезы жены дорогой, мне лицо орошая, не смогут
Остановить ни на миг быстрое бегство души?
Дать не смогу я последний наказ, и с последним прощаньем
Век безжизненных мне дружбы рука не смежит.
Без торжества похорон, не почтенный достойной могилой,
Мой неоплаканный прах скроет земля дикарей.

Ты же, узнав про меня, совсем помутишься рассудком,
Станешь смятенную грудь верной рукой поражать.
Будешь ты к этим краям напрасно протягивать руки,
Бедного мужа вотще будешь по имени звать.
Полно! Волос не рви, перестань себе щеки царапать —
Буду не в первый я раз отнят, мой свет, у тебя.
В первый раз я погиб, когда был отправлен в изгнанье,—
То была первая смерть, горшая смерть для меня.
Ныне, о жен образец, коль сможешь — но сможешь едва ли,—
Радуйся только, что смерть муки мои прервала.
Можешь одно: облегчать страдания мужеством сердца —
Ведь уж от бедствий былых стала ты духом тверда.

Если бы с телом у нас погибали также и души,
Если б я весь, целиком, в пламени жадном исчез!
Но коль в пространство летит возвышенный, смерти не зная,
Дух наш и верно о том старец самосский учил,
Между сарматских теней появится римская, будет
Вечно скитаться средь них, варварским манам чужда.
Сделай, чтоб кости мои переправили в урне смиренной
В Рим, чтоб изгнанником мне и после смерти не быть.

Не запретят тебе: в Фивах сестра, потерявшая брата,
Похоронила его, царский нарушив запрет.
Пепел мой перемешай с листвой и толченым амомом
И за стеной городской тихо землею засыпь.
Пусть, на мрамор плиты взглянув мимолетно, прохожий
Крупные буквы прочтет кратких надгробных стихов:
«Я под сим камнем лежу, любовных утех воспеватель,
Публий Назон, поэт, сгубленный даром своим.
Ты, что мимо идешь, ты тоже любил, потрудись же,
Молви: Назона костям пухом да будет земля!»
К надписи слов добавлять не надо: памятник создан,—
Книги надежней гробниц увековечат певца.
Мне повредили они, но верю: они и прославят
Имя его и дадут вечную жизнь их творцу.
Ты же дарами почти погребальными маны супруга,
Мне на могилу цветов, мокрых от слез, принеси,—
И хоть огонь превратил мое тело бренное в пепел,
Благочестивый обряд скорбная примет зола.
О, написать я хотел бы еще, но голос усталый
И пересохший язык мне не дают диктовать.
Кончил. Желаю тебе — не навеки ль прощаясь — здоровья,
Коего сам я лишен. Будь же здорова, прости!

ЭЛЕГИЯ IV

Ты, кем и прежде я дорожил,— чью давнюю дружбу
В злой проверил час, в горьком паденье моем!
Слушай меня и верь умудренному опытом другу:
Тихо живи, в стороне от именитых держись.
Тихо живи, избегай, как можешь, знатных и сильных,
Их очагов огонь молнией грозной разит!
Пользы от сильных мы ждем. Но уж лучше и пользы не надо
Нам от того, кто вред может вдвойне причинить.
Райну с мачты спустив, спасаются в зимнюю бурю,
Чем на больших парусах, лучше на малых плыви.
Видел ты, как волна кору качает на гребне,
Как уходит вглубь с грузом подвязанным сеть?
Остерегли бы меня, как тебя сейчас остерег я,—
Верно, я и теперь в Городе жил бы, как жил!

Был я доколе с тобой и плыл под ласковым ветром,
Благополучно мой челн несся по глади морской.
Это не в счет, коли ты на ровном падаешь месте:
Только коснулся земли, на ноги встал и пошел!
А бедняк Эльпенор, упавший с кровли высокой,
Перед своим царем тенью бессильной предстал.
Или меж тем как Дедал на крыльях парил безопасно,
Передал имя свое водам бескрайним Икар.
А почему? Летел тот повыше, этот пониже,
Хоть и оба равно не на природных крылах.
Верь мне: благо тому, кто живет в благодатном укрытье,
Определенных судьбой не преступая границ.
Не возмечтал бы глупец Долон о конях Ахиллеса,
Разве остался б Эвмед к старости лет одинок?
Сына Мероп не видал бы в огне, дочерей — тополями,
Если б отца Фаэтон в нем не гнушался признать.
Так берегись и ты возноситься слишком высоко,
И притязаний своих сам подбери паруса.
Ног не избив, пройти ристалище ты ль не достоин,
Мне не в пример процветать благоволеньем судьбы!

Верностью и добротой заслужил ты это моленье,
Неколебимой ко мне дружбой во все времена.
Видел я, мой приговор ты встретил так сокрушенно,
Что едва ли в тот час был я бледнее тебя.
Видел, из глаз твоих мне на щеки падали слезы,
Пил я с жадностью их, пил заверенья в любви.
Сосланного и теперь защитить ты пробуешь друга,
Ищешь, чем облегчить необлегчимую боль.
Зависти не возбудив и славой не взыскан, в довольстве
Мирно век доживай, с равными дружбу води,
И в Назоне люби то, чего не коснулось гоненье,—
Имя: Скифский Понт всем остальным завладел.

Эти простертые под эриманфской Медведицей земли
Не отпускают меня, выжженный стужею край.
Дальше Босфор, Танаис, Киммерийской Скифии топи,
Еле знакомые нам хоть по названью места;

А за ними — ничто: только холод, мрак и безлюдье.
Горе! Как близко пролег круга земного предел!
Родина так далеко! Далеко жена дорогая,
Все, что в мире ценил, чем дорожил — далеко!
Отнято все, но так, что, хотя рукой не достанешь,
Отнятое могу видеть очами души!
Вижу мой дом, и Рим, и в подробностях каждое место,
Вижу все, что со мной в этих случалось местах,
Образ жены встает так явственно перед глазами,
Нам и горечь она, и утешенье дарит:
Горько, что не со мной, утешно, что не разлюбила
И что бремя свое, твердая духом, несет.

Также и вы, друзья, живете в сердце поэта,
С радостью по именам он перечислил бы вас,
Да не велит осмотрительный страх: сегодня, пожалуй,
Мало кого соблазнит в песню Назона попасть.
Раньше наперебой домогались, за честь почитали,
Если в моих стихах имя встречали свое.
Но поскольку сейчас эта честь не совсем безопасна,
Вас не стану пугать и назову про себя!
Скрытых друзей не выдаст мой стих, уликой не будет,—
Кто нас тайно любил, тайно пусть любит и впредь.
Все же знайте: здесь, на краю земли, неизменно
Вас я в сердце своем и разлученный ношу.
Пусть же каждый из вас облегчит мою долю, чем может,
Руку павшему в прах пусть не откажет подать.
Счастья желаю вам постоянного — чтобы вовеки
Не довелось вам, как мне, помощи скорбно молить.

ЭЛЕГИЯ VII

В путь! Передайте привет, торопливые строки, Перилле:
Верный посланец, письмо, к ней мою речь донеси.
Верно, застанешь ее сидящей близ матери нежной
Или меж книг, в кругу ей дорогих Пиэрид.
Всякий прервет она труд, о твоем лишь узнает прибытье,
С чем ты, спросит тотчас, как я в изгнанье живу?

Ей отвечай, что живу, но так, что не жить предпочел бы,
Что затянувшийся срок бед не уменьшил моих.
Хоть пострадал я от Муз, однако же к ним возвратился,
Из сочетания слов строю двустишья опять.
«Ты не забыла ль, спроси, наших общих занятий? Ученым
Все ли стихам предана, нравам отцов вопреки?»
Рок и природа тебе целомудренный нрав даровали,
Лучшие свойства души и поэтический дар.
Первым тебя я привел на священный источник Пегаса,
Чтобы, водой оскудев, в нем не иссякла струя.
В годы девичьи твой дар уже заприметил я первым
И расцветанью его был и товарищ и вождь.
Так, если тот же огонь в груди у тебя сохранится,
Лесбоса лира одна сможет тебя превзойти.
Только боюсь, что тебе судьба моя встанет преградой,
Что злоключенья мои сердце твое охладят.
Часто, бывало, ты мне, я тебе, что напишем, читали.
Был для тебя и судьей, был и наставником я.
Я со вниманьем стихи, сочиненные только что, слушал,
Слабые встретив, тебя я покраснеть заставлял.
Может быть, видя пример, как я погибаю от книжек,
Думаешь: вдруг и тебя кара подобная ждет?
Страх, Перилла, оставь, но только своими стихами
Женщин не совращай и не учи их любви.
Праздность гони от себя и, уже овладевшая знаньем,
Снова искусству служи, к жертвам привычным вернись.
К этим прелестным чертам прикоснутся губители-годы,
Вскоре морщина пройдет по постаревшему лбу.
Руку на эту красу поднимет проклятая старость —
Тихо подходит она, поступь ее не слышна.
Скажет иной про тебя: красива была! Огорчишься,
В зеркало взглянешь — его станешь во лжи обвинять.
Скромны средства твои, а была б ты огромных достойна,
Вообрази же, что ты в первом ряду богачей, —
Но своевольна судьба: то даст, то отнимет богатство,
Иром становится вмиг, кто по сегодня был Крёз.
Но для чего пояснять? Лишь одним преходящим владеем,
Кроме того, что дают сердце и творческий дар.
Вот хоть бы я: и отчизны лишен, и вас, и Пенатов,
Отнято все у меня, что было можно отнять.

Только мой дар неразлучен со мной, и им я утешен,
В этом у Цезаря нет прав никаких надо мной.
Пусть кто угодно мне жизнь мечом прикончит свирепым,
И по кончине моей слава останется жить.
Будет доколь со своих холмов весь мир покоренный
Марсов Рим озирать, будут читать и меня.
Ты же — счастливей твое да будет призванье! — старайся,
Сколько возможно тебе, смертный костер превозмочь!

ЭЛЕГИЯ X

Ежели кто-нибудь там об изгнаннике помнит Назоне,
Если звучит без меня в Городе имя мое,
Пусть он знает: живу под созвездьями, что не касались
Глади морей никогда, в варварской дальней земле.
Вкруг — сарматы, народ дикарей, и бессы, и геты,—
Как унижают мой дар этих племен имена!
В теплое время, с весны, защитой нам Истра теченье,
Он преграждает волной вылазки дерзких врагов.
Но лишь унылой зимы голова заскорузлая встанет,
Землю едва убелит мраморный зимний покров,
Освободится Борей, и снег соберется под Арктом,—
Время ненастья и бурь тягостно землю гнетет.
Снега навалит, и он ни в дождь, ни на солнце не тает,—
Оледенев на ветру, вечным становится снег.
Первый растаять еще не успел — а новый уж выпал,
Часто, во многих местах, с прошлого года лежит.
Столь в этом крае могуч Аквилон мятежный, что, дуя,
Башни ровняет с землей, сносит, сметая, дома.
Мало людям тепла от широких штанин и овчины:
Тела у них не видать, лица наружи одни.
Часто ледышки висят в волосах и звенят при движенье.
И от мороза блестит, белая вся, борода.
Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов,
Вина: и пить их дают не по глотку, а куском.
Что расскажу? Как ручьи побежденные стынут от стужи,
Или же как из озер хрупкой воды достают?
Истр не у́же реки, приносящей папирус: вливает
В вольное море волну многими устьями он,

Но, если дуют ветра беспрерывно над влагой лазурной,
Стынет и он, и тайком к морю, незримый, ползет.
Там, где шли корабли, пешеходы идут, и по водам,
Скованным стужею, бьет звонко копыто коня.
Вдоль по нежданным мостам — вода подо льдом протекает,—
Медленно тащат волы тяжесть сарматских телег.
Трудно поверить! Но лгать поистине мне бесполезно,—
Стало быть, верьте вполне правде свидетельских слов.
Видел я сам: подо льдом недвижен был Понт необъятный,
Стылую воду давил скользкою коркой мороз.
Мало увидеть — ногой касался я твердого моря,
Не намокала стопа, тронув поверхность воды.
Если бы море, Леандр, таким пред тобой расстилалось,
Воды пролива виной не были б смерти твоей!
В эту погоду взлетать нет силы горбатым дельфинам
В воздух: сдержаны злой все их попытки зимой.
И хоть Борей и шумит, хоть бурно трепещет крылами,
Все же не может поднять в скованных водах волну.
Так и стоят корабли, как мрамором, схвачены льдами,
Окоченелой воды взрезать не может весло.
Видел я сам: изо льда торчали примерзшие рыбы,
И, между прочим, средь них несколько было живых.

Так едва лишь Борей могучею, грозною силой
Полые воды реки, волны на море скует,
Истр под ветром сухим становится ровен и гладок
И по нему на конях дикий проносится враг.
Враг, опасный конем и далеко летящей стрелою,
Все истребляет вокруг, сколько ни видно земли.
Многие в страхе бегут. Никто за полями не смотрит,
Не охраняют добра, и разграбляется все:
Бедный достаток селян, и скотина с арбою скрипучей,—
Все, что в хозяйстве своем житель убогий имел.
В плен уводят иных, связав им за спины руки,—
Им уж не видеть вовек пашен и Ларов своих!
Многих сражает степняк своей крючковатой стрелою,—
Кончик железный ее красящий яд напитал.
Все, что не в силах беглец унести или вывезти, гибнет,
Скромные хижины вмиг вражий съедает огонь.

Здесь внезапной войны и в спокойное время страшатся,
Не налегают на плуг, землю не пашет никто.
Или же видят врага, иль боятся его, хоть не видят.
Как неживая лежит, брошена всеми, земля.
Здесь под тенью лозы не скрываются сладкие гроздья,
Емкий сосуд не шипит, полный вином до краев,
Нет тут сочных плодов, и Аконтию не на чем было б
Клятвы слова написать, чтобы прочла госпожа.
Видишь без зелени здесь, без деревьев нагие равнины.
Нет, счастливый сюда не забредет человек!
Так — меж тем как весь мир необъятный раскинут широко,—
Для наказания мне этот назначили край!

ЭЛЕГИЯ XII

Уж холода умеряет Зефир — значит, год завершился,
Но меотийской зимы длительней зим я не знал.
Тот, кто вез на спине через море злосчастную Геллу,
В срок надлежащий сравнял длительность ночи и дня.
Юноши, верно, у вас и веселые девушки ходят
Рвать фиалки в местах, где их не сеял никто.
Тысячью разных цветов луговины уже запестрели,
Птицы, нигде не учась, песни поют о весне.
Ласточка, чтобы с себя материнское смыть преступленье,
Люльку под балкой крепит, строит свой маленький дом.
Злаки, что были досель бороздами скрыты Цереры,
Снова из почвы сырой нежные тянут ростки.
Там, где растет виноград, на лозе наливаются почки,—
Только от гетских краев лозы растут далеко!
Там, где рощи шумят, на деревьях листва зеленеет,—
Только от гетских краев рощи шумят далеко!
Ныне там время забав: уступает игрищам разным
Форум свою суетню и красноречья бои.
Там и ристанье коней, и с потешным оружием схватки;
Дротики мечут, легко обручей катят круги.
Юноши, тело себе натерев, текучее масло
С мышц утомленных омыть девственной влагой спешат.
Полон театр, там споры кипят, накаляются страсти,
Три, вместо форумов трех, нынче театра шумят.

Трижды, четырежды — нет, не исчислить, насколько блаженны
Те, для кого не закрыт Град и услады его!
Здесь же слежу я, как снег под весенними тает лучами,
Как перестали ломать крепкий на озере лед.
Море не сковано льдом, и по твердому Истру не гонит
С грохотом громким арбу местный сармат-волопас.
Скоро сюда прибывать начнут и суда понемногу,
Возле Понтийской земли станет заморский корабль.
Тотчас к нему побегу, корабельщика встречу приветом,
Прибыл зачем, расспрошу, кто он, откуда приплыл.
Странно тут видеть его, если он не из ближнего края,
Если не плыл по своим он безопасным водам,—
Редко кто так далеко из Италии по морю едет,
Редко заходят сюда, где им пристанища нет.
Греческим он языком владеет иль знает латинский,—
Этот язык для меня был бы, конечно, милей!
Где бы на бурных волнах Пропонтиды иль в устье пролива
По произволу ветров он не пустил паруса,
Кто бы он ни был, с собой, возможно, доставит он вести,
Мне перескажет молву иль хоть частицу молвы.
Если б он мог — об этом молю! — рассказать про триумфы
Цезаря, про годовой богу латинян обет!
Или, как ты, наконец, Германия буйная, пала,
Скорбной склонясь головой перед великим вождем.
Тот, кто расскажет про все, о чем вдалеке я тоскую,
Без промедленья войдет гостем желанным в мой дом.
Горе! Ужель навсегда быть в Скифии дому Назона?
Этот ли ссыльный очаг Ларов заменит моих?
Боги! О, сделайте так, чтобы мной обитаемый угол
Цезарь не домом моим, но лишь тюрьмою считал!

ЭЛЕГИЯ XIV

Друг ученых мужей, поэзии первосвященник,
Чем ты занят, скажи, гения друг моего?
Спутник моей счастливой поры, ты много ли сделал,
Чтобы хоть частью одной с вами я жил и теперь?
Так же ль мои собираешь стихи — кроме тех, о науке,
Чье сотворенье творцу только на гибель пошло?

Делай, что в силах твоих, почитатель новых поэтов,
Имени моему в Риме исчезнуть не дай.
К ссылке приговорен поэт, не книги поэта —
Не заслужили они кару, как он заслужил.
Ведь бывало не раз: отец в далеком изгнанье,
А между тем сыновьям в Риме позволено жить.
Стихотворенья мои без матери, словно Паллада,
Были на свет рождены, племя-потомство мое.
Их под опеку твою отдаю; тем больше заботы
Им удели, что теперь нет и отца у сирот.
Трех из моих детей со мною постигла зараза,
Но безбоязненно в дом можешь принять остальных.
Есть среди них и пятнадцать книг о смене обличья,
Выхваченных из огня при погребенье́ отца.
Если бы сам не погиб я до времени, верную славу
Я бы стяжал и для них, тщательно слог отточив.
Так они и живут без отделки в устах у народа —
Если в народных устах что-либо живо мое.
К прежним добавь и эти стихи, уж не знаю какие,
Только б они до тебя с края земли добрели.
Если строки мои прочесть найдется охотник,
Пусть он заране учтет, где я писал и когда:
В ссылке, в дикой стране. Кто об этом знает и помнит,
По справедливости тот будет поэта судить
И подивится еще, как я мог в подобных лишеньях
Хоть такие стихи скорбной рукой выводить.
Да, надломили мой дар страданья, а дар мой и прежде
Сильным не бил ключом, скудную струйку точил.
Но и таков, как был, захирел он без упражненья —
В долгом застое сох, чахнул и вовсе погиб.
Вдосталь книг не найду, какие манят и питают,—
Здесь, вместо книг, поет звон тетивы и меча.
Нет по всей стране никого, кому бы я с толком
Мог стихи почитать — выслушав, их не поймут.
В уединенье ль уйти — нельзя: против гетов ворота
Тут на запоре всегда, город стена сторожит.
Слово порой ищу, или имя, название места —
Нет вокруг никого, кто бы верней подсказал.

Или порой начну говорить, и — стыдно сознаться —
Просто слова не идут: ну, разучился, и все!
Уши оглушены и фракийской молвью, и скифской,
Чудится, скоро стихи стану по-гетски писать.
Даже боюсь, поверь, что вкравшиеся меж латинских
Ты понтийские тут вдруг прочитаешь слова.
Что ж, в оправданье прими судьбы превратной условья
И, какова ни на есть, книгу мою оправдай.

Книга четвертая

ЭЛЕГИЯ I

Если погрешности есть — да и будут — в моих сочиненьях,
Вспомнив, когда я писал, их мне, читатель, прости.
В ссылке я был и не славы искал, а лишь роздыха чаял,
Я лишь отвлечься хотел от злоключений моих.
Так, волоча кандалы, поет землекоп-каторжанин,
Песней простецкой своей тяжкий смягчая урок;
Лодочник тоже, когда, согбенный, против теченья,
Лодку свою волоча, в илистом вязнет песке.
Так, равномерно к груди приближая упругие весла,
Ровным движеньем волну режет гребец — и поет.
Так и усталый пастух, опершись на изогнутый посох,
Или на камень присев, тешит свирелью овец.
Так же — нитку сучит, а сама напевает служанка,
Тем помогая себе скрасить томительный труд.
Как увели — говорят — от Ахилла Лирнесскую деву,
Лирой Гемонии он горе свое умерял.
Пеньем двигал Орфей и леса, и бездушные скалы,
В скорби великой, жену дважды навек потеряв.
Муза — опора и мне, неизменно со мной пребывавший,
К месту изгнанья, на Понт, спутник единственный мой.
Муза ни тайных коварств, ни вражьих мечей не боится,
Моря, ветров, дикарей не устрашится она.
Знает, за что я погиб, какую свершил я оплошность:
В этом провинность моя, но злодеянья тут нет.

Тем справедливей она, что мне повредила когда-то,
Что и ее обвинял вместе со мною судья.
Если бы только, от них предвидя свои злоключенья,
Я прикасаться не смел к тайнам сестер Пиэрид!
Как же мне быть? На себе я могущество чувствую Музы,
Гибну от песен, а сам песни, безумный, люблю.
Некогда лотоса плод, незнакомый устам дулихийцев,
Сам вредоносный для них, дивным их вкусом пленял.
Муки любви сознает влюбленный, но к мукам привязан,
Ту, от кого пострадал, сам же преследует он.
Так повредившие мне услаждают меня мои книги,
Будучи ранен стрелой, к ней я любовью влеком.

Может быть, люди сочтут одержимостью это пристрастье,
Но одержимость в себе пользы частицу таит,
Не позволяет она лишь в горести взором вперяться,
Бед повседневных она мне замечать не дает.
Ведь и вакханка своей не чувствует раны смертельной,
С воплем, не помня себя, кряжем Эдонии мчась.
Так, лишь грудь опалит мне зелень священного тирса,
Сразу становится дух выше печали людской.
Что ему ссылка тогда, побережье скифского Понта?
Бедствий не чувствует он, гнев забывает богов.
Словно из чаши отпил я дремотной влаги летейской,
И в притупленной душе бедствий смягчается боль.
Чту я недаром богинь, мою облегчающих муку,
Хор геликонских сестер, спутниц в изгнанье благих,
На море и на земле меня удостоивших чести
Всюду сопутствовать мне, на корабле и пешком.
О благосклонности их и впредь я молю,— остальной же
Сонм бессмертных богов с Цезарем был заодно:
Столько послали мне бед, сколько есть на прибрежье песчинок,
Сколько в морской глубине рыб или рыбьей икры.
Легче цветы сосчитать по весне иль летом колосья,
Или под осень плоды, или снежинки зимой,
Нежели все, что стерпел я, кидаемый по морю, прежде,
Чем на Эвксинское смог левобережье ступить.
Но как я прибыл сюда, не легче стали невзгоды,
Рок злополучный меня так же и здесь настигал.

Вижу теперь, что за нить от рожденья за мной потянулась,
Нить, для которой одна черная спрядена шерсть.
Что говорить обо всех грозящих жизни засадах,—
Мой достоверный рассказ невероятным сочтут.
Это ль не бедствие — жить обречен меж бессов и гетов
Тот, чье имя всегда римский народ повторял!
Бедствие — жизнь защищать, положась на ворота и стены,
Здесь, где и вал крепостной обезопасит едва.
В юности я избегал сражений на службе военной,
Разве лишь ради игры в руки оружие брал.
Ныне, состарившись, меч я привешивать вынужден к боку,
Левой придерживать щит, в шлем облекать седину.
Только лишь с вышки своей объявит дозорный тревогу,
Тотчас дрожащей рукой мы надеваем доспех.
Враг, чье оружие — лук, чьи стрелы напитаны ядом,
Злобный разведчик, вдоль стен гонит храпящих коней.
Как, кровожадный, овцу, не успевшую скрыться в овчарню,
Тащит волоком волк и через степи несет,
Так любого, за кем не сомкнулись ворота ограды,
Гонят враги дикари, в поле застигнув его.
В плен он, в неволю идет с ременной петлей на шее,
Или на месте его яд убивает стрелы.

Так и хирею я здесь, новосел беспокойного дома,
Медленно слишком, увы, тянется время мое.
Но помогает к стихам и былому служенью вернуться
Муза меж стольких невзгод,— о чужестранка моя!
Только здесь нет никого, кому я стихи прочитал бы,
Нет никого, кто бы внять мог мой латинский язык.
Стало быть, сам для себя — как быть? — и пишу и читаю,—
Вот и оправдан мой труд благоприятством судьи.
Все ж я не раз говорил: для кого я тружусь и стараюсь?
Чтобы писанья мои гет иль сармат прочитал?
Часто, покуда писал, проливал я обильные слезы,
И становились от них мокры таблички мои.
Старые раны болят, их по-прежнему чувствует сердце,
И проливается дождь влаги печальной на грудь.
А иногда и о том, чем был, чем стал, размышляю,
Мыслю: куда меня рок — ах! — и откуда унес!

Часто в безумье рука, разгневана вредным искусством,
Песни бросала мои в запламеневший очаг.
Но хоть от множества их всего лишь немного осталось,
Благожелательно их, кто бы ты ни был, прими.
Ты же творенья мои, моей нынешней жизни не краше,
Недосягаемый мне, строго — о Рим! — не суди.

ЭЛЕГИЯ VI

Время склоняет волов с изнуряющим плугом смириться
И под тяжелый ярем шею послушную гнуть;
Время умеет к вожжам приучать коней своенравных
И заставляет терпеть рвущую губы узду;
Время свирепость и злость вытравляет у львов карфагенских —
От кровожадности их не остается следа;
Мощный индийский слон безропотно все выполняет,
Что ни прикажут ему — временем он побежден.
Время тяжелую гроздь наливает соком пьянящим —
Ягоды держат с трудом внутренней влаги напор.
Время колос седой из зерна погребенного гонит
И стремится избыть твердость и горечь в плодах,
Тупит старательный плуг, обновляющий лемехом землю,
Точит твердый кремень, точит алмазы оно,
Самый безудержный гнев постепенно смягчает и гасит,
Лечит дух от скорбей и утишает печаль.
Справиться могут со всем бесшумно ползущие годы,
Только страданье мое им не дано заглушить.
Я в изгнанье давно — уже дважды хлеб обмолочен,
Дважды босой ногой сок винограда отжат.
Но терпеливей не стал я за эти печальные годы:
Так же, как в первые дни, боль в моем сердце сильна.
Часто и старый вол норовит ярмо свое сбросить,
Часто грызет удила даже объезженный конь.
Стало страданье мое еще тяжелее, чем прежде:
Новую к боли былой время прибавило боль.
Все, что случилось со мной, во всей полноте мне открылось;
Ясность в сознанье моем только усилила скорбь.

Разве не легче терпеть, если свежие силы в запасе
И не подточен еще прежними бедами дух?
Ясно, что новый боец смелей на арену выходит,
Чем истощенный борьбой в долгом упорном бою.
Легче в сраженье идти гладиатору в новых доспехах,
Чем обагрившему щит собственной кровью своей.
Новый корабль устоит против натиска ветра и бури —
Самый ничтожный дождь гибелен ветхим судам.
Я выношу с трудом — а ведь раньше был терпеливей —
Боль, которую дни множат с упорством глухим.
Верьте, я изнемог, и тело больное пророчит,
Что ненадолго меня хватит такое терпеть.
Силы откуда взять и бодрость черпать откуда:
Хрупкие кости едва кожей прикрыты сухой.
Дух мой опутала хворь сильнее, чем хворое тело,—
Занят он без конца мыслью о тяжкой судьбе.
Город, увы, далеко, далеко друзья дорогие,
Та, что дороже всех, так от меня далеко!
Рядом гетов орда, в шаровары одетые скифы.
Все — что вблизи, что вдали — раны мои бередит.
Но несмотря ни на что меня утешает надежда:
Смерть страданьям моим скоро положит конец.

ЭЛЕГИЯ VIII

Стали виски у меня лебединым перьям подобны,
Старость меж темных волос белый отметила след,
Слабости возраст настал, года недугов все ближе,
Все тяжелее носить тело нетвердым ногам.
Вот теперь бы пора, от всех трудов отступившись,
Жить, ничего не боясь и о тревогах забыв,
Тем, что всегда мне был по душе, наслаждаться досугом,
Тешить изнеженный ум делом любимым подчас,
В доме смиренном моем обитать подле древних Пенатов,
Между наследственных нив (отнят хозяин у них!),
И среди милых внучат, у жены любимой в объятьях
Стариться в отчем краю, мирный приют обретя.
Прежде надежда была, что так пройдет моя старость:
Годы преклонные я так провести заслужил.

Но рассудилось иначе богам: проскитавшись немало
По морю и по земле, я к савроматам попал.
В доки уводят суда, когда расшатала их буря,—
В море открытом тонуть их не оставит никто;
Чтобы побед былых не срамить внезапным паденьем,
Щиплет траву на лугу силы утративший конь;
Воин, когда по годам он уже не годится для службы,
Свой посвящает доспех Лару старинному в дар;
Так и ко мне подошло уносящее силы старенье,
Срок наступил получить меч деревянный и мне.
Срок наступил не терпеть чужеземного неба суровость,
Жгучую не утолять жажду из гетских ключей,
Но или в Риме порой наслаждаться его многолюдством,
Иль удаляться порой в тихие наши сады.
Раньше, когда душа не предвидела будущих бедствий.
Так безмятежно мечтал жить я на старости лет.
Но воспротивился рок: облегчив мне ранние годы,
Он отягчает теперь поздние годы мои.
Прожил я дважды пять пятилетий, не зная урона,—
Жизни худшую часть, старость, несчастья гнетут.
Мета была уж близка — вот-вот, казалось, достигну,
Но разломалась в куски вдруг колесница моя.
Быть суровым ко мне я того, неразумный, заставил,
Кто на бескрайней земле кротостью всех превзошел.
Пусть провинность моя победила его милосердье,
Но ведь не отнял же он жизнь за оплошность мою!
Правда, обязан ее проводить я под северным небом,
Там где Эвксинской волной справа омыта земля.
Если бы мне предрекли такое Додона и Дельфы,
Я бы недавно еще их праздномсловными счел.
То, что прочнее всего, скрепи адамантовой цепью,—
Все Юпитер своим быстрым огнем сокрушит.
То, что выше всего, перед чем ничтожны угрозы,
Ниже, чем бог, и всегда силе подвластно его.
Знаю: часть моих бед на себя навлек я пороком,
Но наибольшую часть гнев божества мне послал.
Пусть же несчастий моих пример вам будет наукой:
Милость старайтесь снискать равного мощью богам.

ЭЛЕГИЯ X

Тот я, кто некогда был любви певцом шаловливым.
    Слушай, потомство, и знай, чьи ты читаешь стихи.

Город родной мой — Сульмон, водой студеной обильный,
    Он в девяноста всего милях от Рима лежит.
Здесь я увидел свет (да будет время известно)
    В год, когда консулов двух гибель настигла в бою.
Важно это иль нет, но от дедов досталось мне званье,
    Не от Фортуны щедрот всадником сделался я.
Не был первенцем я в семье: всего на двенадцать
    Месяцев раньше меня старший мой брат родился.
В день рожденья сиял нам обоим один Светоносец,
    День освящали один жертвенных два пирога.
Первым в чреде пятидневных торжеств щитоносной Минервы
    Этот день окроплен кровью сражений всегда.
Рано отдали нас в ученье; отцовской заботой
    К лучшим в Риме ходить стали наставникам мы.
Брат, для словесных боев и для форума будто рожденный,
    Был к красноречью всегда склонен с мальчишеских лет,
Мне же с детства милей была небожителям служба,
    Муза к труду своему душу украдкой влекла.
Часто твердил мне отец: «Оставь никчемное дело!
    Хоть Меонийца возьми — много ль он нажил богатств?»
Не был я глух к отцовским словам: Геликон покидая,
    Превозмогая себя, прозой старался писать,—
Сами собою слова слагались в мерные строчки,
    Что ни пытаюсь сказать — все получается стих.

Год за годом меж тем проходили шагом неслышным,
    Следом за братом и я взрослую тогу надел.
Пурпур с широкой каймой тогда окутал нам плечи,
    Но оставались верны оба пристрастьям своим.
Умер мой брат, не дожив второго десятилетья,
    Я же лишился с тех пор части себя самого.
Должности стал занимать, открытые для молодежи,
    Стал одним из троих тюрьмы блюдущих мужей.
В курию мне оставалось войти — но был не по силам
    Мне этот груз; предпочел узкую я полосу.

Не был вынослив я, и душа к труду не лежала,
Честолюбивых забот я сторонился всегда.
Сестры звали меня аонийские к мирным досугам,
И самому мне всегда праздность по вкусу была.

Знаться с поэтами стал я в ту пору и чтил их настолько,
Что небожителем мне каждый казался певец.
Макр был старше меня, но нередко читал мне о птицах,
Губит какая из змей, лечит какая из трав.
Мне о любовном огне читал нередко Проперций,
Нас равноправный союз дружбы надолго связал.
Славный ямбами Басс и Понтик, гексаметром славный,
Также были в числе самых любимых друзей.
Слух мне однажды пленил на размеры щедрый Гораций,—
Звон авзонийской струны, строй безупречных стихов.
Только видеть пришлось мне Марона, и Парка скупая
Времени мне не дала дружбу с Тибуллом свести.
Галл, он тебе наследником был, а Тибуллу — Проперций,
Был лишь по времени я в этой четвертым чреде.
Младшими был я чтим не меньше, чем старшие мною,
Долго известности ждать Музе моей не пришлось.
Юношеские стихи прочитал я публично впервые,
Только лишь раз или два щеки успевши побрить.
Мой вдохновляла талант по всему воспетая Риму
Женщина; ложное ей имя Коринны я дал.
Много писал я тогда, но все, в чем видел изъяны,
Отдал охотно я сам на исправленье огню.
Сжег перед ссылкой и то, что могло бы понравиться людям,
В гневе на собственный дар страсть к стихотворству прокляв.

Нежное сердце мое открыто для стрел Купидона
Было, и всякий пустяк в трепет его приводил.
Но и при этом, хоть я от малейшей вспыхивал искры,
Все ж пересудами Рим имя мое не чернил.
Чуть не мальчишкой меня на пустой, ничтожной женили
Женщине, и потому был кратковременным брак.
Ту, что сменила ее, упрекнуть ни в чем не могу я,
Но оказался и с ней столь же непрочным союз.

Третья зато и на старости лет со мною, как прежде,
Хоть и досталось ей быть ссыльного мужа женой.
Дочь совсем молодой меня дедом сделать успела,
Двух родила она мне внуков от разных мужей.
Срок своей жизни отец исчерпал: к девяти пятилетьям
Девять прибавив еще, он удалился к теням.
Так же я плакал над ним, как он бы плакал над сыном;
Следом за ним и мать я положил на костер.
Счастье и ей, и ему, что вовремя смерть их настигла,
Что до ссылки моей оба закрыли глаза.
Счастье и мне, что им при жизни я не доставил
Горя, что им не пришлось видеть несчастным меня.
Если от тех, кто усоп, не одни имена остаются,
Если последний костер легким не страшен теням,
Если молва обо мне к вам достигла, родителей тени,
И разбирают вину нашу в стигийском суде,—
Знайте, молю (ведь обманывать вас грешно мне), что сослан
Я не за умысел злой, а за оплошность мою.

Манам довольно того, что я им воздал. Возвращаюсь
К вам, кто о жизни моей жадно стремится узнать.
Лучшие годы уже прогнала, приблизившись, старость,
И седину к волосам уж подмешала она.
Девять раз уносил в венке из писейской оливы
Всадник награду с тех пор, как родился я на свет.
Тут-то меня удалил на левый берег Эвксина,
В Томы, задетого мной Цезаря гневный приказ.
Этой причина беды даже слишком известна повсюду,
Незачем мне самому тут показанья давать.
Как рассказать об измене друзей, о слугах зловредных?
Многое вынести мне хуже, чем ссылка, пришлось,
Но воспротивился дух, не желая сдаваться несчастьям:
Силы собрал и явил непобедимым себя.
Праздную жизнь позабыв, с просторной тогой расставшись,
Я непривычной рукой вовремя взялся за меч.
Сколько есть звезд на невидимом нам и на видимом небе,
Столько же вынес я бед на море и на земле.
Долго скитаться пришлось, но я достиг побережья,
Где по соседству живет с гетами лучник-сармат,

Здесь, хоть кругом оружье звенит, облегчить я пытаюсь
Песней, какою могу, скорбную участь мою;
Пусть тут нет никого, кто бы выслушал новые строки,
Все-таки день скоротать мне помогают они.
Что же! За то, что я жив, что терплю все тяготы стойко,
Что не постыла мне жизнь и треволненья ее,
Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить.
Ты мне и спутник и вождь, ты меня от Истра уводишь,
На Геликоне даешь место по-прежнему мне.
Ты, как немногим, дала мне при жизни громкое имя,
Хоть лишь по смерти молва дарит обычно его.
Черная зависть, что все современное злобно поносит,
Ни одного из моих не уязвила трудов,
Несправедлива молва не была к моему дарованью,
Хоть и немало больших век наш поэтов родил.
Выше себя я ставил их всех, но многие вровень
Ставили нас, и весь мир песни читает мои.
И, если истина есть в прови́денье вещих поэтов,
То и по смерти, земля, я не достанусь тебе.

Славой моим ли стихам иль твоей любви я обязан,
Ты благодарность мою, верный читатель, прими.

Книга пятая

ЭЛЕГИЯ I

С гетского берега я посылаю еще одну книжку;
Ты, кто мне предан, прибавь к прежней четверке ее.
Будут и эти стихи под стать судьбе стихотворца:
В книге во всей не найти строчки, ласкающей слух.
Жизнь безотрадна моя — безотрадно и то, что пишу я,
С горьким предметом стихов в полном согласии слог.
Весел и счастлив я был — были веселы юные песни,
Хоть и пришлось мне теперь горько раскаяться в них.

После паденья могу лишь о нем я твердить постоянно,
И содержаньем стихов сделалась участь моя.
Словно простертый без сил на прибрежном песке у Каистра
Лебедь поет над собой сам погребальную песнь,
Так и я, занесен на далекий берег сарматский,
Делаю все, чтоб немой тризна моя не была.
Если кто станет искать утех и песен игривых,
Предупреждаю, чтоб он этих стихов не читал.
Больше ему подойдут и Галл, и приятный Проперций,
Больше ему подойдет нежный Тибулла талант.
О, когда бы меня заодно не числили с ними!
Горе! Зачем порой Муза резвилась моя?
В крае, где скифский Истр, я за то несу наказанье,
Что в шаловливых стихах бога с колчаном воспел.
Что мне осталось? Стихи никому не зазорными сделав,
Я им велел, чтоб они помнили имя мое.

Может быть, спросите вы, почему так много унылых
Песен теперь я пою? Участь уныла моя!
Не поэтический дар, не искусство их создавали,—
Беды поэту дарят тему стихов и стихи.
Да и большую ли часть невзгод моих песни вместили?
Тот не несчастен, кто счет знает несчастьям своим.
Сколько кустов по лесам, сколько в мутном Тибре песчинок,
Сколько стеблей травяных Марсово поле растит,—
Столько я тягот несу, от которых одно исцеленье
И передышка одна — медленный труд Пиэрид.

Спросишь: когда же, Назон, конец твоим жалобным песням?
Кончится ссылка — тогда будет и песням конец.
Ссыльного участь, поверь,— неизбывный источник для жалоб;
В этих стихах не я — участь моя говорит.
Если бы родину мне и жену дорогую вернули,
Стал бы весел мой взгляд, стал бы я прежним опять.
Если гнев свой смягчит поражений не знающий Цезарь,
Снова тебе подарю полную радости песнь.
Стих мой бывал шаловлив — шаловливым он больше не будет,
Хватит того, что меня он уж однажды сгубил.

Буду я петь лишь о том, что одобрит Цезарь,— но ссылку
Пусть облегчит мне и даст хоть от сарматов уйти!
А до того как могут не быть мои книжки печальны?
Что, кроме флейты, звучать может над прахом моим?

Скажешь: лучше бы ты терпел невзгоды в молчанье,
Скрыл безмолвьем глухим то, что постигло тебя.
Значит, требуешь ты, чтобы стона не вырвала пытка,
Чтобы слезы не пролил раненный тяжко боец.
Сам Фаларид разрешил вопить в Перилловой меди,
Чтобы мычаньем звучал вопль этот в пасти быка.
Не рассердился Ахилл, увидев слезы Приама,—
Ты ж мне рыдать не велишь, жестокосердней врага.
Сделали дети Лето одинокой и сирой Ниобу,
Но, чтобы слез не лила, ей приказать не могли.
Жалоба Прокны вовек и стон Альционы не смолкнут,—
Значит, не зря мы хотим горе словами излить.
Вот почему Филоктет в холодной лемносской пещере
Скалы тревожил не раз, сетуя вслух на судьбу.
Душит стесненная боль, все больше в груди раскаляясь,
Силой ее подавив, множим мы силу ее.
Так что ко мне снисходителен будь — иль оставь мои книжки,
Если, читатель, тебе то, что мне в пользу, претит.
Но почему бы они могли претить хоть кому-то?
Разве от них пострадал кто-нибудь, кроме меня?

Плохи, согласен, стихи; но кто их читать заставляет?
Брось их, если они разочаруют тебя.
Я их не правлю; но ты не забудь, где́ они создавались,—
Право, они не грубей родины дикой своей.
Рим не должен равнять меня со своими певцами,
А меж сарматов, поверь, буду и я даровит!
Слава к тому же меня не прельщает, меж тем как нередко
Громкой молвы похвала шпоры таланту дает.
Я не хочу, чтобы дух мой зачах меж тревог постоянных,
Что, несмотря на запрет, одолевают его.
Вот для чего я пишу. А зачем посылаю, ты спросишь,
Эти стихи? Хоть так с вами побыть я хочу.

ЭЛЕГИЯ III

Нынче — тот день, когда (если в днях я со счета не сбился)
Правят поэты, о Вакх, твой ежегодный обряд:
В праздничных свежих венках из душистых цветов осушают
Чаши с напитком твоим и величают тебя.
Помню, случалось и мне, покуда судьба позволяла,
Гостем, угодным тебе, с ними бывать на пирах.
Ну, а теперь берега, где сармат соседствует с гетом,
Держат меня вдалеке под киносурской звездой.
Жизнь, которую я проводил без забот и без тягот,
Зная лишь сладостный труд в хоре сестер Пиэрид,
Ныне средь гетских мечей влачу на далекой чужбине,
Вынесши много невзгод на море и на земле.
Случай сгубил ли меня иль богов разгневанных воля,
Иль при рожденье ко мне Парка сурова была,
Должен ты был все равно своей божественной силой
Помощь поэту подать, чтущему свято твой плющ,
Или же что изрекут над судьбою властные сестры,
То недоступно уже воле богов остальных?
Сам по заслугам ты был вознесен к твердыням эфира,
Но и тебе этот путь стоил немалых трудов.
В городе ты не остался родном, но в край заснеженный
К марсолюбивым проник гетам, к стримонским струям,
Через Персиду прошел, через Ганг широкотекущий,
Вплоть до рек, что поят смуглый индийцев народ.
Дважды такое тебе, рожденному дважды, судили
Парки, которые нам нить роковую прядут.
Вот и меня, коль не грех себя уподобить бессмертным,
Жребий железный гнетет и отягчает мне жизнь.
Пал я не легче, чем тот полководец хвастливый, который
Был Громовержца огнем сброшен с фиванской стены.
Ты, услыхав, что певец повержен молнией быстрой,
Мог бы его пожалеть, вспомнив Семелы судьбу,
Мог бы сказать, оглядев вкруг твоей святыни поэтов:
«Что-то меж наших жрецов недостает одного».

Добрый Либер, спаси — и пусть лоза отягчает
Вязы, пусть будет гроздь пьяного сока полна,

Пусть под немолчный удар тимпана вслед за тобою
Вместе с вакханками мчит резвый сатиров народ,
Пусть тяжелей придавит земля останки Ликурга,
Пусть и за гробом Пенфей кару несет поделом,
Пусть мерцает вовек и все затмевает созвездья
В небе горящий венец критской супруги твоей.
К нам, прекрасный, сойди, облегчи невзгоды и беды,
Вспомни о том, что всегда был я в числе твоих слуг!
И, если между собой в общенье боги,— попробуй
Волей своей изменить Цезаря волю, о Вакх!

Также и вы, о трудов сотоварищи наших, поэты,
Благочестиво подняв чаши, молитесь за нас!
Пусть из вас хоть один, назвавши имя Назона,
Слезы смешает с вином, кубок поставит на стол,
Ваши ряды оглядит, о ссыльном вспомнит и скажет:
«Где он, тот, без кого хор наш неполон,— Назон?»
Сделайте так, коль от вас заслужил я любви добротою,
Если мой суд не бывал вашим в обиду стихам,
Если, должную дань воздавая творениям древних,
Я не ниже ценил Музу новейших времен.
Пусть, если можно, всегда среди вас мое имя пребудет,—
И да поможет вам всем песни создать Аполлон!

ЭЛЕГИЯ VII

Перед тобою письмо, из мест пришедшее дальних,
Области, где широко в море вливается Истр.
Если приятно живешь и при этом в добром здоровье,
Значит, и в жизни моей все-таки радости есть.
Если же ты про меня, как обычно, спросишь, мой милый,—
Так догадаешься сам, если я даже смолчу.
Я несчастлив, вот весь и отчет о моих злоключеньях.
То же случится с любым, вызвавшим Цезаря гнев.
Что за народ проживает в краю Томитанском, какие
Нравы людские кругом, верно, захочешь узнать.
Хоть в населенье страны перемешаны греки и геты,
Незамиренные все ж геты приметней в быту.
Много сарматского здесь и гетского люда увидишь,—
Знай по просторам степным скачут туда и сюда.

Нет среди них никого, кто с собой не имел бы колчана,
Лука и стрел с острием, смоченным ядом змеи.
Голос свиреп, угрюмо лицо,— настоящие Марсы!
Ни бороды, ни волос не подстригает рука.
Долго ли рану нанесть? Постоянно их нож наготове,—
Сбоку привесив, ножи каждый тут носит дикарь.
Вот где поэт твой живет, об утехах любви позабывший,
Вот что он видит, мой друг, вот что он слышит, увы!
Пусть обитает он здесь, но пусть не до смертного часа,
Пусть не витает и тень в этих проклятых местах!

Пишешь, мой друг, что у вас исполняют при полных театрах
Пляски под песни мои и аплодируют им.
Я, как известно тебе, никогда не писал для театра,
К рукоплесканьям толпы Муза моя не рвалась.
Все же отрадно, что там позабыть об изгнаннике вовсе
Что-то мешает и с уст имя слетает мое.
Вспомню, сколько мне бед принесли злополучные песни,—
Их и самих Пиэрид я проклинаю порой;
Лишь прокляну — и пойму, что жить без них я не в силах,
И за стрелою бегу, красной от крови моей.
Так от эвбейских пучин пострадавшие только что греки
Смело решаются плыть по кафарейским волнам.
Не для похвал я пишу, трудясь по ночам, не для долгой
Славы,— полезней теперь имя негромкое мне.
Дух укрепляю трудом, от своих отвлекаюсь страданий
И треволненья свои в слово пытаюсь облечь.

Что же мне делать еще одинокому в этой пустыне?
Что же еще среди мук мне облегчение даст?
Как посмотрю я вокруг — унылая местность, навряд ли
В мире найдется еще столь же безрадостный край.
А на людей погляжу — людьми назовешь их едва ли.
Злобны все, как один, зверствуют хуже волков.
Им не страшен закон, справедливость попрало насилье,
И правосудье легло молча под воинский меч.
В стужу им мало тепла от просторных штанин и овчины,
Страшные лица у них волосом сплошь заросли.
Лишь кое-кто сохранил остатки греческой речи,
Но одичал ее звук в варварских гетских устах.

Ни человека здесь нет, кто бы мог передать по-латыни
    Наипростейшую мысль в наипростейших словах.
Сам я, римский поэт, нередко — простите, о Музы! —
    Употреблять принужден здешний сарматский язык.
Совестно, все ж признаюсь: по причине долгой отвычки
    Слов латинских порой сам отыскать не могу.
Верно, и в книжке моей оборотов немало порочных,
    Но отвечает за них не человек, а страна.
Но чтобы я, говоря, Авзонии речь не утратил,
    Чтобы для звуков родных не онемел мой язык,
Сам с собой говорю, из забвенья слова извлекаю,
    Вновь повторяю и вновь этот зловещий урок.
Так я влачу свою жизнь, развлекаю унылую душу,
    Так отрешаю себя от созерцания бед.
В песнях стараюсь найти забвение бедствий, и если
    Этого труд мой достиг, то и довольно с меня.

ЭЛЕГИЯ XII

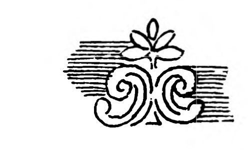
Ты советуешь мне развеять печаль стихотворством,
    Чтобы постыдная лень дух не могла одолеть.
Трудно исполнить совет, ведь стихи — забава счастливых,
    Мир и душевный покой нежным стихам подавай.
Гонят мою судьбу порывы враждебного ветра,
    Долю, горше моей, трудно представить себе.
Ты бы хотел, чтоб Приам танцевал на сыновних могилах,
    Чтобы Ниоба, смеясь, пела над прахом детей?
Думаешь, мне ничего не стоит от скорби отвлечься,
    Мне, осужденному жить в ссылке у гетов тупых?
Даже если мой дух укрепить недюжинной силой
    (Преданный казни мудрец силой такой обладал),
Пал бы ум все равно, испытав такое крушенье;
    Силы лишен человек вынести гнев божества.
Старец, кого мудрецом назвал дельфийский оракул,
    Вряд ли смог бы писать, будь он на месте моем.
Если б я мог забыть отчизну и лица родные,
    Если б я вытравить мог горечь утрат из ума,
Даже тогда бы не дал мне страх стихам предаваться:
    Всюду, куда ни пойди, рыщет бесчисленный враг.

Кроме того, мой ум, изъеденный ржавчиной долгой,
Смолк и едва ли теперь годен для новых трудов.
Если усердный плуг не рыхлит плодородное поле,
Почва не даст ничего, кроме сухих сорняков.
Если в стойле коня слишком долго держать, он зачахнет
И на ристанье придет к мете последним из всех.
Если на суше стоит к воде привыкшая лодка,
Гниль и трещины ей уничтоженьем грозят.
Так не надейся, что я, кто и прежде немногого стоил,
Стать без усилий смогу равным себе самому.
Долготерпенье мое до конца уничтожило силы
И без остатка сожгло прежнюю бодрость ума.
Если в руки беру табличку — хоть эту, к примеру,—
Чтобы расставить слова в четкие строчки стиха,
Выжать могу из себя только то, что сейчас ты читаешь,
То, что достойно вполне места, в котором живу.
Надо добавить, что дух укрепляет громкая слава
И плодовитость душа черпает в жажде похвал.
Слава и имени блеск и меня когда-то прельщали,
В пору, когда моих мачт буря еще не трясла.
Не до того мне теперь, не слава меня занимает,
Много бы я заплатил, чтобы в безвестности жить.
Если мне прежде стихи удавались, неужто прикажешь
Снова писать и велишь гнаться за славой былой?
Девять сестер, за упрек мои слова не сочтите —
Были вы для меня главной причиной беды.
Как поплатился Перилл, быка отливавший из бронзы,
Так и «Наука» моя мне обернулась бедой.
Лучше мне было б совсем разучиться стихосложенью —
Тот, кто в море тонул, да убоится воды!
Если, забывшись, опять займусь этим гибельным делом,
Здесь, уж конечно, легко все, что мне нужно, найду,—
Здесь, где не водится книг, где никто меня слушать не станет,
Где не понять никому даже значения слов.
Всюду чужая речь, звериные, дикие звуки,
Возгласы ужаса здесь слышишь на каждом шагу.
Кажется, сам я уже вконец разучился латыни:
Знаю сарматский язык, с гетом могу говорить.
Но не могу утаить: воздержанью суровому в ссылке
Не научилась еще тихая Муза моя.

Часто пишу я стихи, но их, прочитавши, сжигаю.
    Стынет кучкой золы плод упражнений моих.
Больше стихов не хочу, но пишу против собственной воли
    И потому предаю все сочиненья огню.
Крошечной доле стихов, которые хитрость иль случай
    Уберегли от огня, к вам удается дойти.
О, если б был поумней беззаботный учитель и прежде
    И догадался сжечь строчки «Науки» своей!

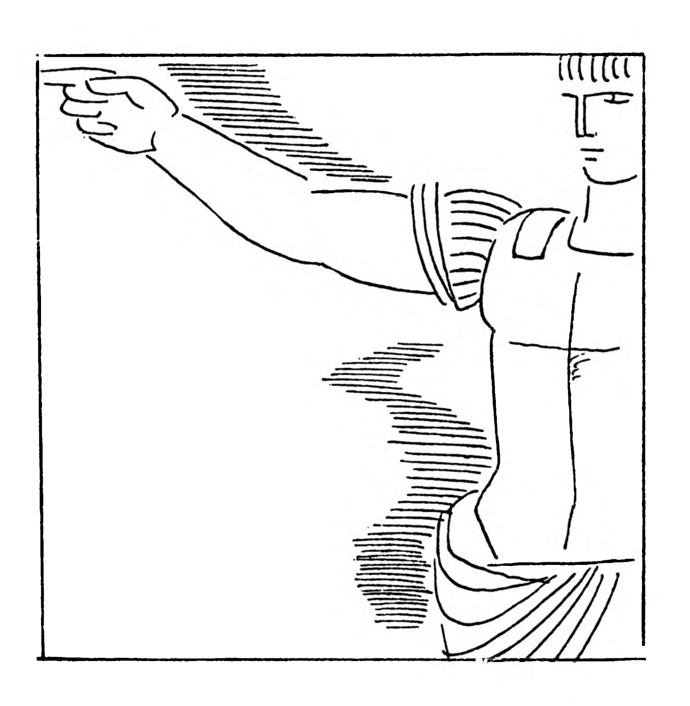

ПИСЬМА С ПОНТА

EX PONTO

Книга первая

I. Бруту

Публий Назон, давно в отдаленных Томах осевший,
С гетских глухих берегов шлет тебе эти стихи.
Если удастся тебе, приюти эти пришлые книжки,
Где-нибудь в доме твоем место для них отыщи.
Скованы страхом, они сторонятся общественных зданий,
Воображая, что я им этот путь преградил.
Сколько я им ни твержу: «Ваше слово нечестью не учит,
Ваш целомудренный стих вам отворит эту дверь!»,
Слушать они не хотят и к тебе с надеждой стремятся:
Ларов домашних покой им безопасней всего.
Спросишь: «Куда их деть, чтоб никто не остался в обиде?»
Пусть эти книги займут место забытых «Наук».
«Что им здесь делать?» — вопрос твой растерянный явственно слышу.
Их без вопросов прими — слово их чуждо любви.
Сразу тебе скажу: хоть нет печали в названье,
Не веселее они книг, что я прежде писал.
Ново названье одно, а суть неизменной осталась,
Но не скрываю имен тех, кому это пишу.
Вас испугают стихи, но от них никуда не укрыться,
И на порог ваш придет робкая Муза моя.
К прежним стихам приложи и эти: изгнанника детям
В город вход не закрыт, если закон соблюден.

Страхи напрасны: ведь Рим Антония книги читает,
И под рукою у всех Брута ученейший труд.
Я не глупец, чтоб себя ставить в ряд с именами такими,
И никогда на богов не поднимал я меча.
Нет ни в одной из книг дурного о Цезаре слова,
Лишь восхваленья одни — хоть не просили меня.
Нет доверья ко мне — но ведь книги достойны доверья,
Имя создателя скрой, только стихи не гони.
Путь преграждает войне мироносная ветка оливы.
Имя несущего мир даст ли спасение мне?
Перед Энеем, отца на плечах из пожара несущим,
Как преданья гласят, сам расступился огонь.
Имя потомка его стихам да послужит порукой!
Явно весомей их груз ноши Энея простой.
Кто так бесчувствен и зол, что осмелится выгнать с порога
Пляшущего певца с вещей трещоткой в руке?
Кто подаянья лишит флейтиста, когда пред богиней —
Матерью вечных богов — дует он в рог извитой?
Нет, нечестий таких с незапамятных лет не бывало,
Есть у пророка всегда на пропитание грош.
Воля бессмертных богов наши души огнем наполняет.
Разве хоть кто-то дерзнет к ней оставаться глухим?
Видишь: не рог извитой, не фригийскую нежную флейту —
Ряд высочайших имен Юлиев рода несу.
Я призываю: толпа, расступись пред несущим святыни,
Не предо мной — перед ним, богом-владыкой, склонись
Пусть повелителя гнев был заслуженно мною изведан —
Это не значит, что он слушать не станет меня.
Помню, как бился в слезах пред Исидой, в лен облаченной,
Мучась сознаньем вины, тот, кто глумился над ней.
Помню, как человек, ослепленный за святотатство,
В голос кричал, что он кары такой заслужил.
Сладко богам лицезреть, как замысел их торжествует,
Видеть, как сотни людей славят могущество их.
Часто смягчают они наказанье и свет возвращают
Тем, кто свою вину понял во всей полноте.
Я раскаялся. Мне не откажут, быть может, в доверье.
Я раскаялся. Боль вечно терзает меня.

Мучит сознанье вины сильнее, чем горечь изгнанья.
Муки такие терпеть лучше, чем их заслужить.
Если бы сжалились боги — и он, всемогущий и зримый,—
Сняли бы кару с меня, вечной оставив вину.
Смерть вольна оборвать бесконечное это изгнанье,
Но совершенное мной смерть не вольна зачеркнуть.
Вот почему мой ум крушится и твердость теряет,
Будто весенний снег, талой бегущий водой.
Как изгрызает корабль невидимый червь-древоточец,
Как океанская соль камни утесов крошит,
Как изъязвляет вода зеркальную гладкость железа,
Как превращает в труху книги прожорливый жук —
Так беспрестанно грызет нутро мое червь беспокойства,
И до конца моих дней мне эти муки терпеть.
Боль не покинет меня, пока меня жизнь не покинет.
Тот, кто страданьем томим, раньше страданья умрет.
Помощи — если ее я достойным могу оказаться —
Мне приходится ждать лишь от всесильных богов.
Если от скифских стрел мне судьба разрешит удалиться,
Я ни о чем никогда больше не стану просить.

II. Фабию Максиму

Максим, славой своей родовую возвысивший славу
И благородством ума множащий имени блеск!
Чтобы родиться тебе, дано было Фабиев роду
Выжить в веках, вопреки доблестной смерти трехсот.
Спросишь, наверное, кто написал тебе это посланье,
Сразу захочешь узнать, кто обратился к тебе.
Как мне, несчастному, быть? Опасаюсь, что, имя услышав,
Все остальное прочтешь с ожесточеньем глухим.
Но не хочу скрывать, что письмо написано мною,
. . . .
Знаю, что я заслужил наказанье еще тяжелее,
Но тяжелей, чем мое, вынести я бы не смог.
Здесь я отдан врагам, постоянным опасностям отдан,
Вместе с отчизной навек отнят покой у меня.

Жала вражеских стрел пропитаны ядом гадючьим,
Чтобы двоякую смерть каждая рана несла.
Всадники, вооружась, у стен испуганных рыщут —
Так же крадется волк к запертым овцам в хлеву.
Здесь, если лук тугой изогнут и жилою стянут,
Принято никогда не ослаблять тетиву.
В кровли вонзившись, торчат частоколом на хижинах стрелы,
И на воротах засов в прочность не верит свою.
Этого мало: нигде ни деревца нет, ни травинки,
И за ленивой зимой вновь наступает зима.
В схватке с моей судьбой, с холодами и стрелами в схватке
Здесь я вступил на порог вот уж четвертой зимы.

Плачу и плачу, пока мертвящее оцепененье
Грудь мою льдом не скует и не прервет моих слез.
Участь Ниобы легка: она хоть и видела ужас,
Но, превратившись в скалу, боли была лишена.
Легок и ваш, Гелиады, удел: вы оплакали брата,
Но молодою корой тополь печаль залечил.
Я бы хотел, да стать растением нет позволенья,
Я бы хотел, да нельзя стать равнодушной скалой.
Даже Медуза — явись она сейчас предо мною,—
Так и ушла бы ни с чем даже Медуза сама.
Должен я жить, чтобы вкус беды ощущать ежечасно,
Чтобы времени ход только усиливал боль.
Так никогда до конца не гибнет у Тития печень,
Но вырастает опять, чтобы опять погибать.
Ночь приносит покой, облегчение чувствам дающий,
Всех погружает ночь в сон, исцеляющий боль.
Мне предлагают сны повторенье действительных бедствий,
Бодрствуют чувства мои, участь мою вороша.
То я вижу себя от стрел сарматских бегущим,
То для тяжелых оков руки дающим врагу.
Манит меня иногда сновидения сладкого образ:
Вижу крыши домов дальней отчизны моей,
Долго беседую я с любезными сердцу друзьями
И с дорогою женой тихий веду разговор.
Но, получив этот миг короткого, ложного счастья,
Вспомнив о лучших днях, с новою силой казнюсь.

День ли глядит на меня, живущего в горькой печали,
Ночь ли гонит своих заиндевелых коней,
Тают от мрачных забот мои оскудевшие силы,
Как поднесенный к огню новый податливый воск.
Часто зову я смерть, и часто у смерти прошу я,
Чтоб не достался мой прах чуждой сарматской земле.

Думая, сколь велика снисходительность Цезаря, верю:
Некогда ступит нога на берег мягче, чем здесь.
Но когда вижу, что мне нигде от судьбы не укрыться,
Падаю духом, и страх гасит надежду опять,
Я об одном лишь молю, на одно лишь надеяться смею:
Что разрешат мне терпеть бедствия в месте ином.
В этой просьбе моей от тебя содействия жду я;
Может быть, ты для меня скромность забудешь свою.
Максим, вступись за меня, красноречия римского мастер,
И под защиту прими трудное дело мое.
Выиграть мало надежд — но ты его выиграть можешь,
Если тронешь сердца речью о ссылке моей.
Знает Цезарь едва ль — хоть все божеству и открыто,—
Как тут все обстоит в этом унылом краю.
Дух высочайший его делами великими занят,
Не подобает ему в каждую мелочь вникать.
Времени нет у него и спросить, где находятся Томы
(Здешние геты и те знают едва ли о них),
Как живут племена язигов и диких сарматов,
Тавров, которые встарь чтили кровавый кумир.
Что за народы идут и гонят коней быстроногих
По отвердевшей спине Истра, одетого льдом.
Большую часть людей заботы твои не волнуют
И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,
Годный для долгих дорог, сильный, выносливый конь,
Навык в походах терпеть изнурительный голод и жажду,
Если в безводную степь враг оттеснит храбрецов.
Добрый принцепс меня даже в гневе сюда не послал бы,
Если б достаточно знал этот заброшенный край.
Вряд ли он был бы рад плененью любого из римлян,
Меньше всего — моему: сам он мне жизнь даровал.

Взмахом державной руки он мог бы предать меня смерти —
Чтобы меня погубить, геты ему не нужны.
Если моя вина и тогда не грозила мне смертью,
Может быть, будет теперь он милосердней ко мне?
Он исполнил лишь то, к чему его сам я принудил,
Слабым был его гнев — большего я заслужил.
Я молю богов (справедливейший он между ними),
Чтобы на нашей земле Цезарь бессменно царил.
Власть его велика, и быть ей навеки великой,
Пусть переходит она к отпрыскам славным его!

Пред милосердным судьей (милосердье его мне знакомо)
Ты красноречьем своим просьбы мои поддержи.
Снятья вины не проси — проси безопаснее места,
Где бы я жил, не страшась ловких, коварных врагов,
Чтобы нечесаный гет мечом кровавым не отнял
Жизнь, которую мне видимый бог сохранил,
Чтобы, когда я умру, сошел я с миром в могилу,
Чтоб не давил меня гнет варварской Скифской земли,
Чтобы кости мои — изгнанника жалкие кости —
Конь фракийский не мог тяжким копытом топтать,
Чтобы — если смерть всех чувств не уносит бесследно —
Тень не пугала мою гета коварного тень.
Максим, такие слова могут доброго Цезаря тронуть,
Если сейчас они трогают сердце тебе.
Августа слух преклонить да заставит голос твой, Максим,
Ведь подсудимых не раз помощь спасала твоя,
Тронет искусная речь, исполненная сладкозвучья,
Сердце и ясный ум мужа, кто равен богам.
Ведь не Атрея тебе просить, не Теромедонта
И не того, кто людей в корм лошадям отдавал.
Наш повелитель скуп на кары и щедр на награды,
Горько ему, если вдруг нужно суровость явить.
Он побеждал для того, чтоб потом пощадить побежденных,
Двери закрыл навсегда междоусобной войне.
Страхом расплаты он карает, а не расплатой,
Редко виновных разит молний палящим огнем.
Так попроси же его, посредником став между нами,
Чтоб разрешили мне жить ближе к родимой земле.

Я ли тебя не чтил, я ли не был гостем желанным,
И за одним столом я ли с тобой не сидел,
Я ль не привел Гименея к сердцам пламенеющим вашим,
Я ли песнь не слагал, славя ваш брачный союз?
Ты ли книги мои не хвалил, меня поощряя
(Я не имею в виду книг, погубивших меня)?
Мне ли ты сам не читал своих искусных писаний,
Мне ли ваш род не дал в дом дорогую жену?
Марция ценит ее и с самого раннего детства,
Знаю, ввела ее в круг близких наперсниц своих,
Как ее прежде к себе приблизила Цезаря тетка:
Коль они ценят ее, значит, достойна она.
Клавдии, если б ее хвалили они, не пришлось бы
Знаменья ждать от богов, чтобы молву заглушить.
И о себе я скажу, что прожил жизнь безупречно,
Только последних лет лучше бы не вспоминать.
Что говорить обо мне? Не скрывай, отпираться не вздумай —
Стала моя жена тяжкой обузой тебе.
К вам припадает она и ваш алтарь обнимает —
По сердцу ведь божество каждый находит себе,—
Молит, чтоб речью своей ты доброго Цезаря тронул:
Прах ее мужа тогда к ней бы поближе лежал.

V. Котте Максиму

Если память жива о том, что мы были друзьями,
Максима просит Назон это письмо прочитать.
В этих строках не ищи примет моего дарованья,
Делая вид, будто ты бедствий не знаешь моих.
Праздность лишает сил, истощает ленивое тело,
В толще стоячей воды быстро заводится гниль.
Навык стихи сочинять мне был присущ, не скрываю,
Но от бездействия он дряхлым и немощным стал.
Верь мне, Максим, пишу то, что видишь сейчас пред собою,
Руку заставив писать только усильем ума.
Но для чего мне терять мои оскудевшие силы,—
Муза — зови не зови — к гетам тупым не идет.

Сам ты видишь, стихи лишь с большим трудом мне даются:
Гладкости столько же в них, сколько в судьбе у меня.
Стоит мне их перечесть — самому становится стыдно,
Требует собственный суд многие строчки стереть.
Но исправлять не могу: этот труд тяжелей, чем писанье,
Силы мои уж не те, чтобы его одолеть.
Впору ли будет теперь мне браться за жесткий напильник
Или на суд вызывать каждое слово в строке?
Разве изменишь судьбу? Ведь с Гебром Ликс не сольется,
Вечно будут льнуть кроны Афона к горам.
Душу нужно щадить, если в ней открытая рана;
Не запрягают вола, если он шею натер.
Думаешь, верю, что мне есть ради чего постараться,
Верю, что этот посев жатву сторицей отдаст?
Нет, ни один мой труд до сих пор не служил мне на пользу.
Не был бы он мне во вред — вот чего надо желать!
Так для чего я пишу? Ни мне, ни тебе непонятно,
Вместе с тобою ищу смысла в посланье моем.
«Что ни поэт — то безумец»,— твердит народ не напрасно.
Разве я сам не служу лучшим примером тому?
Всходам моим на корню столько раз погибать приходилось —
Я, не жалея сил, сею в бесплодный песок.
Видно, охота сильна предаваться привычным занятьям,
Тем, в чем искусна рука, время свое заполнять.
Даст гладиатор зарок никогда не вступать в поединок —
Но устремляется в бой, старые раны забыв.
Спасшийся чудом гребец клянется, что с морем расстался,—
Глядь, его лодка плывет там, где он прежде тонул.
Так постоянен и я в пристрастии к делу пустому
И, не желая того, прежним богиням служу.
Что мне делать? Нельзя предаваться медлительной лени:
Праздность нашим умам тленом и смертью грозит.
Мне не по вкусу всю ночь проводить в безудержном пьянстве
И не возьму ни за что в руки игральную кость.
Если я сну отдам, сколько нужно для отдыха телу,
Чем я заполнить смогу долгое время без сна?
Предков обычай забыть, стрелять из сарматского лука
И научиться тому, в чем здесь искусен любой?

Но недостаток сил не дает мне и этим развлечься:
Дух мой бодрей и сильней, чем ослабевшая плоть.
Сам рассуди, чем себя мне занять? Ведь дело полезней
Дел бесполезных моих вряд ли ты мне назовешь.
Но, предаваясь им, я несчастья свои забываю —
Даже такой урожай стоит затраты труда.
Гонит вас жажда похвал; все вниманье вы отдали Музам,
Чтоб знатоков похвалу вашим твореньям снискать.
Мне довольно того, что само собой написалось,
Нет причин у меня для кропотливых трудов.
Что за выгода мне оттачивать стих со стараньем?
Разве приходится ждать, чтоб похвалил его гет?
Смело могу сказать, не боясь показаться хвастливым:
Здесь, где волнуется Истр, я даровитее всех.
Там, где мне выпало жить, я довольствуюсь тем, что поэтом
Мне оставаться дано в непросвещенной толпе.
Славе моей для чего домогаться далекого Рима?
Римом да будет моим край, где теперь я живу.
Здешних подмостков моей опечаленной музе довольно —
Это угодно богам, этого я заслужил.
Я надеждой не льщусь, что книги мои одолеют
Путь, который не прост даже могучим ветрам.
Звезды иные у нас; небеса не такие, как в Риме,—
Смотрит Медведица здесь на неотесанный люд.
Верится мне с трудом, что эти земли и воды
Сможет в пути одолеть плод упражнений моих.
Если стихи прочтет, паче чаянья, Рим и похвалит,
Ясно, что эта хвала выгоды не принесет.
Были б на пользу тебе одобрение в жаркой Сиене
Или хвала с берегов теплых индийский морей?
Может быть, ввысь воспарить? Пусть все до единой Плеяды
Станут меня восхвалять — что мне хвала эта даст?
Знаю, до вас не дойдут стихов посредственных строчки,
Слава покинула Рим вслед за увенчанным ей.
Вместе со славой и я погиб для вас безвозвратно.
Знаю, когда я умру, слова не скажете вы.

Книга третья

I. К жене

Море, чьи воды взмутил гребец Ясонов впервые,
Край, что доступен всегда снегу и диким врагам,
Будет ли время, когда в не столь опасное место,
В ссылку другую от вас сможет уехать Назон?
Или меж варваров мне суждено навеки остаться,
Здесь умереть и в тебя, почва понтийская, лечь?
Сказано будь не во зло,— довольно зла доставляет
Дикий сосед, что тебя топчет ретивым конем,—
Сказано будь не во зло, но ты в жестоком изгнанье
Самая худшая часть, злейшее бремя в беде.
Здесь не бывает весны, венком цветочным увитой,
Здесь не увидишь в полях голые плечи жнецов,
Осень в этих местах не приносит кистей винограда,—
Холод безмерный всегда держится в этой земле.
Море оковано льдом, и в глубинах живущая рыба
Часто ходит в воде словно под крышей глухой.
Даже источники здесь дают соленую влагу,—
Сколько ни пей, от нее жажда сильнее томит.
Чахлых деревьев стволы возвышаются в поле открытом
Редко, и видом своим морю подобна земля.
Птиц голоса не слышны. Залетев из дальнего леса,
Разве что в море одна пробует горло смочить.
Только печально полынь в степи топорщится голой,
Горькая жатва ее этому месту под стать.
Тут же и страх, и враги, городским грозящие стенам,
И от летучей стрелы, ядом пропитанной, смерть.
Эта страна далеко лежит от всякой дороги,
Так что опасен сюда путь по воде и пешком.

Значит, не странно, что я мечтаю с этим покончить,
Что беспрестанно прошу ссылки в другую страну.
Более странно, что ты пе подавлена этим, супруга,
И что несчастья мои ты переносишь без слез.
«Что же мне делать?» — твердишь. У меня ли спрашивать это?
Тотчас отыщешь ответ, если захочешь сама.

Мало просто хотеть — пожелай всем сердцем успеха,
Пусть попеченье о нем сон у тебя отобьет.
Многие, верно, хотят: ведь не так уж меня ненавидят,
Чтобы желать мне и здесь, в ссылке, покоя не знать.
Нужно всей грудью налечь, напрячься каждою жилкой,
День и ночь хлопотать нужно тебе за меня.
Пусть помогают друзья — но ты превзойди их заботой,
Первой за дело всегда браться должна ты, жена.

Важную роль отвожу я тебе своими стихами:
Верной жены образцом ты прослывешь из-за них.
Бойся его исказить, оправдай мои восхваленья,
Помни о том, что творишь дело свое для молвы.
Пусть я даже смолчу — молва будет сетовать громко,
Если заботой своей ты не поддержишь меня.
Участь моя на меня обратила вниманье народа,
Больше известности мне, чем до изгнанья, дала.
Тем знаменит Капаней, что спален был молнией бога,
Амфиарай — что землей был поглощен с лошадьми.
Если б Улисс не блуждал, он был бы меньше известен,
Громкой обязан молвой ране своей Филоктет.
Если средь этих имен и для скромного место найдется,
То и меня от других вдруг отличила беда.
Эти страницы тебе не дадут остаться безвестной:
С Косской Биттидой на них вровень прославлена ты.
Что бы ни делала ты, на тебя направлены взоры,
Верность твою подтвердит много известных людей.
Верь мне, когда я в стихах тебе похвалы расточаю,
Чем заслужила их ты, хочет читатель узнать.
Правда, людей большинство готово ценить добродетель.
Все же придраться к тебе многим захочется, верь!
Повода им не давай, чтобы зависть сказать не посмела:
«Выручить мужа в беде эта жена не спешит».
Раз уж я ослабел и тащить не в силах повозку,
Ты управляйся сама с нашим увечным ярмом.
Как на врача я смотрю на тебя, больной и бессильный,
Все еще тлеет во мне искрою жизнь,— помоги.
То, что я дал бы тебе, если б я из двоих был сильнейшим,
Ты, по сравненью со мной сильною став, возврати.

Этого требует брак, освященный взаимной любовью,
Этого требует твой дух благородный, жена!
Дому ты это должна, за которым числишься ныне,
Чтобы украсить его женскою честью своей.
Если примерной женой ты не будешь, то, как ни старайся,
Кто поверит, что ты с Марцией в дружбе была?
Я не дурной человек; благодарности я хоть немного,
Но заслужил от тебя, если по правде сказать.
Правда, за все, что я сделал тебе, ты мне платишь с лихвою,
Даже пристрастной молве не в чем тебя упрекнуть.
Только одно приложи к тому, что сделала прежде,
Все прилежанье свое в пользу мою обрати:
Ты добивайся, чтоб я в этой страшной стране не остался,
И предо мною ни в чем долг твой не будет хромать.
Знаю, что много прошу,— но просить за меня безопасно,
Пусть и откажут тебе — ты не рискуешь ничем.
И не сердись на меня, если я в стихах умоляю
Верной остаться себе, что начала — не бросать.

Храбрым полезен трубач. Словами вождь побуждает
Смело сражаться в бою самых отважных солдат.
Славишься верностью ты и прославлена будешь навеки,
Пусть же и доблесть твоя ей не уступит ни в чем.
Ты не должна за меня поднимать амазонок секиру,
Щит вырезной не должна слабой рукою держать.
Нужно молить божество не о том, чтобы стало мне другом,
Но лишь о том, чтобы свой гнев укротило оно.
Если же милости нет, то вызови милость слезами,
Этим скорей, чем другим, можно растрогать богов.
Хватит слез у тебя,— тому мои беды залогом:
Неиссякаемым стал брак наш источником слез.
Дело мое таково, что ты не можешь не плакать,—
Пусть это средство тебе наша судьба ниспошлет.
Если б тебе за спасенье мое надлежало погибнуть,—
След проложила тебе в этом Адмета жена.
Стала бы ровнею ты Пенелопе, стыдливым обманом
Остановить пожелай грубый напор женихов.
Если бы мужу вослед из жизни уйти захотела,
Тут Лаодамии тень путь указала б тебе.

Взять с Ифиады пример ты могла бы, когда бы решила
Тело живое свое ввергнуть в горящий костер.
Ты умирать не должна, не нужна тебе ткань Пенелопы,—
Просто с мольбою к жене Цезаря ты обратись,
К той, что блистает своей добродетелью, так что седая
Древность не может при ней славою век наш затмить.
К той, что Юноне равна чистотой, красотою — Венере,
К той, что одна изо всех в браке под стать божеству.
Что же дрожишь и поодаль стоишь? Не безбожную Прокну
И не Ээтову дочь нужно растрогать мольбой,
Не Данаиду смягчить, не жену Атрида, не Сциллу,
Что в сицилийских водах чревом страшит моряков,
Не Телегонову мать, что мужей изменяет обличья,
И не Медузу в узлах змееподобных волос,—
Женщину, выше всех жен, на которой судьба показала
Зрячей себя и сняла ложный упрек в слепоте,
Ту, которой светлей, исключая Цезаря только,
Нет, никого на земле с края до края ее.
Выбери время для просьб подходящее, пусть не выходит
Твой осторожный корабль в плаванье против волны.
Нам прорицанья дает не во всякое время оракул,
Даже во храмы для нас доступ открыт не всегда.

Знаю, доколе все остается в Риме, как ныне,
Горе народу доколь не омрачает лица,
Радостный ныне и впредь, наравне с Капитолием чтимый,
Августов дом доколь мир сохранит и покой,—
До тех пор для тебя возможным сделают боги
Доступ и тщетны твои, верь мне, не будут слова.
Если она занята, отложи свое начинанье,
Бойся надежду мою лишнею спешкой сгубить.
Но и не мешкай, не жди, чтоб совсем она стала свободна:
Времени нет у нее даже себя умастить.
Как соберутся отцы досточтимые в зданье сената,
Ты постарайся пройти к ней через множество дел.
Если удастся тебе приблизиться к лику Юноны,
Помни о том, за кого ты начала хлопотать.
Трудно меня оправдать: обойди обвиненье молчаньем,
Речи свои ограничь проникновенной мольбой.

Тут промедленья слезам не давай и, к земле преклоняясь,
Руки свои протяни прямо к ногам божества.
Лишь об одном умоляй: от врагов чтобы дали уйти мне,
Хватит того, что судьба стала мне злейшим врагом.
Многое можно сказать, но ты, объятая страхом,
Разве что это одно сможешь, дрожа, прошептать.
Знаю, не будет вреда для тебя. Она угадает,
Что лишь величье ее так испугало тебя.
Будет неплохо и то, что слова прервутся слезами.
Слезы, бывает порой, значат не менее слов.
Пусть для того, что начнешь, окажется день благосклонным,
Час подходящим и все знаменья будут добры.
Только сначала в огонь, на святом алтаре разведенный,
Ладан великим богам с чистым вином принеси.
К Августу прежде других богов обращайся с молитвой,
К благочестивым его детям и верной жене.
Если бы только они отнеслись к тебе благосклонно,
Верны своей доброте, глядя на слезы твои!

II. Котте Максиму

Пусть пожеланья добра, которые я посылаю,
Котта, дойдя до тебя, вправду добро принесут,
Ибо сознанье того, что ты здоров, облегчает
Муки мои, будто я сам становлюсь здоровей.
Многие, слабы душой, покидают изодранный парус,
Ты, словно якорь, один держишь разбитый корабль.
Преданность славя твою, готов забыть я о людях,
Что повернулись спиной вместе с Фортуной ко мне.
Молния бьет одного, а страх нагоняет на многих,
Кто поражен, от того вся отшатнется толпа.
Лишь начинает стена грозить возможным паденьем,
Вмиг очищают вокруг место тревога и страх.
Кто из пугливых с больным не стремится избегнуть общенья,
Чтобы самим от него близкий недуг не схватить?
Вот почему и к друзьям, что скорей поспешили покинуть
В страхе чрезмерном меня, нет неприязни в душе.
Нет, не то, чтобы в них и верность, и добрая воля
Вовсе исчезли,— богов грозных боялись они.

Были, пожалуй, они чересчур осторожны и робки,
Злыми, однако, назвать я их никак не могу.
Искренне милых друзей прощает чистое сердце,
С радостью их от любой освобождая вины.
Пусть же свободно вздохнут, и пусть им будет порукой
Верное слово мое: эту вину им простят.
Вы же, немногие, вы — всех лучше. В трудную пору
Вы не считали за стыд всячески мне помогать.
Только тогда и умрет благодарность за ваши услуги,
Как погребальный огонь в пепел меня обратит.
Нет, я ошибся: она с моей не кончится жизнью,
Если творенья мои будет потомство читать.
Тело бескровное — дань печальному месту сожженья,
Имя и честь не умрут в пламени сложенных дров.
Знаю: погиб и Тесей, и верный спутник Ореста,
В славе своей между тем живы и тот и другой.
Часто и вас восхвалять отдаленные станут потомки,
Будете в песнях моих яркою славой сиять.
Знают уже и теперь о вас савроматы и геты,
Ибо величье души здешние варвары чтут.
Преданность вашу на днях я стал хвалить перед ними
(Знаю и гетский теперь я, и сарматский язык).
Вдруг отозвался старик, стоявший с прочими рядом,
И, обратившись ко мне, молвил такие слова:

«Очень знакомо и нам, чужеземец, понятье о дружбе,
Здесь, где, далеко от вас, в Понт изливается Истр.
Место в Скифии есть, что зовется издревле Тавридой
И отстоит от страны гетов не так далеко.
В этой земле — не стыжусь отчизны — я и родился.
Феба родную сестру там почитает народ.
Там и по нынешний день есть храм, и четырежды десять
К мощным колоннам его в гору ступеней ведут.
Здесь, повествует молва, небесный кумир находился;
Цело подножье его, хоть и пустое стоит.
Камень алтарный, что был по природе своей белоснежным,
Красным от крови людей сделался, цвет изменив.
Женщина правит обряд, не знавшая факелов брачных;
Выше скифских подруг знатностью рода она.

Нашими предками был такой установлен обычай:
Должен был каждый пришлец пасть под девичьим ножом.
Правил в те годы Фоант, и у вод Эвксинского Понта,
Близ Меотиды никто не был, как он, знаменит.
Это при нем, говорят, Ифигения к нам совершила
Долгий, неведомо как, прямо по воздуху путь.
Будто бы силой ветров сокрытую тучей Диана
За море перенесла и поселила у нас.
Долгие годы потом верховною жрицею храма
Против воли она правила мрачный обряд.
Вдруг принесли паруса ладью, и два чужеземца
Юные на берег наш вместе ступили ногой,
Сверстники и друзья; имена сохранило преданье:
Звался Орестом один, звали другого Пилад.
Тотчас же их отвели к алтарю жестокой Дианы,
Руки обоим связав крепким ремнем за спиной.
Жрица-гречанка водой очистительной их окропила,
Ленту обвила вокруг их белокурых голов.
И, готовя обряд, виски украшая повязкой,
Повод стараясь во всем для промедленья найти,
«Юноши,— им говорит,— не я жестока, простите!
Варварский край мне велит варварский править обряд!
Так установлено здесь. Но куда вы путь свой держали,
К таврам откуда приплыл ваш злополучный корабль?»
Так им сказала она, и, родины имя услышав,
С радостью в них узнает дева своих земляков.
«Пусть один,— говорит,— будет заклан в жертву богине,
С вестью в родные места пусть возвратится другой».
К смерти готовый Пилад торопит Ореста в дорогу,
Спорит Орест. Умереть каждый за друга готов,
Только в этом друзья прийти не могут к согласью,—
Прежде всегда и во всем были они заодно.
Юноши спорят еще, продолжая в любви состязаться,
Брату спешит между тем дева письмо начертать.
Брату писала она, а тот, кто ждал порученья,—
Вот что бывает с людьми! — был ее собственный брат.
Часа не медля, они кумир похищают из храма,
Тайно уводят корабль вдаль по безбрежным волнам.
Крепкая память о них, об их удивительной дружбе
В Скифии даже теперь, через столетья, жива».

Только закончил старик давно известную сказку,
Сразу одобрили все доблесть и верность друзей.
Значит, и в этих местах, которых нету жесточе,
Истинной дружбы пример гетам волнует сердца.
Что же должны совершить друзья, рожденные в Риме,
Если такие дела трогают варваров злых?
Ты добротою души и всегда отличался к тому же,
И благородство твое чистый твой нрав подтверждал.
Это признал бы Волез, твоего отца прародитель,
Нума бы это признал, матери предок твоей.
Им не пришлось бы краснеть, что прибавилось прозвище Котты
К их родовым именам: пал бы их дом без тебя,
Славных мужей череду продолжая достойно, ты вспомни,
Что завещали они падшим друзьям помогать.

III. Фабию Максиму

Если ты можешь хоть час уделить опальному другу,
Фабиев рода звезда, Максим, побудь у меня.
Я рассказать бы хотел о том, что нынче увидел,
Что померещилось мне или приснилось во сне.
Ночь наступила уже; сквозь двойные оконные створки
В комнату свет проникал полной почти что луны.
Сон сошел на меня — от забот наш единственный отдых.
Я утомленное днем тело на ложе простер.
Вдруг задрожал надо мной потревоженный крыльями воздух,
И заскрипело слегка, тихо качнувшись, окно.
В страхе на левом локте приподнялся я на постели,
Дрогнуло сердце, и вмиг прогнанный сон улетел.
Встал предо мною Амур с лицом, искаженным печалью,
Ложа кленового он левой касался рукой.
Не было больше на нем ожерелья и яркой повязки,
Не были даже слегка прибраны кудри его.
Мягкие пряди волос, растрепавшись, лицо прикрывали,
Перья растрепанных крыл видел воочию я.
Так же они торчат на спинке воздушной голубки,
Если в руках у людей долго пробудет она.

Сразу его я узнал — ведь никто не известен мне лучше! —
И, не стесняясь ничуть, так обратился к нему:
«Мальчик, воспитанник мой, моего изгнанья причина,
Лучше бы вовсе тебя я в обученье не брал!
Ты и сюда залетел, где люди мира не знают,
Где покрывается льдом на зиму варварский Истр?
Что тебя привело? Наши бедствия хочешь увидеть?
Знай же, ты сам из-за них стал ненавистен для всех.
В юности я от тебя записал шутливые песни,
Где шестистопному вслед стих пятистопный идет.
Ты не хотел, чтобы я меонийской прославился песней,
Не поощрял воспевать подвиги славных вождей.
Факел горящий и лук ослабили силу таланта,
Если он, пусть небольшой, все-таки был у меня.
Ибо, пока твою власть и власть твоей матери пел я,
К более важным трудам был неспособен мой ум.
Мало того: на беду я глупую создал поэму,
Чтобы искуснее ты стал от науки моей.
Было несчастному мне за нее наградой изгнанье
В самый далекий из всех, мира не знающий край.
Разве Эвмолп Хионид такое сделал Орфею?
Разве когда-то Олимп с Марсием так поступил?
Разве Хирон получил от Ахилла такую награду?
Разве от Нумы ущерб в чем-нибудь знал Пифагор?
Перечислять имена по столетиям долгим не стану,—
Только меня одного мой ученик погубил.
Я ли тебе не давал наставленья и стрелы, проказник?
И за науку мою так ты меня одарил!
Сам ты ведь знаешь и всем подтвердить под клятвою мог бы,
Что не хотел я стихом брачному ложу вредить.
Я сочинял не для тех, у кого касаются ленты,
Скромности знаки, волос, длинные платья — ступней.
Разве тому я учил, как замужних обманывать женщин,
Чтобы не знали они, кто их ребенку отец?
Я ли не сам возбранял касаться этих книжонок
Тем, которым закон тайно любить не велит?
Впрочем, к чему это все, если верят, что я подстрекаю
К блуду людей, хоть его строгий закон запретил?
Все же — и пусть у тебя не знают промаха стрелы,
Пусть не угаснет твоих факелов быстрый огонь,

Правит державою пусть и страну за страной покоряет
Цезарь, который тебе через Энея родня,—
Все же добейся, чтоб он не остался ко мне непреклонным,
Чтобы для ссылки моей сносное место отвел».

Вот что, привиделось мне, я крылатому мальчику молвил,
Он же, привиделось мне, речью такой отвечал:
«Стрелы — оружье мое, мое оружие — факел,
Цезарь и милая мать будут порукою мне
В том, что запретному я у тебя никогда не учился
И что в «Науке» твоей нет никакого вреда.
Если бы так же легко ты мог и в другом оправдаться —
В том, что тебе нанесло больший, ты знаешь, ущерб.
Что бы то ни было, нам бередить эту рану не стоит,
Ты ведь не можешь сказать, что не виновен ни в чем.
Может, ошибкою ты называешь тяжкий проступок,
Так что заслуженный гнев был не тяжеле вины.
Все же на крыльях сюда я путь огромный проделал,
Чтобы тебя увидать и чтоб утешить тебя.
Был я в эти места когда-то матерью послан,
Деве фасийской пронзить сердце моею стрелой,
Ныне, столетья спустя, вторично здесь появиться
Ты заставляешь меня, друг мой и верный солдат.
Слушай: страх позабудь, смягчится Цезаря сердце,
И по молитвам твоим доброе время придет.
Пусть промедленье тебя не страшит: уже близок желанный
Миг, и радость триумф всем без изъятья несет.
В день, когда счастлив весь дом, когда дети и Ливия рады,
В день, когда счастлив ты сам, нашей отчизны отец,
В день, когда, счастья полны, поздравляют люди друг друга,
В день, когда шлют к небесам жертвенный дым алтари,
В день, когда доступ для всех открыт в святейший из храмов,
В этот, надеюсь я, день сбудутся наши мольбы».

Молвил — и то ли он сам растаял в воздухе легком,
То ли начали вновь бодрствовать чувства мои.
Думать могу ли, что ты плохо примешь слова мои, Максим?
Легче уж мне лебедей черными счесть, как Мемнон.

Только ведь черной смолой не станет млечная влага,
Будет сверкать белизной вечно слоновая кость.
Духу под стать твоему твой род. Благороднейшим сердцем,
Как у Алкида простым, был ты всегда наделен.
Зависть, бесплодный порок, несовместна с нравом высоким,
Низкой ползучей змеей вьется она по земле.
Твой же возвышенный дух поднимается даже над родом,
Славное имя твое все же не выше души.
Пусть другие вредят несчастным и страх им внушают,
Пусть им грудь острием, смоченным в желчи, язвят.
Дом твой привычен для всех, кто в беде о помощи молит,—
В их число, я прошу, ты и меня допусти!

IV. Руфину

В этом своем письме из понтийской крепости Томы
Шлет Руфину Назон чистосердечный привет
С дружеской просьбой прочесть его «Триумф» благосклонно,
Если уже добрела в Город поэма моя.
Скромный это труд, своего недостойный предмета...
Все же дерзну просить: будь покровитель ему!
Крепкий и так здоров, что нужды ему в Махаоне —
Ищет в искусстве врача помощи тяжко больной.
Так и поэты: большой не нуждается в мягком судействе,
Он и придирчивый слух песней легко покорит.
Я же, чей гений давно пригас в неизбывных страданьях.
(Или был искони дар мой совсем не силен?),
Слишком слабый, увы, я нуждаюсь в доброй поддержке,—
В ней откажи — и все прахом пошло для меня!
Книги мои всегда невзыскательной просят оценки,
Этой же все права на снисхожденье даны.
Трудно ль триумф описать, если ты его видел воочью,
Что рисовать и как, память подскажет руке.
Я же в стихах только то закрепил, что жадное ухо
Выхватило из молвы, мне заменявшей глаза.
Разве можно равнять рассказом рожденное чувство
С тем порывом, какой зрелище в нас возбудит?

Золота блеск, серебра и пурпура,— все, что пленяло
Взоры, а я не видал... мне не об этом тужить!
Но племен, но стран воплощенные образы — вот что
Песню питало б мою, сцены разыгранных битв!
Лица пленных царей, зеркала их дум затаенных,
Нам помогли бы вложить что-то живое в стихи;
А всенародный восторг, упоенье, рукоплесканья
Самый косный дух воспламенить бы могли.
Я бы воспрянул к труду при этом ликующем клике,
Как на призыв трубы к битве солдат-новичок.
Пусть душа холодна, как снег и лед, холоднее
Этой студеной страны, где истомился Назон,—
Сразу б моя оттаяла грудь, как только, сияя
На колеснице своей, взору явился бы вождь.
Стих мой не память глаз, только смутные слухи питали —
Значит, законно прошу милости я у друзей.
Ни вождей, ни стран не мог я назвать поименно,
Просит работы рука — не с чем работать руке.
Много ль молва донесла о свершенном? Ничтожную долю!
Много ль поведать мог в письмах к изгнаннику друг?
С правом бесспорным прошу: не взыщи, любезный читатель,
Если ошибся я в чем, что-то совсем пропустил.
Лире, настроенной в лад хозяина жалобам долгим,
Было трудно, добавь, в радостном строе запеть.
Трудно счастливые шли слова на смену печальным —
Радоваться для меня стало в новинку, Руфин.
Как с отвычки глаза избегают яркого солнца,
Так веселью давно помыслы чужды мои.
Вот и еще: во всем мила новизна. За услугу,
Если ты с ней запоздал,— благодаренья не жди!
Надо думать, немало стихов о великом триумфе
Ходит из уст в уста, читано наперебой.
Свежею их струей утолил свою жажду читатель,
Что ему чаша моя с теплой и мутной водой!
Я не медлил творить, не леность причиной задержки —
Но проживает Назон чуть не у края земли.
Весть пока доплелась до меня, да пока сочинял я
Спешно стихи и к вам шли они — год миновал!

Немаловажно и то, подобрался ли к розам ты первый,
Иль запоздалой рукой грабишь обобранный куст.
Диво ли, если в саду, где лучшим другой поживился,
Ты на достойный венок вдоволь цветов не нарвешь?

Просьба к поэтам: вкривь не толкуйте! Не с вами тягаться
Ищет Муза моя — лишь оправдаться самой.
Общая служба у нас, нам равно святая, поэты
(Если несчастных певцов ваш не чурается хор)!
Были вы частью моей души, друзья, и сегодня
Я и в разлуке к вам думой привычной тянусь.
Так позвольте вручить стихи мои вашей защите,—
Сам за них говорить я не могу на суде.
После смерти придет признанье — а на живого
Черная злоба тайком точит завистливый зуб.
Если жалкая жизнь — подобие смерти, меня вам
Впору земле предать, чтоб довершилась судьба.
Что же! Пусть этот плод трудов моих каждый осудит,—
Станет ли кто хулить истую ревность мою?
Пусть недостало сил — похвалы достойно усердье;
Истая ревность моя, верю, угодна богам!
Благочестивый бедняк придет к алтарю — и приятен
Богу ягненок его с тучным быком наравне.
Столь велик мой предмет, что один творец «Энеиды»
Мог бы принять на плечо гордую тяжесть его.
Как элегии ломким стихам на неравных колесах
Груз неподъемный нести — гордых побед торжество?
Выбор смущает меня, какой размер предпочту я?
Близок второй триумф: будешь ты, Рейн, покорен!

Если не лгут слова вдохновенных поэтов: готовьте
Новый Юпитеру лавр, старым не дав почернеть.
Это не я говорю с берегов реки, из которой
Воду недобрую пьет незамиренный сармат.
Это божий глас, это бог моим сердцем владеет,
Мне повелел вещать, речь мою тайно ведет.
Ливия, медлишь зачем? Колесницу готовь для триумфа —
Установила тебе срок непреложный война.
Мечет Германия в нас вероломно бессильные копья —
Это тем больший вес слову пророка дает.

Сбудется скоро оно, поверь,— в колеснице почета
Сын повторный триумф справит со славой двойной.
Ты багряницу готовь — облачить победителя плечи,
Сам изберет чело, не обознавшись, венец.
Шлемы пусть и щиты самоцветами, золотом рдеют,
Пусть вознесется трофей над побежденным врагом.
С башнями пусть города и твердыни из кости слоновой
Наш обольщают взор яви подобьем живым.
В рубище пусть, в камышовом венке на спутанных космах
Воду Рейн понесет, кровью ее замутив.
Дайте пленным царям отличья их и уборы,—
Пышностью тканей укрыть новой судьбы нищету.
Все готовь к торжеству, что твоих соратников доблесть
Завоевала тебе — и завоюет еще!
Боги, не зря внушившие нам возвестить о грядущем,
Дайте свершиться скорей верным поэта словам!

VIII. Максиму

Что за подарок из Том, ломал я голову часто,
Можно было б тебе, Максим, на память послать?
Золото я бы послал, серебро послал бы охотно,
Но ты им рад, лишь когда сам одаряешь других.
Да и земля здесь совсем не богата ценным металлом,
И земледельцам его враг не дает добывать.
Часто одежды твои украшал сверкающий пурпур,
Но не сармата рука яркими сделала их.
Шерсть у овец тут груба, и доныне искусством Паллады
Женщинам этой страны не удалось овладеть.
Здесь они не прядут, но дары Цererины мелют,
Тяжкие на голове носят кувшины с водой.
Здесь с виноградной лозой не дружат статные вязы,
Осенью ветви не гнет тяжесть созревших плодов.
Скорбную только полынь родит невзрачное поле,—
Горечь ее отдает горечью этой земли.
Так что, по мне, ничего в суровой области Понта
Не было, что подарить близкому я бы хотел.

Я посылаю тебе в колчане скифские стрелы,—
Пусть обагрятся они кровью врага твоего.
Вот какими здесь тростинками пишутся книжки,
Вот какая из Муз здесь процветает у нас!
Совестно мне посылать такой ничтожный подарок
Другу, но все же его ты благосклонно прими.

Книга четвертая

II. Северу

Славных царей преславный певец, письмо ты читаешь
Из неприветной страны гетов лохматых, Север!
Имя твое досель обходил я в книгах молчаньем,
В чем, по правде сказать, я сознаюсь со стыдом.
Но, хотя не в стихах, каждый раз ответные письма
Я на письма твои неукоснительно слал.
Только стихов не дарил в доказательство памяти доброй —
Много ли смысла дарить то, чем даримый богат?
Кто ж Аристею мед, кто Вакху фалерн предлагает?
Злак Триптолему зачем? Иль Алкиною плоды?
Грудь плодоносна твоя — по нивам всего Геликона
Труженик ни один жатвы богаче не снял.
Слать к такому стихи — как в лес наваливать листья,
Вот почему до поры с этим я медлил, Север.
Впрочем, и гений мой не ответит на зов, как бывало,—
Пашет морской песок плугом бесплодным Назон.
Тина, бывает, забьет русло, придушит источник,
И, обессилев, никак не просочится вода.
Так заложила мне грудь непробойная тина лишений,
И не польются стихи прежней обильной струей.
Если б на этой земле самого поселили Гомера,
Он превратился бы тут в дикого гета, поверь.
Ты уж прости, я и сам признаю: распустил я поводья,
Дело забросил свое, пальцы писать не хотят.
Тот высокий порыв, что возносит мысли поэта —
Был он мне так знаком, ныне забыл он меня.

Нехотя выну подчас дощечку, нехотя муза,
Словно неволят ее, руку приложит к труду.
Мало, а то и совсем никакой мне утехи в писанье,
Радости нет вязать в стройном размере слова.
То ли затем, что в стихах никогда мне не было пользы,
Что, напротив, от них все мои беды пошли;
Или затем, что слагать стихи, никому не читая,—
То же, что миму плясать мерную пляску во тьме.
Слушатель рвенья придаст, от похвал возрастет дарованье,
Слава, шпоры вонзив, к мете ускорит твой бег.
Кто нас прослушает здесь? Желтогривые разве кораллы
Или кого там еще Истр полудикий вспоил?

Но в одиночестве что мне начать? Чем досуг мой печальный
Стану я тешить и как долгие дни коротать?
Я не привержен вину, ни игре обманчивой в кости —
То, в чем обычно дают времени тихо уйти.
Не привлекает меня (даже если бы вечные войны
И не мешали тому) новь поднимать сошником.
Вот и осталась одна холодная эта услада,
Дар Пиэрид — богинь, мне услуживших во зло.
Ты же, кого счастливей поил Аонийский источник,
Преданно труд люби, пользу дающий тебе,
Свято музам служи и что-нибудь из сочинений
Самых недавних твоих нам на прочтенье пришли.

III. Непостоянному другу

Жаловаться ль? Умолчать? Обвинить, не назвав твое имя,
Иль без зазренья открыть каждому, кто ты такой?
Нет, обойдусь без имени здесь — или жалобой нашей
Я, и ославив, создам прочную славу тебе.
В крепком пока я плыл корабле, с устойчивым килем,
Первым ты был готов в море пуститься со мной.
Ныне ж, едва судьба нахмурилась, ты на попятный —
Видно, боишься, что друг помощи станет просить!
Даже делаешь вид, что со мной никогда и не знался,
Имя заслышав «Назон», спросишь: «Да кто он такой?»

А ведь Назон — это я, и нас, хоть забыть предпочел ты,
Чуть ли не с детских лет связывал дружбы союз.
Я тот самый, кому поверять спешил ты заботу,
Кто и в забавах тебе первым товарищем был.
Тот я, с кем тесно ты в домашнем дружил обиходе,
Тот я, чью Музу, хваля, ты бесподобной назвал.
Тот я, о ком теперь, вероломный, не знаешь ты, жив ли,
Да и не спросишь. Зачем? Ты-де с таким не знаком!
Если меня в те дни не любил — значит, ты притворялся,
Если же искренним был — ты легковесней коры.
Спорь! За какую, открой, изменил нам обиду? Но если
Жалобы ложны твои, тем справедливей моя.
Наша какая вина не велит тебе прежним остаться?
Или вменяешь ты нам наше несчастье в вину?
Если ты мне ничем не помог — ни советом, ни делом,
Хоть бы прислал письмо, два бы словечка черкнул!
Где там! Верю с трудом, но ходит молва, что и словом
Только чернишь ты меня, падшего злобно клеймишь.
Что, безумный, творишь? А вдруг отвернется Фортуна?
Сам ты себя лишил права на слезы друзей!
Непостоянство свое скрывать не хочет богиня;
Глянь — на вертящийся круг встала нетвердой ногой.
Легкая, словно листок, она ненадежна, как ветер,
Равен, бесчестный, с ней легкостью ты лишь один.
Все, что людям дано, как на тонкой подвешено нити:
Случай нежданный, глядишь, мощную силу сломил.
Кто на земле не слыхал о богатствах и роскоши Креза?
Но, как подачку, жизнь принял он в дар от врага.
Тот, кто в страхе держал под всесильной рукой Сиракузы,
Низким кормясь ремеслом, впроголодь, сверженный, жил.
Кто Великого был сильней? Но голосом тихим
Помощи, робкий беглец, он у клиента просил.
Муж, пред которым вчера склонялись, покорствуя, земли,
В тесном жилье бедняка нищим из нищих стоял.
Славный триумфом двойным — над кимврами и над Югуртой —
Тот, в чье консульство Рим праздновал столько побед,
Марий лежал в грязи, укрывая в болотной осоке
Мужу такому никак не подобавший позор.

Все начинанья людей — игрушка божественной власти;
Час течет — но от нас скрыто, чем кончится он.
Если бы кто мне сказал: «Жить ты будешь на водах Эвксина,
Вечно страшась, что гет ранит стрелою тебя»,—
«Что ты! Испей,— ответил бы я,— очистительных соков,
Сколько их могут родить всей Антикиры луга!»
Все же я здесь и, хотя б остерегся стрел ядовитых,
Пущенных смертной рукой,— стрел божества не уйти.
Ты же в страхе живи и радостью не похваляйся:
Только сказал — и она вмиг обернулась бедой.

VII. Весталису

Присланный ныне к нам, на берег Эвксина, Весталис,
Здесь, под Полярной звездой, римский закон утвердить,
Сам ты узнал, каков этот край, где меня поселили,
И справедливость моих жалоб везде подтвердишь.
Юный внук альпийских царей! Если ты мой свидетель,
Веру скорей обретет наша неложная речь.
Видел и ты, как в лед застывает Понт на морозе,
Как без кувшина вино форму кувшина хранит.
Видел, как груженый воз с воловьей упряжкой по Истру —
Посуху стрежнем реки гонит отважный язиг.
Знаешь и то: в кривом острие здесь яд посылают,
Чтобы, вонзаясь, стрела смертью грозила вдвойне.
(Только об этой беде ты издали знай: самолично
Не довелось бы тебе с нею спознаться в бою!)
«Первый метатель копья манипула первого» — этим
Званьем недавно тебя воинский труд увенчал.
И означает оно немалый почет — но достойна
Трижды славнейших наград ратная доблесть твоя.
Помнит Дунай, как сильной рукой ты в пурпур недавно
Воды окрасил его, с гетскою кровью смешав.
Помнит мятежный Эгис, как его усмирил ты — и ложен
Был тот дерзкий расчет на неприступность горы:
За облака вознесен, не так в оружии город
Видел надежный оплот, как в положенье своем.

Дерзкий враг отобрал Эгис у царя ситонийцев
И, отобрав, держал взятое в цепких руках;
Но по реке на судах пришел Вителлий и грозно
Против гетских сил выстроил свой легион.
И у тебя, достойнейший внук благородного Донна,
Жажда зажглась в груди ринуться в сечу мужей.
Издалека приметный для глаз сверканьем доспехов,
Не пожелал ты скрыть храбрость свою хоть на миг;
Шел напролом, одолев и булат, и гордую кручу,
Шел сквозь частый град падавших с выси камней.
И не явились тебе помехой дротиков стаи,
Черные тучи стрел с ядом змеи в остриях.
В шлеме тростинки торчат, многоцветными перьями вея,
Негде в разбитый щит новой вонзиться стреле.
Он и от прежних тебя не укрыл. Но с думой о славе
Боль пламенеющих ран ты не хотел замечать.
Так, мы помним, Аякс против Гектора бешено бился,
Факелоносцев разил — и отстоял корабли!
Грудь на грудь пошли. Скрестили мечи в рукопашной.
Время железу решить яростной битвы исход.
Что ты в бою тогда совершил, о всем не поведать,
Скольких убил врагов, как и кого одолел:
Ты бы считал и не счел те груды порубленных гетов,
Всех, кого попирал в битве победной стопой.
Младшие брали пример со старшего: в сечу кидались,
Много приняли ран, подвигов много свершив.
Но настолько же всех превзошел ты отвагой, насколько
Самых ретивых коней в беге обгонит Пегас.
Вновь покорен Эгис, и подвига верный свидетель,
Стих мой векам передаст славу, Весталис, твою.

VIII. Суиллию

Долго, ученейший муж, не слал ты мне вести, Суиллий,
Но запоздалому все ж рад я письму твоему:
В нем обещаешь ты нам, что помощь подашь, если вышних
Благочестивой мольбой к милости можно склонить.
Пусть не успеешь ни в чем, я в долгу у душевного друга,
Ибо в заслугу зачту эту готовность помочь.

Только б на долгий срок твоего достало порыва,
Не охладили б его вечные беды мои.
Тесная связь родства (да продлится она нерушимо!)
Мне как будто дает право на дружбу твою.
Та, что тебе женой, для меня как дочка родная,
Та, что женою мне, зятем тебя назвала.
Горе! Ужель, прочитав эти строки, лицо покривишь ты
И устыдишься признать наше с тобою родство?
Только в толк не возьму, чего здесь можно стыдиться,—
Разве того, что на нас счастье не хочет смотреть?
Станешь ли ты выверять родословную нашу, увидишь:
Всадниками искони прадеды были мои.
Ну, а захочешь узнать о нравах моих, убедишься:
Нет на мне пятна, кроме оплошности той.
Если надеешься впрямь что-то выпросить нам у бессмертных,
Ты обратись к божеству голосом истой мольбы.
Юноша Цезарь — твой бог! Его склони к милосердью!
Этот алтарь ты чтишь, знаю, превыше других.
Цезарь молящим не даст возносить напрасно молитву
Пред алтарем. Ищи помощи здесь для меня.
Благоприятное пусть оттуда дойдет дуновенье,
И затонувший челн вмиг из пучины всплывет.
Я на высоком огне воскурю торжественный ладан,
Буду свидетелем я силы всевластных богов.
Но беломраморный храм я тебе не воздвигну, Германик,—
Средства мои подточил горький судьбы поворот.
Пусть тебе города, процветая, храмы возводят,—
Благодарит Назон тем, что имеет,— стихом.
Знаю, скуден мой дар, я малым плачу за большое,
За возрожденную жизнь только слова приношу.
Но кто лучшее дал, что мог, свою благодарность
Этим сполна изъявил — тщетной не будет она.
Ладан, в горсти бедняком принесенный, не меньше угоден,
Нежели тот, что богач чашами сыплет в огонь.
Агнец молочный и бык, растучневший на травах Фалиска,
Оба Тарпейский алтарь кровью своей оросят,
Впрочем, нередко герой из услуг наиболее ценит
Ту, что окажет ему, песни слагая, поэт.
Песня деянья твои широко прославит по свету,
Песня в смене веков славе померкнуть не даст.

Песнями доблесть жива; через них далеким потомкам,
Тленья избегнув, она весть о себе подает.
Старость все сокрушит, растлит и железо и камень,
Сила не может ничья времени силу сломить.
Но писанья живут. По ним Агамемнона знаем,
Знаем и тех, кто пошел с ним или против него.
Кто бы без песни знал о дерзких семи ратоборцах —
Как они в Фивы пришли, что их постигло потом?
Да и богов создает, если молвить дозволено, песня:
Их величье мертво без воспевающих уст.
Знаем: Хаос был, изначальной природы громада,—
Был, и распался, и стал сонмом своих же частей.
Знаем: дерзнувших достичь небесной державы гигантов
В Стикс каратель низверг, грянув из тучи огнем.
Знаем: бессмертье дала победа над индами Вакху;
Знаем: Эхалию взяв, стал олимпийцем Алкид.
Если, о Цезарь, твой дед вознесен за свою добродетель
В небо звездой, то и здесь праздною песнь не была.
Пусть же, если есть в нашем гении жизни толика,
Пусть, Германик, тебе отдана будет она.
Сам поэт, отвергать ты не станешь услуги поэта
И по достоинству их можешь ты сам рассудить.
Если бы имя тебя не призвало к делам высочайшим,
Стал бы ты, как обещал, славой и гордостью муз.
Ты нам не песню давать предпочел — но предметы для песен:
Вовсе расстаться с ней разве ты можешь, поэт?
То сраженье ведешь, то слова под размер подбираешь,
Что для другого труд, стало досугом твоим.
И, как привержен равно Аполлон кифаре и луку,—
Ту ли, другую ль струну тут же готов натянуть,—
Так и в поэзии ты преуспел, и в искусстве правленья,
С Музой в сердце твоем рядом Юпитер живет.
Но коль скоро и нам испить дозволено влаги
Той, что забила ключом из-под копыта коня,—
Пусть нам поможет она предаться единому делу,
Общей и мне и тебе вместе святыне служить.
Край покинуть пора, слишком близкий к диким кораллам,
В шкуры одетым, от вас, лютые геты, уйти!
Если нельзя в отчизну вернуть, пусть изгнаннику место
Ближе к Риму дадут и к авзонийским лугам,—

Место, откуда б Назон героя подвигам новым
Незапоздалую мог песнями дань приносить.
А чтоб моя молитва дошла, ты тоже, Суиллий,
Бога проси за того, кто тебе чуть ли не тесть.

IX. Грецину

Не откуда бы рад — откуда позволено, с Понта
Ныне Грецину Назон слово приветствия шлет.
Волей богов дошло бы оно в то первое утро,
Как понесут пред тобой фасции — дважды по шесть!
Раз уж взойдешь без меня ты консулом на Капитолий,
Раз в толпе друзей я не предстану тебе,
Пусть в положенный день от лица своего господина
Выскажут эти стихи все, что он хочет сказать.
Если бы я родился под счастливой звездою и если б
Шло мое колесо не на разбитой оси,—
Долг приветствия, тот, что сейчас письмо выполняет,
Сам я мог бы тогда выполнить словом живым,
И, поздравляя, к словам добавил бы я поцелуи,
Видя в почете твоем равный почет для себя.
Так, наверно, в тот день загордился бы я, что едва ли
Дом бы нашелся вместить чванную радость мою.
Шествуешь ты, окружен священным сонмом сената,
Я же, всадник, бегу, консула опередив!
Но, хоть и рад бы стоять к тебе поближе, я счастлив,
Что бок о бок с тобой места для всадника нет.
В давке пускай оттеснили б меня,— я и тут не жалел бы:
Что многолюдна толпа, был бы доволен вдвойне.
С радостью я бы смотрел, как все прибывает народу,
Как далеко идти этим бессчетным рядам.
Жадно, как зритель простой, я все пожирал бы глазами,
Вплоть до одежды, поверь, до багряницы твоей.
Стал бы разгадывать я рисунки на кресле курульном,
Знаки, что вывел резец по нумидийской кости.
А когда возвели бы тебя на Тарпейские выси
И пролилась бы кровь жертвы твоей на алтарь,
Вместе тогда б и моей благодарственной тайной молитве
Внял обитающий там — в сердце святилища — бог!

Я бы не на алтаре возжег ему ладан, а в сердце,
Трижды, четырежды рад власти почетной твоей.
Там стоял бы и я средь твоих приверженцев верных,
Если бы милость судеб в Рим возвратила меня,
Зрелище то, которым теперь я мысленно тешусь,
Стало б тогда для меня зримой усладою глаз.
Иначе суд божества решил — справедливый, наверно:
Кару приняв, к чему нашу вину отрицать?

Дух, однако, избег изгнанья — я взором духовным
Праздничный твой наряд, фасции вижу твои.
Вижу мысленно я, как вершишь ты суд всенародно.
В тайных советах твоих мысленно рядом сижу.
Вижу, доходы сдаешь с торгов на все пятилетье —
Их наперед оценив честно и правильно сам.
Вот, единственно лишь о народной пользе ревнуя,
Речью искусной своей ты покоряешь сенат.
Вот, воздавая богам от Цезарей благодаренье,
Жертвенных тучных быков белые выи разишь.
А завершив мольбы о важнейшем, попросишь, быть может,
Чтобы гнев положил Цезарь на милость ко мне.
Пусть разгорится огонь под жертвой высоко и ярко
В добрый знак, что твой принят богами призыв.
Хватит сетовать нам! В одиночестве, как лишь возможно,
Консульства я твоего славу отпраздную здесь.

Ждет нас радость к тому ж и вторая, первой не меньше:
В почестях этих тебе будет преемником брат.
Пусть полномочья твои, Грецин, с декабрем истекают,
В первый январский день примет правление Флакк.
В преданной вашей любви обоюдно вы будете рады:
Фасциям братним ты, он же взаимно твоим.
Дважды консулом брат и сам ты консулом дважды
Будешь — так осенит слава двойная ваш дом.
Но, хоть безмерна она и хотя, воскормленник Марса,
Власти не знает Рим выше, чем консула власть,
Эту умножит честь величье подателя чести:
Ценен дар стократ, если даритель велик.
А потому процветать вам всегда — Грецину и Флакку —
Вам, кого так отличил Цезарь высоким судом.

В час же, когда божество от важнейших забот отдыхает,
Ваши с моими мольбы соедините, друзья!
И, если ветром дохнёт другим, ослабьте канаты,
Чтоб из стигийских вод выплыла наша ладья.

В этом году здесь начальствовал Флакк, и в его управленье
Берег истрийский забыл грозы и беды свои.
В мире держал он, Грецин, племена беспокойных мисийцев,
Гетский лук устрашил верным двуострым мечом.
Тросмий, взятый врагом, возвратил он доблестью быстрой,
В русло Дуная влив варварской крови поток.
Ты у брата спроси, каково оно, скифское небо,
И почему, узнай, страшен немирный сосед,
Правда ль, что желчью змеи пернатые смазаны стрелы,
Что человечью кровь мерзостно льют на алтарь.
Лгу ли я, или впрямь застывает Понт на морозе,
И на югеры льдом море одето зимой.
Скажет,— и ты спроси, какова моя слава в народе,
Как провожу, узнай, бедствия горькие дни.
Тут неприязни ко мне не питают — да и за что бы?
Пусть изменила судьба, не изменил я себе.
Тот же душевный покой, который во мне одобрял ты,
Ту же стыдливость мои запечатлели черты.
Да, таков я и здесь, в стране, где силу оружья
Учит варвар-сосед выше закона ценить.
Женщину, мужа ль, дитя — никого за все эти годы
Я никогда и ничем здесь не обидел, Греции.
Вот потому пригрели меня в несчастье томиты
(В чем поклянусь я, увы, этой чужою землей).
Видя желанье мое, и они мне желают уехать,
А для себя не хотят близкой разлуки со мной.
Верь иль не верь, но издан указ — и на воске начертан! —
Коим, воздав нам хвалу, сняли налоги с меня!
И хоть не очень к лицу такая слава несчастным,
Все города окрест тем же почтили меня.
И благочестье мое знает город, меня приютивший:
Видит, что в доме алтарь Цезарю я посвятил.
Рядом и сын стоит, и супруга, верховная жрица,—
Новому божеству равные два божества.

Чтобы единой семью сохранить, я поставил и внуков:
Рядом с отцом один, с бабкою рядом другой.
Им в рассветный час, только день на востоке забрезжит,
Я со словами мольбы ладан обильный курю.
Рвенью весь моему Понтийский берег свидетель:
Всех опроси — ничего здесь я не присочинил.
Знают на Понте и то: день рожденья нового бога
Щедро, насколько могу, праздную играми я.
Всем заезжим гостям известно мое благочестье,
Кто бы ни прибыл к нам из Пропонтиды сюда.
Верно, наслышан о нем и Флакк, под чьим управленьем
Западная сторона Понта недавно была.
Больше б хотелось давать, да богатство мое оскудело —
Но и от скудного дар радостно я приношу.
Рим отсюда далек — это делаю не напоказ я,—
Благочестивый мой долг рад исполнять в тишине.
Все ж и до Цезаря слух дойдет: по широкому свету
Что бы ни делалось, все ведомо будет ему.
Ты же, к богам вознесшийся бог, ты знаешь и видишь,
Цезарь! Отныне земля взорам открыта твоим.
Там, под сводом крутым, среди созвездий ты слышишь
Эти мольбы, что к тебе робко возносит поэт.
Может быть, наши стихи о святом небожителе новом,
Те, что послал я в Рим, тоже дошли до тебя.
Верю: твое божество они преклонят к милосердью,—
Ведь не напрасно тебя в Риме отцом нарекли.

XIV. Тутикану

Снова пишу я тебе, кому пенял уже в песне,
Что невозможно в размер имя твое уложить.
Но ничего письмом приятного я не открою,
Разве что все еще жив, хворь кое-как одолев.
Только здоровье тому не в утеху, кто молит последней
Милости: дайте скорей эти покинуть места!
Мне безразлично, куда, в какие направиться земли —
Будет любая милей той, что простерлась вокруг.
Прямо в Сирты ладью или прямо в Харибду гоните,—
Лишь бы в глаза не видать этой немилой страны.

Я бы с радостью Истр хоть на Стикс обменял, если есть он,
В глубях под Стиксом найди реки — сменяю на них.
Хуже, чем ниве сорняк, ненавистней, чем ласточке стужа,
Мне этот край, где гет марсолюбивый живет.
Через такие слова на меня в обиде томиты,
Снова народный гнев я навлекаю стихом.
Так вот и буду всегда попадать в беду из-за песен,
Будет всегда мне во вред неосмотрительный дар?
Пальцы б отсечь, чтобы бросить писать, но медлю зачем-то.
Снова, безумный, иду грудью на то же копье,
К тем же снова плыву берегам, в те гиблые воды,
Где на подводный утес днище ладьи посадил?
Я не повинен ни в чем и чист перед вами, томиты,
Мне ваш край опостыл, вас же я, право, люблю.
Сколько ни разбирай мои многотрудные песни,
В них не найдешь строки с жалобой на горожан!
Жалуюсь на холода, на то, что набегов должны мы
Ждать отовсюду, что враг вечно в ворота стучит.
Ваши места, не людей справедливым стихом осудил я —
Вы же и сами подчас землю браните свою.
Вот же посмел тот пахарь-старик стихами поведать,
Что навлекла на себя ненависть Аскра не зря.
А ведь поэт говорил о стране, что его породила,
Аскра ж не стала в ответ гневом поэта казнить.
Родину кто сильнее любил, чем Улисс? А не он ли
Скудость родной земли в повести запечатлел?
Едким словом меж тем не край — авзонийские нравы
Скепсий клеймил и Рим требовал гневно к суду.
Ярый этот навет народ пропустил равнодушно,
Не повредил истцу неугомонный язык,
А на меня навлекли всенародный гнев кривотолки,
Новою наши стихи отяготили виной.
Столько бы счастья мне, насколько чист я душою!
Я никого никогда словом одним не задел.
Впрочем, будь я и впрямь черней иллирийского дегтя,
Преданных мне друзей кстати ли было б хулить?
В горькой моей судьбе вы меня обласкали, томиты,
Видно, у вас в крови эллинская доброта.
Даже родной Сульмон, родное племя пелигнов,
Не проявили б ко мне столько участья в беде.

Мне недавно у вас оказана честь, на какую
    Благополучный гость вряд ли б рассчитывать мог.
Сняты налоги с меня! Кроме тех, кого по закону
    Не облагают у вас, этим я взыскан один.
Сам не искал я, но в знак всенародного благоволенья
    Мне на седые виски вы возложили венок.
Знайте: как Делос был гонимой угоден Латоне,
    Остров единственный тот, давший скиталице сень,—
Так Томида для нас дорога́: в далеком изгнанье
    Нам неизменно была доброй хозяйкой она.
Только бы дали ей небожители мирную долю,
    Перенесли бы к теплу с этой оси ледяной.

КОММЕНТАРИИ

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга первая

I

1—4. *Важным стихом* — гексаметром, состоящим из шести стоп дактиля. ...*похитил стопу* — то есть превратил каждую вторую строку в пятистопный пентаметр, а произведения Овидия — в элегию, размером которой был элегический дистих — чередование гексаметра с пентаметром.

12. *Аония* — область в Греции, где находилась гора Геликон — обиталище Муз.

II

23—24. *Голуби* были посвящены Венере. *Отчим* — очевидно, Марс, возлюбленный Венеры.

27. В триумфе за колесницей победителя вели, по обычаю, пленных.

51. *Цезарь* — Октавиан Август, принадлежавший к дому Юлиев, выводивших свой род от Энея и его матери Венеры.

V

12. *Лаида* — имя двух знаменитых гетер (IV в. до н. э.).

VI

65. *Денница* — утренняя звезда, Венера.

VII

7—8. *Аянт* в безумии перебил стадо, которое он принял за ненавистных ему ахейских вождей.

13. *Менал* — горная цепь в Аркадии.

14—15. *Схенеева дочь* — мифическая охотница Аталанта. *Критянка* — Ариадна.

31. *Диомед* ранил в одном из сражений под Троей Венеру.

IX

23. *Рес* — фракийский царь, союзник троянцев; Диомед и Одиссей напали ночью врасплох на его лагерь, убили его и захватили его коней.

39. *Марс* и его возлюбленная Венера попались в сети, расставленные на их ложе Вулканом (см. «Одиссея», VIII, 266—366).

X

1. *Увезенная вдаль* — Елена. *Эврот* — река в Спарте.

5. *Амимона* — одна из Данаид, возлюбленная Нептуна, который создал для нее в безводной Арголиде источник, названный ее именем.

49. *Жрица* — Тарпея, весталка, предательски открывшая врагам-сабинянам ворота Капитолия. Сабиняне, подкупившие Тарпею золотыми запястьями, ворвавшись в крепость, забросали предательницу щитами.

52. *Сын* — Алкмеон; он убил свою мать Эрифилу, мстя за отца, которого та послала на войну, подкупленная золотым ожерельем, хотя и знала, что ему суждено погибнуть.

XIII

1—2. *Светловолосая* — Аврора, *престарелый муж* — Тифон, которому полюбившая его богиня дала бессмертие, но забыла дать вечную юность.

31. *Сын* — Мемнон, царь эфиопов.

33. *Кефал* — муж афинской царевны Прокриды, похищенный полюбившей его Авророй.

43. *Юноша* — Эндимион, возлюбленный Селены-луны, которого она погрузила в вечный сон.

45—46. *...слил две ночи в одну...* — Юпитер, зачиная с Алкменой Геркулеса, запретил солнцу всходить.

XIV

40. *...гемонийской струе...* — Гемония = Фессалия, прославившаяся в древности своими колдуньями.

XV

9—30. Овидий перечисляет наиболее прославленных греческих и римских поэтов: *меонийский певец* — Гомер (Меония здесь — Малоазиатская Греция); *аскреец* — Гесиод, уроженец беотийского города Аскра; *Баттов сын* — Каллимах; *Арат* (III в. до н. э.) — греческий поэт и ученый, автор астрономической поэмы «Небесные явления»; *Акций* (II—I вв. до н. э.) — римский драматург, чье творчество считалось высшим достижением римской трагедии; *Энний* (III—II в. до н. э.) — римский поэт и драматург, автор эпической поэмы «Анналы» — стихотворной истории Рима со дня его основания; *Варрон* (I в. до н. э.) — римский поэт, перевел «Аргонавтику» Аполлония Родосского — поэму о походе Ясона (*Эсонида* — сына Эсона) на первом в мире корабле Арго за золотым руном; *Титир, земные плоды и Энеевы брани* — намек на три произведения Вергилия: «Буколики», герой первой из которых — Титир, «Георгики» — поэму о земледелии, и «Энеиду»; *Тибулл, Галл* — см. предисловие.

34. *Таг* (ныне Тахо) — река в Испании, считавшаяся золотоносной.

Книга вторая

I

11—14. *...прославлять небесные брани...* — написать мифологическую поэму о борьбе детей земли — гигантов — с богами. *Гигес* — один из сторуких исполинов, союзников богов. Во время битвы гиганты взгромоздили *Пелион и Оссу* (горы в Фессалии) на Олимп, но боги ниспровергли эту громаду.

IV

32. *Приап* — божество плодородия; его статуи с огромным фаллосом ставились в садах.

VI

Элегия является вариацией на тему стихотворения Катулла на смерть воробья его возлюбленной.

7. *Филомела* — свояченница фракийского царя Терея, обесчещенная им. Мстя Терею, его жена Прокна и Филомела убили сына Терея и Прокны Итиса и накормили отца его мясом. Боги превратили Прокну в ласточку, а Филомелу в соловья.

27. *...перепелки... дерутся...* — Перепелиные бои были любимой забавой римлян.

35. *Ворона* донесла Минерве о проступке афинских царевен, нарушивших запрет богини.

41. *Филакиец* — царь города Филаки Протесилай, первый ахеец, высадившийся на Троянский берег и павший от руки Гектора.

55. *Птица Юноны* — павлин.

VIII

11—13. *Фессалиец* — Ахилл. *Вождь микенский, Тантала отпрыск* — Агамемнон. *Фебова жрица* — Кассандра.

IX

7—8. *Гемонийский герой* — Ахилл, по ошибке ранивший царя Телефа и вылечивший его рану ржавчиной своего копья — единственным лекарством от нанесенных этим копьем ран.

22. *Гладиатору,* выслужившему срок, вручался деревянный меч — знак освобождения от обязанности сражаться на арене.

X

1. *Грецин,* Помпоний — друг юности Овидия, к которому обращено несколько писем с Понта (I, 6; II, 6; IV, 9).

11. *Эрицина* — Венера, названная так в честь своего святилища на сицилийской горе Эрикс.

XIII

7. *...чей край...* —Египет, города которого перечисляются далее.

10. *Седмица ворот* — семь устьев Нила.

13—14. *Змея* — атрибут Исиды, *Апис* — священный бык, считавшийся воплощением Осириса.

18. *Галлы* — оскопленные жрецы малоазиатской богини Кибелы, которую в Риме смешивали с Исидой.

21. *Илифия* — богиня, помогающая при родах.

XIV

10. *...каменья бросать...* — намек на миф о Девкалионе и Пирре.

13. *Илия* — весталка, зачавшая от Марса Ромула и Рема.

27. *Колхидянка* — Медея.

XV

10. *Дева Ээи* — Цирцея, превращавшая людей в животных; *старец Карпафских пучин* — Протей, обладавший даром превращения. Карпаф — остров в Средиземном море.

XVIII

3. *Макр*, Помпей — второстепенный римский поэт-эпик, друг Овидия; его поэму о Трое Овидий упоминает в письмах с Понта (IV, 16).

13. *Трагедия* — очевидно, трагедия Овидия «Медея», не дошедшая до нас.

21. *Иль сочиняю...* — Имеются в виду «Героиды».

27. *Сабин* — поэт, подражатель Овидия. Написал «ответы» мифических героев на послания героинь Овидия, а также «календарную поэму» по образцу «Фастов».

I

23. *...вдохновляться вакхическим тирсом...* — Намек на первоначальную связь трагедии с культом Вакха.

VII

61—62. *Фемий* — певец, упоминаемый в «Одиссее». *Фамир* — фракийский певец, ослепленный Музами, с которыми он осмелился состязаться.

VIII

9. *Всадник... достигнувший ценза* — то есть по своему богатству получивший право перейти во всадническое сословие.

15. *Золотой перстень* на левой руке — отличительный знак всадника.

27. *Первая сотня* — подразделение легиона, в котором служили самые опытные и отличившиеся воины.

29—34. Ироническое переосмысление мифа о Данае и Юпитере, проникшем к ней в виде золотого дождя.

35. *В век, когда... Сатурн господствовал...* — Золотой век.

52. *Либер* (Вакх), *Ромул, Алкид* (Геркулес), *Цезарь* — обожествленные смертные.

55. *Курия* — сенат.

61. *Сабинка* — женщина из племени сабинян; Ромул и его воины похитили сабинских женщин во время игр (см. «Наука любви», I, 101—132) и сделали своими женами. По представлению эпохи Овидия, женщины в Риме отличались в старину строгостью нравов.

IX

Элегия написана на смерть Тибулла.

1. *Мемнон,* как и *Ахилл,* погиб под Троей.

4. *...имя свое.* — Буквальное значение слова «элегия» — «скорбная песнь».

16. *Юноша* — Адонис, возлюбленный Венеры.

21. *Мать Орфея* — муза Каллиопа, *отец* — речной бог Эагр. Исмарийцем он назван по имени фракийской горы Исмар.

По другой версии мифа, которой, очевидно, придерживается Овидий, Орфей был сыном Аполлона.

23. *Лин* — погибший в юности певец, сын Аполлона.

27. *Аверн* — сернистое озеро в Италии, близ которого якобы находился вход в Аид.

31. *Немесида, Делия* — вымышленные имена воспетых Тибуллом возлюбленных.

48. *На Феакийских брегах...* — Тибулл заболел, находясь на острове Керкира, отождествлявшемся с мифическим островом феаков, описанным в «Одиссее».

62. *Кальв,* Гай Лициний (I в. до н. э.) — римский оратор и поэт, друг Катулла, принадлежавший к той же поэтической группе «неотериков».

63. *...в предательстве друга...* — Галл, будучи наместником Египта, неожиданно подвергся опале, причины которой неизвестны. В Риме ходили слухи о «предательстве» Галла по отношению к его «другу» Августу.

XV

7. *Марон* — Вергилий, уроженец *Мантуи.*

8. *Пелигны* — италийское племя, в области которых находился родной город Овидия *Сульмон.*

10. *...Рим трепетал, рати союзной страшась.* — Имеется в виду Союзническая война, в которой народы Италии пытались освободиться из-под власти Рима. Римляне вынуждены были дать восставшим права римских граждан.

15. *Аматусия* — Венера, названная так по имени храма в Аматунте на Кипре.

17. *Лиэй* — Вакх.

ГЕРОИДЫ

Письмо первое

ПЕНЕЛОПА — УЛИССУ

Ситуация, которая описана в письме, заимствована из «Одиссеи», откуда взяты и поездка Телемаха в Пилос к Нестору и в Спарту к Менелаю, предпринятая против воли женихов,

устроивших на него засаду; и имена женихов, неверных слуг Одиссея, нищего Ира и т. д.

5. *Соблазнитель* — Парис.

17. *Патрокл* вышел в битву в доспехах Ахилла (см. «Илиада», XVI).

36. *Гектор,* убитый Ахиллом, был привязан им к колеснице, которая трижды проволокла труп вокруг стен Трои (см. «Илиада», XXII, 395—405).

39. *Долон* — троянский лазутчик, убитый Диомедом и Улиссом во время ночного нападения на стан Реса (см. «Илиада», X, 314—464).

52. *...победители там пашут...* — Овидий приписывает гомеровским грекам римский обычай основывать колонии на месте завоеванных городов.

81. *Икарий* — отец Пенелопы.

Письмо второе

ФИЛЛИДА — ДЕМОФОНТУ

Филлида, фракийская царевна, приютила у себя сына Тесея и Федры Демофонта и стала его возлюбленной. Демофонт, вернувшийся в Афины, обещал приехать, но не успел вернуться к назначенному сроку, и Филлида повесилась. Боги превратили ее в миндальное дерево, которое расцвело, когда Демофонт обнял его ствол.

6. *Актея* — Аттика.

16. *Гебр* — река во Фракии.

37. *Дед* Демофонта — Нептун, отец Тесея.

42. *Светоченосные богини* — Церера и Прозерпина, чтившиеся в Элевсинских мистериях — тайном культе в Аттике.

67. *Эгиды* — потомки Эгея, земного отца Тесея.

69—72. Перечисляются подвиги Тесея: умерщвление полубыка-получеловека Минотавра, разбойников *Скирона* и *Прокруста,* победа над кентаврами, затеявшими распрю на свадьбе друга Тесея Пирифоя, царя лапифов, и спуск вместе с последним в Аид.

76. *Критская жена* — Ариадна.

87. *Бистонская гладь* — Бистонский залив во Фракии.

111. *Ликург* — мифический фракийский царь.

113. *Родопа, Гем* — горные цепи во Фракии.

Письмо третье

БРИСЕИДА — АХИЛЛУ

Ситуация заимствована из «Илиады», как и многие детали: имена вестников Агамемнона, уводивших Брисеиду, история посольства к Ахиллу, участники которого — Аякс, Феникс и Улисс — предлагали Ахиллу от имени Агамемнона вернуть Брисеиду и послать почетные дары, и угроза Ахилла уехать из-под Трои, и упоминание о том, как Ахилл во время ссоры поднял меч на Агамемнона.

45. *Лирнесс* — родной город Брисеиды, союзный с Троей и разрушенный Ахиллом.

74. *Нерей* — морской старец, отец Фетиды, матери Ахилла.

92. *Сын Инея* — Мелеагр, отказавшийся участвовать в войне после того, как убил своего дядю и был проклят матерью, но потом отогнавший врагов от города по просьбе жены.

129. *Тевкра брат* — Аякс.

151. *Нептуновы стены Пергама.* — Стены Трои, построенные Нептуном и Аполлоном.

Письмо четвертое

ФЕДРА — ИППОЛИТУ

Миф о Федре принадлежит к числу известнейших; в его разработке Овидий частично опирается на трагедию Еврипида «Ипполит». Федра — сестра Ариадны, дочь Миноса и Пасифаи, родившей от противоестественной любви к быку Минотавра. Ипполит — незаконный сын Тесея и амазонки Антиопы. Во время «написания письма» Тесей находится в Аиде, куда он спустился вместе с Пирифоем.

47—48. *Фиада* — вакханка. *...те, что в тимпан бьют...* — корибанты, жрецы экстатического культа Кибелы, почитавшейся на троянской горе Иде.

67. *Элевсин* в Аттике — центр мистериального культа Цереры; как место первой встречи Ипполита и Федры его называет Еврипид.

91. *Лук* хранили обычно со спущенной тетивой, натягивая ее лишь перед охотой или перед боем.

93. *Кефал* получил в подарок от Авроры бьющий без промаха дрот.

99. *Сын Инея* — Мелеагр, полюбивший Аталанту во время охоты на чудовищного вепря и отдавший ей трофеи этой охоты — шкуру и голову зверя.

107. *Трезен* — город в Арголиде, неподалеку от Истмийского перешейка; царем Трезена был Питфей, дед Тесея по матери.

115—116. *Брат* — Минотавр, *сестра* — Ариадна.

119. *От меча Тесея погибла...* — По одной из версий мифа, Антиопа, брошенная Тесеем, напала на его дом во время его свадьбы с Федрой и была им убита.

159. *Мой предок* — бог солнца, отец Пасифаи.

Письмо пятое

ЭНОНА — ПАРИСУ

По мифам, Парис, сын Приама и Гекубы, сразу после рождения был унесен на Иду и брошен там, потому что Гекубе накануне его рождения приснилось, будто она родила горящий факел. На Иде Парис, подобранный пастухами, пас стада, но затем во время игр в Трое был узнан. Энопа, дочь речного бога, была его женой до тех пор, пока Парис не отверг ее ради Елены. Во время Троянской войны, когда Парис был смертельно ранен, Энона, которая одна знала нужное лекарство, из мести отказалась исцелить его.

93—95. *Полидамант* — троянский прорицатель, друг Гектора; подал однажды совет отступить перед ахейцами. *Деифоб* — брат Гектора и Париса. *Антенор* — знатный троянец, сторонник выдачи Елены Менелаю и мира с ахейцами.

113. *Сестра* — Кассандра.

127. *Тесей* похитил Елену до ее брака с Менелаем, но братья Елены Кастор и Поллукс отбили ее.

152. *...пас ферейских коров...* — Аполлон, влюбленный в царя Фер в Фессалии Адмета, пас у него коров.

Письмо шестое

ИПСИПИЛА — ЯСОНУ

В разработке ситуации Овидий исходит из поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика» и, возможно, из не дошедшей до нас трагедии Еврипида «Ипсипила». Ипсипила — царица острова Лемнос, на котором женщины перебили всех мужчин за то, что мужья стали изменять им с фракийскими пленницами. Только Ипсипила тайно спасла своего отца Фоанта, сына Вакха и Ариадны. По дороге в Колхиду аргонавты остановились на Лемносе, и лемниянки оставили их у себя, чтобы иметь от них детей. Ипсипила, родившая от Ясона двух сыновей (по более распространенной версии — одного сына), вскоре была изгнана с Лемноса, так как обнаружилось, что она спасла отца.

10. *Марсовы быки* — медноногие, выдыхавшие пламя быки, запрячь которых Ээт заставил Ясона. Дальнейшее испытание Ясона состояло в том, что он должен был вспахать на них поле, засеять его зубами дракона, а взошедших из этих зубов воинов истребить. Ясон смог сделать это все лишь с помощью Медеи, которая дала ему волшебную мазь и научила стравить землеродных воинов в междоусобной схватке.

47—48. *Минийцы* — аргонавты, названные так в честь их предка, фессалийского героя Миния. *Тритония* — Минерва, строительница Арго. *Тифий* — кормчий Арго.

107. *Танаис* — Дон.

122. *Луцина* — римская богиня, помогающая при родах.

129. *...разбросала брата останки...* — Медея, стараясь задержать пустившихся за нею в погоню колхов, убила своего брата Апсирта и, расчленив его тело, разбросала его по кускам.

Письмо седьмое

ДИДОНА — ЭНЕЮ

Ситуация заимствована из IV книги «Энеиды» Вергилия; многие стихи Овидия являются перифразами из нее. Дидона, царевна финикийского Тира, бежала оттуда после того, как брат ее Пигмалион убил ее мужа Сихея. Прибыв в Африку, Дидона основала Карфаген, к берегам которого буря прибила

вскоре Энея. Благодаря проискам Венеры он стал возлюбленным Дидоны, однако вскоре боги призвали его плыть дальше в Италию, где ему суждено было создать новое царство. После отплытия Энея Дидона покончила с собой, пронзив себя подаренным Энеем мечом.

1. *Меандр* — река в Малой Азии.

75. *Юл* (Асканий) — сын Энея и дочери Приама Креусы, потерявшейся во время бегства Энея из горящей Трои.

80. *Отца* своего Анхиза Эней вынес из горящей Трои на плечах.

93—96. Ср. у Вергилия, IV, 161—162, 165—169:

> Громкий рокот меж тем потряс потемневшее небо,
> Черная туча пришла, чреватая градом и бурей...
> В темной пещере вдвоем троянский вождь и Дидона
> Скрылись. Тотчас Земля и Юнона, вершащая браки,
> Подали знак: огнями эфир, соучастник союза,
> Вспыхнул, и воплями нимф огласились окрестные горы.

102. *Элисса* — второе имя Дидоны.

125. *Ярба* — царь племени гетулийцев, сватавший Дидону.

191. *Анна* — сестра Дидоны, наперсница ее любви к Энею.

Письмо восьмое

ГЕРМИОНА — ОРЕСТУ

Для заострения драматической ситуации Овидий пользуется той версией мифа, согласно которой Гермиона, дочь Менелая и Елены, была выдана отцом Елены Тиндареем за Ореста, сына Агамемнона и Клитемнестры. Под Троей Менелай обещал отдать дочь в жены Пирру (Неоптолему), сыну Ахилла, участнику взятия города. Гермиона была отнята у Ореста, однако впоследствии Орест подстерег Неоптолема в Дельфах и убил его.

13. *Андромаха*, вдова Гектора, была в плену рабыней и наложницей Неоптолема.

45. *Внук Тантала* — Агамемнон.

49. *Страшное дело* — месть Ореста за Агамемнона его убийцам — Клитемнестре и ее любовнику Эгисфу.

67. *Птица потоков* — лебедь, в образе которого Юпитер соединился с Ледой.

70. *Пришлец* — выходец из Малой Азии Пелоп, похитивший царевну Элиды Гипподамию.

72. *Город Мопсопа* — Афины, названные так по имени их мифического царя. Имеется в виду похищение Елены Тесеем.

78. *Феба* — дочь Леды и Тиндарея.

112. *Тело скиросское.* — Неоптолем родился на острове Скиросе у Ахилла и царевны Деидамии.

Письмо девятое

ДЕЯНИРА — ГЕРКУЛЕСУ

Геркулес сватал Иолу, дочь Эврита, царя этолийского города Эхалии, но был отвергнут. Спустя несколько лет он взял Эхалию и увел Иолу в плен. Жена Геркулеса Деянира послала ему одежду, пропитанную кровью кентавра Несса, который пытался когда-то похитить ее, но был убит ядовитой стрелой Геркулеса и, умирая, обманул Деяниру, сказав, что его кровь поможет ей вернуть любовь мужа. Большое отступление посвящено рабству Геркулеса у лидийской царицы Омфалы, которое в поздних мифах было переосмыслено как любовное рабство, вместо искупительного, как было в более ранних версиях.

16. *...в обоих домах...* — на западе и на востоке.

26. *Сфенелид* — Эврисфей, сын Сфенела.

49. *Авга* — нимфа и жрица храма Афины на горе Парфений, соблазненная Геркулесом и родившая от него сына Телефа.

54. *Сарды* — столица Лидии, царства Омфалы.

64. *Тополь* — священное дерево Геркулеса.

67. *Диомед* — фракийский царь, кормивший своих коней человечиной.

69. *Бусирид* — египетский царь, приносивший в жертву чужестранцев и убитый Геркулесом.

97—98. *...о том, кому ты... горло зажал...* — об Антее.

99. *Конная толпа* — кентавры, побежденные Геркулесом.

103. *Ярданова дочь* — Омфала.

139—140. *Ахелой* — речной бог, в образе быка боровшийся с Геркулесом за право жениться на Деянире (см. «Метаморфозы», IX, 1—100).

153. *Агрий* — брат Инея, дети которого свергли дядю с престола.

155. *Тидей* — сын Инея, изгнанный за убийство родственников.

156. *Брат* — Мелеагр, жизнь которого должна была оборваться в тот миг, когда сгорит головня. Мать Мелеагра, узнав об этом, сохранила недогоревшую головню, а затем, разгневавшись на сына, бросила ее в огонь.

Письмо десятое

АРИАДНА — ТЕСЕЮ

Тесей, обреченный на съедение Минотавру и отправленный для этого из Афин на Крит, был спасен полюбившей его Ариадной, чья путеводная нить вывела его из Лабиринта. Ариадна последовала за Тесеем в Афины, но была покинута им на острове Наксосе. Тесей сделал это по требованию Вакха, но об этом в письме, естественно, нет упоминания. Прямым продолжением письма является посвященный Ариадне фрагмент в «Науке любви» (I, 527—564).

29. *...послужили... ветры...* — По представлениям древних, человек видит предметы потому, что их «образы» разносятся по воздуху; ветры доносят до Ариадны издали «образ» корабля.

47. *Огигийский бог* — Вакх, родившийся в Беотийских Фивах; Огигия — Беотия, названная так по имени мифического царя.

99. *Андрогей* — критянин, убитый афинянами (жителями *Кекроповой* земли — Аттики, древнейшим царем которой был Кекроп). Во искупление этого убийства Афины должны были посылать на Крит в жертву Минотавру по семь юношей и девушек ежегодно.

Письмо одиннадцатое

КАНАКА — МАКАРЕЮ

Миф о любви Канаки к брату был разработан Еврипидом в не дошедшей до нас трагедии «Канака». Овидий точно следует традиционной версии, естественным образом оставляя за пределами письма лишь развязку — самоубийство Макарея

после гибели Канаки. В то же время Овидий отождествляет отца Канаки и Макарея Эола — внука Девкалиона, мифического прародителя эолийцев,— с богом Эолом, повелителем ветров.

Письмо двенадцатое

МЕДЕЯ — ЯСОНУ

В разработке одного из известнейших мифических сюжетов Овидий комбинирует мотивы, заимствованные из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, с некоторыми мотивами из «Медеи» Еврипида.

8. *Фрикс* — фиванский царевич, спасенный от преследований мачехи матерью, которая послала ему барана с золотым руном, перенесшего его в Колхиду.

9. *Арго магнесийский.*— Магнесия — прибрежная область Фессалии, откуда отчалил Арго.

27. *Эфира* — старинное название Коринфа.

62. *Сестра* Медеи была женой Фрикса и помогала аргонавтам, спасшим ее детей после кораблекрушения. Сцена ночного визита сестры к Медее заимствована у Аполлония.

121. *Симплегады* — сталкивающиеся скалы, между которыми проплыл Арго.

125—126. *Тринакрийские волны* — море у берегов Сицилии (Тринакрии), где локализовались Сцилла и Харибда *(та, что в утробу воды вбирает).* Сцилла отождествляется здесь Овидием со Сциллой — дочерью Ниса, погубившей отца из любви к Миносу и затем отвергнутой возлюбленным.

129. *Пелиады* — дочери Пелия.

Письмо тринадцатое

ЛАОДАМИЯ — ПРОТЕСИЛАЮ

Протесилай, царевич фессалийского города Филаки, отправился под Трою, едва успев жениться на Лаодамии. Несмотря на предсказание оракула, что первый ступивший на троянский берег ахеец погибнет, Протесилай высадился первым и пал от руки Гектора. Лаодамия после его смерти покончила

с собой. Полное предчувствий письмо Лаодамия пишет мужу в Авлиду, где противный ветер задержал ахейский флот.

25. *Акаст* — сын Пелия, отец Лаодамии.

33. *Двурогий* — Вакх.

45. *Тенарская жена* — Елена (Тенар — мыс в Лаконии).

85. *Окликнуть* уходящего считалось дурной приметой, как и споткнуться при выходе за порог.

Письмо четырнадцатое

ГИПЕРМНЕСТРА — ЛИНКЕЮ

Данай, потомок Эпафа, сына Юпитера и Ио, был свергнут с престола своим братом Египтом и бежал в Аргос после того, как Египт потребовал дочерей Даная в жены своим сыновьям. Настигнутый погоней Данай вынужден был согласиться на этот брак, но приказал всем Данаидам умертвить мужей. Ослушалась отца одна Гипермнестра, которая была за это заточена в темницу, но впоследствии спасена Венерой. Линкей же из мести убил Даная.

23. *Инахиды* — потомки речного бога Инаха, отца Ио. *Пеласг* — царь Аргоса, приютивший Данаид.

73. *Белид* — потомок Бела, отца Даная и Египта.

85. *Жена* — Ио, из ревности превращенная Юноной в корову, а затем, после долгих скитаний, прибывшая в Египет, где она превратилась в богиню Исиду.

Письмо пятнадцатое

САФО — ФАОНУ

Имя лесбосской поэтессы Сафо (VII в. до н. э.) было уже в древности окружено легендами. Самая известная из них — о ее несчастной любви к Фаону, которому Венера дала неувядаемую юность и свойство пленять всех женщин. Когда Фаон переселился в Сицилию, Сафо покончила с собой, бросившись в море со скал Актийского мыса на западном берегу Греции, против острова Левкада.

11. *Тифеева Этна.* — Под Этной погребен Тифей — изрыгающее огонь чудовище, пораженное молнией Юпитера.

15. *Метимна, Пирра* — города на Лесбосе.

27. *Пегасиды* — Музы.

35. *Андромеда,* спасенная Персеем дочь царя Кефея, была эфиопкой.

63. *Брат* Сафо Харакс полюбил гетеру и разорился из-за нее, в чем Сафо неоднократно упрекала его в стихах.

75. *Земля Аравийская* славилась благовониями.

139. *Эрихто* — мифическая колдунья.

153. *Исмарийский* — фракийский. *Давлида* — город в Фокиде, где Прокна была превращена в ласточку.

165. На Актийском мысу находился храм Аполлона.

С. Ошеров

НАУКА ЛЮБВИ

Книга первая

5. *Автомедонт* — возница Ахилла.

11. *Сын Филиры* — кентавр Хирон.

28. *Клио и восемь сестер.*—Гесиод рассказывает о том, как девять Муз посвятили его в поэты, во вступлении в «Феогонию».

31—32. *Ленты,* сдерживавшие прическу, и расшитый *подол* столы (женского верхнего платья) — знак свободнорожденных женщин, законных жен. На эту оговорку Овидий ссылается в «Скорбных элегиях», II, 247—250.

57. *Гаргарская гора* — в Малой Азии; как плодородное место она упомянута в «Георгиках» Вергилия; *Метимна* славилась своим вином.

67—71. *Помпеева тень* — портик при театре, построенном в Риме Помпеем. Солнце в созвездии Льва стоит в июле. *Чертог* — портик Октавии при театре Марцелла (сына Октавии, племянника Августа); *колоннады* — портик Ливии (жены Августа) при палатинском храме Аполлона.

75—77. Перечисляются восточные праздники, отмечавшиеся в Риме любителями: еврейская суббота, сирийский (перешедший и в Грецию) праздник Адониса, египетский праздник Исиды.

81. *Венерин храм* — храм Венеры Прародительницы на форуме Юлия (форум был обычным местом судебных разбира-

тельств), перед которым был устроен «Аппиев фонтан», украшенный статуями нимф.

103. Покрывала натягивались над театрами для защиты от солнца.

147. *...потянутся лики богов...*— Цирковые зрелища открывались торжественной процессией, направлявшейся с Капитолия, которая обходила цирк, неся на носилках и в колесницах изваяния богов.

164. *Песчаные арены* — в амфитеатрах, где устраивались бои гладиаторов.

171—172. *Морская битва* между флотилиями, изображавшими корабли персов и афинян *(кекропийские)*, была устроена Августом 12 мая 2 г. до н. э. на играх в честь открытия храма Марса Мстителя.

177. *Цезарь* — здесь приемный сын Августа Гай Цезарь, двадцатилетний юноша, в 1 г. до н. э. назначенный командовать в начинавшейся войне против парфян, прославлявшейся как месть за поражение Красса в 53 г. до н. э., когда орлы, служившие знаменами римским легионам, достались в добычу парфянам. Военные действия не развернулись, и через два года война была закончена мирными переговорами.

198. *Враг* — парфянский царь Фраат IV, который (по крайней мере, так верили римляне) захватил царскую власть, убив своего отца.

209—212. Вошедший в пословицу боевой прием парфян — обращаться в притворное бегство, отстреливаясь из луков.

225—226. *Персы, потомки Данаи.*— По ложной этимологии персы считались потомками Персея, сына Данаи. *Ахемениды* — династия персидских царей VI—IV вв. до н. э.

255. *Байи* — модный курорт с горячими водами у берега Неаполитанского залива.

259. *Роща Дианы* — храм в Ариции у озера Неми, жрецом в котором мог быть только беглый раб, своей рукой убивший своего предшественника.

264. *Неровные колеса* — неравные строки элегического дистиха.

283. Перечисляются любовь *Библиды* к ее брату Кавну («Метаморфозы», IX, 446—664), *Мирры* к ее отцу Киниру (там же, X, 298—518), за которую она была обращена в дерево с благовонной смолой, и Пасифаи к быку.

289—298. *Ида* — здесь гора на Крите; *Кносс* и *Кидония* — города на «стоградном» Крите; *лживым* Крит назван по известному софизму: «Все критяне лжецы»,— сказал критянин; правду он сказал или ложь?»

327. *Критянка* — Аэропа, жена Атрея; обольстившего ее Фиеста Атрей накормил мясом его детей, и Солнце повернуло с неба вспять, чтобы не видеть этого пира.

331. *Дочь Ниса* — Сцилла, о которой см. «Метаморфозы», VIII, 1—151.

337. *Феникс* отверг любовь своей матери Фтии, она оболгала его перед отцом, и отец его ослепил.

339. *Финей* ослепил по наговору жены своих сыновей от первого брака и был за это сам наказан слепотой и голодом.

407. *Праздник Венеры* — женский праздник 1 апреля (см. «Фасты», IV, 1 сл.).

408. *Или когда напоказ...* — На декабрьский праздник Сатурналий, когда в древности продавались и дарились глиняные фигурки богов, а в позднейшее время устраивались пышные распродажи. Все это — дни, когда красавица получает подарки со всех сторон и не оценит среди них подарка влюбленного.

410. Восхождение *Козлят* (октябрь) и захождение за горизонт *Плеяд* (ноябрь) считалось началом опасных зимних бурь.

414. *День Аллии* — память о поражении римлян от галлов 16 июля 390 г. до н. э.; этот день считался траурным, и дарение в этот день было необычным.

435. *Сто языков и гортаней* — реминисценция из «Илиады», II, 489.

453. *Вот задача, вот труд* — пародическая реминисценция из «Энеиды», VI, 129, где речь идет о спуске Энея в Аид.

457. *Кидиппа* — героиня стихов Каллимаха; влюбленный Аконтий подбросил Кидиппе яблоко с надписью: «Клянусь Артемидой, что выйду за Аконтия»,— и она, прочитав эти слова вслух, оказалась невольно давшей клятву.

507. *Корибанты* — см. прим. к «Любовным элегиям», II, XIII, 18.

527. *Кносская дева* — Ариадна, покинутая на Дии (Наксосе).

541. *Мималлониды* — македонские вакханки.

563. *Эвий* — одно из имен Вакха; отсюда «эвоэ!» — экстатический крик вакханок.

567. *Никтелийские святыни* — от имени Вакха Никтелия («ночного бога»).

593. *Евритион* — кентавр, попытавшийся в опьянении похитить невесту на празднике свадьбы Пирифоя и Гипподамии, царицы лапифов; с этого началась битва лапифов с кентаврами.

649. *Бусирид,* расправившийся с кипрским прорицателем Фрасием, и акрагантский тиран *Фаларид* (VI в. до н. э.), которому Перилл изготовил медного быка, чтобы сжигать в нем врагов, и сам стал первой его жертвою.

679. *Феба* и Гилаира, дочери Левкиппа, похищенные Кастором и Поллуксом.

682. *Ликомедова дочь* — Деидамия, родившая Ахиллу Неоптолема.

732. *Дафнис* — сицилийский влюбленный пастух, воспетый Феокритом (идиллия 7).

Книга вторая

6. *Амиклы* — древний пригород Спарты, «копьеносного» города.

21. Рассказ о Дедале и Икаре повторяется в «Метаморфозах», VIII, 152—235.

55. *Тегейская дева* — нимфа Каллисто, превращенная в созвездие Большой Медведицы (см. «Метаморфозы», II, 401—533).

100. *Нарост* на жеребячьем лбу считался приворотным средством.

102. *Марсы* — италийское племя, известное ведовством.

150. *Хаонийский летун* — голубь, названный так, потому что он был священной птицей при додонском оракуле Зевса в Эпире (Хаония).

187. Любовь нелюдимого *Миланиона* к аркадийской охотнице Аталанте и его соперничество с кентавром *Гилеем* были предметом рассказа Проперция в элегии I, 1.

205. *Длинные кости* — кости с очками только на четырех сторонах; худший бросок, при котором все кости показывали одно и то же число очков, назывался «псом».

207. *В «разбойники»* играли стеклянными шашками.

217. Речь идет о пребывании Геркулеса у Омфалы.

233. Ср. «Любовные элегии», I, 9.

255—258. *День Фортуны* — 24 июня; *праздник* служанок — 7 июля, в память о том, как после галльского нашествия латины (а не галлы) подступили к Риму и потребовали в жены

римлянок; вместо римских гражданок к ним вышли переодетые рабыни, справили с ними свадьбу, и после этого в свадебную ночь на латинов врасплох ударили римляне и перебили их.

267. *Амариллида* — пастушка из «Буколик» Вергилия, II, 52; Овидий жалеет, что с буколических времен женщины стали требовательней к подаркам.

297—298. *Тирийское платье* — то есть крашеное финикийским пурпуром; *косское* — из тонкой шелковой ткани.

330. *Сера* и *яйца* — традиционные средства очищения и отвращения бед.

383. *Ласточка* — Прокна.

401—407. *Хрисова дочь* — Хрисеида, *лирнессийская дева* — Брисеида. *Фиестов сын* — Эгисф.

421—423. *Алкафой* — мифический царь Мегары (греческой, *пеласгийской,* а не сицилийской), где рос отличный чеснок; *Гиметская гора* — в Аттике (ср. «Лекарство от любви», 797 сл.).

500. *Всяк да познает себя* — знаменитая надпись на дельфийском храме «Познай самого себя».

517. *Гибла* в Сицилии славилась пчелиным медом.

518. *Древо Минервы* — олива.

541. *Додонское древо* — дуб, по шелесту которого жрецы Зевса давали предсказания.

577. *Мульцибер* — одно из имен Вулкана.

579—588. *Лемнос* — место культа Вулкана, *Кипр* — Венеры, *Фракия* — Марса.

597. *Огонь* и *вода* вручались при официальной брачной церемонии невесте, вступающей в дом жениха.

601—602. Элевсинские таинства Деметры-Цереры (в Аттике) и таинства подземных богов на Самофракии (в Эгейском море) принадлежали к самым почитаемым в Греции.

609—610. *В заповедных ларцах* хранились символы тайных культов, *звоном меди* сопровождались некоторые обряды в восточных мистериях.

657. Образец этих строк Овидия — Лукреций, IV, 1160—1169.

664. *Цензор* в Риме — высшее должностное лицо, составляющее списки полноправных граждан.

700. *Горга* — дочь Алфеи, сестра Мелеагра, упоминается в «Метаморфозах», VIII, 543.

2. *Пентесилея* — царица амазонок, пришедших на помощь Трое.

13. *Оиклид* — Амфиарай, поглощенный землей после поражения в походе семерых против Фив.

19. *Феретов сын* — Адмет, фессалийский царь (Пагасы — гавань в Фессалии), которого заменила в смерти его жена Алкестида.

22. *Ифиада* — Евадна, дочь Ифиса, жена Капанея, одного из «семерых против Фив».

49. *Древний певец* — лирик VI в. до н. э. Стесихор; он написал песнь, оскорбившую Елену, и был наказан слепотой; тогда он написал другую песнь, «палинодию», и прозрел.

119. *Палатин* — холм в Риме, где Августом в ознаменование победы при Акции был построен храм Аполлона Палатинского; там же находился императорский дом.

147. *Киллена* — аркадская гора, где младенец Гермес из черепахового панциря сделал первую лиру.

168. *...у Геркулеса и Муз.* — Римский храм Геркулеса и Муз находился близ Фламиниева цирка.

177. *Ткань* cumatile (от греческого слова «волна») упоминается еще у Плавта.

181. *Пафосские мирты.* — Пафос — центр культа Афродиты на Кипре.

192. *Кефеева дочь* — Андромеда, привезенная Персеем из Эфиопии на остров Сериф.

196. *Мизийский Каик* — река в Малой Азии.

204. *Киднийский шафран.* — Кидн — река там же.

205. *Особая книга* — «Средства для лица», поэма Овидия, начало которой сохранилось.

244. *Благодатная Богиня* — божество римского культа, к которому мужчины не имели доступа (см. «Фасты», V, 148).

252. *Сидонянка* — Европа, дочь финикийского царя Агенора.

270. *Фарос* — остров в александрийском порту; о какой рыбке идет речь, неизвестно.

303. *Умбрская баба.* — Умбрия — горная область в средней Италии.

318. *С нильских берегов* — из Александрии, города, устанавливавшего моды.

323. *Сын, отомстивший за мать...* — музыкант Амфион, сын Антиопы, с братом своим Зетом укрепивший Фивы.

328. *Набла* — многострунный восточный инструмент, на котором играли двумя руками.

329—332. *Косский певец* — Филет, обычно упоминаемый вместе с Каллимахом как зачинатель эллинистической поэзии; *муза теосских пиров* — поэзия теосца Анакреонта (VI в. до н. э.); *Гета* — хитрый раб, традиционный персонаж эллинистической и римской комедии.

343—345. *Три книги* — «Любовные элегии», *послания* — «Героиды».

357. В игре *в «разбойники»* целью было поставить неприятельскую шашку между двумя своими, чтобы снять ее, или запереть ее в углу доски, чтобы она не могла «повторять ходы».

363—364. Игра в «двенадцать линий» напоминала позднейший триктрак.

386. *Вода с девственных гор* — из водопровода Aqua Virgo (Вода-Дева), ведшего к Риму с Апеннин.

391—392. *Строй колоннад* — портики Октавии, Ливии и Агриппы (зятя Августа) в честь побед над Антонием и Секстом Помпеем.

394. *Три театра* в Риме — Помпея, Марцелла и Бальба; затем речь идет об амфитеатре и о цирке.

399. *Амебей* — афинский кифаред III в. до н. э.; *Фамира* — см. прим. к «Любовным элегиям», III, VII, 61—62.

401. *Апеллес* — великий живописец, автор Афродиты Анадиомены (Встающей из волн).

409. Бюст *Энния* был выставлен в склепе Сципионов.

490. *Этнейский перун* — по культу Зевса при Этне в Сицилии.

505. *Паллада* изобрела флейту (античная флейта имела вид гобоя), но отбросила ее, увидев, как раздутые щеки искажают лицо.

517. *Текмесса* — пленная наложница Аянта.

536—538. *Кинфию* воспел в стихах Проперций, *Немесиду* — Тибулл, *Ликориду* — Корнелий Галл, *Коринну* — сам Овидий.

646. *Иберийское* (испанское) вино считалось третьесортным.

725. *Киллений* — Меркурий, рожденный на горе Киллене в Аркадии.

755. За обедами ели руками; пища подавалась к столу, нарезанная на мелкие кусочки.

775. *Аталанта* — охотница славилась быстротой бега, а стало быть, и красотой ног.

783. *Филлейская матерь* — не вполне понятное обозначение вакханки.

790. *Аммон* — оракул Зевса Аммона в Ливийской пустыне.

810. *...на лебединых крылах...* — Лебеди были посвящены Венере.

ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ

47. *Геркулесов потомок* — Телеф (см. прим. к «Любовным элегиям», II, IX, 7—8).

111. *Рожденный Пеантом* — Филоктет, из-за зловонной язвы на ноге брошенный греками в пути к Трое, но через десять лет возвращенный к войску и исцеленный.

155. Речь идет о том походе Цезаря-младшего на Парфию, о котором упоминалось в I книге «Науки любви».

264—271. *Неритийские суда* — суда Одиссея (по названию островка близ Итаки). *Вождь дулихийцев* — Одиссей (по такой же метонимии).

355. *Финеева снедь.* — Пищу царя Финея (см. прим. к «Науке любви», I, 339) расхищали и портили нечистотами хищные гарпии.

366. *Зоил* — софист IV в. до н. э., прославившийся книгой «Бич на Гомера».

375—376. *Котурны* — высокая обувь трагических актеров, *сокки* — плоская обувь комических актеров.

378. *Хромыми* назывались ямбы с ритмическим перебоем в конце, употреблявшиеся в сатирических и шуточных стихах.

383. *Таида*—обычное имя гетеры в эллинистической комедии.

453. *Прокрида,* по малоизвестному мифу, спасаясь от ревности Кефала, бежала к Миносу, а оттуда, спасаясь от ревности Пасифаи *(идейской жены),* бежала обратно к Кефалу.

455. *Брат Амфилоха* — Алкмеон, сын Амфиарая, *Фегида* — Алфесибея, дочь Фегия, первая его жена.

459. *Эдонийский* (фракийский) *тиран* — Терей, муж Прокны.

549. *У Коллинских ворот* в Риме находился храм Венеры Эрицинской, который описывается в «Фастах», IV, 863 сл.

551. *Летейский Амур* (от подземной реки забвения, Леты) — изобретение Овидия.

577. *Палинур* — кормчий Энея, погибший в море.

699. *...похищать... стрелы...* — О том, как Одиссей, вернувшийся домой, хитростью получил свой лук для расправы с женихами, рассказывается в «Одиссее», XXI.

707. *Амиклейская шерсть.* — В Амиклах близ Спарты был центр выделки лаконского пурпура, который, однако, не мог соперничать с финикийским.

721. *Дочь Фестия* — Алфея, мать Мелеагра.

724. Имеется в виду восковое изображение Протесилая, упоминаемое и в «Героидах», XIII, 155.

735. У *Кафарейских* скал на Евбее ложными маяками погубил возвращавшихся из-под Трои ахейцев Навплий, отец Паламеда.

745. *Кноссянка* — критянка Федра.

747. *Гекала* — бедная крестьянка, у которой ночевал Тесей накануне охоты на марафонского быка, героиня знаменитых стихов Каллимаха, сохранившихся лишь в отрывках. *Ир* — итакийский нищий, с которым боролся Одиссей.

778. *Плисфенийский шатер* — так изысканно назван шатер Агамемнона по имени давно умершего брата Агамемнона, Плисфена.

814. *...даров... обетную дань.* — Исцеленные обычно приносили по обету в храм изображения выздоровевших частей тела.

ФАСТЫ

Книга первая

3—12. *Германик* — племянник императора Тиберия, усыновленный им; поэтому *отец* его — Тиберий, *дед* — Август, *брат Друз* — сын Тиберия, одновременно с Германиком воевавший против германских племен.

13. *Цезарь* (здесь и часто далее) — император Август.

20. *Кларосский бог* — Аполлон.

24. Германик был поэтом; его перевод греческой поэмы Арата о небесных явлениях частично сохранился.

28. *...дважды пять месяцев в год.* — По преданию, Ромул установил год в 304 дня (10 месяцев, без января и февраля);

Нума Помпилий удлинил его до 355 дней (12 месяцев, см. ст. 43—44), и, наконец, Юлий Цезарь до 365 и 366 дней (юлианский календарь).

37. *Квирин* — имя обожествленного Ромула; *трабея* — всадническая одежда.

39. *Марсу* посвящался март, *Венере* апрель, *старикам* (maiores) май, *юношам* (iuvenes) июнь, а следующие месяцы назывались: квинтилис («пятый»), секстилис («шестой») и т. д. Об этимологии января и февраля (ст. 43) см. вступления к I и II книгам «Фастов».

45—54. Перечисляются выделяемые в римском календаре дни «судные» и «несудные», «частично судные» и «базарные» («нундины», 9-й день девятидневной недели).

55—58. *Календы* — 1-й день месяца, *ноны* — 5-й или 7-й, *иды* — 13-й или 15-й.

79—82. *Тарпейские башни* — крепость на Капитолии, куда шли с молитвой новоназначенные консулы. *Фаски* (фасции) — пучки прутьев с секирой внутри, знаки консульской (и иной магистратской) власти. *Слоновой костью* были отделаны «курульные» кресла высших магистратов.

103. *Хаосом звали меня...* — Здесь для имени Януса и потом для имен других богов Овидий предлагает ряд этимологий, обычно фантастических и в значительной части не переводимых.

229. *Монета* — медный асс.

233. *Тускская* (этрусская) *река* — Тибр; на левом берегу его (ст. 242) был выстроен Рим.

260. *Татий* — сабинский царь, в войне с Ромулом сумевший подкупом овладеть Капитолием; он назван «эбалием» («спартанцем»), потому что сабины считали спартанцев своими предками.

266. *Сатурнова дочь* — Юнона, враждебная Риму.

291. *Дитя* — Эскулап, именем которого назван тибрский остров.

365. *Лазурная мать* Аристея, начинателя пчеловодства,— морская нимфа Кирена.

387. *...лань заклали...* — Миф об Ифигении в Авлиде.

389—390. *Сапеи* и жители *Гема* (Балкан) — фракийские племена.

391. *Сторож сел* — здесь: Приап, бог плодородия, описанный в ст. 400.

412. *...эти — тебя...* — Пана, чьим атрибутом был сосновый венок.

440. *Бог Геллеспонтских пучин* — Приап, центром культа которого был город Лампсак на Геллеспонте.

461—464. *Аркадская богиня*, «чье имя исходит от песен» (carmen — «песня», также «заклинание»),— Кармента, мать легендарного царя Эвандра; *сестра Турна* — нимфа Ютурна; *Девы вода* — см. прим. к «Науке любви», III, 386; водопровод был проложен близ Марсова поля при Августе.

478. *Паррасийский очаг.*— Паррасии — племя в Аркадии.

490. *Аонийская земля* — Беотия, где финикиец Кадм основал Фивы.

501. *Тарентские топи* — место на Марсовом поле.

520. *Война* между троянцем («дарданцем») Энеем и рутулом Турном, в которой погиб сын Эвандра Паллант, описана в «Энеиде».

533. *Бог* — Юлий Цезарь, *сын* — Август, *внук* — Тиберий.

536. *Юлия Августа* — имеется в виду Ливия, вдова Августа, еще живая в пору написания «Фастов».

543—547. *Герой, Тиринфский погонщик* — Геркулес, угнавший у Гериона из *Эрифеи* (Испании) его стадо. *Тегейский дом* — то есть аркадский (Тегея — город в Аркадии).

573. *Тифоэй* — Тифон, огнедышащий гигант, погребенный под Этной.

591. *Восковые подобия* — маски предков, которые хранились в *атриях* (главных комнатах) домов римской знати.

592—611. Перечисляются прозвища различных римских полководцев и родов, в том числе Друза Старшего, отца Германика; по «ожерелью» звались Торкваты, по «ворону» — Корвины, «высшими» — Фабии Максимы; имя же «Август» происходило от корня «священный». «Авгурия» — птицегадание; этимология ложная.

619. *Карпента* — крытая двухколесная повозка.

633. *Поррима* — от «porro» — «вперед»; *Поствертa* — «обращенная вспять».

638. *Белый храм* — храм Юноны Монеты на Капитолийском холме; возле лестницы, ведущей к нему, располагался храм Конкордии (Согласия), построенный Фурием Камиллом в IV в. до н. э. и отстроенный Тиберием из германской добычи.

658. *Сементины*—«праздник посева», с передвижным сроком.

706. *Храм* Кастора и Поллукса, построенный Тиберием.

709. *Алтарь Мира* на Марсовом поле, поставленный Августом в 13 г. до н. э.; победа его над Антонием при Акции (ст. 711) положила конец гражданским войнам.

Книга вторая

21. *Фламины* — коллегия 15 жрецов во главе с фламином Юпитера; *понтифики* — коллегия жрецов, следивших за обрядами.

31. *О луперках* см. ст. 267 сл.; о Фералиях — ст. 533 сл.

39—43. *Акторид* (Патрокл) очищался от невольного убийства мальчика-товарища, *Пелей* (отец Ахилла) — своего брата Фока, *Фасианка*, то есть колхидянка, Медея — своих детей, *сын Амфиарая* Алкмеон — своей матери Эрифилы.

49. *...последним был месяцем года...* — Февраль, посвященный манам и *Термину* (богу окончания), предшествовал январю (месяцу Януса), как последний месяц года, и лишь потом был переставлен после него.

52. *Маны* — души умерших.

89. *Палладина птица* — сова.

91. *Кинфия* — Диана, сестра Феба.

127. *Отче отчизны.*— Отец отечества — официальный почетный титул Августа.

135. *Куры* в сабинском царстве Татия и *Ценина* в Лации — мелкие города, покоренные Ромулом.

142. *...первоначальствует он.*— «Первоначальник» (принцепс) — официальный титул Августа.

145. *Юнец* с троянской горы Иды — Ганимед, отождествляемый с созвездием Водолея.

153. *Медведицы Сторож* — звезда Арктур. Миф о Каллисто подробнее рассказан в «Метаморфозах», II, 409—507.

192. *Не допускать до... вод.*— В северных широтах Медведица не погружается в море, то есть не закатывается за горизонт.

196. *Триста шесть Фабиев.*— Род Фабиев один воевал с этрусским (тирренским) городом Вейями (V в. до н. э.) и был почти поголовно истреблен в один день.

237. *Геркулесово семя.*— Фабии считали своими предками Геркулеса и Эвандра.

241. *Максим* — Фабий Кунктатор («Медлитель»), герой войны против Ганнибала.

273—276. Перечисляются местности в Аркадии.

281. *Пеласги* — древнейшее население Греции.

283—284. В праздник Луперкалий жрецы Фавна бегали обнаженными по городу, начиная от Луперкаля (места, где, по преданию, Ромул и Рем были найдены волчицей), и били сыромятными бичами по встречным и по земле; эти удары сулили плодовитость.

305. *Госпожа* Геркулеса — лидийская (меонийская) царица Омфала.

375—378. *Фабии, Квинтилии* — две коллегии луперков.

423—424. Греческое название «Ликей» и латинское «Луперкаль» одинаково происходят от корня «волк».

449. *Луцина* — богиня-родовспомогательница (этимологии от «lucus» — «роща» и от «lux» — «свет») — отождествлена здесь с Юноной.

530. *Курия* (во главе с жрецами-курионами) — религиозное объединение нескольких родов.

568. В элегическом дистихе (гексаметре и пентаметре) одиннадцать стоп.

572. *Тацита* — богиня молчания, отвратительница дурного слова.

600—601. *Болтунья* — по-гречески «Лала». *Альмон* — приток Тибра.

627. *Внуки Тантала* — Атрей и Фиест; *жженые семена* давала крестьянам Ино, мачеха Фрикса и Геллы.

663. *Фирейская земля* — округ города Фиреи в Лаконии. В войне Спарты и Аргоса за Фирею исход должны были решить два отряда по триста человек; все погибли, но единственный уцелевший спартанец *Офриад* поставил столб с оружием *(трофей)* в знак спартанской победы.

679—680. *Лаврент* — древняя столица Лация. На Лаврентском берегу высадился в Лации Эней.

717. *Брут* означает «тупица». Легенда придумана в объяснение этого имени.

733. *Коллатин* — царский родственник, муж Лукреции.

861. *Градив* — одно из имен Марса.

55—56. Акка *Ларентия* и *Фавстул* — старик и старуха, нашедшие и воспитавшие Ромула и Рема.

81—84. *Кекропиды* — афиняне; *Ипсипильская земля* — Лемнос; *Меналийская страна* — Аркадия.

89—96. *Альбанцы, фалиски* и т. д. — латинские племена; *Телегоном,* сыном Одиссея, был основан город Тускул.

108. *Киносура* — Малая Медведица, *Гелика* — Большая Медведица.

131. *Тиции, рамны, луцеры* — три древнейшие римские трибы (племени), делились каждая на десять курий, каждая курия — на десять родов.

147. *...до войны с... пунийцем...* — Начало государственного года стало постоянно считаться с 1 января только во II в. до н. э.

153. *Самосец* — Пифагор Самосский, учивший о переселении душ.

165. Вернее, к четвертому: римляне включали в счет промежутков и точку отсчета.

171. *Маворс* — одно из имен Марса.

200. Праздник Конса Овидию предстояло описывать под 21 августа.

206. *Невестка моя* — жена Ромула.

255. Праздник Матроналий был посвящен Юноне Луцине (см. прим. к II, 448).

260. *Салии* («прыгуны») — жреческая коллегия, посвященная Марсу.

264. *Озеро* Неми с храмом Дианы в Арицийской роще (см. прим. к «Науке любви», I, 259).

265. *Ипполит,* погубленный клеветою Федры, был, по италийской легенде, воскрешен Асклепием и перенесен сюда под именем Вирбия.

340—343. Луковицы, человеческие волосы и рыбы были средством умилостивить громовые удары.

426. *Веста* считалась сестрой Сатурна, а Август (через род Юлиев, Венеру и Юпитера) — потомком Сатурна.

430. *Ведийов* — одно из имен Юпитера; храм ему стоял между двумя вершинами Капитолия.

450—456. *Конь* — созвездие Пегаса; *Аония* — Беотия, где источник Гиппокрена на Геликоне считался выбитым его копытом.

522. *Целий* — один из семи римских холмов.

559. *Анна* — сестра Дидоны (Элиссы); отождествление с нею Анны Перенны, италийской богини благополучного года,— домысел римских ученых.

567. *Косира* — ныне остров Пантеллерия, *Мелита* — Мальта.

611. *Киферейский герой* — Эней, сын Венеры-Киферeи.

647. *Нумиций* — речка в Лации; рога — обычный атрибут речных богов.

664. *Бегство* — выселение плебеев из Рима на Священную гору в 494 г. до н. э., в результате которого плебс получил право выбирать народных *трибунов.*

697. Юлий *Цезарь* был убит 15 марта 44 г. до н. э.

707. *Филиппы* — место поражения и гибели Брута и Кассия, убийц Юлия Цезаря.

721. *Фивянка* — Агава, растерзавшая в вакхическом безумии своего сына Пенфея, противника Вакха. Фракийский царь *Ликург* и *тирренские* морские разбойники, обращенные в дельфинов,— образцы наказаний за непочтение к Вакху.

737—739. *Гебр, Родопа, Пангей* — места во Фракии, на пути Диониса из Азии в Европу.

769. *Мачеха* — Юнона, преследовавшая Вакха, сына Семелы.

771. *Вольная тога* (этимологизация со словом «Либер» — «вольный») — знак совершеннолетия.

792. *Аргеи* — название 27 мест в Риме, отведенных для жертвоприношений.

793. *Медведица* — Каллисто была дочерью Ликаона.

813. *...кровава бывает арена...*— Речь идет о гладиаторских сражениях; ср. «Скорбные элегии», IV, 10, 13.

824—825. *Тихий* — кожевник, упоминаемый в «Илиаде», VII, 219—223; *Эпей* — имя строителя троянского коня.

829—830. *Учителя* собирали в Квинкватрии плату с учеников.

852. *Фриксова овна руно.*— Солнце вступает в знак Овна, спасшего детей Нефелы от их мачехи *Ино,* царицы Фив (ст. 859).

1. *Оба Эрота* — «Любовь» и «Противолюбовь», философские аллегории.

22. *...ты в род... вошел.* — В апреле Август был усыновлен Юлием Цезарем и вошел в род Юлиев, потомков Венеры.

62. *...имя от пены...* — Афродита — от греческого слова «афрос», «пена».

64. *Великой Грецией* называлась южная Италия из-за обилия греческих колоний; там и сложились легенды о греческом основании италийских городов, перечисляемые далее.

68. *Альбула* — первоначальное название Тибра.

69. *Неритий* — Одиссей (Нерит — холм на Итаке); в Италии локализовалась его встреча с Цирцеей и с лестригонами, царь которых Лам считался основателем латинского города Формий.

87. Обычная этимология слова «апрель» — от aprire, «открывать».

134. *Вы, кто ни лент...* — публичные женщины, которые совершали 1 апреля омовение статуи Венеры, мылись в мужских банях и приносили жертвы Мужской Фортуне.

169. *Отец* Плеяд — Атлант, держащий небо.

181. *Берекинтская флейта* — с фригийской горы Берекипт, культового центра Матери Богов — Кибелы, отождествляемой с Реей, женой Сатурна.

191. *Внучки Кибелы* — Музы, дочери Юпитера.

255. *Пятый век.* — Первое обращение в Риме к «Сивиллиным книгам» — в 549 г. от основания Рима (204 г. до н. э.).

257. *Евбейские заветы.* — Кумы, откуда в Рим пришла Сивилла, считались колонией Евбеи.

288. *Бронт, Акмонид и Стероп.* — Имена трех киклопов, кующих в сицилийской («тринакрийской») Этне молнии для Юпитера.

305. *Клавс,* родоначальник Клавдиев, — сабинский союзник Энея, упоминаемый в «Энеиде».

347. *Назика.* — Сципион Назика, консул 191 г. до н. э.; ему было поручено принять богиню в Риме; храм ей был построен в том же 191 г.

373. *Паллантова дочь* — Аврора.

380. *Юба* — царь нумидийский, разбитый Цезарем при Тапсе в 46 г. до н. э.

423. *Аретуса* — нимфа одноименного источника в Сиракузах.

449. *Дит* — другое имя Плутона, брата Юпитера (*дядя* Персефоны, ст. 445).

465—480. Перечисляются сицилийские местности.

499. *Харибда* локализовалась в Занкле (Мессане), а Сцилла (превращенная в чудовище дочь Ниса) — на противоположной стороне Мессинского пролива.

577. *Звезды Паррасии* — Большая Медведица, она же — аркадийская (паррасийская) Каллисто.

605. *Жезлоносец* — Меркурий.

612. *Тенар* считался входом в аид.

628. *Враги* — Антоний и его сторонники, разбитые Октавианом при Мутине в 43 г. до н. э.

650. *Меналийское* (аркадское) *божество* — Пан.

675. *Императора званье* (то есть званье победоносного полководца) — двадцатилетний Октавиан получил по случаю битвы при Мутине.

720. *Юнона* ненавидит телиц, помня об Ио, и быков, помня о Европе.

791. *...теряет изгнанник...* — «Лишение огня и воды» — формула приговора к изгнанию; огонь и вода играли роль также и в свадебном обряде.

807—808. *День основания Рима* был приурочен к древнему, еще доримскому, сельскому празднику Парилий.

873. *Клавдий Марцелл* — выдающийся полководец во II Пунической войне; взятие Сиракуз — 212 г. до н. э.

Книга пятая

7. *Аганиппа* и *Гиппокрена* — источники Муз на Геликоне.

68. *Поближе к стене* — на почетном месте при прогулке.

89. *Ладон* — река в Аркадии, северо-западнее горы *Менала.*

97. *Герой нонакрийский.* — Нонакрия — городок в Аркадии.

100—103. *Крылоногий бог, хранитель воров, первый лирник* — Меркурий.

113. *Козочка* — звезда Капелла (что значит «Коза»); *Олен* — древний город в Ахайе.

117. *Дикта* — гора на Крите, где рос младенец Юпитер.

127. *Рог* козы Амалфеи считался «рогом изобилия».

145. Август разделил Рим на 265 кварталов и в каждом поставил часовню двух Ларов; третьим при них стали ставить изображение самого Августа.

148. *Добрая Богиня* — см. прим к «Науке любви», III, 244.

155—157. *Род Клавсов* — Клавдии. *Ливия* — жена Августа.

159. *Рожденная Гиперионом* (Солнца) — Аврора.

161. *Аргест* — северо-западный ветер.

165. *Гиады* — группа звезд, образующая «рога» в созвездии Тельца.

183. *Мать цветов* — Флора, чей праздник продолжался с 28 апреля по 3 мая.

223—227. *Ферапнеец* — Гиацинт, сын спартанского (ферапнейского) царя, превращенный в цветок (см. «Метаморфозы», X, 162—219). *Крокус* — юноша, превращенный в цветок шафрана (там же, IV, 283). *Сын Кинира* — Адонис (там же, X, 710—739).

287—294. *Публиции,* Луций и Марк — эдилы 240 г. до н. э.; *Публициев склон,* вымощенный ими,— въезд на Авентинский холм.

305—307. *Фестиад* — Мелеагр, внук Фестия по матери; *Танталид* — Агамемнон, правнук Тантала по отцу, в Авлиде оскорбивший Артемиду.

329. *Постумий и Лена* — консулы 173 г. до н. э.

390. *Внук Эака* — Ахилл, *сын Юпитера* — Геркулес. Геркулес вел войну против троянского царя Лаомедонта, Ахилл против сына его Приама.

441. *Темесская медь* — из Темесы в южной Италии.

491. *Три дня.*— Лемурии справлялись 9, 11, 13 мая.

532. Орион родился из воловьей шкуры, в которую помочились три бога.

535. *Урион* — от греч. «урео» — «мочусь».

552. *Храм* Марсу Мстителю был построен Августом в честь своей мести за Юлия Цезаря, но освящен не в мае, а в августе: ошибка Овидия.

580. *Рима знамена.*— Выдача Августу парфянами (в 20 г. до н. э.) знамен, захваченных ими при победе над Крассом в 53 г., торжествовалась как большая победа.

605. *Тирийка* — Европа.

619. *Фаросская телка* — Ио-Исида.

630. На Левкаде каждый год сбрасывали со скалы человека в жертву богам.

633. *Помосты*...— те, по которым народ на выборах проходил в огороженное место для голосования.

647. *Паллантский герой* — Эвандр, чья родина — Паллантий в Аркадии.

699—718. *Феба* и Гилаира, дочери *Левкиппа,* просватанные за *Ида* и *Линкея,* были похищены *конником*-Кастором и кулачным *бойцом* Поллуксом, сыновьями Леды и Тиндара, сына Эбала. Поллукс, бессмертный, поделился своим бессмертием со своим смертным братом.

727. *К. Ц. Н. О.*— древнее сокращение слов «Когда царю надлежит обрядствовать»; оно допускает для Овидия также расшифровку «Когда царь народом отвержен».

Книга шестая

34. Храм Юноны стоял рядом с храмом Юпитера на Капитолии (Тарпее).

35. *Блудница* — Майя, мать Меркурия, соперница Юноны.

42. *Дардан,* предок троянских царей,— сын Зевса от плеяды *Электры*; среди его потомков — и Ганимед и Парис.

47—48. *Спарта, Аргос, Микены, Самос* — места культа Геры в Греции.

59—62. В *Ариции* и в *Пренесте* июнь назывался «юнонием».

65. *Жена Геркулеса* — Геба, богиня юности.

129. *Колючка белого цвета* — белый терновник, считавшийся отворотным средством.

143. *Прока* — древний италийский царь, упомянут в IV, 52.

176. *Птицы,* воюющие с африканскими пигмеями,— журавли.

185. *Манлий* Капитолийский, герой войны с галлами в 390 г. до н. э.; в 384 г. был обвинен в стремлении установить тиранию и казнен.

193. *Святилище* — храм Бури, освященный после завоевания Корсики в 259 г. до н. э.

201—204. *Беллона* — богиня войны. Ее храм построен Аппием Клавдием Слепым в 296 г. до н. э. после победы над самнитами и этрусками; потом, в 280 г., когда Пирр Эпирский предложил римлянам почетный мир, Аппий прославился тем, что убедил сенат продолжать войну до победного конца.

207. *...войну начинали...* — При объявлении войны жрец-фециал должен был подойти к границе и метнуть копье с римской стороны на неприятельскую. Когда границы отодвинулись далеко от Рима, «неприятельской землей» стала условно считаться полоска земли близ храма Беллоны.

210. *Евбейский оракул* — см. прим. к IV, 257.

213. *Семон Санк* (Дий *Фидий*) — древнейший италийский бог неба и молнии.

235. *Ликаон* — Арктур, вознесенный в небо сын Каллисто — Медведицы, едва не убивший на охоте свою мать.

243. *Гибель консула* Фламиния при Тразименском озере в 217 г. до н. э.

259 сл. *Кроткий царь* — Нума Помпилий. Храм Весты был круглым в плане.

278. *Шар* — модель планетной системы, будто бы построенная Архимедом.

319. Повторение мифа из I, 391—440.

351. *Капитолий* был осажден галлами в 390 г. до н. э.

364—365. *Старцы* — сенаторы, отказавшиеся покинуть Рим; *дары Трои* — статуя Паллады, изображение Матери Богов, скипетр Приама и другие реликвии, хранившиеся в храме Весты.

403. *Озеро Курция* — пересохший колодец на римском форуме, место религиозного почитания.

409. *Бог* — Вертумн («Поворотник»).

423. Овидий был на месте древней Трои в юношеской поездке по Греции и Малой Азии.

425. *Сминфей* — прозвище Аполлона.

433. *Потомок Адраста* — Диомед; по одному сказанию, Палладий был похищен им и Улиссом, по другому — спасен Энеем.

438. *Храм загорелся...* — Пожар храма Весты в 241 г. до н. э. при понтифике Метелле.

461. *Каллаики* (галики в совр. Галисии) — испанское племя, покоренное Децимом Брутом в 138—137 гг. до н. э.

476. *Фивянка* — Матерь Матута, отождествляемая с дочерью Кадма — Ино; храм ее был на «Бычьем форуме» в Риме.

519. *Этейский герой* — Геркулес (по месту его смерти на горе Эте).

563—568. *Рутилий* Луп и затем *Дидий* погибли во время войны с восставшими италиками в 90 и 89 гг. до н. э.

582. Сервий *Туллий* — шестой римский царь; дочь его Туллия вышла за Тарквиния Гордого (для этого она убила своего мужа, а он жену) и побудила его убить Сервия и захватить власть.

627, 629. *Окрисия* — пленница-служанка царицы *Танаквиль*, жены предшественника Сервия Туллия, волшебницы.

640. *Дворец* — дом Ведия Поллиона, один из роскошнейших в Риме; был завещан Августу, но Август снес его и построил на этом месте портик императрицы Ливии.

651. О Больших Квинкватриях см. выше, III, 809 сл.

665. Рассказ о том, как обиженные флейтисты выселились в Тибур и были хитростью, пьяные, возвращены в Рим, вошел даже в «Историю» Тита Ливия (IX, 30). Осудил их на изгнание цензор 312 г. до н. э. Аппий Клавдий Слепой, а помог вернуться его коллега Плавтий.

703. *Сатир* — Марсий.

711. *Додонская Гиада* — Фиона, нимфа Додонской рощи.

712. *Сестра Кадма* — Европа.

717—719. *Отец Гелиад* — Солнце; сын *Гириея* — Орион.

721. *Эквы, вольски* — племена, жившие невдалеке от Рима и побежденные Постумием Тубертом при горе Альгиде (431 г. до н. э.).

729. *Невестка* Лаомедонта (отца Тифона) — Аврора.

731. *Сумман* — бог ночного неба, один из обликов Юпитера.

735—746. *Юноша* — Эскулап. Созвездие Змееносца — обожествленный после удара Юпитеровой молнии Эскулап (*сын Корониды* и Аполлона).

750. *Главк* — юноша, оживленный Эскулапом с помощью травы, которой на его глазах одна змея оживила другую.

765. *Тразимен*. — Поражению 217 г. до н. э. при Тразименском озере предшествовали дурные приметы.

776. *Храм* Фортуны был поставлен царем Сервием Туллием, сыном рабыни Окрисии (см. выше, VI, 626).

793. *Храм* Юпитера Статора («Остановителя») был по обету поставлен Ромулом, когда ему удалось удержать свое бегущее войско.

800. *Мачеха* — Юнона, уступившая место для Геркулеса в храме Муз; храм этот был отстроен Марцием Филиппом, мужем Атии, тетки Августа, потомком римского царя Анка Марция. Дочь его Марция была замужем за Фабием Максимом, другом Овидия.

М. Гаспаров

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга первая

ЭЛЕГИЯ I

5. *Красным тебя покрывать...*— Далее следует подробное описание книги-свитка: он заключен в кожаный футляр, окрашенный алым соком ягод *вакцинии;* первая его строка с именем автора и названием произведения написана *минием* — красной киноварью; папирусные страницы натерты кедровым маслом для предохранения от тления и от червей; палочка, на которую навертывали свиток, украшена по концам *рожками* из белой слоновой кости; *обрезы* лощились *пемзой*, чтобы из них не торчали волокна.

70. *Холм* — Палатин.

114. *Эдип* и *Телегон,* сын Одиссея и Цирцеи,— отцеубийцы по неведению.

ЭЛЕГИЯ III

48. *Нимфа аркадская* — Каллисто (Большая Медведица).

75. *Метий* Фуфетий — вождь альбанцев, предавший своих союзников римлян и за это казненный: его привязали к двум колесницам и разорвали, пустив коней в разные стороны.

ЭЛЕГИЯ VI

1—2. *Антимах* — поэт IV в. до н. э., написавший дистихами поэму «Лида» в память своей умершей возлюбленной. *Косский певец* — Филет (IV в. до н. э.), родоначальник буколического жанра, воспевший свою возлюбленную *Биттиду.*

25. *Августейшая подруга* — Марция (см. прим. к «Фастам», VI, 800).

ЭЛЕГИЯ VII

18. *Фестиада* — Алфея.

ЭЛЕГИЯ IX

28. *Фоант* — царь тавров (см. «Письма с Понта», III, 2).

34. *Эвриал* и *Нис* — персонажи «Энеиды» Вергилия; когда Эвриал погиб, Нис бросился на врага, чтобы отомстить за него, и был убит.

Книга вторая

ЭЛЕГИЯ ЕДИНСТВЕННАЯ

24. *Мать* — Кибела, праздник в честь которой — Опалии — Август повелел праздновать ежегодно 19 сентября.

25. *Игры* — Столетние игры, устроенные Августом в 17 г. до н. э. Эти игры должны были устраиваться раз в сто десять лет. Для них Гораций написал «Юбилейный гимн», посвященный Аполлону и Диане.

90. *Смотр* — возобновленный Августом ежегодный смотр всаднического сословия, проводимый 15 июля самим императором.

93—95. Овидий занимал три государственные должности: он был одним из «triumviri capitales» — надзирателей за тюрьмами, одним из «centumviri» — членов коллегии из ста судей, и «unus iudex» — «единственным судьей», чем-то вроде третейского судьи, выбиравшегося по соглашению тяжущихся сторон.

129. *...достоянья меня не лишил...* — К Овидию была применена самая мягкая мера наказания — высылка без конфискации имущества и лишения прав гражданина. Чтобы применить более строгую меру, нужно было решение суда или эдикт сената.

165—168. *Сын* — Тиберий, *внуки* — Друз, сын Тиберия, и Германик, племянник Тиберия, усыновленный им.

176. *Там* — на северном побережье Адриатики, где Тиберий подавлял восстание паннонцев и иллирийцев.

226. *Ретия* — область в Альпах (на территории нынешнего Тироля и кантона Граубюнден), покоренная Тиберием в 15 г. до н. э. В те же годы шло постепенное присоединение к Риму земель Северной Фракии.

229. *Потомок* — Тиберий, совершивший походы в Германию в 8 г. до н. э. и в 4—6 гг. н. э.

246—250. *В первой книге* — «Наука любви», I, 31—34.

259. *«Анналы»* — поэма Энния, в первой книге которой был рассказ о рождении Ромула и Рема.

261. *Рода Энеева мать* — начальные слова поэмы Лукреция «О природе вещей».

300. *Иасион* — сын Юпитера, возлюбленный Цереры.

359. *Аттий* (Акций) — см. прим. к «Любовным элегиям», I, XV, 9—30.

363. *Старец теосский* — Анакреонт.

367. *Баттиад* — Каллимах.

379—380. *Странник* — Одиссей, любимый Калипсо и Цирцеей.

385. *Танталид* — Пелоп, *дева из Писы* — Гипподамия; далее даются аллюзии на мифы о Медее, о Филомеле и Прокне, об Атрее и Фиесте, о Беллерофонте — *смирителе Химеры,* об Агамемноне и Кассандре, о Гипермнестре, *Данае*, Семеле, Антигоне, Алкмене, *зяте Пелия* Адмете, Простесилае, Деидамии, Ганимеде, спутнике Геракла в походе аргонавтов мальчике *Гиле*.

409. *Трагедии вид* — «гиларотрагедия», пародировавшая высокую трагедию на мифологические сюжеты. Автором гиларотрагедий был тарентинский поэт Ринфон (III в. до н. э.).

413. *Аристид* — автор сборника непристойных новелл «Милетские рассказы», переведенный на латинский язык Корнелием Сизенной (I в. до н. э.).

415—416. *Евбий* из других источников не известен. *«Сибарида»* — сборник скабрезных рассказов некого Гемифея, современника Овидия.

433—436. *Тицида, Цинна, Катон* (I в. до н. э.) — римские поэты круга Катулла и Кальва. *Меммий,* Гай (I в. до н. э.) — политический деятель, сперва помпеянец, затем сторонник Цезаря. Писал эротические стихи, был связан с Лукрецием, посвятившим ему свою поэму. *Ансер* — эротический поэт, друг триумвира Марка Антония. *Корнифиций* — сподвижник Цезаря, после его смерти — противник триумвиров; был известен и как поэт, автор эпиллия «Главк».

439. *Тот поэт* — Варрон Атацинский.

447—460. Эти строки являются комбинацией стихов и полустиший из элегий Тибулла.

477. *Разноцветным бойцам* — шашкам при игре в «разбойники».

508. *Претор* оплачивал актерам и авторам мимов представления, которые устраивались для народа на государственный счет.

519. *...поэмы на сцене...* — Во время таких представлений чтец декламировал под музыку текст, а мим жестами и ритмическими телодвижениями изображал переживания и действия героев. Таким образом были представлены на сцене «Героиды».

527. *Венера* — Венера Анадиомена Апеллеса.

534. *«Мужа и брани его»* — первые слова «Энеиды»; *тирское ложе* — любовь Дидоны.

553. *Нечто...* — несохранившуюся трагедию «Медея».

Книга третья

ЭЛЕГИЯ I

27—30. Имеются в виду форумы Юлия Цезаря и Августа, Священная дорога, храм Весты с поддерживаемым весталками вечным огнем и статуей Паллады, якобы перенесенной из Трои, куда она упала с неба, и примыкавший к храму дом Нумы Помпилия.

35—42. Вход в дом Августа украшен *дубовым венком*, который давался за спасение гражданина; этим венком Август был награжден в 27 г. до н. э. У входа стоит *лавр* — дерево Аполлона; близ храма Аполлона *Левкадского* произошла битва при Акции.

60. *Храм* — палатинский храм Аполлона; между его колонн стояли статуи Данаид, а в храме находилась библиотека.

67. *Блюститель хранилищ* — знаменитый грамматик, вольноотпущенник Августа Гай Юлий Гигин.

69. *Другой храм* — храм Свободы, где в 39 г. до н. э. была открыта первая в Риме публичная библиотека.

ЭЛЕГИЯ III

62. *Старец самосский* — см. прим. к «Фастам», III, 153.

ЭЛЕГИЯ IV

19. *Эльпенор* — кормчий Одиссея, спросонья упавший с крыши дома Цирцеи.

47. *Эти простертые...* — некоторые издатели Овидия считают, что с этой строки начинается отдельная элегия.

49. *Босфор* — здесь Босфор Киммерийский — Керченский пролив.

ЭЛЕГИЯ VII

1. *Перилла* — лицо неизвестное.

ЭЛЕГИЯ XII

3. *Тот, кто вез...* — Овн; в созвездии Овна солнце находится во время весеннего равноденствия.

22. *Девственная влага* — вода водопровода Aqua Virgo, питавшая купальню на Марсовом поле, где происходили воинские упражнения, см. прим. к «Лекарству от любви», 386.

24. *Три форума* — Римский форум, форумы Юлия и Августа; *три театра* — см. прим. к «Науке о любви», III, 394.

Книга четвертая

ЭЛЕГИЯ I

31. *Дулихийцы* — спутники Одиссея (по имени острова близ Итаки). О пребывании их у лотофагов см. «Одиссея», IX, 82 сл.

ЭЛЕГИЯ X

Основные факты, сохраненные Овидием в элегии, подробно освещены во вступительной статье, к которой мы и отсылаем читателей.

43. *Макр* — Эмилий Макр, автор поэмы о птицах «Орнитология» и поэмы «Териака» — о змеиных укусах и лекарствах от них.

47. *Басс* — поэт, друг Проперция; *Понтик* — поэт, автор эпической поэмы «Фиваида».

Книга пятая

ЭЛЕГИЯ I

48. *Флейта* по обычаю сопровождала похоронное шествие в Риме.

ЭЛЕГИЯ III

1. *...тот день* — праздник Либералий (17 марта), который поэты, входившие в одну «коллегию», отмечали пирами.

29. *Полководец* — Капаней.

42. *Венец критской супруги* — созвездие Венец Ариадны.

ЭЛЕГИЯ XII

12. Речь идет о Сократе, приговоренном к смерти афинским судом. В ожидании казни он пытался положить на музыку басни Эзопа.

15. Дельфийский оракул признал Сократа мудрейшим из смертных.

ПИСЬМА С ПОНТА

Книга первая

I. Бруту

Адресат этого письма из других источников неизвестен.

23—24. *Антоний* (триумвир, враг Августа) написал книгу о винопитии; *Брут*, один из убийц Цезаря, был известным оратором и философом, автором многих сочинений.

II. Фабию Максиму

Адресат — друг Августа, консул 11 г. до н. э., муж Марции, сводной сестры Августа.

39. *Титий* — великан, несущий в Аиде наказание за не-

честье: он распластан на земле, и два коршуна каждый день терзают его вновь и вновь отрастающую печень.

78. *Кровавый кумир* — статуя Дианы Таврической, которой приносили человеческие жертвы, согласно мифу об Ифигении.

119. *Теромедонт* — скифский царь, которого охраняла свора кровожадных львов.

141. *Клавдия* — см. «Фасты», IV, 305 сл.

V. Котте Максиму

Адресат — политический деятель, оратор и поэт, младший сын сподвижника Августа Мессалы, покровителя Тибулла и других поэтов. К нему же написано письмо III, 2.

21. *Гебр* — река во Фракии, *Ликс* — в Северной Африке.

79. *Сиена* — современный Асуан.

Книга третья

II. Котте Максиму

105. *Волез* — знатный сабинянин времен Ромула, родоначальник Валериев, к роду которых принадлежали Валерий Мессала и Котта.

106. *Нума* Помпилий был отцом Кальпа, родоначальника рода Кальпурниев, к которому принадлежала мать Котты.

107. *...прибавилось прозвище Котты...* — Котта принял это имя, когда был усыновлен своим дядей.

III. Фабию Максиму

41—43. *Эвмолп* — фракиец, сын Нептуна и Хионы, учредитель Элевсинских мистерий, таинствам которых обучил его Орфей. *Олимп* — знаменитый фригийский флейтист, ученик сатира Марсия. Кентавр *Хирон* обучал Ахилла игре на лире и другим искусствам.

79—80. Венера послала Амура по просьбе Юноны и Минервы в Колхиду, чтобы воспламенить Медею любовью к Ясону.

87. *В день, когда...* — В день триумфа Тиберия после победы над германцами в 13 г. н. э.

IV. Руфину

Адресат письма из других источников не известен. Речь идет о поэме, которую Овидий написал по случаю Паннонского триумфа Тиберия осенью 12 г. н. э.

88. *...будешь ты, Рейн, покорен!* — В 13 г. Германик возглавил римские войска в Германии.

Книга четвертая

II. Северу

Адресат письма — вероятно, Корнелий Север, поэт, друг Овидия, упоминающего его как автора поэмы о латинских царях.

10. *Триптолем* — любимец и спутник Цереры. *Алкиной* — царь феаков, хозяин волшебных садов (см. «Одиссея», VII, 112—132).

37. *Кораллы* — одно из причерноморских племен, обитавшее в Нижней Мёзии (нынешняя территория Болгарии).

III. Непостоянному другу

37—41. *Крез* — лидийский царь, побежденный Киром и помилованный им на месте казни. Дионисий Младший — тиран Сиракуз, был свергнут, бежал в Коринф, где жил заработком школьного учителя. *Великий* — Помпей, разбитый Цезарем и бежавший в Африку.

45—48. *Марий*, победитель германского племени *кимвров,* вторгшегося в Италию, и нумидийского царя *Югурты*, был вынужден, после нападения на Рим его политического противника Суллы, бежать и скрываться в Помптинских болотах.

54. *Антикира* — город в Фокиде, прославленный своей чемерицей, которая считалась у древних лекарством от безумия.

VII. Весталису

Адресат письма — офицер 4-го скифского легиона, принимавшего участие в завоевании города Эгиса на нижнем течении Дуная. Эгис был в 12 г. захвачен гетами, но затем отвоеван с помощью римлян союзным с ними фракийским племенем.

5. *Внук альпийских царей* — Весталис был в родстве с Юлием Коттием, которого Август признал властителем нескольких альпийских племен.

15. *«Первый метатель копья манипула первого»* — командир первого подразделения римского легиона, второй после командира легиона офицер.

27. *Вителлий* — очевидно, Публий Вителлий, занимавший при Тиберии важные военные должности.

41. *Аякс.* — О «битве у кораблей» см. «Илиада», XV, 414—745.

VIII. Суиллию

Адресат письма — муж приемной дочери Овидия; впоследствии был дважды обвинен в коррупции.

23. *Юноша Цезарь* — Германик.

IX. Грецину

Адресат письма, Помпоний Грецин (см. прим. к «Любовным элегиям», II, 10), был назначен с мая 16 г. консулом (в эпоху империи консулы назначались принцепсом). Следом за ним эту должность предстояло занять его брату Помпонию Флакку.

75. *Флакк* был в 15 г. командиром легиона в Мёзии, где взял город Тросмий на Дунае.

86. *Югер* — мера площади, равная 0,252 га.

107—110. *Сын* — Тиберий, *супруга* — Ливия, *внуки* — Германик и Друз.

127. *Вознесшийся бог* — обожествленный Август.

XIV. Тутикану

Адресат письма — второстепенный поэт, автор эпиллия «Феакида» о встрече Одиссея и Навсикаи.

31. *Пахарь-старик* — Гесиод.

38. *Скепсий* — философ Метродор Скептийский, состоявший на службе у понтийского царя Митридата Евпатора и нападками на Рим заслуживший кличку «Римоненавистника».

С. Ошеров

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА ЛЮБВИ

Перевод М. Гаспарова

ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ

Перевод М. Гаспарова

ФАСТЫ

Перевод Ф. Петровского

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга первая

Публий Овидий Назон.

О-31 Элегии и малые поэмы. Пер. с латин. Сост. и предисл. М. Гаспарова. Коммент. и ред. переводов М. Гаспарова и С. Ошерова. М., «Худож. лит.», 1973

528 с. «Б—ка античной литературы»

Настоящий том произведений римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э.— 17 или 18 г. н. э.) входит в «Библиотеку античной литературы». В том включены все важнейшие произведения поэта, кроме самого большого — «Метаморфозы». Ранний период творчества представлен «Любовными элегиями» и «Героидами» — посланиями мифических героинь к покинувшим их возлюбленным, заканчивается он поэмами «Наука любви» и «Лекарство от любви». Зрелый период представлен «Фастами» — календарем римских празднеств, излагающим связанный с каждым из них миф. В том входят также поздние стихи Овидия — знаменитые «Скорбные элегии» и «Послания с Понта», написанные опальным поэтом в пору его ссылки в далекое Причерноморье. Уникальная по своему влиянию на мировую литературу, сохранившая свое обаяние до наших дней, поэзия Овидия впервые издается на русском языке с такой полнотой.

$0 \frac{0744-176}{028(01)-73} 174\text{-}73$ А

Публий Овидий Назон

ЭЛЕГИИ И МАЛЫЕ ПОЭМЫ

Редактор Е. Маркович

Художественный редактор Ю. Коннов

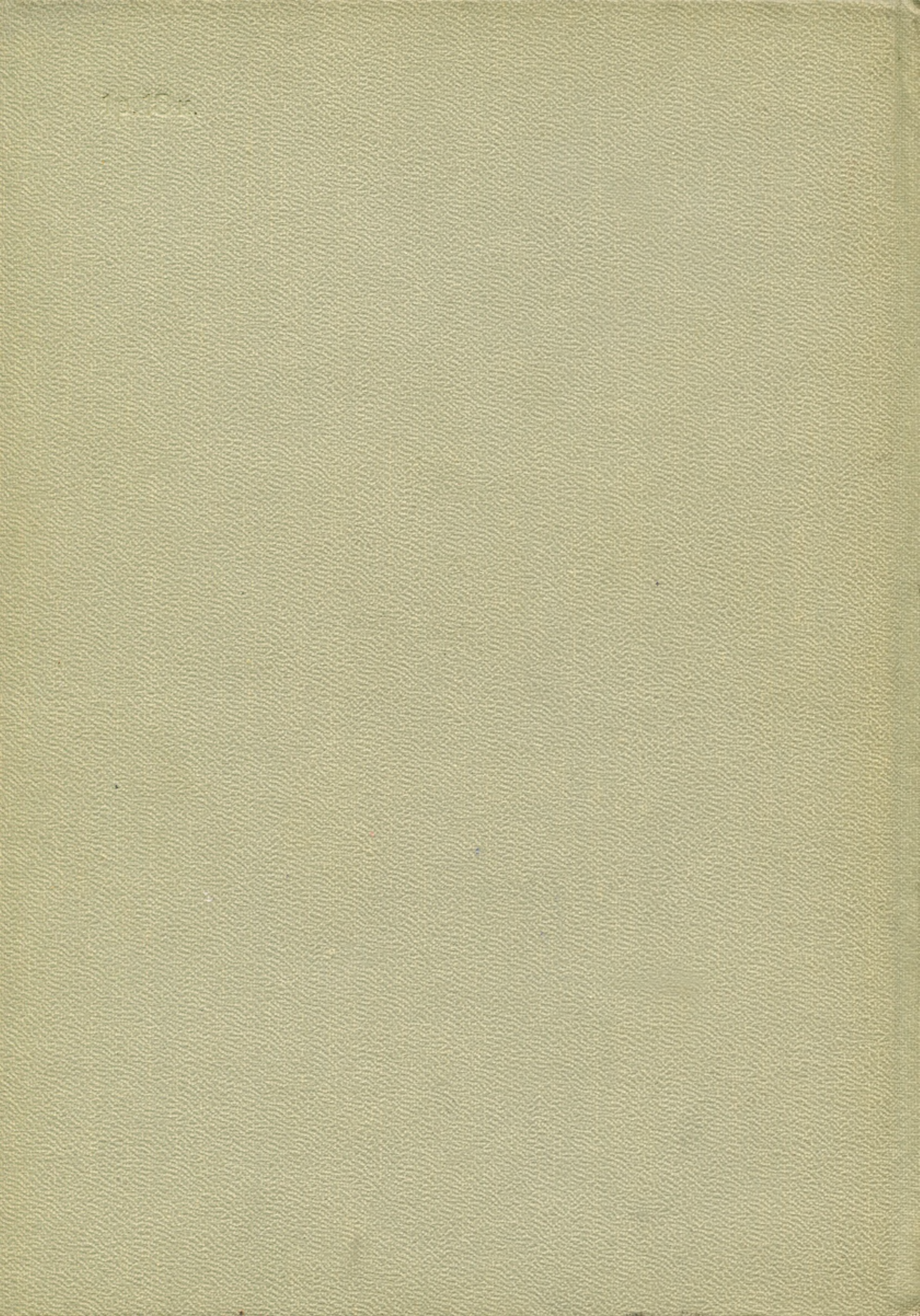
Технический редактор О. Ярославцева

Корректоры Г. Киселева и О. Наренкова

Сдано в набор 8/VI 1973 г. Подписано к печати 10/X 1973 г. Бумага типографская № 1. Формат 60×84 1/16. 33 печ. л. 30,79 усл. печ. л. 27,37 уч.-изд. л. Тираж 40 000. Заказ № 1109. Цена 1 р. 18 к.

Издательство «Художественная литература» Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Союзполиграфпром при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская ул., 26 с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова, Москва, М-54, Валовая, 28.

БИБЛИОТЕКА АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышли из печати:

ЭСХИЛ. Трагедии.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (сборник).

Готовится к печати:

АРИСТОФАН. Избранные комедии

